

1916—
1967

Почта Ильи Эренбурга

ПОЧТА
Ильи Эренбурга

Я слышу всё...

1916 — 1967

ПОЧТА Ильи Эренбурга

1916 – 1967

ПИСЬМА

Н. Акимова,	Ж. Кокто,	Я. Сейферта,
Н. Альтмана,	А. Коллонтай,	Л. Сейфуллиной,
Ж. Амаду,	П. Кончаловского,	И. Сельвинского,
Л. Арагона,	А. Коонен,	Ж. Сименона,
Н. Асеева,	А. Лану,	К. Симонова,
А. Ахматовой,	Ле Корбюзье,	Б. Слуцкого,
О. Берггольц,	В. Лидина,	Св. Сталиной,
Ж.-Р. Блока,	С. Лозовского,	А. Таирова,
С. де Бовуар,	Ю. Лотмана,	А. Твардовского,
И. Бродского,	И. Майского,	А. Толстого,
В. Брюсова,	А. Мальро,	Э. Триоле,
Н. Бухарина,	Н. Мандельштам,	Ю. Тувима,
Р. Вайяна,	П. Маркиша,	В. Фаворского,
Веркора,	Л. Мартынова,	А. Фадеева,
Ф. Вигдоровой,	С. Маршака,	Г. Фаста,
Вс. Вишневского,	А. Матисса,	К. Федина,
М. Волошина,	Вс. Мейерхольда,	Л. Фейхтвангера,
Е. Гинзбург,	П. Митурича,	Э. Хемингуэя,
Е. Гнедина,	С. Михозлса,	Н. Хикмета,
Ш. де Голля,	А. Моравиа,	А. Цветаевой,
Ф. Горенштейна,	В. Незвала,	М. Цветаевой,
В. Гроссмана,	В. Некрасова,	Б. Чичибабина,
С. Гудзенко,	Дж. Неру,	К. Чуковского,
Р. Гуттузо,	П. Неруды,	М. Шагала,
Ю. Домбровского,	Ю. Оксмана,	В. Шаламова,
А. Зегерс,	В. Пановой,	Е. Шварца,
Вс. Иванова,	Б. Пастернака,	В. Шкловского,
Я. Ивашкевича,	К. Паустовского,	Д. Шостаковича,
Д. Ибаррури,	П. Пикассо,	С. Эйзенштейна,
А. Игнатьева,	Е. Полонской,	Б. Эйхенбаума,
В. Инбер,	С. Прокофьева,	А. Эфрон,
В. Каверина,	Д. Риверы,	С. Юткевича,
Э. Казакевича,	Р. Роллана,	Р. Якобсона,
Р. Кармена,	Н. Саррот,	А. Яшина
Л. Кассиля,	Ж.-П. Сартра,	и других...
Г. Козинцева,	М. Сарьяна,	

ПОЧТА

**Ильи
Эренбурга**

Я слышу всё...

1916 - 1967

Издание подготовил Б. Я. Фрезинский

УДК 821.161.1(092)Эренбург И.Г.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8Эренбург И.Г.
Я11

Художник *В. Кортаева*

Информационный спонсор —
радиостанция «Эхо Москвы»

ISBN 5-7784-0331-3

9 785778 403314 >

© Издательство «Аграф», 2006
© Фрезинский Б.Я.,
составление, вступительная статья,
подготовка текста, комментарии,
именной указатель, 2006

Я слышу всё – и горестные шепоты,
И деловитый перечень обид...

Илья Эренбург

ЭХО ПРИЗНАНИЙ

Для Ильи Григорьевича Эренбурга (1891–1967) – поэта, прозаика, публициста, переводчика и общественного деятеля – писание писем никогда не было любимым занятием (разве что рабочей необходимостью), а вот получать и читать письма он несомненно любил – признания такого рода можно найти в его эпистолах той поры, когда он обходился без секретарей и позволял себе бывать вполне откровенным. Тем не менее оба потока писем – и полученных Эренбургом, и написанных им самим – исчисляются тысячами...

Том, который сейчас держит в руках читатель, продолжает двухтомное издание «Письма Ильи Эренбурга» (М., Аграф, 2004). Потому не будем повторяться и во всем, что касается специфики жизни Эренбурга, ее внешних и внутренних обстоятельств, а также характера его писем и отношений с их адресатами, отошлем читателей к вступительным статьям двухтомника. Здесь же ограничимся необходимыми сведениями лишь о самой почте Эренбурга и о том, как эта книга составлялась.

Третий том, включающий письма, адресованные Эренбургу, и два тома его собственных посланий объединяют оба массива почты Эренбурга: входящий и исходящий, как сказали бы канцеляристы. И оба эти массива печатаются врозь отнюдь не случайно: ведь их судьбы оказались существенно различными.

Весь личный архив Эренбурга был уничтожен им в Париже в 1940 г. Поэтому письма, адресованные ему до 1941 г.,

могли уцелеть лишь у тех немногочисленных авторов, которые тщательно сохраняли у себя копии всех собственных текстов, т.е. действительно пеклись о своих архивах. Что касается писем, написанных самим Эренбургом, то, разлетевшись по миру, они ему уже не подчинялись. В докомпьютерный век люди легко хранили *адресованные им* письма (чему мешали, скорее, внешние обстоятельства – войны или аресты), но копии своих *собственных* делали лишь в исключительных случаях. Поэтому, уничтожая эпистолярный архив, Эренбург обеспечил впечатляющий результат: в плотный двухтомник *его* писем вошло 850 посланий за 1908–1940 гг., а за то же время уцелевших текстов, адресованных *ему*, обнаружилось всего два-три десятка.

Совершенно иначе дело с почтой Эренбурга обстоит начиная с 1942 г.: практически все, что приходило к нему, сохранилось весьма полно. С другой стороны, известность и популярность писателя начиная с военных лет стали такими, что адресаты, даже в условиях фронта, подлинники его писем заботливо хранили (чего не сказать о довоенных письмополучателях). К тому же, все последующие годы у Эренбурга работали литературные секретари (не всегда, правда, аккуратные), в обязанности которых входило и ведение архива; многие ответы его на полученные письма они сочиняли сами, но всегда по его письменным указаниям с последующей его же правкой, и копии этих машинописных ответов, как правило, в доме Эренбурга сохранялись. Так что после смерти писателя основной костяк его писем в секретарских копиях благополучно перекочевал в РГАЛИ. Это, разумеется, не касалось того случая, когда Эренбург не прибегал к помощи секретаря и писал письма сам. Копии он, конечно, не делал, и поиск этих писем не столь удобен и прост. Итак, оба потока обширнейшей эренбургской почты складываются в «переписку» лишь с 1942 г.; а нынешние три тома избранной почты («его и ему») издаются поврозь.

*На борту и за бортом
(объективность возникающей картины)*

Эпистолярный архив писателя находится главным образом в РГАЛИ, значительная часть его переписки с художниками хранится в архиве ГМИИ им.Пушкина, часть архива Эренбурга сохранилась после его смерти у семьи писателя и в настоящее время находится у составителя, часть своего архива военного времени Эренбург передал в Центральный архив Советской Армии, часть почты, касающаяся сугубо еврейской темы, была в свое время передана дочерью писателя в израильский музей «Яд-Вашем» и на ее основе в 1993 г. в Иерусалиме издали книгу «Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943–1966» (несколько писем из нее включено в это издание).

Книгу «Почта Ильи Эренбурга» составляют избранные письма, адресованные писателю, фактически лишь начиная с 1942 г. (точнее: 20 писем за 1916–1939 гг., 4 письма за 1941 год и около 500 писем за 1942–1967 гг.). Это лишь малая часть того, что сохранилось в архивах.

За бортом этого издания остается основной свод военной почты Эренбурга (из многих тысяч писем, полученных им за годы Отечественной войны, сюда вошло лишь 130). Почти не представлена читательская почта и письма начинающих авторов (за малым исключением особых случаев). Фактически полностью (опять-таки за малым исключением) отсутствует в нем депутатская почта Эренбурга (а это тысячи писем). За бортом книги осталось немало писем, связанных и с другой «общественной» его работой – как по линии Всемирного Совета Мира (эта тема представлена очень выборочно письмами зарубежных деятелей, письмами, которые не касаются организационной и деловой стороны «движения сторонников мира»; целые блоки писем Ф.Жолио-Кюри, Дж.Бернала, А.Монтегю, И.Блум, Ж.Лаффита, Р.Неру, К.Зиллиакуса и др. остаются неопубликованными), так и по линии общества

«СССР–Франция» (не опубликованы письма А.Блюмеля, Э.Пети, А.Пьерара и др.) и т.п. Понятно, что не вошедшие в том блоки писем характеризуют в большей степени не столько саму личность Ильи Эренбурга, сколько политические и социальные проблемы его времени.

Почта, адресованная Эренбургу после его возвращения в СССР в 1940 г., – это письма известному и популярному писателю и общественному деятелю, человеку сложившейся судьбы, в которой бывали, конечно, периоды особых взлетов (скажем, годы войны или оттепели), но уже не бывало моментов, когда бы его жизнь утрачивала сложившуюся публичность.

Разумеется, вся читательская почта писателя отражает отношение пишущих к его «делам и дням» куда всесторонней, чем почта, помещенная в этом томе. Однако, скажем сразу: при его составлении не ставилась задача дать широкую статистически выверенную картину отношения к Эренбургу, например, деятелей культуры, не говоря уже о широкой читательской аудитории в СССР и за его рубежами. Речь шла о потоке адресованных Эренбургу посланий его друзей и доброжелателей, что же касается явных и неявных врагов и недоброжелателей (а их у Эренбурга всегда было немало), то они писем ему не писали.

Поскольку том писем формировался на основе личного архива Эренбурга, т.е. фактически из числа тех писем, которые Илья Григорьевич сохранил, следует сказать, что никакой специальной фильтрации писем в доме Эренбурга никогда не велось. Сохранялись письма независимо от их содержания и авторства. Так, например, в военной почте Эренбурга 1945 г. хранится немало писем, бранящих его за ослабление ярости в адрес немцев, когда война пошла на территории Германии¹. Письма сохранялись независимо от того, *кто* именно писал Эренбургу, и, тем более, от того, *как* складывались отношения Эренбурга с их авторами в дальнейшем. Случавшиеся время от времени размолвки (скажем, в 1940 г. с Б.Пастернаком, в 1953 г. –

с Е.Долматовским, в 1954 г. – с К.Симоновым, в середине 1950-х – с В.Гроссманом, в середине 1960-х – с Л.Мартыновым и т.д.) на сохранение архива не влияли. Сохранилась, например, даже телеграмма М.Шолохова 1956 года, отношения с которым публично и даже демонстративно были порваны в 1941 г. и нападки которого на Эренбурга стали общеизвестны. ...Конечно, и друзья друзьям – рознь; вот, скажем, письмо Н.Леже в условиях известной ей советской перлюстрации почты производит впечатление доноса; скорей всего, оно таково не по злему умыслу, а от невеликого ума автора. Письмо это включено в книгу.

Заметим, что фактически Эренбург, к которому запросто обращались сотни и тысячи людей, при внешней открытости и демократичности, оставался внутренне закрытым человеком – масса людей с ним общалась, у него было много верных друзей и еще больше поклонников, но, что называется, открывать душу – это было не для него: понастоящему близких его друзей можно перечесть по пальцам, и голоса их едва слышны в этой книге – они, как правило, писем ему не писали, общаясь лично и по телефону...

*Обрывки из эпохи катаклизмов
(некоторые о своих архивах по справедливости
открывают эту книгу)*

Сначала цифири, простые как мычание:

В этот том входит 606 писем и телеграмм², подписанных 332-мя авторами.

205 авторов представлены всего одним письмом или телеграммой, 127 авторов представлены большим количеством писем – от двух до двадцати. Однако не по этому обстоятельству следует судить о мере их близости к Эренбургу или удаленности от него – скажем, сохранилось всего одно письмо О.Г.Савича – самого его близкого друга, или одно письмо Г.М.Козинцева, которого Эренбург знал еще мальчиком.

Теперь – цифирь про географию: из 332-х авторов этой

книги около ста – зарубежные корреспонденты Эренбурга (половина их жила во Франции).

Наконец, последнее – о полноте публикаций: все сохранившиеся послания Эренбургу напечатаны в случае ста авторов, в случае двухсот – только часть.

В РГАЛИ в выделенной *авторской* почте Эренбурга (т.е. вне его многотысячной почты – военной, читательской и депутатской) хранятся письма всего 1300 корреспондентов. Понятно, насколько избранным является состав этого тома. Отбор шел по содержательности и значимости как писем, так и их авторов; конечно, наиболее ясным был отбор русской почты, что касается иностранной, которая еще не полностью переведена, то отбор этот не столь отчетлив.

Как уже было сказано, письма 1916–1939 гг. сохранились лишь в копиях авторов, и таких поклонников «архивного» дела оказалось совсем немного. Их можно перечислить. Валерий Брюсов, сохранивший рукописный черновик письма 1916 года. Максимилиан Волошин, у которого в 1917 году болела рука и он пользовался пишущей машинкой, а уж тут склонность к архиву сработала автоматически: приготовление машкопий не усложняло жизнь автора. Марина Цветаева сохранять черновики своих писем любила – так благополучно дошли до нас четыре наброска ее писем Эренбургу. Всеволод Мейерхольд одно свое письмо, рассорившись с Эренбургом, сразу же опубликовал, копия другого уцелела в его архиве, который после ареста режиссера спасли дети его жены и Сергей Эйзенштейн. Две машинописные копии писем Бухарина сохранились удивительным образом: одна – в архиве Сталина, другая (непостижимо!) – в редакции «Известий». Копия письма Эренбургу Ромена Роллана о романе «День второй» (1933) хранилась в его архиве и была разыскана для Ильи Григорьевича (он об утрате этого письма сокрушался) М.П.Роллан-Кудашевой. Кое-какие копии писем за 1930-е годы уцелели в архиве журнала «Знамя»...

Вот, собственно, и всё. Вот, собственно, и все – кому книга обязана своим разделом «1916–1939», объединяющим эпохи перманентных катаклизмов. В письмах – отдельные штрихи, пунктир этих эпох, обрывки биографий...

Бесполезно сокрушаться, что большинство авторов писем ни черновиков, ни копий своих посланий не сберегали. Известная строка Пастернака («Не надо заводить архива...»), смысл которой ему ставят в заслугу, как свидетельство несуетной скромности, не может не огорчать историков – без архивов нет исторической памяти (впрочем, в России ее нет и с архивами). Борис Леонидович, за редкими и уж очень важными для него исключениями (тоже не сбереженными), чужих писем не хранил, выбрасывал... Дело в нашем случае, конечно, не в Пастернаке, дело в Эренбурге – это он, привезя домой лишь самые любимые книги с автографами (даже тех, кого репрессировали), сжег все бумаги. Опасался оккупации Парижа немцами? Что ж, немцы обожали архивы и отовсюду вывозили их ящиками (как Тургеневскую библиотеку из Парижа). Возможно, однако, причина не только, и даже – не столько в немцах. Везти многолетний архив бурных лет в Москву, где никто не был застрахован от обысков и арестов, а уж Эренбург тем паче? И это после того, как большую часть его корреспондентов расстреляли? Помогать своим архивом НКВД перемалывать новых жертв и получать легкие награды за их «разоблачение»?..

И те, и другие лапы карательных органов, роющиеся в бумагах казненных или ожидающих казни друзей, – одинаково омерзительны...

Кто из полновесно проживших свой XX век не знает, что бывают такие моменты, когда меньше всего приходится думать о спасении домашних архивов...

*Я лично знал Иисуса...
(первое эхо)*

Почтовые архивы Эренбурга фактически начинаются с Отечественной войны, точнее после возвращения писателя в Москву из Куйбышева на рубеже 1941–1942 годов.

Славы Эренбурга времен войны, славы, можно сказать, международной (а в рядах Красной армии – совершенно беспрецедентной) – сегодня практически уже не представить. Чтобы составить о ней хоть какое-то представление, надо немало рыться в тогдашних письмах и документах (устные рассказы сегодняшних ветеранов не столь информативны – всё, кроме крови, в памяти не так отчетливо – подзабылось, перепуталось; сплошь и рядом говорят и думают готовыми клише...).

Людей, писавших Эренбургу за время Отечественной войны, не выстроить в один ряд: бойцы, офицеры, генералы и адмиралы, фронтовые советские и зарубежные корреспонденты, фронтовые же поэты, дипломаты, зарубежные деятели, эвакуированные москвичи, ленинградцы, киевляне, и, конечно, – друзья, коллеги по культуре, товарищи... Такие списки не придумаешь нарочно – слишком неправдоподобно: сержант Тришкин и маршал Рокоссовский, Анна Ахматова и будущий «автоматчик» Союза писателей Грибачев, не вернувшийся в Ленинград Шостакович и вернувшийся в строй из окружения Долматовский, генерал де Голль и боец-казах Асхар Лехеров, брошенный эвакуацией в Пермь Натан Альтман и Вс.Вишневский из блокадного Ленинграда, советские послы в Англии, Швеции и Мексике, Ю.Тувим из Нью-Йорка и Ж.Р.Блок, мучившийся в Казани, Таиров, с Камерным театром эвакуированный в Барнаул, и руководитель Еврейского театра Михоэлс по дороге из США, Эйзенштейн с Алма-Атинской киностудии и Вас.Гроссман из фронтовой поездки... Даже знаменитостей нелегко перечислить, где уж всех...

Полторы тысячи статей, написанных Эренбургом за

время войны, его радиовыступления и листовки, нужные как пули и воздух, заряжали армию страшным в своей необходимости лозунгом «Убей немца!» – иной задачи тогда не было. Так писать не мог никто, и, раскрывая газету, в ней первым делом искали Эренбурга. Таков фундамент не казенного, бесперебойного, почтово-железного потока, шедшего в Москву к писателю: одни погибали, тогда писали их товарищи (к концу войны мало кто из писавших в 1941–42-м остался в живых). И каждый получал короткий, как выстрел, ответ на машинке; некоторые успевали прочесть слова Эренбурга о себе в «Звездочке» или других газетах – центральных, фронтовых, армейских, дивизионных. Это было как орден.

Всего десяток писем отобран в эту книгу из многотысячного потока фронтовых приветов от совершенно незнакомых людей.

Люди писали разные, подчас неграмотные – они диктовали письма своим товарищам, те писали карандашом и посылали в Москву, без адреса. Все доходило. Изредка попадались письма от родственных душ, они находили силы написать в короткую передышку о литературе, искусстве – таковы мятые, запачканные тетрадные листки, убористо исписанные артиллеристом, а до войны актером А.Ф. Морозовым (его письма оборвались в начале 1944-го; они приводятся в книге, кажется, все), – он писал не только о том, как воюет сам и его бойцы, но и о том, каким мир должен стать после победы; картины будущего часто мучили его, он опасался: мало что у нас после войны изменится к лучшему, по крайней мере, в театре – эту жизнь он знал лучше всего. Как и многим другим, Эренбург слал Морозову на фронт свои книги; он считал, что статьи живут день-другой, а книжки статей устаревают, пока печатаются, иное дело стихи или роман. Морозов написал ему о томишке «Война»: «Я не знаю ничего, кроме собственного чувства к Родине, что было бы действеннее и пламеннее Вашей книги. Это не фельетоны, а сгустки крови...»

Слава Эренбурга – первого публициста войны, началась еще в 1941-м. Она быстро и устойчиво росла. Почитайте письма, что писались Эренбургу одним и тем же человеком – день ото дня они становились откровеннее, горячее; так пишут своим. Верили и слову, и сердцу Эренбурга. Редактор красноармейской газеты «Уничтожим врага», потерявший на войне единственного сына, писал: «Вам не надо узнавать, что у меня – Вы знаете – что у Вас. И этого достаточно. Ваше сердце слушает и говорит, и Вы никогда не заглушаете его барабанным боем».

В 1944-м Сталин распорядился дать Эренбургу орден (надо думать, НКВД докладывал о недоумении, которое вызывало у армии и тыла невнимание власти к самому популярному писателю войны). Когда Эренбурга наградили, он получил ворохи поздравлений. Писатель Р.Фраерман, автор «Дикой собаки Динго», написал: «Я хочу только передать Вам слова одного солдата. Было это под М.Ярославцем зимой 1941 г. перед сражением у деревни Рыжково, которую так трудно было в то время взять. Я работал тогда в армейской газете, и, встретив меня на позициях, он сказал мне:

– Вот – вы писатель. Если бы в этом бою я получил орден, я бы отдал его Эренбургу».

Об этом думали тогда многие. Спустя двадцать лет, когда на старого Эренбурга набросился не выбиравший выражений Хрущев, Александр Яшин, автор «Рычагов» и «Вологодской свадьбы», написал: «Сейчас хочу сказать Вам, напомнить Вам еще раз, чтоб Вы знали, что во время войны, на фронте (я был на Ленинградском и Сталинградском) Ваша работа, Ваши статьи имели для всех нас – от рядового до любого генерала – исключительное, чрезвычайное значение. Нам было легче от того, что Вы жили с нами и работали на всех нас. Не примите за наивность, но тогда я как политработник все время ждал, что Вас наградят званием Героя Советского Союза, – ждал этого сам и не раз говорил об этом с моряками, с которыми служил вместе. Вы и дважды и трижды достойны этого звания – так я и сейчас считаю».

Славе Эренбурга завидовали (некоторые – люто), но о ней же и размышляли. Приведем еще одно письмо (это 1944-й год) редактора «Уничтожим врага» (до войны он был ортодоксальным марксистским критиком, и после войны ему было несладко): «Вчера в гвардейской части на собрании читали Вашу статью. Я сказал несколько слов о Вас... Вас так любят и чтят, что иногда даже неловко становится отвечать на вопрос: "А вы видели когда-нибудь Эренбурга? Какой он из себя? Гордый? Простой?". Обычно отвечаешь: "видел его как-то", т.к. уже раза два в глазах людей заметил (плохо спрятанное) недоверие, когда сказал: "Знаком". Смешно про это так. Это похоже на то, что если б воскрес какой-нибудь Петр или Павел и сказал: "Я лично знал Иисуса и участвовал в небезызвестной трапезе, на той самой "тайной вечере"... Я уже говорил Вам как-то, что Вы давно окутаны мифологией (года два). Это первый (и, к сожалению, самый беспощадный!) признак почитания, которым Вы пользуетесь. Вы – конкретны, но конкретны как лозунг, как сказка. Плоть исчезает все более и более. Обидно, что люди "препарируют" хороших людей (с их жизнью, с их собакой, с их любимым вином и сыром), превращая их в святых. Но такова, очевидно, логика массового почитания. Вы вошли в сонм святых и этого не взлюбили братья-писатели (но по другим, мелким причинам). Где-то на завалинках, в колхозе идет безрукий бригадир Иванов – кавалер орденов "Славы" и мечтательно глядя на закат, говорит, закуривая козье ножку: помню, как читали мы перед атакой статью "товарища Эренбурга"... В этом – больше чем радость "знаменитости". В этом счастье самой жизни».

Начав цитировать документы военных лет, трудно остановиться. Когда-то казалось, что это будет помнить всегда, но что осталось от той памяти? Писатель Евгений Ланн, вся семья которого погибла от рук гитлеровцев, писал Эренбургу о его выступлении в московском Клубе писателей в 1943-м: «Вы – единственный среди наших круп-

ных писателей, кто понял острее, чем все остальные, необходимость в наши дни отрешиться от высокомерной уверенности, что еще одна хорошая “над схваткой” более ценна, чем трудная, очень трудная работа, какую Вы избрали. Для этого необходимы не только большое мужество в преодолении честолюбия, но и самоотречение и большая душа... Слушая Вас, я почувствовал, что из всех писателей нашего страшного времени Вы – один – будете вправе смотреть прямо в глаза нашим детям и внукам. Боюсь, что все остальные будут что-то лепетать о “праве художника” или о том, что должны, дескать, были заслониться от ужасов происходящего каким-нибудь щитом. Мне кажется, я имею право сказать Вам о своем восхищении Вами хотя бы потому, что сам принадлежу к числу тех, кто избрал именно такой заслон...»

Столь же недвусмысленные, хотя, конечно, не так прочувствованные, отклики шли из-за границы (всю войну Эренбург писал и для западных газет, и его имя было на Западе на слуху). Кинорежиссер Майльстоун сообщал, как понравилось Рахманинову «Падение Парижа», а Марк Шагал писал о том, что Эренбург стал действительно нужен России... Эрнест Хемингуэй, когда в 1946-м Эренбург приехал в Америку, написал ему с Кубы: «Я часто думал о тебе все эти годы после Испании и очень гордился той потрясающей работой, которую ты делал во время войны. Пожалуйста, приезжай, если можешь, и знай, как счастлив будет твой старый друг и товарищ увидеть тебя».

Эта неслыханная популярность Эренбурга, несомненно, внутренне раздражала Сталина (о чем ему только не докладывали!), и, получив донос на писателя от начальника Смерша, он продиктовал главе Агитпропа Александрову идею статьи «Товарищ Эренбург упрощает», после которой имя писателя враз исчезло с газетных полос...

Одни московские литераторы тут же надули щеки – мы же работали не меньше, но при этом ничего не упрощали! Другие – прежней дружбы с Эренбургом заопасались.

Теперь почта доставляла ему только письма и телеграммы фронтовиков – вот кто был куда смелее москвичей: дальше фронта не пошлют. Прочитав «Правду» со статьей Александрова, фронтовой поэт Семен Гудзенко написал Эренбургу: «Умирать в 1945 г. очень не хочется. Я и мои друзья просим Вас упрощать по-прежнему»... В этой книге читатель найдет не один прямодушный отклик фронтовиков на очевидную нормальным головам несправедливость.

В холодную войну. В оттепель
(второе эхо)

Война состарила Эренбурга, но военное время он всегда вспоминал с нежностью. Что говорить, было и не легко, и не просто, и работал Эренбург до изнеможения. Со временем ушли иллюзии, что Победа принесет всем справедливость и счастье. Сталин вернулся к жестким нападениям на писателей и деятелей культуры; расцвел государственный антисемитизм, поощряя в этой части местных чиновников и население. Сразу же после Сталинграда вновь расцвел культ вождя (увы, в воскрешении его Эренбург тоже принял участие – не так бесстыдно и топорно, как многие, но принял).

Уже очень скоро стали проглядывать очертания нового противостояния. Старавшиеся понять, как вовремя оказаться в струе, предчувствовали вызревающие перемены. Вс. Вишневский писал Эренбургу, вернувшемуся из поездки по США: «Думаю, что над страшной, трагической войной 1941–45 (и даже 1939–45) – Вы сумеете разглядеть, обозначить еще более реальную схватку. Мы с Вами были в американской зоне. Вы съездили к этим милым «бойс», которые жуют резинку и прикидывают кое-какие планы, – о которых Гитлер даже не додумывался».

Предстояли тяжкие годы. Довольно быстро недавние союзники сменили немцев в потоке советской идеологической баланды. Гражданам СССР, ценой бесчисленных

жертв победившим жесточайшего врага, давали понять, что передышки не будет и мира, видимо, тоже (его подменили «борьбой за мир»).

Если письма Эренбургу военных лет говорили о ненависти к врагу, о погибших товарищах и родных, о нетерпеливом ожидании победы, о том, как сражаются армия и тыл, о нелегком быте и тяготах эвакуации, о желании поскорее вернуться домой (горе и беды были общие), то в письмах 1946–1952 годов мы напрасно будем искать следы того, чем реально жила страна, следы грозного черного времени, ужас последних лет диктатора. Писем, попросту, старались не писать. А уж если приходилось, то писали о конкретных делах: литераторы о книгах, люди театра – о спектаклях; исключения – редкость.

Эренбургскую «Бурю» (1947) сегодня не принято считать литературой. Но, говоря о ней, нельзя забывать, чем «Буря» была для современников событий: в ней чувствовали не фальшивую человечность, кроме того, откуда еще было тогда узнать от очевидца о политической жизни предвоенной Европы и как, скажем, забыть первую в нашей прозе картину убийств в Бабьем яру... Поздравления, которые получил Эренбург (Сталин, вопреки предложению Фадеева, неожиданно дал «Буре» премию не второй, а первой степени), – искренние. Советская литература была такой, какой была, и порядочные читатели радовались лучшему в ней, радовались премиям Некрасову и Казакевичу, Эренбургу и Пановой, Маршаку и Лозинскому... В те черные годы Сталинская премия хоть на время гарантировала авторов от проработок.

Подборки поздравлений, включенные в этот том, поздравления с премиями «Падению Парижа» и «Буре», или с юбилеями (круглыми и полукруглыми) – тоже зеркало эпохи: какие имена, какие слова...

Кошмары истории повторяются, разумеется, не буквально, но только понимание прошлого, а отнюдь не пренебрежение к нему, – путь к тому, чтобы достойно пережить собственное время.

Авторитет Ильи Эренбурга в послевоенную пору – в целом, конечно, уступал военному времени, но в кругах интеллигенции он был почти так же высок. Эммануил Казакевич за первую свою повесть «Звезда» получил Сталинскую премию, а следующую – «Двое в степи» – раздолбали в пух и прах. Эренбург ее поддержал, и Казакевич написал ему искренне: «Я взволнован Вашим вниманием и горд Вашей оценкой моей второй вещи. Не много осталось на свете судей, чье мнение для меня так важно, как Ваше» (таких писем немало).

Чем люди жили в советских городах той нетелевизионной еще эпохи: читали журналы и газеты, перечитывали книги, ходили в театры и кино. На сцене, на экране, в новых книгах речь часто шла о современной жизни, а узнавали ее с трудом, хотя обсуждали охотно. В этом потоке вранья неказенное человеческое слово чувствовали сразу. Изгнанный из университета Б.М.Эйхенбаум писал Эренбургу в 1951-м году: «Я просто хочу поблагодарить Вас за Вашу статью “Писатель и жизнь”. В ней сказано так много нужного, важного, забытого, и сказано так хорошо, что она должна иметь значение. Она продиктована Вам историей: в ней есть дыхание и правды, и искусства, и нашей эпохи. Я с особенным вниманием читал то место, где Вы говорите, что “описанию страстей должны предшествовать страсти”. Недавно я много думал над этим – в связи с дневниками Толстого и его юностью. И думал в том же направлении. Это очень важно. Отсюда надо будет начинать восстановление нужного искусства. Такого, как “У стен Малапаги”, а не такого, как “Мусоргский”». Эйхенбаум понимал, в каком состоянии пребывает советское искусство, и надеялся, что подъем его из руин – неминуем.

В пустом и беспросветном 1951-м Эренбургу исполнилось 60. Было много приветствий, большей частью формальных. Речь, конечно, не идет о дифирамбах, которые публично пели одни бездари другим, но читать этот поток, не представляя реалий времени, сегодня непросто...

«После Маяковского я не знаю никого, кто бы сумел поставить звание литератора так высоко, сообщив ему одновременно и достоинство независимости и гражданскую весомость, – писал едва ли не опальный Асеев. – Вы – один из очень немногих писателей, заставивших слушать себя весь мир». Последняя фраза относилась, конечно, лишь ко времени войны, когда мир и вправду слушал Эренбурга, но в 1951-м мир был расколот, и советскую литературу читали лишь в зонах влияния подконтрольных Сталину компартий. Борис Пастернак, которого теперь наивно представляют в последние сталинские годы писателем из подполья, выражался более витиевато, но о том же: «Большая радость, когда человеческий и гражданский долги, всё естественное и высокое объединяются в таком благородном и талантливом выражении». Бывший соратник и Асеева, и Пастернака Виктор Шкловский с всегдашней пылкостью обращался к юбиляру: «Приветствую человека, который продолжил дело Герцена, дело любви к будущему человечеству, дело веры в будущее мира... Я не желаю Вам счастья, не желаю Вам долголетия, потому что писателю надо желать бессмертья и победы»...

А Эренбург уже подумывал сесть за махину «Девятого вала», которого потом стыдился...

Последние месяцы сталинской диктатуры (никто еще не знал, что они последние) были самыми тяжкими. Лидин старался письмом развеселить Эренбурга в день рождения, Натан Альтман прислал телеграмму, Фадеев в больнице анализировал «Девятый вал» и вскоре отправил автору длинное хвалебное письмо. Среди этих немногочисленных предмартовских писем выделим одно – написанное 28 января 1953 г. генералом А.А.Игнатьевым: «Я был бесконечно счастлив принять участие, правда, только как зритель, в Вашем вчерашнем торжестве. Я вырезал, как образец современной политической речи, Ваши проникновенные слова. Тут ни парижского "bravo!", ни московских рукоплесканий недостаточно, и хочется запечатлеть чувст-

ва восхищения старого друга еще 1-й Мировой войны, хотя бы сиим скромно написанным словом! – лучше Вас не подумаешь, лучше и не скажешь. Живите же и нас “молодых” переживайте, работайте по установленному Вами для себя правилу – неустанно на пользу человечества. Это не громкие, а искренние слова Вашего глубоко Вас уважающего Алексея Игнатьева».

Письмо не осознать без комментариев. 27 января, в день рождения Эренбурга, в Кремле ему вручили Международную Сталинскую премию «За укрепление мира между народами». Премия эта, по замыслу ее основателя, должна была камуфлировать кампанию животного антисемитизма в СССР, сопровождавшую дело кремлевских врачей – «убийц в белых халатах». В мемуарах «Люди, годы, жизнь» Эренбург рассказал, как от него добивались, чтоб в кремлевской речи он гневно осудил «врачей-убийц», от чего он наотрез отказался, а вместо того упомянул про «ночи тюрем» и мужество арестованных борцов (в газетах эти слова откорректировали). А.А.Игнатьев, как вспоминала присутствовавшая на той церемонии Л.Б.Либединская, призывал в фойе не верить тогдашним обвинениям С.М.Михоэлса в шпионаже. Профессионально взвешенную речь Эренбурга, прозвучавшую в гробовой тишине, Игнатьев не мог не оценить высоко, как не мог не заметить и газетной ее правки – вот что стоит за его письмом.

История с важнейшим обращением Эренбурга к Сталину (3 февраля 1953) подробно обсуждается во втором томе писем Ильи Григорьевича; здесь, минуя февраль и 5 марта, перейдем к письму, отправленному Эренбургу 8 марта из Чили двумя его друзьями – Пабло Нерудой и Жоржи Амаду: «Илья, в связи со смертью Великого Капитана выражаем тебе соболезнование и хотим сказать, что мы с тобой всегда (в любой час или во все часы). Пабло, Жоржи». Авторы этого письма давно уже знали, что может случиться в Советском Союзе и, все еще не представляя себе своей жизни вне международного коммунистиче-

ского движения, вели себя взвешенно, но не раболепно, и этим письмом дали понять своему московскому другу, что если с ним что-либо случится – постараются помочь. По счастью, новые времена начались скоро и вопрос о жизни и смерти для писателей уже не возникал.

О том, что пришла «оттепель», Эренбург понял раньше многих и, поняв, написал новую книгу. Времена изменились, но сделать перемены необратимой реальностью могло лишь само общество, и ему надо было усиленно помогать – процесс шел со скрипом.

Новая повесть Эренбурга родилась от ее названия: «Оттепель». И правда, название весомее и значительнее повести, более того – в определенном смысле повесть – это *одно* название; оно уже давно живет отдельно, общепринято и общеупотребительно, как позже жили «перестройка» и «гласность». Хрущев и особенно его аппарат словом «оттепель» были идеологически недовольны. Редакторы газет и журналов это почувствовали сразу: так возникла односторонняя критика повести. У «Оттепели» были, конечно, злобные «идейные» противники, но были и те, кто значение работы Эренбурга не осознал, поддавшись нехитрой критике ее художественных слабостей. Подобно Долматовскому, считавшему стихи Коржавина слабыми, а потому их автора не достойным Литинститута, К.Симонов счел повесть Эренбурга неосновательной, серьезно уступающей его послевоенным толстенным романам. Полемика Симонова и Эренбурга на страницах Литгазеты вызвала в стране немало откликов, но Литгазета отклики читателей фильтровала; в почте Эренбурга они были иными – и те давние суждения о статье Симонова современный читатель найдет в этой книге.

Оттаивание общества после длительной стужи было трудным, но заметным; видно его и по тому, как росла почта Эренбурга и как менялись сами письма к нему.

Среди корреспондентов Эренбурга не сразу, но появлялись реабилитированные – те, кто уцелел в тюрьмах и

ссылках, и те, кто жил, укрываясь от больших дорог: вдовы Мандельштама и Маркиша, сестра и дочь Цветаевой, литераторы Юрий Домбровский, Варлам Шаламов, Александр Гладков, Евгения Гинзбург, Борис Чичибабин, литературовед Ю.Г.Оксман, журналист Е.А.Гнедин, дипломат И.М.Майский, вдова Н.И.Бухарина, друга юности Эренбурга. Более интенсивной стала и переписка с иностранцами.

Процесс «оттепели» оказался не ровным, со сбоями и заморозками. Весной 1956 года прошел XX съезд, разоблачивший некоторые преступления Сталина, но осенью подавили венгерское восстание, которое перепугало Кремль, и это вызвало угрозу срыва десталинизации в СССР. Эренбург, не принявший венгерского восстания (в нем проявились слишком неоднородные силы), опасался, что изоляция СССР после взятия Будапешта советскими войсками сорвет оттепель. Он все делал, чтобы многообразные и еще не крепкие связи с Европой не сорвались, в том числе из-за радикальности левых на Западе. Об этом его переписка с писателями К.Руа, Р.Вайяном, Веркором, д'Астье и другими. Клод Руа писал Эренбургу в декабре 1956 года: «Ласточка не делает весны, но две ласточки, это, может быть, уже что-то. Я желаю, чтобы появление в Москве Ива <Монтапа> и Симоны <Синьоре>, которые вручат Вам это письмо, означало бы начало весны... А в данный момент мы – в самой тьме зимней ночи. Все эти ужасные недели мы не переставали думать о Вас. Мы знали, что все удары, которые обрушились на нас при чтении новостей, были для Вас не менее болезненными, чем для нас».

Внутрисоюзная читательская почта регистрировала отклики на новое качество литературной работы Эренбурга: он понял, что не все удастся сказать в лоб и обратился к более тонкому оружию: эзоповой речи. Его эссеистика 1956–1959 годов, его новые стихи читались интеллигенцией почти как зашифрованные прокламации. Отклики

заполняли почтовый ящик: «Я написала Вам все это просто потому, что не могла не написать. Извините меня, если это неинтересно. Я не надеюсь получить от Вас ответ, потому что я ведь Вас ни о чем не спрашиваю. Вы мне уже на все ответили в своей прекрасной статье. Я очень признательна Вам за Вашу страстную любовь к искусству и за то, что Вы, один из немногих, умеете находить слова правды, произнося эти слова вслух, и не прибегая к той двуличности, которая для нас всех – современных советских обывателей-интеллигентов – стала второй натурой. Я думаю, что Ваша статья “Уроки Стендаля” вернется к Вам не одним десятком благодарных писем». Это письмо Эренбурга взволновало, еще больше – подпись под ним: Светлана Сталина.

О новой роли Эренбурга в СССР писал ему и давний знакомый Е.А.Гнедин, освобожденный из длительных лагерей, куда попал еще в 1939-м: «Фактом является, что Вы сейчас единственный, кто считает возможным сказать главное о том, что стало действительно главным: о человеческой личности в советском обществе, о путях ее развития в свете прошлого опыта и больших надежд на будущее. Значение этой проблемы станет еще яснее и, может быть, грознее, именно в результате наших бесспорных материальных успехов». Бесспорных материальных успехов, как мы знаем, не случилось, а вот проблемы человеческой личности в России актуальны и поныне...

Всё подталкивало Эренбурга к новой большой работе, и вскоре его почта, почти вся, оказалась связанной именно с нею.

Люди, годы, жизнь (третье эхо)

В непростых накатах и откатах хрущевской эпохи не легко было выбрать момент, когда можно было бы с надеждой на успех предложить обществу мемуары о многом из пережитого – с разговором о массе практически запрет-

ных тем, имен, событий. Кто теперь вспомнит, чего только не запрещалось в сталинское время, как трудно шли разрешительные процессы после смерти отца народов. Хрущев ограничился реабилитацией большевиков-сталинцев и деятелей культуры, сердцем принявших Октябрьскую революцию (самые громкие тогда имена: Мейерхольд, Бабель, Маркиш, Кольцов, Б.Ясенский...). Одновременно стали издавать Есенина, Ильфа и Петрова; вышли книги Бунина, Олеси – но это уже с оговорками... В мемуарах «Люди, годы, жизнь» не знающая прошлого молодежь впервые прочла про Бальмонта, Волошина, Савинкова, Цветаеву, Мандельштама, Ремизова, Белого, Таирова, Фалька... Не говоря уже о запретных или полузапретных западных именах: Пикассо, Модильяни, Леже, Ривера, Паскин, Матисс, Аполлинер, Жакоб, Деснос, А.Жид, Й.Рот, Толлер, Мачадо... Не будем продолжать, сегодня это вызывает лишь улыбку сочувствия к шестидесятникам.

Мемуары Эренбурга печатались в «Новом мире» Твардовского в 1960–1965 годах. Ряд глав еще до публикации автор давал прочесть тем, кто мог исправить возможные ошибки его памяти, в старости не безупречной; иной раз письма с поправками приходили сами собой. Пометы на рукописи Савича и Слуцкого, письма Инбер и Талова, А.Эфрон и Лундберга, Раскольниковой-Канивез и Добровольского, Эйснера и Батова, Т.Литвиновой и Шостаковича – уточняли текст.

Нельзя сказать, чтобы Твардовский был в восторге от книги «Люди, годы, жизнь» (Эренбурга он вообще, скорее, не любил – слишком многое их разделяло), но успех мемуаров поднял и тираж журнала, и его престиж. В одном, наиболее комплиментарном, пожалуй, письме Эренбургу Твардовский написал о «Люди, годы, жизнь» так: «Книга очевиднейшим образом вырастает в своем идейном и художественном значении. Могут сказать, что угол зрения повествователя не всегда совпадает с иными, может быть более точными, углами (они, эти «углы», тем более пра-

вильны, чем дальше остаются вне применения), что сектор обзора у автора сужен особым пристрастием к судьбам искусства и людей искусства, – мало ли что могут сказать. Но этой Вашей книге, может быть, суждена куда большая долговечность, чем иным “эпохальным полотнам” “чисто художественного жанра”. Первый признак настоящей большой книги – читательское ощущение необходимости появления ее на свет божий. Эту книгу Вы не могли не написать, а если бы не написали, то поступили бы плохо. Вот что главное и решающее. Это книга долга, книга совести, мужественного осознания своих заблуждений, готовности поступиться литературным престижем (порой, кажется, даже с излишком) ради более дорогих вещей на свете. Словом, покамест, Вы единственный из Вашего поколения писатель, переступивший некую запретную грань (в сущности, никто этого “запрета” не накладывал, но наша лень и трусость перед самими собой так любят ссылаться на эти “запреты”). При всех возможных, мыслимых и реальных изъянах Вашей повести прожитых лет, Вам удалось сделать то, чего и пробовать не посмели другие».

Это, конечно, длинная цитата, но она стоит того, чтобы здесь стоять.

Всем ли всё понравилось в мемуарах Эренбурга? – нет, конечно, так и не бывает, замечания нашлись не у одного Твардовского. Одни ругали автора за то, что он многое не умалчивает, другие – за то, что о слишком многом говорит. Читатели даже одного жизненного опыта (но разных человеческих достоинств) – высказывались о мемуарах Эренбурга несовпадающе – скажем, Шаламов и Солженицын.

С одной стороны, «Люди, годы, жизнь» – книга своего времени, и целью автора было повлиять на современников, просветить их, сделать лучше. С другой стороны, она книга – на все времена, поэтому сегодня ее читают и те, у кого с просвещением нет проблем. Конечно, без уступок цензуре дело бы не двинулось, ведь только в 1990-м удалось

напечатать полный текст «Люди, годы, жизнь». Как всякая подцензурная книга, мемуары Эренбурга – плод компромиссов (замечу, что он был мастером многоплановой борьбы с цензурой и не раз добивался от нее своего).

В потоке откликов на свои мемуары Эренбурга интересовало не только то, как принимают его работу читатели старших поколений, но и мнение мало что знающей молодежи. Писем читательской молодежи нет в этом томе, но как раз значение и роль мемуаров Эренбурга в воспитании поколения шестидесятников сегодня широко осмыслено. Из писем же автору читателей старших поколений приведем несколько выдержек.

Елизавета Полонская (4 сентября 1960): «То, что ты написал, очень меня взволновало. Ты сумел так рассказать о тех днях и годах, что мне стало радостно и весело. Много не знала я, о многом догадывалась. Но теперь, через много лет, я почувствовала гордость за нашу юность. Только теперь мне стало отчетливо ясно, как мы прорывались и так дороги стали ошибки, и любовь, и колебания. Ты написал прекрасно, искренне, чисто».

Юлиан Оксман (9 марта 1961): «В больницу принесли мне вторую книжку «Нового мира». Ваши страницы о Мейерхольде поразительны по художественной смелости решенный показа его живого и исторического образа во всей его диалектике. Менее Вам удался Пастернак – по причинам, впрочем, может быть, от Вас и не всегда зависевшим».

Мафизетта Шагинян (14 сентября 1961): «Книга Ваша великолепна (я успела прочесть только первую часть), это самое зрелое и самое человеческое, что Вы написали после Хулио Хуренито».

Роман Кармен (20 октября 1961): «Читаю “Люди, годы, жизнь”. Читаю и перечитываю эту гениальную исповедь сердца. Так написать может только Эренбург! Нельзя без спазмы в горле читать главы о Тувиме, Бабеле...»

Софья Прегель (28 ноября 1961): «Лучше и правдивее Вас никто бы о Тувиме сказать не мог!»...

8 марта 1963 г. с нападками на мемуары Эренбурга сталинисты подзудили выступить в Кремле первое лицо страны. Стояла, однако, поздняя оттепель, и с Хрущевым согласились не все, не все даже помалкивали. Спорить вслух с властью еще было опасно, но не таить несогласия – уже решались. Вот что открыто написали Эренбургу в ответ на брань Хрущева три женщины, пережившие оскал сталинского времени.

Алиса Коонен:

«Шлю Вам свои самые добрые, самые нежные чувства и горячо желаю (как и все Ваши друзья, конечно), чтобы Вы поменьше обращали внимания на злые силы, которые неизбежно топчутся на пути каждого большого художника, и берегли бы свое здоровье и силы! Они Вам очень нужны для больших дел, не стоит их тратить на маленькие».

Надежда Мандельштам:

«Я много думаю о тебе (когда думают друзья, то у того, о ком думают, ничего не болит) и вот что я окончательно поняла. С точки зрения мелко-жизнейской плохо быть эпицентром землетрясения. Но в каком-то другом смысле это очень важно и нужно. Ты знаешь, что есть тенденция обвинять тебя в том, что ты не повернул реки, не изменил течение светил, не переломил луны и не накормил нас лунными коврижками. Иначе говоря, от тебя хотели, чтобы ты сделал невозможное, и сердились, что ты делал возможное. Теперь, после последних событий, видно, как ты много делал и делаешь для смягчения нравов, как велика твоя роль в нашей жизни и как мы должны быть тебе благодарны. Это сейчас понимают все. И я рада сказать тебе это и пожать тебе руку. Целую тебя крепко, хочу, чтобы ты был силен, как всегда».

Ариадна Эфрон:

«Трудно писать Вам, всё знающему загодя и без слов, знающему и то, сколько людей сейчас с Вами и за Вас. Вот и не пытаюсь что-то “выразить”, а просто говорю Вам спасибо за всё, сказанное Вами, сделанное Вами, написанное

Вами, за воскрешение и воскрешенных Вами. Спасибо Вам за Людей, за Годы, за Жизнь. За доброту, бесстрашие, целестремленность, мудрость и талант, с которыми Вы боролись за то, чтобы люди стали Людьми, а жизнь – Жизнью. И дай Бог за это сил и здоровья, а остальное приложится».

*Жизнь писателя, отраженная эхом писем,
не сводится к одной литературе*

Не вся жизнь Эренбурга встает со страниц этой книги. Его заботы о делах и людях, выставках Пикассо и Сарьяна, о музеях Чехова и Дурова, о доме Цветаевой в Тарусе, об издании ее стихов, о книгах Мандельштама и погибших молодых поэтах, о серьезном Слуцком и непутевом Коржавине, попытки пробить в СССР переводы Камю и Хемингуэя, заботы о салате витлуф, который он выращивал у себя на огороде и тщетно пытался через Хрущева предложить колхозам и совхозам, его нескончаемые поездки на Запад и Восток и его ежедневные контакты с широкой публикой – все это есть в переписке Эренбурга, хотя и не все собралось под крышей этого тома. Не говорю уже о любимых им женщинах – о тех, что помнили его всю жизнь и лишь не хотели ему досаждать, и о тех, без кого он не мог считать себя счастливым.

Строчки его стихов, поставленные эпиграфом к этой вступительной статье, – точные: Эренбург, и правда, слышал всё. Одинаково уважительно говорил он с бойцами и с маршалами, одинаково серьезно читал жалобы деревенских старух и ответы столичных чиновников, письма советских заключенных и зарубежных сенаторов, думал над вопросами студентов и академиков.

В книге, возможно, получилось немало комплиментарного (помимо воли составителя), но комплиментарность эта – естественная в письмах старому, уважаемому писате-

лю, и она не «замыливала» ему глаз, она лишь поддерживала Эренбурга в нередки тягостных обстоятельствах жизни и давала ему силы в них выстоять.

Жизнь Ильи Эренбурга никогда не сводилась только к литературе, поэтому-то, скажем, его любовь к Стендалю, считавшему, что описанию страстей должны предшествовать страсти, была глубоко прочувствованной. И все же, завершая вступление к этой книге писем, хочется привести здесь текст телеграммы, в которой речь идет как раз только о литературе. Телеграмма давно разыскана, опубликована, и с тех пор ее охотно цитируют: привлекает не столько даже имя автора, сколько выверенность каждого слова, точность формулы. 26 января 1961 года, когда Эренбургу стукнуло 70, Анна Андреевна Ахматова (она была чуть старше его) прислала юбиляру такое поздравление: «СТРОГОГО МЫСЛИТЕЛЯ ЗОРКОГО БЫТОПИСАТЕЛЯ ВСЕГДА ПОЭТА ПОЗДРАВЛЯЕТ СЕГОДНЯШНИМ ДНЕМ ЕГО СОВРЕМЕННОЦА = АННА АХМАТОВА».

Формулой про «всегда поэта» закончим разговор о его почте, давая возможность к чтению этой избранной почты приступить.

Борис Фрезинский

¹ Отметим и резкое коллективное письмо в адрес Эренбурга в 1948 г., опубликованное в книге «Еврейский Антифашистский комитет. 1941–1948» (М., 1996) – однако это единственное письмо, напечатанное в книге без ссылки на источник, так что местонахождение материалов этого рода неизвестно.

² 15 писем и телеграмм включены в книгу дополнительно, когда она уже была подготовлена к печати, поэтому их номера снабжены буквенными индексами.

Для удобства читателей комментарии к каждому письму располагаются сразу после текста писем. Справки о встречающихся в письмах именах приводятся при их первом упоминании и могут быть легко отысканы по Именному указателю, в котором ссылки даны на номера писем.

В комментариях используются следующие обозначения:

П1 – *Илья Эренбург*. Дай оглянуться. Письма 1908–1930. М.: Аграф, 2004.

П2 – *Илья Эренбург*. На цоколе истории. Письма 1931–1967. М.: Аграф, 2004.

ФЭ – РГАЛИ. Ф.1204 (И.Г.Эренбурга). Оп. 2.

ЭВ – *В.Попов*. Эренбург на войне. СПб., 2001.

ДП – Диалог писателей.

КдВ – *И.Эренбург*. Книга для взрослых.

ЛГЖ – *И.Эренбург*. Люди, годы, жизнь.

ЛГЖ 1-3 (1990) – *И.Эренбург*. Люди, годы, жизнь. В 3-х т. М., 1990.

ЕАК – Еврейский Антифашистский комитет.

СС-8 (1991–2000) – *И.Эренбург*. Собрание сочинений в 8-ми т. М., 1991–2000; указываются номера томов и страниц.

ЛГ – Литературная газета.

НМ – Журнал «Новый мир».

ИЛ – Журнал «Иностранная литература».

1916

1. В.Я.Брюсов

5(18) июля 1916

На берегу Клязьмы¹

<в Париж>

Дорогой поэт!

Уже более трех лет (кажется) я не участвую в редакции «Русской Мысли» и вообще никакого литературного журнала². Иначе, конечно, много раз, за эти годы, просил бы у Вас стихов. Не обращайтесь внимания, что я не пишу Вам писем, – не благодарю, напр<имер>, за присылаемые книги³, за кои всегда очень признателен. Как где-то говорит Пушкин: «любить Вас у меня есть время, писать к Вам – навряд»⁴. А я искренне люблю Вас, т.е. как поэта, ибо как человека не знаю.

Это, однако, не означает, что я люблю Ваши стихи. Напротив. Говорю так откровенно потому самому, что люблю в Вас поэта и не хочу оскорблять Вас условными вежливостями. Недавно я написал то, что думаю об Вас, сделал из этого рецензию (причем, разумеется, многим пришлось пожертвовать, оставить только мнения без доказательств, но, как я доказываю свои мысли, ведь Вы угадаете) и послал эту рецензию в «Рус<кие> Ведомости». К сожалению, я сижу безвыездно в деревне; поэтому судьбы моей рецензии не знаю. Думаю, что она будет помещена в газете завтра, в № от 6/19 июля⁵. Тогда пошлю ее Вам и хочу верить, что мои попреки будут Вам приятнее иных похвал: сужу по себе.

Мой вывод – тот, который применим ко всем «избранным», т.е. людям, предназначенным к поэзии: «Работайте!». Без работы не бывает Пушкиных, Гете, даже Верлэпов (ибо первую половину жизни будущий Pauvre Lelian⁶ работал много, очень много), а ведь ниже Верлэна Вы быть не захотите, да и не стоит. Не соблазнят же Вас лав-

ры какого-нибудь prince de poètes вроде Поль Фора!⁷

Работайте! Вы можете достичь, хотя еще ничего не достигли. Впрочем, последнее – неправда, т.е. правда для других, не для Вас. Я-то (как и Вы сами) знаю, чего Вы достигли (и это уже не мало!), но другие еще это из Ваших стихов не могут почувствовать. Работайте и учитесь. И – личная просьба, не пренебрегайте музыкой стиха. Вы на футуристов не смотрите: они правее (более правы), когда пишут у-е-ы, чем когда рубят тупым топором все ритмы. Вся сущность поэзии – в сочетании звуков и ни в чем более. «Идея», «содержание», «чувство» etc – все вздор, все для публики, для Музы одно: «звуки сладкие», которые суть «молитвы». Вы скажете, пожал плечами, что я сообщаю Вам элементарности, как младенцу. Нет! Я передаю Вам здесь эзотерическую тайну, немногим ведомую и еще меньшим числом понятую (Бальмонт⁸, напр<имер>, и знает, да не понимает). Если мне сейчас и не верите, все же слова мои запомните: когда-нибудь смысл их Вам откроется. Говорю так смело потому, что слова – не мои: они передаются в изустном предании от поэтов Атлантиды, через поэтов Египта, Греции, Рима, через Данте, Шекспира, Гете, Пушкина до наших дней. Поэзия есть искусство звуков, а не слов и, уж конечно, не понятий. А потом обнимаю Вас через тысячи верст и применяю к Вам, что Вячеслав Иванов писал мне:

«Тебе в Иакхе⁹ целованье
И в Дионисе мой привет»¹⁰.

Дружески Ваш Валерий Брюсов.

Впервые – «Валерий Брюсов и его корреспонденты». Кн. 2. Литературное наследство. Т. 98. М., 1994. С. 531. Публикация Б.Я.Фрезинского. Черновик письма – РГБ ОР. Ф.386. №73. Ед.хр.19. С поэтом Валерием Яковлевичем Брюсовым (1873–1924) ИЭ состоял в переписке с 1910 г.; 10 писем ИЭ к Брюсову вошли в П1; их личная встреча состоялась в Москве летом 1917 г. Брюсову посвящена 2-я глава 2-й книги ЛГЖ.

¹ Лето 1916 г. Брюсов провел в деревне Бурково возле станции Болшево.

² Литературным отделом «Русской мысли» Брюсов заведовал до конца 1912 г.

³ ИЭ посылал Брюсову все книги своих стихов и переводов за исключением запрещенного для ввоза в Россию сборника «Будни» (1913); в архиве Брюсова сохранилось шесть сборников ИЭ.

⁴ Перефразированная цитата из письма Пушкина А.А.Шишкову (август-ноябрь 1823 г.).

⁵ Рецензия Брюсова на книги ИЭ 1916 г.: «Стихи о канунах», литографированную «Повесть о жизни некой Наденьки и о вещих знамениях, явленных ей», сборник переводов Ф.Вийона и литографированный перевод баллады Ж.де Безье «О трех рыцарях и о рубахе» напечатана в №155 «Русских Ведомостей» за 6 июля 1916.

⁶ Бедный Лелиан (*франц.*) – так звали Поля Верлена в старости.

⁷ Французский поэт Поль Фор (1872–1960) был в 1912 г. провозглашен «принцем поэтов».

⁸ Поэту Константину Дмитриевичу Бальмонту (1867–1942) посвящена 15-я глава 1-й книги ЛГЖ.

⁹ Иакх – одно из наименований Диониса.

¹⁰ Строки из второго стихотворения цикла «Современники», обращенного к Брюсову (1903 или 1904).

1917

2. М.А.Волошин

<Из Коктебеля в Москву,> 13(26) августа 1917

Дорогой Илья Григорьевич,

долгое время я ничего и ни от кого не мог о тебе узнать и вот сразу стали приходиться о тебе вести с разных сторон: художник Ракитский¹ сообщил, что ты вернулся через Германию, молодой Проппер² – что ты назначаешься правительственным комиссаром в какую-то армию, Марина

Цветаева, что она с тобой познакомилась и сейчас же поругалась³. Изю всего этого я убедился, что ты действительно в России и все обстоит нормально. Но так как из всего мне сообщенного я все же не поверил ни одному слову, кроме того, что ты приехал и существуешь, то очень прошу тебя откликнуться и напиши мне о себе.

Не сердись на меня, что я не ответил на твое письмо прошлым летом: у меня был паралич письмаписания и больше это ничего не значило. Очень хотелось бы посмотреть на что ты похож вне Монпарнаса. Хотя теперь в сущности вся Россия перенасыщена той же влагой безумия и исступления, так что тебе где угодно можно «пасти стада угрюмых привидений». Российский Бэдлам безусловно нуждается в опытном дирижере и церемониймейстере. Не знаю, когда еще доведется увидеть тебя лично, потому что меня на днях призывают опять на военную службу, а если и не забреют, то все же едва ли этой зимой удастся куда-нибудь выбраться из Коктебеля, как по здоровью моей матери, так, может быть, и по невозможности железно-дорожных передвижений.

Что с Маревной⁴, где она? Я не могу ни от кого добыть сведений о ее судьбе. Не попадешь ли ты осенью в Крым? Очень хочется повидаться с тобой.

До свиданья, крепко целую тебя. Привет Изабелле Григорьевне⁵.

Не удивляйся, что пишу тебе на машинке: правая рука отказывается служить и очень утомляется от писания.

Мах.

Впервые – Звезда, 1996, №2. С.191. Публикация Б.Я.Фрезинского. Авторская машинописная копия – Дом-музей Волошина (Коктебель). Сообщено В.П.Купченко. С поэтом, критиком и художником Максимилианом Александровичем Волошиным (1877–1932) ИЭ познакомился в Париже осенью 1911 г. Волошину посвящена 19-я глава 1-й книги ЛГЖ; письма ИЭ Волошину – см. П1.

¹ Ракитский (Ракицкий) Иван Николаевич (1883–1942) – художник, впоследствии друг семьи Горького.

² Максимилиан Станиславович Проппер, сын основателя и редактора «Биржевых ведомостей» С.М.Проппера.

³ 9 (22) августа 1917 г. поэтесса Марина Ивановна Цветаева (1892–1941) написала Волошину о встрече в Москве с ИЭ: «У нас с ним был скандал, у него отвратительный тон сибиллы. Потом это уладилось».

⁴ Маревна – так звали в Париже художницу Марию Брониславовну Воробьеву-Стебельскую (1892–1984); ИЭ и Волошин с ней дружили, ее имя постоянно встречается в письмах ИЭ Волошину (см. П1).

⁵ Изг.Эренбург (1886–1965) – сестра ИЭ; переписывалась с Волошиным, в архиве которого хранятся ее письма по литературным делам ИЭ.

3. М.А.Волошин

<Из Коктебеля в Москву, август 1917>

<...> очень обрадовался получить весть о тебе и тому, что ты будешь в Крыму. Только выезжать для встречи в Бахчисарай не имеет никакого смысла: ты должен приехать ко мне погостить: мне очень хочется, чтобы ты повидал Коктебель и побыл у меня, а то нас подарят Турции, и ты его так и не увидишь. Это вопрос одних суток, а я выеду тебя встретить в Феодосию.

Когда думаешь ты приехать в Крым? Мне очень хочется все же знать раньше о твоих общих планах, о настроении, о литературных замыслах, об отношении к текущему. Моя военная судьба решилась вчера: я снова признан совершенно не годным к военной службе из-за правой руки. Таким образом я остаюсь в Коктебеле на всю зиму, вероятно, и, быть может, только в январе, приеду на краткий срок в Москву.

Я не очень себе ясно представляю тебя в роли комиссара... но, может быть, я себе и роль комиссара не представляю.

Кого ты видел и выдаешь из литературного мира и к кому почувствовал симпатию? Мне хотелось бы, чтобы ты познакомился с Ходасевичем¹, которого я очень полюбил за эти годы. Вообще, если тебе нужно в Москве знакомст-

во и людей, то напиши, и я поставлю тебя в отношения с теми из моих друзей, кого ты выберешь. А их у меня в Москве очень много...

Но все же прежде всего хочу видеть тебя в Коктебеле. Тогда ты все расскажешь подробно.

До скорого свидания.

Крепко обнимаю

Мах.

Впервые – Звезда, 1996, №2. С.192. Авторская машинописная копия (первый лист утрачен) – Дом-музей Волошина (Коктебель). Сообщено В.П.Купченко.

¹ С поэтом Владиславом Фелициановичем Ходасевичем (1886–1939) ИЭ познакомился в Москве зимой 1917–1918 гг.

4. М.А.Волошин

Коктебель. 21/9 (4 октября) – 1917

Дорогой Илья Григорьевич,

только что получил твое письмо из Ялты¹. Видно, ты не получил моего письма, в котором я очень прошу тебя приехать ко мне погостить в Коктебель не на два дня, а недели на две. Что еще раз очень прошу тебя сделать это. Это сделать будет просто, так как время от времени в Феодосию из Ялты ходят транспорты. Так что это будет стоить пустяки, что-то около 3 рублей, и займет одну ночь переезда. Сложнее и дороже – это добраться от Феодосии до Коктебеля, так как извозчики теперь берут за это 25 рублей. Тебе надо будет зайти в кофейню «Алушта» (недалеко от фонтана Айвазовского вверх по улице, ведущей перпендикулярно к морю). Это постоялый двор, в котором останавливаются всегда Коктебельские подводки и линейки и с оказией тебя довезут рубля за три. В Коктебеле к твоим услугам будет моя мастерская. К сожалению, не смогу тебе только предложить обеда, так как мы готовим сами, то есть больше мама², которая этого занятия терпеть не может. Но тут еще функционируют несколько столовых. Вот

тебе все практические сведения. И чем на более долгий срок ты приедешь, тем для меня будет приятнее, так как очень хочется с тобой повидаться и поподробнее.

В самом же Коктебеле ты найдешь меня сразу, так как на берегу только несколько дач и мой дом ты сейчас узнаешь по высоким окнам мастерской, по площадке наверху и потому, что он стоит к морю боком.

Ежели, приехавши, тебе случится провести в Феодосии несколько часов, то зайди от моего имени к Александре Михайловне Петровой³ (Дурантевская ул., соб<ственный> дом, очень близко от пристани Русского общества). Это один из самых старых и близких мне друзей и, если ты с ней поговоришь об Апокалипсисе и Страшном Суде, то будешь доволен.

А затем жду тебя и поскорее и на подольше.

Впервые – Звезда, 1996, №2. С.193-194. Авторская машинописная копия – Дом-музей Волошина (Коктебель). Сообщено В.П.Купченко.

¹ Письмо от 18 сентября (1 октября) 1917 г. (см. П1).

² Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина (1850–1923).

³ А.М.Петрова (1871–1921) – преподаватель феодосийской гимназии, близкий друг Волошина, не разделявшего ее антисемитских взглядов.

5. М.А.Волошин

27 ноября <10 декабря 1917>. Коктебель <в Москву>

Дорогой Илья Григорьевич,

Я, конечно, так и знал, что твой отъезд в одну из столиц без очередного припадка сумасшествия не обойдется¹, и потому, прочитав через неделю о Московских делах, не удивилсянисколько. Твое присутствие невидимо сказалось. К новому году будет, конечно, захват власти красной гвардейцами и анархистами, так ты, пожалуйста, уж не уезжай ни в какой большой центр.

Да, мы в аду – ты прав. С тою лишь разницей, что в на-

стоящем – церковном аду гораздо больше порядка, логики и системы. Наш страшнее.

В Коктебеле пока тихо, но уж в Симферополе выбирают Хана, собираются присоединиться к Турции... так что я, может быть, скорее тебя окажусь за границей...

Похоже на то, что пред этим еще будет война между севером и югом.

Я написал за это время несколько стихотворений, которые тебе посылаю. Мне кажется, что некоторые тебе должны понравиться, хотя в такое время, когда подобает только каяться и молиться, писанье стихов не больше, чем дурная привычка. Я это сознавал пишучи их.

Мне хочется знать подробнее о тебе. Нашел ли ты какую-нибудь работу? Видал ли кого из моих друзей, с которыми должен был познакомиться?

Т.к. теперь никаких земских и городских союзов, очевидно, не будет, то я и не писал о тебе ни Жуковскому², ни Глотову³. Но если все же тебе нужно это, то напиши мне. Был ли ты у Оболенской?⁴ Голдовских?⁵

Мама о тебе вспоминает с нежностью и восторгом и тебя все мне в пример ставит⁶. Но хотя я ее и привожу в отчаянье, я думаю, что все же она не обрадовалась бы, имея сыном тебя.

Обнимаю тебя.

Мих.

Впервые – Звезда, 1996, №2. С.196. Авторская машинописная копия – Дом-музей Волошина (Коктебель). Сообщено В.П.Купченко.

¹ Имеется в виду октябрьский переворот 1917 г.

² Дмитрий Евгеньевич Жуковский (1886–1943) – переводчик и издатель, муж поэтессы А.К.Герцык.

³ Яков Александрович Глотов (1877–1938) – переводчик, кузен Волошина.

⁴ Юлия Леонидовна Оболенская (1889–1945) – художница.

⁵ Рашель Мироновна Голдовская (Хин; 1863–1928) – писательница, ей посвящены стихи Волошина.

⁶ См. комментарии к №63 в П1.

1920

6. М.А.Волошин

<Коктебель, июнь 1920>

Дорогой Илья Григорьевич, твое пребывание в Коктебеле кончилось тем, чего я ожидал: ссорой со мной. С начала года я почувствовал, что раздражаю тебя всем строем своей души, понимал опасность и старался реже видаться. С летними жарами и с северо-востоком твое раздражение должно было разразиться. Предлог – совершенно случаен, потому что ни в замысле, ни в исполнении маминой мистификации¹ я участия не принимал. Следовательно виновен только в сочувствии и недонесении (что, правда, по нын<ешним> времен<ам> карается смертной казнью).

Я тебя в свое время принял и полюбил со всеми колючими, резкими и нетерпимыми сторонами твоего характера. Не раз при мне они обращались на других. Из-за того, что сейчас они обращены на меня, я, конечно, не изменю моих отношений к тебе. Моя дружба далека стороны сантимент<альной>, в кот<орой> мы глубоко чужды друг другу. По отношению к тебе она выражалась только реальными действиями и услугами, когда ты в них нуждался². Никакой причины изменить мое отношение к тебе я не вижу. Когда тепер<ешнее> наваждение пройдет, ты всегда найдешь во мне прежнюю действенную любовь. Что оно со временем пройдет я не сомневаюсь, но, зная тебя, думаю, что не скоро, только после того как ты покинешь Коктебель и Крым. До свиданья. Крепко обнимаю тебя.

М.Волошин

Полностью впервые. Карандашный правленный черновик и машинописная копия – ИРЛИ РО. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.137. Л.7, 8.

В Коктебеле у Волошина ИЭ (с ним приехали Л.М.Козинцева-Эренбург и Я.И.Соммер) жил с декабря 1919 по сентябрь 1920; этому посвящена 13-я глава 2-й книги ЛГЖ. Причина ссоры ИЭ с Волошиными была сугубо бытовой (см. №71 и комментарий к №70 в П1).

¹ Чтобы приучить Эренбургов не оставлять посуду на ночь на террасе, Е.О.Кириенко-Волошина «похитила» у них кастрюльки и прочий инвентарь.

² Резкий ответ ИЭ Волошину см. в П1, №70.

1921

7. М.И.Цветаева

Москва, 21-го р<усского> Октября <2 ноября> 1921 г.

Мой дорогой Илья Григорьевич!

Передо мной Ваши два письма: от 5-го сентября и от 20-го октября. Получила их сегодня от Изабеллы Григорьевны <Эренбург>. Там больной мальчик¹, уныние и безумный беспорядок: немножко лучше, чем у меня!

Если Вам хочется их видеть, зовите сильнее: впечатление подавленной воли².

Писала Вам недавно (письмо С<ереже>³ помечено двенадцатым №), дела мои, кажется (суеверна!) хороши⁴, но сегодня я от Ю.К.⁵ узнала, что до Риги – с ожиданием там визы включительно – нужно 10 миллионов. Для меня это все равно что: везите с собой Храм Христа Спасителя. – Продав С<ережи>ну шубу (моя ничего не стоит), старинную люстру, красное дерево и 2 книги (сборничек «Версты» и «Феникс» (Конец Казановы)⁶ – с трудом наскребу 4 миллиона, – да и то навряд ли: в моих руках и золото – жечь, и мука – опилки. Вы должны меня понять правильно: не голода, не холода, не [пропуск в рукописи] я боюсь, а – зависимости. Чует мое сердце, что там на Западе люди жестче. Здесь рваная обувь – беда или доблесть, там – позор. (Вспоминаю, кстати, один Алин⁷ стих, написанный в 1919 г.:

Не стыдись, страна Россия!

Ангелы всегда босые...

Сапоги сам Черт унес.

Нынче страшен кто не бос!)

Примут за нищую и погонят обратно. – Тогда я удавлюсь. –

Но поехать я все-таки поеду, хоть бы у меня денег хватило ровно на билет.

Документы свои я, очевидно, получу скоро. К<оммуни>ст, к<отор>ый снимал у меня комнату (самую ужасную – проходную – из принципа!) уехал и не возвращается⁸. Увез мой миллион и одиннадцать чужих. Был мне очень предан, но когда нужно было колотить дрова, у него каждый раз болел живот. У меня было впечатление, что я совершенно случайно вышла замуж за дворника: на каждое мое слово отвечал: «ничего подобного» и заезжал рукой в лицо. Я все терпела, потому что все надеялась, что увезет: увез только деньги. – Ваших я не трогала, оставляю их на последнюю крайность!

Аля сопровождает меня [так в рукописи] повсюду и утешает меня юмористическими наблюдениями, это мой единственный советчик.

Если уеду, не имея ни одного адр<еса>, пойду в Риге к Вашему знакомому⁹, на к<отор>ого раньше отправляла письма, у меня есть несколько золотых вещей, может быть поможет продать.

В доме холодно, дымно – и мертво, потому, что уже не живешь. Вещи враждебны. Все это, с первой минуты моего решения, похоже на сон, крышка которого – потолок.

Единственная радость – стихи. Пишу как пьют, – и не вино, а воду. Тогда я счастливая, уверенная [пропуск в рукописи].

Стихи о каторге¹⁰ Вами у меня предвосхищены, это до того *мое* [пропуск в рукописи].

Вот Вам в ответ стих, написанный, кажется, в марте, и не об этом, – но об этом:

На што мне облака и степи
И вся подсолнечная ширь!
Я – раб, свои взлюбивший цепи,
Благославляющий Сибирь!

Эй вы, обратные по трахту!
Поклон великим городам.
Свою застенчивую шахту
За всю свободу не продам!
Привет тебе, град Божий – Киев!
Поклон, престольная Москва!
Поклон, мои дела мирские!
Я сын, не помнящий родства.

Не встанет любоваться рожью
Покойник, возлюбивший гроб.
Заворожил от света Божья
Меня верховный рудокоп¹¹.

Просьба: не пишите С<ереже>, что мне так трудно, и поддерживайте в нем уверенность, что мы приедем. Вам я пишу, потому что мне некому все это сказать и потому, что я знаю, что для вас это только иллюстрация к револ<юци-онному> быту Москвы 1921 года.

– На Арбате 54 гастр<ономических> магазина, – счита-ли: Аля справа, я слева.

– Спасибо за все. – Целую.

М.

[Приписка на полях:]

Письмо за № 12 отослано по старому адр<есу>:

Chaussée de Waterloo 1385 (?)¹² –

Теперь буду писать часто. Там я писала о «Лике вой-ны»¹³. – Прекрасная книга.

Впервые – Звезда, 1992, №10. С.16-17. Публикация Е.И.Лубян-никовой. Подлинник – РГАЛИ. Ф.1204. Оп.1. Ед.хр.105. Л.1-2.

С М.И.Цветаевой ИЭ познакомился лично в Москве летом 1917 г.

(стихи ее знал с 1910 г.). Пять писем ИЭ Цветаевой (1922) – см. в П1. Цветаевой посвящена 3-я глава 2-й книги ЛГЖ.

¹ Племянник ИЭ Юра Каган (сын средней сестры ИЭ Евгении Григорьевны Каган), в 1924 г. был увезен матерью за границу, где проживал до конца дней.

² В 1924 г. три сестры ИЭ Мария, Евгения и Изабелла выехали во Францию; в 1940 г. старшая сестра Мария погибла в Париже во время его оккупации немцами; две другие сестры в 1953 г. вернулись в Москву.

³ Сергей Яковлевич Эфрон (1893–1941) – литератор, муж М.И.Цветаевой; в 1920 г. вместе с остатками армии Врангеля оказался за границей. По просьбе Цветаевой ИЭ разыскал его в 1921 г. в Праге.

⁴ Имеется в виду разрешение на отъезд Цветаевой с дочерью за границу.

⁵ Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873–1944) – литовский поэт; в 1918 г. возглавлял Союз писателей Москвы; в 1921 г. посол независимой Литвы в Москве. Цветаева и ИЭ были с ним хорошо знакомы.

⁶ Стихотворные книги Цветаевой «Версты» и «Конец Казановы», изданные частными московскими издательствами в 1922 г.

⁷ Дочь Цветаевой Ариадна Сергеевна Эфрон (Аля, 1912–1975); цитируемые далее строки написаны Цветаевой (возможно в соавторстве с дочерью) в 1919 г.

⁸ Видимо, имеется в виду Борис Александрович Бессарабов (1897–1970) – профессиональный художник, красноармеец, квартирант Цветаевой (сообщено Е.И.Лубянской).

⁹ Имеется в виду рижский издатель Кирилл Александрович Башкиров (1892–?), выпустивший в 1921 г. книгу стихов ИЭ «Раздумия».

¹⁰ Стихотворение «О, горе, горе убежавшим с каторги», вошедшее в сборник ИЭ «Зарубежные раздумья» (1922); в переводе Цветаевой на французский опубликовано в бельгийском журнале «Lumière» (Антверпен).

¹¹ Стихотворение из книги «Ремесло» (1923).

¹² Брюссельский адрес бельгийского писателя Ф.Элленса.

¹³ *Эренбург И.* Лик войны. София, 1920.

1922

8. М.И.Цветаева

Москва, 11/24-го февраля 1922 г.

Мой дорогой!

Эти дни у меня под Вашим знаком, столько надо сказать Вам, что руки опускаются!

Или же – правая к перу! – Стихотворному, – ибо не одним пером пишешь письмо и стихи.

И весомость слов – иная.

Хочется сказать нелепость: стихотворное слово столь весомо, что уже не весит, по таким вексям не дано платить в жизни: монеты такой нет.

А многое из того, что мне НАДО сказать Вам, уже переросло разговорную речь.

Не: пытаюсь писать Вам стихи¹, а: пытаюсь Вам стихов не писать. (Сейчас увидите, почему.)

Знаете, раньше было так: иногда – толчком в грудь:

Свинья! Ни одного стиха человеку, который – человеку, которому...

И внимательное (прослушав) – «Не могу. Не ясно». – И сразу забывала.

Стихи к Вам надо мной как сонм². Хочется иногда поднять обе руки и распротать дорогу лбу. – Стерегущий сонм. – И весьма разномастный. (Что это – птицы – я знаю, но не просто: орлы, сокола, ястреба, – пожалуй, что из тех:

Птицы райские поют,

В рай войти нам не дают...³

– Лютые птицы!)

И вот, дено и ночью, чаще всего с Алей рядом, поздними часами одна – переплеск этих сумасшедших крыльев над головой – целые бои! – ибо и та хочет, и та хочет, и та хочет, и ни одна дьяволица (птица!) не уступает и вместо

одного стиха – три сразу (больше!!!) и ни одно не дописано. Чувство: СОВЛАДАТЬ!

Чтоб самоё унесли!

Мой родной!

Отъезд таков: срок моего паспорта истекает 7-го Вашего⁴ марта, нынче 24-ое (Ваше) февраля, Ю.К.<Балтрушайтис> приезжает 2-го В<ашего> марта, если 3-го поставит длительную литовскую визу и до 7-го будет дипл<оматический> вагон – дело выиграно. Но если Ю.К. задержится, если между 3-ьим и 7-ым дипл<оматический> вагон не пойдет – придется возобновить визу ЧК, а это грозит месячным ожиданием. Кроме того, <...>

Впервые – Звезда, 1992, №10. С.18. Первый листок подлинника – собрание составителя; второй – утрачен.

¹ Цикл из 11 стихотворений «Сугробы», посвященный ИЭ, создан Цветаевой в феврале-марте 1922 г.

² Имеется в виду обращенное к ИЭ стихотворение Цветаевой «Вестнику» (20 июня 1921).

³ Эпиграф Цветаевой к ее книге «Версты».

⁴ Т.е. по новому стилю.

9. М.И.Цветаева

Москва, 7-го нов<ого> марта 1922 г.

Мой дорогой!

Сегодня у меня блаженный день: никуда не ходила, шла тетрадку для Егорушки¹ (безумно-любимая вещь, к которой рвусь уж скоро год) и писала стихи. И теперь, написав С<ереже>, пишу Вам. – Все счастье сразу! – Как когда слушаешь музыку. (Там – все реки сразу.) Писала стихи Масляница², трепаные как она сама.

Сегодня за моим столом – там, где я сейчас сижу, сидел Чабров³. Я смотрела на него сверху: на череп, плечо, пи-

шущую руку – и думала: так я буду стоять над пишущим Э<ренбур>гом и тоже буду думать свое.

Чабров мой приятель: умный, острый, впивающийся в комический бок вещей (особенно мировых катастроф!) прекрасно понимающий стихи, очень причудливый, любящий всегда самое неожиданное – и всегда до страсти! – лучший друг покойного Скрябина.

Захожу к нему обычно после 12 ч. ночи, он как раз топтит печку, пьет кофе, взаимоиздеваемся над нашими отъездами (– Ну, как Ваш? – А Ваш – как?), никогда не говорим всерьез, оба до задыхания ненавидим русскую интеллигенцию. Но он – дворянин умеющий при необходимости жить изнеженной жизнью, а я? кто я?? даже не богема.

У него памятное лицо: глаза как дыры (гиэна и шакал), голодные и горячие, но не тем (мужским) – *бесовским!* жаром, отливающий лоб и оскал островитянина. При изумительном – как говорят – сложении (С<ережа> видел его в Покрывале Пьеретты – Арлекином, говорил – гениален (пантомима), при изумительной выразительности тела одет изо дня в день в ту же коричневую куцую куртку, не от безденежья, а от безнадежности. Мы с ним друг друга отлично понимаем: *à quoi bon?*⁴

Впервые – М. Цветаева. Неизданное: Сводные тетради. М., 1997. С.81-82. Запись письма в сводной тетради – РГАЛИ. Ф.1190. Оп.3. Ед.хр.3.

Запись открывается словами: «Заложенное в тетрадку начало письма к Э<ренбур>гу», заканчивается словами: «Письмо не кончено».

¹ «Егорушка» – поэма М.Цветаевой (1921).

² Шестое стихотворение цикла «Сугробы», посвященного ИЭ; написано 6 марта 1922 г.

³ А.А.Чабров (настоящая фамилия Подгаецкий; ок. 1888 – ок. 1935) – актер и музыкант, друг композитора А.Н.Скрябина; эмигрировал, стал священником; ему посвящена поэма Цветаевой «Переулочки» (1922).

⁴ Чего ради? (франц.).

10. М.И.Цветаева

<Берлин, не позднее 21 мая 1922>

Тогда, в 1918 г. Вы отметили моих Дон-Жуанов¹ («плащ», не прикрывающий и не открывающий), теперь, в 1922 г. – моих Царь-Девыц² и Егорушек (Русь во мне, то есть вторичное).

И тогда и теперь Вы хотели от меня одного: меня, т.е. костяка, вне плащей и вне кафтанов, лучше всего – ободранную.

Замысел, фигуры, выявление через, всё для Вас было более или менее бутафорией.

Вы хотели от меня главного, без чего я – не я.

Сегодня Вы говорили мне о ПОРОДЕ стихов, это внешнее, без этого Вы не могли, по-настоящему Вы, сами того не ведая³, говорили о моей душе и жизни, и Вы говорили мне, т.е. я это слышала: «Я люблю Вас только в большие часы, перед лицом смерти, перед лицом – да второго ”перед лицом” и нет».

Я Вас ни разу не сбила (себя – постоянно – и буду), Вы оказались зорче меня.

Тогда, в 1918 г., и теперь, в 1922 г., Вы были жестоки: – ни одной прихоти! (даже в этом!).

Стало быть – надо убить.

Вы правы.

Блуд (прихоть) в стихах ничуть не лучше блуда (прихоти, своеволия) в жизни. Другие – впрочем, два разряда – одни, блюстители порядка: – «В стихах – что угодно, только ведите себя хорошо в жизни», вторые (эстеты): – «Всё, что угодно в жизни – только пишите хорошие стихи». И Вы один: – «Не блудите ни в стихах, ни в жизни. Этого вам не нужно».

Вы правы, потому что я к этому молча иду⁴.

В какой-то области я вам даже Вы не говорю, Вы у меня без местоимения. Вы что-то – нечто – сила – движение – я по дороге – удар – не в меня – но принят мной.

В другой – духовно-душевной, что ли? – Вы собеседник, тот не только от кого идет, но и к кому идет. Спор (согласие) двух голосов.

Но есть еще треть: там где Вы – Э<ренбург>г, который – и названия Ваших книг, и отрывочные рассказы из Вашей жизни (постепенное обрастание Вас одеждами) – рассказы кого-то о Вас.

И – внезапно: что – последнее, основное? Костяк – не рассылающееся – или пустота, <пропуск одного слова>. То, обо что разбиваешься, – или то, в чем пропадаешь? Имянное (то, что создает имя: то именно) или безымянное? Это я не о Вас, это я закона ищу.

Я думала – три, но есть еще Вы: с трубкой, т.е. только трубка. Когда я думаю о том, кто курит трубку и любит дождь (а м.б. приписываю?), мне кажется, что с таким хорошо путешествовать и не расставаться.

Но этот уже книг не пишет, и с ним именно и придется расстаться, п.ч. всё остальное: безымянную силу, голос, книги (написанные и ненаписанные) я унесу с собой – не жестом захвата –

Но об этом я уже писала.

Впервые – *М.Цветаева*. Неизданное: Сводные тетради. М., 1997. С.86-87. «Запись письма к Э<ренбург>гу» – РГАЛИ. Ф.1190. Оп.3. Ед.хр.3.

¹ Цикл из семи стихотворений Цветаевой «Дон-Жуан», написанный весной 1917 г.

² «Царь-Девница» – поэма-сказка Цветаевой (1920, издана в 1922 г. в Москве и в Берлине).

³ К этой строчке в 1932 г., в пору резкой ссоры с ИЭ, Цветаева сделала приписку: «Nβ! в том-то и дело, что не ведая и что ведала только я».

⁴ Приписка 1932 г.: «Nβ! Ни одно из слов, взятых в кавычки Э<ренбург>ом, не сказано и сказано быть не могло. Нужно было быть мною, чтоб из этого равнодушного циника, циничного игрока (словами и смыслами) сделать лирика, нет, больше: стойка, – и так – от лирика и от стойка – страдать».

1924

11. Вс.Э.Мейерхольд

<Москва,> 18 марта 1924

Гражданин И.Эренбург.

Я не понимаю, на каком основании обращаетесь Вы ко мне с просьбой «отказаться от постановки» пьесы т. Подгаецкого?¹ На основании нашей беседы в Берлине? Но ведь эта беседа в достаточной мере выяснила, что, если бы даже Вы и взялись за переделку Вашего романа «История гибели Европы»², Вы сделали бы пьесу так, что она могла бы быть представлена в любом из городов Антанты, но в моем театре, который служит и будет служить делу Революции, нужны пьесы тенденциозные, такие пьесы, которые имеют в виду одну только цель: служить делу Революции.

Напоминаю: от проведения коммунистических тенденций Вы решительно отказались, указывая на Ваше в отношении социальной революции безверие и на Ваш природный пессимизм.

В течение всего этого сезона Вы не предлагали мне Вашей пьесы, да и в этом письме Вашем от 5 марта Вы не говорите о том, что для моего театра готовите переработку Вашей книги.

Пьеса Подгаецкого, которая была принята мною в ноябре 1923 г., так использовала материал Келлермана, Синклера, Ампа³, И.Эренбурга, что в ней основным стержнем является ее оригинальное агитационное устремление и ее оригинальная драматургическая схема.

Адрес т. Подгаецкого: Владимир (Губернский), Знаменский пер., №4, кв.Герасимовой.

Впервые – Новый зритель, 1924, №18. С.16-17; вошло в книгу: Вс.Э.Мейерхольд. Переписка. М., Искусство, 1976. С.231-232. Маши-

нописная копия с пометами Мейерхольда – РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.857. Л.1.

С режиссером Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом (1874–1940, расстрелян) ИЭ познакомился в Москве зимой 1920–1921 гг., когда работал в руководимом им Театральном отделе Наркомпроса. Письма ИЭ Мейерхольду – см. П1 и П2. В посвященной Мейерхольду 19-й главе 2-й книги ЛГЖ историю, связанную с этим письмом, ИЭ описал так: «Летом 1923 года я жил в Берлине; туда приехал Мейерхольд. Мы встретились. Всеволод Эмильевич предложил мне переделать мой роман «Трест Д.Е.» для его театра, говорил, что пьеса должна быть смесью циркового представления с агитационным апофеозом. Переделывать роман мне не хотелось; я начинал охладевать и к цирковым представлениям, и к конструктивизму, зачитывался Диккенсом и писал сентиментальный роман со сложной интригой – «Любовь Жанны Ней». Я знал, однако, что Мейерхольду трудно перечить, и ответил, что подумаю... Приехав в Советский Союз, я прочитал, что Мейерхольд готовит пьесу «Трест Д.Е.», написанную неким Подгаецким «по романам Эренбурга и Келлермана». Я понял, что единственный довод, который может остановить Мейерхольда, – сказать, что я хочу сам инсценировать роман для театра или для кино. В марте 1924 года я написал ему... Ответ был страшен, в нем сказалося неистовство Мейерхольда...» (7, 120-121).

¹ Михаил Григорьевич Подгаецкий – литератор.

² Подзаголовок романа ИЭ «Трест Д.Е.».

³ Бернхарт Келлерман (1879–1951) – нем. романист; Эптон Синклер (1878–1968) – амер. писатель; Пьер Амп (1876–1945) – франц. писатель.

1930

12. Вс.Э.Мейерхольд

<Виши,> 27 августа 1930

Милый Эренбург,

Вчера только, после долгих усилий, узнал я Ваш адрес. Сегодня спешу установить с Вами контакт. Дело у меня к Вам.

Необходимо, дорогой друг, чтобы Вы, не откладывая этого дела в долгий ящик, вот сейчас же, как только получите это мое письмо, засели за письменный стол и написали «корреспонденцию» в Литературную газету о наших парижских гастролях, а главное, о том, что в результате блестящего успеха наш театр получил приглашение в Сев. Америку¹. Все это спешно надо рассказать москвичам потому, что чиновники из Главискусства опять, как перед парижскими гастролями и как в 1928 году, когда во главе Комиссариата по делам искусства стоял Свицерский², – стремятся не пустить труппу в Америку. Я думал, что справлюсь с этим делом один, но вижу, что без Вашей помощи мне не удастся отстоять право на показ «культурных наших достижений» еще и в Америке.

Поймите, милый, – важно еще и вот что: изобретателю новых сценических форм необходимо побывать в стране с высоко развитой техникой в инженерии, в индустрии, – вожаку театра, отказавшемуся от малеванных декораций в пользу так называемых «конструкций».

А актерам, которые воспитываются музыкантами, разве не надо посмотреть негритянские спектакли, богатые контрастными ритмами.

Если Вы не хотите писать в «Литерат. газете» как И.Эренбург, придумайте псевдоним, но, умоляю Вас, напишите. Вы должны вместе со мной спасти театр.

Если мы не настоим на этом отпуске, театр может погибнуть. Враги не дремлют. Много есть в Москве людей, которым театр Мейерхольда бельмо на глазу. Ох, долго и скучно об этом рассказывать.

Пишите в Москву par avion. Все это важно проделать именно теперь, вот в эти дни, когда будет решаться судьба моего театра.

Нам сообщите тотчас: «отправлено». Тогда мы напишем редактору газеты некоему Ольховому³, чтобы немедленно и эффектно подал эту статью.

Мы живем 3 недели в Vichy перед этим в Hendaye Plage.

Мы уезжаем отсюда 30/VIII. Наш парижский адрес тот же: 11 rue Chernoviz (chez madame Agray), Paris 16.

Зинаида Николаевна⁴ шлет сердечный привет Вашей жене и Вам.

В.Мейерхольд.

Полностью впервые. Копия, сделанная под копирку, – РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.857. Л.2-4.

¹ Какая-либо статья ИЭ о парижских гастролях театра Мейерхольда в 1930 г. неизвестна.

² Алексей Иванович Свицерский (1878–1933) – партийный работник, в 1928–29 гг. начальник Главискусства Наркомпроса.

³ Ольховой Б.С. – в 1929–1930 гг. редактор журнала «Молодая гвардия», затем работал в «Литературной газете».

⁴ З.Н.Райх (1894–1939, убита) – актриса, жена Мейерхольда.

1933

13. Р.Роллан

<Вильнёв, в Париж> 31 августа 1933

Дорогой Илья Эренбург!

Только что прочитал Ваш «День второй»¹. Это самая прекрасная, самая содержательная, самая свободная из книг, прочитанных мною о новом советском человеке-созидателе. В ней чувствуется редкий ум – живой, – который проникает в сущность каждого человека, схватывает разнообразие явлений в жизни людей и затем любит тем, что дал «День сотворения мира». Я давно ждал эту книгу, надеялся, что она будет. И вот она появилась. Поздравляю Вас. Я очень рад. Будет полезно, если она выйдет и по эту сторону Горнила. Она рассеет немало недоразумений, как у нас, так и у вас. Эта книга содействует делу Революции,

помогает многим открыть глаза на Революцию, а также и ей самой глаза на себя.

Я не буду сейчас говорить о больших литературных достоинствах Вашей книги. Меня восторгает Ваша непринужденность в обращении с таким насыщенным материалом и Ваше умение внести в него ясность.

Дружески жму Вам руку.

Ромен Роллан.

Впервые: *В. Попов, Б. Фрезинский*. Илья Эренбург в 1932–1935 годы. СПб., 2001. С.79–80. Перевод И.И.Эренбург. Машинописная копия, полученная ИЭ из архива Роллана от М.П.Кудашевой-Роллан в 1950-е гг. – собрание составителя. Ромен Роллан (1866–1944) – французский писатель, сторонник социализма и СССР.

¹ Роман «День второй» о строительстве Кузнецкого металлургического комбината был написан ИЭ после поездки (1932 г.) по стройкам первой пятилетки в Сибири и на Урале (завершен в Париже в феврале 1933 г., напечатан автором тиражом в 400 экз. в Париже в начале мая 1933 г. В СССР издан в январе 1934 г.; французский перевод романа, прочтенный Ролланом, вышел в Париже летом 1933 г. в переводе М.Этар. 5 сентября 1933 г. ИЭ писал своему секретарю В.Мильман: «Вчера получил от Ромена Роллана (которого лично не знаю) большое восторженное письмо о "Дне втором"; посланный в Москву текст письма помог ИЭ в нелегкой борьбе за выход книги в СССР.

1934

14. Н.И.Бухарин

Москва <в Париж> 3/Х-34

Дорогой Илья Григорьевич,

Вы не удивляйтесь моему молчанию. Коротко говоря <иностранный> слово или выражение, не вписанное в ко-

пию> таковы: Ваше письмо получило полное одобрение¹, товарищ² сказал также, что Ваша речь была наилучшей на съезде³. Что касается статьи, то я получил ответ: «Делай как хочешь» (без прочтения, за занятостью другими вещами)⁴. Т.о. вопрос висит в воздухе, если принять во внимание все соображения, коими мы делились. Не возьмете ли Вы на себя главенство в предлагаемом Вами (в письме) учреждении (писательском)?⁵ Такой вопрос о Вас мне был задан. Разумеется, за Вас я ответа дать не мог. Таковы факты. Сейчас все мы кружимся в дальнейших фазах и оборотах исторического процесса и чувствуем себя как бодрый молодняк.

Горячо жму Вашу руку. Жаль, что не удалось Вас поздравить, я задержался в газете.

Еще раз привет.

Ваш *Н.Бухарин*

Впервые. Копия – Архив редакции газеты «Известия». Оп.1. Д.16. Л.38.

Предоставлено А.М. Данилевичем. На копии помета: «Исх. № 200. Отправлено диппочтой 4/Х-34. Париж, Эренбург». Николай Иванович Бухарин (1888–1938, расстрелян) – политический деятель, в 1934 г. редактор газеты «Известия»; гимназический товарищ ИЭ, вовлекший его в 1906 г. в большевистскую подпольную организацию. Письма ИЭ Бухарину – см. П1 и П2.

¹ Речь идет о письме ИЭ, написанном 13 сентября 1934 г. в Одессе Сталину с предложением реорганизации Международной организации революционных писателей (МОРП) с целью создания широкой Международной организации, объединяющей всех писателей, выступающих против фашизма (см. П2, №114). Свое предложение ИЭ предварительно обсуждал с Бухариным, его одоббившим.

² Сталин.

³ Имеется в виду Первый всесоюзный съезд советских писателей, состоявшийся в августе-сентябре 1934 г.

⁴ Возможно, речь идет о статье ИЭ «За наш стиль», напечатанной в «Известиях» 15 октября 1934 г.

⁵ Прочитав письмо ИЭ, Сталин 23 сентября 1934 г. поддержал

его идею реорганизации МОРП и предложил «поставить во главе МОРП т.Эренбурга». Официально такое предложение ИЭ сделано не было, и через некоторое время во главе МОРП был поставлен А.Барбюс. Фактическим итогом предложения ИЭ стал созыв Международного антифашистского конгресса писателей в защиту культуры (Париж, 1935 г.).

1935

14а. Н.И.Бухарин

<Москва, в Париж> 14 марта 1935

Дорогой Илья Григорьевич, не ругайтесь, что долго не писал: *regulum in toga*¹ ведь не было, а без такой погонялки у нас люди эпистолярным искусством подолгу не занимаются. Потом была добавочная причина: я не прочел Ваш роман². Сегодня **ночью** я его прочел до самого конца. Поэтому, ожидая сейчас шофера, пишу Вам предварительно несколько строк – может, потом напишу подробнее, если успею.

Pro:

тематически	{	Очень хорошо, что роман ориентирован на человека; что разобраны «сантименты» (в хорошем смысле); что подняты здесь большие проблемы (личного и общественного); что занята правильная, на мой взгляд, позиция.
«формально»	{	Что литературно прекрасно написано, что выразительность отдельных глав исключительно превосходна, да и весь роман, что диалектика логики и чувства и их переходов здорово «дана».

Summa summarum³ – что роман сугубо интересен.

Vert!⁴

Contra: полярно-однообразна, быть может, сфера вращения всего: **производство**
versus⁵
любовь.

Это я карикатурно – не берите особо всерьез: я только говорю о некой тенденции полярного раздвоения жизни у Вас (на самом деле у Вас и актриса и художник etc.⁶).

Но мне, казалось бы, сейчас нужно еще решительнее набивать все трехмерное пространство романа многосложностью типов и бытовых, общественных, групповых, государственных etc.⁷ образований.

Разная деревенская интеллигенция – агрономы, трактористы, комбайнеры, доктора; колхозники, единоличники, кулаки, раскулаченные, красноармейцы, краскомы; обездоленные (не поднявшиеся до «сознательности»); отживающие группы вроде попов и т.д. – если речь идет о деревне; то же *mutates mutandis*⁸ – о городе. У нас город в его многообразном лице не давался. Вы очень здорово взяли и основу сближения между городом и деревней, но и здесь главное перемычки: производство + любовь.

С общефилософской точки зрения здесь есть *raison d'être*⁹, в такой постановке вопроса, но **больше опосредствований!**

Может быть, я и ошибаюсь, но беглое – ночное чтение тому виной. Однако я без комплиментов должен сказать, что роман мне **чрезвычайно** понравился и я кричу «браво». (Так примерно сказал бы Плеханов, а **Ильич**: «Прекрасно написано. – Это, помните, тот, Илья Лохматый¹⁰ ...»)

Ну, жму руку. Вы видите, что мы печатаем Вас изо всех сил и впредь тоже будем давать, а Вы давайте свое: тем ведь уйма:

1) Фашизм и женщина.

2) Шелковые чулки и война (о производстве искусственного шелка и «порохов»).

3) О фокстротной «культуре».

4) Религия в Третей Империи.

5) (*Idem*¹¹) Валгалла и авиация.

6) Что делается в колониальном мире. (Что, если опросить парижских джаз-негров из Америки или Африки и узнать их *curriculum vitae*¹², не делая из них непременно Айш¹³?) и т.д.

Вы сами лучше всех других придумаете что-либо мастерское.

Привет.

Крепко жму руку.

Ваш *Н.Бухарин*.

Впервые – *Б.Фрезинский*. Илья Эренбург и Николай Бухарин / Вопросы литературы. 1999, №1. С.310–312. Копия – РГАСПИ. Ф.329. Оп.2. Ед.хр.4. Л.168-170.

¹ Опасность в промедлении (*лат.*).

² Роман о советской молодежи «Не переводя дыхания», написанный по материалам поездки на Север в 1934 г. (работа над ним была закончена в Париже в январе 1935 г.); его рукопись ИЭ отправил Бухарину в феврале 1935 г.

³ Окончательный итог (*лат.*).

⁴ Переверни (*лат.*) – здесь в письме кончается страница.

⁵ Против (*лат.*).

⁶ Сокращенное от *et quidem* – и именно (*лат.*).

⁷ Сокращенное от *et cetera* – и так далее (*лат.*).

⁸ Сделав соответствующие изменения (*лат.*) – выражение, которым часто пользовался Бухарин.

⁹ Смысл, резон (*франц.*).

¹⁰ Так прозвал молодого ИЭ в 1909 г. в Париже Владимир Ильич Ленин (1870–1924).

¹¹ Там же (*лат.*).

¹² Жизнеописание (*лат.*).

¹³ *Айша* – негр, персонаж романа «Хулио Хуренито».

15. Ж.-Р.Блок

Париж, 10 августа <19>35

Дорогой друг, какие у Вас планы? Можно ли рассчитывать, что Вы посетите нас в ближайшее время?

Как нелепа эта смерть Дивильковского!¹ Она меня потрясла!

С горячим приветом

Ж.-Р. Блок.

Впервые. Перевод М.Сальман. Копия – собрание составителя. Жан-Ришар Блок (1884–1947) – франц. писатель; ИЭ познакомился с ним в Париже в 1920-е гг.; ему посвящена 19-я глава 5-й книги ЛГЖ.

¹ Иван Анатольевич Дивильковский (1901–1935) – дипломат, сотрудник посольства СССР в Париже.

16. А.С.Щербаков

Москва <в Париж> 16/8 1935

Уважаемый Илья Григорьевич!

Памятуя наш с Вами разговор, я прошу Вас, представляющего в вновь созданной организации¹ интересы советской литературы, – наметить и прислать свои предложения (по возможности подробнее) о ближайших мероприятиях и о том, что необходимо для осуществления этих мероприятий.

Очень прошу Вас также информировать о внутреннем состоянии организации, о направлениях наших друзей, в частности о том, когда приедут в Москву Жид² и Мальро³, кто еще собирается приехать и когда.

До меня дошли сведения, что Вы еще раз высказали опасения о возможности Вашей плодотворной работы в организации⁴.

Со своей стороны я должен еще раз повторить то, о чем я Вам говорил уже в Париже⁵, а именно – Ваша работа по подготовке конгресса была высоко полезна; Ваше активное участие в дальнейшей работе крайне необходимо. Мы

сделаем все для того, чтобы обстановка для Вашей деятельности была нормальная, об этом я буду писать Арагону⁶. Надеюсь также, что Вы сделаете все для того, чтобы обеспечить должную работу организации. Всякое ваше полезное предложение или мероприятие – найдет с моей стороны поддержку.

У нас гостят Дюртен⁷ и Вильдрак⁸. Встретили их очень хорошо. В данное время они выехали в большое путешествие по СССР.

Интерес к конгрессу исключительный в самых широких кругах советской интеллигенции и рабочих.

В Москве состоялось несколько собраний с докладами о конгрессе. Запросы из областей и краев таковы, что удовлетворить их полностью невозможно.

Следите ли Вы за дискуссией, которая развернулась вокруг «Не переводя дыхания»? Появилось большое количество статей, в основном оценка романа весьма положительная⁹.

Прошу не задерживать ответ.

Жму Вашу руку,

А.Щербаков.

Прошу передать привет А.Жиду и Мальро.

Впервые – *Б.Фрезинский*. Великая иллюзия – Париж, 1935 // Минувшее, №24. СПб., 1998. С.227-228. Копия – РГАСПИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.508. Л.1, 2. Александр Сергеевич Щербаков (1901–1945) – партработник, тогда – руководитель Союза писателей СССР, впоследствии секретарь ЦК ВКП(б) по идеологии. На это письмо ИЭ не ответил, он обсудил его с Щербаковым в Москве.

¹ Имеется в виду Международная Ассоциация писателей, Бюро, Президиум и рабочий Секретариат которой были избраны Международным антифашистским конгрессом писателей в защиту культуры 25 июня 1935 г.; от СССР в рабочий Секретариат вошли ИЭ и М.Кольцов.

² Французский писатель, лауреат Нобелевской премии Андре Жид (1869–1951) – один из главных руководителей и организаторов Парижского конгресса писателей, член Президиума Международной

Ассоциации писателей. После поездки летом 1936 г. по СССР написал книгу «Возвращение из СССР», содержащую достаточно объективные впечатления; книга была резко осуждена сталинским руководством, с тех пор вплоть до эпохи «перестройки» все книги А.Жида были запрещены в СССР, а сам писатель объявлен врагом.

³ Французский писатель и государственный деятель Андре Мальро (1901–1976) вплоть до 1939 г. поддерживал дружеские связи с СССР; один из самых активных организаторов конгресса писателей 1935 г.; близкий друг ИЭ.

⁴ В Секретариате Ассоциации писателей шла резкая борьба между группами Мальро и ИЭ, с одной стороны, и Арагоном и Кольцовым, с другой.

⁵ Щербаков возглавлял советскую делегацию на Парижском конгрессе писателей, одним из организаторов которого был ИЭ.

⁶ Французский поэт Луи Арагон (1897–1982) – тогда ортодоксальный коммунист и яростный антагонист ИЭ; см. его тогдашнюю жалобу на ИЭ Щербакову и Кольцову – Минувшее, №24. С.220-223.

⁷ Французский прозаик Люк Дюртен (1881–1959) впервые посетил СССР в 1927 г.; тогда широко издавался в СССР.

⁸ Французский поэт и прозаик Шарль Вильдрак (1882–1971) впервые посетил СССР в 1929 г., его книгой «Новая Россия» в СССР остались довольны.

⁹ Одна из самых слабых книг ИЭ «Не переводя дыхания» в СССР была встречена шквалом восторженных рецензий; их поток, начавшийся в апреле 1935 г., Щербаков называет «дискуссией».

1936

17. А.К.Тарасенков, С.И.Вашенцев

Москва, <в Париж> 13/III 36

Дорогой Илья Григорьевич!

Ну вот и кончили читать Вашу замечательную книгу¹. Хотелся от всего сердца сказать, что, на наш взгляд,

это лучшая Ваша книга. В ней достигнута та естественность и непосредственность изображения и повествования, о которой, вероятно, каждый по-своему мечтает. То, как переплелись в этой книге судьбы реальных людей (Маяковский², Пастернак, Мейерхольд, Эренбург) с жизнью людей, созданных автором, придает ей удивительную лирическую убедительность³. Трудно найти точные слова, в которых надо было бы выразить все те мысли, которые Ваша книга вызвала. Вообще-то мы поздравляем и Вас и себя с подлинной художественной удачей.

Теперь о мелочах и деловой стороне вопроса. У нас есть несколько незначительных замечаний, хотелось бы, чтобы Вы их учли.

1) неудачно, на наш взгляд, выражение похороны Баумана⁴ были праздником (стр.40).

2) Необходимо, на наш взгляд, более точно сказать о том, печать какой именно военной организации была найдена у автора⁵ (стр.47).

3) Непонятно употребление слова «страна» в качестве реплики автора на стр.77.

4) Действительно ли нигде в мире нет заводов синтетического каучука? Разве их нет в Германии?⁶ (стр.87).

5) Нам кажется, что Вами преувеличено значение Хлебникова для нашей поэзии⁷ (конец первого абзаца на стр.150).

Вот и все, что можно было заметить в первом чтении.

Очень хотим Вашу вещь пустить в № 5 (майский)⁸. Открыть ею весну. Сможете ли Вы нам сдать ее в окончательном виде в пределах этого месяца? Очень жалеем, что не удалось встретиться и поговорить с Мальро⁹ (Тарасенков обменялся с ним лишь несколькими фразами при случайной встрече) – он тут, в Москве, был занят буквально по горло. Передайте ему, пожалуйста, при встрече наш самый горячий привет и скажите, что мы ждем его новую вещь, которая, надеемся, будет печататься опять у нас. Де-

лимся с Вами большой радостью: в № 4 у нас идет цикл новых стихов Пастернака¹⁰.

Крепко-крепко жмем руку

Привет!

Ан. Тарасенков, С. Вашенцев.

Полностью впервые. Копия – РГАЛИ. Ф.618. Оп.2. Ед.хр. 1086. Л.85-86. Анатолий Кузьмич Тарасенков (1909–1956) – критик, сотрудник редакции журнала «Знамя», собиратель и описатель фундаментальной библиотеки русской поэзии XX века. Сергей Иванович Вашенцев (1897–1970) – прозаик и драматург, ответственный секретарь редакции «Знамени».

¹ Роман «Книга для взрослых», содержащий наряду с повествованием о вымышленных героях главы мемуарного характера.

² С поэтом Владимиром Владимировичем Маяковским (1893–1930) ИЭ познакомился в Москве в 1917 г.

³ В ЛГЖ написано о КдВ: «Я задумал нечто увлекательное и порочное: решил перемешать главы, в которых рассказывал о себе, о своей жизни, с другими, где персонажи повести раскрывали мне свои тайны, работали, боролись, любили, страдали. Я назвал замысел порочным; может быть, это неправильно – просто мне не хватило таланта и мастерства, чтобы герои повести выглядели действительно существующими» (7, 469). Выразительные мемуарные главы КдВ использованы впоследствии при работе над мемуарами ЛГЖ.

⁴ Похороны убитого черносотенцем московского большевика Николая Эрнестовича Баумана (1873–1905) превратились в массовую демонстрацию; ИЭ в них участвовал.

⁵ При обыске у ИЭ в январе 1908 г. была обнаружена печать военной организации Московского комитета большевиков.

⁶ Первоначально «производственная» часть сюжета КдВ была связана с производством синтетического каучука (см. нашу вступ. статью к отдельному изд. КдВ (М., Книга, 1992. С.35-43), затем ИЭ заменил его производством аммиака.

⁷ Абзац о поэте Велимире Хлебникове (1885–1922) в КдВ был автором оставлен.

⁸ ИЭ успел несколько переработать КдВ к майскому номеру «Знамени» за 1936 г.

⁹ А.Мальро находился в это время в Москве.

¹⁰ В №4 «Знамени» за 1936 г. напечатаны 6 стихотворений

Бориса Леонидовича Пастернака (1890–1960), пылким поклонником которого были и ИЭ, и Тарасенков.

18. С.Б.Рейзин

<Москва, в Париж> 20/III-36

Дорогой Илья!¹

Залпом прочел Вашу книгу², затем несколько раз перечитывал некоторые автобиографические главы. Книга меня настолько взволновала, что решил – вопреки моим правилам – написать Вам несколько строк.

Книга эта – у меня нет никаких сомнений – написана кровью Вашего сердца. Она самая искренняя, самая взволнованная, самая душевная из всех Ваших книг, которые мне довелось читать. В книге есть та естественность, которая всегда отличает произведение искусства от ремесленничества. Книга умная – и содержательная – Вам есть что сказать читателю.

Я бы хотел назвать книгу Вашей исповедью, в которой Вы сводите суровые и окончательные счета с Вашим прошлым – и все это наверняка для того, чтобы следующую Вашу книгу – я надеюсь, о дне четвертом или пятом нашей жизни – Вы могли написать на большом дыхании без оглядки назад.

Книга Ваша глубоко оптимистична. Это факт. Но я не могу вот уже несколько дней отделаться от мысли – что, несмотря на весь оптимизм книги, – в ней много грусти, точнее я бы сказал, какой-то грустной иронии. Не потому ли эта грусть, что Вам пришлось блуждать по тропинкам, которые не помечены ни на одной, даже самой подробной, карте? Что Ваш послужной список – как Вы сами пишете – это список заблуждений? Или потому – эта ироническая грусть – что хотели бы Вы писать книгу о дне четвертом³, – а надо писать о себе, без этого новых книг, более высоких, чем прежде – не вышло бы?!

Но я вспоминаю, что тут же рядом – Вы заявляете, что,

несмотря ни на что, Ваш путь кажется Вам прямой линией, хотя его легко принять за круг. Что нужны были не только удачи, но и потери, вывихи, годы немоты.

Так ли это? не может ли это быть понято так, что лишь люди, прошедшие путь суровый, могут по-настоящему понять весь великий смысл нашей жизни, всю ее прелесть, что лишь они могут эту жизнь по-настоящему любить.

Вы говорите, что Вас привлекают трудные судьбы людей. Я понимаю – Вы этих людей лучше знаете. Но с другой стороны, не может ли быть это понято так, что в людей, у которых судьба надломлена (Кроль, Шестов, Наташа, Васса⁴), Вы больше верите, чем в девушек, которым еще не приходилось плакать?

Я боюсь показаться назойливым – я ставлю вопросы – и не даю на них ответа. Но это потому, что в книге я не нашел полнокровного ответа на эти вопросы. Есть только намеки. В книге много горя и мало радости. Конечно, Вы, может быть, правы – в радости надо быть еще стыдливей, чем в горе, – но Вы сами знаете, как крепко читатель наш тоскует по книгам радостным – в хорошем и глубоком смысле этого слова (без ходульности, риторики, сентиментализма и других суррогатов).

Несколько слов о композиции книги. Я знаю, что Вы привыкли ценить форму. Хотя Вы сами признаетесь, что из-за формы Вы зачастую забываете содержание. В этой книге содержание, конечно, господствует. Но все-таки должен Вам сказать, что композиционное строение книги (по композиции она напоминает мне «Новую пищу» А.Жида⁵), все-таки затрудняет ее доходчивость до широкого читателя.

Я не знаю – в курсе ли Вы тех острых дискуссий о формализме и натурализме, которые сейчас после статей «Правды» захватили весь фронт искусства⁶. Я не скажу, что все, что говорится и пишется в этой дискуссии, стоит, так сказать, на уровне. Но требования – за простоту, народность, естественность литературы и искусства против

трюкачества, сумбура, равнодушия – выявились совершенно отчетливо.

В этой связи я бы на Вашем месте выбросил ссылки на Хлебникова⁷.

Возражение у меня вызывает также глава 17 (<19>19-й и <19>20-й годы). Я понимаю весь иронический стиль этой главы. Но нельзя все же ограничиваться бытовой стороной при описании климата страны в эти неповторимые годы⁸. Затем я бы снял имена Бухарина, Карахана⁹.

Вот и все. Может быть, Вы сумеете учесть кое-что из того, что я нацарапал (хотя я знаю, как это трудно, когда книга уже написана).

А засим крепко Вас обнимаю, дорогой друг.

Желаю Вам много бодрости.

Ждем книгу для пятого номера «Знамени».

Привет от всей редакции.

Полностью впервые. Копия – РГАЛИ. Ф.618. Оп.2. Ед.хр.1086. Л.68-69 (подпись автора отсутствует в копии). Семен Борисович Рейзин (1899–?) – тогда зам. ответственного редактора «Знамени». Ответ ИЭ на это письмо – см. П2, №168.

¹ Ответ ИЭ, не принимавшего фамильярности, начинается обращением «Дорогой товарищ Рейзин (не знаю Вашего отчества)».

² Речь идет о «Книге для взрослых».

³ Имеется в виду, что после популярного тогда романа ИЭ «День второй» он напишет книги о следующих «днях творения» социалистической жизни в СССР.

⁴ Вымышленные персонажи КдВ.

⁵ Гранки новой книги А.Жида «Новая пища» ИЭ привез для перевода в Москву 2 ноября 1935 г.; отрывок из нее в переводе ИЭ с предисловием Жида, обращенным к читателям СССР, напечатан в «Известиях» 7 ноября; полностью «Новая пища» была напечатана в №1 «Знамени» за 1936 г. (подробнее см.: *Б.Фрезинский. Эрэнбург, Бабель и Пастернак переводят Андре Жида // Всемирное слово.* №13. 2000. С.77-78).

⁶ В январе–марте 1936 г. «Правда» напечатала серию погромных статей о «формализме» в советском искусстве: редакционные статьи «Сумбур вместо музыки» (об опере «Леди Макбет Мценского

уезда» Шостаковича) – 28 января; «О художниках-пачкунах» – 1 марта; статью В.Кеменова «Формалистические кривлянья в живописи» – 6 марта; после этого на собраниях в различных творческих союзах были произнесены разгромные доклады Ставского, Кирпотина, Алабяна, Керженцева, жертвами которых стали Шостакович, Мейерхольд, Тышлер, Штеренберг, Лебедев, Добычин и др. деятели искусства и литературы.

⁷ Несмотря на это вторичное предложение редакции «Знамени», ИЭ не снял имя Хлебникова в КдВ.

⁸ 17-я глава, в которой речь шла о том, как осужденный в 1935 г. Л.Б.Каменев содействовал ИЭ получить в Москве 1920 г. одежду, была снята автором.

⁹ Рекомендацию снять имена еще не арестованных Бухарина и дипломата Льва Михайловича Карахана (1889–1937, расстрелян) ИЭ проигнорировал.

19. А.С.Щербаков

Москва <в Париж> 23 III 1936

Дорогой Илья Григорьевич!

Я на 12 дней выбыл из строя (болел), поэтому отвечаю на Ваше письмо¹ с опозданием, за что прошу извинения.

Первый вопрос, какой мне задал в Москве Мальро, был такой: «Я прошу от своего имени и от имени А.Жида объяснить мне – какие крупные разногласия разделяют советских писателей и Эренбурга». На этот вопрос я ответил: «"Разногласий", которые бы разделяли *советских* писателей и Эренбурга – нет, ибо Эренбург сам *советский* писатель. Речь может идти о творческих разногласиях у ряда советских писателей с писателем Эренбургом. Эти разногласия были и есть, происходят они в рамках советской литературы». Так ответил я Мальро.

Признаться, я не понял сначала вопроса Мальро. Стал он мне понятен через несколько дней, когда я получил Ваше письмо.

Вы зря ставите так вопрос: «с величайшей охотой буду впредь воздерживаться от каких-либо литературно-общест-

венных выступлений и в Союзе, и на Западе».

Известно, что Ваши литературно-общественные выступления никем не навязаны, что они являются результатом внутреннего вашего убеждения. Почему же отказываться от выступлений, которые продиктованы внутренним убеждением.

Вообще метод «отставки», как Вы знаете, сочувствия обычно не встречает.

Что касается главного – отношения к Вам, я могу только повторить то, о чем я Вам неоднократно писал и говорил.

Вы имеете свою оценку творчества Пастернака, с которой иные могут соглашаться или не соглашаться².

Разрешите этим людям о несогласии с Вами писать и говорить.

Делать же отсюда какие-либо выводы об отношении к Вам товарищей – не основательно.

В Москве у писателей началась дискуссия о статьях «Правды»³. Первые собрания прошли плохо, уровень обсуждения не высокий, думаю, на следующих собраниях выправим.

Мальро Вам, вероятно, расскажет о его пребывании в СССР. Я его видел на другой день приезда, вторично видеть не удалось, т.к. я заболел и только сегодня приступил к работе.

Впервые – Минувшее, № 24. С.233-234. Копия – РГАСПИ. Ф. 88. Оп.1. Ед.хр.509. Л.1, второй лист в деле отсутствует.

¹ Имеется в виду письмо ИЭ от 26 февраля 1936 г. (см. П2, №160), в котором говорилось о поездке в Москву Мальро и о нападках в СССР на репортажи ИЭ с парижского конгресса писателей.

² ИЭ жаловался на предвзятую оценку советской печатью его описания речи Б.Л.Пастернака в Париже.

³ См. примеч. 6 к №18.

1939

20. Вс.В.Вишневский

<Москва, в Париж> май, 1939

Привет, дорогой Эренбург.

Утром в выходной день принесли пакет: Ваше письмо от 15 мая и Вашу поэму «Испанские стихи»¹.

Пусть вечно живет родная наша Испания – часть нашей жизни, нашей судьбы! Как хотел бы сейчас, немедленно показать Вам свою «Испанию»² – и бешеный бег по раскаленному шоссе Валенсия–Мадрид, и печального Сервантеса, и окопы Карабанчеля, и все, все – что до гроба осталось в памяти, в сердце... Да здравствует народная Испания! Кончаю фильм неистребимой верой в то, что народ испанский не сдастся поработителям никогда.

За письмо спасибо...

Уединился и залпом прочел Вашу поэму об Испании. Первые (1, 2, 3, 4-я) части ее читаешь как-то настороженно, вслушиваешься в слова, интонации, манеру, критически улавливаешь то, что «было», «встречалось», «уже знакомо». Отсчитываешь привычные эпитеты, образы. Стихотворение пятое³ сразу берет за руку, живое ощущение пробегает по коже, по нервам. Здесь начинает звучать исповедная тема, а не просто «стихи». Это ощущение временами затихает, – вчитываешься в новые части поэмы, понимаешь форму, рисунок, видишь замысел, иногда форма несколько приглушает Ваши признания, но все еще слышишь вырвавшиеся в пятом стихотворении слова; ими живет вещь, и ты ждешь, идешь дальше. И вот опять в восьмом стихотворении звенит, кричит человеческая боль, недоумения. (Где-то здесь мы встретились с Вами, на теме Мадрида. Я ее решил как огромный убийственно-траурный кусок, – город в пламени, черном дыме, морги, трупы,

и медленно приходит утро, и все-таки жизнь побеждает, и люди воспряли, кирки бьют каменистую почву и Мадрид опоясывается окопами.)

И здесь я буду спорить с Вами о том, что «зря придумана заря, что не придут сюда моря, ни корабли, ни поезда»⁴. Придут! Мы еще только при первых страницах борьбы, которая перевернет и изменит мир, а с ней и Испанию.

Все крепче голос поэмы, жесток, напряжен, все более патетичен и вместе с тем – и это понятно, просто, как-то верно – задумчив, вопрошающе-печален. «Я много жил и ничего не понял...»⁵ Бывают такие мгновения, минуты... Перечитывали ли Вы последние дневники Льва Толстого, его последние признания, строки, этот страшный том 1910 года?

Местами вторгаются в Вашу поэму какие-то мешающие образы... На секунду стало холоднее, скучнее, когда начали Вы о статуях и пр. Но оборвали неожиданно превосходно: мать, кормящая младенца среди развалин, – и «что ей ваятели?!»⁶ Все больше живой, великой и простой жизни. Все дальше от былых эстетских выдумок («мы обольщались вздором»⁷, – пишете Вы).

«Разведка боем» (двенадцатое стихотворение) хорошо... В тринадцатом⁸ звучит яростная испанская клятва, проклятия врагу, доходящие до предела! И тут опять вскипает кровь. И у Вас прорывается опять тема утренней зари... Да, Эренбург, к чему-то мы пробьемся, не «зря придумана заря»! Хорошо, спорьте с самим собой.

Мне нравится вплетение русской темы (Чапаев⁹ и др.). Поэма движется все свободнее; смешение тем, настроений, мыслей – естественно...

Не обращаешь внимания на странное, парадоксальное несоответствие: вся поэма – крик, слова, шепот и иногда даже жест, которым дополняете Вы свои признания, мысли. Все звучит, непрерывно пульсирует... А восемнадцатое стихотворение¹⁰ говорит о том, что мир бьется *молча*... Впрочем, вероятно, это просто желание паузы, желание

дать перед финалом некоторое замедление, еще углубить напряжение, заставить почувствовать силу и ярость молчаливого удара (один из наиболее страшных видов атаки).

Это так... последние стихотворения как будто торопятся, они кричат, хотят неистово жить, и эти чувства, этот напор сильнее печали, горьких раздумий поэмы.

Очень сильны двадцать второе¹¹ и двадцать третье¹² финальные стихотворения. Исход народа и взгляд в будущее...

Да, это вечная и неистребимая, одинаковая и у простых людей, и у поэтов тема: все-таки, несмотря ни на что, вперед!.. В этом смысл философии всей...

Я пишу торопливо, еще заглядывая – второй раз – в Вашу рукопись. Даю ее целиком в набор для №7 «Знамени»¹³. Шлю привет. Скажите испанцам – тем, кто продолжает борьбу, – что мы с ними. Скажите им, что мы еще не раз будем плечом к плечу там, где поставит нас судьба...

О всяких литературных дискуссиях и прочем – не хочется мне писать в этом письме. Пусть оно будет целиком отдано только Испании, только этому участку мирового фронта, который временно потерян и который будет возвращен народом.

Жму руку.

Вс. Вишневский.

Впервые – В.Вишневский. Собр. соч. Т.6. М., 1961. С.512-514. Копия – РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Ед.хр.2488. Л.1-2. Ответ ИЭ см.: П2, №231. С драматургом, редактором журнала «Знамя» Всеволодом Витальевичем Вишневским (1900–1951) ИЭ познакомился в 1930-е гг.; выразительный портрет Вишневского ИЭ набросал в 26-й главе 4-й книги ЛГЖ.

¹ Первый цикл стихов, написанных ИЭ в пору поражения Испанской республики после 15-летнего перерыва, Вишневский назвал поэмой.

² Документальный кинофильм по сценарию Вишневского на основе съемок Р.Кармена и Б.Макасева (1939).

³ «Есть пред боем час – все выжидает...»

⁴ Последние строки стихотворения «Нет, не забыть тебя, Мадрид».

⁵ Из стихотворения «Гончар в Хаэне».

⁶ Имеется в виду стихотворение «Бомбы осколок. Расщеплены двери...»

⁷ Из стихотворения «Гончар в Хаэне».

⁸ Стихотворение «На ночь глядя выслали дозоры».

⁹ В стихотворении «В кастильском нищенском ущелье...» упоминается просмотр испанскими бойцами кинофильма «Чапаев».

¹⁰ «Ночью бомбят и бомбят...»

¹¹ «В сырую ночь ветра точили скалы...»

¹² «Бои забудутся...»

¹³ «Испанские стихи» напечатаны в сдвоенном №7-8 «Знамени» за 1939 г. Впоследствии ИЭ не сохранял первоначальный порядок их расположения, а некоторые даже не включил в книгу «Верность» (1941), где напечатаны стихи того времени.

1941

21. Ю.Тувим

<США, сентябрь 1941>

Пишу Вам только несколько слов, – но Вы, писатель и чуткий человек, услышите в них голос моих чувств: что я с вами, всем сердцем, всеми мыслями, всем моим существом – с вами, т.е. с русскими писателями и героическим советским народом, борющимся за дело всего человечества, против фашистских мерзавцев. Я счастлив, что польский и русский народы вступили на общую дорогу против проклятого врага. Передайте мой сердечный привет вашим поэтам, с которыми, надеюсь, мы встретимся в победоносной Москве, а потом в свободной от германских шакалов Варшаве. Жму Вашу руку! Ваш *Юлиан Тувим*.

Впервые – КП, 16 сентября 1941. Местонахождение подлинника неизвестно. Юлиан Тувим (1894–1953) – польский поэт; ИЭ познакомился и подружился с ним в Берлине в 1922 г.; Тувиму посвящена 3-я глава 3-й книги ЛГЖ.

22. Ф.Голуб

Действующая армия; 21 октября 1941

Москва, писателю Илье Эренбургу

Наш родной товарищ!

Письмо пишу. Статьи Ваши читаем и ценим, как бомбы, они помогают нам громить врагов. Много хотелось написать Вам – да времени не хватает. Немца бить надо. Скоро скоро он почувствует всю силу нашего советского удара. Если останусь в живых, при встрече с Вами расскажу о том, как мы лупим немцев – ой и достается им... Привет мужественным москвичам. Родная Москва, мы с тобой, мы не ослабим своих ударов по врагу, не посраим славы русского оружия.

Младший воентехник Федор Голуб.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2539. Л.3.

Первая открытка, пришедшая к ИЭ с фронта; других писем Ф.Голуба в ФЭ нет.

23. Ж.-Р.Блок

Казань <в Куйбышев>, Союз писателей. 31 окт. <19>41

Дорогие друзья,

вот уже десять дней как мы здесь. Благодаря непрерывной заботе Аплетина¹, который ни на минуту не забывает нас, наше горькое положение отчасти смягчено. Даже наша поездка сюда, если не думать о многом крайне тяжело, неожиданно приобрела романтический характер. Часть пути² мы проделали в специальных военных поездах, где генералы и полковники оказывали дружеское внимание французскому писателю, его жене и их попутчикам.

Очень печально, что в такое время редакции иностранного радиовещания разбросаны по разным городам, а этого, наверное, можно было избежать. В связи с этим я мог бы рассказать вам несколько интересных случаев. А пока что все, кто мог бы выступать от своего имени (Бредель, Вайнерт, Джерманетто³, я и др.) находятся в 500 километрах от радиовещания и без всякой надежды, что оно нас вызовет в ближайшее время.

За последние две недели я увидел и узнал многое, что с ужасом мне напомнило другую недавнюю эвакуацию⁴. Жду третью. Без философских размышлений.

У Маргариты⁵ ангина. Я ужасно простужен и у меня приступ желчного пузыря. И мы ведь еще среди самых привилегированных. Жилье сносное, но вот помыться или... В университетской библиотеке я даже нашел французские книги. Я снова принялся за работу. Столица Татарии непроходимое болото. Но настроение⁶ остается хорошим. Кстати, стоит прислушаться ко всем пораженческим и паническим разговорам наших уважаемых литераторов разных национальностей, чтобы из чувства противоречия сразу собраться.

В случае чуда, если инорадио восстановится и меня вызовут в Куйбышев, можно ли рассчитывать на жилье?

Напишите нам.

Какие известия о Лапине?⁷

Дружески Ж.Р.Б.

Полностью впервые; в сокращении – в 1990 г. в коммент. к ЛГЖ, т.2, с.437. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1296. Л.6-7.

¹ Михаил Яковлевич Аплетин (1885–1981) – глава Иностранной комиссии Союза писателей.

² При эвакуации из Москвы

³ Вилли Бредель (1901–1964) и Эрих Вайнерт (1890–1953) – нем. писатели, находившиеся во время войны в СССР; Джованни Джерманетто (1885–1959) – итал. писатель, в годы войны находился в СССР.

⁴ Имеется в виду эвакуация из Парижа при наступлении гитлеровцев.

⁵ Маргерит Блок (1886–1975) – жена Ж.-Р.Блока.

⁶ Слово написано по-немецки: la Stimmung.

⁷ Борис Матвеевич Лапин (1905–1941) – писатель, зять ИЭ; будучи военным корреспондентом «Красной звезды», погиб в августе 1941 г. под Киевом.

24. В.С.Гроссман

<Из Воронежа в Куйбышев, конец ноября 1941 г.>

Дорогой Илья Григорьевич!

Пользуюсь оказией, чтобы написать Вам несколько слов. Приехал позавчера с фронта. Люди точно стали иными – живыми, инициативными, смелыми. Дороги усеяны сотнями немецких машин, брошенными пушками, тучи штабных бумаг и писем носит ветром по степи, всюду валяются трупы немцев. Это, конечно, еще не отступление наполеоновских войск, но симптомы, возможности этого отступления чувствуются. Это чудо, прекрасное чудо. Население освобожденных деревень кипит ненавистью к немцам. Я говорил с десятками, сотнями крестьян, стариков, старух. Они готовы погибнуть сами, сжечь свои дома лишь бы погибли немцы. Произошел огромный перелом – народ словно вдруг проснулся. Новая тактика наших войск, видимо, свойственна природе русского человека – настолько быстро, легко, хорошо она подхвачена, усвоена командованием, командирами, бойцами. Но все же, конечно, это не конец, это начало конца. Хочу думать, что так. И есть много оснований так думать.

Несколько раз с болью и презрением – вспоминал антисемитскую клевету Шолохова¹. Здесь на Юго-Западном фронте тысячи, десятки тысяч евреев. Они идут с автоматами в снежную метель, врываются в занятые немцами деревни, гибнут в боях. Все это я видел. Видел и прославленного командира 1-ой Гвардейской дивизии Когана, и танкистов, и разведчиков. Если Шолохов в Куйбышеве, не откажите передать ему, что товарищи с фронта знают о его высказываниях. Пусть ему будет стыдно.

Ну вот.

Я усердно расспрашиваю о Лапине и Хащревине². К сожалению, пока ничего не узнал. Едва узнаю хоть что-нибудь, тотчас сообщу, конечно. Здесь Долматовский³, он дважды был в плену, сейчас едет работать в армию. Масса людей возвращается теперь из окружения, даже самого далекого. Возвращаются также многие пленные. Если Ирина⁴ не получила для меня письма и будет возможность послать их с оказией (теперь связь самолетная лучше стала), большая просьба послать их мне по адресу: Воронеж, редакция «Красная Армия», помещение музыкального училища, рядом с гостиницей «Бристоль», спецкору «Красной Звезды». Без оказии посылать не стоит – почта уж очень плоха. Был бы очень рад получить от Вас несколько слов. Часто с благодарностью вспоминаю милое гостеприимство Любовь Михайловны⁵ и Ваше.

Крепко жму Вашу руку
искренне любящий Вас

Вас.Гроссман.

Сердечный привет Любовь Мих<айловне> и Ирине.

Кланяйтесь милым Савичам⁶ и Вале Мильман⁷ от меня.

Здесь уйма курева, питья и еды. Условия жизни хорошие.

Полностью впервые; в сокращении – в коммент. к 2-й главе 7-й книги ЛГЖ (М., 1990, т.3, с.403). Подлинник – собрание составителя.

¹ Михаил Александрович Шолохов (1905–1984) – писатель; анти-семитские выходки отличали его с ноября 1941 (см. 2-ю главу 7-й книги ЛГЖ и коммент. к ней).

² Захар Львович Хащревин (1903–1941) – писатель, друг и соавтор Б.М.Лапина; погиб вместе с ним под Киевом.

³ Евгений Аронович Долматовский (1915–1994) – поэт, военный журналист.

⁴ Ирина Ильинична Эренбург (1911–1997) – дочь ИЭ, во время войны – военная журналистка.

⁵ Л.М.Козинцева-Эренбург (1899/1900–1970) – художница, вторая жена ИЭ (с 1919 г.)

⁶ Ближайшие друзья ИЭ писатель Овадий Герцевич Савич (1896–1967) и его жена Альсгута Яковлевна Савич (1904–1991).

⁷ Валентина Ароновна Мильман (1900–1968) – секретарь ИЭ в 1932–1949 гг.

1942

25. И.Л.Альтман

Действующая армия; 2 января 1942

Дорогой Илья Григорьевич!

Посылаю Вам новогодний номер газеты¹, в котором помещена Ваша статья – приветствие бойцам. Не приходится говорить о том, что статья произвела большое впечатление и всем нам очень понравилась. Военный Совет просил передать вам благодарность.

31 декабря была встреча военного Совета с лучшими бойцами армии. Присутствовали наиболее выдающиеся снайперы, артиллеристы, минометчики, стрелки и т.д. Многие награждены, в частности те, которых вы приветствовали в статье. Абдуллы Сефербекова не было: накануне он уехал в штаб Запфронта для получения ордена Монгольской Народной Республики. Снайпер Ильмуратов награжден орденом Красной Звезды.

Бойцы и командиры просят передать Вам сердечный привет и поздравления с Новым годом. Коллектив редакции и я безмерно благодарны Вам за эту помощь, которую вы оказываете в нашей работе.

Поздравляю Вас и Любовь Михайловну с Новым годом, желаю Вам здоровья и счастья, а главное – чтобы следующий год Вы встретили в мирной обстановке, в своей квартире на Лаврушенском² или в освобожденном Париже.

Ирина Ильинична окружена здесь заботой и лаской. Она беседовала 31 декабря с лучшими людьми армии. То, за чем она приехала, она безусловно сделает³.

Сердечный привет!

Ваш *И.Альтман*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1205. Л.1. На бланке редакции красноармейской газеты «Уничтожим врага». Иоганн Львович Альтман (1900–1955) – литературовед, театральный критик; в годы войны гл. редактор газеты 5-й армии «Уничтожим врага».

¹ Газета «Уничтожим врага».

² ИЭ жил с И.Л.Альтманом в одном доме на Лаврушенском, 17; в связи с попаданием бомбы ИЭ до 1944 г. жил и работал в гостинице «Москва» (№ 406).

³ После гибели под Киевом в августе 1941 г. мужа И.И. Эренбург писателя Б.М.Лапина ее состояние еще долго было угнетенным; ИЭ надеялся, что работа в армейской газете поможет ей восстановиться.

26. М.А.Соболь

<из Подмосковья в Москву>; 4/1 1942

Уважаемый т.Эренбург!

Я начинаю с места в карьер: у меня к Вам глубочайшая просьба – помогите мне быть в рядах Действующей Красной Армии. Не удивляйтесь подобной просьбе – дальше я детально все объясню, если только у Вас хватит терпения дочитать до конца.

Меня зовут Марк Соболь, я – сын Андрея Михайловича Соболя¹, и, судя по рассказам моей матери², Вы даже знали меня в «нежном возрасте». Это, собственно, и дало мне повод вообразить, что я имею право обратиться именно к Вам в трудную минуту за помощью. Честно говоря, мне немного неловко, но... но если бы Вы были на моем месте, поступили бы так же.

Коротко о себе: начал с литературы. Печатались стихи

в «Пионерской правде» и «Смене». Затем – увлечение театром. 15-летним поступил в Москве в ГИТИС на режиссерский факультет, а 16-летним... был арестован и осужден по ст. 58 п.10 к 2 годам лагеря. В заключении работал в основном руководителем центральной агитбригады лагеря и освободился за отличную работу и удачно поставленную, написанную мной и показанную замнаркома музыкальную комедию за 3,5 месяца до конца срока. После лагеря – сначала внештатным литсотрудником в газетах города Вязьмы и Мариуполя. В Мариуполе же одновременно стал руководить организованным мной Театром рабочей молодежи «Азовстали», и с осени 1937 г. – в театре, режиссером и актером. С 1937 г. и вплоть до войны. Одновременно сотрудничал в газетах тех городов, где работал: сезон 1937–38 и 1938–39 – гор. Великий Устюг (если не ошибаюсь, хорошо Вам знакомый. Помните газету «Советская мысль»?). Сезон 1939–40 – гор. Самарканд и 1940–41 – г. Кимры.

Кстати, местком В-Устюгского театра послал ходатайство в Верх. Совет СССР о снятии с меня судимости, но я – неудачник, и письмо где-то затерялось. Между прочим, так мое еврейское счастье всегда, хоть бы на этот раз случилось иначе.

Началась война. Я сразу, проводив на фронт маму (она ушла в 1-й день мобилизации – военврач, и 3 месяца от нее уже нет вестей), подал заявление о добровольном вступлении в ряды РККА. Это заявление долго не удовлетворяли и в конце концов я так падоел военкому, что он сунул меня за компанию с мобилизованными актерами нашего театра в нестроевой рабочий батальон, занимающийся рытьем укреплений и расчисткой дорог: в отдалении от фронта. Правда, теперь мы – 816-й саперный батальон, но это дела не меняет.

Шестой месяц я уже служу здесь, среди стариков и нытиков (я – 1918 года рождения) и – ни одного товарища, даже поговорить не с кем.

Работаю руководителем агитбригады, обслуживающей только нашу часть и... не понимаю – кому это нужно – я говорю об агитбригаде. Пишу ночами материал, днем репетирую – раз в 7 дней новая программа, и часто: «Эй, бездельники – за лопату!». 2 дня копаю: «Эй, вы, артисты, а культурбота? Бросайте лопаты!» – и начинается спешка. Обидно – написал более 40 стихов, 12 скетчей, 21 агитмонтаж – один на 40-45 минут – «Присяга Родине», массу мелочи – и знаю, что есть неплохое, и все могло быть лучше, если б не спешка и человеческое отношение – и никто даже «спасибо» не сказал.

Я подавал десятки заявлений о переводе в строевую часть – вплоть до наркома обороны, но и НКО ответили, что мое ходатайство может удовлетворить командир части, а командир части не хочет терять руководителя агитбригады. Итак, 6-й месяц я делаю малонужное дело, а все мои друзья, все родные – вплоть до матери – дерутся на фронтах. Вы поймите, как тяжело быть мне – молодому, здоровому каким-то заштатным получиновником в такие дни.

К чему сводится моя просьба?

Корреспондентом, работником фронтовой газеты, фронтовой агитбригады, рядовым бойцом – кем угодно, но – на фронт, туда, к друзьям, на передовую.

Я прошу Вас помочь мне в этом, прошу понять мое положение. Мне хочется надеяться, что даже если Вы почему-либо не захотите или не сможете этого сделать для, собственно, незнакомого Вам человека, Вы все-таки ответите мне на это письмо.

Я – красноармеец 1-й роты 816-го саперного батальона 32-й саперной бригады Марк Андреевич Соболев. Нахожусь в дер. Новоселки Истринского р<айо>на Моск<овской> обл<асти>. Почтовый адрес: Дедовское п/о Моск. обл., п/я №4. Не знаю только, долго ли мы здесь будем.

Я горячо надеюсь на получение от Вас ответа, на то, что Вы извините меня за назойливость и беспокойство, за довольно наглое приставание к очень занятому человеку. Не

могу иначе, не могу, не могу быть в стороне в такие дни.

Еще раз, простите меня.

Уважающий Вас *Марк Соболев*.

Р.С. Сегодня – мой день рождения. 24 года! Уже так много, а ничего путного еще не сделал.

Полностью впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.3034. Л.1-2. М.А.Соболь (1918–1999) – поэт.

В письме 29 июня 1944 г. (Л.3) М.Соболь, вспоминая встречу с ИЭ в Москве, писал о своей работе на фронте и просил разрешения поместить статью ИЭ «Чернорабочие победы» в качестве предисловия к книге по истории его части; из этого же письма ясно, что ИЭ по просьбе М.Соболя принимал участие в делах его матери военврача Р.С.Соболь. Сохранилась также копия письма М.Соболю В.А.Мильман от 17 мая 1943 г. (по поручению ИЭ) о том, что ИЭ передал присланные ему Соболев стихи в редакцию «Знамени».

¹ Андрей (Юлий) Михайлович Соболев (1888–1926) – писатель; ИЭ был знаком с ним с 1918 г.

² Рахиль Сауловна Соболев (Бахмутская; 1892–1979) – врач, жена А.Соболя (письма ИЭ к ней – см. П1).

27. А.И.Безыменский

<Из действующей армии в Москву;> 18 февраля 1942

Дорогой Илья Григорьевич!

Не знаю, попадет ли Вам это письмо ко дню Красной Армии, но именно в этот день хочется мне выразить Вам свое искреннее восхищение Вашей великолепной работой.

Передайте привет Вашей жене. Передайте привет товарищам – не только боевым, а и лахудрам из Союза писателей.

Мы еще попираем с Вами в испанском ресторане в свободном Париже! Не так ли?

Во имя хотя бы такого невоенного дела и во имя всего, что мы с Вами чувствуем, – снова и снова за работу!

Крепко обнимаю Вас

А.Безыменский.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1265. Л.1. Александр Ильич Безыменский (1898–1973) – комсомольский поэт; в 1930-е гг. до испанской войны относился к ИЭ крайне отрицательно (см.: *Б.Фрезинский. За кулисами триумфа // Русская мысль. Париж, 1997, №№ 4194, 4195*).

28. Вс.В.Вишневский

<Из Ленинграда в Москву;> 27 февраля 1942

Привет, дорогой Илья Григорьевич!

Из письма т.Поспелова¹ узнал о совещании писателей в «Правде»; вчера пришли письма от В.Ставского², А.Фадеева³ и в свежих №№ «Правды» прочел о лит. вечере в ЦККА⁴, – где были и Вы. Пахнуло московским ветром.

Ленинград продолжает своё дело. Порой вспоминаю Мадрид 37 г. Но он кажется домом отдыха.

Очень много видел и вижу.

В кратком письме не рассказать об этом. М.б., статистика неск<олько> поможет?

В осаде 7-ой месяц. Балтфлот за время борьбы с противником на море уничтожил 512 мор. единиц (немецких и белофинских). Морская артиллерия под Ленинградом провела до 3000 боев; отбито уже 200 немецких пехотных атак; разбито 55 танковых и мотоколонн; истреблено несколько дивизий немцев, – в частности критская и т.п. выбиты на 80 процентов. Немцы обстреливают нас: по некоторым районам выпущено более 12 000 тяжелых снарядов; по Кировскому заводу 1800. Но людей Ленинграда это – и ничто другое – не ломает. Воздушные тревоги длились 275 часов и в последние дни начинаются опять. Бомб сброшено на Ленинград, – полагаю я, – до 100 000 всякого вида (от зажигалок до элект. в одну тонну).

Пишите с оказиями через «Красную звезду». Читаю Ваши статьи в «Красной звезде», – они острые, целеустремленны. Методический огонь...

Привет друзьям. Получил привет (из Казани) от Жан-

Ришара Блока. Передайте ему мой горячий привет. Рассчитываю повидать его в Париже.

Жму руку

Вс. Вишневский.

Полностью впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1384. Л.1-2. На бланке Политуправления Балтийского флота.

¹ Петр Николаевич Поспелов (1898–1979) – тогда редактор «Правды».

² Владимир Петрович Ставский (1900–1943) – писатель, с 1936 г. генсек Союза писателей СССР.

³ Александр Александрович Фадеев (1901–1956) – писатель; в 1939–1944 гг. секретарь, а в 1946–1954 – генеральный секретарь Союза писателей СССР.

⁴ Вечер, посвященный дню Красной армии, состоялся 21 февраля 1942 г.; после доклада Фадеева выступали Тихонов, ИЭ, Катаев, Сурков, Маркиш и др.

Из поздравительных телеграмм и приветствий в связи с присуждением 11 апреля 1942 г. Советом Народных Комиссаров СССР Сталинской премии 1-й степени за роман «Падение «Парижа» (Подлинники – ФЭ. Ед.хр. 2460):

29. Г.М.Козинцев, С.З.Магарилл, Л.З.Трауберг, Ф.М.Эрмлер

Алма-Ата, 12 апреля 1942

ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕМ = ГРИША МАКС¹ ТРАУБЕРГ ЭРМЛЕР

Л.14. Кинорежиссеры Григорий Михайлович Козинцев (1905–1973) – брат Л.М.Козинцевой-Эренбург и двоюродный племянник ИЭ по матери; Софья Зиновьевна Магарилл (1900–1943) – киноактриса, жена Г.М.Козинцева; Леонид Захарович Трауберг (1902–1990) и Фридрих Маркович Эрмлер (1898–1967).

¹ Так звали близкие С.З.Магарилл.

30. Э.И.Шуб

Алма-Ата, 13 апреля 1942

ПОЗДРАВЛЯЮ ШЛЮ ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ ВАМ ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНЕ ИРИНЕ = ШУБ

Л.12. Эсфирь Ильинична Шуб (1894–1959) – кинорежиссер-документалист.

31. Р.Л.Кармен

Ленинград, 13 апреля 1942

ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС ТЧК ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ УСПЕХОВ ПОБЕДЫ = ВАШ КАРМЕН

Л.13. Роман Лазаревич Кармен (1906–1978) – кинорежиссер-документалист.

32. Т.М.Литвинова, И.Л.Слоним

Куйбышев, апрель 1942

СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ БОЛЬШОЙ ПРИВЕТ ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНЕ ИРИНЕ СКУЧАЕМ БЕЗ ВАС = ЛИТВИНОВА СЛОНИМ

Л.16. Татьяна Максимовна Литвинова (р.1918) – художница, дочь М.М.Литвинова. Илья Львович Слоним (1906–1973) – скульптор, муж Т.М.Литвиновой.

33. И.С.Фефер

Уфа, 15 апреля 1942

РАЗДЕЛЯЮ ВАШУ РАДОСТЬ СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ = ИЦИК ФЕФЕР

Л.52. Ицик (Исаак Соломонович) Фефер (1900–1952) – еврейский поэт, деятель Еврейского антифашистского комитета (ЕАК).

34. Н.И.Альтман

Молотов, 16 апреля 1942

ПОЗДРАВЛЯЮ ОБНИМАЮ ВАС ЛЮБУ ОЧЕНЬ РАД
ВАШЕМУ УСПЕХУ НАПИШИТЕ СЕБЕ БЛИЗКИХ МО-
ЛОТОВ ОБЛАСТНОЙ ГОРЬКОГО ПЯТНАДЦАТЬ
ПРИМ КВАРТИРА ШЕСТЬ = АЛЬТМАНЫ

Л.10. Натан Исаевич Альтман (1889–1970) – художник, приятель
ИЭ с 1910-х гг. Телеграмма подписана также от имени последней же-
ны Альтмана И.В.Щеголевой.

35. Вс.В. и Т.В.Ивановы

Ташкент, 17 апреля 1942

С ГЛУБОКОЙ РАДОСТЬЮ УЗНАЛИ О ВЫСОКОЙ И
ВПОЛНЕ ВАС ДОСТОЙНОЙ НАГРАДЕ ПОЗДРАВЛЯЕМ
= ТАМАРА ВСЕВОЛОД ИВАНОВЫ

Л.6. Всеволод Вячеславович Иванов (1895–1963)– писатель; Та-
мара Владимировна Иванова (1900–1995) – жена В.В.Иванова.

36. Д.Ибаррури

Уфа, 18 апреля 1942

ПОЗДРАВЛЯЮ ВЕЛИКОЙ НАГРАДОЙ = ДОЛОРЕС
ИБАРРУРИ

Л.2. Долорес Ибаррури (1895–1989) – глава Испанской компар-
тии, с которой ИЭ был знаком с 1936 г.

37. Л.А.Говоров

<Из действующей армии в Москву;> 16/IV <19>42

Эренбургу Илье Григорьевичу

Приветствую лауреата Сталинской премии.

Вас, выдающегося мастера слова, бойцы и командиры
давно уже считают своим боевым соратником.

Желаю сил и здоровья в Вашей большой работе помощи Красной Армии в борьбе с фашистскими оккупантами.
Генерал-лейтенант артиллерии *Говоров*.

Л.463. Леонид Александрович Говоров (1897–1955) – командующий Ленинградским фронтом, с 1944 г. – маршал Советского Союза:

38. А.И.Безыменский

<Из действующей армии в Москву;> 16 апреля 1942

Приехал с передовых и застал ваше письмо. Был очень обрадован.

А сегодня=вчера новая радость и новая возможность приветствовать вас всё по тому же поводу.

Обнимаю вас от всего сердца. Заказываю роман «Возрождение Парижа». Чтение первой главы в ресторане «Барселона». Вино французское, кушанья испанские, роман русский. А бычьи непристойности, которые в 1935-м году в этом ресторане вкушал Луговской¹, отошлем товарищу Фадееву.

Боже-ж мой! Наконец-то сей мальчик осчастливил нас сообщением о своем мнении насчет вашего романа! Если зрение мне не изменило, он пишет, что роман Эренбурга блестящий. Как приятно это узнать от столь высокопоставленного лица. Довольно долго «оно» скрывало свой отзыв. Какая честь для вас, для всей Руси! Вчерашний РАПП, заместитель, зять зубровки...

Нет, Илья Григорьевич!

Пожалуйста, не огорчайтесь. Есть люди, которые говорят искренне, честно, прямо. Вы сами знаете, что они существуют и вам от этого сознания будет легче перенести хвалу чиновного рецензента, написанную, возможно, на пресловутой даче в Переделкине, волею «судеб» принадлежащей ныне Валентину Катаеву².

Могу сказать, что ваше имя в списке новых лауреатов вызвало общий восторг всех фронтовых товарищей. Все

эти люди – лейтенанты, политруки, майоры, писатели, журналисты, генералы и красноармейцы – за роман «Падение Парижа». Это ясно вам – и доставит посему особо взволнованную радость. Она заслужена вами.

Продолжайте в том же духе. Жму вашу руку. Привет вашей жене. Желаю всего самого прекрасного.

А.Безыменский.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ Владимир Александрович Луговской (1901–1957) – поэт, в 1935 г. в группе 4-х советских поэтов совершил поездку в Париж и Лондон.

² Валентин Петрович Катаев (1897–1986) – писатель; в 1940 г. добился передачи ему дачи ИЭ в Переделкине под предлогом того, что ИЭ – «невозвращенец» и на выделенной ему даче живет только его дочь.

39. А.А.Игнатъев

<Из Куйбышева в Москву;> 18 апреля 1942
гост. Националь, ком. 405.

Дорогие Илья Григорьевич и Любовь Михайловна!

Примите наши искренние и сердечные поздравления. Вы вероятно получаете таковые со всех сторон, но мы с Наташей¹ – старые парижане – скромные советские граждане, воображаем, что никто лучше нас не может оценить Ваших великих заслуг в эти грозные для нашей Родины года.

Талантом можно восхищаться, им можно завидовать, а о таком крупном, как Ваш, Илья Григорьевич, говорить даже не приходится. Но вот о работе, о трудоспособности Вашей, нам обоим, немало в жизни потрудившимся, слово сказать разрешено. Сам в настоящее время пописывающий, я ежедневно, ежечасно только ахаю и охаю. Сколько же надо умственного труда, сколько напряжения всех душевных сил, чтобы неустанно находить мысли, нужные слова. «Что пишет Эрэнбург, мы постоянно с удовольстви-

ем читаем», – слышал я не раз от наших простых людей – героев, раненых, для которых делаю доклады по госпиталям. Вот это лучшая для Вас награда. Вы делаете большое дело и заслуженная Вами высокая награда вызовет чувство не зависти, а радости у всех Ваших читателей.

Выполняя наказ, продолжаю работу над своей книгой. Сдал в «Новый мир» первые 3 главы 4-й книги² (3-я уже напечатана). Справился с «Марной»³ – пигмеем по сравнению с Москвой. Это уже те годы, когда и Вы были свидетелем французского героизма. Как много прожито!

Не забывайте Ваших далеких старых друзей.

Ваш А.Игнатъев.

Впервые (без комментариев) – ЭВ. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1612. Л.1. Алексей Алексеевич Игнатъев (1877–1954) – генерал, дипломат, писатель; ИЭ познакомился с ним в Париже в 1920-е гг. Ответ ИЭ см. П2, №262.

¹ Наталья Владимировна Труханова (1885–1956) – балерина, жена А.А.Игнатъева.

² Имеются в виду мемуары Игнатъева «Пятьдесят лет в строю».

³ Речь идет об описании сражения на реке Марна (между Парижем и Верденом) в сентябре 1914 г., когда англо-французские войска остановили наступление германской армии, сорвав немецкий план разгрома Франции.

40. С.П.Бобров

<Из Ферганы в Куйбышев;> 22 апреля 1942

Дорогой Илья Григорьевич!

Из газет мы с женой узнали о Вашей высокой награде¹ и спешим поздравить Вас ото всей души. И Вы и Ваша повесть с ее горестной правдой и скупой тоской, конечно, оценены по заслугам и этому можно радоваться.

Пишу Вам на Куйбышев, на Информбюро в надежде, что эти строки как-нибудь до Вас доберутся. Мы здесь в Средней Азии в Фергане по эвакуации с Союзом писателей. Бедуем уже шестой месяц. Работаю в школе, по-

лучаю 200 р. в месяц, а картошка здесь 20 р. кило, за все время литературный заработок 20 руб.; читал лекцию о Ломоносове, почти никого не было, получил 50 р. Жена служит в библиотеке и это, в сущности, единственный источник нашего существования. Живем в длинной, проходной комнате (в передней), жена прихварывает, а я также все время болею. Недавно из Ташкента от литфонда получил 500 р. (не все еще, п.ч. получить перевод здесь очень трудно). Мыкаем горе изо дня в день, измучились ужасно. Ничего ни о ком не знаем – что Боря Лапин? Как Пастернак?² Асеев?³ да и Вы сами? Мечтаем – совершенно беспочвенно – когда-нибудь выбраться из Азии, со слезами вспоминаем дорогую Москву. Если будет у Вас случай, вспомните о нас, горемычных литературных тружениках – в общем, не знаешь, о чем и просить-то, ну уж Вы сами подумайте. Может быть, когда-нибудь мир, сотворивший Гете и Сервантеса, вспомнит и о нас несчастных. Еще раз поздравляем, крепко жмем руку. Привет супруге Вашей и всем, кто нас вспомнит!

С.Бобров.

Впервые – Русская литература, 1997, №4, с.167-168. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1301. Л.1-2. Сергей Павлович Бобров (1889–1971) – писатель.

¹ Сталинская премия за роман «Падение Парижа».

² Бобров познакомился с Борисом Леонидовичем Пастернаком (1890–1960) в 1913 г. и в 1914 г. издал первую книгу Пастернака «Близнец в тучах».

³ С поэтом Николаем Николаевичем Асеевым (1889–1963) Бобров также познакомился в 1913 г. и также в 1914 г. выпустил его первую книгу «Ночная флейта».

41. А.М.Коллонтай

<Из Стокгольма в Москву; 4 мая 1942>

JDEM S NETERPENIEM VASHIH STATEI GAZETY NE
DAIUT NAM POKOIU TELEGRAFTE DENJ VYSYLKI =
POSLANNIK SSSR KOLLONTAJ

Впервые – в коммент. к ЛГЖ, т.2, с.431. Подлинник – собрание составителя. Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952) – дипломат, посол СССР в Швеции; ей посвящена 11-я глава 5-й книги ЛГЖ. Во время войны ИЭ регулярно писал статьи для шведской печати.

42. А.Э.Мандельштам

<Из Нижнего Тагила в Москву;> 17/V 1942

Уважаемый Илья Григорьевич!

Шлю Вам привет из Н. Тагила. Здесь я уже 5 месяцев. Веду книжным магазином. Семья в Самарканде. После долгого колебания решил обратиться к Вам с большой просьбой. В Москве осталась моя бывшая сослуживица Е.О.Шацкина. Человек погибает. Е.О. больна бронхиальной астмой в очень тяжелой форме. Не может работать и часто не может двигаться. Е.О. человек, которому стоит помочь. Это квалифицированный книжный работник, по-настоящему любящий литературу. Ей всего 28 лет. Она исключительно скромна и вероятно категорически откажется от помощи, которую я прошу Вас ей оказать. В дни лучшего самочувствия она может писать на машинке. Работу выполняет прекрасно самую трудную. Она в Москве совершенно одинока. Я ей помочь ничем, к сожалению, не могу. Небольшая материальная помощь может ее спасти. Есть ли у Вас какие-нибудь известия о Надежде Яковлевне¹ и Евгении Яковлевиче?²

Шлю Вам и Л<юбови> М<ихайловне> сердечный привет. Мечтаю о возвращении в Москву. Хлопочу об этом.

А.Мандельштам.

Впервые (с ошибкой и без комментариев) – ЭВ. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1865. Л.1. Александр Эмильевич Мандельштам (1893–1942) – брат поэта О.Э.Мандельштама; ИЭ познакомился с ним в Крыму в начале 1920 г.

¹ Н.Я.Мандельштам (урожд. Хазина, 1899–1980) – вдова О.Э.Мандельштама.

² Е.Я.Хазин (1893–1974) – литератор, брат Н.Я.Мандельштам.

43. А.А.Игнатъев

<Из Куйбышева в Москву; середина июня 1942>

Дорогой Илья Григорьевич!

Позавчера мне положили на стол драгоценный для меня подарок – Вашу книгу¹. Бесконечно мы были тронуты, что Вы вспомнили про старых парижан. Совершая преступление и откладывая работу – принялись за чтение (когда меня книга интересуется – то читаю с карандашом в руках, подчеркиваю, делаю неизвестно для кого свои заметки на полях, как будто я редактор или рецензент!) – очень сожалею, что читал книгу отрывками: только теперь могу по достоинству оценить ее. Пикар – для меня Гуро?² Виляр пока характерная собирательная личность. Хочу найти предателя Жуо. По дружбе, между нами, расшифруйте, дорогой, кой-кого.

Полотно громадное и мой Париж, т.е. тот, что я вспоминаю в своей 3-й и 4-й книге³, кажется пигмеем перед Вашим. Правда, я не писатель, а главное – не одарен тем талантом наблюдателя, как Вы. Утешаю себя только мыслью, что моя писанина может пополнить кой-какими деталями те уголки французской жизни, куда не могло проникнуть даже Ваше «всевидящее око». Читаю с упоением, переживаю то, что пережил, и постигаю то, чего не переживал, как Вы. Я спокоен. Никто не мог бы и не сможет объяснить, как Вы, не только гибель Франции, и что еще важнее, истинную тяжелую подоплюку настоящего. Тяжелую потому, что такому идеалисту и пессимисту, как я, открылась картина гнусного разложения, низости и грязи современного человечества. Побеждает свет – а свет с востока, и правда – наша, великая русская правда, воплощенная в советский героизм, только и может спасти мир! Этой верой живу, и раскрывая и бичуя в своей 4 книге старый мир, тшусь открыть глаза последним слепым.

Затруднений много; бюрократы рецензенты находят несогласованность моих глав о мировой войне с официальной историей. Хочется, чтобы они прочли предисло-

вие Anatole France к «L'ole des Pingouins»⁴, но, простите, у кого болит...

Еще раз сердечно Вас благодарим и просим внести нас в список не только Ваших друзей, но и поклонников.

Mes hommages a madame Ehrenbourg⁵.

A vous deux de tout coeur⁶.

A. Ignatieff.

P.S. Боюсь, что некоторые сокращения в слоге, пахнущие галлицизмами, не дойдут до всех. Это мое единственное замечание.

Полностью впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2460. Л.517-518.

¹ Роман «Падение Парижа».

² Анри Эжен Гуро (1867–1946) – франц. генерал.

³ Имеются в виду мемуары «Пятьдесят лет в строю».

⁴ Сатирический роман Анатоля Франса «Остров пингинов» (1908).

⁵ Мое почтение мадам Эренбург (франц.)

⁶ Вам обоим от всего сердца (франц.).

44. А. Батурич

Москва, 22/VI 1942

Тов. Илья

Читаю с удовольствием Ваши статьи в «Красной звезде» и вспоминаю давно прошедшие времена.

Париж – эмиграция.

Илья снял маленькую комнатку на первом этаже, здесь же помещается редакция «Тихого семейства»¹.

Илья главный редактор «Тихого семейства», а Александр знаменитый печатник на гектографе.

Поездка за город, прошли пешком и сели не на тот поезд. В Париже при выходе со станции Илья собирается объяснить с ажаном, но контроль не обратил внимания на наши билеты и Илья огорчен, что не пришлось давать объяснения.

Люксембургский парк, весна, на Илью нашло вдохнове-

ние, и он пишет на ходу стихи и злится, что Александр ему мешает.

Латинский квартал, где-то в переулке я снимаю на седьмом этаже мансарду, имеющую восемнадцать углов.

Илья остается у меня ночевать, мансарда до смешного мала. Илья располагается на полу, головой под стол, а ноги упираются в дверь.

1942. Наши головы покрылись сединой. Илья лауреат Сталинской премии, беспощадно бичующий зверский фашизм.

Пожелаю здравствовать долгие годы.

А. Батурин.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2453. Л.2. Иной информацией об авторе письма не располагаем.

¹ Сатирический журнал о жизни русской социал-демократической колонии в Париже; печатался в типографии. Подробнее см.: *Борис Фрезинский*. Парижские журналы Ильи Эренбурга // Русская мысль. Париж, № 4132. 1996, июнь.

45. А.Я.Таиров

<Из Барнаула в Москву;> 28 июня 1942

Дорогой Илья Григорьевич!

Много раз Вам телеграфировали, поздравляли, спрашивали о самочувствии. Ответа нет.

По-видимому, это шалости телеграфа. Хорошо, что за Вас говорят Ваши статьи в «Правде», а то бы мы всерьез беспокоились. Сейчас мы в Барнауле. Почти два с половиной месяца. Работаем много. И бесконечно тоскуем по Москве. Некоторой отдушиной была для нас постановка новой пьесы Мдивани¹ «Небо Москвы», которую мы выпустили в день годовщины <начала войны> 22/VI. Пьеса отнюдь не совершенная, но Москва!.. Работали мы с упоением, и спектакль, как будто, получился заразительный. Здесь принимают его с энтузиазмом, но боже мой, как хо-

чется настоящей пьесы! Так же, как полгода на соленом Балхаше хотелось живительной пресной воды. Примечание: слово – пресной – к пьесе не относится. Как часто мы с Алисой вспоминаем наши военные предвечерние встречи в Москве. Как не хватает нам их. Как не хватает нам Вас! Нас заверяют, что к октябрю мы будем в Москве. Этим живем. Напишите нам. Я знаю, что это несколько жестоко, т.к. и без писем Ваша машинка, очевидно, не знает отдыха. Но все же напишите, хотя бы от руки.

Где Любовь Михайловна, дочь? Куда адресовать это письмо, чтобы оно непременно дошло? Попробую на «Красную Звезду».

Да, забыл написать. В качестве пролога к «Небу Москвы» Алиса² читает – в гимнастерке и пилотке – поэму С.Васильева³ «Москва за нами» (в сжатом виде). Читает великолепно, и в ней хоть немного изливает свои чувства и состояние. Как тяжело, что нет пьесы, нет роли, в которой она могла бы сейчас совсем по-новому себя раскрыть! Горячо обнимаю Вас и, не посетуйте на сентиментальность, люблю

Ваш А.Таиров.

Сообщите Ваш адрес.

Впервые (без комментариев) – ЭВ. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2208. Л.1. Александр Яковлевич Таиров (1885–1950) – режиссер, художественный руководитель и основатель Камерного театра. Таирову посвящена 24-я глава 2-й книги ЛГЖ.

¹ Мдивани Георгий Давидович (1905–?) – грузинский писатель, драматург и сценарист.

² Алиса Георгиевна Коонен (1889–1974) – ведущая актриса Камерного театра, жена А.Я.Таирова.

³ Сергей Александрович Васильев (1911–1975) – поэт и пародист.

46. А.А.Исбах

<Из действующей армии в Москву;> 23/VII <19>42

Дорогой Илья Григорьевич!

На днях редакция «Знамени» прислал мне номер 3-4, и

я наконец прочел 3-ю часть «Падения Парижа». Сразу захотелось Вам написать. Прочел с большим волнением и интересом. Все-таки замечательно, что Вы при такой большой ежедневной нагрузке сумели закончить роман. Без всяких анализов просто крепко жму Вашу руку. Хочу Вам сказать, что на нашем фронте Вы самый любимый писатель. Всюду и в самые трудные и сложные часы спрашивают про Вас, и я всегда рад рассказать подробно о Ваших книгах и делах.

С большой скорбью узнал о гибели Жени Петрова¹. Это был настоящий острый большой и умный человек с хорошей душой и зорким взглядом.

Мы работаем много. Хочется написать большое, настоящее. Но очень много времени уходит на текущую, фронтовую работу. Думаю, после войны встретимся в «Знамени» – будет о чем поговорить и порассказать.

Крепко, крепко жму Вашу руку. *Если* будет время, черкните пару строк.

Ал. Исбах.

Полностью впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2460. Л.570-571. Александр Абрамович Исбах (1904–1977) – писатель; ИЭ писал о нем в 15-й главе 7-й книги ЛГЖ.

¹ Евгений Петрович Петров (1903–1942) – писатель, соавтор И.Ильфа; погиб 2 июля 1942 г. в авиакатастрофе, возвращаясь с редакционного задания из осажденного Севастополя.

47. Асхар Лехеров

Действующая армия; 28 июля 1942

т.Эренбург!

Ваше маленькое письмо мне обрадовало так – как душевное письмо любимого друга и близкого товарища. В дальнейшем Вас считаю как родного любимого брата.

Я знаю тов. Эренбург ваш каждый минут дорого...

За подарку – маленькую книжку большое спасибо – показахски рахмет! Буду читат и буду хранит...

Чего я подарю вам т.Эренбург, у меня нечего. Но даю вам большевистское слово что буду храбрым бойцом за счастье народа, за родину, за любимого друга и за вас, буду бить врага так, как вашего острого, умелого перо.

Вы верь мне тов. Эренбург, большевистское слово это есть крепкое слово...

Когда мы получили газету «Красная звезда» за 18 июля, все интересно читали вашей статья «Сильнее смерти»¹, с оживлением обсуждали бойцы. Все поднимали меня вверх. Даже майор Борис Голембо из штаба пишут мне письмо, что т.Лекеров вы читали или нет, Эренбург о вас пишут, ты должен оправдать. Комиссар Картышенко говорит, что «маленький казах оказывается ты большой казах, ты должен быть в истине еще больше».

Красноармеец Рябов в дружеской беседы мне говорит, что о нас не забывают друзья, о нас пишут, о нас заботятся. Пусть попробуют немецкие фрицы (солдаты) писать истину своего сердца своему фюрерам, они на месте тепло-го ответа получил бы пулю. Это тоже правда.

Вы простите тов. Эренбург, опять я оторвал ваш напряженную работу. Пока хош. Жму руку.

С ком. приветом *Асхар Лехеров.*

Впервые. Печатается с сохранением орфографии и пунктуации подлинника. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2544. Л.61-64. Одно письмо бойца казаха из села Батбах А.Лехерова ИЭ процитировал в 9-й главе 5-й книги ЛГЖ.

Главный редактор «Красной звезды» вспоминал: «В нашу редакцию на имя Эренбурга каждый день приходили с фронта пачки писем, и к ним часто прилагались трофейные документы...» (Д.Ортенберг «1942» (М., 1988. С.356).

¹ В статье «Сильнее смерти» (Красная звезда» 18 июля 1942), приводя полученное им письмо красноармейца Лехерова, ИЭ писал: «Это простодушное, глубоко человеческое письмо справедливо говорит о силе нашего бойца... Асхар Лехеров любит жизнь, как любит жизнь каждый советский человек. Он не хочет умирать. Он ищет не смерти, но победы».

48. А.Федулов

Действующая армия, 5 августа 1942

Получил Вашу книгу «Война»¹, а также письмо. Оно сильно взволновало меня. Я не ожидал от Вас получить письмо. Здесь многие удивлены, щупают книгу, смотрят на письмо, качают головой. Один разведчик Зюряев говорит: – «Гляди-ко, раньше бы разве такой человек прислал бы книгу али письмо. А энтот в газетах пишет рассказы, да еще письма пишет нашему брату. Это, брат, великое дело».

Большое спасибо Вам, товарищ Илья. Вы, великий писатель, находите время давать ответы. Я этого не забуду. Ваш портрет в профиль с трубкой я ношу в красноармейской книжке. В трудные минуты он помогает. Я часто вспоминаю слова одного бойца: Когда мы будем судить Гитлера, прокурором назначим Эренбурга: этот его расчихвостит.

Любящий Вас *Андрей Федулов.*

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2544. Л.105. Письмо А.Федулова, как и большинство фронтовых писем, прислано на адрес «Красной звезды».

¹ Сборник избранных статей: *И.Эренбург. Война* (июнь 1941 – апрель 1942). М., 1942.

49. А.Н.Толстой

Ташкент <в Москву;> 6-го сент. 1942

Дорогой Илья.

Этой запиской я знакомлю тебя с моим другом Виктором Михайловичем Шестопалом, инженером-металлургом и профессором всяческих полезных наук. У него в чемодане бутылка спирта, которую ты можешь выпить один или с ним.

Завтра, 7-го, мы с Людмилой¹ едем в Алма-Ата, где будем отдыхать в горах две недели и затем в Москву.

Привет от нас обоих Любви Михайловне.

Твой *А.Толстой.*

Впервые – ЭВ. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2232. Л.1. С писателем Алексеем Николаевичем Толстым (1882–1945) ИЭ познакомился в Париже в 1911 г. А.Н.Толстому посвящена 20-я глава 1-й книги ЛГЖ.

¹ Людмила Ильинична Толстая (1906–1982) – последняя жена А.Н.Толстого.

50. А.Ф.Морозов

Действующая армия; 10–15 сентября 1942

Дорогой тов.Эренбург!

Простите, что пишу Вам на драной и грязной бумаге. Бумаги у нас давно нет. Пользуемся утилем, но писать Вам страшно хочется. Чувство неловкости от своей писанины пересиливает жгучая потребность. Потребность беседы с Вами хотя бы на бумаге. Вы для меня стали ближе родного. Родным по духу, по мыслям, страстной целеустремленности. Я еще не дочитал «Падения Парижа»¹ – читаю урывками. Больно читать эту книгу. Злорадное чувство, что «умиротворители»² получили по заслугам, сковывает чувство боли за людей, которых предали и продали. Война и раньше была для меня не только защитой моей Родины, но сейчас, после страниц Вашей книги, рамки войны для меня безгранично расширились. Защищая мою Родину, я защищаю тех моих «родных», что остались преданными и проданными во Франции, Чехословакии, Норвегии. Я мщу за Испанию, за тысячи убитых в фашистской Германии. Для меня сейчас дни почти лишены личных, физических ощущений. Я почти не замечаю ни суровой красоты леса, ни яркой зелени большой, ни звездного ночного неба, ни зловещей красоты пожарищ. Везде и во всем война. Читаю сводки с юга и чувствую, как отрывают от меня мое живое тело. Читаю, что оставлены несколько населенных пунктов и презираю тех бойцов и командиров, которые оставили эти пункты. Лучше бы умерли на месте, взяв за свою смерть <1 слово нрзб>. Перехватывает горло от чувства горечи. Читая, что оставлены тот или иной город,

а у немца, как у собаки кость, легко не вырвешь ими захваченное. Иногда в минуты горечи проклиная судьбу, сделавшую меня артиллеристом. Думается, что лучше бы ты был автоматчиком и втыкал бы свои штыки в проклятые головы фашистской сволочи. Я буквально задыхаюсь от ожидания второго фронта. Неужели предадут? Неужели все их сладкие разговоры о дружбе и нашем героизме лишь благодарственное сюсюканье за то, что мы умираем, давая им возможность запастись храбростью своих машин, а не людей? Неужели жизнь ничему их не научила кроме осторожной мудрости лавочников и торгашей? Неужели они плюют в лицо истории, человечеству, исходя благодарностью к нам под теплыми перинами своих уютных спален? Могут ли они понять как мы воюем? Если бы им рассказать, как зимой наши бойцы, одетые тепло, лежали по три-четыре дня в снегу и полушубки становились ледяным коробом, а ноги замерзали в валенках промерзших и твердых, как дерево. Лежали, мерзли, пошли. Пойдем и сейчас. Как бы ни было трудно нам, плакать мы не будем. Мы, как сказала Пассионария, «жить на коленях не будем»³. Но какую ненависть родят они за предательство. Если сейчас нет слова постыднее – немец – то тогда будут в ряду с этим вонючим и ненавистным словом и другие. Не дай бог, чтоб это случилось. Так окрыляла надежда, что наконец-то Европа поняла, что такое фашизм и что такое мы! Что в будущем мы сможем своим примером показать человечеству, как надо жить. Сейчас с тошнотворным чувством замолкаем, когда идет упоминание о Втором фронте. В душе мы боимся, что он откроется лишь тогда, когда Гитлер будет громить Англию и Америку. Неужели англичане тоже ожирели как французы перед войной? И потом, зачем так много было крика о Втором фронте? Чтобы сдержать наступление на нас немцев, потому что Англия и Америка еще не готовы? Что ж – они выступят тогда, когда немцы будут уже обескровлены и они смогут взять их голыми руками? Хороши будут вояки! Вселяет в сердце на-

дежду лишь то, что наш Сталин это все знает и при встрече с Черчиллем⁴ и Гарриманом⁵ на снимке дружески им улыбался. Может быть, это высшая стратегия, обусловленная причинами, которые станут для нас ясными после окончания войны. Но нельзя сидеть равнодушными и ждать лишь судьбы. Фашизм не наша религия. Некоторые говорят: «Как надоела война», «Скорей бы она кончилась» – нет, для меня и многих не существует таких мыслей и желаний. Если бы снова пришлось воевать сначала – мы пошли бы. Лишь бы покончить с фашизмом. Конечно, стали бы воевать по-другому. Много бы пересмотрели и предумотрели. Сейчас горькое ощущение внутри от всех этих песен: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути»⁶. Не очень ли долго мы простояли на запасном пути? И эта «скромность» сознания своей силы нас успокоила. Но об этом будут разговоры лишь после войны. Сейчас бить и бить немцев. Досадно, что мы часто помногу сидим в обороне и не всегда умело пользуемся возможностями уничтожения немцев. Сил у нас много, а умения и посейчас недостаточно. Где-то внутри живет ничем не уничтоженная уверенность в скорой победе. Живешь, воюешь и ждешь, ждешь. Придет, придет уже не 6 декабря⁷, а 1 января нового года жизни человечества. Я не могу жить спокойно в своей стране, зная, что где-то в другой, такие же, как я, борются против зверей, против зла и также спрашивают Историю, есть ли разум человечества? Неужели не существует справедливость суровая, не склоняемая и не резиновая?

Хочу сказать Вам несколько слов о себе. Может быть, Вам интересно будет узнать подробности об одном из своих корреспондентов. Я в прошлом артист Московского театра Революции. Перед войной играл в театре Ленсовета. Родился в 1905 г. С 1920 по 30 г. член ВЛКСМ, потом беспартийный, т.к. партдискуссия закрыла вначале прием в партию, потом не захотел вступать в театральную парторганизацию, чтобы не упрекнули в карьеризме. Искусство

и свою работу страстно люблю. На эту войну пошел добровольцем, т.к. искусством заниматься, когда требуются здоровые и сильные люди на фронте, считаю преступлением. Когда пошел на фронт, окружающие подозревали, что устроюсь в артистические бригады. Подозревали в крике, в фальши. Сейчас я замкомандира батареи, член партии. Вступил в октябре 1941 г., когда некоторые так называемые коммунисты поеживались в недостатке веры в силу своей страны. Я горжусь тем, что постучался в двери партии, когда Родине было неизмеримо тяжело. В войне потерял любимого брата, молодого талантливого авиа-инженера. Тоже ушел добровольцем. Моя семья кержацкая. Старообрядцы. Мать 63 года и отец 66 лет живы. Религиозны. Старикам не все нравилось в нашем советском строе. Часто спорили с ними. Ворчали. Но я не знал своих стариков. Вот выдержка из последнего письма моей матери, которое я ношу вместе с партбилетом на груди: «Где-то вы, мои два сокола, и скоро ли истребите злого врага, супостата, антихриста, сколько принес он горя и зла нашим людям, никогда не забудем. Даже во сне не забудем.... Милые мои, если бы можно было, я бы пошла туда к вам помочь, хоть сиделкой. День и ночь болею о вас, моих бойцах Красной Армии. Я душу вам отдала бы, только помочь вам чем могу. Шура, сейчас много пишут о русских. Никогда не забывай, что ты русский, и если погибнешь, умри честно, как русский человек, а я буду молиться Богу за вас и ваши жизни. Молитва матери доходчива...»

Это пишет безграмотная старая русская мать. Патриотка! Сколько их, таких матерей, будут молиться за своих сыновей, отдавших свои жизни за счастье Родины! И разве это похоже на осторожную «мудрую» политику наших друзей – англичан и американцев? Матери отдают родине самое дорогое, что у них есть – жизни своих детей. Лишь бы Родина победила. А они наращивают количество своих машин, оплачивая это жизнями сыновей нашей родины. Не хочется верить, что «друзья» повторяют старую игру с Испанией.

Несколько слов еще о Вашей книге. Сколько грусти в ней. Грусти и горечи. Как необычно читать эту книгу, привыкнув к примитивному небогатому языку многих наших писателей, пользующихся туманной образностью, захламляющей стержневые мысли книги. Я вновь, читая Вашу книгу, переживаю боль раскрывающихся душевных ран за слезы и кровь Испании. Настроение книги сливается с моими сегодняшними переживаниями. Иногда начинаешь гадать, что чувствуют и как действуют теперь герои книги? Я так рад Вашему подарку. Для меня это большой запас образов и мыслей, над которыми в свободные минуты я провожу свой досуг. Богатство, для меня, этой духовной книги неисчерпаемо и охватывает широчайший масштаб мыслей и рассуждений, поднятых настоящей войной. У меня сейчас такое лихорадочное ощущение момента, когда, несмотря на некоторое продвижение вперед немца, на его успехи, на странное промедление открытия Второго фронта, – растет ощущение приближающейся победы. Может, это и не будет так скоро, как хочется, но будет.

Мой дорогой товарищ Эренбург! Сейчас ухожу на передовую на несколько дней. Буду воевать и техникой, и своими мыслями. Крепко жму Вам руку.

Ваш – душой и мыслями
гвардии ст. лейтенант *А. Морозов*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2545. Л.102-104. Переписка ИЭ с Александром Федоровичем Морозовым продолжалась в 1942–1943 гг. Письмо ИЭ Морозову см. П2, №275.

¹ Книгу «Падение Парижа» А.Ф. Морозову на фронт прислал ИЭ.

² Имеются в виду западные политики, проводившие в 1937–39 гг. политику «умиротворения» агрессора.

³ Пассионария – так звали в Испании одну из руководительниц Испанской компартии Долорес Ибаррури, которой принадлежали знаменитые слова: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях».

⁴ Уинстон Черчилль (1874–1965) – премьер-министр Великобритании в 1940–1950-е гг.

⁵ Уильям Аверелл Гарриман (1891–1986) – посол США в Москве в годы войны.

⁶ Заключительные строчки стихотворения «Песня о Каховке» М.Светлова (1935).

⁷ 6 декабря 1941 г. началось победное контрнаступление Красной армии под Москвой.

51. О.М.Губер (Гроссман)

Чистополь <в Москву;> 24 сентября 1942

Илья Григорьевич!

Пишу Вам, зная, что Вы хорошо относитесь к Василию Семеновичу. После потери сына у меня очень тяжелое душевное состояние и я боюсь, что это может плохо кончиться. Очень бы просила Вас, если возможно, поговорить с редактором об ускорении творческого отпуска Василию Семеновичу¹, т.к. только Вася сможет спасти меня.

Всего доброго

О.М.Гроссман.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Ольга Михайловна Губер (1898–1988) – во втором браке жена писателя В.С.Гроссмана (1905–1964), как и другие жены многих московских писателей, находилась в эвакуации в Чистополе.

¹ Двухмесячный творческий отпуск В.С.Гроссману по его просьбе главный редактор «Красной звезды» Д.И.Ортенберг предоставил в мае 1942 г., а уже в конце июля газета начала печатать написанную за это время повесть Гроссмана «Народ бессмертен» – так что о новом отпуске речи, видимо, не могло быть.

52. Г.Я.Кобыльщик

Действующая армия; 25 сентября 1942

Я на фронте с 22.6.41 г. с самого первого дня войны и все время на передовых позициях. Я испытал на своей спине и своем сердце горечь отступления. Я много видел страданий и боев и все-таки я верил в нашу победу. Я ве-

рил в победу, когда отходил на 40-50 километров в сутки, а наутро должен был драться с немцами не на жизнь, а на смерть (я отходил из Литвы). И вот я пришел под Ленинград. Здесь мы стояли 4 месяца, я говорил: хорошо, здесь мы стоим без смены уже год, а за это время развернулись бои на юге. Я надеялся, что немцу не отдадут Ростова на Дону, но бои идут уже под Сталинградом. Волга в опасности и превеликой опасности. И вот я задаю вопрос: что же это значит? Или мы не в силах были остановить немца далеко от Сталинграда или я ничего не понимаю в вопросах войны. Я потерял мать, жену, сына, не плачу, т.к. я видел больше горя, чем есть у меня слез. Но мы потеряли всю Украину, Кубань и Северный Кавказ – вот от чего у меня сжимается сердце, а враг еще вдобавок и у Сталинграда и лезет вперед.

Я читаю ваши статьи и там много примеров, но эти примеры у меня на глазах, я вижу, как дерутся русские воины, и сказать, что они дерутся плохо, нельзя. Они идут в атаку, гибнут, но идут и идут. Но нам не хватает, не хватает как воздух, самолетов и танков. 10-15 танков и очень мало самолетов, когда идет немец, он пускает сотни самолетов и до 50-60 танков. И все-таки успеха не добивается. Разве плохо мы воюем? Вот я и спрашиваю, когда же мы будем пускать столько, сколько нам нужно и танков и самолетов, чтобы гнать немца и бить его? Вы скажете: когда он не будет иметь танки и самолеты, когда он растворится в наших просторах. Но это будет ли, т.к. на него работает вся Европа, а мы должны эвакуировать заводы и терять нефть?

Вы скажете: я пессимист, нет, я реалист и, несмотря на все наши неудачи, я не теряю сознания и долга, что я русский и Россия в превеликой опасности. Вы спросите, как я воюю, а вот как. Когда наступление, я с пехотой в ее боевых порядках помогаю ей, так как знаю: это гибнут люди и им надо помочь, когда оборона, я с пехотой и помогаю строить оборону своим артогнем. Как свистят пули, я

знаю, и как отряхиваться от засыпавшей тебя земли от разорвавшегося рядом снаряда – умею. Как отбить контратаки немцев знаю – отбивал, и как подорвать немецкий танк – подрывал.

Я не герой, не орденноносец, я простой русский солдат, и боль моя за Родину мучает меня.

Скажи, Илюша, когда мы погоним немца, как били его наши предки при Гросс-Эггерсдорфе, Куперсдорфе¹, и будут ли мои земляки, казаки с Дона, опять в Берлине? Я знаю: будут, будут. Сталин сделает так, что будут, но надо драться и скорее, иначе будет поздно, народ перестанет верить в победу. Надо поспешать. Ведь мы еще не дали сражения народу, сражения России.

Ну, пока, друг. Хотя я тебя не видел, но знаю, что душа у тебя хорошая. Русская. Хорошая у тебя душа. Пиши, если можешь.

Адрес мой: Действующая Красная Армия полевая почта 939. 854-й артиллерийский полк.

Кобыльщик Георгий Яковлевич.

P.S. Работал я зам. командира 2-го дивизиона. Лет отроду 24. Старший лейтенант. Пишу в окопе.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2546. Л.50-52.См. также № 146 (письмо Г.Кобыльника от апреля 1945).

¹ Селения в Вост. Пруссии, возле которых в 1757 г. русская армия разгромила прусские войска.

53. А.М.Коллонтай

<Из Стокгольма в Москву; 12 октября 1942>

PROSIM SROCZNO DOSLATJ CZETVERTUIU TELEGRAMMU VASZEI STATJI V KRASNOI ZVESDE MY NE DOPOLUCZILI¹ = POSLANNIK KOLLONTAY

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ Видимо, речь идет о знаменитой статье ИЭ «Немец», напечатанной в «Красной звезде» 11 октября.

54. С.А.Лозовский

г.Куйбышев <в Москву;> 23/Х 1942

Уважаемый Илья Григорьевич!

Ряд видных антифашистских писателей, Эгон Эрвин Киш, Людвиг Ренн, Пауль Меркер, Александр Муш, Анна Зегерс¹ и др. при участии президента Мексики Камачо², готовят к печати сборник на испанском языке о нацистском терроре и о сопротивлении народных масс оккупированных стран Европы.

Редакция сборника обратилась в Совинформбюро с письмом, в котором выражает большую заинтересованность в Вашем участии в сборнике.

Прошу Вас (не позднее 5-го ноября с.г.) написать статью или очерк о фашистских зверствах в оккупированных немцами районах советского Союза размером 5-7 страниц. Материал прошу послать в Куйбышев для отправки в Мексику.

А.Лозовский

Впервые (без комментариев) – ЭВ. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1827. Л.1. Соломон Абрамович Лозовский (1878–1952, расстрелян) – начальник Совинформбюро, председатель Еврейского антифашистского комитета; ИЭ познакомился с ним в 1909 г. в Париже.

¹ Немецкие литераторы, находившиеся в эмиграции в Мексике: Эгон-Эрвин Киш (1885–1948); Людвиг Ренн (1889–1979); Анна Зегерс (1900–1983). О деятельности немецкой литературной колонии в Мексике – см. письмо К.А.Уманского (№126).

² Авила Камачо был президентом Мексики в годы войны.

55. А.Ф.Морозов

Действующая армия; 30 октября 1942¹

Мой дорогой тов. Эренбург!

Я прочитал Вашу книгу «Падение Парижа» и книгу стихов². Я не буду вдаваться в критику Вашего творчества. О моей критике Ваших произведений, об их художественной ценности для меня Вам, может быть, скажут строки

этого письма, которыми мне так хочется передать все мое великое уважение к Вам, мою большую сознательную любовь к человеку, так остро, чутко, верно и красочно воспитывающему ею окружающее и так много и глубоко в нем разбирающемуся. У Вас большая, чуткая и так много чувствующая душа. Я не знал, что у Вас есть стихи. С жадным чувством я читал их. В стихах, как и в глазах, видна душа человека! Меня поразила болезненная исступленность многих стихотворений. Поймите меня верно. В них много грусти, боли и тоски! Но через все это, как лейтмотив души, а не политического кредо, – рвется настойчивый взывающий крик: «Так не должно! Так не будет!». Стихи об Испании покрыты нежностью воспоминаний, грустных, ярких и дорогих сердцу. Вы об Испании пишете, как о любимой женщине, которую отняли, взяли от Вас и которая, Вы знаете это, живет в страдании и нужде. Я понимаю это. Я никогда не был в Испании и вернее всего никогда и не буду. Но я любил эту любимую 3 долгих года – я любил ее не счастливую судьбой, не довольной и спокойной, в силе своей красоты, а ожесточенную, охваченную первыми взрывами фашистских бомб, залитую кровью и слезами. Она ничего не отдала мне эта, наша общая любимая, ничего кроме муки за нее, напряжения 3-х лет. Но любовь, может быть, от этого стала только сильнее. А я полюбил-то ее из<за> того, что Вы рассказывали в своих письмах в газеты. Я полюбил ее из<за> статей М.Кольцова³ (Где он? Я до сих пор недоумеваю, но я не спрашиваю Вас). Я знаю наизусть некоторые из Ваших стихов. Они пленяют меня – раздумчивые «Не торопясь внимательный биолог», «Январь 1939» и грустные недоумевающие «Над крышами Парижа весна не зашумит», гневные «Мадрид» и «1940», тяжелые, как капли ртути, «Бродят Рахили». Музыкой поют строки «На Рамбле возле птичьих лавок». Какой нежностью дышат стихи «Говорит Москва» и как победные фанфары в оркестре «Друзьям». Я пленен силой чувств, вложенных Вами в стихи. Пленен их недосказанно-

стью до конца. Многие стихи звучат как песни без слов. Хотя и есть слова, но они зовут и рассказывают не прямыми призывами, а чувством и красками окружающего. В стихах, почти в каждой строке, заключены глубокие мысли, сравнения, дающие образный материал для размышлений и своим стихотворным певучим ритмом и вызывающие большую настроенность. Я Вам очень благодарен за этот подарок. И он для меня еще тем ценнее, что я здесь на фронте размышляю и копаюсь в своих мыслях, раскапывая многие вопросы, о которых не болела голова в довоенное время.

Я прочел «Падение Парижа». Читать здесь нечего. Я хочу перечитать еще раз и не могу решиться. Так тяжело было болеть и исходить отвращением и любовью к героям романа. Ваш роман читает сейчас по очереди весь полк, и ко мне обращаются за разъяснением многих возникающих при чтении вопросов. Спрашивают, были в действительности Тесса, Виар, Дессер? Я не слышал раньше таких имен, да мне кажется, что это не фотопортреты, а образы политиканов буржуазной Франции. Мне кажется, что в Тесса много черт от Даладьё⁴, хотя он описан, вернее упоминается, самостоятельно. В Виаре я узнаю Блюма⁵ и многих социал-капитулянтов. Дессер! Это, пожалуй, после Горького один из лучших образов умного капиталиста. Умного и честного. Это очень обаятельная фигура, и она только подчеркивает исключительность и нежизнеспособность таких людей в буржуазной старой Франции. Резко контрастирует с другими столпами капитала. Жаль его гибели, но видишь, что это для него выход. Очень обаятелен и теплый образ Мишо. Трогателен Пьер. Радостно видеть, что положительные фигуры романа выписаны так же ярко, как и отрицательные. Живешь вместе с ними и до конца им веришь. Но что мне жаль – это гибели Люсьена. Вы много отдали этому образу и, я думаю, не напрасно. Люсьен, образ молодого человека послевоенной Франции, талантливого, сильно чувствующего, но опустошенного

альковой, ресторанной <жизнью>, живущей подножным моментом сытой Франции.

Так хотелось, чтобы он был сейчас в рядах наших союзников. Может быть, они не были бы тогда так флегматичны и раздумчивы. Конечно, я говорю не об одном Люсьене. Ваш роман отвечает на вопрос, который висит сейчас в воздухе у наших людей: «Не было ли ошибкой заключение договора с Германией о ненападении и дружбе?» С этой Францией, Францией Тесса, Бретейля и Виара вместе идти было нельзя. Я чересчур сильно ненавидел и ненавижу немцев, чтобы душой принять нужность этого договора. Но голова подсказывает логичность этого хода нашей дипломатии. Во всяком случае, «Падение Парижа» раскрывает сейчас нам картину подлости и лицемерия, трусости и недееспособности руководителей Франции 1939–40 годов. Настойчивым языком произведение показывает причины развала и гибели государства. И великая роль Вашей книги для наших людей. Читаешь и задаешься вопросом: Читают ли ее в Англии, в Америке? Так ли она берет за душу народы Америки, Англии, как берет нас, советских людей? Я только что получил Ваше письмо со словами уверенности в выступлении наших союзников. Все-таки, простите мне эту резкость, но наши союзники омерзительны в своей «трезвости» расчетов и военных ходов. «Рассчитывать», когда нужно действовать, – омерзительно. Я понимаю Ваше положение и не жду от Вас никаких высказываний в письмах с разъяснением обстановки и мотивов такого поведения «друзей». Но друзья они плохие, скверные. И мало чему научила их жизнь. Я думаю, что таким поведением они роют себе яму. Народы Америки и Англии преисполнятся чувством неполноценности своих руководителей. У многих явятся мысли в правоте слов фашистской пропаганды о том, что им не страшны Америка и Англия, что Англия умеет воевать лишь чужими штыками. А выбей у нее чужие штыки, и она будет без силы. А зачем они так слепы в своей недейственной муд-

рости? И что они оставят у нашего народа после победы над врагом? Чувство неуважения к ним и недоверия. Нам страшно трудно, но все равно нас не победить немцу. Плюнет им история в глаза – за трусость и «расчеты». С большим удовлетворением я прочел гневное письмо Сталина корреспонденту американской газеты⁶. Он прав! Опять эти «друзья» выпустили победу из рук. Опять навалили на наши плечи всю тяжесть борьбы. Они хотят победить только храбростью своих машин, техники. Черт с ними! Мы уже так научились переживать позор своих «друзей», что больше о втором фронте не говорим. Мы переиначили русскую поговорку «На союзников надейся, но врага добей».

Я хочу еще несколько слов посвятить нашим военным делам. В газетах, особенно «Красной звезде», много уделяется вопросам умения воевать, «воевать не числом, а умением». Много говорят у нас в частях о военной хитрости, о скрытности, внезапности, – но нашему полку в сентябре месяце пришлось поддерживать одну крупную операцию против врага. Кричали о тайне, внезапности, а на участок предполагаемых действий три дня подряд подтягивали войска, запрудив все дороги и дав полную возможность вражеским самолетам видеть переброску. Перебросив людей и технику (достаточно крупную), 2 дня прощупывали оборону противника, а в день наступления, выдав водку пехоте, концентрировали ударную группу в 15 метрах от обороны противника, не позаботившись о скрытности и внезапности. Многие пехотинцы «клюкнули» и стали громко отыскивать свои подразделения, чем враг и воспользовался. Обнаружив такую громкую «внезапность», будучи уже подготовлен, он массированным огнем минометов и батарей совершенно расстрелял этот батальон. А когда пошли в наступление танки, они были в большинстве своем подбиты незамеченными противотанковыми орудиями врага, а пехота прижата к земле массированным огнем минометов. Батареи наши не могли оказать действенной помощи,

т.к. карточки огня, розданные командирам батарей, не отвечали настоящим целям. В результате батареи наши, прогрев для улады себя, неприятельских огневых точек не подавили, танки не могли пройти, а пехота, оказавшись накрытой, понесла тяжелые потери. Вся операция кончилась ничем на 3-й день, и, несмотря на то что мы имели превосходство в силах и технике, на этом участке наши действия ни к чему не привели, кроме как к потерям. Выяснилось, что части, несколько месяцев стоящие на этом рубеже, противника и обороны не изучили, а подобная «внезапность» не дает возможности добиться эффекта даже превосходством сил. Эта так называемая «операция» говорит лишь о том, что мы еще много говорим, а действовать умело не все руководители способны. А разбить врага – можно хитростью, внезапностью, необычным маневром, на который он не сразу сможет ответить. Не умеем мы еще использовать первоначальный успех. Не хватает стремительности, умения наращивать наступление, как произошло в наступлении у нас, первый удар бывает самый сильный, а потом идет вниз, выдыхаясь, и закрепиться не умеем как следует. А люди у нас в бою действуют замечательно.

Это уже не то, что было в 1941 году. Подобные «операции» лишь подрывают веру бойцов в успех своих действий. Обжегшись на молоке, он будет дуть и на воду. Меня почему-то раздражают песенки вроде той, что поет киноартист Крючков⁷: «Воевать мы мастера и сегодня как вчера». Подобное любование и самовосхваление себя пользы не приносит. Доказательством этого служит начало войны с немцем. Мы часто наряду со «скромными» глазами, внутри себя, чересчур уж восхищены сами собой. Это наше качество, русское, бросаться в крайности. А в этой войне мы от этого много теряем. Только что прочли сообщение в газетах о дебатах в английском парламенте по поводу высказывания т.Сталина американскому корреспонденту. Противны они – в своих словопрениях. Я замираю – в душе, думая о величайшем счастье, которого, возможно, добьют-

ся моя Родина, разбив фашизм под Сталинградом. Как всполошились бы друзья, увидя эту победу без их участия. Так жалко, что наша часть не бьется под этим славным городом. Но мы все, участники оборонительных боев, ждем того счастливого момента, когда нам будет приказано «Вперед». А биться мы умеем лучше немцев. За год враг нигде не мог продвинуться ни на шаг на нашем фронте. Жаль лишь, что мы его еще не ковырнули как нужно.

Дорогой тов. Эренбург. Мой адрес изменился. По условиям сохранения военной тайны запрещено упоминать часть, особенность ее, подразделение и мое воинское звание, а просто 1592 полевая почта часть № 112 Александру Федоровичу Морозову.

Матери своей передал Ваши теплые слова от всего сердца – благодарит Вас за них. И старушка моя будет вам благодарна за них, хотя, может быть, и не знает Вас.

А.Морозов.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2545. Л.67-69.

¹ В подлиннике ошибка в номере месяца (написано 8), судя по содержанию, речь идет об октябре 1942 г.

² Имеются в виду испанские стихи ИЭ из его книги «Верность».

³ Журналист, корреспондент «Правды» в Испании в 1936–37 гг., член редколлегии «Правды» и редактор «Огонька» Михаил Ефимович Кольцов (Фридлянд; 1898–1940) был арестован в Москве 13 декабря 1938 г. и расстрелян в Лефортовской тюрьме 2 февраля 1940 г.

⁴ Эдуар Даладьё (1884–1970) – премьер-министр Франции в 1938–1940 гг., подписал Мюнхенские соглашения с Гитлером.

⁵ Леон Блюм (1872–1950) – премьер-министр Франции в 1936–1938 гг.

⁶ 3 октября 1942 г. Сталин ответил на вопросы корреспондента Ассошиэйтед пресс Г.Кессиди: «В сравнении с той помощью, которую оказывает союзникам Советский Союз, оттягивая на себя главные силы немецко-фашистских войск, – помощь союзников Советскому Союзу пока еще мало эффективна».

⁷ Николай Афанасьевич Крючков (1910/1911–1994) – популярный киноартист.

56. О.Е.Эрберг

Ташкент <в Москву;> 12/XII <19>42

Уважаемый Илья Григорьевич,
просьба, с которой я беру на себя смелость обратиться к Вам, заключается в следующем:

После нескольких месяцев пребывания в Ташкенте, куда я был эвакуирован из Москвы вместе с группой писателей, мне удалось наконец попасть на фронт. Я побывал под Сталинградом в качестве военного корреспондента Узбекского Телеграфного Агентства. Но, к сожалению, моя должность вскоре была упразднена, и я был откомандирован обратно в Ташкент. Глубокий тыл не по мне, и поэтому свое возвращение сюда я воспринял так, как если бы меня сослали за тягчайшее преступление.

Вот почему я обращаюсь к Вам с горячей просьбой помочь мне снова выехать на фронт для работы в армейской печати. Быть корреспондентом «Красной звезды» я и не мечтаю, но, может быть, Вы найдете возможным порекомендовать меня какой-нибудь газете или журналу с тем, чтобы я смог выезжать на фронт. В этом случае я приложу удвоенные старания, чтобы полностью оправдать Вашу рекомендацию.

Если же почему-либо это будет невозможно, то я очень просил бы Вас что-нибудь сделать для того, чтобы вызвать меня в Москву. Тогда, по приезде, я буду самостоятельно добиваться намеченной цели.

(Только при условии вызова я смогу получить нужный пропуск.)

В том или ином случае я буду Вам бесконечно признателен и обязан.

Отлично сознавая Вашу чрезмерную загруженность работой, я все же буду надеяться получить от Вас ответ. (Мой адрес: Ташкент, Лермонтовская улица, 15, Эрберг Олег Ефремович.)

Пользуюсь случаем передать Вам, что во время моего пребывания на фронте мне не раз приходилось слышать

от бойцов и командиров замечательные отзывы о ваших статьях, фельетонах и памфлетах, напечатанных в «Красной звезде» и «Правде». А в одной армейской газете я прочел письмо за подписью многих бойцов, в котором они пишут, что всякий раз, когда к ним в руки попадает номер «Красной звезды», они прежде всего ищут в нем Вашу статью.

Лично я целиком присоединяюсь к их мнению.

Уважающий Вас

Олег Эрберг.

Полностью впервые; в сокращении и без комментариев – ЭВ. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2425. Л.1. О.Е.Эрберг (1898–1956) – писатель. Сохранилась подаренная О.Эрбергом ИЭ книга «Путь к Наубехару» (М., 1941) с надписью: «Уважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу, замечательному мастеру прозы, автору превосходнейших новелл о «тринадцати трубках», тончайшему поэту, с благодарностью за внимание, оказанное мне в дни войны. О.Эрберг. 25 апреля 1947 г.». 16 мая 1947 г. ИЭ выступил в ЦДЛ на обсуждении книги афганских рассказов О.Эрберга, решительно поддержав ее и назвав «очень хорошей книгой».

57. Т.И.Тришкин

Действующая армия; 16 декабря 1942

Здравствуй, мой дорогой отец и друг и учитель и как брат по крови и одна у нас с вами цель, Илья Эренбург.

Разрешите вас отблагодарить за вашу мне помощь, моей жене и ребенку. Илья Эренбург, разреши передать вам свой наилучший сердечный фронтовой привет и пожелаю вам наилучших успехов вашей работы.

Илья Эренбург, ваша статья была в «Правде» «Высокое дело» 16/Х 42¹. Я был очень доволен и рад. После этого я получил письмо от жены. Жена мне писала большое тебе спасибо Тиша, после этой статьи мне сразу дали продуктовые карточки и кое-что помогли, а этих барсуков сразу сняли с работы и отдали под суд. Был суд, одному дали

2 года заключения, а второму 3 года заключения. Это очень хорошо, чтоб они понесли бюрократы...

Илья Эренбург, я клянусь вам: еще буду драться. Лучше, до последней капли крови, до полного разгрома Гитлера.

Илья Эренбург, если я жив останусь, то я вас никогда не забуду до смерти и буду вас благодарить за все. И буду вам сообщать все безобразия, которые будут мешать на дороге.

С приветом *старший сержант Тришкин.*

Впервые. Подлинник – РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.2548. Л.95. Орфография письма сохранена.

¹ Статья ИЭ начиналась так: «Я получил письмо от старшего сержанта Тихона Ивановича Тришкина: “Я работал на Подольском заводе. Был счастлив. Во время войны с Финляндией пошел добровольцем на фронт. По возвращении женился и радовался жизни. Но вот напали на нас проклятые немцы. Младший братишка Коля жил со мной. Коля пошел на фронт. Я ему сказал на прощание одно: “Люби народ и люби родину”. Он, наверно, погиб, от него нет слуха. Меня завод не пускал на войну. Но вот подошли к Москве немцы. Я первым пошел в рабочий полк. Люба была беременна. Она заплакала. Я ей сказал: “Люблю тебя, моя Люба, но еще больше люблю родину и Сталина”. Мы, рабочие-подольчане, сражались, как должны сражаться русские люди. Многие мои товарищи погибли. Но мы шли вперед и освобождали родную землю от гада. Моя жена Люба писала мне: “Тиша, я родила и очень крепко болела и чуть не умерла на квартире. Ко мне никто из завкома не пришел, чтобы помочь”. Я ей дал ответ: “Люба, я пока жив, буду уничтожать немцев, буду до последней капли крови драться за родину. Люба, а ты кого попроси, чтобы сходили в завком, оказали помощь тебе и ребенку”. Вот жена мне пишет: “Мне и дочке Тамаре не дают карточек. Я пошла к Сапожкову, а он не хочет даже разговаривать. Я ему говорю, что у меня муж проливает кровь за родину, а ты не хочешь дать ребенку карточку. Тиша, почему у людей каменное сердце?”. Я ей отвечаю: “Люба потерпи. Я тебе помогу”. Я написал рапорт комиссару нашего полка. Комиссар написал справку. Но Сапожков даже не стал читать, говорит: “Здесь я хозяин, а не они”. Мы здесь думаем об одном, как бы разбить проклятого немца, а вот в тылу сидит такой Сапожков и ничего этого не чувствует...”» В заключение ИЭ писал: «Есть у нас еще слепые и глухие. Эти знают одно: номера входящих и

завитушки своей чиновной подписи. Пора им напомнить, что кровь фронтовика тяжелее канцелярских чернил... Поддержать мать командира, помочь жене бойца – это высокое и благородное дело. Это значит подать патроны старшему сержанту Тихону Ивановичу Тришкину. Это значит помочь Красной Армии освободить родину».

58. А.Г.Коонен

Барнаул, 26 декабря 1942

Дорогая Любовь Михайловна, дорогой Горошек¹, очень давно не имеем никаких сведений о вас – мы дважды телеграфировали вам, я отправила вам, уже давно это было, коротенькое письмецо – но ни ответа, ни привета от вас не пришло. Может быть, вы уже переехали в Лаврушенский?

Статьи и стихи Горошка свидетельствуют о том, что, по-видимому, все у вас в порядке. Но все же хотелось бы очень что-нибудь о вас узнать более осязаемо.

У нас, к сожалению, не все благополучно. Уже 1 1/2 месяца болен Ал<ександр> Як<овлевич> Таиров<ов> воспалением печени и желчных путей. 3 недели пролежал в госпитале. Сейчас лежит дома и ужасно обижается и сердится на свою печеньку, на каши и кисели, и на упущенное время в разгаре работы. Как раз сейчас мы работаем над интересным материалом – пьеса Паустовского, написанная специально для нашего театра и для меня лично в качестве героини пьесы², – и, увы, сейчас работа прервана на самом гребне – и сбит весь план и выпуска спектакля, и нашей поездки на фронт (мы должны были выехать с Таировым после премьеры на 10 дней на фронт) и всех дальнейших планов...

Все перевернулось и сбилось в комок.

Стараемся тем не менее не унывать и верить в хорошее и даже очень хорошее будущее.

Театр работает хорошо. Спектакли идут строго «столично» без всяких скидок на эвако-условия, что, короче говоря, требует огромнейших усилий. Публика нас очень любит, местные организации очень заботятся, морозы,

правда, мало любезны и меньше 40° бывает редко... но сейчас мы переехали в квартиру – топим печи и, когда нет буранов, – живем уютно.... но... конечно, – мечтаем о Москве, и ведем серьезные переговоры по этому вопросу, т.к. помимо всего – климат Балхаша и Барнаула прямо противопоказан бедному Таирову, и он здесь, как и на Балхаше, – сильно задыхается от морозов. Черкните нам, милые друзья, мы часто очень вас вспоминаем. Если Таиров сможет скоро приступить к репетициям, – возможно, к концу января он выпустит премьеру Паустовского³, и тогда возможно в феврале мы увидимся в Москве.

Дорогая Любовь Михайловна, большая к вам просьба – если не затруднит – вышлите мне почтой книжечку стихов Эренбурга (им – мне подаренная – застряла в Москве⁴). Мне очень хочется почитать его в концертах. А если есть что-либо у Горошка, что он сам считал бы подходящим для меня, – вышлите также. Здесь ничего нельзя достать.

Горошек, милый, неужели вам совсем не хочется подумать о пьесе? А вот мы с Таировым – думая о пьесах – неизменно думаем о вас. И как это могло бы выйти хорошо. И как «скандально»! ведь форма материала для спектакля (я понимаю, что вам было бы скучновато думать о традиционных «пьесах») может быть – любая...

И ведь – ваше время сейчас поговорить со сцены!

Не согласны?

Вижу вашу усмешку, и рукой махнули, конечно: – «ох, уж эти театральные люди!» – не обижаюсь – а все же подумайте, Горошек!!!

Мы вас крепко обнимаем обоих, сердечный привет Ирине от нас.

Напишите.

Ваша А.Коонен.

Впервые – *Б.Фрезинский*. Алиса Георгиевна и Душистый Горошек // Экран и сцена. М., 29 июня–6 июля 1995. С.14. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1708. Л.1-5. На бланках Камерного театра.

¹ А.Г.Коонен давно называла ИЭ Душистым Горошком (так прозвало светское общество персонажа повести Бальзака «Брачный контракт» Поля де Манервиля, чьи манеры и язык служили законом для всех), поскольку, по ее мнению, московский парижанин ИЭ был человеком, чьи выступления (печатные и устные), суждения и оценки становились фактами общественной жизни 1940–1960-х гг. Вернувшись из оккупированного Парижа в Москву, ИЭ был потрясен исполнением Коонен роли Эммы Бовари и посвятил этой работе статью.

² «Пока не остановится сердце» – пьеса, которую писатель Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) писал для Таирова в Алма-Ате.

³ Премьера спектакля по пьесе Паустовского состоялась 4 апреля 1943 г.

⁴ Речь идет о книге стихов ИЭ «Верность»; этот экземпляр сохранился у Коонен, на нем надпись: «Дорогой Алисе Георгиевне с неизменной любовью Илья Эренбург 26 января 1943» (РГАЛИ. 14 981 а/94492); возможно, в Барнаул была послана и выпущенная в Москве в августе 1943 г. книжка поэм ИЭ «Свобода» с надписью: «Алисе Георгиевне Коонен, Александру Яковлевичу Таирову от всего сердца Илья Эренбург» (РГАЛИ. 14984 а/94495).

59. А.И.Гитович

<Из действующей армии в Москву; 1942>

Уважаемый Илья Григорьевич!

Мне несколько совестно отнимать у Вас время, но я все-таки решился написать это письмо. Возможно, моя фамилия Вам знакома: меня очень много ругали до войны за лирику. Ругали и моих друзей – молодых ленинградских поэтов, объединенных вокруг журнала «Литературный современник». Теперь большинство тех, кто нас ругал, живут кто в Алма-Ате, кто в Молотове, кто в Омске. А трое из нас, «лириков», – погибли в боях за Ленинград – один был штурманом подводной лодки, другой минометчиком, третий сапером. И все были добровольцами, впрочем, как и остальные, оставшиеся в живых.

Это я пишу Вам не для того, чтобы сводить с кем-то старые литературные счета, а просто так – во имя правды.

В той армии, где я работаю сейчас, меня довольно хорошо знают. Поэтому красноармейцы и командиры, встречаясь со мной, всегда спрашивают, знаком ли я с Вами. Когда я отвечаю, что нет, не знаком – они говорят: все-таки у Вас больше шансов увидеть товарища Эренбурга, так что если увидите, то передайте ему наш привет и благодарность.

Конечно, мне очень хотелось бы исполнить их просьбу, но так как война есть война, то на всякий случай я решил написать это в письме. Я хотел бы еще присоединить от себя и от своих друзей глубокую благодарность Вам, написавшему самые правдивые, самые горькие и ободряющие слова из всех написанных кем-либо во время войны.

Мне, уважаемый Илья Григорьевич, никогда раньше не приходило в голову, что я еврей, – я и говорить-то по-еврейски не умею. Сейчас – дело иное. Мне очень совестно, если кто-либо из евреев трусит. А трусов, к сожалению, больше, чем полагалось бы на такой войне. И когда я читаю списки награжденных, я всегда ищу нет ли там еврейской фамилии, и мне очень приятно, что один, еврей по национальности, награжден медалью «За отвагу», причем не только за стихи, а за то, что убил немца, и бомбил немцев с самолета, и причинил им еще кое-какие неприятности. Все это я пишу потому, что знаю – Вы не сочтете это хвастовством.

Если Вы найдете время ответить мне – я буду Вам очень благодарен.

Ваш *Ал. Гитович.*

Впервые – ВЛ, 1993, №1. С.272 (публикация Б.Фрезинского). Подлинник – собрание составителя. За годы войны поэт Александр Ильич Гитович (1909–1966) отправил ИЭ несколько писем.

Отвечая Гитовичу, ИЭ написал: «Прекрасно помню стихи Ваши, Шефнера и еще одного поэта, если угодно, архаика (забыл его фамилию, стихи помню). Судьба поэтов и «критиков» закономерна. Дополню: об одном писателе говорили, что он «оторвался», «чужой», «гнилой парижанин» и т.д. Нужно ли говорить, где хулители?» (см.: Д.Хренков. «Александр Гитович». Л., 1969. С.95).

1943

60. И.М.Майский

Лондон, 20 января 1943

Тов. Эренбургу

Дорогой тов. Эренбург,

посылаю Вам

1) Пять экземпляров английского издания Вашего романа¹.

2) Ряд выдержек из писем ко мне по поводу Вашей книги. В объяснение я должен сказать, что я разослал около сотни экземпляров первого издания книги различным моим знакомым – членам правительства, депутатам, писателям, артистам и т.д. В ответ я получил письма, которые полностью или частично были посвящены оценке Вашей книги².

3) Ряд вырезок из газет и журналов с отзывами о Вашей книге.

Поскольку могу судить, общая реакция на Вашу книгу хорошая. Это не значит, конечно, что все рецензии или отзывы благоприятные. Конечно, нет. Да иначе и не может быть: слишком многие из англичан увидели себя (хотя бы частично) в нарисованной Вами французской картине. В частности, Ваша книга не понравилась Г.Уэллсу³. Весьма характерно также, что наиболее отрицательный отзыв о книге дан на страницах «социалистического» еженедельника «Нью Стейтсмен». Но во всяком случае не подлежит сомнению одно: книга читается и жадно читается и около нее идет много споров и дискуссий. Об успехе книги свидетельствует также тот факт, что первое издание в количестве 25 тыс<яч> экземпляров разошлось за два дня.

Кстати, согласно контракту, Вам полагается за первое издание около 2¹/₂ тыс<яч> фунтов. Royalties. Что с этими деньгами делать?

Я с большим интересом и сочувствием слежу за всеми Вашими писаниями, поскольку они доходят до меня.

Всего лучшего. Всяких Вам успехов. Крепко жму Вашу руку.

Посол СССР в Великобритании *И.Майский*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1857. Л.1. На бланке посольства СССР в Великобритании. Дипломат и историк Иван Михайлович Майский (1884–1975) был знаком с ИЭ с 1924 г.; в пору оттепели их отношения стали особенно дружественными.

¹ «Падение Парижа».

² В ФЭ сохранились присланные Майским копии 13 писем с отзывами о «Падении Парижа» (Ед.хр.1857. Л.2-14).

³ Герберт Уэллс (1866–1946) – англ. писатель; об одной встрече с Уэллсом ИЭ рассказал в 12-й главе 4-й книги ЛГЖ.

61. П.Н.Лукницкий

Москва, 21 марта 1943

Уважаемый Илья Григорьевич!

Вот уже месяц я живу в номере гостиницы, расположенном прямо против Вашего номера.

Всю войну я пробыл в Ленинграде и на Ленинградском фронте. Я – писатель, которого Вы, должно быть, не знаете, но у которого есть двадцатилетний стаж литературной работы.

Обращаюсь к вам, как к человеку больших дум и большой нравственной чистоты. Мне нужно поделиться с Вами моими мыслями, моими сомнениями. Мне хотелось бы беседовать с Вами наедине¹.

Я дам Вам прочитать четыре страницы моего дневника. Прочитав их, Вы сами решите, нужно ли Вам со мной побеседовать или не нужно.

Не без больших колебаний я решаюсь просить Вас помочь мне советом. Ибо не уверен, что могу рассчитывать на Ваше искреннее внимание.

Если Вы захотите оказать мне его, – позвоните мне по номеру К-2024-08. Это телефон моей – 408-й – комнаты.

П.Лукницкий.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1840. Л.1. Павел Николаевич Лукницкий (1900–1973) – писатель, собиратель материалов о поэте Н.Гумилеве.

¹ Эти слова написаны от руки; остальное – машинопись.

62. П.В.Митурич

<Москва, 22 марта 1943>

Уважаемый Илья Григорьевич,

Всекохудожник¹ предлагал мне заключить договор на выполнение Вашего портрета.

А так как я могу это сделать только с натуры, то очень просил бы Вас позировать мне 5-6 сеансов.

Буде Ваше на то согласие, то сообщите мне, когда это можно будет осуществить и в какое время дня? (лучше утром).

П.Митурич.

Впервые (без комментариев и с ошибкой) – ЭВ. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1917. Л.1. Петр Васильевич Митурич (1887–1956) – художник-график. Продолжение сюжета см. №67.

¹ Московское художественное издательство.

63. Вс.В.Вишневский

Ленинград 3/IV 1943

Привет!

Благодарю за книгу «Стихи о войне». Читал ее с внимательной душой... Испанские стихи чем-то свежее, раскрытее («Как жизнь не дожита! Добро какое!.. Расцеловать бы всех!»), чеканнее... Потом через Парижский цикл к циклу 1941–1942-го все горше, сумрачнее – при внутреннем единстве книги.

Солнце Арагона меркнет. Светят только ракеты или копилки в землянках – в снегах России... И верно, – и досадно...

Книга прямая, горькая. Душевная.

Что написать Вам о Ленинграде?

Ограничусь символической заметкой. В госпиталь на днях доставили раненную осколками молодую женщину. Она на последнем месяце беременности. Тяжелые повреждения ног и боль в животе. Проникающая ранка. Сделали операцию. Больная тут же родила. У новорожденно-го из крестца был извлечен осколок бомбы.

Готовимся к летним делам. Братски встретили сталинградцев¹. У нас много тем, встреч. Глядим вперед!

Напишите, если будет желание и время. Порой этого хочется.

Ваш *Вс. Вишневский*.

Мои и С.К.² приветы Любе и т.Мильман.

Впервые – Вс.Вишневский. Собр. соч. Т.6. М., 1961. С.514-515. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1384. Л.3. На бланке Политуправления Балтийского флота.

¹ Т.е. воинские части, переброшенные на Ленинградский фронт из Сталинграда после одержанной там победы над немцами.

² Софья Касьяновна Вишневецкая (1899–1962) – художница, жена Вс. Вишневского (в первом браке – жена Е.Я.Хазина); ИЭ и Л.М.Козинцева-Эренбург были знакомы с ней еще в Киеве в 1919 г.

64. С.А.Лозовский

<Москва;> 12 апреля 1943

Дорогой товарищ Эренбург.

Направляю выписку из письма, полученного мною из Стокгольма.

Как только я получу враждебные отклики на Ваши статьи, я Вам перешлю, а Вы разделаете этих шведских гуже-едов, чтобы им не повадно было лезть в драку.

С приветом

А.Лозовский.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1827. Л.2. Речь идет об откликах на публикации в Швеции антифашистских статей ИЭ.

65. А.К.Тарасенков

<Из Ленинграда в Москву;> 6. V. 1943

Милый Илья Григорьевич!

Вчера пришли первомайские газеты, и я прочитал Ваш «Париж» в «Комсомольской правде» и «Прозерпину». И еще раньше «Судьбу Европы»¹. Мне захотелось написать Вам несколько слов об этих вещах, которые мне страшно близки и дороги. Я так остро почувствовал в этих вещах Вас – европейца, человека русского до мозга костей и именно потому европейца в подлинном и большом смысле слова.

Очень, очень хорош «Париж». Все эти строчки о каштанах, о деревьях Франции, о деревне – Парижа, букинистах, Ронсаре² и эриниях³ – они настоящие, любовные – и потому так остра ненависть к немцам в этой вещи. Я всегда ощущал Францию как глубоко родную, я весь воспитан на Бальзаке, Стендале, Франсе, Верлене, Мопассане⁴, может быть, поэтому чувствую вместе с Вами все эти вещи так близко, так горячо.

Спасибо Вам за то, что Вы написали весь этот цикл превосходных вещей.

Весь жму Вашу руку, пожалуйста, передайте мой привет Любове Михайловне и Ирине. Жаль, что я так и не повидал ее в декабре, когда был в Москве.

Грустно, что не повезло мне с кн<игой> стихов, в издательстве «Советский писатель» ее не приняли. Ну, это преходяще. Все равно я много пишу и хочу писать хорошо. Гл<авным> образом, все о Ленинграде. Кажется, об этом можно писать всю жизнь.

Крепко жму Вашу руку.

Ан. Тарасенков.

Какие нескладные фразы (три раза «все»!)

Простите. Это впопыхах.

Полностью впервые. Подлинник – РГАЛИ. ФЭ. Ед.хр.2213. Л.7-8. С А.К.Тарасенковым ИЭ познакомился в 1930-е гг., когда тот работал в редакции «Знамени».

¹ Перечислены статьи ИЭ: «Париж» («Комсомольская правда», 1 мая 1943), «Возвращение Прозерпины» («Красная звезда», 1 мая 1943), «Судьба Европы» («Правда», 9 апреля 1943).

² Пьер де Ронсар (1524–1585) – франц. поэт, стихи которого любил и переводил ИЭ.

³ Эринии – в древнегреч. мифологии богини мщения и кары.

⁴ Французские писатели Оноре де Бальзак (1799–1850), Стендаль (Анри Мари Бейль; 1783–1842), Ги де Мопассан (1850–1893).

66. Вс.В.Вишневский

<Из Ленинграда в Москву;> 11 мая 1943

Привет, Илья Григорьевич.

Спасибо за письмо и «Париж»¹.

Дел всё больше. Это хорошо. Лето надо отработать с максимальным напряжением. Но сапоги, теплую шапку, свитер и пр. я старательно отложил на зиму 1943/44.

Дела ССП. «Дискуссия». Изречение Асеева и пр. не имеют никакого значения ни для войны, ни, следовательно, для литературы. Надо быть в войне. Напрасно Маяковский обронил о нем несколько слов. Долг перед Красной армией и перед бродвейской лампой (она старается сейчас) не выплачен. Ни гроша не внесено Асеевым.

А чего стоит мычание всех этих эмигрантов из Чистополя и др!?. Все этих беглецов из Ленинграда!

20 мая кончаю пьесу об осени 1941 г., о днях кризиса, о Ленинграде, о морях. Я думаю, что сумею о них рассказать.

Пишу – с наслаждением – листовки к немцам: о том, как бомбят Германию и что надо им, немцам, по сему поводу делать, пишу листовки к испанской дивизии; для эльзасцев (тут у нас их тысячи две – на Ладожском участке) и т.д.

Выступаю по радио; это стало необходимостью, традицией с сентября 1941 г.

Чувствую отрыв от Москвы, от ее «трибун», газет и пр., но надо делать дело на месте прежде всего.

Мои и С.К. приветы Любовь Михайловне и тов. Мильман.

Пишите.

Обнимаю Вас.

Вс. Вишневский.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1384. Л.4-5. На бланке Политуправления Балтийского флота.

¹ Статья ИЭ, напечатанная в «Комсомольской правде» 1 мая 1943 г.

67. П.В.Митурич

<Москва,> 28/VI 1943

Илья Григорьевич, я получил Ваше любезное согласие позировать для портрета и жду теперь, когда назначите время.

Июнь месяц почти весь хворал и не мог работать, теперь с обновленными силами готов взяться за работу.

Жду Вашего ответа.

С большой охотой, со страстностью застоявшегося коня, взялся бы за кисть.

Ваш П.Митурич.

Впервые – ЭВ. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1917. Л.2. Был ли Митуричем выполнен портрет ИЭ – неизвестно.

68. А.Я.Таиров

Барнаул <в Москву;> 11/VIII <19>43

Дорогие друзья,

спасибо за «Знамя»¹. Пишу наспех в театре, чтобы успеть отослать Заславскому² пьесу Блока³. В ней есть своя занятность, но без русского <1 слово нрзб> боюсь высказывать окончательное мнение. Будьте добрыми, передайте Блоку,

что я очень хочу ознакомиться с переводом и тогда – снестись с ним. Алиса шлет вам обоим горячие приветы. Она, бедняжка, больна, лежит – грипп. Надоело здесь до чёртиков. Живем надеждой на скорое возвращение в Москву. Поэма Горошка⁴ нам очень поправилась. Верим в скорую встречу. Я пока держусь. Приступов нет. Обнимаю Вас крепко.

Ваш *Таифов*.

Впервые. Подлинник – ФЭ, Ед.хр.2208. Л.2.

¹ Видимо, речь идет о № 5-6 журнала «Знамя» со статьей ИЭ «В боевом порядке» и поэмой «Прага говорит».

² Возможно, имеется в виду журналист «Правды» Д.И.Заславский (1880–1965).

³ Речь идет о пьесе Жан-Ришара Блока «Тулон» (1943) о восстании французских моряков в Тулоне против гитлеровцев.

⁴ «Прага говорит».

69. А.А.Ахматова

15 августа 1943

Милый Илья Григорьевич,

Посылаю Вам стихи Ксении Александровны Некрасовой¹. Мне они кажутся замечательным явлением, и я полагаю, что нужно всячески поддержать автора.

Стихи Некрасовой уже появлялись в журналах до войны. По эвакуации она попала в горы, на рудники. Потеряла ребенка. Муж сошел с ума и терроризирует её. Сама она на границе всяких бед.

Не знаю, что можно для нея <так! – БФ> сделать, может быть, вызвать ее в Москву, может быть, снестись с Фрунзе² (она в Киргизии), чтобы ее вызвали в центр и снабдили всем необходимым³.

Конечно, самое лучшее было бы напечатать стихи Некрасовой в журнале или газете – Вам виднее.

Пожалуйста, передайте мой привет Любови Михайловне.

Надюша⁴ целует вас обоих.

Ахматова.

Адрес Некрасовой: Сюлюкта, К.С.С.Р. Ошская обл. Советская ул. №102 кв.20 Кс.Ал.Высоцкая.

Мой адр<ес>. Ташкент ул. Жуковского, 54.

Впервые с купюрой – Встречи с прошлым, №5. М., 1984. С.348. Публикация М.А.Рашковской; полностью – *Б.Фрезинский*. Эренбург и Ахматова // Вопросы литературы. 2002, №2. С. 257-258. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1243. Л.1. Анне Андреевне Ахматовой (1889–1966) ИЭ предполагал посвятить 32-ю главу 7-й книги ЛГЖ, написать которую не успел.

¹ Поэтесса Ксения Александровна Некрасова (1912–1958), оказавшись во время войны в Ташкенте, поселилась у Ахматовой.

² Ныне Бишкек (столица Киргизии).

³ В 1944 г. Кс. Некрасова по ходатайству ИЭ была вызвана в Москву.

⁴ Н.Я.Мандельштам жила в Ташкенте вместе с Ахматовой.

70. В.Г.Лидин

<Из действующей армии в Москву;> 21/VIII 1943

Дорогой друг!

Дожидаюсь на пыльном перекрестке попутной машины, я сел в кабину к шоферу, который в прошлом работал в Интуристе, возил как-то под Курском Эренбурга и обедал раз в клубе писателей с Панферовым¹. Это напомнило мне мое прошлое, и мне захотелось написать Вам, автору прекрасной книги о падении Парижа.

Живу на хуторе, Украина, подсолнухи, ночью обломки луны над <1 слово нрзб>. Был в Харькове. Напишите мне по адресу: Действ. армия. Полевая почта 92861 П, и это будет добрым поступком. Я со своей стороны постараюсь посылать Вам материалы, которые Вы сможете использовать для статей. Кланяйтесь, пожалуйста, Розе², которая наверное нарисовала бы букет, стоящий в вазе у меня на столе. Может быть, она нарисовала бы и меня, и если бы

я оказался похожим, например, на Альтмана³, я бы ей все простил, лишь бы она меня рисовала. В свое время я это не ценил и не позировал ей.

Привет Кривицкому⁴ и всем, кто меня помнит.

Редактор мне понравился.

Ваш *В.Лидин*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1812. Л.1. С писателем Владимиром Германовичем Лидиным (1894–1979) ИЭ познакомился в Москве в 1917 г., с 1920-х гг. их связывала тесная дружба. В.Г.Лидин сохранил более ста писем ИЭ (см. П1 и П2).

¹ Федор Иванович Панферов (1896–1960) – писатель.

² Так В.Г.Лидин прозвал Л.М.Козинцеву-Эренбург.

³ Имеется в виду художник Н.И.Альтман.

⁴ Журналист Александр Юльевич Кривицкий (1910–1986).

71. Е.Г.Полонская

Молотов <в Москву;> 5/IX 1943

Дорогой Илья.

Поздравляю тебя с победами нашими, в которых есть доля твоей души. Иной раз вечером или на рассвете слушаешь радио и вдруг от радости заплачешь.

Мне очень понравилась твоя статья в еврейской газете, особенно заключительные слова о месте за судебным столом¹. К сожалению, кроме самого страшного есть еще и менее страшные – фашистские плевелы, залетевшие в нашу вселенную. Как их судить? Они пускают ростки где-нибудь на глухой пермской улице, в душе каких-нибудь курносых и белокрысых подростков, и что может выжечь их души?

Очень хочу тебя видеть. Чагин², кажется, собирается послать мне вызов – это будет кстати, мне хочется привезти в Москву книгу и попытаться наладить жизнь с большим КПД, чем это происходит у меня сейчас.

Посылаю тебе одно стихотворение, не знаю, понравится ли оно тебе. Кажется, оно всего лучше выражает <1 слово нрзб> жизнь. Напиши мне два слова с Гринберг, она

скоро поедет обратно, попроси ее зайти за письмом, или может быть с Козаковым³. Надеюсь, в ноябре приеду сама.

«Прагу»⁴ читала. Она сокращена была? Впечатление такое, точно из нее что-то вынуто. Французского юношу я чувствую лучше, ближе.

Крепко тебя целую. Будь здоров, береги себя.

Твоя *Лиза*.

Полностью впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2055. Л.1. Елизавета Григорьевна Полонская (1890–1969) – один из самых преданных и близких друзей ИЭ (они познакомились в Париже в 1909 г.). Письма ИЭ к Полонской см. в П1 и П2. См. также главу «История одной любви» в книге: *Борис Фрезинский. Судьбы Серапионов*. СПб., 2003.

¹ «Статья Наше место» (Биробиджанская звезда, 11 августа 1943) кончалась так: «Мы можем уступить другим наше место на праздничном торжестве. Одно место мы не уступим: место среди обвинителей. Мы настаим, чтобы никто не отнял у нас права сказать: встаньте, палачи детей! Встаньте и выслушайте приговор! Его диктует наша совесть, его пишут пули наших солдат!».

² Петр Иванович Чагин (1898–1967) – тогда директор издательства «Художественная литература».

³ Михаил Эммануилович Козаков (1897–1954) – писатель.

⁴ Поэма ИЭ «Прага говорит».

72. С.П.Гудзенко

<Из Сталинграда в Москву;> 21/IX 1943

Уважаемый Илья Григорьевич!

Посылаю Вам книжку стихов¹. Это то, что писалось в Сталинграде. Вы это все знаете, но все-таки книжку решил Вам послать.

Собираюсь на Украину. Киев не дает покоя². О тыле больше писать здесь не могу. Снова пишу о фронте. Что получится??

За статью Вам спасибо от молодых сталинградцев, от редакции³. Газету я Вам выслал. Если есть желание и время, напишите еще для Сталинграда.

Вот все. Большой привет Люб<ови> Михайловне.

Семен Гудзенко.

Впервые – ВЛ, 1993, №1. Публикация Б.Фрезинского. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1479. Л.1. Семен Петрович Гудзенко (1922–1953) – поэт; ему посвящена 7-я глава 5-й книги ЛГЖ.

¹ С.Гудзенко. Сталинградская тетрадь (издание выездной редакции «Комсомольской правды», Сталинград, 1943). Надпись на книге: «Уважаемому И.Г.Эренбургу – от всей души С.Гудзенко. 21 IX Сталинград» (собрание составителя).

² Как и ИЭ, Гудзенко был уроженцем Киева; в главе, посвященной Киеву в ЛГЖ, ИЭ цитировал его стихи.

³ Имеется в виду редакция газеты «Комсомольская выездная» в Сталинграде, где Гудзенко работал с мая по ноябрь 1943 г.

73. Е.А.Долматовский

Действующая армия, 30 сентября 1943

Дорогой Илья Григорьевич

С июля месяца – с начала ихнего, а потом наконец нашего наступления, был все время я у людей, вспоминающих Вас – Батова (тов. «Фриц»)¹, Пухова² и Черняховского³, с которыми Вы были в районе Курска⁴.

У Черняховского Вас ждут и говорят, что Вы, как киевлянин, дали слово приехать под Киев⁵. Войска Черняховского самые счастливые, пожалуй, из всей армии – они без поражения прошли: Воронеж, Курск, Льгов, Рыльский, Глухов, Путивль, Конотоп, Бахмач, Нежин.

Очень бы хотелось, чтобы вы приехали к нам – мне из соображений дружеских, а начальству – из начальственных.

Пока что наша газета, числящая Вас своим постоянным сотрудником, жаждет получить статью (завидующие глаза редактора⁶ хотят увидеть не одну статью, а десять) – обязательно статью о Киеве – обращение к нашему бойцу, идущему на Киев. Мы используем уже Вашу статью о Киеве 1941 года⁷, но новая статья просто необходима. При-

шлите ее нам по телеграфу – «Центральный фронт, редакция газеты «Красная армия», на два дня раньше, чем дадите ее в «Красную звезду».

Очень хочется встретиться, поговорить, почитать стихи. Я почти не вылажу с передовой (правда, у журналистов передовая немного дальше переднего края), пишу стихи на коленах. Недавно у меня случилось очередное несчастье: сгорела машина со всем моим архивом – стихами, записями, письмами за всю войну. Всегда в таких случаях кажется, что сгоревшие стихи были прекрасны.

И я, и редакция ждем Вашего послания.

С приветом *Евг. Долматовский*.

Полевая почта 4825-А.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1522. Л.2. Евгений Аронович Долматовский (1915–1994) – поэт; ИЭ познакомился с Долматовским перед войной (сохранилась надпись Долматовского на его книге «Стихи»: «Илье Эренбургу, которым я увлекался в детстве, которым зачитывался в юности, которому завидовал в 1937 году, которого люблю, как поэта и человека всегда. Февр. 1941. Евг.Долматовский» – Л.1), наиболее тесное общение с ним было во время войны, после 1953 г. эти отношения расстроились, поскольку ИЭ не принимал антиоттепельной позиции Долматовского.

¹ Павел Иванович Батов (1897–1985) – генерал армии; ИЭ познакомился с ним во время испанской войны, где Батов находился под именем «Фриц».

² Николай Павлович Пухов (1895–1958) – генерал-полковник, командующий 13-й армией; ИЭ встречался с ним на фронте.

³ Иван Данилович Черняховский (1906–1945) – командующий 60-й армией, с 1944 г. – генерал армии, дважды Герой Советского Союза (1943 и 1944); ИЭ познакомился с ним в Курске в 1943 г. и потом снова встречался с ним на фронте; о Черняховском ИЭ написал в 12-й главе 5-й книги ЛГЖ.

⁴ В освобожденном от гитлеровцев Курске ИЭ побывал в феврале 1943 г., там он написал большую статью «"Новый порядок" в Курске», в которой рассказал о жизни города под немцами..

⁵ ИЭ побывал в освобожденных районах Украины осенью 1943 г. (см. 14-ю главу 5-й книги ЛГЖ).

⁶ Редактором газеты Центрального фронта «Красная Армия» был Н.С.Потапов.

⁷ Статья ИЭ «Киев», напечатанная 27 сентября 1941 г. в «Красной звезде».

74. А.Ф.Морозов

<Действующая армия; сентябрь 1943¹>

Дорогой мой т.И.Эренбург!

Я получил давно уже Ваше письмо и книжечку поэм «Свобода»². Но писать Вам для меня сложное и не всегда выполнимое занятие. Я воевал все лето. Иногда в усталом мозгу закувыркается мысль и думаешь «надо обязательно написать Эренбургу», но я должен в письме к Вам отжаться весь, оградить себя от вторжения всего, что рассеивает горение сердца. Иначе не могу писать. Голова только – не люблю, да и всегда плохо выходит. В душе я много написал Вам писем, но все они не отправлены. Так много вопросов, о которых хочется сказать, пусть даже не услышать на них ответ, лишь бы знать, что услышан.

С величайшим наслаждением прочел поэмы. Не говорю комплиментов, но они действительно прекрасны. Прекрасны для меня. Почему для меня? Есть много людей у нас, непонимающих поэзии, ищущих в ней лишь балакающие ритмы и скулежную лирику для полового истекания или злободневную актуальность. Мне очень понравилась в Ваших стихах именно лирика, чудесная лирика. Не тоскующая, щекочущая «под мышкой», а лирика образов и ритма. Образность Ваших стихов меня и раньше грела. Но в поэмах, особенно в «Париже» и в «Варе», они просто выпуклы на ошупь пальцев, ярки для глаза. «Зачем свечу зажег ты чужеземцу?», «Вдоль стен сидят скрипучие скелеты и т.д.»...»Европа, зеленая печальная звезда»... «Распустятся большие георгины». Да разве приведешь строки, которые так нравятся, так врезаны в память. Ваши стихи не для всех! Их нервный трепет, сложное богатство образов бы-

стро утомят примитивного читателя, воспитанного на «поэзии Лебедева-Кумача³». Само построение стиха, в котором Вы, идя к главному, жадно хватаете из глубин справа и слева брызжущие вспомогательные образы и мысли, — для многих трудно. О нет, нет! Ни в коем случае я не считаю это их недостатком. Меня давно тошнит от примитивизма, от конформизма стихотворного лексикона многих наших поэтов. Обидно, что с тобой говорят, снисходительно прощая тебе бедность знаний и понятий словесного человеческого багажа. А в Ваших стихах, читая, находишь это богатство, которое далеко от словесной казуистики (если так можно выразиться). У меня есть сержант, до войны геолог, любитель поэзии и сам пишущий и, надо сказать, очень неплохие стихи. Я его в этом очень поддерживаю. Так мы с ним прочли и детально разобрали поэмы и пришли к заключению, что они очень хороши. И хороши именно своей лирикой, которая не «вышибает слезу», а зажигает сердце. Надо сказать о некоторых недостатках. Это заключается в том, что при восприятии сюжета произведения натыкаешься на куски, уводящие тебя от него, правда, в очень хорошие по образности и ритмике, но в рассеивающие твою настроенность. Например, в «Париже» кусок «Бывает так сухой белесый день, не дрогнет лист на дереве»... и т.д. После немца трудно воспринять, как в общем, этот кусок. Понимаете ли! Уходит время на раздумье «О чем это? Для чего это написано?» И это раздумье выбивает меня из ритма, вынимает из жаровни огонь. Иногда вплетается адский барабанный ритм стиха. И я заметил, что это там, где начинает прорываться у Вас публицист. Я пишу Вам эти свои неуклюжие замечания для того, чтобы полнее представить Вам восприятие Ваших стихов. Я знаю, что на свете много различных мнений, как раз различные-то автору всегда интереснее слышать.

Очень благодарен Вам за этот подарок. Вы спрашиваете в письме, почему у меня грустный тон? Не знаю, дорогой мой, начинать <ли> объяснение причины этого. Пер-

вая причина – неудовлетворение. Каждый день я путешествую по карте родной страны, и завидки берут к тем, которые движутся. Мы воевали под Мгой. Бросились в бой со всей страстью, отстоявшейся за два года. Но у нас движения очень и очень небольшие. Проклятые болота засосали нас. Потерял я несколько друзей, но усилилась злоба. Немцев ненавижу уже до тошноты. Раньше еще сдерживалась ненависть надеждой на то, что проснутся же они когда-нибудь? Сами расправятся с Гитлером. Но они люди наизнанку. Держатся крепко, как будто каждый из них кровно ненавидит нас. За что? Страшусь только всяких случаев, могущих отвести от них мою, нашу месть! Я не боюсь и не ищу другого слова. Если бы у меня жена была немкой, я забыл бы ее. Д.К.А.⁴ фронта зовет меня к себе работать. В Ленинграде организуют с согласия Жданова⁵ новый театр, зовут тоже, говорят, что Жданов отпустит, но я дрожу при мысли, что меня могут вынуть с линии боя. Не так давно (с месяц) я лежал на поле не как карась на сковородке, а немец бил по этой поляне фугасными 155⁶. Шесть снарядов разорвались от меня не дальше 5 метров. Когда я вылез из-под насыпавшейся на меня земли, я лежал на чудом уцелевшем от прямого попадания пяточке не больше 3 метров в диаметре – так все кругом было вскопано. Я лежал ничком, жевал стебель травы и думал. В чем дело? Почему я, человек архимирной профессии – артист – так осатанел? Боюсь ли я сейчас смерти? Хочу ли убежать? Нет. Смерти не хочу и убежать не могу не потому, что боюсь, а потому, что жду того, ради чего шел на войну. Разбить проклятую Германию – бандита человечества, гнездовье скорпионов в течение уже столетия. Сейчас война у нас кончилась. Мы ждем зимы. И в мороз опять пойдем вперед. Опять будут сопливые фрицы с красными носами пилить «как будто» человеческие глаза.

20.9.<1943>. Много прошло времени, прежде чем я смог снова приняться за письмо Вам. Эти дни принесли

много новых побед и возможность для нас снова броситься в бой. Это несколько улучшило мое настроение. У меня сейчас такое самочувствие, как будто война уже заканчивается. И это вопреки нашептыванию разума. Приходят мысли о театре, о предстоящей якобы работе. И надо признаться, что все эти мысли не приносят мне особой радости. Нет, нет – я страстно люблю искусство и никогда по своей воле ни на что его не променяю. Но я пережил такую ломку оценок происходившего и происходящего в искусстве, столько передумал и перещупал в себе – нашел новые фундаменты чувствований и восприятий жизни, страстно полюбил ее. И могу ли я, как прежде, вернуться работать в старый дом, где все осталось по-старому. Война, поднятые ее вихрем новые требования не затронули, как я (по письмам) вижу, моего гнезда. Все те же размеренные и однообразные шаги искусства. Сладкие воспоминания о заслугах и горделивые ссылки на традиции. Нудный, однообразный поток «благополучных» учреждений «регулирующего» искусства Храпченко⁷, его солидные покрикивания «давай не будем». Как все это скучно. И я боюсь, что после победы Храпченко только утвердится в мнении, что их методы правильные и лишь нуждаются в укреплении⁸. Я не хочу работать в театре, где нет исканий, а только «развитие», где люди зачехлены в мантии деятелей заслуженных, либо пробивающихся. Для меня искусство – это горение, вдохновение, громкий голос. Мне скажут: «Да кто же против этого?», но ужас в том, что никто не опровергает, а Храпченки делать не дают. До омерзения тошно от поэзии, похожей одна на другую, где одни мысли, а чувства нет. И это за малым исключением. От изобразительного искусства, идущего по стопам Бродского⁹, от спектаклей по стопам МХАТа. В жизни прекрасны достижения. А какие же достижения, если нового чураются как черт ладана. Ваш сборник озаглавлен «Свобода». Я хочу ее везде, подчиненную лишь служению человеку, а не это. Простите меня за этот скулеж. Но так больно еще воспо-

минание о прошлой жизни в искусстве. Меня очень тянет к писательству. И все время борюсь с тенденцией писать «как надо» и «что надо», за то, «как хочется» и что горит в душе. Собираю материал к роману на основе войны, моей войны. Отвращение от фашизма настолько сильно, что всё, что тянет человека к оскудению, к казуистическому лозунгу «скромного» человечка, – вызывает чувство глубокого протеста. Я – смешной, видимо, человечек. Может, еще убьют, и я живу будущим. Мечты о том, как прекрасна должна быть у нас жизнь и человек, – советский, не дают мне покоя. Никак не могу замкнуться в личное удовлетворение, что я сделал всё, что мог, и этого достаточно.

Очень поругал жену, что мало описала мне в письме впечатление и восприятие от Вас. Вы мне очень стали близким, и лишь мысль, что таких, как я, для вас много, сдерживает мои чувства в письме. Как хочется видеть Вашу новую большую работу. Сколько должно быть у Вас материала. Сделайте ее оптимистическую, жизнелюбивую. Людям это так надо.

Дорогой мой, не пишите мне писем, ибо я с каждым Вашим, даже в несколько строк – письмом ко мне, чувствую себя вором. Простите за небогатое по содержанию письмо. Я сейчас в новой должности и освоение ее отнимает много времени, загружая голову мыслями о боевых буднях. Думал приехать в Москву, когда начнутся дожди, но сейчас это, видимо, отпадает. Передышки не будет. И не надо. Крепко жму Вашу руку и благодарю еще раз за поэмы.

Ваш А.Ф.Морозов.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2549. Л.53-56.

¹ Недатированное письмо ошибочно хранится в папке писем к ИЭ за 21-31 декабря 1942 г.; датируется по содержанию и с учетом ответа ИЭ от 24 октября 1943 г. (П2, №275).

² Сборник 4-х поэм ИЭ «Свобода» вышел в Москве в начале августа 1943 г.

³ Василий Иванович Лебедев-Кумач (1898–1949) – поэт-песенник.

⁴ Видимо, Дом Красной Армии.

⁵ Андрей Александрович Жданов (1896–1948) – с 1934 г. партийный руководитель Ленинграда.

⁶ 155-ти миллиметровыми снарядами.

⁷ Михаил Борисович Храпченко (1904–1986) – в 1938–1948 гг. председатель Комитета по делам искусств СССР.

⁸ ИЭ на это ответил Морозову: «Мне очень понятно и близко все, что вы пишете об искусстве: это мои мысли и чувства. Минутами я начинаю надеяться, что такие как Вы, вернувшись после войны, окажутся сильнее рутины и ограниченности. Минутами я сам впадаю в хандру» (П2, №275)

⁹ Художник Исаак Израилевич Бродский (1883/1884–1939) – в советское время автор портретов вождей и полотен на историко-революционную тему.

75. Е.Л.Ланн

Москва, 27 окт. <1>943

Дорогой товарищ Эренбург.

Вчера я слушал Вас в клубе ССП. Мне пришлось уйти до конца Вашей беседы, ибо совсем недавно – недели две назад – я получил из Харькова точные сведения о гибели всей моей семьи в декабре 1941 года, и не по силам было слушать Ваши простые и строгие слова о том, что Вы видели на Украине. Если случайно Вы заметили мой уход, не обессудьте.

Придя домой и вспоминая Вашу беседу, хочу Вам сказать, что я очень ясно почувствовал ту огромную общественную ценность Вашей работы, какую Вы взяли на себя и с таким достоинством несете в течение двух с лишним лет. Вы – единственный среди наших крупных писателей, кто понял острее, чем все остальные, необходимость в наши дни отрешиться от высокомерной уверенности, что еще одна хорошая «над схваткой» более ценна, чем трудная, очень трудная работа, какую Вы избрали. Для этого необходимы не только большое мужество в преодолении честолюбия, но и самоотречение и большая душа...

Слушая Вас, я почувствовал, что из всех писателей на-

шего страшного времени Вы – один – будете вправе смотреть прямо в глаза нашим детям и внукам. Боюсь, что все остальные будут что-то лепетать о «праве художника» или о том, что должны, дескать, были заслониться от ужасов происходящего каким-нибудь щитом.

Мне кажется, я имею право сказать Вам о своем восхищении Вами хотя бы потому, что сам принадлежу к числу тех, кто избрал именно такой заслон...

Благодарный Вам и уважающий Вас

Евгений Ланн.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Евгений Львович Ланн (1896–1958, покончил с собой) – писатель.

76. Л.Майльстоун

Из Беверли Хиллс (США) в Москву; 6 ноября 1943

Милый Эренбург,

Только что прочел в газетах радостное известие, что советские войска взяли Киев. Мне невольно захотелось в связи с этим написать Вам несколько слов, выразить в Вашем лице мое восхищение героизмом русского народа и сказать, что я мечтаю о том времени, когда война закончится победоносно для нас и я смогу поехать на более продолжительный срок в Советский Союз.

От времени до времени читаю Ваши корреспонденции с фронта; кое-что из них попадает в наши американские газеты.

Недавно закончил большую картину «Северная звезда»¹, посвященную событиям в Советской Украине во время нашествия туда немцев. Ее видели местный советский консул и представитель Советской кинематографии, и оба нашли, что все изображено правдиво. Думаю, что рано или поздно, но увидите эту картину, потому что экземпляр ее послан в Москву.

Сейчас я работаю над постановкой очень интересного

фильма на сюжет полета американских летчиков в Японию и их там казни по приговору Японского суда. Вещь высоко драматичная и выделяющаяся из разряда заурядных американских картин. Среди актеров нет ни одной «звезды» и поэтому работать с ними гораздо более интересно, чем со «знаменитостями». Все роли японцев исполняются китайцами, среди которых есть несколько талантливых и интересных людей.

Ваш последний роман, посвященный гибели Парижа, я прочел с громадным интересом. Между прочим, Бертенсон², который по моей просьбе перепечатывает это письмо на машинке, виделся незадолго до смерти у Рахманинова³ с ним и он говорил ему, с каким интересом он читал Вашу книгу. Я решил, что Вам приятно будет об этом услышать.

Был бы очень рад получить когда-нибудь от Вас известие. Мой адрес такой:

1103 Sen Ysidro Drive
Beverly Hills, Calif.

Шлю Вам самый искренний привет от себя и Бертенсона.

Крепко жму Вашу руку

Ваш *Майльстон*.

Впервые. Подлинник (на бланке «20 centure Fox») – ФЭ. Ед.хр.1856. Л.1. С американским кинорежиссером Льюисом Майльстоуном (Лев Мильштейн, в ЛГЖ – Леонид Мильштейн; 1895–1980) ИЭ познакомился и подружился в 1933 г. (см. ЛГЖ 1-я глава 4-й книги).

¹ Фильм снят по сценарию драматурга Лиллиан Хелман (1943).

² Бертенсон, видимо, исполнял обязанности секретаря Майльстоуна.

³ Композитор и пианист Сергей Васильевич Рахманинов (1873–1943) с 1918 г. жил в США.

77. С.М.Михоэлс, И.С.Фефер

<Из Лондона в Москву; 7 ноября 1943>

ЛЮБИМЫМЫМ ИЛЬЕ ГРИГОРЬЕВИЧУ ЛЮБОВИ
МИХАЙЛОВНЕ ГОРЯЧИЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ПРАЗД-
НИКОМ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ СЧАСТЛИВЫ ЧТО
НАШ ПРАЗДНИК СОВПАДАЕТ С ИСТОРИЧЕСКИМИ
ПОБЕДАМИ ГЕРОИЧЕСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ СКО-
РО УВИДИМСЯ = ВАШИ МИХОЭЛС ФЕФЕР

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Телеграмма от-
правлена (по-английски) по пути из США в Москву председателем Ев-
рейского антифашистского комитета СССР художественным руково-
дителем Государственного Еврейского театра Соломоном Михайло-
вичем Михоэлсом (1890–1948) и сопровождавшим его И.Фефером.

78. Д.Д.Шостакович

<Москва;> 9/XI 1943

Дорогой Илья Григорьевич

Если Вы будете свободны 10-го ноября, то выполните
пожалуйста, мою большую просьбу: сходите в большой зал
Консерватории и послушайте мою 8-ую симфонию¹.

Д.Шостакович.

Впервые – *Борис Фрезинский*. Эренбург и Шостакович. Нева, 1989, №8. С.206. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2391. Л.1. На обороте этой записки: И.Г.Эренбургу от Д.Шостаковича. С композитором Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем (1906–1975) общение ИЭ стало более-менее регулярным с октября 1941 г., когда они 5 дней ехали в одном отсеке пригородного поезда из Москвы в Куйбышев.

¹ ИЭ писал в главе 5-й книги ЛГЖ: «Я вернулся с исполнения потрясенный: вдруг раздался голос древнего хора греческих трагедий. Есть в музыке огромное преимущество: она может, не упоминая ни о чем, сказать все».

79. А.Ф.Морозов

Действующая армия; 10 ноября 1943

Дорогой, бесконечно дорогой мне товарищ И.Эренбург.

Я получил Ваше письмо и книгу «Война»¹, прочел еще не всю. И время еще не позволило, да и книга не такова, что ее читать спеша не хочется. Почти после каждого фельетона хочется, и я это делаю, покопаться в его красотах, настроениях, мысли. Вы не правы, когда говорите, что книга устарела². Она живет каждой своей страницей, каждым словом. Она ярчайшая история этой великой войны. Читая ее, я на каждом фельетоне оставляю воспоминания, связанные с моим участием в войне. Я узнаю фельетоны, читанные мною при отступлении, окружении в моменты, когда щемило сердце от горя за потери и разгром. Вспоминаю, как они буравили мне душу, кипятили кровь, проясняя яростью и страстью своей мои надежды, убеждения, уверенность. Нет! Я не знаю ничего, кроме собственного чувства к Родине, что было бы действеннее и пламеннее Вашей книги. Это не фельетоны, а сгустки крови, чувства и страстных убеждений и призывов. Не напиши Вы более ничего, и все равно Ваше имя пламенного трибуна человечества останется в веках, как набата, будившего боевую страсть у нас, солдат.

Я чересчур хорошо знаю русских людей для того, чтобы сказать, что на всех она производит такое же впечатление, как на меня. Для некоторых она чересчур яростна, обнажена и беспокойна. Я говорю о тех пуританских «старых девах», которые желают «облагородить» и всё и вся. Их много среди наших литераторов, поэтов, среди тех, кто еще не почувствовал, что такое ненависть, не чувствовал ее у себя в глазах, в висках и в пальцах. Кто говорит о «святой пенависти» с благородным дражементом в голосе. Словом, лжет, подделывается – под ногу. К таким я отношу А.Толстого и других. Может быть, они и не виноваты в том, что этого не чувствуют. Они не потеряли любимых,

не били врага, видя его лицо, его дела творимые им на твоих глазах. Видеть зверства врага еще не значит уметь его яростно ненавидеть.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2556. Л.80. Сохранился только 1-й лист этого письма.

¹ Письмо ИЭ от 24 окт. 1943 (см. П2, №275); И.Эренбург. Война. Апрель 1942 – март 1943. М., 1943. В 1942, 1943, 1944 гг. вышло три ежегодных сборника военной публицистики ИЭ; в 1945 г. набор 4-го сборника был рассыпан.

² ИЭ писал Морозову 24 октября 1943 г.: «Шлю Вам «Войну». Она уже отстала от событий. Все это написано для одного дня. Для детей будут писать потом: немного правдивей и немного обманчивей – психологический реализм плюс историческая легенда».

80. М.Н.Левина (Жиреева)

<Кисловодск, 1943>

Илья,

Я вынуждена обратиться к Вам, т.к. никто другой не сможет мне помочь. Я парижская «Наташа», подруга юных лет Лизы Полонской. Теперь Левина Мария Николаевна. Жила в Харькове¹, была доцентом педагогического института иностранных языков и кандидатом педагогических наук. При наступлении немцев по причинам личного характера не успела эвакуироваться, т.к. наш институт планоно не эвакуировался, а мой муж не имел возможности взять меня с собой. Я осталась одна в оккупированном городе². Из-за еврейской фамилии и полуеврейского происхождения я, конечно, не могла рассчитывать на «спокойную» жизнь. Но действительность превзошла все ожидания. Кроме того, меня знали в городе как автора антифашистских статей и выступлений. То, что я пережила за это время, не поддается описанию. Меня выбросили из квартиры, лишили имущества, я скрывалась от донощиков. К лету <1942> я решила бежать из Харькова, перейти фронт и попасть к своим. Я пешком прошла Донбасс и

весь Северный Кавказ. Но мое путешествие совпало с наступлением немцев. Фронт отодвинулся далеко. Я пришла только в Кисловодск, где у меня жили родные, и осталась тут. Здесь я продолжала скрываться и дождалась прихода Красной Армии³. Теперь я получила работу, но это меня не удовлетворяет. Все пережитое слишком огромно, чтобы о нем молчать. Я стара, больна, низведена до положения нищей. Мне скоро надо умереть. Но я не хочу умирать, не рассказав людям обо всем пережитом. Нет лучшей антифашистской агитации, чем правдивый рассказ очевидца. Я хочу говорить о «новом порядке»⁴, который я видела воочию, хочу говорить о потрясающей человеческой подлости тех, кого мы называли раньше «советскими людьми», хочу говорить об исключительном благородстве и мужестве тех, кого мы по праву должны называть советским человеком. Весь остаток жизни я хочу отдать этой агитации против фашизма, против зверства⁵.

Помогите мне в этом. Здесь нет возможности ни писать, ни выступать. Я не могу даже ничего написать. Вот эти клочки бумаги у меня последние. У меня нет даже места, где писать, нет возможности сосредоточиться. Помогите мне переехать в Москву, хотя бы на время, пока я смогу привести в порядок и изложить свои мысли и факты, касающиеся моего пребывания в Харькове и почти 1500 километровой пути пешком.

Если Вы можете и хотите мне помочь в этом – напишите мне сюда и пришлите вызов хотя бы для временного въезда в Москву. У меня там есть родственники, я устроюсь сама.

Я живу в Кисловодске – ул. Шаумяна, 25.

Мария Николаевна Левина.

Помогите, Илья, очень прошу Вас об этом.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1676. Л.1-2.

Мария Николаевна Левина (по второму мужу Киреева; 1889–1973) – участница русского социал-демократического движе-

ния (партийная кличка Наташа); с ИЭ познакомилась в Париже в 1909 г. (ее написанные в 1960-х гг. воспоминания об ИЭ см. ВЛ, 1982, №9, с.144-157; публикация Б.Фрезинского); после войны жила в Подмоскowie.

¹ ИЭ виделся с М.Н.Левиной в Харькове в 1926 г. и написал об этом Е.Г.Полонской (см. П1, № 471).

² Немцы захватили Харьков 25 октября 1941 г.

³ Кисловодск освободили 11 января 1943 г.

⁴ В 1943 г. ИЭ, посетив освобожденные от немецкой оккупации районы, написал очерки об увиденном и услышанном «"Новый порядок" в Курске» (КЗ, 26 и 27 февраля 1943, перепечатаны многими местными и военными газетами; в 1943–1944 гг. вышли шестью отдельными изданиями), которые, видимо, и подтолкнули М.Н.Левину обратиться к нему за содействием. В 1943 г. была введена уже весьма жесткая цензура на все материалы, связанные с описанием поведения населения во время оккупации (своего рода "лимит на предательство").

⁵ Дальнейшие события в стране показали нереализуемость этой задачи.

1944

81. Н.Я.Мандельштам

<Ташкент,> 22/III 1944

Дорогой Илья Григорьевич!

Можешь ли ты сделать мне большую человеческую услугу? Этот мальчик сделан из чудесного материала. Я очень хочу, чтобы он остался живым, чтобы он стал человеком. За годы эвакуации мы его очень полюбили. Он сын партизана. Ему было очень плохо. Наркомпрос Узбекистана сделал очень много для одаренных детей, а Валию Берестова¹ буквально спас. Нужно, чтобы и Москва ему помогла.

Ему нужно немного: позвонить в Наркомпрос или в Горно и попросить, чтобы его, как очень одаренного подростка, взяли в Московский детдом². А дальше за него нечего бояться: он найдет себе дорогу и в школу, и в библиотеки, и в университет.

Если ты никого не знаешь в Наркомпросе – это неважно. Они тебя знают. Даже я делала такие вещи пачками и уверена, что ты сделаешь это для меня. Я очень об этом прошу.

Как Люба? я была бы очень рада, если б она мне написала. Ау, Люба! Помните, как мы встречались на Бессарабке³?

Я преподаю в Ташкентском университете английский язык. Живу с Анной Андреевной <Ахматовой>. Она скоро уезжает, а я, может, здесь останусь.

Если будете пить вино, выпейте за живых и мертвых и пришлите о том телеграфное извещение.

А мы выпьем за вас.

Любушка, целую.

И Илью целую.

Ваша *Надежда Мандельштам*.

Ташкент, Жуковского, 54».

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ Валентин Дмитриевич Берестов (1928–1998) – детский поэт, ме-муарист.

² Как рассказывал В.Д.Берестов составителю в 1986 г., ИЭ просьбу Н.Я.Мандельштам полностью выполнил.

³ Площадь в Киеве.

82. Л.Н. Мартынов

Омск <в Москву;> 26/III 1944

Уважаемый Илья Григорьевич!

На днях я прочел Вашу статью «Наш гуманизм»¹. Прекрасная статья, но читая ее я испытывал чувство горечи. И вот почему: эту зиму я, сидя в библиотеке того учебно-

го заведения, в котором нахожусь, написал книгу очерков по истории этого учебногo заведения. Там, наряду с другими главами, есть глава «О гуманизме», написанная, вероятно, во много-много раз хуже, чем ваша прекрасная статья, но имеющая тот же смысл, такой же вывод. Только она построена на местном материале – на материале 1920–1939 годов и на письмах фронтовиков Отечественной Войны, питомцев училища. Итак, там, в книге, наряду с другими главами есть и такая глава, но книга лежит без движения, и я лишен возможности предлагать ее главы для опубликования в журналах. Там есть глава на печатный лист о генерал-майоре Гуртьеве², его деятельности в Сибири и на фронте, глава, построенная на новых материалах, добытых мною у вдовы и сына генерал-майора. Там есть главы о героях Советского Союза – сибиряках. Там есть глава о Куйбышеве и о делах столетней давности...

Все это лежит пока без движения; во всяком случае, я не могу публиковать. Это раз. Второе: если Вы услышите, что я здоров и бодр, это – неверно. Я болен, едва ковыляю. Ноги пухнут и болят.

Третье: я бы очень хотел, чтоб «Знамя» попросило мою книгу, или, если не «Знамя», то «Красная звезда», или Вы бы сами ее почитали, а я бы оказался в Москве и имел возможность говорить с Вами.

Впрочем, о моих делах Вы информированы.

Был бы счастлив получить от Вас подтверждение получения этого письма.

Уважающий Вас

Леонид Мартынов.

Впервые – *Б.Фрезинский*. Леонид Мартынов и Илья Эренбург/Складчина, №2. Омск, 1996. С.535 (исправлена описка Мартынова: вместо 1944 г. он написал: 1943-й). Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1883. Л.1-2. С поэтом Леонидом Николаевичем Мартыновым (1905–1980) ИЭ лично познакомился в Москве в апреле 1941 г. и высоко оценил его поэзию (об этом рассказывается в 40-й главе 4-й книги ЛГЖ).

¹ Красная звезда, 18 марта 1944.

² Л.Н.Гуртьев (1891–1943) возглавлял в Омске пехотное училище, погиб под Орлом.

83. Н.М.Грибачев

<Из действующей армии в Москву;> 26 марта 1944

Уважаемый товарищ Эренбург!

Писать фронтовику в тыл по вопросам литературы – дело не только хлопотливое, но чаще всего и бесполезное, как бросание камешков в омут. Ведь не ответят, а если и ответят, так с неохотой, словно выплюнут жвачку! Мне довелось, например, быть на двух совещаниях писателей двух Украинских фронтов, и хотя до литературной Москвы было не более тысячи километров, чувствовали все себя как заброшенные на Луну, притом без близкой перспективы установить связь с соседними планетами или хотя бы спутниками. Правда, последнее совещание союз почтил телеграммой о выезде представителя, но, видать, по дороге его «разбомбили» сомнения и трудности пути – не доехал. Так и прошло по-сиротски, без отчего благословения.

Не буду говорить, что такое отношение является обидным – мы знали синяки покрепче и научились не очень носиться с личными чувствами. Хуже другое: вред, который таким образом наносится общелитературному делу. Беру на себя смелость заявить, что между литераторами-фронтовиками и оборонной секцией союза нет ни контакта, ни взаимопонимания, а единственная форма влияния союза на фронтовиков через журналы и прочее чаще всего приводит к порочной продукции. Чего, например, стоят все эти стишки о том, как солдат идет в бой, распевая песню о любимой или что-либо в этом роде? Чего стоят бесконечные варианты «Синего платочка»! Неужели так и не подыметесь смелый и авторитетный голос в защиту русской поэзии против пошлости, с которой, как с грязью на солдатских сапогах, мы рискуем дойти до самой победы? Но по-

шлость, хоть и плавает на поверхности, с ней легче воевать, а что делать с бесконечным потоком стихов пустых, трескучих и бездумных, в которых при титаническом труде не обнаружишь и теги собственной оригинальной мысли? Ими, такими стихами, забиты сплошь и рядом журналы.

Чорт знает, наваждение какое-то!

Но я увлекся и уклонился от причины, которая заставила меня обратиться к Вам. И тут я сразу попадаю в идиотское противоречие с самим собой – обращаюсь-то я к Вам по личному вопросу с просьбой прочесть вторую главу поэмы «Россия», которую прилагаю, и, если найдется время – а я знаю, что у Вас его немного, – хоть в паре строк сообщить Ваше мнение. Почему именно к Вам? Говорю без лести, под честное слово – потому, что всегда, в том числе в самые трудные минуты, Ваш голос был с нами, потому, что Вы пользуетесь доверием фронтовиков. Кроме того, Ваш авторитет и любовь к русской литературе гарантируют прямооту и резкость суждений – наилучшие качества в критике.

Я не графоман и лучше, чем мои читатели-фронтовики, принявшие поэму с весьма лестной для меня оценкой, понимаю слабость моего пера. Приятно получать из окопов письма с благодарностью, приятно слышать похвалы генералов, но стихи испытывает время и суд авторитетов, а перед этим судом я чувствую себя учеником, пусть и усердным, но с минимальным багажом.

Возможно, я даже при этих условиях не решился бы беспокоить Вас, если бы не два дополнительных обстоятельства. В декабре месяце я собрал ряд стихов и первую главу поэмы и направил в оборонную секцию ССП в качестве доклада, что еще жив, что пишу, что прошу хоть в двух словах откликнуться на мою работу. Ответа нет. В конце декабря в связи с успехом первой главы «России» и перепечатками ее различными фронтовыми газетами ко мне зашел сотрудник «Красной звезды» и попросил экземпляр для посылки в редакцию. Я дал, но ответа так никакого не получил. Осталось два выхода – забыть, что су-

ществует еще где-то литература и печать и довольствоваться фронтом или обратиться лично к кому-нибудь из авторитетов. Я избрал последний.

Мою просьбу к Вам я уже изложил – если найдете время, прочтите и хоть в нескольких словах сообщите Ваше суждение.

О себе.

До войны работал в Смоленске. До октября 1941 г. был командиром взвода саперов на Центральном фронте, позже участвовал в боях под Москвой. После того как потерял часть, прибыл в НКО, там сказали, что газетной и литературной работы нет, на выбор: резерв или командирская работа. Принял последнюю. С 28 февраля 42 г. – командир саперного батальона, форсировал дважды Дон, дважды – Донец, позже – инженер гвардейской дивизии, с мая 43 г. по приказу свыше переведен в армейскую газету. Дом мой погиб, дом отца сожжен, два брата убиты, сестра одна – на фронте, вторая – на Урале, отец и мать в разных местах. Вот и вся моя биография. Писал, где и как приходилось, воевал, где приказывали, награжден двумя орденами.

Впрочем, последнее к поэзии отношения не имеет, а на Ваш суд я прихожу в качестве поэта.

С приветом *Н.Грибачев.*

Так как в Н. я нахожусь проездом с фронта на фронт, пишите по адресу 43163–А, полевая почта, Н.Грибачев.

Впервые (в 7-й главе 5-й книги ЛГЖ автор полемически цитировал это письмо). Подлинник – собрание составителя. Литератор Николай Матвеевич Грибачев (1910–1994) после войны стал одним из активных функционеров Союза писателей, выполняя самые недостойные поручения властей (такова, например, была его роль во время откровенно антисемитской кампании по борьбе с «космополитами»). Впрочем, уже стилистика этого письма Эренбургу позволяет увидеть в авторе будущего чиновника от литературы.

84. А.М.Коллонтай

Стокгольм, 15 апреля 1944 года

Дорогой товарищ Эренбург, сердечное спасибо Вам за Ваши книжечки и за теплые слова. Вы ведь знаете, как в Швеции Вас ценят и любят как большого писателя. Я бы очень хотела снова повидать Вас здесь и оказать Вам теплое гостеприимство. Мы Вам так благодарны за теплые статьи, которые брали в шведскую прессу. Работаю я очень много, и дела большие, но сердцем и мыслью, конечно, у себя на дорогой Родине. Надеюсь, что уже скоро можно будет самолетом прилететь в Москву. Тогда повидаемся. А пока тепло жму Вашу руку, желаю всяческих успехов в работе и всего Вам хорошего. Посол *А.Коллонтай*.

Впервые – *Б.Фрезинский*. А.М.Коллонтай и И.Г.Эренбург // Всемирное слово, 2002, №15. С.31. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1698. Л.1.

Из поздравительных телеграмм и приветствий в связи с награждением 30 апреля 1944 орденом Ленина (Для подлинников, хранящихся в ФЭ. Ед.хр. 2461, указываются только номера листов.)

85. Д.И.Ортенберг

Действующая армия, 1 мая 1944

ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ОТ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЮ С ВЫСОКОЙ ДАВНО ЗАСЛУЖЕННОЙ НАГРАДОЙ ТЧК НЕТ В НАШЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ НИ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА КОТОРЫЙ БЫ НЕ РАДОВАЛСЯ СЕГОДНЯ ЗА ВАС ТЧК А Я ОСОБЕННО РАД ЖЕЛАЮ ВАМ НОВЫХ УСПЕХОВ И ЗДОРОВЬЯ = ОРТЕНБЕРГ

Л.128. Давид Иосифович Ортенберг (генерал Вадимов; 1904–1998) – главный редактор «Красной звезды» (1941–1943).

86. В.П.Катаев

Москва, 1 мая 1944

ПРИВЕТСТВУЮ = КАТАЕВ

Л.141.

87. П.Д.Маркиш, И.М.Нусинов

Москва, 1 мая 1944

СЛОВО ВЕЛИКОГО МАСТЕРА НАШЕГО НАРОДА
ПОЛУЧИЛО СПРАВЕДЛИВУЮ ОЦЕНКУ ИСКРЕННЕ
ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ =
МАРКИШ НУСИНОВ

Л.158. Перец Давидович Маркиш (1895–1952, расстрелян) – еврейский поэт; ему посвящена 13-я глава 3-й книги ЛГЖ. Исаак Маркович Нусинов (1889–1950, репрессирован) – литературовед; ортодоксально классовые суждения его о литературе, несомненно, раздражали ИЭ (в 30-й главе 3-й книги ЛГЖ он привел 2 цитаты из его статей как пример тогдашних «тщательных упрощений», не назвав имени автора цитат).

88. Вс.В. и Т.В.Ивановы

Москва, 1 мая 1944

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ПОЗДРАВЛЯЕМ ВЫСОКОЙ НА-
ГРАДОЙ ВАС ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНУ ПРИВЕТСТВУ-
ЕМ = ТАМАРА ВСЕВОЛОД ИВАНОВЫ

Л.171.

89. И.Л.Сельвинский

Москва, 1 мая 1944

ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ ОРДЕНОМ ЛЕНИНА ЖЕ-
ЛАЮ ЗДОРОВЬЯ И ВДОХНОВЕНИЯ ОБНИМАЮ ВАС =
ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

Л.172. Илья Львович Сельвинский (1899–1968) – поэт.

90. И.Д.Черняховский

3-й Белорусский фронт, 2 мая 1944

ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЮ С ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДОЙ ЖЕЛАЮ КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ СИЛ И НАИЛУЧШИХ УСПЕХОВ В ВАШЕЙ БЛАГОРОДНОЙ БОЛЬШОЙ РАБОТЕ = ЧЕРНЯХОВСКИЙ

Л.125.

91. Л.М.Квитко

Москва, 2 мая 1944

ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ВЫСОКОЙ НАГРАДОЙ ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ МНОГО ЛЕТ ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЫ = КВИТКО

Л.142. Лев Моисеевич Квитко (1890–1952, расстрелян) – еврейский поэт.

92. И.А. и Т.К.Груздевы

Ленинград, 2 мая 1944

БЕЗГРАНИЧНО РАДЫ НАГРАЖДЕНИЮ ПОЗДРАВЛЯЕМ ДОРОГОГО ИЛЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧА ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНУ ВСЮ СЕМЬЮ ПОЗДРАВЛЯЕМ С ПЕРВЫМ МАЯ = ГРУЗДЕВЫ

Л.145. Илья Александрович Груздев (1892–1960) – критик, литературовед; Татьяна Кирилловна Груздева (1898–1966) – его жена; ИЭ был знаком с Груздевыми с 1920-х гг.

93. А.И.Дейч

Москва, 2 мая 1944

ПРИМИТЕ ГОРЯЧИЕ ПОЗДРАЛЕНИЯ СТАРОГО

ДРУГА ЛЮБИВШЕГО ВСЕГДА ВАШЕ СЕРДЦЕ И ВАШ
ТАЛАНТ = АЛЕКСАНДР ДЕЙЧ

Л.143. Александр Иосифович Дейч (1893–1972) – писатель, литературовед, переводчик; ИЭ познакомился с ним в Киеве в 1919 г.

94. В.М.Инбер, И.Д.Страшун

Ленинград, 2 мая 1944

РАДУЕМСЯ ЗАСЛУЖЕННОЙ ОЦЕНКЕ ВАШЕГО
ТРУДА ВЫ СЛУЖИТЕ ОБРАЗЦОМ ДЛЯ МНОГИХ = ИН-
БЕР СТРАШУН

Л.165. Вера Михайловна Инбер (1890–1972) – поэтесса, с которой ИЭ познакомился в Париже в 1911 г.; Илья Давыдович Страшун (ум. 1966) директор 1-го мединститута в Ленинграде, муж В.Инбер.

95. М.В.Исаковский

Москва, 2 мая 1944

ИСКРЕННЕ ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС ПОЛУЧЕНИЕМ ВЫ-
СОКОЙ НАГРАДЫ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЖЕЛАЮ ВАМ
ДАЛЬНЕЙШИХ УСПЕХОВ РАБОТЕ = ИСАКОВСКИЙ

Л.168. Михаил Васильевич Исаковский (1900–1973) – поэт, песенник.

96. В.Я.Шишков

Москва, 2 мая 1944

ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ ДОРОГОГО ИЛЬЮ ГРИГО-
РЬЕВИЧА ВЫСОКОЙ ВПОЛНЕ ЗАСЛУЖЕННОЙ НА-
ГРАДОЙ =ВЯЧЕСЛАВ ШИШКОВ

Л.177. Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) – писатель.

97. И.С.Исаков

2 мая 1944

Дорогой Илья Григорьевич!

Привет! Самые сердечные поздравления. Салют флота.

И.Исаков

ФЭ. Ед.хр.1626. Л.1. Иван Степанович Исаков (1894–1967) – адмирал флота СССР; о встречах с ним в годы войны ИЭ упоминает в ЛГЖ.

98. С.С.Прокофьев

Архангельск, 3 мая 1944

ОТ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЮ ВЫСОКОЙ НАГРАДОЙ =
ПРОКОФЬЕВ

Л.155. Сергей Сергеевич Прокофьев (1891–1953) – композитор; ИЭ поддерживал дружеские отношения с ним с 1920-х гг.

99. С.П.Гудзенко

Киев, 3 мая 1944

ПОЗДРАВЛЯЮ ОТ ВСЕЙ ДУШИ = ГУДЗЕНКО

Л.156.

100. Л.Н.Свердлин

Москва, 3 мая 1944

ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ СЧАСТЛИВ ПОЗДРАВИТЬ ВАС ВЫСОКОЙ НАГРАДОЙ ЖЕЛАЮ ВАМ ЗДОРОВЬЯ ДАЛЬНЕЙШИХ УСПЕХОВ = ЛЕВ СВЕРДЛИН

Л.170. Лев Наумович Свердлин (1901–1969) – актер театра и кино; в 1920-е гг. играл в театре Вс.Мейерхольда.

100а. Б.А.Букиник

<Ташкент,> 3 V <19>44

Здравствуй дорогой Илья!

Пришло время, когда мы подводим итоги живых и мертвых. Я порывалась тебе давно дать знать о себе, но так мне плохо жилось, что не решалась. Теперь хочется тебя от души поздравить с получением ордена.

Я еще не унываю, несмотря на ужасные потери, матери, отца и единственной сестры, погибшей в Харькове от рук немцев, но самое главное в моей жизни – сын жив¹, и это меня держит па земле с сознанием, что я счастливая мать. Он – лейтенант, сейчас находится в Белой Церкви – педагог, читает артиллерийский <1 слово нрзб> командному составу.

Умерла и моя Катя² в Москве недавно, в этом году. Муж³ ушел на фронт 1¹/₂ года тому назад – вестей не имею.

Очутилась в Ташкенте после 2-х эвакуаций. Лечилась, работала не по специальности, сейчас положение улучшилось, работаю пианисткой.

О тебе никогда не забываю, надеюсь еще и увидимся. Здесь одна, но в Харьков не могу ехать, так кроме родных все погибло, буду ждать сына, чтобы устроиться со временем в другом городе.

Если ответишь⁴ – буду очень благодарна, а нет – не обижусь, ты ведь так занят. Хорошо, что о тебе всегда знаешь. Будь здоров и счастлив.

Потеря Кати как-то меня огорчает еще в связи с тем, что с нею связана моя жизнь, когда я узнала тебя.

Теперь и в Москву не к кому приехать.

Ну, до свидания.

Преданная тебе, всегда твоя

Бетти Букиник.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2461. Л.348. Бетти Александровна Букиник (1895–1977?) – пианистка, подруга ИЭ в Киеве 1918–1919 гг. Ответное письмо ИЭ см. П2, №282.

¹ Эдуард Леонидович Кричевский (р.1921) – инженер.

² Екатерина Ивановна Спиридонова (1895–1944) – преподавательница в московском театре «Ромэн»; ближайшая подруга Б.А.Букинник.

³ Леонид Григорьевич Кричевский (1884–1959); Б.А. разошлась с ним в 1929 г.

⁴ Ответ ИЭ от 29 мая 1944 г. см. П2, № 282.

101. В.К.Кетлинская

Ленинград, 4 мая 1944

СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ ЗАСЛУЖЕННОЙ НАГРАДОЙ ВСЕХ ЛУЧШЕ И ДОЛЬШЕ ДЕЛАЛИ САМУЮ БОЕВУЮ НУЖНУЮ ПИСАТЕЛЬСКУЮ РАБОТУ = ВЕРА КЕТЛИНСКАЯ

Л.174. Вера Казимировна Кетлинская (1906–1976) – писательница.

102. Е.Г.Полонская

Молотов, 4 мая 1944

ДОРОГОЙ ИЛЬЯ СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ ОРДЕНОМ ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ СИЛ НЕОБХОДИМЫХ ТВОЕЙ БОЛЬШОЙ ПРЕКРАСНОЙ РАБОТЕ НА ПОЛЬЗУ РОДИНЕ НАРОДУ = ЛИЗА

Л.195.

103. Н.И.Альтман

Молотов, 5 мая 1944

ПОЗДРАВЛЯЮ ОБНИМАЮ = НАТАН

Л.148.

104. МХАТ

Москва, 5 мая 1944

МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ВЫСОКОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДОЙ СТОЛЬ ЗАСЛУЖЕННОЙ ВАШИМ ТАЛАНТОМ ЦЕЛИКОМ ОТДАНЫМ ВЕЛИКОМУ НАРОДНОМУ ДЕЛУ = МОСКВИН ХМЕЛЕВ МЕСХОТЕЛИ ПРУДКИИ НЕЖНЫЙ

Л.173. Телеграмму подписали: актеры МХАТ Иван Михайлович Москвин (1874–1946), Николай Павлович Хмелев (1901–1945), Марк Исаакович Прудкин (1898–1994), директор театра Владимир Евгеньевич Месхетели и администратор Игорь Владимирович Нежный.

105. С.М.Эйзенштейн

Алма-Ата, 5 мая 1944

ГОРЯЧО ВСЕГО СЕРДЦА ПОЗДРАВЛЯЮ ВЫСОКОЙ НАГРАДОЙ ЖЕЛАЮ УСПЕХА = ЭЙЗЕНШТЕЙН

Л.194. Сергей Михайлович Эйзенштейн (1898–1948) – кинорежиссер; ИЭ был знаком с ним с 1920-х гг.

106. А.Зегерс

Мехико-сити, 6 мая 1944

Дорогой Илья Эренбург,

Мои дети и я только что закончили Ваш роман «Падение Парижа». Он произвел на меня столь сильное впечатление, что я немедленно пишу Вам, давно собиралась это сделать. Больше всего меня поразила в Вашей книге вторая часть: «смешное в войне» и падение Парижа. Различные типажи в книге выбраны очень хорошо.

После нашей последней встречи в Париже на улице Гренель¹ у меня было очень много трудных дней. (Кстати,

здесь в Мексике у меня до сих пор целы туфли, которые я купила в день нашей последней встречи в Париже на деньги, что Вы мне одолжили.) Гестапо меня разыскивало в Париже. Им было известно, что я мать с двумя детьми, мы ночевали каждую ночь по очереди у троих моих друзей, которые поздравляли меня с тем, что у меня не пять детей. После нескольких очень тяжелых месяцев одна французская знакомая помогла нам перебраться в неоккупированную зону, где я разыскала своего мужа в концлагере Вернэ (Vernet). Наши визы пришли, когда мы уже были на пути в Мексику. Я всем сердцем надеюсь теперь на нашу скорейшую встречу. По иронии судьбы я чуть было не погибла здесь в результате автомобильной аварии. К счастью, теперь я уже почти поправилась и могу работать. Мы страстно проглатываем всё Вами написанное, всё – что здесь находим.

Посылаю Вам с этим письмом свою книгу «Седьмой крест». Она имела очень большой успех в Штатах; продано почти 500.000 экземпляров. Компания «Metro-Goldwyn-Mayer» сделала по ней фильм.

Спасибо Вам за все, что Вы написали, обнимаю Вас

Ваша Анна.

P.S. Моя бедная мать (она все еще жива) – в концлагере Пиаски, около Люблина.

P.P.S. Я прочитала сегодня в газетах о Вашем награждении орденом Ленина. Я Вас поздравляю от всего сердца.

Впервые. Перевод И.В.Щипачевой. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1586. Л.1. С немецкой писательницей Анной Зегерс ИЭ был знаком с 1930-х гг.

¹ Имеется в виду советское посольство в Париже, в котором тогда поселили ИЭ; в 39-й главе 4-й книги ЛГЖ ИЭ писал о событиях 1940 г. в оккупированном Париже: «Тринадцатого июля в посольство пришла Анна Зегерс. За нею следили, ей грозила смерть. Она просила помочь ей пробраться в "свободную зону"....». Эту помощь А.Зегерс оказали.

107. П.Г.Тычина

Киев, 7 мая 1944

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС ДОРОГОЙ
ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ВЫСОКОЙ НАГРАДОЙ ТЧК РА-
ДУЮСЬ ВАШИМ УСПЕХАМ ТЧК ЖЕЛАЮ СЧАСТЬЯ
ЗДОРОВЬЯ И ЕЩЕ РАЗ ЗДОРОВЬЯ = ПАВЛО ТЫЧИНА

Л.160. С украинским поэтом Павло Григорьевичем Тычиной (1891–1967) ИЭ познакомился в Киеве в 1919 г.

108. М.С.Шагинян

Тбилиси, 10 мая 1944

ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕМ ДОРОГОГО ЭРЕНБУРГА
ЗАСЛУЖЕННОЙ ВЫСОКОЙ НАГРАДОЙ КРЕПКО
ЖМЕМ РУКУ = МАРИЕТТА ШАГИНЯН

Л.138. Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888–1982) – писательница.

109. Ш. де Голль

Алжир, 10 мая 1944

ГОСПОДИНУ ИЛЬЕ ЭРЕНБУРГУ МОСКВА ПОЗД-
РАВЛЯЮ БОЛЬШОГО ПИСАТЕЛЯ И ВЕРНОГО ДРУГА
ФРАНЦИИ = ГЕНЕРАЛ ДЕ ГОЛЛЬ

Л.73. Шарль де Голль (1890–1970) – франц. генерал, возглавивший Соппротивление Франции гитлеровцам; премьер-министр Франции в 1944 – янв. 1946. В связи с телеграммой де Голля представитель де Голля в Москве генерал Катру приветствовал ИЭ по московскому радио.

110. И.М.Майский

<Лондон,> 15.5. <19>44

Дорогой Илья Григорьевич,
посылаю Вам, как обещал, первый вариант моей статьи о

книге «Война», который не пошел по известным Вам причинам. Пригодится для Вашего архива.

Кстати, просматривая на днях свои книги, я убедился, что у меня нет «Падения Парижа» с авторской надписью. Вам это понятно?

Хотелось бы получить, если у Вас еще есть, экземпляр на Крайнем Севере¹.

Жму руку. Привет Л<юбови> М<ихайловне>.

И.Майский.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1857. Л.15.

¹ Имеется в виду иллюстрированный не указанным в книге художником-зеком роман «Падение Парижа», выпущенный в 1942 г. в Магадане.

111. Н.А.Шифрин

<Москва; май 1944>

ВСЕМ СЕРДЦЕМ ПОЗДРАВЛЯЕМ ДОРОГОГО ИЛЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧА ОРДЕНОМ ЛЕНИНА ЖЕЛАЕМ ДОЛГИХ ЛЕТ СИЛ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ = ТРОЕ ШИФРИНЫХ

Л.144. Ниссон Абрамович Шифрин (1892–1961) – театральный художник, в 1918–1919 гг. учился в Киеве у А.А.Экстер вместе с Л.М.Козинцевой; именно тогда познакомился с ИЭ.

112. Р.И.Фраерман

Москва, 6 мая 1944

Дорогой Илья Григорьевич!

Это пишет Вам писатель Р.Фраерман. Не знаю, произошло ли Вам встречать мое имя. Я хочу только передать Вам слова одного солдата.

Было это под М.Ярославцем зимой 1941 г. перед сражением у деревни Рыжково, которую так трудно было в то время взять.

Я работал тогда в армейской газете, и, встретив меня на позициях, он сказал мне:

– Вот – вы писатель. Если бы в этом бою я получил орден, я бы отдал его Эренбургу.

В этом бою он погиб. Желания погибших для меня святы.

И теперь, когда оно исполнилось¹, родной мой, примите его слова от меня, оставшегося в живых. Это был человек моего поколения, лет под сорок пять, и желания у нас были общие.

Сегодня я прочел Вашу статью в «Правде» о тех, кто своим словом служил и служит победе в этой поистине священной войне². Я нашел среди них имена моих друзей. Трудно передать Вам, как это дорого сердцу. Мне хочется Вас обнять, поздравить, пожелать Вам счастья, сказать Вам: «Милый, дорогой Эренбург, служите нам нашей памятью и нашей совестью и нашей надеждой, бог дал Вам на это много таланта и силы.

С глубоким уважением и любовью

Р. Фраерман.

Впервые – Встречи с прошлым. Вып.5. М., 1984. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2304. Л.1. Р.И.Фраерман (1891–1972) – автор повести «Дикая собака Динго». ИЭ ответил Фраерману: «15 мая 44. Дорогой Рувим Исаевич, хочется от души поблагодарить Вас за дружеское письмо и сказать, что меня тронули слова Вашего покойного товарища, которые Вы привели. Жму руку. Ваш И.Эренбург» (Копия – собрание составителя).

¹ Имеется в виду награждение ИЭ орденом Ленина.

² «Сила слова» – статья ИЭ о военных корреспондентах, в которой говорилось о писателях Е.Петрове, Б.Горбатове, Е.Кригере, К.Симонове, В.Гроссмани, А.Гайдаре, Ю.Крымове, журналистах П.Олендере, Л.Ише и др.

113. А.А.Игнатьев

Москва, 29 V 44

Милый друг!

Пишу Вам от полноты чувств, нахлынувших при чтении

Вашей статьи в сегодняшней «Правде»¹. Пишу не по-французски, а по-русски, так как подобные «мысли о будущем» может иметь только такой русский человек, как Вы, а изложить их с такой логичной ясностью по плечу лишь великому мастеру слова и пера. Эта статья «дойдет».

Как «пехотинец» одного с Вами взвода, я могу лишь гордиться Вами, учиться у Вас и желать Вам сил и здоровья для написания еще таких же глубоких и горячих статей. Исполать Вам, наш дорогой Илья Григорьевич.

Ваш А.Игнатьев.

Впервые (с ошибкой в тексте) – ЭВ. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1612. Л.2.

¹ «Мысли о будущем».

114. А.А.Ахматова

<Из Ташкента в Москву;> 30 мая 1944

Дорогой Илья Григорьевич!

Вот те точные сведения, которые я не могла сообщить Вам вчера.

В начале 1942 г. майор Виктор Ефимович Ардов¹ работал во фронтовой газете Северо-Кавказского фронта, которым командовал генерал армии Петров², высоко ценивший Ардова как газетного работника. За свою работу Ардов был награжден орденом Красной Звезды. В то же время у Ардова были личные столкновения с редактором газеты полковником Березиным³, который дал ПУР'у⁴ чрезвычайно пристрастный отчет о деятельности Ардова.

Можно предполагать, что вследствие этого Ардов, вместо того чтобы получить назначение – (ему обещанное) во фронтовую эстраду, был назначен репортером дивизионной газеты, где продолжает прозябать и по сей день. Таким образом Виктор Ефимович лишен возможности работать в области тех жанров, в которой имеет определенную литературную репутацию.

В настоящее время Виктор Ефимович находится на Первом Прибалтийском фронте: командующий генерал Баграмян⁵, начальник политуправления фронта генерал майор Дребендев. Полевая почта 01632-В.

Еще раз благодарю Вас за готовность сделать добро и за Ваше отношение ко мне

Анна Ахматова.

Впервые – *Б.Фрезинский*. Эренбург и Ахматова // Вопросы литературы 2002. №2. С.259. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1243. Л.2.

¹ В.Е.Ардов (1900–1976) – писатель для эстрады, муж приятельницы Ахматовой Н.А.Ольшевской.

² Иван Ефимович Петров (1896–1958) – в 1943–44 гг. командующий Северо-Кавказским фронтом, генерал армии.

³ Об Ардове и Березине – см. М.Ардов. Легендарная Ордынка. М., 2001. С.276-277.

⁴ От ПУРККА – Политическое Управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

⁵ Иван Христофорович Баграмян (1897–1982) – с 1955 г. Маршал Советского Союза, с которым И.Э был хорошо знаком и, видимо, смог помочь В.Е.Ардову. В ФЭ хранится почтовая открытка В.Е. Ардова от 27 июня 1944 г.: «Многоуважаемый Илья Григорьевич! Хочется сообщить Вам поскорее следующий факт: взятые сейчас в плен немецкие солдаты раненые сказали нашим врачам и медсестрам: фюрер издал приказ о том, что тех из нас, которые отступят, будут расстреливать. Поэтому мы теперь и не отступаем, а ждем приближения русских к нашим траншеям и сразу поднимаем руки, чтобы нас взяли в плен. Не правда ли, это – интересный штрих? Буду очень рад, если Вы сможете использовать его. Пользуюсь случаем выразить Вам мое восхищение Вашей литературной работой во время войны. Жму руку В.Ардов» (Ед.хр.1227. Л.1).

115. И.Л.Альтман

<Москва,> 8/VI <19>44

Дорогой мой Илья Григорьевич!

Я был несколько дней в отъезде – пришлось сразу посмотреть газеты за неделю. Праздник – читать Вас в

«Правде» и в «Красной Звезде» – сразу несколько вещей. «Рим»¹ – превосходен. Но я был очень взволнован «Мыслями о будущем» («Правда» от 29 мая). Как будто Вы заглянули каждому из нас в душу. «Философия Отечественной войны». «Философия современной истории». Credo. И снова – пророчество. Не одержимый Иезекиль – о нет! Не обреченный Иеремия – о нет!, а глаз честный и беспощадный и голос нашего сердца, взгляд в будущее, сила интеллекта (души, сердца, мозга).

И снова – апостольство. Не предтеча: Иоанн Креститель и не один из 12 последователей. И то, и другое. Апостольство, как приказ души, веление совести. Это и есть литература.

Аналоги с библией и евангелием были бы излишни, если б не аналог в современной литературе или философии. Не вижу сегодня этого человека в нашей литературе. Вы – единственный и неповторимый, с большим, вероятно, немного уставшим сердцем. С зарубками. Таким я Вас люблю навсегда.

(Простите. Нельзя в наши годы объясняться в любви. Но любовь сильнее лет. Моложе и старше лет.)

В «Мыслях» не только все понимаю и «принимаю». Это мое, наше, выстраданное, много раз обдуманное. В «Мыслях» много недосказанного. Но и сказанного – достаточно. Sapienti sat!² «Мысли» – это не «козерь»³, а кровь. В том месте, где Вы касаетесь духовного нашего превосходства, объясняя «подступы» к войне, напоминаете: «...но наши юноши не мечтали о войне». Вы напоминаете о беседах в рабочих клубах или на студенческих вечеринках «лицо человека, увлеченного наукой или вдохновленного любовью, далекого от мыслей о крови».

Мне тяжело вспоминать, но Вам – сказать можно. Когда я говорил сыну, Володе: «Милый, ты слушаешь лекции по философии в Университете – это хорошо; ты много читаешь – это хорошо; но не этим тебе придется как солдату драться с фашистами, почаще – в тир, побольше гимнасти-

ки – идет война», он умно смотрел на меня, не возражал ни мне, ни Аре Еф<имовне>⁴, но про себя, вероятно, думал: «Старомодный папа! Ему мерещится новая война. Он еще не остыл за 20 лет от гражданской...». Он воспитывал себя морально, идейно, интеллектуально... И я вспоминаю Ваши слова, обращенные к Володе и его товарищам и подругам – помните? – под утро 1 января 1941 г. в 4 часа, когда Вы и Любовь Михайловна, я и Ара Еф<имовна>, Вишневский и София Кас<ьяновна>⁵ все откуда-то пришли, а дома у нас царила молодежь... удивленно спрашивала она Вас, Всеволода <Вишневского>, меня, и как далеки были от них слова о том, что война будет, что именно в 41 г. немцы нападут на нас. Вероятно, некоторые думали, что мы преувеличиваем опасность! Вы правы: «Мы не оказались застигнутыми врасплох», но наше юношество не оказалось достаточно подготовленным. И поэтому – много было лишних жертв. Хотя – некоторая неизбежность... Не мы нападали. Со светлой душой пошли наши юноши добровольцами – защищать свою землю. «Папа, – сказал Володя, – я не хуже тебя». Ему и товарищам было по 17 лет. На днях нашему Володе минуло (бы) 20 лет... Мы с Арой Ефимовной почти не говорим об этом (как с Ириной о Лапине). Рана. Невозможно. Антокольский написал «Сын»⁶, сказал хорошо, честно. Но лучше еще помолчать немножко... И за эти строки о юношах – земной поклон Вам. Мне казалось, вы коснулись теплой ладонью мягких волос сына: он любил, мыслил страдал (а сейчас ходит к нам чудесная девушка Наташа – она потеряла Володю и брата).

«Выросло ощущение личной ответственности, роли каждого и роли государства». Слава богу, что так. И финал: «Мы будем отважнее, чище, добрее, может быть, строже, но добрее»... И я вспоминаю 1-й день войны, наш обед с кавказцами, Ваши предсказания о войне и мой тост за Иосифа Виссарионовича, за победу и за дружбу, дружбу и честь наших людей. Много, о чем мы говорили тогда в 1941 г., сбылось. Но откуда, дорогой мой Учитель, Вы уз-

нали, что именно эти фразы (из «Мыслей») я написал 3 месяца назад товарищам, жене и именно об этом я говорю уже год? Вам не надо узнавать, что у меня – Вы знаете – что у Вас. И этого достаточно. Ваше сердце слушает и говорит, и Вы никогда не заглушаете его барабанным боем.

Самая большая награда Ваша – это не 1 мая⁷, а то, что мы Вас очень любим. А любим потому, что чувствуем и понимаем. Хотим понимать и хотим Вас слушать, Ваше сердце и душу. Вы хороший человек, Илья Григорьевич! Верьте: это больше, чем «выдающийся, талантливый писатель». О Вас я не боюсь сказать редко произносимые 2 слова «Ессе homo!»⁸

Целую Вас

Иоганн.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2563. Л.35-36.

¹ Красная звезда, 6 июня 1944.

² Для понимающего достаточно (*лат.*).

³ От франц. causerie – болтовня.

⁴ Жена И.Л.Альтмана.

⁵ С.К.Вишневецкая – жена Вс.В.Вишневецкого.

⁶ Поэма Павла Григорьевича Антокольского (1896–1978), посвященная памяти его погибшего на фронте сына Володи.

⁷ Имеется в виду награждение ИЭ орденом Ленина, о чем было объявлено 1 мая 1944 г.

⁸ Се человек! (*лат.*)

116. Ю.Тувим

<Нью-Йорк, 24 июля 1944>

ТРИ ГОДА НАЗАД В САМЫЕ МРАЧНЫЕ ЧАСЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ БИТВЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА Я НАПРАВИЛ ВАМ И РУССКИМ ПИСАТЕЛЯМ СЛОВА ПОЛНЫЕ ВЕРЫ В ГРЯДУЩУЮ ПОБЕДУ НАД ТЕВТОНСКИМИ ВАРВАРАМИ¹ ТОЧКА СЕГОДНЯ В СВЕТЛЫЙ ЧАС ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОГДА НЕУКРОТИМАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ ПРИБЛИЖАЕТСЯ К САМОМУ СЕРДЦУ ПОЛЬ-

ШИ И НЕСЕТ СВОБОДУ МОЕМУ НАРОДУ Я РАЗДЕЛЯЮ С ВАМИ ОГРОМНУЮ РАДОСТЬ ОТ ТОГО ЧТО СПРАВЕДЛИВОСТЬ ОДЕРЖИВАЕТ ТРИУМФАЛЬНУЮ ПОБЕДУ НАД ЗЛОМ ТОЧКА ДРУЖЕСКИ ЮЛИАН ТУВИМ

Впервые по-русски в 1991 г. в коммент. к главе о Тувиме (ЛГЖ, 1, 616). Подлинник – собрание составителя. Ответ ИЭ от 31 июля 1944 см. П2, №285.

¹ См. телеграмму от 16 сент. 1941 – №21 в наст. изд.

117. Л. Стоу

<Нью-Йорк,> 31 июля 1944

Дорогой друг Эренбург,

Мой товарищ Leigh White завтра уезжает в Москву, в качестве нового корреспондента Чикаго Дейли Ньюс. Это настоящий журналист, а также «verdadero»¹, бывший волонтером в Испании. Я хочу, чтобы Вы познакомились друг с другом. Я был бы очень рад, если бы мог вновь увидеть Вас в эти дни – в особенности для того, чтобы выпить за советских солдат в Варшаве – а вскоре в Jannenberg и еще дальше. То, что вы сделали – и продолжаете делать – действительно великолепно. Мне очень хочется увидеть праздничную Москву – но если я не смогу этого сделать завтра, то обещаю Вам возвратиться, чтобы сделать это когда-нибудь. Сейчас я работаю в T.S.F.², пытаюсь показать правду, скрытую за сражениями. Я не могу уехать до осени – и поэтому, может быть, приеду, чтобы просто увидеть падение фашистов – но еще будет на что посмотреть. Меня попросили написать рецензию на Вашу последнюю книгу³ – я ее напишу, как только прочту книгу – но я знаю, что рецензия будет хорошей.

Надеюсь, что у Вас все в порядке и у г-жи Эренбург также, и у маленького Bougi⁴. Если я буду в Париже (или Берлине) в октябре или ноябре, может быть, мы увидимся?

Если это возможно, напишите мне сюда, прошу Вас – я Вас там буду искать, где бы то ни было. Как знать? Все возможно.

Я рекомендовал в Чикаго Ньюс послать Leigh White, потому что он умный и много работал на Балканах. Он не из тех мальчиков-путешественников – Вам будет приятно с ним поговорить время от времени.

Уже давно у меня нет никаких вестей от Juanita⁵, но я знаю, что она рядом с Карагандой – когда она сможет въехать в Москву, как Вы думаете? Если Вы можете что-нибудь сделать – даже отправить ей записку от меня, – я Вам буду вечно признателен, Эренбург. Мне грустно думать, что она далеко и совсем одна, – а моя привязанность к ней остается такой же сильной. Больше я не говорю – но Вы должны знать. Я думаю, что, может быть, Вы можете отправить ей записку. Я знаю, что это сделает ее очень счастливой, – а здесь я ничего не могу сделать.

Это лето отличается от <19>42 года, теперь мы видим конец этих монстров – т.е. можно начинать думать о завтра и начинать представлять себе его. Оно не будет простым – но оно должно быть более человечным и умным.

Мое почтение Вашей супруге – и мои наилучшие пожелания Вам и ей. А теперь *Zhelaiiu udachi!* И *Dosvydanya!*

Леланд Стоу.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2195. Л.1, 2. Леланд Стоу (1899–1994) – американский корреспондент в СССР во время войны; ИЭ был дружен с ним, в 1942 г. они совершили совместную поездку на фронт в районе Ржева, о чем ИЭ рассказал в 10-й главе 5-й книги ЛГЖ

¹ Verdadero (исп.) – истинный, подлинный.

² T.S.F. – радиотелеграф.

³ Видимо, речь идет о книге публицистики ИЭ "The tempering of Russia", вышедшей в США (1944 г., издательство Knopf).

⁴ Имеется в виду собака Эренбургов Бузу.

⁵ Речь идет, видимо, об испанской приятельнице Стоу, оказавшейся в СССР после поражения Испанской Республики в 1939 г.

118. М.Мамуд

Одесса, 10 августа 1944

Дорогой тов. Эренбург!

Прочел Вашу статью в газете «Правда» за 7 число сего месяца – «Накануне»¹. Меня это так тронуло, что я все время читал со слезами на глазах. Прошу Вас, если Вы будете писать об Одессе, напишите, какой кровавый ужас был в городе. 22 октября 1941 года был объявлен кровавый террор на семь дней, фашисты днем и ночью вешали по всему городу случайных встречных или насильственно изгнанных из домов людей, не разбирая национальности. В городе висели сотни трупов. В ноябре-декабре 1941 года и в январе 1942-го начали систематическое уничтожение еврейского населения. Часть людей согнали на артиллерийские склады, там их закрыли и подожгли. Других грузили в железнодорожные вагоны и обливали водой. Паровоз завозил вагоны в тупик, там люди замерзали по дороге из Одессы в местечки Яновка, Березовка и Доманевский район. Кто не в состоянии был ходить пешком, того по дороге убивали прикладами автоматов. Вообще, немцы, румыны, русские полицейские и немцы-колонисты замечали, если у кого хорошие вещи с собой или же хорошо одеты, то их убивали по дороге и забирали их вещи. Устраивали по дороге костры и бросали вместо дров живых людей, а фашисты стояли у этих костров с усмешкой, грелись. Так погибали сотни тысяч людей.

Я очень пострадал от этих проклятых фашистов и не знаю, дождусь ли я, но хотелось бы мне дожить и услышать, что фашистам предъявили суровый счет в Берлине за их злодеяния в Одессе.

Я три года был в эвакуации, недавно вернулся в родной город. Вещи и мебель в моей квартире разграбили, квартиру заняли. У меня два сына-офицера защищают родину, а я семь дней валялся в парадном, пока сосед не пожалел и не впустил меня в свою квартиру. Все это пустяки по

сравнению с тем, что немцы делали, а потому нужно мстить, никакой пощады нельзя им давать.

С товарищеским приветом

М.Мамуд.

Одесса, ул.Карла Маркса, д. 85, кв.20.

Впервые – «Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943–1966». Иерусалим, 1993. С.147-148. Подлинник – в архиве института «Яд-Вашем», Иерусалим.

¹ Статья написана по материалам поездки ИЭ по освобожденным от немцев районам Белоруссии и Литвы.

119. Дениз Шаналь (Монробер)

Аннеси; 16 августа <1944>

Дорогой Tchoot,
сегодня вечером – мир.

То не многое в крови, что передала мне бабушка¹, ликует во мне. Что касается меня, то я тоже довольна и сегодня вечером смотрела на танцы. Все жители пришли к мэрии и все моряки, и все рыбаки. И лучший юморист края очень развлекался у микрофона и смешил всех, высмеивая коммерсантов в пародии на рекламу, которую он разыгрывал, когда под пластинки танцевали одни женщины, а мужчины разучились, слишком давно не танцевали.

Я живу в маленьком порту под Сабль д'олон, который находится под городом Ля Рошель.

Я привезла с собой мальчика, которому нужен йод, потому что он болел лимфогрануломотозом. Мы живем среди грохота взрывов, т.к. это сумасшедшая работа – разминировать берега. Все новые и новые мины обнаруживают, а в воскресенье в газете можно прочесть, что посмертно наградили медалями рабочих из отрядов разминирования.

Предателей-лавочников предают анафеме, на их лавках гудроном малюют откровенно все, что о них думают. Лод-

ки называют «Госкливая судьба», «Колыбель», «Пролетарий», «Игрушка волн».

Я все это тебе рассказываю, потому что ты увидел бы это сразу, если б оказался на моем месте.

Я получила твою телеграмму только на днях, т.к. почта в Аннеси работала неповоротливо, во всяком случае, я не получила ее в июле, когда уехала оттуда 10 числа. Я тебе благодарна.

Ребенок, о котором я говорила, – ему было 18 лет – внезапно умер 3 месяца спустя.

Ты знаешь также, что Робер Деснос не вернулся².

Я тебе пишу, потому что ты любишь получать письма с новостями.

Я думаю, что тебе не скучно все, что я пишу. Хотя я все та же ужасная мешанка. Вот уже несколько лет моя личная жизнь стóит многих усилий и <1 слово нрзб>, которые ты предсказывал раньше, они обрушились на мою голову.

У меня есть ребенок, который мое богатство и моя жизнь. Ты не представляешь себе, какую радость я испытала, когда примерно 8 месяцев назад я увидела твою хорошую фотокарточку в швейцарской газете, где она иллюстрировала хвалебную статью о «Падении Парижа».

Хотя ты презирал меня очень, надеюсь, в тебе еще достаточно дружеских чувств по отношению ко мне и ты ответишь на письмо открыточкой сам или – скажи Любе, Але³ или Ирине (поцелуй их за меня) – написать мне.

Дениз Шаналь, 11, улица Реву, Аннеси.

До свиданья, Tchort, я очень дружески жму тебе руку

Дениз.

Впервые. Перевод И.И.Эренбург. Подлинник – собрание составителя.

Дениз Шаналь (урожд. Монробер, по первому браку – Лекаш; 1905–1975?) – французская актриса, парижская подруга ИЭ 1930-х годов, звавшая ИЭ по-русски чертом – видимо, узнав, что именно так он прозвал Пикассо; о Дениз ИЭ не раз писал в ЛГЖ (о встречах в

1930-е гг. – в 30 гл. 3-й кн. и 16 гл. 4-й кн., о встречах в 1946 и в 1950 гг. – в 11 и 22 гл. 6-й кн.). «Портрет» Дениз остался в черновиках ЛГЖ: «Я часто встречался с Дениз... она жила в мире, знакомом мне по «Стихам о канунах»: ненавидя существующий распорядок, она находила утешение в неистовстве искусства, в мечтах, в дереве и в облаке, в плотных деталях жизни; дружила с Десносом, работала в одном из левых театров, где было много фантазии и мало денег. Иногда она спрашивала, что я думаю о будущем искусства. Я не знал, что ответить» (7, 802–803 – коммент.). Образ одной из героинь «Падения Парижа» (Жаннет) ИЭ, по его собственному признанию, написал с Дениз.

¹ Писательница Северин, подруга Жюля Валлеса; сохранился ее портрет работы Ренуара.

² Имеется в виду – не вернулся из гитлеровского концлагеря, куда французского поэта-сюрреалиста Робера Десноса (1900–1945) отправили в 1944 г. и где он скончался 8 июня, уже после освобождения.

³ А.Я.Савич.

120. П.Г.Тычина

<Из Киева в Москву;> 30/IX <19>44

Дорогой Илья Григорьевич!

Сразу же по получении от Вас первого письма – я послал в Ташкент т.Поляк Г.В. телеграфный вызов о срочном выезде ее на постоянную работу. Кроме того, т.Поляк Г.В. 16-го августа в почтовом пакете пошел вызов подкрепительный с подписями, на бланке, а также копия вызова пошла в ташкентскую милицию.

М.Лещинская на приеме у меня была. Я расспросил ее подробно обо всем.

Эда Халифман¹ – после нашей пригласительной телеграммы к ней – 25 сентября прислала нам ответ, в котором она выразила желание еще на год остаться в Москве.

И, наконец, относительно писем капитана Сегалья. 30 сентября мы его жену (учительницу) отозвали в распоряжение киевского горнаробраза.

Это я уже второе письмо пишу Вам, Илья Григорьевич, первое – пролежало у меня недельки полторы без движения: ждал я т.Ильского – да так и не дождался, хотя и обещал он, что зайдет, а мне почему-то хотелось именно «чез руки» передать Вам письмо, а не по почте.

Як приїдете до Києва – будь ласка, не минайте моєї хати (Чудиновського №5, кв.7, тел 4–32–6)

Всього доброго

П.Тичина.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2249. Л.1. Поэт П.Г.Тычина в 1943–1948 гг. был министром просвещения Украины; по проблемам преподавателей-евреев, возвращавшихся на Украину из эвакуации, ИЭ обращался к Тычине.

¹ Большой фрагмент письма эвакуированной зав. кафедрой западной литературы Киевского университета Эдды Ароновны Халифман ИЭ привел в 4-й главе 5-й книги ЛГЖ.

121. И.Л.Альтман

<Из действующей армии в Москву,> 30/IX <19>44

Дорогие Илья Григорьевич и Любовь Михайловна!

Поздравляю вас с новосельем и желаю большего счастья, чем Вы имели в доме 17/19¹. Вы заслужили это настоящее (и не только квартирное) счастье.

С радостью прочел статью «Тому порукой наш народ»². Это – программа, это – платформа. Лозунг. За это будем драться. Мы все подписываемся под статьей, так же как под статьями «Париж» и «Сестра Словакия»³. Я вижу в них кровь благородного сердца.

Вчера в гвардейской части на собрании читали эту статью. Я сказал несколько слов о Вас, И.Г., Вас так любят и чтят, что иногда даже неловко становится отвечать на вопрос: «А вы видели когда-нибудь Эренбурга? Какой он из себя? Гордый? Простой?». Обычно отвечаешь: «видел его как-то», т.к. уже раза два в глазах людей заметил (плохо спрятанное) недоверие, когда сказал: «Знаком». Смешно

про это так. Это похоже на то, что если б воскрес какой-нибудь Петр или Павел и сказал: «Я лично знал Иисуса и участвовал в небезызвестной трапезе, на той самой «тайной вечере»... Я уже говорил Вам как-то, что Вы давно окутаны мифологией (года два). Это первый (и, к сожалению, самый беспощадный!) признак почитания, которым Вы пользуетесь. Вы – конкретны, но конкретны как лозунг, как сказка. Плоть исчезает все более и более. Обидно, что люди «препарируют» хороших людей (с их жизнью, с Бузу⁴, с их любимым вином и сыром), превращая их в святых. Но такова, очевидно, логика массового почитания. Вы вошли в сонм святых и этого-то невзлюбили братья-писатели (но по другим, мелким причинам). Где-то на завалинках, в колхозе идет безрукий бригадир Иванов – кавалер орденов «Славы» и, мечтательно глядя на закат, говорит, закуривая козьеночку: помню, как читали мы перед атакой статью «товарища Эренбурга»...

В этом – больше чем радость «знаменитости». В этом счастье самой жизни. Сражаться вместе с народом – за жизнь, за детей, за будущее.

У нас все хорошо. Можете судить по сводкам. Надеюсь, что пока письмо дойдет до Москвы, мы очистим последний вершок нашей земли от немцев. Осталось немного. Норд-вест доносит соленый запах моря.

Пора уж! пора нам кончать! устал народ, много работает, терпит, заждались бабы своих мужей, матери – сыновей.

Надеюсь, что Новый год встретим в преддверии мира (хотя бы в Европе). Но надо смотреть дальше (Азия). В этом – источник силы.

А немец-сука сопротивляется. Издыхает, а сопротивляется. И каждый новый метр к Западу это – кровь, кровь и кровь.

Будьте здоровы и счастливы, дорогие.

Целую

Иоганн.

P.S. Мне писали, что Ирина собирается к нам, но ее здесь нет. Где она?

И.А.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2453. Л.8-9.

¹ Имеется в виду квартира ИЭ в доме по Лаврушенскому переулку, куда в начале войны попал снаряд; в 1944 г. ИЭ получил квартиру в доме 8 по ул. Горького (теперь – Тверская).

² «Красная звезда», 27 сентября 1944.

³ Статьи напечатаны в «Красной звезде» 29 августа и 6 сентября 1944 соответственно.

⁴ Бузу – имя собаки ИЭ.

122. К.А.Федин

<Москва;> 2 ноября 1944

Дорогой Илья Григорьевич,

я надеялся Вас увидеть на вечере памяти Афиногенова¹ и поговорить по поводу присланных мне от Вашего имени материалов для «Черной книги».

Опросы трех пострадавших – Фрайберга, Вайнберг и Поврозника² – содержат сами по себе ужасающие факты и, на мой взгляд, не требуют каких-либо добавлений. Я убежден, что вообще не следует документу, имеющие значение первоисточников, комментировать литературными узорами. Лично я не мог бы найти такого тона, который усилил бы рассказанное самими жертвами Собибура. В наших газетах чересчур много <места> уделяется междометиям и восклицательным знакам, а такой стиль порождает только сомнения в достаточности, в убедительности фактов, давших повод для восклицаний. Названные опросы, если они дойдут до читателя в неразжиженном комментариями виде, произведут сильное впечатление. У них, пожалуй, только один недостаток: все они написаны рукой следователя, нивелированным языком, и нет разницы между речью 16-летнего мальчика и – мужчины 33-х лет. Но дело тут, конечно, не в стилистике.

Что касается тетради Печерского под названием «Тайна

Соборовского лагеря», то попытка автора передать факты «беллетристически» лишила их документальности: трудно установить, в каком месте здесь кончается факт и начинается домысел, что именно автор рисует как свидетель и что явилось результатом его усилий написать нечто «художественное».

Использовать эту тетрадь мне представляется невозможным, если речь идет не о беллетристике, а о таком предприятии, как «Черная книга», в которую – на мой взгляд – могут войти только документы.

Крепко жму руку и желаю всего доброго. И – до свидания, которое должно же когда-нибудь состояться, надеюсь – еще до окончания войны³.

Ваш *Конст. Федин*

Впервые. Подлинник – собрание составителя. С писателем Константином Александровичем Фединым (1892–1977) ИЭ был знаком с 1920-х гг.; ИЭ привлек Федина к участию в работе над «Черной книгой», посвященной уничтожению гитлеровцами еврейского населения СССР.

¹ Вечер памяти драматурга Александра Николаевича Афиногенова (1904–1941) состоялся 28 октября 1944 г. в Московском клубе писателей. Федин произнес на нем вступительное слово, ИЭ был в числе выступавших, наряду с Л.Сейфуллиной и В.Инбер.

² Показания о восстании в Собибуре варшавского парикмахера Бера Моисеевича Файнберга (в письме фамилия приведена неточно), голландской гражданки Зельмы Вайнберг и столяра Хаима Поврозника вошли в очерк П.Антокольского и В.Каверина «Восстание в Собибуре», включенный в «Черную книгу» (см.: «Черная книга». Под редакцией В.Гроссмана и И.Эренбурга. Вильнюс, 1993. С.420–431).

³ Федин встретился с ИЭ 16 ноября 1944 г. в Союзе писателей на траурном митинге памяти поэта И.Уткина.

123. С.К.Апт

<Москва,> 16 ноября <19>44

Дорогой Илья Григорьевич!

Благодарен Вам очень за Ваше письмо по поводу моих

сонетов и за книжку стихов, которую Вы мне прислали.

Я покинул Томск и переехал сюда две недели тому назад. Вчера вечером я был в числе Ваших слушателей в Доме Союзов¹. Пытался передать Вам записку, но, кажется, неудачно.

Меня обрадовала Ваша готовность посодествовать мне в напечатании моих опусов. У меня есть немало прозы, и я бы с удовольствием принес это Вам. Мне кажется, это подойдет для печати.

Если будут настроение и время, пожалуйста, известите меня по адресу: Москва 6, Каляевская, 5, кв. 105.

Большое спасибо

С приветом

С.Ант.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1223. Л.1. Соломон Константинович Апт (р. 1921) – переводчик и литературовед; в 1947 г. закончил филологический факультет МГУ; 4 июня 1958 г. Апт писал ИЭ: «Лет пятнадцать назад я докучал Вам своими сонетами. Мне и сейчас приятно вспомнить Ваше письмо, являвшееся доброжелательным ответом на эту докучу. Вся Ваша деятельность всегда внушала мне признательность и уважение... Я стал переводчиком стихов и прозы. Сейчас перевожу «Доктора Фаустуса» Томаса Манна, а переводил уже Аристофана, Катулла, Генриха Манна, Брехта, Фейхтвангера и других...» (Л.2).

¹ 15 ноября 1944 г. Союз писателей СССР провел в Колонном зале Дома Союзов вечер, посвященный творчеству ИЭ.

124. Е.А.Долматовский

Действующая армия, 21/XI <1944>

Дорогой Илья Григорьевич, спасибо за книгу¹. Я прочел ее снова, всю вместе – и захотелось писать Вам после каждой книги, соответствовавшей моему поколению. Но я знаю, что вам сейчас ни к чему слова, и просто говорю Вам – спасибо. После книг о Сафонове², о других, я писал Вам тоже, но потом клал себе в

ящик письма, как дневник. Мне кажется, что в тех книгах Вы писали о нас, а теперь написали для нас. Вы гораздо старше, чем хотели бы и Вы и я, но это и есть Ваша молодость. «Падение Парижа» вызывает лишь одну параллель – мы никогда не будем Францией, хотя нам пришлось перенести очень много горя. Если бы я просто продиктовал стенографистке прошлый свой год подробно, получилась бы книга. Но сейчас я сражаюсь за счастливый конец, когда добьюсь его, тогда напишу.

Маленький несчастный Крикун³ был у Вас, говорит, что рассказывал обо мне. Не знаю, что он рассказывал, но самого главного он не знает – я пишу стихи все время, кажется наконец оправился от прошлогоднего удара⁴. Мне кажется, что я – певец, долгое время ходивший охрипшим. Теперь голос ко мне вернулся. Когда приеду в Москву, замучаю Вас стихами.

Крепко жму Вашу руку

Евг. Долматовский.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1522. Л.4.

¹ *И.Эренбург*. Падение Парижа.

² Имеется в виду роман «День второй», наиболее значимым героем которого был Володя Сафонов.

³ Военкор газеты «Армейская правда» (60 армия, командующий И.Д.Черняховский); ИЭ в 6-й главе 5-й книги ЛГЖ писал: «Корнейчук в пьесе «Фронт» вывел противного журналиста Крикуна (На беду, в редакции одной из фронтовых газет оказался журналист с фамилией Крикун. Он мне говорил, что над ним все начали смеяться)».

⁴ Когда сгорели все стихи и военный архив Долматовского.

125. А.М.Коллонтай

Стокгольм, 25 ноября 1944

Дорогой товарищ Эренбург, самое теплое спасибо Вам за Вашу память обо мне и за книжечку «Война», которая дает возможность еще раз перечитать Ваши интересные мысли и картины о пережитых годах Отечественной вой-

ны. Очень хотела бы Вас повидать. Найду Вас, как только прямые самолеты начнут регулярно летать из Стокгольма в Москву. Все Ваши книги с большим интересом читаются в Швеции, и Ваше имя близко всем северным народам. Самый теплый Вам привет и пожелания успехов в работе.

А. Коллонтай.

Впервые – Всемирное слово. 2002. № 15. С.31. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1698. Л.2.

126. К.А.Уманский

Мехико <в Москву>; 28/XI<19>44

Дорогой Илья Григорьевич.

Рад возможности представить Вам нашего искреннего друга и, бесспорно, самого выдающегося прогрессивного лидера Мексики Нарциссо Бассольса¹. Не сомневаюсь, что беседы с ним на латино-американские, испанские, европейские и прочие темы доставят Вам то же истинное удовольствие, какое они означали для меня за год с лишним пребывания на очаровательной родине Вашего Хулио Хуренито. Излишне говорить, что г. Бассольс, как и все передовые люди Мексики и полушария, является Вашим восторженным поклонником и я знаю, что Вы очень легко найдете с ним общий язык.

Г.Бассольс расскажет Вам о моей здешней работе, не легкой, но небезуспешной. От себя добавлю, что пережитое мною горе меня основательно подкосило, Р.М.² – инвалид, и состояние наше намного хуже, чем в тот день, когда я с Вами прощался. Как всегда, Вы были умницей и дали мне некоторые правильные советы, которых я – увы – не послушался.

Недавно узнал, что, не спросив меня, нью-йоркское представительство «Литературного Агентства» продало здешнему изд<ательст>ву «Либро Либре» права на издание «Падения Парижа» на испанском языке для всей

Лат. Америки. Это – непростительная глупость. Литературное качество перевода и оформление будут в порядке, но это – возьмите себя в руки! – изд-во здешних «антифашистских» фрицев (Людвиг Ренн, Э.Э.Киш и пр.), которые ведут себя отвратительно, считают чтение Ваших статей криминалом и издают Вашу книгу в порядке лицемернейшего камуфляжа. Это препротивная банда, к которой из пишущих на немецком языке писателей не принадлежит лишь Ваш и наш добрый друг Анна Зегерс. За солидарность с Вашей линией по отношению к фрицам и их будущему она предана остракизму со стороны Реннов и других «антифашистов». Невероятно досадно, что именно эти люди издадут Вашу книгу, но сделано это было за моей спиной, т.к. Ренны знали, что, узнав, я сорву это дело вовремя. А теперь уже поздно.

На днях будет оказия написать Вам подробно. Спасибо за Ваши приветы, за книги, за все, дорогой И.Г.

Целую Вас, Л.М., Бузу

Ваш *К.Уманский*.

Полностью впервые; цитировалось в 13-й главе 5-й книги ЛГЖ и в комментариях к ней. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2256. Л.6. На бланке посольства СССР в Мексике.

Константин Александрович Уманский (1902–1945, погиб в авиакатастрофе) – дипломат; ему посвящена 13-я глава 5-й книги ЛГЖ.

¹ Н. Бассольс был назначен послом Мексики в СССР.

² Раиса Михайловна Уманская (1903–1945, погибла в авиакатастрофе) – жена К.А.Уманского; речь идет о ее состоянии после гибели в 1943 г. дочери Уманских.

127. Р.Л.Кармен

<Из действующей армии, 6/ХІІ 1944>

Дорогой Илья Григорьевич!

Несколько дней провел в Москве после четырехмесячного пребывания на фронте, и хотя очень хотел повидаться с Вами – не смог. С утра до ночи мотался по городу.

Самое радостное событие, совпавшее с моим приездом в Москву, произошло в «Известиях». Помню, как Вы возмущались хамским отношением ко мне Ровинского¹, и вот спешу Вам сообщить, что сразу все изменилось и я уже, не успев приехать на фронт, начал получать телеграммы редакции с требованием писать.

Это очень приятно.

И еще одно событие: вчера мне вручили орден Красного Знамени, которым меня наградил Военный Совет нашего фронта.

Пока тишина... Вот мы сидим с Женей Долматовским, вспоминаем далекую Москву, решили Вам написать.

Сердечный привет Любовь Михайловне. Очень был бы рад получить от Вас несколько строк (полвекая почта 48251).

Будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку

Ваш *Р.Кармен.*

Впервые. Подлинник ФЭ. Ед.хр.1657. Л.1.

¹ Лев Яковлевич Ровинский (1900–1964) – главный редактор «Известий» в годы Отечественной войны.

128. Е.А.Долматовский

<Из действующей армии;> 6/XII <19>44

Дорогой Илья Григорьевич, представьте себе добропорядочную квартиру колбасника¹, скучную стрельбу зениток, абсолютно счастливого Кармена и еще более абсолютно мрачного Долматовского. Мы все-таки сходимся на одном – на неотвязной тоске по родине и на необходимости 3 раза в день ездить на виллисе в столовую.

От этой самой тоски я лечусь стихами, кажется, дней через 10 закончу книгу² и, может быть, удастся самому отвезти ее в Москву. Кое-что из этой книги Вы уже знаете, сейчас идет новая волна.

Давайте условимся так – я приезжаю, встречаю новый год

в длинных брюках и с галстуком (символ 45 года), а потом мы с Вами едем сюда – ведь ехать Вам будет надо именно сюда!

Завтра у нас банкет по поводу Римки³. Водки не достали, одно шампанское и перловая крупа. То-то весело будет.

Любовь Михайловне и Ирине передайте наши поклоны. Да, приехал инфант Безыменский⁴. Сегодня рассказывал о Москве и о Вас.

Крепко жму Вашу руку. Надеюсь на скорую встречу – так или иначе.

Ваш *Евг. Долматовский*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Е.д.хр.1657. Л.2.

¹ «Карлушка-колбасник» – одно и прозвищ немцев, которым в годы войны пользовался в своих статьях ИЭ.

² *Е.Долматовский*. Дорогами войны. М.-Л., 1945.

³ Все друзья звали Р.Л.Кармена Рима.

⁴ Имеется в виду журналист и военный переводчик Лев Безыменский, сын поэта А.Безыменского.

129. С.С.Наровчатов

<Из действующей армии в Москву;> 7/XII <19>44

Дорогой Илья Григорьевич!

С тех пор, как я уехал из Москвы, я сменил много стран, дорог и наречий. Эстонский поход я начал у стен старого университетского города и окончил на берегах Рижского залива. Потом я прошел через Неман, где толмачем мне служили то Райнис, то Гира, то Купала, то Мицкевич¹. Сейчас я в стране, к которой многие относятся с предубеждением, возникшим еще во времена Паскевича и Каткова². Однако то, что произошло и происходит в Польше, возбуждает к ее народу совершенно иное отношение, чем то, которому учила нас скверная традиция. Это народ мятущийся, смелый и вольнолюбивый до фанатичности. В польском характере, действительно, много женского, но эта женщина на баррикадах похожа была на Жанну д'Арк на костре. По контрасту с эстонцами – наро-

да хуторян, без истории и самолюбия – поляки вызывали во мне хорошие чувства, хотя и не могу скинуть со счетов их извечные недостатки. Но как бы то ни было, это недостатки близкого человека, т.к. китайская стена взаимного недоверия разрушается все основательнее с каждым днем войны. Здесь сейчас у всех на памяти Варшавское восстание, отрывочные сведения о котором промелькнули и в наших газетах. Это одна из самых больших трагедий этой войны и она еще найдет своего поэта. Восстание было поголовным – ткачи и богословы, наборщики и адвокаты, слесаря и студенты бились рука об руку. Женщины и дети шли с гранатами на танки. Из канализационных катакомб вышли евреи, полтора года спасавшиеся там после гибели гетто в 43 г., и встали на баррикады рядом с поляками. Немцы повели правильную осаду города с крепостной артиллерией, танками и авиацией. Исход Вам известен – лондонцы³ капитулировали, людовы⁴ и коммунисты отдельными группами перешли на этот берег реки. Сейчас Варшава, по словам очевидцев, пустует. Старое място, которое для варшавян то же, что Кремль для москвичей, – сметено с лица земли. Разрушен Бельведер и дворец Радзивиллов. О восстании в гетто, о котором мельком упомянул, можно тоже рассказывать без конца. Полтора месяца продолжалась эта отчаянная борьба, где не было победенных, а были лишь убитые. Оставшаяся в живых часть населения ушла в канализационные катакомбы, где заранее были созданы необходимые запасы. Там они скрывались полтора года и вышли из них лишь для того, чтобы погибнуть на баррикадах. Я не знаю, интересно ли Вам то, что я сейчас рассказываю, – скорее всего все это Вам уже известно и в значительно полной мере, чем даже мне – получувидцу. Польская интеллигенция, с которой придется сталкиваться, националистически настроена, но это национализм ущемленных, а не национализм завоевателей; между этими двумя разновидностями одного понятия, на мой взгляд, существует разница. Насколько анти-

человечен и отвратительней последний, настолько понятен, хоть и тоже мало приемлем для меня первый. Они чаще нас склонны обращаться к прошлому – тени Пястов и Ягеллонов⁵ они ощущают живее, чем мы своих пращуров – видимо, они долгое время служили им единственной поддержкой. Приверженность к исторической мишуре иногда бывает наивна до ребячества, иногда же будит раздражение – так глядишь на женщину, которая рядится в старинное платье, думая, что это ей к лицу. Язык я понимаю сравнительно хорошо, когда-то я изучал старославянский и это облегчает понимание всех братских наречий. Читаю сейчас в подлиннике Словацкого – право, хороший поэт, а я его, к стыду своему, первый раз раскрываю, даже не знаю, переводился ли он когда-нибудь у нас.

Нашу литературу они знают довольно хорошо. На Маяковском здесь воспитано почти все новое поколение поэтов. Видел я здесь и Ваши книги – в 1928 году было издано полное собрание Ваших сочинений⁶, переиздавалось оно и после. Второй раз я встретил Ваше имя в запретительном списке, составленном немцами для библиотек. Перед Вами – Дюамель⁷, после Вас – Франс⁸. Я заканчиваю свое письмо. Оно получилось громоздким, но мне хотелось поделиться с Вами виденным и слышанным. Я редко пишу письма, да и не всякому адресату интересно то, о чем я говорил в этом письме. Вам оно тоже может быть нелюбопытно, но по другой причине – вероятно все это уже Вам известно. Так или иначе, не судите меня за длинноты. В остальном – я жив, здоров, работаю по-прежнему в газете, пишу стихи. Посылаю Вам из последнего – Письмо о восьми землях и три стиха из славянского цикла. Если Вы их одобрите и у Вас найдется время – передайте их в один из московских журналов, я буду Вам сердечно обязан⁹. Но во всех случаях – напишите мне. Дайте оценку стихам, скажите, что Вы о них думаете. Невдалеке от меня находится Д.Кауфман¹⁰, которого Вы, верно, помните. Он тоже продолжает писать. То, что он присылал мне в письмах – бо-

лее чем хорошо. Это один из тех, которые будут делать настоящую поэзию после войны.

Буду ждать Вашего письма.

Счастья вам и здоровья!

Ваш *Сергей Наровчатов*.

Мой адрес: полевая почта 57872-А.

Впервые – ВЛ, 1993, №1. С.276-278. Публикация Б.Фрезинского. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1957. Л.1-2. Сергей Сергеевич Наровчатов (1919–1981) – поэт, автор воспоминаний об ИЭ, который писал Наровчатову в ответ на это письмо: «Наспех среди газетных дел хочу Вас поблагодарить за Ваше исключительно интересное письмо. Спасибо и за хорошие стихи. Я пересылаю их в “Новый мир”» (Новый мир, 1983, №5. С.193).

¹ Ян Райнис (1865–1929) – латышский поэт; Людас Гира (1886–1946) – литовский поэт; Янка Купала (1882–1942, покончил с собой) – белорусский поэт; Адам Мицкевич (1798–1855) – польский поэт.

² Иван Федорович Паскевич (1782–1856) – генерал-фельдмаршал, подавивший польское восстание 1830–1831 гг., царский наместник в Польше; Михаил Никифорович Катков (1821–1887) – публицист, с 1860-х гг. правительственный апологет, обличитель «нигилизма» и сепаратизма, «польской интриги».

³ Имеется в виду та часть польского движения Сопротивления, которая подчинялась эмигрантскому правительству в Лондоне.

⁴ Т.е. бойцы Армии Людовой.

⁵ Пясты – 1-я династия польских королей (1025–1079); Ягеллоны – династия польских королей в 1386–1572гг.

⁶ ИЭ стали активно издавать в Польше после его поездки по стране в 1927 г.

⁷ Жорж Дюамель (1884–1966) – франц. писатель.

⁸ Анатолий Франс (1844–1924) – франц. писатель.

⁹ В 1945 г. журнальных публикаций С.Наровчатова не было.

¹⁰ Поэт Давид Самойлович Кауфман (1920–1990) после войны печатался под псевдонимом Давид Самойлов.

130. Г.С.Померанц

<Действующая армия; конец 1944 г.>

Уважаемый товарищ Эренбург!

В одной из Ваших статей я нашел мысль о том, что нужно было испытание войны, чтобы сталинская конституция обнаружила все свое значение. Это позволило мне надеяться, что Вы разделите мои взгляды, которые я мог сформулировать благодаря временной праздности в Ч.Л.Р после экскурсии в «логово зверя». Если Вы захотите ответить, оставляю московский адрес тети, с которой переписываюсь – ул.25 Октября (Никольская), 8, кв.240, С.С.Письменной. Полевая почта моей старой части 28204, но возможно, что мой пост в батальоне занят.

Ваш *Г.Померанц.*

Война приближается к концу. Уместно поставить вопрос, что нового она принесла для развития советского строя. Ибо сила и действенность советского строя оказалась как раз в том, что он сумел ответить чем-то новым на вопросы, резко поставленные ростом фашистской опасности (и этот ответ убил ее).

Нам кажется, что в период войны определилась наконец общественная надстройка социализма, расстановка новых классовых сил, возникших в результате политических и экономических переворотов в нашей стране.

Тов. Сталин еще до войны говорил о том, что у нас возникли новый рабочий класс, новое крестьянство, новая интеллигенция. Но эти новые силы находились еще в становлении. Неясность контуров особенно остро ощущалась мастерами искусств. Не видя вокруг себя резко определившихся пластических черт, они не могли создать тех титанических воплощений, которых требовало нуждавшееся в этом общество. Довоенные годы не создали ничего равного хотя бы напечатанным уже отрывкам из романа Шолохова «Они сражались за родину», в которых выведены, очевидно, только второстепенные персонажи будущего замечательного произведения.

Но если в надстройке социалистического общества объективно не было законченности, то общественное сознание, в свою очередь, отстало от жизни. Революция – период великой инициативы масс, когда каждая кухарка могла возвыситься до управления государством, – породила взгляд, что и возникшее новое общество, не имея угнетательских классов, не будет иметь также общественной иерархии, что народ может почти непосредственно собой управлять, импровизируя руководителей, когда это бывает нужно. Сравнительно недавно М.И.Калинин¹ столкнулся с предрассудком одного комсомольского работника, сожалевшего, что «не все комсомольцы вожаки». Достаточно, указал т.Калинин, если будет 1-2 вожака, а остальные им доверяют и следуют за ними. Все не смогут быть вожаками (этот призыв, однако, имел революционизирующее значение, был истиной в 1919 г., но не для 1944!).

Практические мероприятия партии и правительства систематически разрушали устарелый предрассудок, настойчиво выделяли из общей массы наиболее способных вожаков. Так появились «знатные люди» города и деревни. Это был уже материал, из которого можно было лепить руководителей, хотя еще не они сами (так! – Б.Ф.). Самородки обогатили собой советскую интеллигенцию, в которую они явочным путем вступили, но зато еще больше испестирили ее, прививая с собой много обреченных на ломку привычек и навыков.

Наступил период, когда дальнейший качественный рост советского руководящего слоя, советской интеллигенции стал невозможен без известного сужения тех дверей, которые вели в нее (когда даже малоспособные люди, с помощью государственных стипендий, могли докорабкиваться до диплома и «чистой» профессии). Важнейшими мероприятиями в этом отношении были введение воинских званий в армии и оплата за высшее обучение (вместе с сужением стипендий).

Чтобы наши руководители во всех областях управле-

ния, производства, знания, культуры – поднялись на высоту всех современных требований, надо было создать слой руководителей, обладающий известными традициями и преемственностью. Известно, что с детства усвоенные начатки культуры и знания помогают достигнуть вершины их. Для средних людей – это половина дороги. Необходимо было поднять руководящий слой социал<истического> общества до вершины современной культуры, не дожидаясь, пока медленное, несмотря на всю стремительность наших темпов, общее развитие народа поспеет туда же. Иначе мы были бы побеждены в прикладных областях знания и культуры, имеющих военное значение.

Перед войной подобный поворот только намечался, и были факторы, действовавшие в противоположном направлении.

Но вот началась война. На место неуловимого, ускользавшего от ударов, трудно искоренимого врага, какими были вредители, и отвлеченных, не всеми понятных врагов, как недисциплинированность и беспечность, встал очевидный, угрожающий и ненавистный каждому враг. Морально-политическое единство советского народа еще больше окрепло. Дело государства стало больше чем когда-нибудь делом народа.

Затем суровые уроки войны произвели серьезный отбор среди наших руководителей, горловых, живших прошлой славой, и выдвинуть на их место действительно талантливых огневых². А огневы, став во главе наспех обученных полков, сумели отбить те области, которые горловы не смогли даже защитить, командуя кадровыми солдатами.

Немцы, хвалившиеся, что их искусство и техника способны творить чудеса, были побиты в первую очередь качеством, а затем уже количеством техники прежде искусством стратегии и тактики, а затем уже энергией удара многомиллионных масс, развязанной этим искусством. Количественный перевес решил дело во Франции, но под

Москвой и Сталинградом его не было. Решающим здесь был технический и особенно организационный гений, создавший катюшу и З4-ку³, план битвы и его осуществление.

Советские интеллигенты, одетые в мундиры, сумели в самом искусстве войны победить потомственных немецких мастеров. Этим они заслужили офицерские и генеральские погоны. И глубоко не случайно т. Сталин говорил о *руководящей* помощи интеллигенции народу. Заслуженный авторитет и признание интеллигенции народом, как своего руководящего слоя, был внешне выражен введением различных знаков, отражающих общественную иерархию, и в невоенных областях государственного строительства. Т.о., руководящий слой нашего общества превращается в слой руководителей, связанных ежели не всегда честью мундира, то зато возникшей уже в жизни поговоркой «образование не позволяет», аналогичной *noblesse oblige*⁴.

На заре большевизма сложилась обстановка, которую Ленин охарактеризовал так: чем эже будет круг руководителей-подпольщиков, тем шире будет масса, которую они за собой поведут (нужна цитата). В современной исторической обстановке существует сходное противоречие. Чем выше мы подыдем над народом вышедшего из него офицера, интеллигента, учителя, тем быстрее он сумеет стать достойным своего положения, и тем быстрее наш народ, имея перед собой живой пример и правильно направляемый, сам приблизится к его уровню и в конечном счете подыметя до него. Именно таким путем, через диалектический спор, через развитие сохраняющихся при социализме противоречий между физическим и умственным трудом, городом и деревней – эти противоречия будут устранены, и мы придем к коммунистическому обществу.

Осталось сделать бесконечно много, но перспектива ясна, и она вдохновляет советских людей.

Гв<ардии> м<ладший> л<ейтенант> Г.Померанц.

Впервые – *Б.Фрезинский*. Как это было // ВЛ, 1995, №5. С.333-335. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2060. Л.1-4. Григорий Соломонович Померанц (р. 1918) – литератор; в его книге «Записки гадкого утенка» говорится, что именно рост армейского антисемитизма, травмировавший автора, послужил толчком к написанию статьи и письма к ИЭ: «Править должны те, кто возвышается над национальными предрассудками... Я горел своей идеей просвещенной и просвещающей диктатуры и написал в этом духе целый трактат, который непременно нужно было кому-нибудь послать, хоть на деревню дедушке. Подходящим адресатом оказался Эренбург... Эренбург не ответил на мое письмо».

¹ Михаил Иванович Калинин (1875–1946) – председатель Президиума Верховного Совета СССР.

² Горловы и огневы – по фамилиям двух персонажей пьесы А.Е.Корнейчука «Фронт».

³ Т.е. советский танк Т-34.

⁴ *Noblesse oblige* – положение обязывает (*франц.*).

1945

131. И.М.Метгер

<Из Ленинграда в Москву;> 7 января 1945

Многоуважаемый Илья Григорьевич!

Я рискую обратиться к Вам с назойливой просьбой, несмотря на то что Вы крайне загружены работой.

Наверное, Вы помните, что когда-то – давно, давно, до войны – Вами было обронено чрезвычайно для меня значительное слово о моей книжечке «Разлука»¹.

Может быть, это и не повод для обращения к Вам.

Настоящий повод заключается в следующем: нет в Советском Союзе писателя, мнение которого было бы для меня дороже, чем Ваше².

Если бы Вы смогли найти время для того, чтобы прочесть два моих рассказа и написать мне хотя бы открытку о них, я был бы бесконечно Вам благодарен.

Ради бога простите меня за беспокойство

Ваш *И.Меттер*.

Рассказы отправляю заказной бандеролью

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1910. Л.1. Израиль Моисеевич Меттер (1909–1996) – прозаик.

¹ Когда в мае 1941 г. ИЭ приехал в Ленинград, его встречали Е.Л.Шварц и председатель Ленинградского литфонда Ю.П.Герман; ИЭ спросил их: «Кто такой Меттер? Я читал его книгу "Разлука". Мне понравилось» – эти слова Меттеру передал Ю.Герман (сообщено составителю И.М.Меттером).

² Когда в разговоре с И.Меттером 13 ноября 1994 г. я привел ему эту фразу из его письма к ИЭ, он вскричал: «Вы с ума сошли!», и только узнав, что письмо хранится в РГАЛИ и доступно любому исследователю, сказал, что он, конечно, не спорит, наверное, так и было написано, но видите ли, с тех пор появились книги Платонова и Булгакова, и хотя он ценит «Хуренито» и «Люди, годы, жизнь», но все же, согласитесь, и т.д. и т.п. Он явно стыдился своих слов, написанных в военную пору, и предпочел бы, чтоб их не было (см.: Б.Фрезинский. Как это было // ВЛ, 1995. №5. С.330–337). Так обстояло дело с исторической памятью бывшей интеллигенции в бывшем СССР.

132. А.И.Безыменский

<Из действующей армии в Москву;> 9/1 1945

Дорогой Илья Григорьевич!

Я не извиняюсь в том, что только сегодня пишу Вам, хотя Ваша статья¹ напечатана еще 30-го декабря. Вы сами будете рады узнать, что эти дни наполнены у нас такой деятельностью, которая исключает возможность сесть за стол во имя письма... даже письма Эренбургу.

От всего сердца благодарю Вас за статью! Мало того, что ее командующий дважды читал вслух (до ее напечатания), решая с Военным советом, когда и как, поместить.

Статью прочитали во всех экипажах и частях, на всех партийных собраниях, о ней и сейчас не перестают говорить.

Мало того, прочитав Вашу статью, десятки офицеров и бойцов стали выписываться из госпиталей, удирать из домов отдыха. Я четырежды присутствовал при том, как тот или иной офицер докладывал своему командиру, по какой причине он вернулся до срока:

– Сам Эренбург написал нам «в добрый час, герои» – значит скоро пойдем. Уж он-то зря не напишет, уж мы-то понимаем, что к чему, образованные...

Ваша статья явилась для танковых двигателей и для людских сердец аккумулятором чудовищной силы. Слава Вам, золотой наш боец и товарищ!

До Берлина – пятьсот километров и еще два шага. Победа может оказаться в меньшем количестве километров, но эти «два шага» надо для нее обязательно сделать. Бензину хватит, силы тоже.

Танкисты не подведут!

Обнимаю Вас

А.Безыменский.

Любови Михайловне – миллион приветов.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1265. Л.2-3.

¹ Речь идет о статье ИЭ, написанной специально для танковой армии, в газете которой служил Безыменский.

133. А.А.Исбах

<Из действующей армии в Москву;> 24/І 1945

Дорогой Илья Григорьевич!

Огромное Вам спасибо за книгу и привет. У нас сейчас дни самые горячие. Пришлось уже побывать в ряде немецких городов и сел. И здесь, на походе, на привалах очень часто вспоминаем Вас с офицерами и солдатами. Особенно здесь! На днях у меня произошла знаменательная встреча с группой французских солдат, которых мы освободили из немецкого плена. Были здесь солдаты из Пари-

жа, Марсея, Бордо... Они были счастливы, услышав французскую речь из уст русского офицера. Поговорили мы с ними о многом. Был среди них и один еврей-француз, парижанин. Будучи в Москве, зайду к Вам и подробно обо всем расскажу. Записные книжки и дневники все пахнут. Сейчас очень много оперативной работы. А сколько нужно будет написать после войны!..

Еще раз шлю самые искренние приветы и крепко, крепко жму Вашу руку.

Ваш *А.Исбах.*

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1628. Л.5.

134. Правление Ленинградской организации Союза советских писателей

Ленинград; 6 февраля 1945

Дорогой Илья Григорьевич!

Приглашаем Вас в Ленинград. Ленинградцы знают Вас и любят, и в эти дни, когда город полон радостного труда, полон массового творчества, ибо мы восстанавливаем Ленинград, делая его еще величественнее, могущественнее и краше, чем тот, каким его знали, – в эти дни нам особенно хотелось бы видеть Вас у себя.

Мы покажем Вам наших людей, которые столь же страстно и героически восстанавливают город, как героически они под его стенами дрались; Вы увидите плоды всего только годовичного послеблокадного труда ленинградцев, – но их надо видеть.

Мы же, со своей стороны, хотим встретиться с Вами в своем писательском доме и поговорить с Вами по-писательски.

Необходим будет и ряд Ваших публичных вечеров, на что Вы, мы не сомневаемся, дадите согласие.

Итак, ждем Вашей телеграммы, заблаговременной, чтобы был срок на организационную сторону дела. Если бы Вас устроил конец февраля – март – было бы отлично.

Правление ЛО ССП *А.Прокофьев, М.Комиссарова, Вл. Орлов, В.Саянов, Ив.Кратт*

Ольга Форш

А.Ахматова

парторг П.Журба

Впервые – *Б.Фрезинский*. Эренбург и Ахматова // ВЛ, 2002, №2. С.281. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.3159. Л.2. Написано на бланке ЛО ССП. Письмо подписали писатели Александр Андреевич Прокофьев (1890–1971), Мария Ивановна Комиссарова (1904–1988), Владимир Николаевич Орлов (1908–1985), Виссарион Михайлович Саянов (1903–1959), Иван Федорович Кратт (1899–1950), Ольга Дмитриевна Форш (1873–1961), Павел Журба (1895–1976). Побывать в Ленинграде до апреля 1945 г. ИЭ не смог, а после дезавуирующей его работу статьи «Правды» (14 апреля 1945) приглашение ему возобновлено не было.

135. С.П.Гудзенко

<Из Будапешта в Москву;> 24/II 1945

Дорогой Илья Григорьевич!

Вот уже четвертый месяц я на 2-ом Украинском. Был в Румынии и через Трансильванию проехал к Будапешту. Под Будапештом с начала боев. В город входили поквартально, узнавая его по частям. а сейчас, вот уже парку недель, стал будапештским аборигеном. На Дунае сейчас весна, лед весь растаял и между Будой и Пештом ходят катера и моторные баркасы. Все это пейзажи, но я здесь становлюсь лириком (правда, пока в стихах этого еще нет). Я задержался здесь во фронтовой газете. Пишу все, и даже юмор. Выходит пока плохо, но уехавшего в отпуск Ивана Молчанова¹ заменить не очень трудно.

Илья Григорьевич, посылаю Вам 5 стихотворений – печатных и непечатных². Пишу вообще много, записные книжки полны³, но что из этого получится, бог знает. Простите, что беспокою Вас своими письмами. Если что из стихов можно напечатать, будет хорошо. Может, в

«Литературной» газете» или где-нибудь в журнале⁴. А то я сейчас стал провинциальным поэтом – ведь живу в Будапеште и до всех редакций далеко. Если будет время, отпишите мне – о себе, о стихах, о Москве.

Жму Вашу руку

Семен Гудзенко.

Р.С. Большой привет Любови Михайловне и всему Вашему дому.

Адрес мой пока такой: Полевая почта 92861 – П.

В стихах черными даны печатные варианты. Я ведь обучен цензурой с первого стиха.

Впервые – ВЛ. 1993, №1. С.274-275. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1479. Л.2

¹ Иван Никанорович Молчанов (1903–1984) – поэт.

² ИЭ писал в 7-й главе 5-й книги ЛГЖ о 1942–1943 гг.: «Я читал стихи Гудзенко всем – Толстому, Сейфуллиной, Петрову, Гроссману, Сурицу, Уманскому, Морану; звонил в Клуб писателей, в различные редакции: мне хотелось со всеми поделиться нечаянной радостью». В 1943 г. ИЭ рекомендовал к изданию книгу стихов Гудзенко «Однополчане», написал предисловия к его стихам в «Знамени» и «Огоньке», выступал на его вечерах.

³ Армейские записные книжки Гудзенко изданы в 1962 г.; есть в них и записи об ИЭ.

⁴ В 1945 г. стихи Гудзенко печатались в «Новом мире» (№4) и «Знамени» (№8).

136. И.Эйхенбаум

Действующая армия, 3 марта 1945

Многоуважаемый Илья Григорьевич.

Поздравляю Вас от себя и от имени летчиков полка «Нормандия» с наградой – орденом Почетного легиона¹. Мы все рады, сознавая особенно Вашу заслугу в деле освобождения двух великих народов России и Франции.

Мы знаем Вашу любовь и внимание к французскому народу и гордимся Вашими усилиями и помощью в восстановлении Франции после фашистской заразы.

Желаем Вам искренне, сердечные, наилучшие пожелания.

С боевым приветом

лейтенант Эйхенбаум И.

Впервые – ЭВ. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2461. Л.292.

Игорь Эйхенбаум – французский летчик из полка «Нормандия-Неман», сражавшегося с немцами на территории СССР; племянник Б.М.Эйхенбаума.

¹ Решение о награждении ИЭ орденом Почетного легиона было принято генералом Ш. де Голлем 22 января 1945 г., а грамота о награждении подписана им в Париже 1 февраля 1945 г. (грамота хранится в ФЭ. Ед.хр.3170. Л.1).

137. С.А.Лозовский

<Москва;> 5 марта 1945

Дорогой Илья Григорьевич!

Я просмотрел материал для «Черной книги» под Вашей редакцией и материал, направленный для «Черной книги» Антифашистским Еврейским Комитетом.

Кроме того, я поручил комиссии в составе 5 человек тщательно перечитать все материалы и дать свое заключение. Заключение комиссии я Вам посылаю и хочу со своей стороны сделать несколько замечаний.

То, что обработано нашими писателями (Гроссман, Инбер, Шкапская, Лидин, Ильенков¹ и др.), даст читателю потрясающую картину немецкого садизма, хамства и зверства. Такая книга, составленная группой крупных советских писателей, не только послужит делу возмездия, но и явится орудием борьбы для выкорчевывания фашистской политики и фашистской идеологии во всем мире. Но при всей политической важности этой книги это все-таки литературная обработка материалов. Кроме литературной обработки материалов, необходима книга документов и свидетельских показаний с фотографиями убийц, копиями приказов, факсимиле показаний, а также и заключе-

ние экспертов и прочее. Эти две книги могут быть изданы параллельно, причем они будут подкреплять одна другую. Да и вообще и двух книг мало. Надо издать сотни книг для того, чтобы десятки миллионов людей знали, что несет фашизм человечеству. Книга, написанная группой советских писателей, имеет все шансы пойти широко в массы. Она будет издана на всех языках. Книга документов будет иметь более узкий круг читателей (депутаты парламентов, юристы, комиссии по расследованию зверств, библиотеки и т.д.). Такие книги абсолютно необходимы.

Вот почему я предлагаю:

1. Продолжайте Вашу работу по составлению книги при участии группы советских писателей. Эту книгу мы издадим на всех языках мира.

2. Одновременно с этим Антифашистский Еврейский Комитет будет подбирать материалы для официальной «Черной книги» (документы, дневники, показания и пр.).

Такие две книги будут лучше одной, потому что наши враги в США и Англии (а они, как Вам известно, издают газеты, заседают в парламентах и проч.) будут пытаться обесценить книгу советских писателей указанием на то, что это литературная обработка материалов, а не документы. Если одновременно появятся и книги документов, это будет только лишь на пользу дела.

С приветом *А.Лозовский*.

Впервые (в сокращении) – в коммент. составителя к ЛГЖ (т.2, 1990, с.440). Полностью – «Еврейский Антифашистский комитет в СССР 1941–1948». М., 1996. С.255-256. Подлинник – Архив Национального института «Яд Вашем», Иерусалим (письмо передано И.И.Эренбург с частью еврейских материалов архива ИЭ). Ф.Р21/III – 49. Письмо связано с конфликтом между ИЭ и ЕАК вокруг подготовки «Черной книги» (об уничтожении гитлеровцами еврейского населения СССР). Материалы о немецких зверствах поступали к ИЭ и в ЕАК независимо; замысел такой книги возник у ИЭ в начале 1943 г., а ЕАК получил предложение из США принять участие в международном проекте «Черной книги» в конце 1942 г. и в 1943 г. обратился в

ЦК ВКП(б) с просьбой разрешить такую работу. Главной целью ИЭ, имея в виду заметный рост антисемитизма в стране, было издание книги в СССР на русском языке. Для практической работы над «Черной книгой» ИЭ создал Литературную комиссию, в которую вошли многие писатели; эта комиссия работала одновременно и независимо от соответствующей работы ЕАК. Функционеры ЕАК фактически потворствовали негласному намерению властей ограничить распространение информации о Холокосте зарубежным рынком, т.е. издать «Черную книгу» только за рубежом (на иностранных языках). Когда осенью 1944 г. ЕАК, не поставив в известность Литературную комиссию ИЭ, отправил в США не только собранные самостоятельно материалы, но и материалы Литературной комиссии, ИЭ понял, что русское издание «Черной книги» торпедируется, и, заявив решительный протест, потребовал приостановления публикации материалов в США, в противном случае пригрозил отставкой (см. П2, №288). Для урегулирования этого конфликта Лозовский создал комиссию из 5 человек во главе с членом президиума ЕАК С.Л.Брегманом. Получив ее отчет, Лозовский принял сторону ЕАК, о чем в деликатных выражениях и сообщает ИЭ данное письмо. Оно показало ИЭ окончательно, что русского издания в СССР не допустят, и он, распустив Литературную комиссию (см. П2, № 289), отказался от сотрудничества с ЕАК. В 1947 г. издание «Черной книги» в СССР было запрещено официально, а 20 ноября 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о закрытии ЕАК, кончавшееся многообещающе: «Пока никого не арестовывать»... Все собранные для «Черной книги» материалы ИЭ сохранил, и впоследствии И.И.Эренбург смогла передать их в «Яд-Вашем»; полное издание «Черной книги» при ее участии вышло по-русски в Вильнюсе в 1993 г.

¹ Мария Михайловна Шкапская (1891–1952) – поэтесса и очеркистка; Василий Павлович Ильенков (1897–1967) – прозаик.

138. В.А.Уманская

Париж <в Москву;> 5 марта 1945

Товарищ Эренбург,

я сестра Константина Уманского и живу в Париже.

В эту тяжелую минуту, когда я так убита внезапной смертью моего брата¹, я прочла Вашу дивную статью в

«Nouvelles Sovietiques» и обращаюсь к Вам как к близкому другу Коти.

Я Котю очень любила и не видела его с тех пор, как он работал в Agence Tass в Париже. Судьба и обстоятельства разбросали нас в разные концы света и только из газет, урывками, я узнавала о его жизни, когда он был послом в Америке, а потом в Мексике.

После войны нам, наверное, удастся увидеться, надеялась я. И вот так внезапно, так неожиданно случилось это ужасное несчастье, и я до сих пор не могу примириться с мыслью, что он и его жена погибли, что их больше нет.

Какая жестокость судьбы! умереть молодым да еще в такой момент, когда советская Россия празднует свои блестящие победы. И он так любил жизнь, и это большая несправедливость судьбы, что ему не было суждено дожить до самого радостного дня, т.е. до поражения Германии и конца фашистов.

Читая Вашу статью, я вижу перед собой Котю: Котю маленьким мальчиком, когда он писал стихи и увлекался искусством, Котю гимназистом, когда во время революции он принимал участие в тогдашних кружках русской молодежи, Котю писателем, когда он издал свою первую книгу о футуризме², Котю за границей, когда он начал свою политическую деятельность, Котю нежным папашей и, наконец, Котю дипломатом!

Я плачу о нем, как о любимом брате, как о гениальном, талантливом человеке, который всю жизнь боролся за идею.

Но и горжусь им! Вы правы, он умер как солдат и исполнил свой долг для этой великой блестящей русской победы.

Я обращаюсь к Вам и очень прошу Вас сообщить мне, как случилось это ужасное несчастье. Наверное, вы имеете более подробные сведения. Что стало с моей племянницей Ниночкой³, где она? Могли ли бы Вы переслать мне какие-либо фотографии Коти, его жены и девочки. (Пожалуйста, извините за мою смелость и беспокойство.)

У меня есть еще другой брат в Москве, Дмитрий Уманский⁴. Я давно не имела от него никаких известий. Жив ли он еще? Знаете ли Вы его случайно? Могли бы Вы сообщить мне его адрес и передать ему мой?

Буду вам бесконечно благодарна, если сообщите все, что знаете.

Вы можете писать в советское посольство, мне обещали переслать.

Жму Вашу руку и еще раз большое спасибо за Ваши дивные теплые слова о Коте, которые были моим единственным утешением в эту безумно тяжелую и грустную минуту.

Валентина Александровна Уманская.

27 rue Lecluse, Paris XVII

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2255.

¹ В январе 1945 г. К.А.Уманский погиб при авиакатастрофе в Мексике.

² *K.Umanskiy. Neue Kunst in Russland 1914–1919. Potsdam–München, 1920.*

³ Дочь Уманского Нину, собиравшуюся в июне 1943 г. вместе с родителями в Мексику, застрелил влюбленный в нее одноклассник (сын наркома авиационной промышленности А.И.Шахурина).

⁴ С переводчиком русской литературы на немецкий яз. и публицистом Д.А.Уманским ИЭ был знаком; в 1962 г. он давал Д.Уманскому прочесть не опубликованную еще 13 главу 5-й книги ЛГЖ о его брате.

139. И.Л.Альтман

<Из действующей армии в Москву;> 7/III <19>45

Дорогой Илья Григорьевич!

Жму Вашу руку и сердечно поздравляю Вас с получением офицерского ордена Почетного легиона¹. Вы его давно заслужили. Я очень рад, что во Франции наконец поняли, что Вы в 10 000 раз более настоящий комбатант² «Сражающейся Франции», чем многие из тех, кто «кое-что» делал, а теперь кричит в первых рядах.

Мы, друзья Ваши, знаем, понимаем, что для Вас Фран-

ция. И помним Ваши статьи о Франции сражающейся и о Франции <18>71 года³, о Франции новых, мужественных, честных людей.

Вы еще будете там.

И я тоже буду там. Не сомневаюсь. После России для меня Франция – самое близкое. Будьте здоровы и счастливы. Сердечный привет Любове Михайловне.

Ваш *Иог. Альтман.*

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2461. Л.285.

¹ Орден был вручен ИЭ в посольстве Франции в Москве 2 марта 1945 г.

² От франц. combattant – боец.

³ Имеется в виду Парижская коммуна, провозглашенная в результате восстания в Париже в марте 1871 г.

140. А.А.Исбах

<Из действующей армии в Москву;> 12/III <19>45

Дорогой Илья Григорьевич!

С большой радостью прочел в газетах о Вашем награждении орденом Почетного Легиона. Вы заслужили это орден больше, чем кто-либо из французских писателей.

Сейчас на путях к Берлину встречаю много освобожденных нами из плена французов. Вся Франция: Париж, Нант, Руан, Гавр, Марсель. Мило беседую с ними. Многие знают Вас и говорят о большом друге французского народа. Вы были в Эльбинге¹, совсем неподалеку от меня. Очень жалел, что не удалось повидаться.

Недавно в одном из крупных городов мы провели с М.Матусовским² большой лит. вечер для гарнизона. Много было вопросов о Вашей работе, Ваших творческих планах.

Хочу поделиться с Вами и своей радостью. Вчера мне вручили орден Красного Знамени.

Крепко, крепко жму Вашу руку

А.Исбах.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1628. Л.7.

¹ Город в Восточной Пруссии, где ИЭ был в феврале 1945 г.

² Михаил Львович Матусовский (1915–1990) – поэт-песенник.

141. П.И.Батов

Действующая армия <в Москву;> 15 марта 1945

Уважаемый Илья Григорьевич!

Из газет узнал о получении тобою офицерского ордена «Почетного легиона».

От души рад и сердечно поздравляю тебя с такой большой наградой за твои труды, сыгравшие большую роль в деле разгрома и уничтожения немецко-фашистских войск на нашей советской земле.

Желаю тебе здоровья и дальнейших успехов в твоей полезной работе, которая так необходима теперь, когда час возмездия над германским народом и его шайкой главарей наступил.

Победа близка и справедливость восторжествует.

Уважающий тебя

Батов.

Впервые (в сокращении) – ЭВ. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1262. Л.1.

142. Р.И.Мелетинская

<Москва,> 22/III 1945

Глубокоуважаемый Илья Григорьевич!

Бесконечно тронута Вашим активным участием, желанием помочь спасти сына¹. Он находится в настоящее время еще в более тяжелом нервном больном состоянии.

Узнал, что защитить свою диссертацию (получившую очень высокую оценку самого крупного в СССР специалиста по западной литературе) он до снятия с него судимости не сможет, и, следовательно, продолжать научную работу невозможно.

Я хочу дополнительно сообщить лично Вам, что сын писал о следствии по его делу в первом, несколько более подробном заявлении, которое было подано в Президиум Верховного Совета 20 января 1944 года: «Допрос велся “с пристрастием”: меня раздетого держали в сырой яме, вырытой в земле, где я коченел от дождя и голода, получая 200 гр. хлеба в день, непрерывно угрожали расстрелом и однажды даже «инсценировали» расстрел. За это несет ответственность следователь Госбезопасности т. Громаденко (на суде я заявил об этом). Под влиянием длительных физических мук и моральной депрессии, а также угроз, я кое-что из составленных следователем «ответов» подписал. Армейскому следователю я на первом допросе сказал, что подтверждаю свои показания, попросил бумаги и обратился с подробным письмом, в котором проанализировал все дело, все показания свидетелей, доказывая свою невиновность. На суде я также отказался признать себя виновным и рассказал, как Громаденко вел следствие по моему делу. Я просил суд вызвать свидетелей обвинения, а также ряд лиц, знавших меня на фронте или бывших со мной в окружении...». Дальнейшее Вам известно из второго заявления. Сообщаю эти подробности, т.к. Вам, возможно, нужно их знать.

Горячо Вас приветствую!

Счастлива, что следовала своему внутреннему побуждению и обратилась к Вам.

Крепко жму Вам руку!

Глубоко признательная

Раиса Мелетинская.

P.S. Муж был болен и, к сожалению, не мог раньше отнести Вам бумаги.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1897. Л.1-2. Раиса Иосифовна Мелетинская (1892–1956).

¹ Елиезар Моисеевич Мелетинский (1924–2005) – филолог, профессор РГГУ.

143. С.С.Наровчатов

<Из действующей армии в Москву;> 3/IV <19>45

Дорогой Илья Григорьевич!

Прошло полтора месяца с тех пор, как судьба свела нас под Эльбингом¹. Все эти недели не стихали бои. Мне тогда уже успела опротиветь Пруссия, перевернутые повозки на дорогах, летящий пух перин, стадо очумевших от страха немцев. И когда мы снова пошли по Польше – полегчало на сердце. Нас встретила нищета и голь, но последняя крестьянская хата на поморьи была ближе и понятней, чем набитые всесветным барахлом бурги² пруссаков. Нас снова встречали как освободителей, и я снова начал писать стихи о милых моему сердцу любви и свободе, какие, мне думается, я никогда бы не смог писать на неметчине. Мне кажется, я сумею привезти с фронта интересный сборник стихов. То, что я говорил Вам тогда об идее – идее человеческого братства, было еще недостаточно оформлено и достаточно расплывчато. Сейчас этот замысел приобрел более четкие очертания. Я хочу сделать книгу о заграничном походе, но походе не завоевательном, а освободительном. Об этом у нас еще не писали стихов, а если и пробовали, то получалось узко и несправедливо. Россия не выходила в Европу со времен Суворова и 1812 года. У нас любят вспоминать эти походы, в особенности суворовский, но забывают, что они носили совершенно иной характер. Я помню кинофильм «Суворов»³, и когда я видел полководца империи, шагавшего по склоненным знаменам французской революции, мне было мучительно стыдно за тупость сценариста и бесстыдного режиссера. Суворов – одна из вершин русского военного гения, и память его будет жить в наших воинских традициях. Но очень мало общего в его походах с нашими, разве лишь в искусстве военачальников и в храбрости солдат... И поэтому то, что происходит сейчас, нельзя засорять памятью дальнего прошлого, как это делают десятки поэтов, и писателей, и газетчиков. Мы идем сейчас походом свободы, о ко-

тором мы мечтали еще в 1918–20 гг., но тогда это были еще наивные мечты страны-подростка, представлявшей мир лучше и моложе, чем он был на самом деле. Мы представляли себе свободу пожаром, который охватит мир и которому мы лишь выйдем навстречу. Но получилось иначе – поднялся пожар ненависти, и мы скорее похожи сейчас на поток, который должен успокоить обугленную и истрадавшуюся землю. Вот что я думаю обо всем этом, и вот что помогает мне глядеть на мир иными глазами, чем глядел я на него год назад, а иные глядят и донныне.

И еще одно важное замечание. Наша поэзия до сих пор носит оборонительный и узконациональный характер. До сих пор я читаю стихи о землянках и окопах, обо всем, что давно уже стало участью немцев, а не нас. У поэзии нет ощущения похода и широты его. Это относится ко многим крупным поэтам, проникшимся ощущением войны на ее первой фазе. С этим смыкается и другая беда, которая у молодежи сейчас стала наиболее заметна в стихах Гудзенко, человека бесспорно талашливого и поэтому наиболее ярко болеющего ею, эта беда или линия, назовите ее как угодно, линия узкой солдатскости и не только стихов, но и мышления. Дело в том, что нам вообще не нужно никакого Киплинга, и даже своего, и даже совершенно нового и индивидуального поэта на его амплу. «Иные мы и об ином душа тоскует»⁴. И характер войны иной. М.б., на короткое время, на год-два прошло через нас это ощущение, но вот вышли войска на простор и оказалось, что дело-то совсем не в том – не в грязи, не в ужасах войны, не в умении свыкнуться с лишениями и даже бахвалиться ими, не во всех пресловутых солдатских качествах – что в них? – пройдет война и они лишь воспоминаниями останутся – а дело в человечности, смелости и яркости душевной, в умении весь мир обнять, не похвалиться перед ним своими горестями, а наоборот, его пожалеть за меньшее, может быть (это, конечно, к немцам не относится, мы их в свой мир не включаем). Да Вы-то понимаете, в чем дело, – Вы

же сами писали о рыцарстве свободы⁵. А солдат сейчас полон мир, от Бельгии до Ново-Зеландии – все в шинелях. Нужно иные качества искать, они важнее и навечнее, и они у нас есть. Вот почему я говорю о солдатскости как о беде – года два назад это было своевремененно и даже свежо, а сейчас это уже старомодно и узко.

Но я, верно, утомил Вас своими рассуждениями. Кроме того, я в прозе никогда не мог, да и не смогу, наверное, выработать у себя лаконичности фразы, и это тоже утомляет. Но я незаметно для себя изложил чуть ли не духовное свое credo, и, м.б., оно Вам покажется небезынтересным.

Я хотел бы Вам сказать еще об одной вещи. В Москву поехал сейчас мой товарищ – поэт Михаил Луконин⁶. Он танкист, и мы не виделись три года, встретился я с ним под Данцигом. Он повез в Москву поэму, будет ее читать в ССП. Я советую Вам сходить на его вечер, Вы не пожалеете об этом. Это настоящая вещь большого размаха и сердца, вещь поколения. Вам, одному из последних писателей истинной человечности, будет интересно узнать одного из людей, который сможет нести дальше эту грустную, но бессмертную эстафету. В поэме много шероховатостей, но они не затемнят ни ее лучших строк, ни ее хорошего смысла.

Я посылаю Вам в этом письме два стихотворения, которые написал недавно⁷. Если они заинтересуют и понравятся Вам, попробуйте их передать в печать.

Я буду ждать Ваших писем – адрес мой прежний – п.п. 57872-А.

Сердечно жму руку и желаю Вам счастья.

Ваш *Сергей Наровчатов*.

Впервые – ВЛ, 1993, №1. С.279-281. Подлинник – РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.1957. Л.5-7.

¹ В феврале 1944 г. ИЭ совершил большую поездку по освобожденной Красной Армией Восточной Пруссии; в Эльбинг он попал, когда там еще шли уличные бои. Поездке в Восточную Пруссию посвя-

щена 24-я глава 5-й книги ЛГЖ. 15 февраля 1945 г. Наровчатов писал матери: «За два последних дня – две замечательные встречи. Видел и говорил с Эренбургом. Он объезжал наш фронт и был у нас. Был рад мне. Долго говорили о литературе, о поэзии. Слушал его новые стихи, а он – мои. Письмо, которое я послал ему в декабре, запомнилось ему, он вспоминал отдельные его положения, говорил разные хорошестьи по этому поводу... Новые мои стихи хвалил. Подробно разбирать их не стал. Взял с собой 5 стихотворений, хочет отдать их в «Октябрь». Сетовал, что я не писал ему новых писем... Окончание войны, по его прогнозу, – май месяц» (Новый мир, 1983, №5, С.195).

² От немецкого Burg – замок.

³ Отмеченный Сталинской премией за 1941 г. фильм «Суворов» снят на «Мосфильме» по сценарию Г.Э.Гребнера режиссером В.И.Пудовкиным.

⁴ Источник цитаты не разыскан.

⁵ Имеется в виду статья ИЭ «Рыцари справедливости» («Красная звезда», 14 марта 1945).

⁶ Михаил Кузьмич Луконин (1918–1976); первая книга его стихов вышла в 1947 г., первая поэма («Дорога к миру») напечатана в 1950 г. (НМ, №5).

⁷ Поскольку рукопись стихов «Письмо из Млавы» и «Рассказ о голубом цветке» сохранились в архиве ИЭ, в печать он их не передавал.

144. Р.И.Мелетинская

<Москва,> 8/IV 1945

Глубокоуважаемый Илья Григорьевич!

Я хочу сообщить Вам о том, что, как меня известили, председатель Верховного суда в связи с Вашим письмом отдал распоряжение затребовать дело сына. Предварительно ко мне приходили из Верховного суда для получения сведений, где и кто судил сына, кем освобожден и посоветовали также написать дополнительно от моего имени заявление председателю Голякову, которое захватили с собой вместе со всеми бывшими у меня сведениями. Хотели, как мне сказали, для всего этого вызвать меня, но из нашего заявления, посланного Вами с письмом, узнали, что я прикована к постели, и пришли ко мне домой, что

меня очень тронуло. Как Вы хорошо понимаете, это было сделано «не ради прекрасных глаз моих», а из большого уважения к писателю и человеку – Илье Эренбургу, чье имя очень много говорит каждому советскому гражданину.

Не умею выразить всей глубины моих чувств безграничной благодарности Вам. Благословляю Вашу доброту, Ваши высокие душевные качества настоящего большого человека (свойственные очень не многим людям), в которых убедилась лично.

Крепко жму Вашу руку!

Глубоко уважающая Вас и бесконечно признательная.

Раиса Мелетинская.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1897. Л.3-4.

145. С.П.Гудзенко

<Из действующей армии в Москву; не раньше середины апреля 1945>

Дорогой Илья Григорьевич!

Письмо Ваше получил. Благодарю. После Будапешта я побывал под и в Братиславе, Вене и Брно. В Вене встретил французов, которые видели и читали Вас в Париже. Война на нашем участке еще настоящая. Все повторяется. Недавно попал под сильную бомбежку у переправы через Мораву. Собрался писать очерки «В кустах Австрии». Лежал там долго и томительно. Умирать в 1945 году очень не хочется. Я и мои друзья просим Вас упрощать по-прежнему¹. Газеты ежедневно переворачиваются в поисках Ваших статей². Мечтаю после Австрии и Германии попасть во Францию. В Будапеште вышли Ваши статьи на мадьярском³. Я сейчас почти не пишу. Много хожу, езжу, смотрю, разговариваю.

Привет Люб<ови> Мих<айловне> и всем Вашим домочадцам.

Крепко жму руку

Семен Гудзенко.

P.S. Спасибо, что стихи в журнал отдали⁴.

Впервые – ВЛ. 1993, №1. С.275-276. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1479. Л.5.

¹ Отклик на опубликованную по заданию Сталина статью Г.Александрова «Товарищ Эренбург упрощает» (Правда, 14 апреля 1945), дезавуировавшую военную публицистику ИЭ в целях ослабления немецкого сопротивления Красной Армии и, с другой стороны, в целях восстановления чувства политического страха советской художественной интеллигенции, которое несколько поубавилось за годы войны (если уж кумира Красной Армии Эренбурга можно враз лишить голоса, то на что надеяться прочим?). Это единственное, известное нам, письмо к ИЭ литератора, выразившего несогласие со статьей «Правды».

² Начиная с 14 апреля 1945 г. статьи ИЭ (с 1941 г. их было опубликовано около полутора тысяч) перестали печатать сразу во всех советских изданиях; только 10 мая «Правда» напечатала его статью «Утро мира»).

³ Сборник статей ИЭ под названием «Немец» выпустило весной 1945 г. по-венгерски будапештское издательство «Szikra».

⁴ Возможно, имеется в виду журнал «Знамя», в №8 за 1945 г. которого были напечатаны 4 стихотворения Гудзенко.

146. Г.Я.Кобыльник

Волховский фронт; середина апреля 1945

Товарищ Эренбург,
прочитали мы на фронте статью Александрова «Товарищ Эренбург упрощает». Прочитали и удивились. Неужели т.Александров только и делает, что слушает немецкое радио и делает из него выводы?

Пусть лучше послушает наш фронтовой разговор с немцами снарядами и танками. Вы пишете правильно, что Германия есть одна огромная шайка¹. Надо дать запомнить всем немцам и вообще всем, чтобы со страхом 100 лет смотрели на Восток.

Я Вам писал в 1942 году². Сейчас еще пишу.

Победа близка.

В 1942 я был лейтенант.

В 1945 я майор.

Сию под деревом и под хмурым небом немецким я,
простой человек, выдержавший испытания 41 и 42 года.

С приветом к Вам *майор Кобыльник*

п.п. 06743.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2581. Л.81.

¹ В статье «Хватит!» («Правда», 9 апреля 1945).

² См. № 52 (письмо от 25 сентября 1942).

147. Н.Г.Канищев

Действующая армия; 26 апреля 1944

Тов. Эренбург!

Читал все Ваши статьи. Читал и «Хватит». Причем не только сам, но и товарищи. Читал статью т.Александрова «Товарищ Эренбург упрощает». Разумеется, т.Александров говорит от имени ЦК и отражает линию партии, однако мой голос и голос моих товарищей с Вами.

С комсомольским приветом

Н.Г.Канищев.

П.П. 11944 – А.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2581. Л.133.

148. Летчики соединения генерал-майора Слюсарева

Берлин, 3 мая 1945

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ КРАСНАЯ ЗВЕЗДА ИГ ЭРЕНБУРГУ ДОРОГОЙ ИЛЬЮША СЕГОДНЯ 3/5–45 МЫ ЛЕТЧИКИ ИМЕЛИ УДОВОЛЬСТВИЕ НАХОДИТЬСЯ В БЕРЛИНЕ В РАЙОНЕ РЕЙХСТАГА НА КОТОРОМ ВОДРУЖЕНО ЗНАМЯ ПОБЕДЫ И ГДЕ МЫ ЧЕСТНО ПОРАБОТАЛИ И ОТМЕЧЕНЫ В ПРИКАЗЕ ВЕРХОВНОГО

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ТЧК ОЧЕНЬ УДИВЛЕНЫ
 ПОЧЕМУ НЕ СЛЫШНО ВАШЕГО ГОЛОСА КТО ТЕБЯ
 ОБИДЕЛ МЫ ЛЕТЧИКИ СОЕДИНЕНИЯ ГЕНЕРАЛ-
 МАЙОРА СЛЮСАРЕВА ЧИТАЯ ВАШИ ПРИЗЫВЫ НА-
 ЧИНАЯ С ПЕРВОГО ДНЯ ВОЙНЫ МОБИЛИЗОВАЛИ
 НАС РАБОТАТЬ С ПОЛНОЙ ОТДАЧЕЙ ЛЮБИМОЙ
 РОДИНЕ НЕНАВИДИМ ВРАГА НЕ УНЫВАЙ ДОРОГОЙ
 ДРУГ ШУРУЙ ТАК КАК ТЫ НАЧАЛ = СЛЮСАРЕВ НАЗА-
 РОВ

Впервые – в 1990 г. в коммент. к 25-й главе 5-й книги ЛГЖ (т.2, 1990. С.443). Подлинник – собрание составителя.

Сидор Васильевич Слюсарев (1906–1981) – генерал-майор авиации.

149. Ж.-Р.Блок

Париж, 6 мая 1945

ВОСТОРГОМ ПОЗДРАВЛЯЮ СО ВЗЯТИЕМ БЕРЛИ-
 НА КОТОРОМУ ВЫ СПОСОБСТВОВАЛИ ВАШИМ ПЕ-
 РОМ-ПУШКОЙ <ТЧК> ФРАНЦУЗСКИЙ НАРОД ЛЮ-
 БИТ СОВЕТСКИЙ НАРОД И КРАСНУЮ АРМИЮ<ТЧК>
 ВЕРНУЛСЯ ИЗ НЕСКОЛЬКИХ ПОЕЗДОК ВНОВЬ РЕ-
 ДАКТОР СЕ СУАР¹ <ТЧК> ПОШЛЮ СТАТЬИ КРАС-
 НУЮ ЗВЕЗДУ <ТЧК> ВЫ ПОЛУЧИЛИ ПИСЬМА И ТА-
 БАК ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ = ЖАН РИШАР БЛОК

Впервые. Перевод М.Сальман. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1296. Л.6.

¹ Парижскую газету «Ce soir» Блок организовал в марте 1937 г. вместе с Л.Арагоном; осенью 1939 г. она была закрыта по политическим мотивам.

150. Э.Эррио

Тегеран, 14 мая 1945

Мой дорогой Эренбург,

Ваш табак я получил в Тегеране. По моим расчетам, его хватит до конца моей жизни. Спасибо.

Я очень сожалею, что пришлось уехать, не простившись с Вами, что не удалось провести вместе исторический День Победы, не удалось провести должно пребывание в Москве. Но в десять часов вечера мне сказали, что я должен вылететь в четыре часа утра¹.

Читаю Вашу книгу о Париже². Она превосходна. Могу упрекнуть Вас только в одном: я никогда не был франкмасоном³ (это для статистики).

Сердечно Э.Эррио.

Впервые (в сокращении) – в 26-й главе 5-й книги ЛГЖ; перевод ИЭ. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2429. Л.2.

Эдуар Эррио (1872–1957) – франц. политический и общественный деятель, историк, литератор. Депутат Национального собрания в 1919–1940; во время гитлеровской оккупации Франции арестован, депортирован в Германию, освобожден из плена Советской Армией и доставлен в Москву; в 1947–1954 гг. – председатель Национального собрания Франции; ИЭ познакомился с ним в середине 1920-х гг. в Париже; Эррио посвящена 26-я глава 5-й книги ЛГЖ.

¹ В главе ЛГЖ об Эррио ИЭ высказал предположение, что срочный отъезд Эррио из Москвы инспирировало французское посольство, чтобы воспрепятствовать его контактам с советским руководством (8, 100).

² Роман «Падение Парижа», изданный в 1944 г. по-французски в Москве.

³ От франц. franc maçon – вольный каменщик; религиозно-этическое движение, возникшее и распространившееся в Европе в XVIII в.

151. В.А.Галюз

Действующая армия, 1945

Здравствуйтесь, дорогой Илья Эренбург!

Я обращаюсь к Вам как к самому лучшему и умнейшему представителю нашего вечнострадательного еврейского народа. За годы Великой Отечественной войны русского народа против немецких поработителей Вы, дорогой Илья Эренбург, своими теплыми словами заслужили всемирную славу и всеобщую любовь. Вся шкура трясется на

немцах, когда они вспоминают Ваше имя. Ведь недаром почти во всех листовках, которые я нахожу на передовой, есть Ваше имя. Они знают, что скоро Вы предъявите им самый грозный обвинительный акт за убийство шести с половиной миллионов ни в чем не повинных людей.

Эти кровожадные бандиты расстреляли из моей семьи – 44 человека, в том числе сестер моих, родителей, а семью моего брата закопали живьем. Я ищу ответ, за что они их истребили, и не могу найти. У меня болит сердце не за убитых моих родных, а за шесть с половиной миллионов. Вот я проехал почти всю Эстонию, Литву и Польшу и нигде не встретил ни одного еврея, только домики в городах и местечках как будто бы плачут по своим обитателям.

Недавно мы заняли наблюдательный пункт на чердаке одного дома в польском городке, который мы недавно освободили. И вот на чердаке я нашел много еврейских книг, которые как будто тоже плачут по своим хозяевам. Здесь евреи были расстреляны еще в 1940 году. Я не религиозный, но когда я поднял «Агада шел Пейсах» и начал читать, так невольно слезы как из ручья полились из моих глаз.

Дорогой Илья Эренбург! Наш народ видит в Вашем лице человека, подобного Мойсею в древнее время. И именно поэтому я решил обратиться к Вам и излить перед Вами свою наболевшую душу. Горькая участь постигла наш несчастный народ. Порой я спрашиваю себя: за что нас везде преследуют? Почему мы вечно гонимы и почему о нас говорят, что мы ни к чему не способны? Почему нас бьют все, кому не лень? Неужели мы хуже других народов? Скажите, пожалуйста, взойдет ли когда-нибудь звезда пленительного счастья и над нами? Я долго не решался обратиться к Вам из-за своей малограмотности. До свиданья, крепко жму Вашу руку.

С уважением к Вам

Галоз Вениамин Абрамович.

Жду с нетерпением ответа на мои вопросы.

Полевая почта ORO56E.

Впервые – «Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943–1966». Иерусалим, 1993. С.202-203. Подлинник – архив музея «Яд-Вашем», Иерусалим.

152. И.Л.Сельвинский
 <Москва,> 20/VI <19>45

Дорогой Илья Григорьевич!

Семья инженера Полотовского очутилась в тяжелом положении: ее сняли с поезда в связи с какими-то неисправностями в командировочном удостоверении, и вот уже две недели как она сидит на станции ж<елезной>/д<ороги>.

Лично я бессилён чем-нибудь помочь товарищу. Если у Вас имеются связи в Моссовете (а только это может в данном случае помочь) – не откажите нажать соответствующую кнопку. Т.Полотовский мой старый товарищ по университету, честный, настоящий человек. Очень хотелось бы выручить его.

Крепко жму Вашу руку

Илья Сельвинский.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

С поэтом И.Л.Сельвинским ИЭ был знаком с 1920-х гг, но их отношения никогда не были сколько-нибудь близкими. В 1944 г. Сельвинский подарил ИЭ свою книгу «Военная лирика» с исправленными цензурными вымарками и с надписью: «Дорогому Илье Григорьевичу с уважением коллеги и восхищением фронтовика Илья Сельвинский 20/II 1944». О дальнейшей судьбе семьи студенческого товарища Сельвинского нам ничего неизвестно.

153. М.З.Шагал
 Нью-Йорк, 30 апреля 1945
 New-York, 42. Riverside dr.

Дорогой Илья Эренбург.

Я пользуюсь случаем и пишу Вам эти неск<олько> слов,

слова, которые, читая Вас, я хотел Вам давно и так часто сказать. Слова радости за Вас... и поверьте – за себя. Ведь ваша «биография» мне кажется – это же частично и моя. Разве мы не жили когда-то и воспитывались в том Париже и, работая на чужбине, вздыхали в Искусстве каждый по-своему – о родине.

Ну вот не в пример мне – Вы таки вздохнули полной грудью и воздухом и духом величия страны. Стали ей так полезны, что полезны! Вы принесли ей активную, большую пользу в этой отчаянной, навязанной войне, войне, поднявшей, однако, родину на невероятную высоту и спасшую мир.

Позвольте мне одновременно с этим приветом Вам – передать через Вас мой сердечный привет родине с моей любовью к ней и всегдашней преданностью.

Марк Шагал.

Впервые – Встречи с прошлым. Вып.5. М., 1984. С.343-344. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2364. Л.1. С художником Марком Захаровичем Шагалом ИЭ познакомился в Париже в 1910-е гг. (см. *Б.Фрезинский* Илья Эренбург и Марк Шагал // Диаспора. Вып. III. Париж – СПб., 2002. С.411-431). Шагалу посвящена 22-я глава 7-й книги ЛГЖ. Письмо несомненно является откликом на обсуждавшееся в американской печати несправедливое дезавуирование публицистики ИЭ в СССР.

154. Д.Я.Дар

<Из Молотова в Москву;> 16/VII 1945

Уважаемый Илья Григорьевич!

Прошу прощения за то, что отнимаю у Вас время. Обращаюсь к Вам с большой просьбой – не будете ли Вы столь любезны, чтобы разрешить мне прислать Вам несколько сказок, из числа тех, которые составили законченную мою книгу маленьких и, как мне кажется, смешных и поучительных еврейских сказок (на русском языке).

Вы могли бы оказать мне очень большую помощь, просмотрев присланные сказки и вынеся суждение: представляют ли они интерес с общественной и художественной точек зрения и, следовательно, стоит ли мне предпринимать трудные и, по всей вероятности, безуспешные попытки издать их, или же они лишены общественного и художественного значения.

Я – немолодой ленинградский литератор (из числа неудачников), автор повести «Господин Горрилиус» (Ленинград, 1941, издательство «Советский писатель»). С начала войны и по настоящее время нахожусь в рядах Красной Армии, в отдалении от больших городов и поэтому только позволяю себе обременять Вас своей просьбой.

Если Вы будете настолько любезны, что согласитесь просмотреть рукопись, то прошу сообщить мне об этом, а также и адрес, по которому можно рукопись выслать.

С уважением *Д.Дар*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1495. Л.1. Давид Яковлевич Дар (1910–1980) – писатель.

1946

155. Е.Г.Полонская

Ленинград, 21/1 – <19>46

Дорогой Илья.

Спасибо за письмо и открытку Т<аламини>¹. Не думала, что он в живых да еще и работает. Он из поколения фантастов, международное издание девятисотых годов. Мы тогда примыкали к этой серии, с некоторыми изменениями. Очень слежу за твоей работой. Твоя статья о Нюрнберге² – превосходна. У меня такое чувство, что из этого го-

рода сделали «уголок Фемиды», отгородив его ширмой, а за ширмой, по другую ее сторону, расположились все прочие боги, включая Вотана.

Скончалась моя мама³. Очень грустно и пусто стало. Даже недвижимая и без языка, борющаяся со смертью, она была источником тепла и жизни. Единственный друг, который не предаст. Я хотела написать тебе сразу, как получила твоё письмо, но не могла.

Не соберешься ли в Ленинград? Если хочешь, это, мне кажется, можно сделать через того же Левика⁴. Напиши.

Целую тебя.

Твоя *Лиза*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2055. Л.2.

¹ Вернувшись из поездки по Европе, ИЭ написал Полонской 19 декабря 1945 (см. П2, №299); он разыскал ее давнего парижского друга, итальянского журналиста Альфредо Таламини (?–1958).

² Статья ИЭ о Нюрнбергском процессе над нацистскими преступниками: «Мораль истории» («Известия», 1 декабря 1945).

³ Шарлотта Ильинична Мовшенсон (1861–1945) – ИЭ познакомился с ней в Германии в 1909 г.

⁴ Видимо, речь идет о переводчице Вильгельме Вениаминовиче Левике (1906–1982).

156. Л.Стоу

Бьемонт, Техас, 11 апреля 1946

Дорогой друг,

На днях, когда я уезжал из Нью-Йорка, мне попалось на глаза сообщение, что Вы собираетесь в Вашингтон¹.

Отличная новость. Мне только жаль, что сейчас я еду в Мексику и не вернусь до 30 апреля. Но Вы, конечно, еще останетесь в Америке на несколько недель и вернетесь в Нью-Йорк в начале мая. Я был бы очень рад повидаться с Вами, Вы придете ко мне или мы отпразднуем Ваш приезд так, как Вам захочется².

Пожалуйста, напишите мне или позвоните, чтобы я знал, где Вас найти. Мой адрес – в конце письма.

Я намерен вернуться во Францию в июне. Затем – после Берлина и Праги – рассчитываю побывать в Москве. Жаль, что я смогу провести там лишь несколько недель, но, как бы то ни было, я очень хочу увидеть СССР без войны, в процессе восстановления. Поговорим об этом при встрече.

Я надеюсь, что Вы пробудете здесь некоторое время и что госпожа Эренбург приехала вместе с Вами.

Итак, до скорой встречи. С искренним приветом –

Стоу.

Впервые. Перевод М.Сальман. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2195. Л.2.

¹ Имеется в виду поездка ИЭ (вместе с К.М.Симоновым и М.Р.Галактионовым) по США, описанная ИЭ в 5–10-й главах 6-й книги ЛГЖ.

² О своей встрече со Стоу в его доме под Нью-Йорком ИЭ упоминает в 17-й главе 5-й книги ЛГЖ.

157. С.Ю.Прегель

Нью-Йорк, 17 апреля 1946

Дорогой Илья Григорьевич,
от имени редакции «Новоселья» приветствую писателя, всей силой своего таланта самоотверженно служившего делу освобождения нашей Родины от фашистских захватчиков.

Посылаем Вам 4 номера «Новоселья». Журнал наш ставил себе с самого начала своего существования ту же цель, которую преследует Ваш теперешний приезд: сближение между Россией и прогрессивной Америкой. Мы были бы рады Вашему отклику.

С искренним приветом

Софья Прегель.

Впервые – *Б.Фрезинский*. Софья Прегель и Илья Эренбург // «Русская мысль». Париж, 1995. № 4094. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2071. Л.1. На бланке журнала «Новоселье», главным редактором которого с 1942 г. была С.Ю.Прегель; письмо направлено на

имя ИЭ в советское посольство в США. Прегель Софья Юльевна (1894–1972) – поэтесса.

158. Ю.Тувим

<Нью-Йорк, 22 апреля 1946>

Дорогой Эренбург! Если Вы не забыли Вашего старого и любящего Вас друга – и если хотите с ним видиться – отзовитесь (Трафальгар 7.0956). Я понимаю, что Вы очень заняты, но надеюсь, что найдете для меня хоть полчаса времени¹.

Жму Вашу руку.

Преданный Вам *Юлиан Тувим* (дряхлый старик).

Впервые – *Tuwim J. Listy do przyjacieli i pisarzy. Warszawa, 1979. S.270.*
Подлинник (по-русски) – ФЭ. Ед.хр.2243. Л.1.

¹ Встречу с Тувимом в его нью-йоркской квартире ИЭ описал в 3-й главе 3-й книги ЛГЖ.

159. О.И.Дымов

Нью-Йорк, 22. IV<19>46

Уважаемый Илья Григорьевич,
помимо желания пожать Вашу руку, хочу узнать, могу ли я чем-либо быть полезен Вам и Вашим коллегам¹.

Буду рад, если откликнетесь.

С приветом

Осип Дымов.

(Осип Исидорович Дымов, писатель.)

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1542. Л.1.

С писателем О.И.Дымовым (Иосиф Исидорович Перельман; 1878–1959), жившим с 1913 г. в США и лишь наездами бывавшим в Европе в 1920-е гг., ИЭ, скорей всего, лично знаком не был.

¹ Имеются в виду спутники ИЭ в поездке по США писатель К.М.Симонов и генерал М.Р.Галактионов.

160. М. и И. Шагал

<Нью-Йорк, 25 апреля 1946>

**ИЛЬЕ ЭРЕНБУРГУ ОТЕЛЬ УОЛДОРФ-АСТОРИЯ
ГОДЫ ВЫ БЫЛИ БЛИЗКИ МНЕ В ПАРИЖЕ ТЕПЕРЬ
Я ЛЮБЛЮ ВАС КАК ЧАСТЬ МОЕЙ ОТЧИЗНЫ САМЫЕ
СЕРДЕЧНЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ = МАРК ШАГАЛ И ИДА**

Впервые – «Шагал. Возвращение мастера». М., 1988. С.326 (где ошибочно датировано 25 декабря 1949 г.). Подлинник – ГМИИ. Ф.41. Оп.1. Ед.хр.79. Ида Марковна Шагал (1916–1994) – дочь художника, парижская подруга И.И.Эренбург. Встречу с Шагалом в Нью-Йорке ИЭ упоминает в 22-й главе 7-й книги ЛГЖ.

161. А.Калдер

Нью-Йорк, 28 апреля 1946

Мой дорогой Эренбург,

я очень сожалею, что не повидался с Вами тем вечером. Но я ждал письма от Херасси¹, я даже позвонил в гостиницу «St. James», но никаких сведений. Теперь я вернулся сюда, в деревню в 90 милях от Нью-Йорка и думаю, что снова приеду через несколько недель. Но я бы очень желал Вас повидать. Если хотите, приезжайте ко мне. Есть поезд в 8 часов утра на Нью-Милфорд Конн<ектикут>, который отходит от Центрального вокзала. Поезд идет 2 часа, я встречу Вас на машине, так что Вы можете вернуться во второй половине дня или вечером на автобусе. Позвоните мне, хотите ли Вы приехать. Все это слишком сложно, скажите мне, когда я смогу Вас увидеть.

Дружески

Калдер.

Впервые. Подлинник – ГМИИ. Ф.41. Оп.1. Ед.хр.25.

С американским скульптором Александром Калдером (1898–1976) ИЭ познакомился в Париже в 1926 г.; в 18-й главе 3-й книги ЛГЖ ИЭ вспоминал: «Я подружился с американским скульптором Кальдером, огромным, веселым парнем; он был большим затей-

ником, работал над жостью, над проволокой. Он сделал из проволоки портрет моего любимца, шотландского терьера Бузу».

¹ Фернандо Херасси (1899–1974) – испанский художник, участник гражданской войны в Испании, друг ИЭ, после поражения Испанской Республики жил с семьей в США.

162. Э.Хемингуэй

Сан-Франсиско-де-Паула (Куба), 16 мая 1946

Finca Vigia San Francosco de Paula Cuba¹.

Пишу, чтобы сказать тебе, как я был бы счастлив снова видеть тебя и предложить тебе остановиться в моем доме, если ты пожелаешь. Я часто думал о тебе все эти годы после Испании и очень гордился той потрясающей работой, которую ты делал во время войны. Пожалуйста, приезжай, если можешь, и знай, как счастлив будет твой старый друг и товарищ увидеть тебя.

Всегда твой

Эрнест Хемингуэй.

Впервые (в другом переводе) – Встречи с прошлым. Вып.4. М., 1982. С.285-286. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2325. Л.1.

ИЭ познакомился с американским писателем Эрнестом Хемингуэем (1899–1961) в Испании в 1937 г. Хемингуэю посвящена 23-я глава 4-й книги ЛГЖ (судя по этой главе, писатели были «на ты»), в которой упоминается это письмо. Повидаться с Хемингуэем ИЭ не удалось.

¹ Усадьба Хемингуэя «Финка-Вихия» в Сан-Франсиско-де-Паула (в 20 км от Гаваны).

163. Ле Корбюзье

Нью-Йорк, 22 мая 1946.

Дорогой Эренбург,

я бы очень хотел Вас повидать. Если Вы не возражаете, позвоните мне утром до 9.30 в гостиницу комната 1687.

Поверьте в мои наилучшие чувства

Ле Корбюзье.

Впервые. Перевод И.И.Эренбург. Подлинник (на бланке нью-йоркской гостиницы «The Roosevelt») – собрание составителя. На письме приписка по-английски: «Ланч завтра или послезавтра». Со знаменитым французским зодчим Ле Корбюзье (Шарль Эдуар Жан-нере; 1887–1965) ИЭ познакомился в Париже в 1925 г.; его имя встречается в ЛГЖ всякий раз, когда речь заходит об архитектуре; в 6-й главе 6-й книги ЛГЖ есть рассказ о встрече и беседе ИЭ с Ле Корбюзье в Нью-Йорке.

164. С.С.Дубнова

Нью-Йорк, 27/V <19>46

Многоуважаемый Илья Григорьевич, в свое время Вы включили в сборник, вышедший под Вашей редакцией, мое стихотворение¹. Мне хочется теперь послать Вам цикл стихотворений, написанных за последние годы (большинство из них напечатано в журнале «Новоселье»²). Если у Вас будет желание откликнуться, буду очень рада.

С искренним уважением

Софья Дубнова.

Мой адрес: S.Dubnow 61W 106 St. Ap.6A New-York.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2453. Л.28. Софья Семеновна Дубнова (по мужу Эрлих, 1885–1986) – поэтесса, дочь историка еврейства С.М.Дубнова, с 1942 г. жила в США.

¹ Стихотворение С.Дубновой «Лишь жесткий безгневен ныне...» (1918) из ее неизданной книги «Мать» ИЭ включил в подготовленный им сборник «Поэзия революционной Москвы» (Берлин, 1922).

² См. коммент. к № 157.

165. М.Моравская

Майами, 29 мая 1946

Дорогой Поэт!

Много лет тому назад Вы посвятили мне поэму¹. Я, Мария Моравская, была поэтом в России, а теперь почти ра-

зучилась говорить по-русски. Пишу исключительно по-английски.

Вы теперь славный политический деятель, но я все о Вас думаю как о молодом поэте в Париже.

Сердечный привет

Мария Моравская.

Впервые – в статье В.В.Попова о Моравской (Русская литература, 1998, №3. С.216). Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1313. Л.1. Поэтесса Мария Людвиговна Моравская (1889–1947) сразу после революции 1917 г. уехала в США. ИЭ писал о ее стихах в статье «Новые поэтессы» (Гелиос, Париж, 1913, №2).

¹ Имеется в виду короткое стихотворение «Слышишь, как воет волчища...», написанное в мае 1915 г. и вошедшее в книгу ИЭ «Стихи о канунах» (1916).

166. Ле Корбюзье

Нью-Йорк, 30 мая 1946

Мой дорогой Эренбург,
пока я не забыл:

Меня потрясло Ваше повествование о разрушениях¹. Сегодня я написал в Париж, чтобы там в посольстве Вам передали книжечку: «Постройки Мюрондена»², подаренную молодежи Франции в октябре 1940 года, на которую они отчаянно не обратили внимания...

Я дружески дарю Вам это техническое открытие, которое в некоторых местах могло бы оказать большую помощь.

Сообщаю Вам о существовании золотого правила, которое я изобрел и которое покупатели патента объявили чудесным (мне все равно). Но когда-нибудь Ваши эксперты могли бы с пользой обсудить его со мной (с ним связана вся проблема стандартизации) с точки зрения соразмерности.

Здание Центросоюза³. Будет достаточно установить спереди «Солнцезащитный козырек» – это сложнее, чем в Рио де Жанейро, из-за московского снега.

В тропиках выход найден. Нужно искать его у Вас. Я готов Вам помочь.

Дружески,

Ле Корбюзье.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Подлинник ошибочно датирован 1930-м годом.

¹ Имеются в виду разрушения в СССР за время Отечественной войны.

² См. примечание Ле Корбюзье к № 169.

³ Единственное здание, построенное Ле Корбюзье в Москве на ул. Кирова (теперь Мясницкая).

167. П.П.Сувчинский

Париж, 8 июля 1946

Дорогой Илья Григорьевич, мне ужасно хочется с Вами повидаться, поговорить о многом и в частности выяснить целый ряд вопросов относительно советской музыки и музыковедения. Я нахожусь в переписке с С.С.Прокофьевым и Г.М.Шнеерсоном¹ из ВОКС'а, но в письмах очень трудно обо всем договориться, т.к. ответы приходят несколько месяцев спустя, с большим запозданием.

Очень прошу Вас, не откажите назначить мне день и час, когда мы могли бы спокойно обо всем этом поговорить.

Искренне преданный Вам

П.Сувчинский.

15, rue St. Saëns.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2203. Л.1. Помета ИЭ на письме: «то ли "поговорить", то ли?».

Петр Петрович Сувчинский (1892–1985) – музыковед, философ, публицист; ИЭ встречался с ним в Киеве в 1919 г., а затем в Пари-

же в 1920-е гг., когда Сувчинский вместе с С.Я.Эфроном был увлечен идеей евразийства.

¹ Григорий Михайлович Шнеерсон (1901–1982) – музыковед.

168. В.Элена

Париж, 16 июля 1946

Дорогой Илья!

С Вашим именем крепко связаны мои воспоминания о первых днях моей жизни в Париже почти 40 лет тому назад (1908–1909).

Может быть, и Вы не забыли товарища Ефима из большевистской партийной группы и семинара философии нашего незабвенного Ильича¹. Я часто вспоминаю наши прогулки после занятий в семинаре, когда мы кружили вокруг Бельфорского Льва и говорили о поэзии. Помню Ваш бархатный костюм и широкополюю шляпу и Ваш первый печатный труд «Одуванчики»².

Много воды утекло с тех пор, много событий (и каких!) произошло на земном шаре, но они не изгладили из памяти следа тех наших встреч.

Радуюсь искренне, что Вы нашли свой путь, столь ценный для Родины и принесший много пользы в борьбе против фашизма.

Очень хотелось бы встретиться с Вами, но не смею просить Вас об этом. Ваша работа и официальные приемы, конечно, не оставляют Вам ни минуты свободной.

Поэтому ограничусь просьбой, если, конечно, Вы меня вспомнили, черкнуть мне пару слов.

Теперь я работаю садовником в парке Cite Universitaire de Paris³ и все свободное время отдаю партии (ФКП) и работе.

С товарищеским и коммунистическим приветом и чувством восхищения перед Вашим талантом

*Василий Элена,
он же Ефим.*

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр. 2453. Л.30.

¹ Имеется в виду В.И.Ленин.

² «Одуванчики» (Париж, 1912 г.) – третья книга стихов ИЭ.

³ Университетский городок Парижа (франц.).

169. Ле Корбюзье

<Париж,> 24 июля <19>46

Дорогой Эренбург.

Я несколько дней тому назад вернулся в Париж и прочел очаровательное письмо, которое моя секретарша* послала Вам. Как видите, мы флиртуем с СССР! Моя секретарша очень ортодоксальна, это я пишу, чтобы Вас позабавить. В конце этого месяца она меняет квартиру, широту и хозяина!

Пусть это послужит уроком для всех тех, кто вынужден рассчитывать на преданность окружающих...

Надеюсь, что Вы посмеялись.

Если у Вас есть время посмотреть живопись, я буду рад Вашему приходу.

Сердечно Ваш

Ле Корбюзье.

* Я ее просил послать Вам «Les constructions “Muron-dins”»¹ – глинобитные бараки и деревянные постройки, которые, может быть, пригодились бы некоторым из оставшихся у вас без крова.

Вот дура!

Впервые. Подлинник (на именном бланке) – собрание составителя.

¹ Книга Ле Корбюзье «Постройки “Мюронден”», вышедшая в Париже в 1941 г.

170. М.З.Шагал

Paris, 27/7 1946

Дорогой Эренбург.

Когда у Вас будет минута свободная – может быть, тог-

да дадите знать: когда и где можем встретиться (а м.б., пообедать или поужинать вместе).

Я в Париже до 20-го авг<уста>. Но в апреле – мае <1947> приеду обратно. К тому времени здешний французский музей Modern¹ решил устроить мою ретроспективную выставку и приблизительно такую, какая была в музее New-York и которая с ноября откроется в музее Чикаго².

Пока до свидания

Ваш преданный

Марк Шагал.

Tel. Pas 52-30

Впервые – *Б.Фрезинский*. Илья Эренбург и Марк Шагал // Диаспора. Вып. III. СПб., 2002. С.420. Подлинник – ГМИИ. Ф.41. Оп.1. Ед.хр.74.

¹ Музей современного искусства (Париж).

² Выставка Шагала в художественном музее Чикаго проходила в ноябре 1946 – январе 1947.

171. Д.Гамсараган

<Париж, июль 1946>

Вторник

Дорогой Илья,

Боюсь, меня примут за ненормальную, если позвоню в третий раз. Но я не могу <два слова нрзб>, что среда или понедельник – это так нескоро после семилетней разлуки¹, и что Вы, как и я, были бы рады увидеться наедине на полчаса и поболтать о вещах, о которых мы так мало и плохо поговорили в самой гуще толпы, суетившейся вокруг Вас².

Если я права, позвоните мне, и мы встретимся за рюмочкой аперитива, ликера или за чашечкой чаю там и тогда, когда Вы захотите.

Я свободна сегодня во второй половине дня, в четверг и всю пятницу.

Целую Вас, мой милый Илья, ну, до среды – в крайнем случае.

Дашенька.

Надо спросить мадам Воллуа <четыре слова нрзб> про-ще всего меня застать <одно слово нрзб> утром около де-сяти часов. Обеденный перерыв с часу до трех.

Впервые. Перевод М.Сальман. Подлинник – собрание составите-ля. Скульптор Дарья Гамсараган (египетская армянка, жившая и ра-ботавшая в Париже) – приятельница ИЭ с 1930-х гг.; автор бронзо-вой медали памяти ИЭ, выпущенной в 1968 г. Парижским монетным двором.

¹ То есть после отъезда ИЭ из Парижа в 1940 г.

² Имеется в виду встреча ИЭ и К.М.Симонова с франц. писателями, на которой была Д.Гамсараган.

172. Ж.-Р. Блок

Париж, 3 августа 1946

Мой дорогой друг,

Не знаю, смогу ли повидать Вас, так как, если ничего не помешает, я проведу выходные дни в «Ля Меригот».

Я хотел бы поговорить с Вами о гонораре за Ваши ста-тьи в «Се суар». Наш «министр финансов», то есть наш ад-министративный директор, Гастон Бенсан, спросил меня о Ваших условиях. Я ответил, что Вы деликатно не упомя-нули о них. Итак, Бенсан предлагает Вам на выбор два ре-шения. Первое: газета берет на себя оплату Вашего отды-ха в августе. Второе: газета платит Вам гонорар из расчё-та пять тысяч франков за статью, или шестьдесят тысяч франков за двенадцать условленных статей.

Осталось лишь справиться о Ваших собственных поже-ланиях. Вот цель этой записки.

С самыми горячими чувствами

Ваш Ж.-Р. Блок.

Впервые. Перевод М.Сальман. Подлинник – ФЭ. Ед. хр. 1296. Л.8. На бланке «Ce soir».

173. М.З.Шагал.

Paris, 15/8 1946

Дорогой Эренбург.

Жаль, что Вас не увижу. Уезжаю, как писал, в Америку около 20–22. Вернусь обратно к весне – моменту устраиваемой Музеем Modern Art в Париже моей ретроспективной (1908–1947) выставки. Скажу к Вашему сведению – что на все просьбы телеграфные и прочие директора Музея of Modern Art N.Y. об одолжении моих нек<оторых> старых (других нет) картин с родины – не было ответа. Таким образом, моя родина не фигурирует в каталоге ни Музея of Modern Art New-York'a, ни теперь в Музее Чикаго (ноябрь–январь). Я не знаю, ответят ли таким же молчанием на ближайшие запросы директоров Музея Парижа об одолжении упомянутых картин (о чем Вас и предупреждаю, если замолвите слово где надо), обратится, наверно, Jean Cassou¹.

Кстати – к началу войны – я подарил картину для русско-американской помощи, а года 2 назад подарил еще 2 картины (эпохи «война») через друзей Михоэлса и Фефера², когда они были в N.Y., и консула Е.Киселева³, они были посланы в Москву. Я не получил никакого ответа и ничего о судьбе их.

Я послал в свое время письмо в «Комитет по делам Искусств» и др. и наконец на имя Председателя⁴, в котором я выразил желание в свое время (сейчас мое здоровье слабее) съездить поработать «по-новому» и это выставить здесь и там после выставок ретроспективных – я не получил ответа. Вот почему, несмотря на мою всегдашнюю любовь и преданность, я считаю себя незаслуженно обиженным.

Обнимаю Вас крепко. Сердечный привет Вашей жене.

Марк Шагал.

Впервые – «Шагал. Возвращение мастера». М., 1988. С.324; с исправлением неточностей – Диаспора. Вып.III. СПб., 2002. С.420–421. Подлинник – ГМИИ. Ф.41. Оп.1. Ед.хр.71.

¹ Жан Кассу (1897–1986) – французский романист и художественный критик.

² Имеется в виду поездка С.М.Михоэлса и И.С.Фефера в 1943 г. в США по поручению Еврейского Антифашистского Комитета СССР для сбора пожертвований еврейского населения США в фонд Красной Армии; Шагал встречался в США с Михоэлсом и Фефером.

³ Советский консул в Нью-Йорке до 1945 г. Е.Д.Киселев (1908–1963) официально опекал С.М.Михоэлса во время его поездки в США, и впоследствии их связывали дружеские отношения.

⁴ Председателем Комитета по делам искусств до 1948 г. был М.Б.Храпченко.

1947

174. К.М.Симонов

Москва, 21/І 1947

Дорогой Илья Григорьевич!

Я так и не выбрался к Вам до отъезда, а время не терпит и приходится не говорить, а писать до возвращения.

Эту записку Вам передаст Лидия Корнеевна Чуковская, мой заведующий отделом поэзии¹. Я делаю в № 2 – моментальную фотографию с сегодняшнего дня нашей лирической поэзии, стараюсь представить этот день как смогу лучше. Что выйдет – увидим.

К Вам просьба – дайте несколько стихотворений². Вот собственно и все, но все собирался к Вам сам и так и не добрался – простите великодушно.

Большой привет Любовь Михайловне и Ирине.

Ветер я в журнале уже сею – когда пожну «Бурю»?³

Крепко жму руку

Ваш Константин Симонов.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2162. Л.2. С писателем Константином Михайловичем Симоновым (1915–1979) ИЭ был близко знаком со времен Отечественной войны.

¹ Л.К.Чуковская (1907–1996) работала в «Новом мире» с ноября 1946 по май 1947 г., когда его главным редактором был К.М.Симонов.

² После постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946) ИЭ не печатал своих стихов в журналах до 1965 г.; несколько стихотворений 1939 г. было перепечатано в коллективном сборнике «Стихи и поэмы (1917–1947)». М., «Правда», 1947.

³ Имеется в виду роман ИЭ, над которым он работал с января 1946 г. и который печатался в «Новом мире» в № 4–8 за 1947 г.

175. С.Е.Голованивский

Киев, 2 февраля 1947

Дорогой Илья Григорьевич!

Случилось так, что я вынужден был уехать скоростижно – вечером 27/І – 47 г. Это произошло так неожиданно, что я не успел даже позвонить Вам. Таким образом могло случиться, что Вы меня ждали согласно нашему условию 28/І.

Если так, то простите, пожалуйста.

Мне очень хотелось повидать Вас, поговорить и о некоторых вещах посоветоваться с Вами. Буду ждать следующего случая в надежде на Вашу любезность.

Получили ли Вы через Антокольского¹ альбомы нашего киевского художника З.Толкачева?² Мне очень хочется склонить Вас к мысли написать об этих вещах. Они кажутся мне потрясающими со всех точек зрения. Но, к сожалению, у нас в Киеве благодаря предрассудкам определенно-го характера отношение к этому выдающемуся художнику преступное. Достаточно сказать, что картины его лежат в подвале музея и их стараются скрыть от общественности, несмотря на то что они известны за границей широко и по характеру своему значительны.

Мне кажется, что они стоят того, чтобы о них узнали и в Советском Союзе. Хорошо бы, если б Вы о них написали.

Горячий привет Любовь Михайловне.
Желаю Вам успехов и здоровья.

Савва Головановский.

Киев, Ленина 68 кв.55.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1451. Л.1-2. Савва Евсеевич Головановский (1910–1989) – украинский поэт, друживший с ИЭ в послевоенные годы (об одной из встреч с ним ИЭ написал в 34-й главе 6-й книги ЛГЖ).

¹ Поэт П.Г.Антокольский.

² Зиновий Шендерович Толкачев (1903–1977) – киевский еврейский художник, узник Освенцима.

176. Вс.В.Вишневский

Москва, 24.III <19>47

Добрый день.

Сегодня Вы читаете у нас в Клубе главы своего нового романа о войне¹. Только официальная необходимость быть на просмотре у Берсенева² (спектакль об американских журналистах и пр.) – мешает мне быть в Клубе.

Желаю Вам удачи. Думаю, что над страшной, трагической войной 1941–45 (и даже 1939–45) – Вы сумеете разглядеть, обозначить еще более реальную схватку. Мы с Вами были в американской зоне. Вы съездили к этим милым «бойс»³, которые жуют резинку и прикидывают кое-какие планы, – о которых Гитлер даже не додумывался.

Остро подумал о Вас в минуту, когда сообщили о Жан-Ришаре Блоке⁴. Мы правильно говорили с ним в канун войны. Это был вечер Вашего 50-летия⁵.

Жан-Ришара в последний раз я видел в поезде Белград-Триест-Париж. Он много говорил о России, о славянстве, о «черной» американско-европейской литературе. Он говорил также о всемирном конгрессе писателей⁶, где он рассчитывал увидаться с советскими друзьями.

Жму руку.

Вс.Вишневский.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2490. Л.11. На бланке журнала «Знамя».

¹ Речь идет о чтении ИЭ глав романа «Буря» в Клубе писателей.

² Иван Николаевич Берсенева (1889–1951) – актер и режиссер, с 1938 г. гл. режиссер Московского театра им. Ленинского комсомола. Видимо, речь идет о просмотре спектакля Берсенева по пьесе К.Симонова «Русский вопрос» в связи с выдвижением его на Сталинскую премию.

³ От англ. boys – мальчики.

⁴ Имеется в виду сообщение о смерти Ж.-Р.Блока 15 марта 1947 г.

⁵ 26 января 1941 г.; юбилей ИЭ официально не отмечался и праздновался у него дома.

⁶ Имеется в виду предстоящий Вроцлавский конгресс (1948 г.).

177. К.М.Симонов

Рига, 9/VII 1947

Дорогой Илья Григорьевич!

Дочел роман¹. Чем дальше к концу, тем больше меня волновало. Тревог нет. По-моему, все в порядке.

Прошу не сердиться на категоричность или резкость замечаний на полях. Писал кратко, по-деловому – стараясь выразить суть возражений.

Поздравляю от души с окончанием большой, трудной и благородной работы.

Ваш *Константин Симонов*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2162. Л.4.

¹ «Буря».

178. С.М.Эйзенштейн

Москва, 29/XI <19>47

Дорогой Илья Григорьевич!

Я считаю, что Вы должны быть убиты наповал моей честностью: Voici Miller!¹ Должен сознаться в полном разочаровании этим автором... Вот у нас в гимназии!..

С сердечным приветом Любовь Михайловне и Григ<орию> Мих<айловичу Козинцеву>

Ваш С.Эйзенштейн.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2407. Л.1. Записка С.М.Эйзенштейна, сопровождавшая возвращенную им книгу, – возможно, привезенную ИЭ из США какую-либо скандально-эротическую книгу американского писателя Генри Миллера (1891–1980).

¹ Вот Миллер! (франц.)

179. К.М.Симонов

Москва, 9 декабря 1947

Дорогой Илья Григорьевич!

Я звонил Вам сегодня, но не застал Вас, сейчас уезжаю на два дня на дачу и боюсь, что Вы примите решение, не выслушав моего мнения. Потому рискую изложить его в письменном виде.

Я два раза подряд прочел Вашу пьесу¹. Хотя я, как редактор, нахожусь в невыгодном положении человека, у которого есть конкуренты, но как Ваш друг, которым Вы позволили мне себя считать, я, может быть, даже вопреки своим редакторским интересам, хочу выразить с полной прямоотой некоторые свои соображения о Вашей пьесе.

Мне нравится пьеса, и в первых своих четырех актах она вызывает у меня только несколько частных возражений. Сначала о них. Во-первых, мне кажется, термин «декаденты», с которым Лоу обрушивается на французов, может у нас звучать двусмысленно и поэтому это мне кажется неприемлемым².

Во-вторых, мне думается, что Лоу у Вас охарактеризован как представитель вообще Америки. Между тем как по своему существу и по своим качествам он является только зеркалом реакционной тупой Америки. Мне кажется, было бы неверным переносить его свойства на всех американцев, а именно так могут это воспринять читатели и зрители, если в пьесе не будет на этот счет никаких оговорок³.

Это две мои претензии к первым четырем актам. При редакции могут, разумеется, появиться и другие мелкие претензии, но они не будут иметь, как мне кажется, принципиального значения.

Перехожу к пятому акту. Я не могу еще высказать каких-то конструктивных соображений, но негативно, мне кажется, что пятый акт не получился. Не получился он по нескольким причинам. Мне не нравится в нем, во-первых, то, что обличительницей американца является проститутка Бубуль. Если уж необходимо его обличать до конца, то, пожалуй, лучше было бы передать эту функцию кому-то другому. Дальше, мне не нравится то, как Лоу раскрывает самого себя, будучи изобличенным. Это и в смысле драматургическом ниже самой пьесы, и вообще, звучит примитивно, плакатно. «Я американский жулик», например. Это делает из него, действительно, из ряда вон выходящего жулика, а не типичного представителя низшего разряда реакционной Америки.

Мне не нравится и сама концовка акта, заявление рабочих, патетика, разговор о Мари-Лу. Мне кажется, что это не может сосуществовать с тем фарсом, который развернут в первых четырех и в начале пятого акта, это не сочетается. Настоящая жизнь должна быть за стеной, за пределами сцены, ее должны бояться негодяи, действующие на сцене. Они вынуждены с ней считаться, она вмешивается в их расчеты и планы, но рядом с ними она не может появиться на сцене.

В связи со всем этим мне хочется сказать Вам вот что: вторая, настоящая Франция, как мне думается, должна быть все время за сценой, но не появляться никогда на сцене. При этих условиях, может быть, каменный Лев и не должен быть отдан, но не в результате появления Бубуль, а в результате того, что в городе происходят за сценой настоящие события, вмешивающиеся в действия «отцов года».

Вот те мои соображения, которые явились после того,

как я два раза прочитал пьесу. В данном случае я рассуждаю меньше всего как редактор. Мне просто кажется, что при всех обстоятельствах Вам стоит подумать над этими моими соображениями.

Еще раз прошу извинения за то, что излагаю все это письменно, но через полчаса уезжаю и буду в Москве только в пятницу, поэтому приходится торопиться. Давайте созвонимся в пятницу. Мне бы очень хотелось видеть Вашу вещь, напечатанной в «Новом мире»⁴.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш *Константин Симонов*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2162. Л.5-7.

¹ Пьеса «Лев на площади», написанная по просьбе А.Я.Таирова для Камерного театра. Премьера состоялась там 24 марта 1948 г.

² Против этого пункта ИЭ поставил минус синим карандашом.

³ Против этого пункта ИЭ поставил знак вопроса.

⁴ «Лев на площади» был напечатан в № 1-4 журнала «Огонек» за 1948 г.

180. Н.П.Акимов

Ленинград, 28 декабря 1947

Глубокоуважаемый Илья Григорьевич!

Ленинградский государственный Театр Комедии включил в свой репертуарный план Вашу пьесу «Лев на площади».

Очень просим Вас сообщить, является ли имеющийся у нас экземпляр окончательным или Вы предполагаете произвести в нем те или иные доработки, сокращения и т.д.

Будем признательны, если Вы не замедлите с ответом.

С глубоким уважением

Художественный Руководитель Театра *Н.Акимов*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.3692. Л.12. Николай Павлович Акимов (1901–1968) – режиссер и художник, основатель Театра Ко-

меди. Спектакль по пьесе ИЭ «Лев на площади» Акимовым в итоге поставлен не был. В ФЭ хранятся две телеграммы, относящиеся к этому сюжету: 1) телеграмма Н.П.Акимову от 2 января 1948 г. секретаря ИЭ В.А.Мильман: «Окончательный вариант «Льва на площади» вышлю в ближайшие дни. Привет = Мильман» и 2) телеграмма Н.П.Акимова 7 февраля 1948 г. Мильман: «Номера Огонька Львом на площади получили благодарим = Акимов».

1948

181. А.Матисс

Ванс, 2 января 1948

МОСКВА ЭРЕНБУРГУ

СПАСИБО ПРИМИТЕ МОИ НАИЛУЧШИЕ ПОЖЕЛАНИЯ = АНРИ МАТИСС

Впервые. Подлинник – ГМИИ. Ф.41. Оп.1. Л.34. Ответ французского художника Анри Матисса (1869–1954) на поздравление с Новым годом; в 1946 г. в Париже ИЭ трижды позировал Матиссу, исполнившему несколько графических портретов писателя. Секретарь Матисса Л.Н.Делекторская вспоминала: «И.Э. пришел просто познакомиться с Матиссом. Его лицо очень заинтересовало Матисса, и он попросил Эренбурга позировать для него 3-4 сеанса», затем она подробно описала эти сеансы (*Л.Делекторская. А.Матисс. Взгляд из Москвы. М., 2002. С.329, 331*). Матиссу посвящена 12-я глава 6-й книги ЛГЖ.

182. Л.Новомеский

Братислава, 3 января 1948

Дорогой Илья Григорьевич!

Искренне благодарю Вас за Ваше внимание по случаю поздравления нас с Новым годом. Гораздо милее и более приятно было бы для нас, если бы... Вы смогли передать нам свое поздравление лично. Надеемся, что еще на этом

году будем иметь счастье поблагодарить Вас за Ваше милое поздравление.

Подобно Вам и мы желаем счастливого и, главным образом, мирного Нового года, чтобы была Вам дана возможность и дальше писать книги, стихотворения и, как мы узнали, драмы¹.

Пожалуйста, передайте наш поклон Любове Козинцевой.
Пламенный привет шлет
Вам преданный *Л.Новомеский*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1979. Л.1. Лацо Новомеский (1904–1976) – словацкий поэт; ИЭ был дружен с ним с 1920-х гг.; два письма ИЭ Новомескому см. в П2, № 19, 579.

¹ Имеется в виду пьеса ИЭ «Лев на площади».

183. В.Незвал

Прага, 8 января 1948

ДОРОГОЙ ДРУГ ПРИМИТЕ ПОЖАЛУЙСТА МОЮ
БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ВАШЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЖЕЛАЮ
ВАМ ВАШЕЙ СУПРУГЕ И ВСЕМ ВАШИМ ДРУЗЬЯМ
ТАКЖЕ ИСКРЕННО МНОГО СЧАСТЬЯ И УСПЕХА В
НОВОМ ГОДУ = ВАШ ВИТЕЗСЛАВ НЕЗВАЛ

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1958. Л.1. С чешским поэтом В.Незвалом (1900–1958) ИЭ был дружен с 1920-х гг.; Незвалу посвящена 8-я глава 3-й книги ЛГЖ.

Поздравления с присуждением роману «Буря» Сталинской премии первой степени.

(Для телеграмм и писем, хранящихся в ФЭ (Ед.хр.2462), приводятся только номера листов).

184. Н.А.Шифрин

Москва, 2 апреля 1948

ВСЕМ СЕРДЦЕМ РАДОСТЬЮ ПОЗДРАВЛЯЕМ ДОРОГОГО ИЛЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧА СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИЕЙ ЖЕЛАЕМ ДОЛГОЙ ЖИЗНИ ЗДОРОВЬЯ ДАЛЬНЕЙШИХ УСПЕХОВ = ШИФРИНЫ

Л.29.

185. О.Е.Эрберг

Москва, 2 апреля 1948

ИСКРЕННЕ РАДУЮСЬ ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ЧТО ВАШ БЛЕСТЯЩИЙ РОМАН БУРЯ ПОЛУЧИЛ САМОЕ ВЫСШЕЕ ПРИЗНАНИЕ = ВАШ НЕИЗМЕННЫЙ ПОЧИТАТЕЛЬ ОЛЕГ ЭРБЕРГ

Л.12.

185а. И.М.Нусинов

<Москва,> 2 IV 1948

Дорогой Илья Григорьевич

Сердечно поздравляю. Рад, что было внесено существенное исправление в проект Комитета¹, как Вы и предугадали.

Я вспомнил по этому поводу Ваши слова о свободе выбора.

Эти исправления внесли люди – обладающие свободой выбора, и они не могут не признать, что это единственная книга² мирового значения.

Крепко жму руку

Ваш *И.Нусинов.*

Л.168.

¹ Предложения о присуждении Сталинских премий, внесенные генсеком Союза писателей А.Фадеевым, предполагали присуждение роману «Буря» премии лишь 2-й степени; Сталин с этим не согласился

ся, и роману присудили премию 1-й степени (см. 4-ю главу 6-й книги ЛГЖ). Видимо, именно слух об этом породил известную легенду о московском собрании, на котором громили «Бурю», и тогда выступил автор и сказал, что он, конечно, ценит профессиональных критиков, но для него куда дороже мнение читателей, и тут-то было им прочтено письмецо с благодарностью за роман, а затем названо имя автора письма – Сталин; после чего все прежние хулители один за другим выходили на трибуну и называли роман шедевром.

² Имеется в виду единственная книга среди выдвинутых тогда на Сталинскую премию.

185b. Руководство Союза писателей СССР

<Москва,> 3.4. <19>48

ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕМ ВЫСОКОЙ ОЦЕНКОЙ ВАШЕГО ТВОРЧЕСКОГО ТРУДА ПРИСУЖДЕНИЕМ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ ТЧК ЖЕЛАЕМ ДАЛЬНЕЙШИХ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ = ФАДЕЕВ СИМОНОВ ТИХОНОВ ВИШНЕВСКИЙ ГОРБАТОВ ЛЕОНОВ

Л. 7-8. Леонид Максимович Леонов (1899–1994).

185с. С.В.Образцов

<Москва,> 3.4. <19>48

ПОЗДРАВЛЯЕМ ДОРОГОГО ИЛЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧА РАДУЕМСЯ = ОБРАЗЦОВЫ

Л.32. Сергей Владимирович Образцов (1901–1992) – актер и режиссер, основатель Кукольного театра. Телеграмма послана также от имени жены С.В.Образцова.

186. Ю.И.Палецкис

Вильнюс, 3 апреля 1948

ПРИМИТЕ ОТ ВСЕЙ НАШЕЙ СЕМЬИ ИСКРЕННИЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ПРЕМИЕЙ НОВЫМ ВЗЛЕТОМ БУ-

РИ ТЧК ВМЕСТЕ С ВАШИМИ МНОГИМИ ЛИТОВСКИМИ ДРУЗЬЯМИ РАДУЕМСЯ И ЖЕЛАЕМ НОВЫХ НЕМИНУЕМЫХ УСПЕХОВ = ПАЛЕЦКИС

Л.3. Юстас Иозович Палецкис (1899–1980) – писатель, председатель Президиума Верховного Совета Литвы (1940–1967); летом 1947 г. ИЭ путешествовал по Литве и общался с Палецкисом, которого знал с 1941 г.

186а. А.Венцлова

Вена, 4.IV.1948

Вместе с миллионами Ваших читателей с большой радостью я узнал о присуждении Сталинской премии за Ваш замечательный роман «Буря». Разрешите и мне присоединиться к многочисленным сердечным поздравлениям и пожелать Вам долгих лет труда и энергии на благо нашей советской литературы.

Литовский народ и литовские писатели всегда будут помнить о Вас, как о верном своем друге, как о близком и дорогом человеке.

Ваш А.Венцлова

Л.123. Антанас Венцлова (1906–1971) – литовский поэт и общественный деятель.

186б. Еврейский музей в Вильнюсе

Вильнюс, 3.4.1948

ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ МЫ РАДЫ ПОЗДРАВИТЬ ВАС С ПРИСУЖДЕНИЕМ ВАМ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ = ЕВРЕЙСКИЙ МУЗЕЙ В ВИЛЬНЮСЕ

Л.66-67. В 1947 г. ИЭ передал еврейскому музею в Вильнюсе две больших папки собранных им за годы войны материалов о геноциде еврейского народа; в 1949 г. после роспуска ЕАК музей был закрыт,

и его директор успел вернуть ИЭ эти материалы (теперь они находятся в музее Яд-Вашем в Иерусалиме).

187. П.Д.Маркиш

Москва, 4 апреля 1948

ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС ВТОРЫМ ВСЕНАРОДНЫМ
ПРИЗНАНИЕМ¹ = МАРКИШ

Л.25.

¹ Т.е. со второй Сталинской премией.

188. С.С.Прокофьев

Успенское, Московской обл., 6 апреля 1948

ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ ШЛЮ ЗАПОЗДАЛЮ БЛА-
ГОДАРНОСТЬ ЗА БУРЮ ОБНИМАЮ = ПРОКОФЬЕВ

Л.33-34.

189. Н.И.Альтман

Ленинград, 16 апреля 1948

РАД УСПЕХУ БУРИ ПОЗДРАВЛЯЮ = НАТАН

ГМИИ им.Пушкина. Ф.41. Оп.1. Д.1. Л.2.

190. А.А.Ахматова

Ленинград, 19 апреля 1948

ПОЗДРАВЛЯЮ ПРЕМИЕЙ РАДУЮСЬ БОЛЬШОМУ
УСПЕХУ БУРИ = АХМАТОВА

Л.22.

191. Вс.В.Вишневский

Москва, 30 июня 1948

Дорогой Илья Григорьевич!

По поводу нашего дела¹. Вчера я был у Председателя Комитета по делам искусств т.Лебедева². Поднял весь вопрос. Лебедев мне сказал: «Всеволод Витальевич, я Вам расскажу подробно – в чем препятствия и попрошу вашей помощи, сейчас я должен ехать на Совет Министров, а там не опаздывают».

Вечером я был еще в двух местах, беседовал на эту же тему, считаю, что выступить, написать письмо нам нужно опираясь на все данные, – кроме чувства дружбы и стремления к справедливости.

Я сообщу Вам в ближайшее время о своей новой подробной беседе с т.Лебедевым – и затем мы...

Я лечу сегодня в Таллин – на две недели. Слышал, что и Вы с супругой будете там. Значит – до встречи.

Сердечный привет!

Ваш *Вс.Вишневский*.

P.S. Любовь Михайловне мой привет.

В.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1384. Л.9. На бланке Московского Камерного театра.

¹ Речь идет о поддержке Камерного театра, который подвергался нападкам властей и в итоге в 1949 г. был закрыт. Вишневский, как и ИЭ, был связан с Камерным театром и дружил с А.Я.Таировым.

² П.И.Лебедев (1904–1981) 26 января 1948 г. был назначен председателем Комитета по делам искусств вместо М.Б.Храпченко.

192. Э.Г.Казакевич

<Москва,> 3.VII.<19>48

Дорогой Илья Григорьевич!

Я взволнован Вашим вниманием и горд Вашей оценкой моей второй вещи¹. Не много осталось на свете судей, чье мнение для меня так важно, как Ваше.

Что касается *Ce soir*² – я безмерно польщен таким успехом «Звезды» среди французов. Некоторые слова т.Арагона могли бы мне основательно вскружить голову, но я многое отношу за счет его любви к Советскому Союзу, и немножко – за счет необходимой рекламы в газете, не имеющей государственной дотации.

Спасибо Илья Григорьевич. Легче жить на свете, имея Ваше благоволение.

С глубоким уважением

Эм.Казакевич.

Впервые – *Э.Казакевич*. Слушая время. М., 1900. С.304. Цитировалось в 13-й главе 6-й книги ЛГЖ и в комментариях к ней. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1639. Л.1. ИЭ познакомился с писателем Эммануилом Генриховичем Казакевичем (1913–1962) после войны; Казакевичу посвящена часть 13-й главы 6-й книги ЛГЖ.

¹ ИЭ поддержал повесть Казакевича «Двое в степи» на собрании в Союзе писателей, где ее подвергли разному.

² Левая парижская газета, которую после смерти Ж.-Р.Блока редактировал Л.Арагон. Дальше речь идет о статье Арагона о получившей Сталинскую премию первой повести Казакевича «Звезда»; газету прислал Казакевичу ИЭ.

193. П.П. и О.В.Кончаловские

Ессентуки, 1.10.1948

Привет вам, дорогие наши друзья Любовь Михайловна и Илья Григорьевич. Мы с Петром Петровичем <Кончаловским > живем в Ессентуках, пьем водичку. Здесь чудесная осень, так красиво, что П.П. делает акварели. Как мы все вас ждали в Буграх и не дождались. По приезде я вам позвоню, может, поедем вместе в Бугры. Всегда о вас думаем, всегда вспоминаем.

Ваши Кончаловские.

Впервые. Подлинник – ГМИИ им.Пушкина. Ф.41. Оп.1. Д.1. Л.28. Петр Петрович Кончаловский (1876–1956) – художник, Ольга Васи-

льевна Кончаловская (1878–1958) – его жена. Кончаловскому посвящена 22-я глава 5-й книги ЛГЖ.

194. Р.Гуттузо

Рим, 1 декабря 1948

Мой дорогой Эренбург,
я обрадовался Вашему письму из Москвы. Оно оживило воспоминания о дружбе, которая меня с Вами связывает.

Не синие туристы на краю горы у замка польского короля – «фельтуччини и хорошее фраскати сладким римским вечером»¹ – но менее романтично.

Вы знаете, что я надеялся Вас увидеть в Риме. Ассоциация «Италия – СССР» Вас и <А.А.> Фадеева пригласила для докладов на конференции по случаю месячника дружбы с СССР. Я также сделал доклад по случаю открытия выставки советских рисунков, и мои друзья из посольства оценили мои усилия, потому что рисунки не были хорошо подобраны. Я нарисовал также Ваш портрет для еженедельника ассоциации «Италия–СССР». Все, кто Вас знают, уверяют, что это похоже. Но рисунок, который я сделал в Кракове на фоне цветов – лучше. Мне хотелось бы получить фотографию, сделанную в тот день. Фотокорреспонденты всегда забывают, они никогда не присылают снимков, оставляя в нас лишь воспоминания и надежду.

Надо придумать как можно раньше какую-нибудь интеллектуальную встречу с тем, чтобы нам повидаться. Может быть, мне повезет и я поеду в Советский Союз. Мне бы хотелось достичь в моей работе такой награды – поездки в СССР. Я знаю, что Вы говорили обо мне с симпатией. Я благодарю Вас; я хотел бы сказать Вам, что я чувствую себя богаче с тех пор, как стал Вашим другом.

Я прочитал Вашу книжку об Америке, которой я не знал раньше. Когда я читал Вашу книжку, мне казалось, что я слышу Ваш голос. Я хотел бы рассказать Вам о своей работе и то, что я думаю о живописи, но настолько

трудно говорить мне по-французски, что я понимаю страдания Вашего уха от моего ужасного французского языка.

Моя подружка Вас любит, как будто она Вас знает, и шлет свой привет.

Я Вам пошлю белое кьянти, чтоб Вы встретили хорошо
1949 год.

Я Вас обнимаю.

Ваш *Ренато Гуттузо*.

Впервые. Перевод с французского И.И.Эренбург. Подлинник – ГМИИ.Ф.41. Оп.1 . Ед.хр.1-3. Ренато Гуттузо (1912–1987) – итальянский художник; ИЭ подружился с ним во время Вроцлавского конгресса деятелей культуры в августе 1948 г.

¹ Фраза написана по-итальянски; фельтуччини – разновидность макарон, фраскати – вино.

1949

195. И.Л.Сельвинский

Москва, 5 февраля 1949

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ИЛЬЕ ЭРЕНБУРГУ

ПРИВЕТСТВУЮ МУДРОГО ХУДОЖНИКА НЕ ОТРЫВАЮЩЕГО ИСКУССТВА ОТ ЖИЗНИ И ЖИЗНИ ОТ ИСКУССТВА ТЧК ПРЕЗРЕННО ЗОЛОТО КОГДА ОНО МОНЕТА НО СЛАВЕН ЗВОН ЕГО В СКУПЫХ СЛОВАХ ПОЭТА ТЧК ОБНИМАЮ ВАС ДРУЖЕСКИ = ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

Телеграмма направлена по случаю вечера ИЭ «40 лет работы» в Клубе писателей; на этом вечере Сельвинский не смог присутствовать. ЦК ВКП(б) не рекомендовал проведение этого вечера в разгар

компании по «борьбе с космополитизмом», но К.М.Симонов добился его проведения.

196. В.А.Дарьевская

<Пос. Сельмаш Пензенской обл.,> 25/VI <19>49

Дорогой Илья Григорьевич!

Сегодня получила Ваши книги, очень Вам благодарна.

Меня до слез трогает Ваше внимание ко мне. Боюсь, что я его не заслужила. Вдвойне благодарна за «Любовь Жанны Ней» и другие Ваши книги. Читать Ваши книги для меня удовольствие, да еще какое. У меня уже на них очередь.

В первых числах июля буду в Москве. Вероятно, 3 июля будем в Москве, а может быть, 2 или 1 июля. Хочется увидеть Вас, говорить с Вами, а больше всего молчать и слушать Вас. Я так за неделю¹ к Вам привыкла, что сейчас мне чего-то недостает.

До скорого свидания в Москве.

Шлю привет. *Вера Дарьевская.*

Ждала Вашего письма.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1496. Л.1. Вера Анатольевна Дарьевская (1924–?) – учительница литературы сельской школы, с которой ИЭ познакомился во время поездки в июне 1948 г. с делегацией Союза писателей в Пензенскую обл. в связи со 100-летием В.Г.Белинского, о чем ИЭ рассказал в 13-й главе 6-й книги ЛГЖ. В ФЭ сохранилось 23 письма и телеграммы к нему В.А.Дарьевской; письмо ИЭ к Дарьевской – см. П2, №501.

¹ В 1949 г. ИЭ приезжал в Пензенскую обл. снова, затем он виделся с Дарьевской в Москве.

197. С.Г.Писахов

Архангельск, 24/VIII 1949

Дорогой Илья Григорьевич!

Владимир Германович <Лидин> обрадовал меня вес-

тью, что Вы помните меня, даже больше, предполагаете подтолкнуть, помочь подтолкнуть в издание мои сказки. Весть эта очень согрела, дала весеннее настроение, давно уже скверное.

«Надежды юношей питают».

Сказки могут появиться к моему совершеннолетию¹, пусть позже, а все-таки в связи с оным.

Шлю Вам книжечку, включающую девять сказок². Рисунки к сказкам сделаны моим учеником. Теперь Юрий Данилов сотрудинок Академии Художеств в Ленинграде.

Большое спасибо за память.

Крепко жму Вашу руку.

Ст. Писахов.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2043. Л.1. С писателем и художником Степаном Григорьевичем Писаховым (1879–1960) ИЭ познакомился в 1934 г. в Архангельске.

¹ Книга сказок Писахова, приуроченная к его 70-летию, вышла в Архангельске в том же 1949 г.

² С. Писахов. Сказки. Архангельск, 1940. Сохранилась также книга С. Писахова «Сказки» (М., 1957) с надписью: «Илье Григорьевичу Эренбургу с приветом от Архангельска до Северного полюса, от летних солнечных ночей до зимних северных сияний и от моего любящего сердца. Ст. Писахов. г. Архангельск март 1958».

198. А. Гоффмейстер

Париж, 13 сентября 1949

Дорогой друг!

Я переслал книгу моих карикатур нашему послу в Москве товарищу Богумилу Лаштовичка. Эта книга является результатом всех моих предыдущих работ. Будучи очень занят в настоящее время, я не имею возможности продолжать этот труд.

Предисловие к изданию, появившееся в издательстве «Крокодил» в 1935 году, было написано товарищем Ефимовым¹. В настоящее время министр информации Вацлав Копецкий² постановил, что пражские издательства опуб-

ликуют эту книгу на русском, испанском, французском и английском языках.

Я почел бы большой честью для себя, если бы Вы не отказали мне в одной странице предисловия. Вы знаете меня лично, а также и мой труд лучше, чем кто бы то ни был, я могу заверить Вас в том, что в этой книге Вы будете окружены достойными друзьями. Французское предисловие будет написано Арагоном, испанское – Пабло Неруда³, а английское напишет Лилиан Гельман⁴.

Я просил об английском предисловии одну из моих первых жертв карикатуры – Бернарда Шоу, но не знаю, сделает ли он это и ответит ли он мне вообще.

Прага намерена начать печатание этой книги в ноябре текущего года.

Будьте любезны ответить мне при посредстве нашего посла Лаштовичка, согласны ли Вы написать эту страницу предисловия⁵. Я надеюсь, что Вы удовлетворите мою просьбу и сердечно приветствую Вас.

Гоффмейстер.

P.S. Портреты персонажей, которые по причине их политических взглядов были бы неуместны в интернациональном издании, будут из книги изъяты.

A.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1466. Л.5-6. На бланке Чехословацкого посольства в Париже. С чешским художником и литератором Адольфом Гоффмейстером (1902–1973) ИЭ был знаком начиная с 1920-х гг. Гоффмейстер неоднократно рисовал ИЭ и иллюстрировал его книги. После 1945 г. Гоффмейстер стал послом Чехословакии во Франции.

¹ Адольф Гоффмейстер. Шаржи. Предисловие Бор. Ефимова. Редактор М.Кольцов. М., 1935; папка, включающая 19 цветных листов, в частности портреты И.Э, И.Бабеля, К.Радека, Н.Тихонова, А.Жида, А.Мальро, А.Бретона, Дж.Джойса, В.Незвала и др.

² Вацлав Копецкий (1897–1961) в 1953–1954 гг. был министром культуры Чехословакии, а затем секретарем ЦК КПЧ; встречу с ним в Праге в 1945 г. ИЭ упоминает во 2-й главе 6-й книги ЛГЖ.

³ Пабло Неруда (1904–1973) – чилийский поэт.

⁴ Лиллиан Хелман (1905–1984) – американский драматург.

⁵ Какие-либо издания 1949–1950 гг. А.Гоффмейстера на русском языке в государственных библиотеках Петербурга отсутствуют; видимо, русское издание книги шаржей Гоффмейстера для СССР в 1949 г. было сочтено нецелесообразным.

199. Р.Гуттузо

<Прага, 1949>

Очень дорогой друг,
я уехал из Москвы в весьма грустном состоянии оттого, что я не смог Вас обнять, поблагодарить Вас за дружбу, которую Вы проявили ко мне, за подарки. Я счастлив, что съездил, посмотрел Москву и вошел в контакт с этим новым миром, каким является Советский Союз.

Надеюсь, что мне представится возможность как можно скорее вернуться туда снова. Надеюсь Вас повидать в Италии до этого – траттории Вас ждут и хорошее вино со складов Фраскати, если верить экспертам.

Я нашел здесь номер «Униты», в котором напечатан отзыв о «Буре», посылаю его Вам. По-моему, написано не очень хорошо.

Я очень буду рад, если Вы мне напишете и пошлете что-нибудь из Ваших книг по-французски. Я буду работать в Италии. Я б хотел, чтоб Вы знали, чего я хочу достичь в живописи. Эта поездка к вам возбудила во мне много идей и надежд. Я очень неохотно говорю обычно о своей работе, но, как Вы знаете, я думаю всегда о ней, и это играет очень большую роль в моей жизни. Многого надо сделать, т.к. до сих пор ваша современная культура – для нас белое пятно. Мы знаем о вас только запреты и дефекты. Впереди бесконечность и огромное белое пятно, которое надо закрасить – и это смогут сделать нужные люди, такие, как мы – товарищи по борьбе и по надеждам. Партия и рабочий класс смогут помочь в этом в том смысле, как об этом думает мой друг Серени¹.

Я очень доволен, что Вас повидал. Я чувствую, что я Ваш друг и очень этому рад. Извините за мой французский и передайте мадам Эренбург мои лучшие дружеские чувства и благодарность.

Я Вас по-братски целую.

Ренато Гуттузо.

Впервые. Подлинник – ГМИИ. Ф.41 Оп.1 Ед.хр.9. На бланке пражского отеля «Narodni Podnik».

¹ Эмилио Серени (1907–1977) – деятель ИКП, депутат парламента; о нескольких встречах с Серени ИЭ рассказывает в ЛГЖ.

200. Н.Г.Петрова

Ленинград, 1949

Глубокоуважаемый Илья Григорьевич!

Я обращаюсь к Вам потому, что считаю Вас единственным человеком, который не может не откликнуться на мой вопрос, и еще потому, что Вы когда-то знали нашу семью в 1918 году в Харькове¹, семью Наташи Петровой. Она погибла в гестапо в 41-м, там же, в Харькове.

Илья Григорьевич, знаете ли Вы, во что сейчас превратилась волна антисемитизма, которая после фашистского нашествия чувствуется все сильнее. Ведь это же не разговоры, не слухи. Это непрерывные факты, которые стеной обступают нас каждый день. Я знаю их много, я столкнулась с ними сама.

Мои дети – евреи по мужу. У меня сын 26 лет. Он математик, и талантливый математик, что признают все знающие его, и он сам доказал это. После войны он вернулся в университет, окончил его блестяще, пошел в аспирантуру Академии педагогических наук, за семь месяцев закончил ее и защитил диссертацию. Это было полтора года назад. За это время он написал несколько серьезных работ и много работал над современной физикой, желая именно в этой области работать дальше.

Вот уже год, как он ищет себе работу. Везде непроходимая стена, везде безнадежность. В некоторых местах, как, например, в Ленинградском университете, несмотря на просьбу его руководителя, отказано, почти без стеснения с указанием причины; в других местах вопрос решается с мая месяца и до сих пор ответа нет. Говорят, евреев не берут на засекреченную работу. Если до сих пор никакие невзгоды и трудности нашей жизни не могли принизить ощущение бодрости и счастья от сознания возвышенности всего, что есть в нашей стране, то сейчас это сознание убивается: ведь гибнет единственное и самое дорогое, что есть у нас!

Илья Григорьевич, можно ли быть спокойной? Ведь это же позор и ужас, подумайте, как это влияет на сознание еврейских юношей и девушек, которые до сих пор росли как советские люди.

Чтобы Вам стало это еще яснее, поговорите с моим сыном, поговорите сами. Пусть он Вам скажет, каково ему, когда сил у него непочатый край и родина не хочет дать ему работать!

Мне кажется, что Вы что-то можете сделать, Вы не должны молчать.

Я хочу верить, что Вы не оставите меня без ответа. Я так глубоко чувствую, что все, что Вы пишете, – это истинная правда.

Н.Петрова.

P.S. Если Любовь Михайловна помнит нас, передайте ей привет. Наташа осталась в Харькове в подполье и погибла.

Мой адрес: Ленинград, Чернышев пер., 9.

Петрова Ниша Григорьевна.

Мой сын Гольфанд Юрий Абрамович, Москва, Зацепя, 2-а.

Впервые – «Советские евреи пишут Илье Эренбургу 1943–1967». Иерусалим, 1993. С.297-298. Подлинник – Институт «Яд-Вашем», Израиль.

¹ В Харькове ИЭ навещал отца по пути из Киева в Крым осенью 1919 г.

1950

201. Ю.Тувим

<Варшава, 1 января 1950>

СПАСИБО МОЙ ДОРОГОЙ ЗА ПАМЯТЬ И ПОЖЕЛАНИЯ СТЕФА¹ Я И ЕВА² ЖЕЛАЕМ ВАМ ВСЕХ ЗЕМНЫХ РАДОСТЕЙ ТЧК Я ЗДОРОВ И МНОГО РАБОТАЮ ТЧК НОВЫЙ ГОД ПОЛУЧИЛ ЛИТЕРАТУРНУЮ ПРЕМИЮ ГОРОДЕ ЛОДЗИ³ ТЧК КЛАНЯЮСЬ МАРШАКУ⁴ ТАИРОВУ ОБРАЗЦОВЫМ⁵ И ВСЕМ ДРУЗЬЯМ = ВАШ ТУВИМ

Впервые – Tuwim J. Listy... W., 1979. S.271. Подлинник (русский текст латиницей) – ФЭ. Ед.хр.2243. Л.3.

¹ Стефания Тувим – жена Тувима.

² Ева Тувим – дочь Тувима.

³ Премия Лодзи (города, где Тувим родился) была присуждена ему 30 декабря 1949 г. по совокупности творчества.

⁴ Самуил Яковлевич Маршак (1887–1964) – детский поэт, переводчик.

⁵ Имеются в виду основатель Московского театра кукол Сергей Владимирович Образцов (1901–1992) и его жена.

202. Маревна (М.Б.Воробьева-Стебельская)

<Франция,> 5 февраля 1950

Дорогой Илья,

давно собираюсь тебе написать о том, что у Марики¹ родился мальчик – ему сейчас 7 месяцев и его назвали Илья, надеюсь, что это имя ему принесет счастье. Вспоминаем о тебе очень часто, и жалею, что не видела тебя в Париже². Я работаю – готовлю выставку в Париже³ – к весне. Быть может, ты сможешь приехать еще. Сделала голову Diego⁴ и Максима из глины и написала книгу. Надеюсь, что в скором времени выйдут Воспоминания о детстве и той эпохе, когда мы все жили на Монпарнасе. Марика и

Rodney⁵ тебе шлют свой привет, а я тебя целую и Любови⁶ и Мышку⁷ от всего сердца.

Пиши несколько строк.

Маревна.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1393. Л.2. Художница Мария Брониславовна Воробьева-Стебельская (Маревна; 1892–1984) – парижская приятельница ИЭ с 1910-х гг.

¹ Марика (р.1919) – дочь Маревны и Диего Риверы.

² Во время поездки ИЭ в Париж в 1949 г.

³ Выставки Маревны состоялись: в 1952 г. – в Лондоне и в 1953 г. – в Париже (в Москве – в 2004 г.).

⁴ Мексиканский художник Диего Ривера (1886–1957).

⁵ Р.Филиппс – муж Марики.

⁶ Л.М.Козинцева-Эренбург.

⁷ Видимо, Ирина Ильинична Эренбург.

203. П.П.Кончаловский

Москва, 23 февраля 1950

Дорогие Любовь Михайловна и Илья Григорьевич, сердечное вам спасибо за подарок, он не только развеселил меня, но доставил мне истинное наслаждение.

Любящий вас *Петр Кончаловский.*

Впервые. Подлинник – ГМИИ им.Пушкина. Ф.41. Оп.1. Д.1 Л.29.

204. П.Пикассо

Валорис, 11 мая 1950

Мой дорогой друг,

я бы хотел тебя повидать, ты это знаешь. Пожалуй, я смогу устроить дело с керамикой, которую ты просил меня прислать. <2 слова нрзб> просит к 27-му.

Я хотел бы послать тебе тарелки, сделанные собственноручно, и думаю, ты сможешь сам отправить их в советское посольство, если я пошлю их непосредственно тебе¹.

Сообщи, устроит ли это тебя.
Я тебя целую.

Твой *Пикассо*.

Впервые – *Б.Я.Фрезинский*. Илья Эренбург и Пабло Пикассо // Памятники культуры. Новые открытия 1996. М., 1998. С.77. Подлинник – ГМИИ им. Пушкина. Ф.41. Оп.1 Д.1. Л.40. С художником Пабло Пикассо (1881–1973) ИЭ познакомился и подружился еще в 1910-е годы в Париже.

¹ В ответ на просьбу ИЭ к Пикассо прислать керамику (художественно – для руководителей советской культуры того времени – менее дерзкую, нежели живопись Пикассо) Музею подарков Сталину, где они несомненно бы экспонировались, что стало бы событием художественной жизни, поскольку в ту пору работы не только Пикассо, но даже импрессионистов в СССР были запрещены к показу и хранились в запасниках музеев.

204а. Ю.А. Жуков

Париж, 25 января 1951 года

Дорогой Илья Григорьевич!

Не без заднего умысла вручаю я это письмо в руки нашей тихоходной почты, – она доставит его вам, когда литавры и бубны юбилея¹ уже стихнут и у вас, быть может, найдется время его прочесть. Воображаю, сколько работы задали почте и телеграфу ваши многочисленные друзья в эти дни!

Мне хочется сказать вам, во-первых, то, что вам уже хорошо известно, – в Париже вас чествовали столь же тепло, как в Москве: были статьи в газетах (разумеется, французских, – <про>американские, вроде «Орор», предпочли промолчать); вас тепло вспоминали при встречах: «Вот бы сейчас Илью сюда, – он так нужен...»

Мне хочется сказать вам, во-вторых, что все мы здесь смертельно завидуем вашей работоспособности, вашему умению всегда оставаться страстным, горячим, глубоко-искренним солдатом мира, вашей способности находить такие слова, которые выворачивают душу и зажигают людей, вашей удивительной манере убеждать.

Мне хочется сказать вам, в-третьих, что все здесь с нетерпением ждут ваш новый роман²...

Это – так сказать, рациональная часть письма. А кроме того, есть еще много такого, что чувствуешь сердцем, но что становится сухим и бледным, когда пытаешься написать, как хорошо было бы вместо того, чтобы стучать сейчас на машинке, побродить с вами по закоулкам латинского квартала; заглянуть в простенок «Кота, который удил рыбу»³; посидеть под ивой на мысу, что против моста искусств; помолчать у камней Сен-Жюльеп де повр⁴; заглянуть вместе с вами в «Барселону»⁵, темпераментный хозяин которой до сих пор вспоминает о встрече с вами в Пиринеях в трагический час исхода из Испании.

Сейчас это, к сожалению, невозможно⁶. Но я верю, что придет день, когда мы с вами еще приедем в Париж, в другой и в то же время – тот самый: и мы побродим тогда по его улицам (хорошо бы, если бы атомные бомбы все-таки не очень его попортили), и поговорим, и помолчим, и подышим свежим воздухом с Сены.

Когда я думаю о вас, я всегда вспоминаю не только о светлых, но и о темных днях. Мне запомнилось ваше замечание о том, каким мучительным орудием пытки может стать телефон – и тогда, когда он не умолкает, требуя новых и новых статей, и тогда, когда он немеет. В сущности, мы с вами мало знакомы «в личном плане», как сказал бы редактор-чиновник. Но я никогда не забуду тот день сорокового года, когда в редакцию «Нового мира», где я тогда работал в скромной роли заведующего отделом «молодых авторов», вошел ссутулившийся человек в «сильно заграничном» желтом пальто с растрепанной папкой. На его лице лежал тот тяжкий, каменный отпечаток, который мы год спустя увидели на тысячах лиц: след знакомства с наци. Мне шепнули: «Эренбург, он написал роман «Падение Парижа»...

Вы не забыли, конечно, об этом визите: редактор⁷ вежливо объяснил вам, что роман не может быть опубликован. Вы ушли медленной, тяжелой походкой, и сотрудники опу-

скали глаза, встречая ваш взгляд. Но, к счастью, потом состоялся знаменитый телефонный разговор⁸, и роман пошел в «Знамени», и в «Новом мире» кусали локти, и были бравурные рецензии, и ваш телефон, наверное, опять излечился от немоты, и были заказы на статьи, и все прочее.

Я вспомнил об этом потому, что в тот день я понял, что тяжкая школа Испании сделала из вас большого человека, который приобрел веру и силу. Потом я вспомнил о фронте, о зачитанных номерах «Красной звезды» – в блиндажах, солдатские разговоры об Эренбурге и «смертные записки» в простреленных комсомольских билетах, на которых были выписаны цитаты из ваших статей, продуманные и пережитые, как собственная дума солдата. Потом был Париж 1946 года, когда еще сохранялись многие иллюзии, когда не верилось, что нацистские генералы вот так, просто и непринужденно, явятся опять сюда и начнут диктовать свои приказы Роберу Шуману⁹, которого в 1946 году, кстати сказать, почти никто не знал, и будут находиться под охраной Кея, на которого в 1946 году все плевали, как на петеновца, не подозревая, что два года спустя он станет персоной грата¹⁰.

И потом был Париж Конгресса мира¹¹, когда ваш горячий голос прозвучал с трибуны зала Плейель, и вы прощались с Францией, как в 1940 году, и мы бродили по Елисейским полям¹², где уже появились в изобилии смеившиеся вермахт молодчики в куцых куртках и штанах, обтягивающих ягодицы, со значками «Ю-сей»¹³ в петлицах...

Это очень досадно, что вас здесь нет в эти дни. Никто, как вы, не смог бы описать второе падение Парижа. Иногда мне хочется реветь от досады и боли, когда я перечитываю свои стереотипные корреспонденции, написанные в дикой спешке, иногда продиктованные прямо из блокнота. Я часто вспоминаю ваши отлитые из стали письма из Испании, особенно периода исхода; вы тоже работали как журналист и тоже писали каждый день, но каждое ваше письмо было человеческим документом, и люди плакали над ними.

Впрочем, я, кажется, стал болтлив. Надо знать меру и посеми спешу поставить точку. Хочу от всего сердца пожелать вам и впредь сражаться за наше правое дело столь же блистательно, как вы это делали до сих пор. Хочу выразить надежду на то, что мы еще когда-нибудь встретимся и, быть может, поговорим тогда не столь сумбурно, как сейчас. Ежели нуждаетесь в каких-либо книжных новинках, справках и т.п. – черкните, обязательно сделаю все, что будет нужно.

Большой привет вашей семье.

Ю. Жуков.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Юрий Александрович Жуков (1908–1990) – журналист, собственный корреспондент «Правды», а впоследствии ее обозреватель, участник Движения сторонников мира; ИЭ был знаком с ним с 1940-х гг.

¹ 60-летие ИЭ, исполнявшееся 26 января 1951 г.

² «Девятый вал», над которым ИЭ работал в 1950–1952 гг.

³ Улицу Кота-рыболова упоминает ИЭ, говоря о загадочности названий парижских улиц в 14-й главе 1-й книги ЛГЖ.

⁴ St-Julien le Pauvre – средневековая церковь в Латинском квартале.

⁵ Парижский ресторанчик.

⁶ В 1950 г. ИЭ (кавалера ордена Почетного легиона) не пустили во Францию, когда он прилетел в Париж.

⁷ В.П.Ставский – главный редактор «Нового мира» (1937–1941) и с 1936 г. генеральный секретарь Союза писателей СССР.

⁸ Имеется в виду звонок Сталина Эренбургу 24 апреля 1941 г. (в ходе этого разговора фактически было разрешено печатание второй части романа «Падение Парижа», запрещенной цензурой); первая часть романа напечатана в №3 «Знамени» за 1941 г., переданная в журнал еще в ноябре 1940 г. Визит ИЭ в «Новый мир», о котором пишет Ю.Жуков, мог быть лишь в конце октября – начале ноября 1940 г.

⁹ Тогдашний министр иностранных дел Франции, автор плана (май 1950) объединения угольной и сталелитейной промышленности Франции и Западной Германии, открытого и для других стран Европы («Европейское объединение угля и стали» создано в апреле 1951).

¹⁰ В 1948 г. президент Франции поручил радикал-социалисту Анри Кею сформировать правительство.

¹¹ Речь идет о парижском конгрессе сторонников мира в апреле 1949 г.

¹² Состояние Эренбурга в те парижские дни описано в 6-й книге мемуаров «Люди, годы, жизнь».

¹³ USA.

1951

205. Л.Н.Сейфуллина

Москва, 26 января 1951

БОЛЕЗНЬ ЛИШИЛА МЕНЯ ВОЗМОЖНОСТИ ЛИЧНО ПОЗДРАВИТЬ ВАС В ДЕНЬ СЛАВНОГО ВАШЕГО ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЯ ТОЧКА НО ЭТОТ ДЕНЬ ДУШОЙ Я ПРАЗДНУЮ ТОЧКА ЖИВИТЕ ДОЛГО И БЛАГОПОЛУЧНО МУЖЕСТВЕННЫЙ ТАЛАНТЛИВЫЙ ДОРОГОЙ СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК = ЛИДИЯ СЕЙФУЛЛИНА

Собрание составителя. С писательницей Лидией Николаевной Сейфуллиной (1889–1954) ИЭ познакомился в 1926 г.; прочувствованные строки посвящены ей в 4-й главе 5-й книги ЛГЖ.

206. Б.Л.Пастернак

Москва, 26.1.1951

ОТ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЮ С ДНЕМ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЯ ЖЕЛАЮ ДОЛГИХ ЛЕТ СЧАСТЛИВОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ДУШЕВНОЙ ЯСНОСТИ И ЗДОРОВЬЯ БОЛЬШАЯ РАДОСТЬ КОГДА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ДОЛГИ ВСЕ ЕСТЕСТВЕННОЕ И ВЫСОКОЕ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ В ТАКОМ БЛАГОРОДНОМ И ТАЛАНТЛИВОМ ВЫРАЖЕНИИ = БОРИС ПАСТЕРНАК

Ед.хр.2027. Л.1. С поэтом Борисом Леонидовичем Пастернаком ИЭ познакомился в Москве в 1917 г.; Пастернаку посвящена 5-я глава 2-й книги ЛГЖ. Практически вся переписка ИЭ с Пастернаком не сохранилась. В 40-й главе 4-й книги ЛГЖ приводится фрагмент поздравления Пастернака с 50-летием ИЭ: «Нам было столько лет, когда мы встретились, сколько с тех пор прошло. Сбережем, что осталось из растроченных сил!» (это письмо исчезло из архива ИЭ после его смерти).

207. Н.Н.Асеев

<Москва,> 26 января 1951

Уважаемый Илья Григорьевич.

После Маяковского я не знаю никого, кто бы сумел поставить звание литератора так высоко, сообщив ему одновременно и достоинство независимости и гражданскую весомость. Вы – один из очень немногих писателей, заставивших слушать себя весь мир.

Мне кажется, что вкус – необходимейшее из всех свойств, присущих таланту. Без вкуса всякий, даже очень одаренный писатель не защищен от пошлости и подражательности.

Вы любите искусство большой любовью. Для Вас Пикассо – человек, не только нарисовавший голубку мира, хотя и этот его рисунок гениален. Но для того, чтобы придать ему незабываемую выразительность, нужны были долгие годы мастерства и исканий. И «Королева Изабо», и «Скрипка» и «Дама после бала»¹ – подготовили его триумф в поколениях.

Вы не отказались от своего вкуса, не отказались от Ренуара, Сезанна, Гогена, Ван-Гога². Не знаю, назовут ли Вас сегодня гениальным, но то, что Вы не тривиальны, – спору не подлежит.

А этого совсем не мало и, во всяком случае, достаточно, чтобы обладать званием поэта.

Позвольте же мне в день вашего шестидесятилетия ска-

зять эти несколько добрых слов, лишенных всякой напыщенности и фальши.

Ник. Асеев.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1234. Л.1. Николай Николаевич Асеев (1889–1963) – поэт; ИЭ с Асеевым познакомил в 1926 г. Б.Пастернак.

¹ Речь идет о картинах Пикассо, находящихся в ГМИИ им. Пушкина: «Принцесса Изабо» (1908), «Скрипка» (1912) и «Дама после бала» («Женщина с веером»; 1909).

² Французские художники Огюст Ренуар (1841–1919), Поль Сезанн (1839–1906) и Поль Гоген (1848–1903), а также голландский художник Винсент Ван-Гог (1853–1890) практически находились тогда в СССР под запретом; ИЭ из них более всего ценил Сезанна.

208. А.А.Ахматова

27 января 1951

ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ПРИМИТЕ САМОЕ ИСКРЕННЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ СОВРЕМЕННОЙ И ЧИТАТЕЛЬНИЦЫ = АННА АХМАТОВА

Впервые – ВЛ, 2002, № 2 С.265. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1243. Л.3.

209. С.Я. и С.М.Маршаки

Москва, 27.1.1951

ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ МНОГО ЛЮДЕЙ В НАШЕЙ СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ И ЗА ЕЕ РУБЕЖАМИ РАДУЮТСЯ ВАШЕМУ ПРАВДИВОМУ И СВЕЖЕМУ СЛОВУ ТЧК ВМЕСТЕ СО ВСЕМИ ВАШИМИ ЧИТАТЕЛЯМИ И ПОЧИТАТЕЛЯМИ ЖЕЛАЕМ ВАМ ДОЛГИХ ЛЕТ СЧАСТЛИВОГО ТРУДА ЖАЛЕЕМ ЧТО НЕ МОЖЕМ БЫТЬ СЕГОДНЯ НА ВАШЕМ ПРАЗДНИКЕ КРЕПКО ЖМЕМ РУКУ = МАРШАКИ

ФЭ. Ед.хр.1884. Л.1. Софья Михайловна Маршак (Мильвидская; ум. 1953) – жена С.Я.Маршака с 1912 г.

210. Вс.В.Иванов

Москва, 27. I <19>51

В ДЕНЬ ВАШЕГО ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЯ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ВАША ВЕЛИКОЛЕПНАЯ РАБОТА ПРОЗАИКА ПОЭТА И ПУБЛИЦИСТА ОБРАЗЕЦ РАБОТ СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕГО УСПЕХИ ЛАГЕРЯ МИРА СОЦИАЛИЗМА И ДЕМОКРАТИИ ТЧК ИЗ-ЗА БОЛЕЗНИ НЕ МОГУ ЛИЧНО ПОЗДРАВИТЬ ВАС ЖЕЛАЮ ВАМ ЗДОРОВЬЯ И СЧАСТЬЯ ТЧК ПОЗДРАВЛЯЮ И ПРИВЕТСТВУЮ ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНУ = ВСЕВОЛОД ИВАНОВ ТАМАРА ВЛАДИМИРОВНА ПРИСОЕДИНЯЕТ СВОИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

ФЭ. Ед.хр.1605. Л.1.

211. В.М.Инбер

Москва, 27 января 1951

Дорогой Илья Григорьевич, наше очень давнишнее знакомство дает мне право с особой теплотой поздравить Вас с Вашим славным юбилеем.

Важно не то, что человек прожил 60 лет: важно – как он их прожил. Вы это доказали в полной мере. От души желаю Вам много сил для работы, так радующей нас, ваших бесчисленных читателей.

Пользуюсь случаем, чтобы прибавить несколько строк, не имеющих отношения к вашему празднику, но для меня важных.

Мне давно уже известно, что Вы в частной беседе осудили одно мое публичное выступление¹. Так вот, я должна Вам сказать, что я сама осудила себя гораздо раньше и гораздо более сурово, чем кто-либо.

Конечно, дела это не меняет. Что сказано – то сказано. Но просто я хочу, чтобы Вы узнали об этом².

Еще раз желаю Вам всего самого хорошего.

Вера Инбер.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1618. Л.4.

¹ Видимо речь идет о резком выступлении Инбер в адрес поэзии Л.Мартынова, которую ИЭ высоко ценил (статья «Уход от действительности» о сборнике Мартынова «Эрцинский лес» – ЛГ, 7 декабря 1946; в ней осуждались стихи о современности как «поклеп» на нее, и автор предупреждался, что если он «не пересмотрит своих сегодняшних позиций, то наши с ним пути могут разойтись навсегда»).

² ИЭ ответил Инбер 4 февраля 1951 г.: «Большое Вам спасибо за Ваше письмо. После него, я убежден, тень, омрачавшая нашу старую дружбу, исчезнет» (РГАЛИ. Ф.1072. Оп.3. Ед.хр.295. Л.1).

212. Л.А.Кассиль

Москва, 27.1.1951

Дорогой Илья Григорьевич!

Болезнь не дает мне возможности быть сегодня вместе со всеми, кто Вас любит, и хоть издали кивнуть Вам в день Вашего славного юбилея. Так как лицо я не официальное и не вхожу в список имен, кои перечисляются на юбилейных вечерах, когда читаются приветствия «первоприсутствующих», но отсутствующих, то шлю Вам свои поздравления на дом.

Вы – один из тех немногих сегодняшних писателей, имя которых для моего поколения было взято на знамя борьбы за большую революционную культуру с момента, когда нашего брата стали учить уму-разуму. Для меня лично знакомство с Вашими книгами было, может быть, одним из первых ранних толчков, разбудивших во мне – хорошо это или плохо – дремавшего литературного зверя... Я радовался потом, видя, что Маяковский и Вы – люди одного дела, одного непреклонного движения – через высоко организованное слово к человеку, и его высокой правде.

И несколько скупых Ваших похвал, которые я когда-то слышал от Вас¹, хранил в самом почетном уголке своей памяти.

У меня есть одна, вероятно, очень наивная мерка, по которой я проверяю часто свои дела, поступки и мысли: я спрашиваю себя, похож ли я в том или ином случае на того писателя, каким я себе в детстве представлял вообще видного, хорошего, настоящего писателя... Мне думается, что надо быть всегда и во всем, каким представляет себе нас, писателей, молодой доверчивый читатель. И вот, я знаю, что Вы именно такой, что в Вас он не ошибся, дорогой Илья Григорьевич, замечательный писатель и лучший публицист во всем мире, человек чистой совести и великодушного мужества.

Живите долго и так, как живете!

Лев Кассиль.

Постскрипtum.

Мне сейчас позвонил из г.Энгельса по телефону мой отец, старый доктор, заслуженный врач Республики, 50 лет работающий в городе, где я родился. С огромной радостью сообщил он мне, что Вы – кандидат в Верховный Совет РСФСР от их города, известно ли, мол, мне это?

Так вот, Илья Григорьевич, если поедете к своим избирателям, то не забудьте, как сказано у Гоголя, что в городе Энгельсе проживал доктор Абрам Григорьевич Кассиль, Ваш горячий почитатель. Если Вам удастся как-нибудь передать ему мой привет, то старик будет совершенно осчастливлен, узнав, что Вам известно о его существовании от меня.

Л.К.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1662. Л.1. С писателем Л.А.Кассилем (1905–1970) ИЭ познакомился в 1930-е гг.

¹ ИЭ всегда очень нравились повести Кассиля «Кондуит» и «Швамбрания».

213. А.П.Межиров

Москва, 27.1.1951

СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ СЛАВНЫМ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕМ ЖЕЛАЮ МНОГИХ ЛЕТ ЗДОРОВЬЯ СЧАСТЬЯ ТВОРЧЕСТВА = МЕЖИРОВ

ФЭ. Ед.хр.2464. Л.90. Поэт Александр Петрович Межиров (р.1923) дарил ИЭ все свои сборники стихов; на книге «Новые встречи» (М., 1949) написано: «Глубокоуважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу, каждая новая встреча с которым – радость для меня. А.Межиров. 12.9.49 г. Москва»; на сборнике «Ветровое стекло» (М., 1961) – «Илье Григорьевичу Эренбургу с чувством восхищения и глубочайшего уважения. А.Межиров. 20. XI. 61. Москва»...

214. Д.И.Ортенберг

Москва, 27.1.1951

РОДНОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЮ ЖЕЛАЮ НОВЫХ УСПЕХОВ ЗДОРОВЬЯ БЕСКОНЕЧНЫХ ЛЕТ ЖИЗНИ ТЧК ВАШ ИСКРЕННИЙ ДРУГ КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ЗВОНИТ НО НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЕТ И ГОРЯЧО ЛЮБИТ = ОРТЕНБЕРГ

ФЭ. Ед.хр.2464. Л.136.

214а Д.Д.Шостакович

Москва, 27.1.1951

Дорогой Илья Григорьевич!

Примите мои сердечные поздравления со днем рождения. Желаю Вам быть всегда здоровым и счастливым.

Крепко жму руку.

Ваш *Д.Шостакович.*

ФЭ. Ед.хр.2391. Л.2.

215. С.С.Прокофьев

Москва, 28.1.1951

ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ПРИМИТЕ САМЫЕ
СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ ОТ ДАВНЕГО ПО-
КЛОННИКА ВАШЕГО ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ТАЛАНТА =
СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ

ФЭ. Ед.хр.2075. Л.1.

216. В.В.Вишневский, С.К.Вишневецкая

Москва, 28.1.1951

ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА СОЖАЛЕЕМ
НЕВОЗМОЖНОСТИ ЛИЧНО ПОЗДРАВИТЬ ЖЕЛАЕМ
ДАЛЬНЕЙШИХ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ А ГЛАВНОЕ
ЗДОРОВЬЯ = ВИШНЕВСКИЙ ВИШНЕВЕЦКАЯ

ФЭ. Ед.хр.2464. Л.80.

217. В.Б.Шкловский

<Москва,> 30 января 1951

Дорогой Илья Григорьевич!

Ваш телефон, вероятно, весь в никелированном мыле.
Лестница, ведущая к Вам, стерта. Почтальон сбился с ног.

Поэтому я переждал и поздравляю Вас, пропустивши
поток, потому, что потоки воды срывают краны гидравли-
ческим ударом, а потоки приветствий, вероятно, растапли-
вают трубы.

Милый друг, я приветствую Вашу борьбу за дорогую
нам обоим Родину и Европу.

Приветствую человека, который продолжил дело Гер-
цена, дело любви к будущему человечеству, дело веры в бу-
дущее мира.

Мы знакомы тридцать три года. Они прожиты Вами
превосходно.

У Вас хорошая жизнь, все расширяющаяся.

Я не желаю Вам счастья, не желаю Вам долголетия, потому что писателю надо желать бессмертья и победы.

Побеждайте и, побеждая, не грустите.

Виктор Шкловский.

Впервые – П2, №322, коммент. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2385. Л.1. Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) – литературовед и писатель; ИЭ писал о нем во 2-й главе 3-й книги ЛГЖ. Ответ на это письмо см. П2, №322.

218. К.Л.Зелинский

<Москва,> 1 февр. 1951

Дорогой Илья Григорьевич!

Вижу на Вашем столе ворох поздравлений и приветственных телеграмм. И как ни велик он – этот приятный ворох, – прошу присоединить к нему и мое приветствие, пусть немного и опоздавшее.

Вероятно, Вы того не знаете, но в моей жизни Вы как писатель, наделенный острым чувством современности, сыграли немалую роль. Издали я всегда следил за Вами и внимательно читал Вас. Меня всегда привлекала у Вас любовь к человеку и культуре. Я слышал ее за всем, что Вы писали. В этом Вы перекликались с Горьким, что почему-то никогда не отмечалось. Вы хорошо умели сказать, что человек, как существо теплокровное, имеет право на долю тепла на земле и на уважение своего человеческого достоинства. Вы заразительно умеете передать свое восхищение поэта и художника созданиями искусства и культуры. А не в этом ли царстве – наиболее самого Человека, его красоты и свободы?

Это было у Вас всегда и в те давние времена первых лет революции, когда Вы еще не умели соединить воедино интересы человека и государства, хотя бы даже и социалистического. Страждущее сердце человеческое тогда – в «тех» романах – оставалось одиноким, открытое и подставленное неумолимым бурям нашего века.

Впрочем, не мне напоминать Вам искания прошлого. Интеллигенция Вашего поколения (а к нему принадлежу и я) прошла сложный и нелегкий путь. Знаете, как в русской сказке: мы окунались из котла в котел, чтобы духовно молодеть и хорошеть подобно Иванушке-дурачку. Багрицкий был прав, сказав: «Побоями нас нянчила страна»¹. Что ж, это закон классово-борьбы, закон революционного перехода одной общественной формации в другую. «Узнаю тебя, жизнь, принимаю и приветствую звоном щита»².

И на этом трудном пути века я всегда уважал в Вас то, что Вы умели сохранить свое достоинство художника и человека, не растратить и не развеять поспешно и попусту – в угоду ложно понятым интересам различных общественных ситуаций – главного: нравственной основы работы писателя.

И вот, к Вам сегодня пришла громадная, поистине мировая слава. Все относительно. И важна не слава сама по себе. Важно, что она пришла, как человеческое вознаграждение за верность Человеку. Пришла в ответ на простые слова, сказанные – Впрочем, очень талантливо и политически точно, – что человек имеет право быть не убитым, не оскорбленным, не изнасилованным, не лишенным элементарных прав: трудиться, выращивать детей, уважать стариков, читать книги, создавать картины.

В моей памяти почему-то сохранился такой эпизод: Киев, лето 1919 года. Я иду по Крещатику с товарищем. Он мне показывает кафе, славившееся черным кофе – это позади бывшей городской Думы. – «Вот здесь сиживал Илья Эренбург. Он тоже бывал здесь». И мысль тогда унеслась вослед Вам, поэту, которого я уже в Киеве не застал³, но который владел тогда моими думами. Мы познакомились лишь несколькими годами позже и ближе встретились в Париже в 1926 году.

Я был в те ранние годы гражданской войны молодым журналистом, который прямо со студенческой скамьи, полный романтических надежд и настроений ринулся в

революцию. Мне не нужно было выбирать на чью сторону стать. Я вышел из среды той трудовой, демократической интеллигенции, где меня с детства учили знать адрес правды. Я привык думать правдой народа, что крестьяне, рабочие, ломовики, грузчики, мастеровые, это и есть те, кого следует уважать и любить, а что домовладельцы, фабриканты, помещики – это тунеядцы и захребетники рода человеческого. И потому я пошел «за большевиков» и на гражданскую войну со своим пером одного из первых советских журналистов. В то же время мне всегда было близко чувство культуры, понимания значения ее ценностей. Мне импонировало «культуртрегерство» Горького. Но оно у меня не было поставлено на твердую марксистскую основу, а наоборот, было искажено теми идеалистическими теориями, которые я вынес из философского факультета московского университета, где я учился. Это было одной из причин моего «конструктивистского грехопадения» последующих лет – 1927–29 гг. Впрочем, политическое значение моих тогдашних увлечений на тему «А все-таки она вертится»⁴ было в РАПП'е искусственно раздуто. Даже до сих пор меня нет-нет – да пытаются удушить веревкой из этого старого материала.

Прошло много лет. Стала другая страна. Пришли другие люди. Я работал. Работал честно и много. Но вероятно не достало не столько воли, сколько таланта создать такие произведения, которые бы принудили своим шумным успехом – как у Вас – забыть какое-то там «грехопадение». Во всяком случае, не тыкать в него носом при всяком изменении погоды. Но годы шли – 10-20-30 лет, и я привык жить – а человек ко всему привыкает – без всякого тепла, без всякого признания. Я привык в критических откликах на свои писания находить только одни зуботычины.

И вот наступил Ваш праздник с его горячей волной признаний и приветствий. И она – эта волна, – прихлынувшая к Вам, странным образом отозвалась и во мне. Она всколыхнула в душе такое, что заставило мыслью обещать

и свою жизнь от дней ее юности, потому что она судьбами нашего поколения связана с Вами, как вероятно и у многих других людей. И рядом с искренней радостью за Вас, что этот праздник пришел к Вам, чувство печали ожило в душе, а может, и боль неосуществленных надежд, с которыми я входил в жизнь. И на Вашем пиру мне вдруг стало бесконечно грустно. Да, Вы правы: человек все же не может жить совсем без тепла, хотя бы он и уверял себя в обратном. Но, скажите, откуда его взять это необходимое, когда человек не сумел его завоевать, добыть? И не гордость ли человеческая повелевает искать силы в себе самом, обходиться лишь тем, что ты сам заработал в жизни?

Тут вступает в действие закон докоммунистического общества – что побеждает сила в любой форме. В данном случае в форме таланта. Не находите ли Вы, что в таланте есть не только выигрыш обществу, но и нечто недемократическое. Ведь всякий талант – «от бога». В нашей стране есть многое множество людей, которые работали также много и страстно, особенно в это последнее десятилетие, но труд которых оказался расцененным по маленькому тарифу. Это естественно. Мы ценим труд по его первоочередной государственной надобности, а не по объему вложенных человеком усилий, хотя бы и во имя общих целей коммунизма. Результат – «на бочку». Это закономерно в обстановке приближающихся решительных битв с капитализмом. И в нынешней – в общем, совершенно военной – обстановке умение ударить и пригвоздить словом так же важно и ценимо, как и труд военного изобретателя, автора нового вида оружия.

Однако в Вашей исключительно яркой и имевшей такой всенародный резонанс публицистике в борьбе за мир и против поджигателей войны есть не просто умелое применение таланта для решения задачи, с которой связаны судьбы сотен миллионов людей. В Вашем писательстве государственное сливается с общечеловеческим. И это потому, что во всех видах и жанрах Вашего труда на поприще

литературы и общественной деятельности, и вчера и сегодня был внутри Человек. И вот это мне близко в Вас. Я верую в пушкинское: «Оставь герою сердце – что же он будет без него тиран». Самый Ваш талант развился из любви к человеку и потому в нем так много и лиризма и, наоборот, памфлетного огня против низкого. И потому Ваш талант пророс в коммунизм. В его счастливой судьбе для меня так много радостного, словно в нем осуществилось то, о чем мне мечталось в жизни. Вот почему с особым чувством я сегодня крепко жму Вашу руку.

Людям нашего поколения на нашем веку пришлось видеть много всякого: и высокого, и грязного. И спасибо Вам за то, что Вы делаете и сделали для победы Человека, для понимания его самого и укрепления в него веры и особенно в те исторические часы, когда стоит вопрос и о судьбах самого человечества.

К.Зелинский.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Корнелий Люцианович Зелинский (1896–1970) – критик, наряду с Э.Багрицким один из организаторов литературного центра конструктивистов; ИЭ ответил ему 5 февраля 1951: «Дорогой Корнелий Люцианович, спасибо за Ваше хорошее и очень умное письмо. Думаю, что мы с Вами уже переросли школьный возраст. Желая, чтобы Вас больше не нянчили и шлю Вам сердечный привет» (РГАЛИ. Ф.1604. Оп.1. Ед хр.927. Л.2).

¹ Поэт Эдуард Георгиевич Багрицкий (1895–1934); цитируется строка из его стихотв. «Вмешательство поэта» (1929).

² Строки из первой строфы стихотворения А.Блока «О, весна без конца и без краю...» (1907).

³ ИЭ пробыл в Киеве с сентября 1918 г. по конец октября 1919 г.

⁴ Вспоминая название этой книги очерков об искусстве, написанной в 1921 г. увлекшимся тогда конструктивизмом ИЭ, Зелинский подчеркивает удачу юбиляра, которому это лыко в строку никто не ставит.

219. А.М.Кричевский

Харьков, 3 февраля 1951

ДОРОГИЕ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ЛЮБА ИРИНА НЕ СОМНЕВАЮСЬ МОЯ ЗАПОЗДАЛАЯ ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ ТЕЛЕГРАММА ЗАВЕРШАЕТ ПОТОК ПРИВЕТСТВИЙ РОДНЫХ ЗНАКОМЫХ И ДРУЗЕЙ ТЧК ВМЕСТЕ С ЧУВСТВОМ НЕЛОВКОСТИ ИСПЫТЫВАЮ ВСЕ ЖЕ НЕКОТОРУЮ РАДОСТЬ ПРИ МЫСЛИ ЧТО МОЙ ПОЦЕЛУЙ ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ НА ВАШИХ ЛАНИТАХ ПОСЛЕДНИМ БУДЕТ БОЛЕЕ ПРИМЕЧЕН ЧЕМ ТЫСЯЧИ ДРУГИХ СПЕШИВШИХ НАПЕРЕГОНКИ ТЧК ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ЖЕЛАЮ ДОЛГИХ ЛЕТ ТВОРЧЕСКОЙ БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ = ВАШ САША

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2464. Л.174. Александр Моисеевич Кричевский (1896–1956) – профессор-дерматолог; двоюродный племянник ИЭ со стороны матери; в 1920-е гг. ИЭ останавливался у него в Харькове (см. П1, №465, 466).

220. М.С.Сарьян

Ереван, 5.2.1951

ДОРОГОМУ ИЛЬЕ ГРИГОРЬЕВИЧУ ПЛАМЕННОМУ ТРИБУНУ ЧЬИ СЛОВА ВЫРАЖАЛИ И ВЫРАЖАЮТ ГНЕВ МНОГОМИЛЛИОННОГО СОВЕТСКОГО НАРОДА К НЕМЕЦКИМ ЗАХВАТЧИКАМ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКИМ АГРЕССОРАМ ЧЕЙ ГОЛОС СЕГОДНЯ РАЗДАЕТСЯ В ЗАЩИТУ МИРА И ЧЬИ ВЫСОКОТАЛАНТЛИВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВХОДЯТ В ЗОЛОТОЙ ФОНД СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ДЕНЬ ВАШЕГО ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЯ ШЛЮ ГОРЯЧИЙ СОЛНЕЧНЫЙ ПРИВЕТ С ДАЛЕКОЙ АРАРАТСКОЙ ДОЛИНЫ = МАРТИРОС САРЬЯН

Впервые. Подлинник – ГМИИ им.Пушкина. Ф.41. Оп.1. Д.1. Л.50. Мартирос Сергеевич Сарьян (1880–1972) – армянский художник; ИЭ не раз писал о нем (например: «Неистовый Сарьян» – ЛГ, 5 марта 1960).

221. К.Н.Редько

Москва, 10.2.1951

Глубокоуважаемый Илья Григорьевич!

Сердечно поздравляю Вас (хотя поздравление немного опоздало) и очень радуюсь, что Вы еще молоды, и полагаю, что Ваша темпераментная натура послужит еще долгие годы нашей родине во славу мира и коммунизма.

Вас, дорогой Илья Григорьевич, знаю с конца 1918 года. Мои лучшие юношеские воспоминания рождаются с Вашей неослабеваемой, окрыленной деятельностью писателя, поэта, трибуна и чуткого друга художников.

Неоднократно посещая Ваш дом, я пользовался гостеприимством и Вашим чутким вниманием, а также моего товарища по искусству Любовь Михайловны, красота которой пленяла мое воображение в юности и мы сравнивали ее с «Джиокондой».

Прошу передать привет Любови Михайловне и поздравления с юбилеем.

Давно Вас обоих не встречал, очень хотелось бы повидаться.

Поднимаю полную чару вина и пью за Ваше здоровье!!

К.Редько.

Впервые. Подлинник – ГМИИ им. Пушкина. Ф.41. Оп.1. Д.1 Л.44. Климент Николаевич Редько (1897–1956); в Дневниках Редько есть записи о встречах с ИЭ в Париже в 1920–1930-е гг. (см.: *К.Редько. Дневники, воспоминания, встречи.* М., 1974. С.75, 90, 112).

222. Б.М.Эйхенбаум

<Ленинград,> 15 III 1951

Дорогой Илья Григорьевич!

Я просто хочу поблагодарить Вас за Вашу статью «Писатель и жизнь»¹. В ней сказано так много нужного, важного, забытого, и сказано так хорошо, что она должна иметь значение. Она продиктована Вам историей: в ней есть дыхание и правды, и искусства, и нашей эпохи.

Я с особенным вниманием читал то место, где Вы говорите, что «описанию страстей должны предшествовать страсти». Недавно я много думал над этим – в связи с дневниками Толстого и его юностью. И думал в том же направлении. Это очень важно. Отсюда надо будет начинать восстановление нужного искусства. Такого, как «У стен Малапаги»², а не такого, как «Мусоргский»³.

Будьте здоровы! Я крепко жму Вашу руку

Б.Эйхенбаум.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2411. Л.1. Борис Михайлович Эйхенбаум (1886–1959) – литературовед, чьи работы ИЭ высоко ценит.

¹ ЛГ, 13 марта 1951. Публикация имела подзаголовок «Из беседы со студентами Литературного института имени Горького».

² Советское название кинофильма «По ту сторону решетки» (1948) французского кинорежиссера Рене Клемана.

³ Удостоенный Сталинской премии фильм Г.Л.Рошала (1950).

222а. Т.М.Литвинова

<Москва,> 15 III <19>51

Дорогой Илья Григорьевич!

Какую Вы чудную статью напечатали в «Литературной газете»¹! окно, долгое время стоявшее замазанным, так что замазка присохла и растрескалась, вы взяли и раскрыли – а на дворе весна.

Такое чувство у нас всех (в семье), после вашей статьи.

На днях мама², проезжая по улице Горького³, видела из окна Бузу⁴. Спокойное достоинство, с каким он нес свои седины так ее растрогало, что она хотела позвонить Любовь Михайловне. Но я ей не дала, потому что она тогда бы заодно выразила наши чувства по поводу Вашей статьи, а мне не хотелось «заодно», а хотелось специально.

Вот уже третий день, как я прочла статью, а все еще счастлива ею.

И дуракам полезно, и нам хорошо!

Получилось, что я очень высокого мнения о Вашей почтенной слуге

Т. Литвиновой.

P.S. Но это нечаянно получилось.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1820. Л.1-2.

¹ «Писатель и жизнь» (ЛГ, 13 марта 1951).

² Айви Вальтеровна Литвинова (урожд. Фейви Лоу; 1890–1977) – жена М.М.Литвинова.

³ ИЭ жил на ул. Горького (теперь Тверская) в д.8.

⁴ ИЭ звал эту свою собаку «Бузу Второй», т.к. она была названа в честь скотч-терьера Бузу, жившего у Эренбургов в Париже в 1930-х гг.

223. Ю.Тувим

Варшава, 20.XII.1951

Дорогой Илья Григорьевич!

Утешаюсь мыслью, что я довольно редко надоедаю тебе моими просьбами, обращаюсь к тебе по очень важному для меня делу. Позвони, пожалуйста, кому следует, в Госиздат, а также А.Суркову¹, и узнай, какой суммой денег я располагаю в Москве. Навести эту справку через наше посольство очень трудно. Если окажется достаточное количество рублей, я смогу купить за них «Победу». Покупкой займешься, конечно, не ты, а наш торговый представитель в Москве. Все, <что> очень я тебя прошу, это – узнать цифру и сообщить мне ее телеграммой. Моя машина (citroen) уже неизлечима, а я без автомобиля – как калека без костылей.

Я очень много работаю, м<ежду> пр<очим>, кончаю перевод «Кому на Руси жить хорошо»². Труднейшее предприятие!

Сердечный привет тебе и Любви Михайловне от меня и Стефании.

Твой Юлиан Тувим.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2243. Л.5.

¹ Алексей Александрович Сурков (1899–1983) – поэт, один из руководителей Союза писателей СССР.

² Поэма Н.А.Некрасова.

1952

224. К.Руа

Москва, 3 июня 1952

Дорогой Эренбург,

Я нахожу в Москве только один недостаток: Ваше отсутствие. В Китае все еще слышны отголоски Вашего визита¹. Переводчики, в частности девушка, которая работала с Вами в Шанхае, передает вам обоим через нас тысячу приветов. Продавцы книжных магазинов Лоу Ли Сонга вспоминают о Вас и Неруде со слезами на глазах.

Свитер оказал мне большую услугу. В Монголии был ледяной холод! Потом я взял его с собой в Корею². Еще раз спасибо.

Я прочел одну часть «Девятого вала» в «Советской литературе»³, и у меня появилось нетерпеливое желание прочитать все. В Китае я обнаружил, что Вы – самый известный в Китае французский романист. Я признателен Вам не только за Ваш талант, но и за то, что он служит любви к Франции во всем мире.

Жена присоединяется к моим дружеским словам восхищения Вами.

Клод Руа.

Впервые – ДП, с.650. Подлинник ФЭ. Ед.хр.2124. Л.1. Клод Руа (1915–1997) – франц. писатель, в 1943–1956 гг. член ФКП. ИЭ и

К.Руа связывали приятельские отношения, имя Руа не раз встречается в 6-й и 7-й книгах ЛГЖ.

¹ Имеется в виду поездка ИЭ вместе с П.Нерудой в Китай осенью 1951 г.

² К.Руа ездил в Северную Корею, воевавшую тогда с Южной, вместе с И.Фаржем.

³ Речь идет о публикации романа ИЭ «Девятый вал» по-французски в многоязычном московском журнале «Советская литература».

225. И.М.Майский

Подмосковье, 21 декабря 1952

Дорогой Илья Григорьевич,

Сегодня, на даче, по радио узнал о присвоении Вам Сталинской премии мира. Немного найдется людей на земле, которые так заслужили бы эту большую честь, как Вы. От всего сердца поздравляем. Не только потому, что мы оба¹ являемся давними поклонниками вашей литературной и общественной деятельности, но также потому, что введение Вас в качестве представителя СССР в славную семью международных лауреатов мира имеет крупное политическое значение².

От души желаем Вам еще многих, многих лет здоровья и творческой энергии, еще многих, многих лет успехов в великом деле борьбы за мир.

Крепко жму Вашу руку

И.Майский.

П.С. невольно вспоминаю сейчас, как в трудные дни войны с диппочтой в Лондон пришла верстка «Падения Парижа» для перевода на английский язык, я просидел над ней всю ночь и наутро понял, какой большой писатель-гражданин создал этот значительный роман. Много воды утекло с тех пор, но писатель-гражданин не обманул моих тогдашних ожиданий: он вырос в международную фигуру борца за мир и против реакции. Несколько лет назад в од-

ной статье я назвал Вас «маршалом пера». Редактор вычеркнул это сравнение. Но сейчас я более, чем когда либо, убежден, что вы являетесь «маршалом пера» на службе великому делу мира.

И.Майский.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.167. Л.17.

¹ Имеются в виду Майский и его жена А.А.Майская.

² До 1952 г. эта премия присуждалась только иностранцам; ИЭ был первым гражданином СССР, удостоенным ее (за этим скрывался политический ход Сталина, желавшего закамouflировать этим откровенно антисемитскую кампанию, развернутую в СССР в связи с «делом врачей»). Сам И.М.Майский был арестован в начале 1953 г.

226. А.А.Осмеркин

Москва, 21.12.1952

**С РАДОСТЬЮ ПРОЧЕЛ ЧТО ВАШЕ СЛОВО СТАВИТ
ВАС В РЯДЫ БОРЦОВ ЛУЧШИХ ИЗ ЛУЧШИХ ПРОТИВ
МРАКОБЕСИЯ МЫСЛИ НАСИЛИЯ СМЕРТИ ПОБЕДА
БЕССПОРНА ТАК ЖЕ КАК ЛОЖНАЯ МУДРОСТЬ МЕРЦАЕТ
И ТЛЕЕТ ПРЕД СОЛНЦЕМ БЕССМЕРТНЫМ УМА
ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЛНЦЕ ДА СКРОЕТСЯ ТЬМА=
ЖИВОПИСЕЦ ОСМЕРКИН**

Впервые. Подлинник – ГМИИ им. Пушкина. Ф.41. Оп.1. Д.1. Л.35. Александр Александрович Осмеркин (1892–1953) – художник; ИЭ написал предисловие к каталогу его посмертной выставки в Москве (М., 1959).

227. А.А.Ахматова

Ленинград, 22 декабря 1952

**ПРИМИТЕ МОИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ И ПОЖЕЛАНИЯ
ЗДОРОВЬЯ И СИЛ ДЛЯ ВАШЕЙ ПРЕКРАСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В БОРЬБЕ ЗА МИР СЕРДЕЧНЫЙ ПРИВЕТ
= АХМАТОВА**

Впервые – ВЛ, 2002, №2. С.265. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1243. Л.4. Телеграмма, направленная не лично ИЭ, а в Союз советских писателей.

228. М.С.Сарьян

Москва, 22 декабря 1952

**СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ ДОРОГОГО ДРУГА БЛЕ-
СТЯЩЕГО ПИСАТЕЛЯ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ПУБЛИЦИ-
СТА НЕУТОМИМОГО БОРЦА ЗА МИР С ПОЛУЧЕНИ-
ЕМ ВЫСОКОЙ НАГРАДЫ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ
МИРА ЖЕЛАЮ ВАМ ЗДОРОВЬЯ БОЛЬШИХ ТВОРЧЕС-
КИХ УСПЕХОВ = МАРТИРОС САРЬЯН**

Впервые. Подлинник – ГМИИ им.Пушкина. Ф.41. Оп.1. Д.1. Л.51.

229. С.С.Прокофьев

Москва, 23.12.1952

**СЕРДЕЧНО ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ КРЕПКО ОБ-
НИМАЮ = СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ**

ФЭ. Ед.хр.2075. Л.2.

230. А.А.Фадеев

<Москва,> 28. XII <19>52

Дорогой Илья Григорьевич!

Ангелина Осиповна¹ сказала о Вашем звонке – я очень благодарен Вам за внимание и память². Пользуюсь случаем от души поздравить Вас – и с премией³ и с большим конгрессом⁴, где, очевидно, Вам пришлось изрядно помучиться, но дело, судя по всему, сделано исключительно важное с точки зрения дальнейшего развития.

Я, увы, все еще болен и, должно быть, еще недели три пробуду в больнице. Если человек со стороны взглянет на Вас и на меня, то он, конечно, скажет, что я исключитель-

но здоров, а вы больны. На деле Вы оказались человеком железного здоровья. Однако поберегите его! Это ведь все на нервах и все до поры до времени. Вы как-то не привыкли отдыхать, а Вы попробуйте.

Передайте мой сердечный привет Любви Михайловне. Поздравляю вас с новым годом!

Крепко жму руку Вашу и желаю Вам всего доброго.

Ваш А.Фадеев.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2265. Л.6. Цитировалось в 18-й главе 6-й книги ЛГЖ, посвященной Фадееву. С А.А.Фадеевым ИЭ связывали непростые отношения, ставшие более близкими в послевоенные годы.

¹ А.О.Степанова (1905–2000) – актриса МХАТ, жена Фадеева.

² Видимо, ИЭ звонил Фадееву 24 декабря, чтоб поздравить его с днем рождения.

³ Имеется в виду Международная Сталинская премия «За укрепление мира между народами», о присуждении которой ИЭ было объявлено 21 декабря 1952 г.

⁴ Речь идет о Всемирном конгрессе народов в Вене, на котором от имени советской делегации выступал ИЭ (речь напечатана в центральных газетах 17 декабря 1952 г.)

231. А.Матисс

Ванс, 30 декабря 1952

**МОСКВА ИЛЬЕ ЭРЕНБУРГУ ЭЛЬЗЕ ТРИОЛЕ АРАГОНУ
ОЧЕНЬ ТРОНУТ И БЛАГОДАРИЮ НАИЛУЧШИЕ ПО-
ЖЕЛАНИЯ = АНРИ МАТИСС**

Впервые. Подлинник – ГМИИ. Ф.41. Оп.1. Л.33.

Ответ на поздравления с Новым годом; Э.Триоле и Л.Арагон находились тогда в Москве.

1953

232. Н.И.Альтман

<Ленинград,> 27.I.1953

ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ЖЕЛАЮ МНОГО ЛЕТ ЗДОРОВЬЯ
И ПРЕКРАСНЫХ ВОЛНУЮЩИХ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ РА-
БОТ ОБНИМАЮ = НАТАН

Впервые. Подлинник – ГМИИ им. Пушкина. Ф.41. Оп.1. Д.1. Л.3.

233. В.Г.Лидин

Москва, 27.I.1953

Шер ами,

эта трубка приобретена у правнучки генерала Бухвостова, участника Отечественной войны 1812 года; трубка эта была с ним в походах; под Бородином Бухвостову оторвало руку. Отец Бухвостова Сергей Леонтьевич записался в почтешные к 11-летнему Петру, почему прозвался «первый российский солдатик» (см. энциклопедию Брокгауза).

Обращенная в трубку мира¹, она сможет ныне со своим историческим паспортом занять место в Вашей коллекции.

Поздравляю Вас со днем Вашего тезоименитства.

Votre V.L.²

Впервые. Подлинник – РГАЛИ. Ф.3102. Оп.1. Ед.Хр.255. Л.1. Шуточное послание к дню рождения ИЭ.

¹ Трубка мира – распространенное название одной из новелл книги ИЭ «13 трубок».

² Ваш В.Л. (франц.).

234. А.А.Игнатъев

<Москва,> 28.1.1953

Дорогой Илья Григорьевич,
я был бесконечно счастлив принять участие, правда, только как зритель, в Вашем вчерашнем торжестве¹. Я вырезал, как образец современной политической речи, Ваши проникновенные слова. Тут ни парижского «bravo!», ни московских рукоплесканий недостаточно, и хочется запечатлеть чувства восхищения старого друга еще I-й мировой войны, хотя бы сиим скромно написанным словом! – лучше Вас не подумаешь, лучше и не скажешь.

Живите же и нас «молодых» переживайте, работайте по установленному Вами для себя правилу – неустанно на пользу человечества. Это не громкие, а искренние слова Вашего глубоко Вас уважающего

Алексея Игнатъева.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1612. Л.4-5. 10 февраля 1953 г. ИЭ написал Игнатъеву: «Я видел Вас в зале, хотел пожать руку, но не смог подойти. Рад был получить Ваше письмо, рад буду встретиться с Вами...».

¹ Имеется в виду церемония вручения ИЭ в Кремле Международной Сталинской премии мира. О напряженной тишине, установившейся в зале во время его речи, ИЭ рассказал в 31-й главе 6-й книги ЛГЖ. Л.Б.Либединская вспоминала А.А.Игнатъева в тот день: «Вручение проходило в Кремле, в Андреевском зале. Среди приглашенных был граф Игнатъев, автор знаменитых мемуаров «Пятьдесят лет в строю». Он стоял в фойе, высокий, седой, величественный в генеральском мундире, и громко рассказывал, как бывал здесь пажом в свите царя... Вокруг сгрудилось множество слушателей. И вдруг: «В последний раз я приходил сюда несколько лет назад с моим лучшим другом Соломоном Михайловичем Михозлсом...». Толпа мгновенно стала редеть. А Игнатъев продолжал: «Да не верьте тому, что о нем сейчас говорят и пишут. Вранье это, наглое вранье! Замечательный был человек, а уж артист гениальный!». Я оглянулась: кроме нас с Либединским, возле Игнатъева оставалось 2-3 человека – Вениамин Каверин, Валерия Герасимова и кто-то еще...» (ЛГ, 31 окт. 1990).

235. А.А.Фадеев

Москва, 1 февраля 1953

Дорогой Илья Григорьевич!

Рад был Вашему письму. Передайте мой сердечный привет Любови Михайловне. Федин, навещавший свою жену в больнице, заходил ко мне, рассказывал, что в Вашу честь закатили хороший банкет или прием и что все было хорошо, тепло¹. Пожалел я, что не смог выпить за ваше здоровье, но кажется, это уже будет невозможно до конца дней моих, – из-за печени!

Выпустят меня из больницы где-то около 20-го февраля, но выпустят не на работу, а в санаторий. Отсюда я заключаю, что на узкую встречу² мне, очевидно, не удастся поехать, о чем я прошу предупредить В.Г. и В.П.³ На сессию я уже безусловно поеду⁴.

Только здесь мне удалось дочитать четвертый и пятый номера «Знамени» за прошлый год и составить представление о Вашем романе⁵ в целом, тем более что на досуге я смог просмотреть и возобновить в памяти все предыдущее.

Вот что мне хочется сказать вам о романе. То, что это значительное литературное явление и очень нужное сейчас, Вы сами знаете. По внутренней, «химической» структуре отдельных образов и целого Вы продолжаете в этом романе, как и в «Буре» и в «Падении Парижа», ту линию русского художественно-публицистического романа, где главным «героем» является авторская мысль, – особенности этого вида художественной прозы хорошо очерчены Белинским в сопоставлении «Кто виноват?» Герцена с «Обыкновенной историей» Гончарова. Но герои Ваши все же более объективированы, живут помимо Вас (правда, не все и не всегда). Кроме того, Вы по-своему переработали характерную для западноевропейской и североамериканской литературы последних десятилетий манеру параллельного движения и развития столь многих и столь разных судеб, что линии их жизни и деятельности часто

не пересекаются, – их объединяет, организует все та же генеральная авторская мысль. Если учесть, что эти две особенности Вашего письма дают Вам возможность совершенно отбросить те из бытовых подробностей, описаний наружности и обстановки, которые Вы не считаете необходимыми (без которых, например, не может обойтись бытовое реалистическое произведение), – этот роман Ваш, как и два предыдущих, обладает исключительной емкостью, и в этом безусловно его достоинство и преимущество. На таком плацдарме решить такую тему в иной манере и невозможно.

Вместе с тем на последней трети или четверти романа отрицательно сказалась спешка. Как говорится, у автора уже не было времени на то, чтобы сказать все поточнее, покороче, поорганизованнее.

Сказалось это прежде всего в фабульном строении последней трети книги. Ваш опыт всегда прекрасно подсказывает Вам, как при таком параллельном развитии многих судеб найти в каждой из них (или в сочетании, переплетении некоторых из них) свою занимательность. И большей частью Вы ее находите. Один Ваш «козырь» – переход с мотива общественно-политического на мотив любовный – довольно долго действует безотказно. Но во второй половине однообразие приема уже становится заметным. Кроме того, в области политики Вам и во второй половине есть что сказать, а в сфере любви Вы уже более или менее выговорились, и здесь к концу романа появляются – скопировка, даже штамп, повторение самого себя.

Разумеется, не только упомянутый «козырь» служит в отдельных звеньях романа пружиной фабульной: Ваше мастерство сказалось в том, как вы возбуждаете читательский интерес судьбой негра, судьбой адвоката, судьбой Минаева, всей историей с «Трансоком», связавшей людей двух континентов (в смысле развития сюжета). Через историю Саблона и Минаева Вы связали фабульно уже два мира! Кроме этих концентрированных «узлов заниматель-

ности» много второстепенных линий – история с Рене и его любовью, путь Нивеля, судьба архитектора Рихтера, история «пограничного» немецкого жителя Карла Бреннера и т.д., – в них есть и своя движущая пружина («что с ним, что с ней будет»), с другой стороны, они как бы перекидывают мостик от одного «узла занимательности» к другому.

Однако Вы обратите внимание на то, что с провалом «Трансока» и с возвращением Минаева на родину и его отъездом на Восток Вам уже трудно держать читателя в напряжении, отдельные судьбы (их становится все больше и больше!) уже калейдоскопически чередуют друг друга, фабульные нити, связывающие их, носят все больше частный, локальный, а поэтому действующий на короткие дистанции характер, и внимание читателя местами ослабляется, особенно в части азиатской. Исключение составляют, например, главы стокгольмские, варшавские, связанные с движением за мир, – это интересно по самой фактуре, а также потому, что там большая «нагрузка» на такие фигуры, как Дюма, Саблон, – они так хорошо вылеплены, что все, связанное с ними, занимательно само по себе.

У Вас немало больших удач в лепке характеров, социальных типов: почти все американцы и американки, особенно Лоу и его дети, Робертс, Сидл, профессор Адамс, Билл Костер и Виктория, это портной Маккорн и др.; французы – кроме уже упомянутых (Дюма, Саблона, Нивеля) еще и Самба, и этот министр Бедье с его женой и любовницами; из наших – старик врач, мать Сергея, Минаев и его мать, Ольга (с этим ее неожиданным поступком!), Шебаршин, Наташа, Вера; из немцев – Рихтер и баба его и другие.

К сожалению, – я объясняю это только спешкой, – такие образы, как Лежан, Мадо (столь чудно показанная в «Буре»), Рене после его «истории», Шебаршин в Стокгольме и Варшаве, Минаев, когда он уже на Востоке, – выполняют слишком общие «правильные» функции, гово-

рится о них уже как-то скороговоркой и индивидуальность их вдруг теряется.

Главы – особенно китайские и отчасти корейские – читаются иногда без напряжения, – там, где построены на деталях не точных, приблизительных. Почти все, что происходит в Ницце, в Ларошели, тоже дано слишком суммарно, недостаточно точно отработано на деталях. Особенно бросается в глаза читателю, полюбившему образы «Бури», отсутствие какой-либо индивидуальной изюминки, которая бы снова и снова выделяла любимых героев среди многих лиц в этих массовых действиях: Мадо, например, действует в характере ее, но вызываемого ею в прошлом читательского обожания она больше снискать не может, нет каких-то милых, ясных, точных, только ей присущих жестов, слов, душевных движений. От этого страдает и столь важная, ответственная сцена, как встреча Мадо с матерью Сергея.

Там, где дело касается строительства (в Минске) или производственной деятельности Кранца, бросаются в глаза необязательные, приблизительные производственные детали и характеристики, создающие недоверие к автору (лучше уж совсем без них). В этом смысле, например, детали лесопосадок выгодно отличаются своей зримостью, конкретностью, – веришь, что это так и есть и было.

Обращаю ваше внимание и на то, что чем ближе к концу романа и чем больше появляется необходимых для осуществления вашего замысла новых эпизодических лиц (которых Вы, однако, скорее вынуждены показать, а подлинного аппетита художника к ним не имеете), тем чаще вы прибегаете к языку почти телеграфному, фраза неестественно укорачивается, подробностей уже слишком мало и они – выхваченные то оттуда, то отсюда – скачут перед глазами. Это бывает редко в первой половине, вернее, двух третях книги и все чаще в последней трети. (Разумеется, и в этой третьей части книги, включая последние ее главы, многое написано отлично; такие хорошие находки,

сцены, отдельные запоминающиеся места и положения имеются, конечно, и в главах, которые я подверг здесь критике; но я сознательно развиваю в письме критическую часть в надежде, что некоторые мои замечания падут на благодетельную почву вашего собственного недовольства тем или иным местом и Вы еще тронете его рукой мастера к отдельному изданию.)

Подводя итоги, я нахожу, что роман нуждается, с одной стороны, в некоторой «чистке» и в сокращениях, а с другой – в узорной, филигранной работе в отдельных местах.

В целом же он мощен, гуманистичен, в нем клочкотание народных сил, людской поток, грязь старого мира и борьба и становление нового человечества⁶.

Написал Вам все это из добрых чувств и побуждений и прошу извинить меня, если где-нибудь неловко выразился. Учтите также, что я вижу в романе более достоинств, чем нашел времени для того, чтобы сказать вам о них.

Есть у меня к вам одна просьба. Не помните ли Вы целиком ту испанскую песню (с припевом «Ай, Кармела»), которую пела жена Неруды⁷? Мне эта песня до зарезу понадобилась в новом моем романе⁸. Если помните, не могли бы Вы переписать ее для меня по-испански и сделать подстрочник по-русски? Если не помните, не посоветуете ли, к кому мне можно с этим обратиться, кто может знать эту песню?

Все это можно передать или сообщить мне в больницу через Ангелину Иосифовну <Степанову>.

Кстати, в газетах промелькнуло было известие о тяжелом положении жены Неруды после автомобильной катастрофы. Как ее дела нынче?

Желаю Вам всего доброго и крепко жму Вашу руку.

А. Фадеев.

Впервые (с купюрами) – ЛГ, 29 декабря 1976. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2265. Л.7-12. Ответное письмо ИЭ см. П2, №336.

¹ По случаю вручения ИЭ Международной Сталинской премии мира.

² Речь идет о заседании руководства Всемирного Совета Мира.

³ Имеются в виду сотрудники ЦК КПСС В.Г.Григорян и В.П.Терешкин, курировавшие Движение сторонников мира.

⁴ Сессия Всемирного Совета мира в Будапеште (из-за смерти Сталина) состоялась только в июне 1953 г.

⁵ Роман «Девятый вал» печатался в «Знамени»: №11 и 12 за 1951-й и № 1-5 за 1952 г.

⁶ Прочитав эту фразу из письма Фадеева в 25-й главе 6-й книги ЛГЖ, ИЭ написал: «Я все же не поверил добрым отзывам – я уже твердо знал, что совершил одну из самых крупных ошибок писателя» (8, 316).

⁷ Делия дель Карриль, тогдашняя жена чилийского поэта Пабло Неруды; текст ее песни ИЭ разыскал у испанцев, живших в Москве, и прислал Фадееву.

⁸ Незавершенный роман «Черная металлургия».

235а. П.Неруда, Ж.Амаду Исла-Негра¹, 8 марта <1953>

Илья,

В связи со смертью Великого Капитана² выражаем тебе соболезнование и хотим сказать, что мы с тобой всегда³ (в любой час или во все часы).

Пабло, Жоржи.

Статья для <К.М.> Симонова будет послана через неделю⁴.

Впервые. Перевод с исп. Э.В.Брагинской. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1967. Л.8. Жоржи Амаду (1912–2001) – бразильский писатель; ИЭ, посвятивший ему статью «Наш друг Жоржи» (1962), является одним из героев книги мемуаров Амаду «Каботажное плавание». Оба автора письма были в ту пору активными участниками коммунистического движения, не видевшими своей жизни вне его рядов; наивно веря в коммунистическую доктрину, они, однако, не были ортодоксальными догматиками и многое в СССР, в оккупированных им странах и в подчиненном ему международном коммунистическом движении, вызывало у них безусловную горечь.

¹ Место в Чили на берегу Тихого океана, где был дом П.Неруды.

² Имеется в виду И.В.Сталин, умерший 5 марта 1953 г. Образ «Великого Капитана» связан, возможно, со статьей ИЭ «Добрые чувства» (1949), где Сталин изображался капитаном, стоящим в непокойную погоду у руля судна.

³ Судя по мемуарам Амаду, он, как и П.Неруда, хорошо знал о проходившей тогда в СССР антисемитской кампании (в частности, о деле врачей), поэтому их письмецо (о перлюстрации почты в СССР они догадывались) имело главной своей целью выразить поддержку ИЭ в тяжких обстоятельствах того времени.

⁴ Приписка Делии дель Карриль; видимо, речь шла о статье для ЛГ, главным редактором которой в 1950–1954 гг. был К.М.Симонов.

236. Е.А.Долматовский

<Москва,> 2 сентября <19>53

Уважаемый Илья Григорьевич,

я не мог написать раньше, так как в день нашего разговора по телефону стихи Манделя¹ еще не были доставлены от Вас в институт. Сегодня я перечитал те, что читал раньше (газетную подшивку), а также впервые прочитал стихи «Влажный снег» и главы «Отчизны»², которые мне не были показаны, не знаю, по какой причине.

Газетные стихи Манделя плохи, в них нет ничего, кроме стихосложения. В институте я видел протокол, где сказано, что я дал на эти стихи отрицательную рецензию. Это неточно. Я отказался давать рецензию, т.к. считал, что дело не в оценке стихов: когда человека реабилитируют, его восстанавливают на работе (в данном случае – на учебе). Я заявил, что приемная комиссия, в которую я входил, здесь ни при чем, решать о восстановлении должна администрация.

Теперь несколько слов хочу сказать Вам о Манделе. Я не знаю, каков он сейчас, но последние впечатления о нем (правда, давнишние) – самые неприятные. Это был худший вид литературного мальчика, уродствующего (так! – Б.Ф.) и кривляющегося. Гудзенко, на которого Вы ссылаетесь, говорил о Манделе всегда иронически.

В рукописных вещах, которые я прочитал сегодня, есть хорошее, но они то и дело забываются чужими голосами, литературщиной.

Что касается тона и стиля Вашего разговора со мной, то он меня глубоко возмутил и оскорбил, но не смог убить чувства любви и уважения к Вам, выработавшегося за долгие годы. По-видимому, у Вас так много искренних друзей, что Вы легко можете себе позволить плевать в лицо одному из них.

Евг. Долматовский.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1522. Л.11.

¹ Наум Моисеевич Мандель (Коржавин; род. 1925) – поэт. После ареста и ссылки Мандель возвратился в Москву и пытался восстановиться в Литературном институте, откуда был исключен сразу после ареста; ИЭ обратился к Долматовскому, работавшему в Литинституте, с просьбой помочь пострадавшему от политических репрессий молодому поэту.

² «Влажный снег» (1951) и поэму «Отчизна» (1952) см.: *Н.Коржавин*. Время дано. Стихи и поэмы. М., 1992.

237. В.Г.Лидин

Москва, 21 сентября 1953

Милостивый государь Илья Григорьевич, рассеянная жизнь, которую Вы ведете, и Ваше длительное пребывание в созданной Вами новой Ясной Поляне¹ лишают меня удовольствия разумных и впечатляющих бесед с Вами на всевозможные темы, преимущественно нравственные. Тем не менее, пользуясь оказией, посылаю Вам это письмо с изложением моих неизменных чувств к Вам и надеждой все-таки повидать Вас в текущем году. Равным образом, напоминаю Вам, что последнего Вашего произведения нет в моей библиотеке², что отражается на полноте представленных в ней сочинений Ваших.

Весьма возможно, что этой осенью я буду охотиться в волоколамских лесах и тогда заверну к Вам с дичью или,

скорее всего, без дичи, так как егеря повезут ее прямо в Москву.

Прошу передать Вашей уважаемой супруге мое глубокое почтение.

Остаюсь преданный Вам

Гр. Нулин.

Сентября 21, 1953 года.

Впервые. Копия – РГАЛИ. Ф.3102. Оп.1. Ед.хр.255. Л.2. Фамилия Лидин упоминается в поэме Пушкина «Граф Нулин» – отсюда и подпись под письмом.

¹ Имеется в виду дача ИЭ в Новом Иерусалиме, где были написаны почти все его книги 1950–60-х гг.

² Видимо, речь идет о романе «Девятый вал».

238. Г.Фаст

Нью-Йорк, 24 декабря 1953

Дорогой мой Эренбург,

Думаю, что Вы, как писатель, легко можете представить себе, чем были для меня последние несколько дней¹. После многих лет все той же борьбы здесь, в Соединенных Штатах, непрерывно испытывая трудности, терпя поражение в одном сражении за другим, у меня едва хватило сил перенести это мощное рукопожатие мира и дружбы из-за огромного океана и эту величайшую честь. Столько сразу пришлось сделать, столько всего написать и столько передумать! И все-таки хватаюсь за первую же возможность, чтобы передать Вам привет и благодарность за Вашу телеграмму, а через Вас многим другим людям, которых Вы знаете и с которыми часто встречаетесь. Передайте им, пожалуйста, мою признательность и привет.

Уже больше четырех лет прошло с тех пор, как мы сидели вместе в Париже и говорили о многом². Должен сказать Вам, что это был очень значительный момент в моей жизни, и я вспоминаю его еще и еще, всякий раз, как мне

нужны новые силы. С нетерпением жду новой встречи с Вами, старый друг, чтобы обнять Вас и потолковать с Вами так же славно, как мы говорили в те дни.

Искренне Ваш

Говард Фаст.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2274. Л.2. Говард Фаст (1914–2003) – американский писатель; участник просоветского Движения сторонников мира, порвавший с ним после 1956 г.

¹ Имеется в виду присуждение Г.Фасту Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

² Речь идет о встрече во время Парижского конгресса сторонников мира в 1949 г., когда психологическое состояние ИЭ, как он его описывает в 15-й главе 6-й книги ЛГЖ, мало способствовало проникновенной беседе.

ИЭ вспоминает в 18-й главе 6-й книги ЛГЖ, как Фадеев, спросив его о последнем вечере в Париже в 1949 г., сказал: «А меня замутил Фаст – хотел, чтобы я ему все объяснил... Эх, Илья Григорьевич!..». В 1956 г. Фаст, все годы живший в США и формально имевший доступ к любой информации, но не пользовавшийся ею в силу идеологических самоограничений, обвинил советских коллег в том, что они вводили его в заблуждение по части сталинского режима.

1954

239. Н.Я.Мандельштам

<1953–1954>

Илья Григорьевич!

Я поняла про твой портрет на плакате¹. Это то, что увидел Пикассо, это то, что понимал Ося² в тебе, а следовательно и я. Доказательство у тебя было – если б не это представление, он не назвал бы тебя перед смертью³.

Портрет удивительный – в пятьдесят бабы сантиментальны; я не могла его забыть. Целую тебя – старого друга.

Надя.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ Речь идет о французском плакате с портретом ИЭ работы П.Пикассо, выпущенном к выходу французского издания романа «Буря»; плакат висел в московской квартире ИЭ.

² Поэт Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1938, погиб в лагере).

³ Предсмертные слова О.Э.Мандельштама («Разыщите Илюшу Эренбурга... Я умираю с мыслью об Илюше. У него золотое сердце»), сказанные им сокамернику В.Л.Меркулову, который сообщил их ИЭ при встрече в Москве в 1952 г.

240. М.П.Кудашева-Роллан

<Париж,> четверг 20 мая 1954

Дорогой Илья Григорьевич,

Не зайдете ли Вы ко мне этот раз? Несколько лет тому назад Вы хотели это сделать, но не успели¹... – Вы, вероятно, бываете на этом Монпарнасе, который Вам был всегда дорог. Мой дом в десяти шагах от La Coupole², около церкви N^{otre-D^{ame}} des Champs, на углу ул. Montparnasse и бульвара. А квартира на 1-м этаже³ (entresol) как раз над рестораном Le Surcouf (face à l'escalier⁴).

Я еду в Везеле⁵, на 24 часа, вернусь в пятницу, в три часа пополудни. Буду в субботу. В воскресенье только вечером, после 7-ми. В понедельник, вторник и среду весь день. Но лучше всего, если Вы решите зайти, сговориться по телефону.

Я была бы рада повидать Вас, после стольких лет. И хотела бы показать Вам Архив Р.Р.<оллана> и попросить Вас – еще раз – помочь мне пополнить его в его «русской» части.

De tout coeur⁶

Майя.

Впервые – ДП. С.657. Подлинник – ФЭ. Ед.хр. 2115. Л.1. Мария Павловна Кудашева-Роллан (урожд. Кювелье; 1896–1985) с 1931 г. – жена франц. писателя Ромена Роллана (1866–1944); ИЭ познакомился с ней в Коктебеле у М.А.Волошина в 1919 г., ответ тогдашней ее влюбленности в ИЭ окрасил их последующие взаимоотношения.

¹ Речь идет о поездке ИЭ на Парижский конгресс сторонников мира в 1949 г.

² Знаменитое кафе «Куполь» на бульваре Монпарнас, в котором ИЭ часто бывал в 1920–30-е гг.

³ Т.е. на втором, как принято отсчитывать в России.

⁴ Напротив лестницы (*франц.*).

⁵ Городок во Франции, где Р.Роллан провел последние годы жизни; в его доме стараниями М.П.Кудашевой-Роллан был открыт музей.

⁶ От всего сердца (*франц.*).

241. Л.Фейхтвангер

США, 12 июля 1954

Милый Илья Эренбург,

Ваше пожелание счастья было для меня особой радостью. Я с большим участием следил за Вашими действиями и за Вашим творчеством. И меня особенно удовлетворяет то, что именно Вы помните обо мне.

С самыми добрыми приветствиями и пожеланиями

Ваш *Лион Фейхтвангер.*

Впервые. Подлинник ФЭ. Ед.хр.2280. Л.1. Отношение ИЭ к немецкому писателю Л.Фейхтвангеру (1884–1958) после выхода его книги «Москва 1937» было преимущественно негативным, тем не менее он послал ему поздравление с 70-летием.

242. Г.М.Козинцев

<Ленинград,> 21. 7. 1954

Дорогой Илья Григорьевич, прочитал статью Симонова¹ и очень огорчился. Нельзя отказать ему в знании дела.

Удачно найдена интонация. Хорошо стилизовано под литературный спор.

Очень захотелось, чтобы Вы ему ответили, м.б., даже не статьей, а коротким письмом в редакцию². Ведь все его теоретические позиции очень шатки.

1. Он пишет как бы о романе, а Вы написали повесть. Изящное смещение этих жанров и является основным приемом, с помощью которого он зовет милицию.

2. То же самое использовано и в изложении судеб двух художников, как картин всего искусства.

Даже самые лихие критики не упрекали Островского за то, что в «Лесе» он искажил все состояние русского театрального искусства, в котором были тогда и Щепкин, и Мартынов, и Садовский³ и еще множество людей, может быть, и менее пьяных нежели Ливанов⁴, но не менее талантливых. И самое бойкое казенное перо не рискнуло бы задать вопрос Островскому – к кому он себя причислял: к Несчастливцеву или к Аркашке, а ведь других деятелей театра в пьесе не было.

3. Почему так тщательно перечисляя буквально все фразы, посвященные искусству, – он забывает не фразу, но сцену читательской конференции – явления, которое может возникнуть только на определенном уровне искусства.

4. Писатель пишет различные вещи. И по масштабу, и по значению. Нельзя путать «Медного всадника» и «Домик в Коломне», возмущаться тем, что не все кухарки бреются, и вымерять, где был шаг вперед, а где назад.

5. Нельзя противопоставлять изображенных героев жизненному фону, утверждать, что герои показаны, как исключение. Их достаточно много для того, чтобы такое количество исключений превратилось в правило, а исключительное стало обычным.

Я звонил к Вам домой, хотел поговорить с Любой⁵. Мне ответил какой-то новый голос, судя по произношению мне показалось, что это Коптяева⁶. Этот голос сообщил, что не то 25-го, не то 27-го вы уезжаете.

Тогда пожелаю Вам счастливого путешествия.

Привет и самые лучшие пожелания

Гриша.

Привет Любе, мы⁷ ей как-то писали. Получила ли она письмо?

Впервые – Звезда, 1995, №3. С.112. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1689. Л.1-2. Кинорежиссер Григорий Михайлович Козинцев (1905–1973) был родным братом Л.М.Козинцевой-Эренбург и двоюродным племянником ИЭ по матери.

¹ К.Симонов. Новая повесть Ильи Эренбурга // ЛГ, 17, 20 июля 1954.

² Ответ ИЭ: «О статье К. Симонова» – ЛГ, 3 августа 1954.

³ Русские актеры Михаил Семенович Щепкин (1788–1863), Александр Евстафьевич Мартынов (1816–1860) и Пров Михайлович Садовский (1818–1872).

⁴ Народный артист СССР Борис Николаевич Ливанов (1904–1972).

⁵ Л.М.Козинцева-Эренбург.

⁶ Сочинительница популярных в массовой среде романов Антонина Дмитриевна Коптяева (1909–?) – здесь, намек на не интеллигентный голос.

⁷ Т.е. сам Козинцев и его жена В.Г.Козинцева.

243. М.Флаксер

Нью-Йорк, 20 августа 1954

Дорогой товарищ Эренбург!

Думаю, что Вы еще помните Вашего еврейского переводчика. Из газет я узнал, что Вы находитесь в Южной Америке¹. Жаль, что не в Северной, <a> то мы бы повидались с Вами.

Годы войны я провел в Китае, и туда доходили <до> меня Ваши пламенные слова против гитлеровских варваров. Но от этого времени не имел возможности читать какие-нибудь из Ваших произведений. Если это не трудно Вам, пришлите мне кое-какие, и я постараюсь их как-нибудь использовать.

Жду Вашего скорого ответа. Примите сердечный привет.

Ваш М.Флаксер.

Р.С. Меня очень интересует судьба моих товарищей: Маркиша, Фефера, Бергельсона². Можете ли Вы мне что-нибудь сказать про них?

М.Ф.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Переводчик книг ИЭ на идиш в Польше в 1920-е гг. Менахем Флаксер (1898–1978) писал ИЭ из Нью-Йорка и в 1961 г., вновь затрагивая судьбу уничтоженных в СССР еврейских писателей, которые были реабилитированы в ноябре 1955 г. (ответ ИЭ см.: П2, №481), в 1960-е гг. Флаксер встречался с ИЭ.

¹ ИЭ находился в Чили, где вручил Пабло Неруде Международную Сталинскую премию мира.

² Давид Рафаилович Бергельсон (1884–1952) – еврейский писатель, расстрелян по делу ЕАК.

244. В.Ф.Панова

Комарово, 27 XII <19>54

Глубокоуважаемый Илья Григорьевич!

Поздравляю с Новым годом, всей душой желаю Вам здоровья и новых побед в Вашей многосторонней и такой нам всем нужной деятельности. И – для всех нас – желаю, чтобы и у нас, в нашем ремесле, наконец наступила бы оттепель.

Спасибо Вам за все. Пусть у Вас все будет очень хорошо.
Ваша старинная почитательница

В.Панова.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2017. Л.1. Писательница Вера Федоровна Панова (1905–1973), как и ИЭ, была подвергнута резкой критике на 2-м съезде советских писателей.

1955

245. Р.Вайян

Париж, 10 марта 1955

Дорогой мой Эренбург,

Я очень рад, что Вам понравился мой роман «Бомаск»¹. И очень рад, что его перевод скоро появится в «Иностранной литературе»².

Я согласен на некоторые сокращения. Я полностью доверяю Вам, надеясь, что они не нарушат ни общего замысла романа, ни его драматургическую композицию, которой я придавал особое значение.

«Бомаск» (это в известном роде галлицизм, понимаю, что по-русски такое название не подходит. А вот имя героини (Пьеретта Амабль) вполне соответствует основному смыслу романа. «Закалка Пьеретты Амабль», по-французски сказать совершенно невозможно из-за второго, арготического значения слова «закалка»³. Но может быть, по-русски это звучит лучше? Оставляю решение на Ваше усмотрение.

Спасибо, дорогой Илья, за эту публикацию. Ничто не может мне доставить большее удовольствие, чем знать, что советский читатель познакомится наконец с одним из моих значительных произведений.

Мы тоже бережно храним самые теплые воспоминания о дне, проведенном с Вами в Мейонансе⁴. Элизабет⁵ и я, мы обнимаем и Вас, и Любу.

Роже Вайян.

Впервые – ДП. С.667. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1347. Л.7. Роже Вайян (1907–1965) – франц. писатель; ему посвящена 7-я глава 7-й книги ЛГЖ.

¹ См. февральское (1955) письмо ИЭ Вайяну (П2, №357).

² Роман под названием «Пьеретта Амабль» напечатан в №4 «Иностранной литературы» за 1955 г. В 1956 г. вышел в Москве отдельным изданием с предисловием ИЭ.

³ Слово «закалывать» (tremper) имеет также значение «мочить».

⁴ Деревня под Парижем, где у Роже и Элизабет Вайянов был дом, и где И.Г. и Л.М. Эренбурги побывали в мае 1954 г.

⁵ Жена Р.Вайяна.

246. И.Трнка

<Прага,> 23.3.1955.

Уважаемый господин Эренбург,
я достал для Вас все, что мне удалось. Такие игрушки изготовлялись у нас уже сто пятьдесят лет тому назад, однако в течение последних 30 лет их уже очень трудно найти, по крайней мере в неповрежденном состоянии.

Я вспоминаю о времени, проведенном у Вас и мне очень хотелось бы, чтобы такое взаимное понимание между людьми царило во всем мире.

Уважающий Вас

Трнка.

Впервые. Подлинник – ГМИИ им. Пушкина. Ф.41. Оп.1. Д.1. Л.65. Иржи Трнка (1912–1969) – чешский мультипликатор. ИЭ в 8-й главе 3-й книги ЛГЖ вспоминал, как вместе с В.Незвалом восхищался фильмами Трнки.

247. Н.Я.Мандельштам

25 марта <1955>

Дорогой Илья Григорьевич!

Очень хотелось бы тебя видеть. Рада тебе сказать, что я много слышу о тебе добрых и теплых слов.

Знаешь, что самое главное? Спокойно работать. Мне бы, конечно, хотелось, чтобы это была книжка о поэзии. Я верю в нее. Любопытно, что всех интересует вопрос, о чем будет твоя следующая книга, и очень часто предполагают, что это будет либо стихи, либо книга о стихах.

Целую тебя крепко.

Надя.

Любочка, улыбнитесь – я вас целую.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

248. Э.Эррио

Лион, 11 мая 1955

Дорогой мой Эренбург.

Я так был рад снова увидеть Вас¹. Как и Вы, я уверен, что без Ассамблеи в Хельсинки² ситуация не прояснится. Я со своей стороны готов искать решения, которые помогли бы дипломатам выйти из тупика. Мое дружеское отношение к русскому народу неизменно; оно окрепло еще в те годы, когда в ситуации, более сложной, чем сегодняшняя, я установил отношения между нашими странами³.

Думаю, я дал новое подтверждение этой моей позиции, вернув орден Почетного легиона, когда этой награды удостоились французские офицеры, воевавшие в антирусском легионе⁴. Долгие годы я делал все от меня зависящее, чтобы оттянуть ратификацию парижских соглашений⁵. Мое поражение в этом вопросе не меняет моих намерений и надеюсь, оно не меняет отношения к Франции со стороны русского народа. Вместе мы должны продолжать трудиться во имя безопасности в Европе.

Верьте, дорогой мой Эренбург, моему глубочайшему и искреннему чувству дружбы.

Мэр Лиона,

почетный председатель Национального собрания

Э.Эррио.

Впервые – ДП. С.629. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2370. Л.3.

¹ ИЭ встречался с Эррио в 1954 г. во время поездки во Францию.

² Всемирная Ассамблея миролюбивых сил прошла в Хельсинки 22–29 июня 1955 г., ИЭ на ней выступал. Ассамблея предшествовала Женевскому совещанию глав правительств США, Англии, Франции и СССР, на котором конструктивно обсуждался вопрос о мирном сосуществовании государств.

³ В 1924 г., когда Франция установила дипломатические отношения с СССР, Эррио был министром иностранных дел.

⁴ Речь идет о периоде оккупации Франции гитлеровцами.

⁵ Соглашения о создании западноевропейского оборонительного сообщества, позволившие Западной Германии иметь вооруженные силы.

249. А.С.Эфрон

<Москва,> 28 августа 1955

Дорогой друг Илья Григорьевич! Нежно и бережно передаю Вам эти письма¹, сбереженные мамой через всю жизнь – и всю смерть! Сами подлинники хранятся где-то там – где? она не успела сказать мне, а я тогда не успела спросить толком, как всегда думая, что всё – впереди. Я не могу отдать Вам их, переписанные ее рукой, т.к. в той тетрадочке² еще несколько писем не Ваших – очень немногих и не очень верных друзей.

И вот возвращается в Ваши руки кусочек той жизни и той дружбы, то бывшее в движении и теперь окаменевшее – не знаю, то ли я говорю, но у меня такое чувство, что уцелевшее письмо – та же Самофракийская победа, сохранившая в складках своей одежды то стремление и тот ветер – и во всей каменности своей и сохранности такая же беззащитная, как эти письма на бумаге.

Почему всё прошлое, сбывшееся – всё равно беззащитно перед будущим?

Оттого-то в моей памяти весь тот Берлин³ пропах апельсинами, и всю жизнь этот грустный запах воскрешает всё то не-грустное, всех вас, молодых и сильных творчеством, – и через все войны – весь строгий город, залитый солнцем.

И еще: с тех пор я Вас всю жизнь помню поэтом – не писателем, не публицистом и не несомненным борцом за гадательный мир – только поэтом!

Спасибо Вам большое за то, что так отозвались на мою

просьбу – сейчас иду к Вам за машинкой, а в субботу буду Вам звонить.

Целую Вас и Любу.

Ваша Аля.

Впервые (с неверным указанием источника всех писем к ИЭ) – А.Эфрон. Письма 1942–1975. Воспоминания. М., 1996. С.127. (Далее: А.Эфрон с указанием страниц). Все письма А.С.Эфрон здесь печатаются по подлинникам. Подлинник – собрание составителя.

¹ Имеются в виду письма ИЭ 1922 г. к М.Цветаевой (см. П1. № 133, 138, 139, 144, 146).

² Тетрадка Цветаевой «Письма моих друзей».

³ В 1922 г. М.Цветаева, как и ИЭ, жила в Берлине.

250. А.С.Эфрон

<Москва,> 4 октября 1955

Дорогой Илья Григорьевич! Не знаю, вернулись ли Вы, а звонить – стесняюсь, т.к. звонки всегда мешают.

Посылаю Вам (из маминой записной книжки) два письма к Вам¹, первое из которых Вы, наверное, впервые получите только сейчас, тридцать три года спустя. Знали ли Вы Чаброва², о котором рассказывает мама? Мы видели его в последний раз в Париже, в тридцатых с чем-то годах, ожиревшего, в засаленной рясе, с тонзурой. Принял католичество, сделался священником, получил нищий приход где-то на Корсике. Только глаза у него оставались лукавыми, но всё равно мы все себя с ним чувствовали очень неловко. Чабров – кюре! Какой-то последний маскарад. Ужасно! Что это за человеческие судьбы? Что ни судьба – то чертовщина какая-то.

Насчет второго письма – а как, всё же, отмелись сами мамыны Дон-Жуаны и плащи³. Я как раз перепечатывала стихи тех лет и так многое мне там «против шерсти». Театральность была не по ней – т.е. образ в образе – уже однажды придуманный Дон-Жуан – прошедший через литературу, театр, музыку, пришедший к ней уже истасканным

так, как может быть только Дон-Жуан, – и плащ такой же! и из вот этой истасканности и выжатости и изжитости что она могла сделать? Жест, поза, магия самого стиха, т.е. стихотворного приема, больше и нет ничего. Ее самой нет. А вот насчет Царь-Девиц, Егорушек⁴ и Руси – не знаю. Нет, это, конечно, не второстепенное. «Егорушку» Вы знаете?

Еще посылаю выписки из той же книжки, стихи («явно после ряда бесед с Э-гом»⁵). Как там хорошо про глиняный сосуд (Адам, созданный из глины!) и про остатки звериной крови в нем, в него! И еще стихи, написанные Вам вслед («Вестнику»)⁶. Есть ли у Вас (наверное, есть!) стихи, тоже Вам посвященные, тоже 1921 г., там, где «Вашего имени “р”»⁷ – и помните ли, по какому случаю они были написаны?

Илья Григорьевич, я подобрала и перепечатала лирику, к<отор>ая, думается мне, пошла бы для книги. Могли ли бы Вы прочесть и сказать, что Вы думаете, одним словом – посоветовать? Если да, то когда можно будет занести (или прислать) Вам стихи?

Я видела Тарасенкова, у него есть проза, к<отор>ой у меня нет (вообще у меня прозы сохранилось мало) и много книг, к<отор>ых у меня тоже нет – он думает, что надо готовить настоящее посмертное издание – и с поэмами, и с пьесами, и с прозой – а мне что-то страшно так размахиваться. Уж если сейчас не пропустят книгу, так это будет очень надолго, мне думается, что лирика сама по себе лучше пройдет? Вообще же ничего толком не знаю. А главное, как Иван-дурак на распутье, так и не могу решить, к кому идти с рукописью? Все мне одинаково страшно, неприятно (мало сказать!) и так непорядочно! Где найти чистые руки, в которые вложить эти стихи? О Боже мой, кому повею печаль свою?

Целую Вас и Л<юбовь> М<ихайловну>.

Ваша Аля.

Впервые – А.Эфрон, с.128-129. Подлинник – собрание составителя.

¹ Т.е. 2 из 4-х писем Цветаевой к ИЭ (№ 7-10), включая №9.

² См. примечание 3 к №9.

³ См. об этом в № 10 наст. изд.

⁴ Имеются в виду поэма-сказка Цветаевой «Царь-Девница» (1920), незавершенная поэма «Егорушка» (1921–1928).

⁵ Подзаголовок М.Цветаевой в сводных тетрадах.

⁶ Стихотворение Цветаевой (1921), связанное с выполненным ИЭ обещанием ей разыскать на Западе С.Я.Эфрона.

⁷ Имеется в виду цикл стихов Цветаевой «Сугробы» (1922), посвященный ИЭ.

251. М.З.Шагал

<Париж, октябрь 1955>

Дорогой Илья Григорьевич,
я Вам звонил сегодня утром, но Вас уже не было. Позвоните мне, если можете, комната 106¹. Я бы очень хотел Вас еще раз повидать. *Марк Шагал.*

Впервые – Диаспора. Вып. III, Париж–СПб., 2002. С.424. Подлинник – ГМИИ им. Пушкина. Ф.41. Оп.1 Ед.хр.1. Л.76. В те встречи 1955 г. ИЭ рассказал Шагалу, что Л.М.Козинцева-Эренбург приобрела в Москве его ранний автопортрет, что Шагала заинтересовало.

¹ ИЭ и Шагал жили в одной и той же гостинице «Pont-Royal».

252. М.З.Шагал

<Париж,> Octob. 1955

Дорогой Илья Григорьевич.

Спасибо большое за фото¹. Да это мой автопортрет, я думаю, 1914–1915 годов², когда я был в Витебске после Парижа. 2-ая «сестра» тоже. Я еще здесь. Я был рад Вас видеть.

Ваш преданный *Марк Шагал.*

Впервые – Диаспора. Вып. III. Париж–СПб., 2002. С.425. Подлинник – ГМИИ им. Пушкина. Ф.41. Оп.1 Ед.хр.1. Л.72.

¹ Имеются в виду фотографии двух холстов Шагала 1914 г.: автопортрет и портрет сестры художника, которые ИЭ послал Шагалу.

² На холсте отчетливая дата: «1914».

253. С.М.Алянский

Москва, 20 XII 1955

Многоуважаемый Илья Григорьевич,

Это письмо пишет вам бывший руководитель издательства «Алконост» (1918–1922) Алянский Самуил Миронович. Давно собираюсь сообщить Вам следующее:

Не помню точно, когда это было, в 1919 г. или в 1920 г. В одной из бесед с поэтом Александром Блоком я задал ему вопрос: кого из молодых поэтов он считает наиболее талантливым? Александр Александрович подумал и сказал, что из тех поэтов, которых он знает, наиболее талантливым ему кажется поэт Илья Эренбург.

Эти слова Александра Блока мне хорошо запомнились потому, что они тогда удивили меня.

Вы вправе осудить меня за то, что столько лет я таил от Вас драгоценные слова Блока.

Извините меня и, поверьте, что много раз мне хотелось рассказать Вам об этом разговоре, но почему-то хотелось это сделать лично, при встрече, но вот за 35 лет не нашлось случая познакомиться с Вами.

Кто знает, быть может, узнай Вы об этих словах Блока в 1920 г., они могли бы повлиять на Вашу писательскую судьбу.

Думаю, что и сегодня эти слова А.А.Блока доставят Вам нечаянную радость.

Пользуюсь случаем сказать Вам читательское спасибо за Ваш великий писательский и общественный труд. Особенно хочется пожать Вам руку за искреннюю и правдивую повесть «Оттепель», которую еще больше оценил после статьи лихача К.Симонова¹.

Поздравляю Вас с наступающим новым годом и от души желаю здоровья и славных писательских дел.

Уважающий Вас

С.Алянский.

Полностью впервые. Подлинник – собрание составителя. С.М.Алянский (1891–1974) – издатель, автор воспоминаний о Блоке.

¹ К.Симонов. Новая повесть Ильи Эренбурга // ЛГ, 17, 20 июля 1954.

253а. В.Н.Плучек

<Москва,> 30 декабря 1955

Дорогой Илья Григорьевич!

Коллектив спектакля «Только правда»¹ поздравляет Вас с Новым годом, желает доброго здоровья и успеха второй части «Оттепели», а также во всех других Ваших творческих делах. Мы продолжаем с большим увлечением трудиться над пьесой Сартра и до сих пор испытываем сожаление, что Вы не смотрели «Клопа»².

Всегда рады будем видеть Вас в нашем театре.

По поручению коллектива участников

режиссер *В.Плучек.*

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1762. Л.1. Валентин Николаевич Плучек (1909–2002) – режиссер (с 1950), главный режиссер (с 1957) Московского Театра сатиры, ученик Вс. Мейерхольда.

¹ Спектакль по пьесе Ж.-П.Сартра «Некрасов» (в авторизованном переводе ИЭ и О.Савича «Только правда»); премьера состоялась в марте 1956 г. (режиссер В.Плучек, художник Р.Фальк).

² Спектакль по пьесе В.Маяковского (постановка В.Плучека, 1955).

254. А.И.Гитович

<Ленинград; не позже 1955 г.>

Дорогой Илья Григорьевич!

Примерно в декабре 1943 года, когда я лежал в госпи-

тале – это было на Волховском фронте, – мне пришло в голову: а что если бы Люсьен из «Падения Парижа» остался жив, Люсьен, для которого «мир хорошел, люди становились милыми», который стал думать о товарище: «хороший человек».

В госпитале было время для размышлений, и я выдумал тогда французского поэта Анри Лякоста, соединив имя одного знаменитого теннисиста с фамилией другого. Я выдумал биографию этого поэта, выдумал его книгу «Горожане», а затем его стихи – солдата Армии Сопротивления. Грешным делом я включил в его второй цикл ранее написанное мной стихотворение «Европа».

Самое забавное, а может быть, и самое прекрасное заключается в том, что все мне поверили – от солдат до весьма известных литературоведов. Я читал стихи своего француза, говорил: «вот если б у нас писали так о любви и родине».

Сейчас как будто собираются печатать некоторые стихи Лякоста, разумеется, вторую часть.

Посылая Вам все это, я прошу о следующем: если стихи понравятся Вам, не разрешите ли Вы мне посвятить их Илье Григорьевичу Эренбургу, без которого этих стихов не могло бы быть на свете, и тем самым выразить ему свое самое глубокое уважение и самую сердечную благодарность¹.

Всегда Ваш *Ал. Гитович*.

Впервые – ВЛ, 1993, №1. С.273. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1435. Л.2.

¹ Цикл Гитовича «Из Анри Лякоста» публикуется в его книгах без посвящения ИЭ, но с кратким предисловием автора, в котором упоминается роман «Падение Парижа», но без имени ИЭ (см., например: *А. Гитович. Избранное. Л., 1973. С.72*).

1956

254а. М.А.Шолохов

Москва, 25.2.<19>56

ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ В ДЕНЬ ТВОЕГО 65 ЛЕТИЯ ПРИМИ ОТ МЕНЯ ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ И САМЫЕ ДРУЖЕСКИЕ ПОЖЕЛАНИЯ ТЧК НАШИ ТВОРЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ НЕ МОГУТ УБАВИТЬ ВЫСОКОЙ МУЖСКОЙ ЛЮБВИ К ТЕБЕ КАК ХУДОЖНИКУ СЛОВА ТЧК КРЕПКО ОБНИМАЮ ТЕБЯ И ЦЕЛЮЮ ТЕБЯ ЗПТ ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ЗПТ И ЖЕЛАЮ ЧТОБЫ ТВОЕ ПЕРО БОЛЬШОГО ПИСАТЕЛЯ НАШЕЙ ЭПОХИ ЕЩЕ ДОЛГО СЛУЖИЛО НА СЛАВУ НАШЕЙ РОДИНЫ = ТВОЙ ШОЛОХОВ

Полностью впервые; цитировалось в статье А.Рубашкина «Виза времени» (1961). Подлинник – ФЭ. Ед.хр. 2390. Л.1. По свидетельству сотрудника Литмузея П.Л.Вайншенкер, встретившись в феврале 1956 г. по делам музея с М.Шолоховым в Москве, она сказала ему, что музей собирается 27 февраля отметить 65-летие ИЭ, и, заметив, что ходят-де слухи о его ссоре с ИЭ, спросила: так ли это. В ответ Шолохов сказал, что он с ИЭ не ссорился, и, получив от Вайншенкер приглашение в музей на вечер ИЭ, направил на адрес музея эту телеграмму. Ссора ИЭ с Шолоховым произошла в Куйбышеве в ноябре 1941 г. на почве антисемитских высказываний Шолохова (отголоски этого см. в №24); в дальнейшем Шолохов неоднократно позволял себе публичные нападки на ИЭ, вплоть до мая 1967 г. на съезде писателей (подробнее см. 2-ю главу 7-й книги ЛГЖ и комментарии к ней).

255. А.С.Эфрон

Москва, 27 февраля 1956

ПУСТЬ ДОЛГО И ЖАРКО БЬЕТСЯ ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ ЭРЕНБУРГА = АЛЯ

Впервые. Собрание составителя. Телеграмма, отправленная по случаю празднования 65-летия ИЭ (оно прошло с опозданием ровно на месяц из-за его поездки в Индию в январе); в этот день в Литературном музее был вечер ИЭ.

256. Д.Д.Шостакович

Москва, 28 II 1956

Дорогой Илья Григорьевич!

Горячо поздравляю Вас с 65-летием. Желаю Вам много сил и здоровья, больших творческих успехов. Крепко жму руку.

Д.Шостакович.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2391. Л.3.

257. Р.Л.Кармен

Нью-Дели, 14 апреля 1956

Милый, дорогой Илья Григорьевич!

Привет Вам и Любви Михайловне из прекрасной Индии, которая после вашего отъезда¹ превратилась в такое пекло, что в сравнении с этим дни, проведенные Вами здесь, были арктической экспедицией.

Очень много работаем. Шаг за шагом снимаем страну. Много красивого, много интересного. Очень широко захватываем все области жизни, быта, труда людей, снимаем прелестные памятники индийской культуры, снимаем красивых, мужественных, гордых и трудолюбивых людей, снимаем восходы солнца над Эверестом, Гангом, океаном, снимаем писателей и художников, металлургов и рыбаков, ученых и школьников, охотников за дикими слонами и красавиц Индии с огромными мечтательными глазами. Снимаем охоту на тигров и крокодилов, Аджанту² и Эллору³, древние обсерватории и врачей, извлекающих яд из зуба кобры в Тропическом Институте... Я напоминаю Вам, Илья Григорьевич, как обратился я к Вам с просьбой на-

писать текст к фильму Вьетнам. Вы отказались потому, что не были во Вьетнаме. В Индии Вы были. Сейчас Вы можете сказать, что были недолго. А я скажу, что иной два года, десять лет проведет в Индии и не познает, не прочувствует ее так, как поняли, прочувствовали эту страну Вы. Я уже не говорю о том, что так, как Вы, могли бы написать... Одним словом, Вы уже, очевидно, начинаете догадываться, о чем я прошу Вас. Илья Григорьевич, не откажите мне в этой просьбе! Возьмитесь написать текст к моему фильму. И, зная Вас, я прошу не только о тексте. Посмотрите материал, который мы снимаем, посоветуйте, пусть после просмотра стенографистка запишет ваши замечания, мысли, колючие реплики, и может быть, и похвалу. Я знаю, как не любите Вы, как принципиально порицаете Вы практику приглашения писателя писать текст на готовый материал. В данном случае у Вас полная возможность, просмотрев сырой материал, продиктовать нам свое отношение к материалу, помочь нам увидеть материал в таком ракурсе, который будет соответствовать Вашему отношению к этой стране, к ее народу.

Очень прошу Вас согласиться. Во имя нашей старой дружбы, которая возникла тогда, когда мы с Вами сделали тот маленький фильм об Испании, который был Вами смонтирован в Париже зимой 1936 года!

А если согласитесь, дайте мне телеграмму в Дели в посольство. Только одно слово: «СОГЛАСЕН».

Обнимаю Вас! Сердечный привет Любове Михайловне.

Ваш *Рима*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1657. Л.3. Р.Л.Кармена близкие друзья звали Рима; о дальнейших контактах Кармена с ИЭ по поводу фильма об Индии см. № 261.

¹ ИЭ был в Индии в январе 1956 г.; об этом он рассказал в очерках «Индийские впечатления» (1956). В Индии он также встречался с Карменом.

² Аджанта (Западная Индия) прославлена высеченными в скалах буддийскими монастырями (II в. до н.э. – VII в. н.э.).

³ Эллора – деревня в Индии, где расположены 34 высеченных в скале храма (VI–XIII вв.).

258. А.С.Эфрон

<Москва,> 22 апреля 1956

Милый друг Илья Григорьевич, – вот заявление той женщины, о которой я Вас просила¹. Я знаю её 8 лет – речь о помощи могла идти раньше, когда мы все в ней нуждались, сейчас же речь идет просто о спасении человека qui n'en reut plus². Дорогой спаситель утопающих, еще раз помогите еще одному очень хорошему, очень несгибаемому в те кривые времена и значит – очень измученному человеку, кроме того – отличнейшему специалисту в своей области. Если бы Вы могли ходатайствовать о направлении её на работу в какой-н<и>б<удь> определенный педвуз (любой в средней полосе!) – где есть нужда в хороших преподавателях английского, а то ведь они ответят, что она может обращаться по конкурсным объявлениям, – чем она занимается не первый год! – и опять у неё ничего не получится.

Простите за все эти просьбы, но кому же повем печаль свою! у меня тоже никого больше нет.

Целую Вас и Любовь Михайловну.

Ваша Аля.

Сейчас купила «Знамя» с «Оттепелью»³. Отдельной книгой выйдет? Журнал совсем не то. Только что перевела очень интересного Арагона о фр<анцузской> литературе – письмо по поводу нашей статьи.

Впервые – А.Эфрон, с.137. Подлинник – собрание составителя.

¹ Имеется в виду Ада Александровна Шкодина (1901–1996), с которой А.С.Эфрон жила вместе в туруханской ссылке.

² Который доведен до крайности (франц.)

³ Вторая часть «Оттепели» (Знамя, №4, 1956); обе части повести вместе вышли отдельным изданием в том же 1956 г.

⁴ В вышедшей в Москве в 1957 г. книге статей Л. Арагона «Литература и искусство» переводов А.Эфрон не было; о какой статье о

франц. литературе «по поводу нашей <?> статьи» идет речь – неизвестно.

259. А.С.Эфрон

<Москва,> 22 мая 1956

Дорогой друг Илья Григорьевич! Гослитиздат должен был направить Вам рукопись маминой книги. Они, т.е. она, редакторша книги, Сергиевская¹, конечно, хочет выбросить несколько хороших стихов под самыми разными предложениями. И сама-то я уже, по-моему, достаточно исковеркала книгу, придав ей наибольшую, такую не свойственную маме обтекаемость, но когда туда же и рак с клешней, тогда делается совсем нестерпимо. В общем, я ей сказала, что ни с её мнением, ни с мнением редактора редакции, ни с мнением вообще каких бы то ни было редакционных работников я считаться не могу, не считая их достаточно сведущими в вопросах поэзии, и что предлагаю им обратиться с этими спорными стихами к Вам – как Вы скажете, так пусть и будет. Я не уверена, что они направили Вам и эти, спорные по их мнению – стихи, поэтому переписала некоторые из них на Ваш суд.

Стихи «Писала я на аспидной доске» они считают непонятными – особенно последнее четверостишие. Они не понимают, что имя написано внутри обручального кольца, что оно может жалить сердце, что оно могло остаться непроданным вместе с золотым кольцом в те годы, когда загонялось всё ради куска сомнительного хлеба, одним словом, они ничего не понимают. А я считаю этот стих вообще одним из лучших.

«Занавес» они считают непонятным.

«Напрасно глазом – как гвоздем» – тоже считают непонятным. Как это мол умерший может остаться «в нас», т.е. в памяти нашей, и вместе с тем «совсем уйти, со всем уйти»?

Кстати, этот стих печатался в «Современных записках», и тогда редакция выкинула без маминого ведома 5-ое чет-

веростишие, про попов – а здесь вовсе не хотят печатать.

И теперь «Германии».

Эта дура (редакторша!) считает, что стихотворение направлено против Германии как таковой, а не против фашистской Германии, т.к. в нём ни разу не сказано слово «фашизм». Будь, мол, оно озаглавлено «Фашистской Германии»... и т.д. По-моему, это просто возмутительно! Весь стих говорит именно о фашизме, именно о войне – а у них и войны как ни бывало, и фашизма как ни бывало, и той Германии, с которой мы сражались, тоже как ни бывало.

Стихотворение из того же цикла «Взяли» («Брали скоро и брали щедро») они тоже не хотят брать, ни скоро, ни щедро, т.к. там в эпитафии сказано «Чехи подходили к немцам и плевали». Потому что в эпитафии не сказано, на каких немцев они плевали? Ибо ведь бывают всякие немцы – а вдруг чехи плевали на хороших, на симпатичных немцев? А это некультурно, и, кроме того, мы сейчас стараемся урегулировать свои отношения с немцами. Вот если бы в эпитафии было сказано, что они плевали именно, скажем, на гестаповцев...

Почему это у нас, уж если бьют (немцев, французов и прочих шведов), так уж до смерти, а если лизут – так до беспамятства?

Я не хочу калечить этот цикл, и, думаю, Вы тоже не захотите.

И еще кое-какие стихи они хотят выбросить, но я с переполоху сейчас даже не могу припомнить, какие. Я запомнила то, с чем более всего несогласна.

Кроме того, посылаю Вам мамин ответ на анкету, видимо, 1926 г., к<отор>ая, м.б., пригодится Вам для предисловия, из-за биографических данных. Библиографические же данные там далёко не полные. Среди сборников тех лет не упомянуты «Стихи к Блоку», «Стихи к Ахматовой», «Разлука», и вообще многое упущено.

Ах, Боже мой, как я счастлива, что Вы будете писать предисловие!² Вы единственный, который может это сде-

лать – и сердцем, и умом, и знанием её творчества, и чистыми руками! А у остальных – если сердце есть, так в голове не хватает, умишко есть, так сердца недостает, а о чистых руках и говорить не приходится. Чаще же всего совсем ничего «не дано». И я злею с каждым днем. Очень хочется Вас увидеть. Когда будет минутка свободная – позовите меня, я очень Вас люблю!

Ваша *Аля*.

Ради Бога, сообщите мне, когда и если будет какой-нибудь ответ насчет моей приятельницы. Это такой груз на моей душе!

И из прокуратуры ни ответа, ни привета уже третий год. «Пересматривается» и всё тут. Всё же нестерпимые сроки – для ещё живых людей!

В конце этого месяца должно быть заключение прокуратуры по папиному делу, видимо, посмертно – благополучное³.

Целую Вас и Л<юбовь> М<ихайловну>.

Впервые – А.Эфрон, с.140-141. Подлинник – собрание составителя.

¹ Мария Яковлевна Сергиевская (1906–1962).

² Вступительная статья ИЭ к книге стихов М.Цветаевой была напечатана в альманахе «Литературная Москва» (сб.2, М., 1956); в связи с резкой критикой альманаха и статьи ИЭ (в частности, из-за доноса Е.Серебровской) издание книги Цветаевой было сорвано, книга вышла лишь в 1961 г. без предисловия ИЭ.

³ 22 сентября 1956 г. С.Я.Эфрон был полностью реабилитирован.

260. Б.Н.Полевой

Москва, 31 мая 1956

Дорогой Илья Григорьевич!

Вчера я обедал с Моравиа¹, он с большой теплотой рассказывал о том, как гостил у Вас, и очень встревожил меня, заявив, что Вы были не то нездоровы, не то, по его словам, «очень грустны». Что с Вами? Может быть, чем-ни-

будь можно помочь? Во всяком случае, слова этого хорошего итальянца очень меня взволновали и, если действительно я что-нибудь могу сделать для Вас, я это с удовольствием сделаю.

Теперь о Николасе Гильене². Вы знаете наши порядки. План приезда у нас в этом году был сокращен ровно вдвое, и все связано с самой жесткой сметой. Гильен же у нас бывал неоднократно, и в последний раз сравнительно недавно. Хотя желание его хорошее и доброе, сделать что-нибудь для его осуществления я сейчас бессилён. Может быть, Вы, как вице-президент Всемирного Совета мира, имеющий большой авторитет среди «мирошников»³, сможете помочь ему в этом направлении. Я, со своей стороны, позвоню Будаеву.

Привет Вам сердечный, поклон супруге.

Ваш *Б.Полевой*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2051. Л.2. Борис Николаевич Полевой (1908–1981) – журналист и писатель, деятель Союза писателей.

¹ Альберто Моравиа (1907–1990) – итальянский писатель.

² Кубинский поэт Николас Гильен (1902–1989), живший тогда в Париже, написал ИЭ, что хотел бы приехать на месяц в СССР, 25 мая 1956 г. ИЭ запросил Полевого, может ли Гильена пригласить Союз писателей.

³ Имеются в виду функционеры Советского комитета защиты мира.

261. А.С.Эфрон

<Москва,> 2 июня 1956

Милый друг Илья Григорьевич,

«После России»¹ есть только в Ленинской библиотечке, у Тарасенковой², говорят, у Симонова, и у Вас была³. Так что мне пришлось взять у Тарасенковой оглавление сборника и восстановить книгу по рукописям. Простите, что от руки, иначе не успела бы, но я думаю Вы все разберете, т.к. стихи знакомы Вам. В рукописях (маминых) есть

небольшие пробелы, видимо, места, к<отор>ые она хотела менять, но уже сличать с тарасенковским экземпляром не смогла, если понадобится Вам, то сделаю это.

Целую Вас, золотое сердце, и Любу.

Ваша Аля.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ Книга стихов М.Цветаевой (Париж, 1928).

² Писательница М.И.Белкина, вдова А.К.Тарасенкова, умершего 14 февраля 1956 г.

³ Видимо, ИЭ находился на даче, так что А.С.Эфрон не смогла воспользоваться его экземпляром книги «После России».

262. Р.Л.Кармен

Нью-Дели, 11 июня 1956

Дорогой Илья Григорьевич!

Я был счастлив, получив Ваше согласие писать текст для «Индии»¹. Прочтя Вашу статью², я еще раз убедился, что кроме Вас никто не должен и не мог бы писать текст. Никому не под силу было бы высказать с экрана глубокие, мудрые мысли о прошлом, настоящем и будущем этой замечательной страны.

Беру на себя смелость сказать, что одинаково с Вами вижу страну и думаю о своем будущем фильме. В Вашей статье я нашел все, что мне мучительно захотелось рассказать о стране и народе Индии. Не хочу делать прилизанный фильм, отражающий в лобовом плане только положительное, позитивное. Мне именно хотелось пайти возможность показа и темных сторон – бедности, примитивности трудовых процессов, показать это, не обидев индийцев.

Очень мне понравилось в Вашей статье острое видение деталей жизни, быта, одежды, все этих существенных «мелочей», которые я все время умоляю своих операторов снимать: пища, одежда, облик людей, дети, улица, торговля, растения, цветы и пр. и пр. Таких репортажных зарис-

совок, очевидно, у нас набралось уже немало. Много снято в Аджанте – Эллоре. Думаю, что материал в общем Вам понравится. Есть и трудность: индийцы просят не заострять тему британского колониализма, не пережимать в эту сторону, не ругать прямо англичан. Полагаю, что мы сумеем найти пужную форму, разумеется, не умолчав о временах колониального гнета и о национально-освободительной борьбе. Для этого я сейчас приступаю к раскопкам фильмотеки. Найду исторические кинодокументы (ничего, что они черно-белые), выступления Ганди, молодой Неру, провозглашение независимости, демонстрации антианглийские и пр.

Буду в Москве около 1 июля. Около 10 июля покажу вам вчерне подобранный материал.

Был в Бомбее, когда получил Вашу телеграмму. Аббас³ тут же на приеме рассказал всем, что Эренбург будет писать текст к фильму «Индия» и, как видите, уже индийцы обрадованно подхватили эту весть. В интервью, которое я Вам посылаю, я не обмолвился и словом об этом, памятуя Ваши оговорки, но они эту новость подхватили и даже тиснули в заголовок.

Очень Вы оставили хороший след здесь в Индии. Имя Ваше здесь очень популярно, вспоминают Ваши выступления. Статью Вашу я дал в посольство, думаю Вы не будете возражать, если они ее переведут здесь и обнародуют. Если по каким-либо соображениям возражаете, дайте телеграмму. Если не будет телеграммы от Вас, значит согласны.

Мы с Ниной идем по Вашим пятам – строим дачку и мечтаем о хорошем саде, о плодах, цветах. Поделитесь с ней опытом. Мне Любовь Михайловна говорила, что Вы добились больших успехов. Она рассказывала, что Вам удалось уже снизить себестоимость парникового огурчика до 900 рублей за штуку!...

Жму крепко Вашу руку! Привет сердечный Любви Михайловне.

Ваш *Р.Кармен.*

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1657. Л.5.

¹ В итоге ИЭ не удалось осуществить эту работу.

² «Индийские впечатления» (ЛГ, 17 апреля 1956).

³ Ходжа Ахмад Аббас (1914–?) – индийский писатель и кинорежиссер.

263. Р.Вайян

Париж, 28 июня 1956

Мой дорогой Илья!

Гонорар за «Пьеретту Амабль» пришел; я уверен, что этим обязан в большой мере Вашей верной дружбе и Вашим хлопотам, от души Вас благодарю.

Это тем более кстати, что я, после переживаний этого года¹, я все еще не пришел в себя: не могу писать и опаздываю с договорами.

Мы с Элизабет избородили Италию в погоне за теплом. Во Франции в этом году холодно. Кроме того, мы решили пожить некоторое время вне политики. В конце концов, мы нашли маленький домик на берегу Адриатического моря, в глуши Пуи, среди африканского пейзажа. Мы жаримся на солнце, просаливаемся и перечитываем Плутарха и Светония, что невольно возвращает нас к сегодняшнему дню.

Привет от нас Любе

Привет от нас Ирине.

Ваш верный и любящий

Роже Вайян.

Впервые – ДП. С.671. Здесь – в переводе И.И.Эренбург. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1347. Л.13.

¹ Речь идет о том ошеломлении, которое Вайян испытал, познакомившись с текстом доклада Н.Хрущева на XX съезде КПСС, в котором разоблачались преступления Сталина.

264. Бельгийская королева Елизавета

Лакенпалэ, 29 июля 1956

Глубоко тронута Вашей сердечной телеграммой и добрыми пожеланиями. От всего сердца благодарю Вас и всех подписавших сторонников мира Советского Союза.

До свидания

Елизавета.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1552. Л.1. Елизавета (1876–1965) – королева Бельгии, вдова короля Альберта; ИЭ писал о встречах с ней в 22-й главе 6-й книги ЛГЖ. Ответное письмо на поздравление с 80-летием.

265. А.С.Эфрон

<Москва,> 4 августа 1956

Дорогой Илья Григорьевич! Я как благодарная лошадь из немецкой книжки, помните, ветеринар ее вылечил, а она из благодарности приводила к нему все еще и еще больных лошадей. Теперь речь идет о старшей маминой сестре Валерии Ивановне Цветаевой¹, которую Вы не знаете, и с которой я сама познакомилась впервые в жизни в этом году. Несколько дней тому назад я приехала к ней в Тарусу, чтобы записать с ее слов все, что она помнит (ей 73 года) о Цветаевых, и зарисовать то, что в Тарусе еще сохранилось от времен маминого детства и ранней юности, проведенных здесь. Таруса – настоящее цветаевское гнездо. В двух шагах от участка, о котором пишет Вам Валерия Ивановна, находится бывший дом моего деда, Ивана Владимировича Цветаева², создателя первого в России Музея изящных искусств. Теперь там (не в музее, конечно, а в тарусском доме и вокруг него) – дом отдыха. Через улицу – дом Тарусских хлыстовок (мама много о них писала, да, впрочем, они сейчас к делу не относятся, да и осталось от них, от их Христа и Богородицы, одна только постройка!). В Тарусе похоронены моя прабабка и бабушка по материнской линии, го-

родской бульвар с огромными липами был более полувека тому назад – куда больше полувека! – засажен этими самыми липами моим двоюродным дедом, одним словом, связью Цветаевых с Тарусой более чем вековая связь!

Сад, о котором Вам пишет Валерия Ивановна, – настоящее чудо на берегу Оки, настоящее чудо человеческих рук, души и вкуса. А теперь по нему каждый день шатаются какие-то претенденты на строительство, какие-то околотераторы и околкинематографисты со средствами, достаточными для того, чтобы скупить оптом и в розницу всю Тарусу вместе с ее райисполкомом. Как я Вам писала, Валерии Ивановне 73 года, ее мужу, преподавателю древних языков и доценту этой кафедры в институте иностранных языков С.И.Шевлягину – 77 лет. Он до сих пор преподает и работает над составлением латинского словаря. Ужасно будет, если под самый конец жизни старики останутся на чужих задворках, если отнимут и испортят выращенный ими питомник. А я думаю, что если Вы за них заступитесь, за них и за их сад, перед этим самым райисполкомом, то это возымеет действие и от них отстанут.

Жалко роз, лилий, амурского винограда, каприжоллий, сирени, жасмина, маминой бузины, флоксов всех цветов радуги, молодых кустарников и тенистых деревьев, жалко и людей, отдающих им неумирающую человеческую любовь к этой, с каждой весной возрождающейся красоте. А сверх того жалко мне хорошего, чистодушевного цветаевского рода, который кончится в больших и малых, всегда незаслуженных обидах – от маминой, ничем не смываемой обиды, до цветочной обиды старшей ее сестры. Если можете, еще раз помогите, золотое сердце Эренбурга!

Спасибо Вам за все на свете. Привезла я сюда и свою реабилитированную приятельницу, которой Вы так помогли³, и она здесь постепенно отходит от бескрайнего Крайнего Севера.

Целую Вас и Л<юбовь> М<ихайловну>.

Ваша Аля.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2433. Л.1.

¹ В.И.Цветаева (1883–1966) – сводная сестра М.Цветаевой послала ИЭ, как депутату Верховного Совета СССР просьбу защитить ее дачный участок; 7 августа 1956 г. ИЭ обратился к тарусским властям с запросом и 22 августа получил положительный ответ; его письмо В.И.Цветаевой от 28 августа 1956 – см. П2, №368.

² И.В.Цветаев (1847–1913) – создатель Музея изящных искусств в Москве (ГМИИ им.Пушкина); отец М.И.Цветаевой.

³ См. № 258.

266. Е.Г.Полонская

Эльва, 19 VIII <19>56

Дорогой Илья,

не писала тебе давно, а ты мне еще дольше. Но я читаю газеты, или, точнее говоря, просматриваю их, а потому кое-что о тебе знаю. В этом году мне не удалось побывать в Москве, не захотелось. Провожу лето под Тарту, в эстонском городке. Эти места я люблю. Посылаю тебе стихотворение, которое написала здесь. Не потому, что ты похвалил Слуцкого – надо же, чтобы немолодого поэта хоть старый поэт оценил, пусть ценою маленькой неприятности¹. А просто потому, что я в этом году все вспоминаю твои строки:

«Жалко в жизни мне еще дождя

Тихий, он по камушкам попрыгивал».

Прости, если цитирую неточно. Так давно читала эти стихи, листочки корректуры где-то лежат у меня дома². Хорошие стихи!

До свиданья, дорогой.

Лиза.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2055. Л.8.

¹ Имеется в виду статья ИЭ «О стихах Бориса Слуцкого» (ЛГ, 28 июля 1956), вызвавшая нападки на ИЭ (см., например, примеч. 2 к №267). ИЭ связывали с поэтом Борисом Абрамовичем Слуцким (1919–1986) очень дружеские отношения.

² Авторская машинопись этого не сохранившегося у ИЭ стихотворения без названия из неопубликованной при жизни автора книги «Не переводя дыхания» (1923) действительно была разыскана в архиве Полонской и напечатана в 1984 г. (альбом. «Поэзия», № 40).

267. А.С.Эфрон

<Москва,> 2 сентября 1956

Дорогой Илья Григорьевич! Очень большое спасибо Вам за Валерию Ивановну <Цветаеву> – Ваше письмо в Татарский горсовет помогло, она получила от них бумажку, в которой говорится, что они не посягают на ее владения – и слава Богу. Уж очень хороши там цветы и хорош простор и покой, в котором старятся эти странные и милые люди – он над составлением латинского словаря, она – над разведением парковых роз и какой-то французской ремонтантной малины. Спасибо Вам за то, что Вы помогли им сохранить все эти богатства. Валерия Ивановна – дочь моего деда от первого брака, и через всю жизнь она пронесла – с юной силой и непосредственностью – ненависть к мачехе (матери моей мамы) и желание не походить на сестер от второго брака. Так, она абсолютно не понимает стихов, и считает, что мама моя всю жизнь занималась ерундой, в то время как могла бы делать что-нибудь полезное. Свое отличие от Цветаевых она подчеркивает, скажем, тем, что «держит» козу, на что, конечно, никто из наших не был бы способен. Коза отвратительная, бодучая, молока с нее, как с козла, и все с ней *aux petits soins*¹, но зато она – живая реальность, скотина, ничего общего не имеющая с поэзией и прочими цветаевскими фантазиями.

Что это за сукин сын, который написал свои соображения (свои ли?) по поводу Вашей статьи о Слуцком²? Для простого преподавателя физики, или химии, или Бог знает чего там еще, он удивительно хорошо владеет всем нашим (советским) (не-советским!) критическим оружием – т.е. подтасовками, извращениями чужих мыслей, искаже-

нием цитат, намеками, ложными выводами и выпадами. Кто стоит за его спиной?

А всё-таки хорошо! Не удивляйтесь такому выводу – мне думается, хорошо то, что истинные авторы подобных статей уже не смеют ставить под ними свои имена, ибо царству их приходит конец, они прячутся по темным углам и занимаются подстрекательством, но оружие, которым они так мастерски владели, уже выбито у них из рук. И вот они пытаются всучить его разным так называемым «простым людям», тем самым «простым людям», той категории их, которой каждый из нас имеет право сказать: «сапожник, не суди превыше сапога!».

Ну, ладно.

Мамина книга тихо продвигается по гослитовским дорожкам, оформление уже готово, видимо, скоро сдадут в печать. 31-го августа было 15 лет со дня маминой смерти. Этот день, верно, помним только мы с Асей³ (кстати, она переехала в г.Салават, к сыну Андрею⁴, к~~отор~~ый недавно освободился). В альманахе московских поэтов, к~~отор~~ый должен выйти в сентябре, тоже будут мамины стихи⁵, к сожалению с тарасенковским очень плохим введением, или как его назвать.

Целую Вас и Л<любовь> М<ихайловну>.

Ваша Аля.

Впервые – А.Эфрон, с.146-147. Подлинник – собрание составителя.

¹ Здесь: носятся (франц.).

² Имеется в виду публикация в ЛГ за 14 августа 1956 г. статьи «На пользу или во вред?», подписанной школьным преподавателем физики Н.Вербицким, оспаривающей статью ИЭ «О стихах Бориса Слуцкого».

³ Анастасия Ивановна Цветаева (1894–1993) – писательница, сестра М.Цветаевой; ИЭ был знаком с ней с 1920 г.

⁴ Андрей Борисович Трухачев (1912–1993) – сын А.И.Цветаевой.

⁵ Имеется в виду публикация в «Дне поэзии, 1956» наряду с публикацией стихов М.Цветаевой в альманахе «Литературная Москва» (сб.2, М., 1956), где стихам была предпослана статья ИЭ.

268. Р.Вайян

Париж, 5 сентября 1956

Дорогой Илья,

Издательство Корса, которое находится в 1-ом ряду издательских домов второго ранга, просит меня свести их с Вами. Они хотели бы Вас попросить написать для них о Ленине. Пожалуйста, скажите мне, что я должен им ответить¹.

Чаковский² просит у меня для Иностранной литературы короткий этюд (исследование) о Вашем творчестве. Очень пространный сюжет для «короткого исследования». Я предлагаю сконцентрировать исследование на теме «Эренбург – французский писатель»³. Согласны ли Вы?

Мы возвращаемся, Элизабет и я, из длинного путешествия по южной Италии, откуда появится будущий роман. Потому что ускоренная эволюция «исторических событий»⁴ заставила отказаться от всех текущих проектов.

Закончила ли Ирина перевод «325 000 франков»?⁵ У меня нет ее адреса. Мне бы очень хотелось получить вести о ней.

Привет Любе.

Очень сердечно

Роже.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1347. Л.7.

¹ ИЭ это предложение не принял.

² Александр Борисович Чаковский (1913–1998) – писатель, в то время главный редактор журнала «Иностранная литература».

³ Такой этюд Р.Вайяна в журнале «Иностранная литература» не появился.

⁴ Речь идет об антисталинском докладе Хрущева на XX съезде КПСС.

⁵ Эта повесть Вайяна (1955) в СССР вышла в переводе И.И.Эренбург.

269. Веркор

Париж, 13 сентября 1956

Мой дорогой друг,

Вот закончился отпуск, издатели распахивают вновь свои двери, и я готов начать действовать для нашей выставки¹.

Однако, прежде чем браться за это, мне бы хотелось получить некоторые известия. Сначала, конечно, узнать, сохраняет ли силу этот проект? Затем, если это так, получить несколько уточнений материального и финансового порядка: допускаете ли Вы получение небольшой суммы для покупки репродукций, которые я не смогу получить бесплатно? Или же я должен буду удовлетвориться тем, что мне смогут предложить? Могу ли я считать, что мне помогут? Я думаю о молодом художнике, который был бы, я это знаю, очень заинтересован этой работой и для которого приглашение в Москву (для участия в презентации произведений) чудесным образом заменило бы денежное вознаграждение... Я Вам это говорю запросто. Вы мне ответьте так же².

Если надо сделать все без денег, я устроюсь. Это будет немного дольше и, конечно, не столь полно. Но не сомневаюсь, что в любом случае результат будет таким, как мы и хотим.

Итак, жду Вашего ответа, а пока что Рита³ и я шлем Вам и Любе наш самый дружеский привет.

Веркор.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1364. Л.1. Веркор (Жан Брюллер; 1902–1991) – франц. писатель, с которым ИЭ познакомился после Отечественной войны, в 1940-х гг.

¹ Речь идет о плане проведения в Москве выставки французской художественной репродукции.

² Отвечая Веркору, ИЭ написал, что выставка откроется в ноябре-декабре 1956 г. и что валюты для закупки репродукций Общество «СССР–Франция» не имеет (см. П2, №369).

³ Жена Веркора.

270. Р.Веркор

Париж, 14 сентября 1956

Дорогой друг,

я присоединяю эти несколько слов к письму Жана¹, адресованному Вам, чтобы написать о существовании фильма по искусству, который он сделал и о котором я Вам говорила в свое время.

Речь идет о короткометражном фильме под названием «Трагический поиск совершенства – Леонардо да Винчи», исполненном во французской и английской версиях, где мы сотрудничали с продюсером мадам Теодорой Олембер. Нам кажется, что предполагаемая Выставка будет служить отличным случаем показать этот фильм в Москве (и в других местах) в присутствии моего мужа.

Наш друг мадам Олембер будет вполне расположена, я это знаю, послать фильм туда, где пожелают иметь копии, если все необходимые меры принять заблаговременно. Я ее просила послать Вам непосредственно проспект, в котором найдете все подробности о фильме.

Если это предложение кажется Вам интересным, предлагаю Вам связаться с мадам Т.Олембер².

Сердечно

Рита Веркор.

P.S. Мы получили хорошие вести от Фаржетт³, которая погружена во Внешнюю Монголию.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1365. Л.2. Рита Веркор – жена писателя Веркора.

¹ См. №269.

² ИЭ писал Веркору: «Мы будем рады показать фильм, о котором мне сказала Рита в письме ко мне. Я беру на себя сказать об этом мадам Олембер» (см. П2, № 369).

³ Так звали друзья вдову Ива Фаржа (политического и общественного деятеля Франции, писателя и художника, погибшего в автомобильной катастрофе в СССР в 1953 г.).

271. Е.Л.Шварц

<Ленинград,> 23 X <19>56

Дорогой Илья Григорьевич!

Спасибо от всей души за поздравление¹. Я с давних пор привык Вам верить, поэтому добрые слова показались мне особенно приятными.

Простите за почерк². Не думайте, что это от того, что мне шестьдесят. Всегда так было.

Низкий поклон Любови Михайловне.

Ваш *Е.Шварц*.

Впервые – в коммент. к П2 (с.413-414). Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2377. Л.1. Евгений Львович Шварц (1896–1958) – драматург, ему посвящена 14-я глава 7-й книги ЛГЖ.

¹ Поздравление ИЭ с 60-летием Шварца (22 октября 1956) – см. П2, № 373.

² ИЭ писал в ЛГЖ о почерке Шварца, что его большие буквы «содрогаются, как фигуры людей на рисунках Джакометти» (8, 495).

272. К.Морган

<Париж,> 15 ноября 1956

Дорогой Илья,

Я решил написать Вам, чтобы Вы абсолютно ясно представляли себе мою позицию.

Я был в Венгрии в сентябре и хорошо знаю, что это восстание всего народа, который не мог больше переносить страдания и нищету¹. Отрицать это абсурдно. Столь же абсурдно было бы отрицать, что фашистские элементы присоединились к этому восстанию. Выступление советской армии против восставшего народа (а народ не прекращал сопротивления до конца, потому что именно рабочие кварталы пришлось усмирять последними орудийными залпами прямо по домам), это выступление советской армии я, вместе со многими другими, ощутил как кровавую рану.

Красная армия – это армия-освободительница, она не имеет права – не опрокидывая чудовищным образом основных моральных ценностей – делать то, что другие армии, например, французская армия в Алжире. Невозможно защищать право народа распоряжаться своей судьбой, говоря о Египте или Алжире, и отрицать это право народа в Будапеште.

Я, конечно, удержался бы от публичного выступления, если бы Французская коммунистическая партия – в каком-то глупом рабском рвении, единственная из братских партий – не сочла бы за благо поддержать действия советской армии в Венгрии.

Можно было бы сказать: не было иного выхода, и оплатить жертвы. Но посылать поздравления невозможно, не обесчестив себя. Вот почему я вместе с Роже Вайяном и Клодом Руа подписал Декларацию протеста, составленную Веркором².

Сообщая Вам это, я уверен, что в ближайшее время мы будем исключены из партии: во-первых, потому что позиция руководства партии в данный момент ужесточилась после нападения фашистских элементов на здание партии (нападения, кстати, против которого ничего не было предусмотрено, хотя о нем было объявлено в листовках, расклеенных по всему Парижу); а во-вторых, потому что оппозиционное движение среди интеллигенции нарастает неумолимо.

Что будет с журналом?³

Пьер⁴, с которым мы вчера ужинали, кажется, весьма обеспокоен предположением, что я уйду из журнала. Я объяснил ему, что это зависит не от меня. Во всяком случае, пока я здесь, я буду продолжать с Пьером вести линию, которой всегда придерживался и наш журнал, и наше движение: сосуществование и переговоры. Что же касается моих личных чувств, думаю, мне не надо повторять Вам, что я все тот же, и выступая против использования советской армии для подавления венгерского восстания,

я питаю по-прежнему к моим советским друзьям, и к Вам в частности, дружеские чувства.

Я хотел лично пояснить Вам все это. Левые силы здесь полностью расколоты, партия в такой изоляции, в какой она никогда еще не была, – и в нынешней ситуации это ее единственный удел. Я хочу сказать, что она изолирована не только от других, более или менее левых партий, но отрезана от массы простых людей без всяких политических предрассудков, потому что она оскорбила и чувства, и здравый смысл народа.

Я искренне считаю, что ошибка, допущенная в Венгрии, того же масштаба, что и разрыв с Тито⁵. Лучше было бы потерять одну страну – а она все равно потеряна, – чем потерять миллионы сердец, для которых чувство человечности выше идеологий, а значит, подорвать возможность рабочего единства на долгое, очевидно, время.

С самыми горячими чувствами.

Ваш друг *Клод Морган*.

Впервые – ДП. С.645-646; печатается по его тексту. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1934. Л.40-41. Клод Морган (1898–1980) – писатель, журналист, член ФКП с 1937 г., участник Сопротивления в годы мировой войны; в 1951–1958 главный редактор международного журнала «В защиту мира» (с 1957 г. назывался «Горизонты»). ИЭ сотрудничал с Морганом, будучи членом редколлегии этого журнала.

¹ Речь идет о венгерском восстании, подавленном советскими войсками в ноябре 1956 г.

² Роже Вайян, Клод Руа и Веркор – французские писатели, чьи письма ИЭ публикуются в этом томе.

³ Имеется в виду международный журнал «В защиту мира».

⁴ Пьер Кот (1895–1977) – франц. политический и общественный деятель, депутат парламента, участник Движения сторонников мира; как и ИЭ, награжден Международной Сталинской премией мира.

⁵ Имеется в виду разрыв в 1949 г. СССР с Югославией, возглавлявшейся маршалом И. Броз Тито.

273. И.Л.Сельвинский

<Москва,> 25 XI <19>56

Дорогой Илья Григорьевич!

Только сегодня возвратился из Трусовца и нашел среди почты Ваше письмо, датированное 25 октября – извините за независящую от меня задержку с ответом.

В своей статье¹ я коснулся нескольких вопросов, которые считаю значительными, сложными и даже большими. Увидев на конверте Ваше имя, я решил, что Вы будете спорить со мной о моем решении этих вопросов. Возможно, что тема «народного героя» решена мной слишком лапидарно; возможно, что проблема народности в искусстве нуждается в более гибких формулировках – в этом смысле Ваше пусть даже отрицательное отношение к этим вещам в моей статье было бы для меня очень полезно. К сожалению, я был глубоко разочарован прочитав, что мой гражданский долг заключался в том, чтобы посвятить свою статью разбору статьи Вербицкого² и уже самим фактом такого разбора придать ей вес и значение, каких она не имеет и не может иметь. Неужели Вы, «стопроцентно умный Эренбург», не понимаете, что от таких субчиков, как Вербицкий, нужно отмахиваться где-нибудь в придаточном предложении? Я выключил его из полемики и тем вернул в первобытное состояние. Именно так этот абзац и понял читателем.

Что касается Вашей статьи, Илья Григорьевич, то полемика моя с Вами вызвана обстоятельствами, которые Вам едва ли известны. Сами того не подозревая, вы сыграли на руку одной очень реакционной и очень сильной группе в нашей поэзии. Остановлюсь на этом подробно.

Великодержавные славянофилы всеми правдами и неправдами добиваются того, чтобы провести в нашей общественности мысль, будто в советской поэзии существует только одна народная линия – это линия Твардовского, всё остальное – интеллигентщина и космополитизм. Исходя из этого, реакционные силы в нашей критике упорно, уп-

рямо, не считаясь с логикой и самой простой очевидностью, фабрикуют из Василия Тёркина³ литературного героя, якобы представляющего собой подлинный слепок с облика русского народа. Этот «герой» на протяжении всех 5 тысяч строк поэмы ни разу не проявил себя, как человек советский: дружба народов, рабочий класс, Ленин, партия, коммунизм – все эти понятия в нем Тёркина. Как и сама поэма, Тёркин не заметил Октябрьской революции. Именно поэтому шовинисты везде и всюду объявляют поэму образцом правды, не поясняя, конечно, что именно они имеют в виду. Дело же сводится к тому, что русский народ, по их мнению, оказался «коммуноупорен»: мировоззрение революции его в сущности и не коснулось! Таким образом, поэма о Тёркине это троянский конь: народная внешность при антикоммунистической сердцевине. (Вот уже добрых 10 лет, как я нигде не могу опубликовать своей статьи на эту тему.) Для того чтобы парализовать влияние Тёркина, необходимо в противовес ему создать обаятельный образ большевика, человека, который так же, как Тёркин, вышел из народа, но в противоположность Тёркину обладает революционным, коммунистическим взглядом на действительность. Такой образ еще не создан нашими поэтами: и это понятно – ленинец в частушку не влезет. Нужны иные масштабы. Но до того как будет создан такой образ – в поэзии царствует Тёркин. Поэтому шовинистам очень важно, чтобы сегодня, сейчас было утверждено мнение, будто в советском искусстве возможно народное и ненародное искусство: в этом случае в поэзии народным будет объявлено только течение Тёркина.

В своей статье, объявляя народным Бориса Слуцкого⁴, Вы как бы признаете, что есть и ненародные советские поэты. Это именно то, чего так жаждут шовинисты и чего они из осторожности не смели сказать вслух. Из Вашей статьи они вырезали бы то, что им выгодно, а Слуцкого при их огромных связях в печати выплюнули бы за борт через правый зуб. Известно ли Вам, кстати, что в портфе-

ле «Литературки» имеется статья, в которой автор, полемизируя с Вами, пишет: «в поэзии, чтобы она стала народной, важно не только что написано, не только как написано, но и кем написано произведение». Ясно? Своей статьей, в которой я доказываю невозможность в нашем искусстве деления на народные и ненародные советские течения, я предотвратил пока что опасность, созданную вашей статьей. Вы этого, к сожалению, не поняли, потому что были раздосадованы статьей Вербицкого. Так лев, отмахиваясь от собак, не видит приближения охотника с ружьем, который бьет его прямо в ухо.

Не Слуцкого противопоставлять стилю «рюсс», а коммунистическое антикоммунистическому – вот в чем сейчас задача критики, иначе вся наша культура неотвратимо поползет назад. Какие бы чудовищные преступления ни совершал Сталин, какие бы грубые ошибки ни делала наша партия – коммунизм остается священной идеей человеческой истории. Однако есть в русском народе одна черта: русский верует в бога, пока верует поп. Разоблачение Сталина на XX Съезде, само по себе ярко-революционное и освобождающее, потрясло душу народа – вера его в коммунизм дала трещину. Это – самое страшное, что произошло в мире за последнее время, страшнее Будапешта и Порт-Саида⁵. Нужно сделать все возможное, чтобы эту трещину заделать, иначе в нее хлынут все консервативные, реакционные и контрреволюционные силы черной Руси, а их еще у нас много. Не мне, конечно, по плечу такая работа. Но на своем участке я именно это и пытаюсь делать. В этом я вижу свой гражданский долг, дорогой Илья Григорьевич.

Любящий Вас

Илья Сельвинский.

P.S.

Снова перечитал Ваше письмо. Вы ссылаетесь на статьи Паустовского и группы молодых поэтов, резко протестовавших против статьи Вербицкого. Но где же эти статьи?

Каким образом читатель может прочитать их и составить себе какое-либо мнение о статье Вербицкого? Не кажется ли Вам, что своим абзацем, благодаря факту его опубликования, я оказал услугу не только «Л.Г.», которая эту «Услугу» проглотила, икая и давясь, но и кой-кому еще? Ну, хотя бы... Борису Слуцкому?

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ *И.Сельвинский*. Народность в поэзии // Литературная газета, 18 октября 1956.

² См. примеч. 2 к № 267.

³ Герой одноименной поэмы А.Твардовского.

⁴ «О стихах Бориса Слуцкого» (ЛГ, 8 июля 1956).

⁵ Имеется в виду происшедшие осенью 1956 г. подавление советскими войсками восстания в Венгрии и спровоцированная Египтом война Израиля.

274. Веркор

<Париж,> 4 декабря 1956

Дорогой Илья Эренбург,

Замечали ли Вы, как в самой тьме бури пробиваются проблески солнца? Связи французских и советских писателей только что пережили серьезное потрясение¹, но вот мы можем надеяться, что они не разорваны, а начинают завязываться, еще крепче, чем когда бы то ни было.

Потому что никогда еще раньше писатели не демонстрировали столь ясно взаимное желание показать, как важно им то, что они думают по поводу тяжелых исторических испытаний.

Истина трудна. Иногда она прячется так глубоко, что в течение долгого времени так и не знаешь, нашел ли ее. А для писателя вообще гораздо важнее, может быть, не столько найти ее, сколько искать. Тот, кто искренне ищет истину, уже принадлежит истине.

Советские и французские писатели обменялись письмами, они высказали то, что считают правильным; конечно,

невозможно убедить друг друга раньше, чем произойдет встреча, раньше, чем сопоставлены факты и точки зрения, касающиеся венгерской драмы. Но что можно увидеть уже сейчас и это главное – никто из нас ни на минуту не усомнился в искренности другого, и разве я не прав, полагая, что наше взаимное уважение окрепнет, выйдя из этого кризиса?

Разве это не удивительно и не прекрасно, что первые шаги поистине искренних и крепких отношений сделаны из самого центра наших противоречий? Но разве, в конце концов, не этому учит нас диалектика?

Разве не удивительно и не прекрасно, что венгерский писатель, уверенный, как и Вы, что французские друзья ошибаются, уверенный, что венгерская революция была спасена, а не раздавлена Красной армией, тем не менее обращается к нам со словами, полными достоинства: *«Мы много страдали и многому научились, прежде всего тому, чтобы не видеть бандита в каждом, кто не разделяет нашу точку зрения. Мы хотели бы, чтобы представители французской интеллигенции поняли, с каким глубочайшим чувством дружбы мы ожидаем их помощи»*.

Думаю, эти слова долго будут звучать в сердцах многих французских писателей, они заставят их, я уверен, тайно искать более убедительные аргументы. Больше всего сближает доверие. Мы, борцы за мир, видели это, когда Национальный совет мира, начав субботнее заседание в атмосфере вражды и раскола, в воскресенье завершился с ощущением единства и энтузиазма, хотя ни один из присутствовавших не отказался от своей точки зрения.

И знаете, дорогой Илья Эренбург, взаимное доверие обладает такой силой, что – сегодня я могу сказать вам то, что еще несколько дней назад мне казалось совершенно невозможным раньше, чем пройдут многие недели и месяцы; я искренне полагал, что ту выставку французского искусства, организовать которую Вы просили меня задолго до этих трагических событий, под девизом общества «Дру-

зья Франции», придется отложить надолго. Отправиться в Москву, когда чувства моих советских и французских друзей так столкнулись, мне казалось невозможным отголоском прошлого. И вдруг я почувствовал – нет, не так, и вот уже это путешествие представляется мне возможным без того, чтобы быть неверно истолкованным той и другой стороной. Не отказываясь ни от одной из оценок трагических событий, противопоставивших нас друг другу, мы можем претворить наши разногласия в новую форму мужественной дружбы, закалившейся в испытаниях. Так, по крайней мере, я ощущаю данный момент. Услышав Вас и прочитав, что пишет Бела Иллеш², я кажется, уловил в этом эхе звук надежды.

Веркор.

Впервые по-франц. – «Либерасьон» (6 декабря 1956, по-русски (с купюрами) – ЛГ (18 декабря 1956), полностью – ДП. С.695-696. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1364. Л.4-6. Ответ на «Письмо в редакцию», напечатанное ИЭ в ЛГ 1 декабря 1956 г., Веркор отправил свое «открытое письмо» ИЭ, сопроводив его запиской: «Дорогой мой друг. Я посылаю Вам в этом же конверте «Открытое письмо», которое я только что написал в ответ на Вашу статью, излагаемую французской прессой. Я подумал, что надо «ковать железо, пока горячо». Думаю, что мое письмо будет здесь опубликовано раньше, чем Вы получите это послание. С нежностью к Вам и Любе. Веркор» (Л. 3).

¹ Из-за подавления советскими войсками венгерского восстания.

² Бела Иллеш (1895–1974) – венгерский писатель-коммунист, в 1919–1945 гг. живший в СССР (см. также П2, № 364).

275. К.Руа

<Париж,> 12 декабря 1956

Ласточка не делает весны, но две ласточки, это, может быть, уже что-то. Я желаю, чтобы появление в Москве Ива и Симоны¹, которые вручат Вам это письмо, означало бы начало весны... А в данный момент мы – в самой тьме зимней ночи².

Коктебель. У дома Волошина

Анастасия и Марина Цветаевы

Аля Эфрон и Марина Цветаева

Слева направо:
А. Мандельштам, М. Петровых, Э. Мандельштам,
Н. Мандельштам, О. Мандельштам, А. Ахматова

Слева направо:
Б. Пастернак, Вс. Мейерхольд, А. Гладков,
1934

И. Эренбург и Ж.-Р. Блок
на митинге в Москве,
10 августа 1941

Слева направо:
П. Маркиш, Д. Бергельсон, С. Михоэлс, И. Эренбург.
Москва, 1941

В штабе В.Л. Говорова, 1942.
Слева – В.Л. Говоров и Д.И. Ортенберг,
справа – И.Г. Эренбург

Иоганн Альтман на фронте,
1942

Н. Асеев, Б. Пастернак, И. Сельвинский.
Чистополь, 1942

И. Эренбург и Д. Шостакович.
Москва, апрель 1942

О. Берггольц.
Рисунок Н. Альтмана

Л. Стоу и И. Эренбург
на фронте, 1943

Р. Кармен, фотокорреспондент С. Лоскутов
и И. Эренбург на фронте, 1943

К.А. Уманский

Анна Зегерс в Мексике, 1940

Э. Эррио и М. Литвинов

Ю. Палецкис и И. Эренбург.
Каунас, 1947

К. Симонов, А. Довженко, Вс. Вишневский, И. Эренбург, А. Таиров

*Вечер, посвященный 40-летию литературной работы И. Эренбурга.
Москва, ЦДЛ, 1949*

И. Эренбург, М. Светлов, К.Федин, А. Игнатъев, Н. Тихонов

И. Эренбург, Ю. Тувим, А. Корнейчук.
Варшава, 1950

И. Эренбург и А. Фадеев.
Варшава, 1950.

Панно Маревны.
Д. Ривера, И. Эренбург, П. Пикассо, М. Шагал, Ф. Леже

Л. Арагон и Э. Триоле,
сзади А. Исбах, Москва

И. Эренбург и Веркор,
Париж

М. Сарьян, Л. Эренбург, И. Эренбург и Л. Сарьян
на даче И. Эренбурга в Истре, 1960

На выставке П. Кончаловского:
Л. Эренбург, И. Эренбург,
О. Кончаловская.
Москва, 1959

Е.Г. Полонская.

*Надпись на снимке:
«Илья от Лизы 13 IV 63 г. Ленинград»*

И. Эренбург и А. Коонен.
Москва, Литмузей, 1956

И. Майский и И. Эренбург.
Москва, Литмузей, 1956

М. Юдина, И. Эренбург и И. Козловский в музее Чехова.
Москва, 1959

И. Эренбург и Э. Д'Астье,
Париж

А. Моравиа и И. Эренбург.
Рим, 1957

И. Эренбург и Р. Гуттузо с женами
в московской квартире И. Эренбурга

В. Некрасов

А. Твардовский.
Ленинград, 14 августа 1963

Е. Долматовский, С. Шилачев, Е. Евтушенко, И. Эренбург.
Москва, ЦДЛ, 1960-е гг.

Ж.-П. Сартр и С. де Бовуар.
Ленинград, 1963

С. Фотинский и И. Эренбург.
Париж, 1962

Вечер, посвященный 60-летию В.А. Каверина.
Москва, ЦДЛ, 1962

К. Паустовский на вечере
в честь 65-летия И. Эренбурга.
Москва, Литмузей, 1956

В первом ряду: И. Эренбург, В. Каверин,
Вс. Иванов, П. Антокольский;
во втором ряду: Б. Слуцкий и М. Светлов

Фаржетт в гостях у И. Эренбурга.
Москва, 1956

Премьер-министр Франции Э. Фор с супругой
в гостях у И. Эренбурга.
Москва, 1956

И. Эренбург и Л. Мэр.
Франция, 1966

Л. Эренбург, И. Эренбург
и И. Чеховская.
Москва, 1966

Все эти ужасные недели мы не переставали думать о Вас. Мы знали, что все удары, которые обрушились на нас при чтении новостей, были для Вас не менее болезненными, чем для нас.

Ив и Симона поведают Вам о тех днях и ночах, когда мы только и делали, что обсуждали – поворачивая то так, то этак – факты, думали о наших советских друзьях, пытались разглядеть на горизонте хоть проблеск надежды.

Я знаю, что отчаиваться нельзя, и дружба помогает мне. Это не просто сентиментальное чувство. Я знаю – благодаря Вам! – неисчерпаемые ресурсы Вашего народа, и я не забываю того, что Вы мне не раз повторяли: начавшееся движение необратимо, ход событий не остановится. Подлый нынешний момент – возможно, не более чем контрудар или зигзаг на долгом пути. Верьте, мы не покинем Вас в дороге. Дружба сильна, и мы будем держаться ради Вас, вместе с Вами. До скорой встречи, надеюсь, в Париже или в Москве!

Клэр³ и я обнимаем вас обоих.

Клод.

Впервые – ДП. С.656. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2124. Л.8-9.

¹ Франц. актер и шансонье Ив Монтан (1921–1991) и его жена актриса Симона Синьоре (1921–1985); концерты Монтана в СССР прошли с триумфальным успехом.

² Имеется в виду восприятие К.Руа подавления венгерского восстания советскими войсками.

³ Жена К.Руа.

276. Э. д'Астье де ла Вижери

<Париж, декабрь 1956>

Дорогой друг,

я знаю, что Вы не любите писать, но в трудный момент¹ я хотел бы получить от Вас известия.

Здесь активно комментируют Декларацию Пикассо и

других представителей интеллигенции². Мне она не кажется неудачной, тем более что негативных исторических обобщений в ней не содержится.

В Хельсинки я забыл Вам передать бумаги, которые мне дал для Вас Веркор. Прилагаю его статью из «Обсерватор»³. Он шлет Вам дружеский привет. Он хотел бы, чтобы его выставка⁴ – если возможно – состоялась в январе или феврале. Люба⁵ обожает цветы. Она благодарит Любу⁶.

Дружески

д'Астье.

Впервые – ДП. С.681. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1239. Л.16. Эммануэль д'Астье де ла Вижери (1900–1969) – франц. литератор и общественный деятель; ИЭ писал о нем в 24-й главе 6-й книги ЛГЖ. Ответное письмо ИЭ – см. П2, №384.

¹ Имеются в виду реакция в мире на подавление советскими войсками восстания в Венгрии.

² Речь идет об Открытом письме, опубликованном в «Монд» 22 ноября 1956 г. и подписанном 10 коммунистами – деятелями культуры Франции, в том числе П.Пикассо, а также его друзьями художником Э.Пиньоном и писательницей Э.Пармелен; в письме говорилось о необходимости срочного созыва съезда ФКП для обсуждения всех проблем, приведших к расколу в партии в связи с событиями в Польше и Венгрии.

³ Имеется в виду статья Веркора «Не нарушать связи» (France observateur, 12 november 1956), призывавшая Запад не порывать культурных связей с СССР в связи с венгерскими событиями.

⁴ Имеется в виду Выставка французских репродукций, которую Веркор готовил для проведения в СССР и которая прошла после публикации в ЛГ обмена писем между Веркором и ИЭ (декабрь 1956) – см. ЛГЖ (8, 467).

⁵ Жена д'Астье.

⁶ Л.М.Эренбург.

1957

277. Веркор

Париж, 21 января 1957

Дорогой друг,

Советское посольство теперь получило все эстампы для выставки. Остается упаковать оттиски в рамы... Примерно пятьдесят и отправить их с прочими. Вы получите – не считая репродукций малого формата и открыток – около 200 оттисков большого формата. Это значительно больше, чем нужно, но мне показалось, что лучше отобрать нужные на месте – в зависимости от вида предоставленных помещений и их площади, нежели это сделать здесь, по существу вслепую. Мне сообщили несколько дней назад о существовании репродукции в размере оригинала (2 м x 1,2 м) ренуаровской «Мулен де ла Галет», которая имеется в нескольких экземплярах. Она была заказана Мальро¹ в бытность его министром, когда он задумал создать «мнимую» коллекцию для провинциальных музеев. Но когда ее изготовили, Мальро уже не был министром. Я еще не знаю, смогут ли мне предоставить один из этих экземпляров. Совершенно очевидно, что для выставки это будет пик интереса. Во всяком случае учтите меры, которые потребуются для ее размещения; если я не получу эту репродукцию, мы еще успеем чем-то закрыть возникшую дыру в экспозиции.

Мы едем в Лондон в начале февраля, а оттуда в Москву.

Итак, до скорой встречи.

Дружески к вам обоим

Веркор.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1364. Л.8.

¹ Франц. писатель Андре Мальро (1901–1976) был министром информации в правительстве де Голля с 1945 по январь 1946 г., а затем министром культуры в 1959–1969 гг.

278. П. Цветеремич

Рим, 27 февр. 1957

Дорогой и уважаемый Илья Григорьевич!

Я Вам никогда не писал до сих пор, но должен сказать, что память о Вас всегда была во мне очень жива, и как могло бы быть иначе, когда я постоянно, в моей ежедневной работе, слежу за советской культурой, в чьем последнем развитии Вы занимаете такое место, и когда я имел счастье лично с Вами познакомиться? К тому же я должен прибавить, что память о Вашей личности, о Вашей компании, о Вас как друге, безусловно не может так быстро стереться во мне. Ваша телеграмма с новогодним приветом мне принесла огромную радость; могу искренне сказать, что я был ею просто тронут, что Вы помните обо мне, и сожалел, что до этого я Вам послал только открытку из Алласио. Должен сказать, что во мне всегда какое-то стеснение в сношениях с людьми, чью личность я больше ценю.

Я давно хотел Вам писать, и по простой привязанности и уважения, и по делам, но не решался. Теперь пишу, и будет, конечно, с нерешительностью. Прежде всего надо сказать, что сейчас после Вашего отъезда из Рима, мне предложили совершить путешествие в СССР с группой деятелей культуры и работников Общества Италия-СССР; при этом меня уверяли, что я смогу заняться только вопросами, которые меня профессионально интересуют, не теряя ценного времени короткого посещения в туристическом визите. Так я очень охотно принял предложение, тем более что, как Вы знаете, я никогда не был в СССР, что, сказал бы, не просто пробел, а настоящий гротеск в моем случае, т.е. в случае человека, который годами занимается «советсковедением», если можно так выразиться, написал книгу, десятки статей, перевел тысячи страниц и читал десятки лекций об этих темах, и вообще признан в этой области. Ну, короче говоря, я собрался ехать в СССР и так думал там вас снова встретить и, тоже с вашей помощью, заняться между прочим собиранием материала для той ма-

ленькой хрестоматии советской поэзии 1955–56 гг. на итальянском языке, о которой, м.б., помните, я Вам сказал уже в Риме. По этой причине я тогда Вам не писал, что думал Вас скоро встретить. Но, говорит итальянская поговорка, «ил дьяволо чи метте семире ле корпа», черт всегда наложит свой рог, и путешествие не состоялось. Это из-за венгерских происшествий, вследствие которых итальянские власти позволили отказать визу на СССР. Они не прямо отказали, но ввиду «беспорядков в восточной Европе», «советовали» ожидать и таким образом сорвали путешествие группы. Потом пошли горячие времена. Наше внимание, наш ум и сердце были прикованы событиями, как несомненно и с вами случилось. Кроме того, у нас состоялся съезд компартии. При все этом трудно было заняться своими личными делами.

Недавно я читал Вашу интереснейшую статью на «Литературной газете»¹. В сокращенном виде на днях она появится на «Контемпоранео»; читал тоже Вашу блестящую статью о Франсуа Вийоне² и Ваш теплый и проникновенный профиль Марины Цветаевой³. Именно это я думаю переводить и печатать в нашем журнале «Рассеянная Советика», где мы уже опубликовали (№5, 1956) Ваш венецианский доклад для ЕОК. В этом же номере мы дали несколько страниц стихов Берггольца, Евтушенко, Заболотского⁴, Мартынова, Пастернака, Слуцкого. Номер имел большой успех. В № 6 (1956) мы дали отрывки «Трудной весны» Овечкина⁵ вместе с другим интересным материалом, как умная статья Штута⁶ (из «Нового мира») о «белых пятнах» в истории советской литературы и статья о советском театре (из «Вопросов философии»); в № 1 (1957) будут, между прочим, «Литературные заметки» К.Симонова, неизданные статьи Эйзенштейна и испанский дневник Кольцова. Кроме того, мы опубликовали статьи Грабаря⁷ о живописи и Борисовского об архитектуре. Я Вам послал эти номера и вместе с редакцией сильно прошу высказать Ваше мнение и советовать, что будет уместно печатать в нашем

журнале, так как, может быть, много интересного выпадает из нашего поля зрения. Некоторый отклик вызвал у нас в Италии роман В.Дудинцева⁸. Я перевел несколько отрывков его для еженедельника коммунистической молодежи и написал очень сокращенный вариант (по американскому обычаю, упаси меня бог от автора!) для массового иллюстрированного журнала «Вие Нуове». На «Контемпоранео» я написал заметку о романе и дискуссии о нем в Доме литераторов в Москве.

А наконец я к Вам обращаюсь с прямой просьбою. Это насчет сборника советских поэтов. План такой: маленький сборник (приблизительно 4.000 стихов), который покажет расцвет русской советской поэзии в последних порах, а не настоящая хрестоматия, претендующая дать полную картину советской поэзии. В ней таким образом будут только поэты, отличившиеся продукцией 1955–56–57 гг., а напротив, нет таких, и, м.б., знаменитых, которые не дали ничего важного в последнем периоде. Сборник, в моей идее, должен быть живой документ текущего интереснейшего момента русской советской поэзии, в этом его культурная ценность. Особое внимание хочется уделять молодым поэтам и тем поэтам, которые в прошлом были изгнаны от фактической литературной жизни, а теперь сильно участвуют в поэтической жизни. По-моему сегодня у русской поэзии некоторые крупные личности международного масштаба, которые нельзя игнорировать, такие, как Мартынов, Ахматова, Пастернак, Заболотский, и м.б., Слуцкий. В сборнике я намерен поместить следующих поэтов: О.Берггольц, Б.Пастернак, А.Ахматова, Л.Мартынов, Б.Слуцкий, Н.Заболотский, Луговской, Р.Рождественский, Смеляков, Кирсанов, Евтушенко, Алигер⁹; у меня есть еще сомнения насчет Прокофьева, Ваншенкина, Михалькова¹⁰, Асева, Маршака. Очень желал бы узнать ваше мнение о выборе, вследствие чего, конечно, буду готов внести какие-либо изменения в списке имен. А какие именно стихи вышеназванных поэтов? спрашиваете Вы.

Вот: вообще стихи, опубликованные в литературных журналах («Новый мир», «Знамя», «Звезда», «Октябрь», «Нева», «Юность», которых у меня полный комплект), в альманахе «Литературная Москва 1956», в «Молодой гвардии» и в сборнике «День поэзии». Этих двух последних, кажется, очень важных изданий у меня еще нет. Так точно нет еще у меня «Стихов» Мартынова, нет поэмы «Строгая любовь» Смелякова, нет двух книг Р.Рождественского («Моя любовь» и «Флаг весны»). Я надеюсь их скоро получить через издателя Фельтринелли¹¹, который будет издавать этот сборник и у которого есть свой человек в Москве в лице Д'Анджело, итальянского работника радио. Через наше общество я тоже спрашивал те же книги и издания у М.Аплетина¹² из иностранной комиссии СП СССР, который нам писал, спрося какие произведения нам желательно получить. В крайнем случае я позволю себе прибегнуть к Вашей любезности, но, пока нет надобности, предпочитаю Вам не мешать с этими мелкими запросами. У Вас я просил бы другое: не могли бы Вы писать для сборника <стихов 1955–1956 гг. советских поэтов> предисловие, обращенное к итальянским читателям? Издатель, конечно, был бы очень рад, и с моей стороны я думаю, что предисловие Эренбурга представляло бы для итальянского читателя самым лучшим ознакомлением с этим поэтическим явлением. Кроме того, вместо заметки о каждом поэте, помещенном в сборнике, как обычно делается, я хотел бы поступить иначе, т.е. я желаю, чтобы каждый поэт написал короткое (м.б., только страничку) заявление о себе, о своем творчестве. Что вы думаете, можно будет добиваться этого? Если не ото всех, по крайней мере от большинства их, и это будет интереснее и это больше приблизит иностранного читателя. <...> М.б., Вы узнали, что когда развивались венгерские события, Карло Леви¹³ написал открытое письмо на газету «Аванти», предлагая встречу итальянских, советских и венгерских писателей в Москве, чтобы вместе судить о наболевших вопросах. Теперь наше

общество <дружбы Италия–СССР> официально поддерживает такое предложение и думает послать в Москву Леви и некоторых других писателей, которые могли бы толковать с вами, советскими писателями, если не о Венгрии, то о разных проблемах, устанавливая положительную связь. Что Вы думаете об этом?

Илья Григорьевич! Я больше вас не задерживаю, это страшно злоупотреблять Вашим терпением. Можете мне написать в Общество <«Италия–СССР»> или прямо мне на личный адрес. Примите мой сердечный почтительный привет, пожелание от всей души успехов в Вашей деятельности, привет и от моей жены и от всех друзей, и пожелания здоровья и радостей для Вас и Вашей семьи.

Пьетро Цветеремич.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2341. Л.9. Написано по-русски; все особенности текста сохранены; печатается в сокращении. На подлиннике помета секретаря ИЭ Н.И.Столяровой: «ИГ ответил лично 20 марта». Переводчик с русского на итальянский, тогда коммунист, писатель Пьетро Цветеремич (ум. 1993) переписывался с ИЭ с апреля 1953 г., перевел ряд произведений ИЭ. Письма ИЭ к Цветеремичу см. П2, № 537, 554.

¹ «Необходимое объяснение» (ЛГ, 9 и 12 февраля 1957).

² «Поэзия Франсуа Вийона» (ИЛ, 1957, №1; вошла в книгу ИЭ «Французские тетради»).

³ «Поэзия Марины Цветаевой» (Литературная Москва. Сборник второй. М., 1956).

⁴ Поэты Ольга Федоровна Берггольц (1910–1975), Евгений Александрович Евтушенко (р.1933), Николай Алексеевич Заболоцкий (1903–1958).

⁵ «Трудная весна» – очерк из цикла «Районные будни» (1952–1956) Валентина Владимировича Овечкина (1904–1968); публикация этих очерков о катастрофическом положении послевоенной колхозной деревни имела огромный резонанс в СССР.

⁶ Сарра Матвеевна Штут (1907–?) – критик.

⁷ Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960) – живописец, искусствовед.

⁸ Речь идет о романе Владимира Дмитриевича Дудинцева

(1918–1998) «Не хлебом единым» (1956), напечатанном в НМ, имевшем сенсационный успех и подвергнутом разносу и запрету.

⁹ Поэты Владимир Александрович Луговской (1901–1957), Роберт Иванович Рождественский (1932–1994), Ярослав Васильевич Смеляков (1912/1913–1972), Семен Исаакович Кирсанов (1906–1972), Маргарита Иосифовна Алигер (1915–1992).

¹⁰ Поэты Александр Андреевич Прокофьев (1900–1971), Константин Яковлевич Ваншенкин (р.1925), Сергей Владимирович Михалков (р. 1913).

¹¹ Джанджакомо Фельтринелли (1926–1971) – итальянский издатель, впервые напечатавший роман Б.Пастернака «Доктор Живаго».

¹² Михаил Яковлевич Аппетин (1885–1981) – глава Иностранной комиссии Союза советских писателей.

¹³ Карло Леви (1902–1975) – итал. писатель и художник, друг ИЭ.

279. Э. д'Астье де ла Вижери

Париж, 7 марта 1957

Дорогой друг,

Трудности теперь повсюду. «Леттр франсез»¹ отказалась публиковать, даже в отрывках, Вашу статью из «Литературной газеты»². Мотивируют это тем, что в «Обсервер» появились достаточно пространственные фрагменты, а кроме того, Ваша статья обращена скорее к советским писателям, чем к французским.

С «Либерасьон» по-прежнему плохо, но мы с Клодом Руа (несмотря на его собственные сложности) посмотрим, что можно сделать... Согласитесь ли Вы, в случае необходимости, провести «диалог» на эту тему на страницах «Тан модерн»? Если да, я поговорю с Сартром³.

Мы увидимся с вами в Берлине 30 марта, я очень рад этому, но мне надо было бы самому ненадолго приехать в Москву сразу после Бюро <Всемирного Совета мира>, чтобы обсудить все серьезно.

Здесь я объяснил такую необходимость. Можете Вы со своей стороны поддержать эту идею?

Хочется надеяться, что по крайней мере у Вас уже, как

и у нас, ранняя весна, которая сможет компенсировать другие холода.

Эм. д'Астье.

Спасибо за поддержку д'Астье – литератора⁴.

Впервые – ДП. С.687. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1239. Л.5. Ответ на письмо ИЭ от 27 февраля 1957 г. (см. П2, №386).

¹ Директором еженедельника «Леттр франсез» был тогда Л.Арагон.

² «Письмо в редакцию» (ЛГ, 1 декабря 1956), в котором ИЭ призывал различать тех, кто расходится с СССР в том или ином вопросе, от тех, кто выступает за разрыв с СССР.

³ Жан-Поль Сартр был директором журнала «Тан модерн», в котором никакие материалы ИЭ тогда не появились.

⁴ Имеется в виду содействие ИЭ публикации книги д'Астье «Лету нет конца» в журнале «Иностранная литература» (см. П2, №386).

280. О.Д.Форш

<Ленинград,> 26 III 1957

Дорогой Илья Григорьевич

Здравствуйте! Так давно с Вами не было переписки, что боюсь, сразу подумаете – просьба...

И вот нет. Никакой как есть просьбы. Я давно хочу написать Вам. Недавно была совсем больна при конце и выбралась! Переживаю вторую молодость, такая облегченность души и тела и вот пользуюсь «отпуском», чтобы сказать милым людям, с которыми все дни шла и идет моя жизнь, ласковое слово. Вас и Любу очень хорошо вспоминаю. К Вам лично чувствую неизменную благодарность и восхищение за Ваши статьи во время войны. Они давали людям силу и утешение. Недавно порадовалась, что Вы написали про Пикассо¹ и надеюсь, что много еще скажете о живописи вообще – недавно разбирала архив мой и нашла часть рисунков Любы на «Под куполом»². Хочет ли она, чтобы я ей их прислала? Они пером и приятные по светотени. Знаю, что вы хорошо знакомы с <В.С.>Гроссманом,

передайте ему мой сердечный привет и уважение за его прекрасные книги. Жду от него большое. Если будете в Ленинграде, загляните к нам.

Будьте оба здоровы, счастливы, удачливы.

Ольга Форш.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2302. Л.1. С писательницей Ольгой Дмитриевной Форш (1873–1961) ИЭ подружился в Париже в 1927 г. Сохранился экземпляр романа Форш «Ворон» (Л., 1934) с надписью: «Дорогому Эренбургу Илье Григорьевичу с большой надеждой на особое завершение его даров (хоть он уже не стажёр, а отличный писатель) Привет! Ольга Форш. 15 VI 1934».

¹ Очерк «К рисункам Пабло Пикассо» (Иностранная литература, 1956, №10), вошедший во «Французские тетради».

² Иллюстрации Л.М.Козинцевой-Эренбург к пятому изданию сборника рассказов О.Форш «Под куполом» (Л., 1933).

280а. С.И.Сталина (Аллилуева)

Москва, 7.VIII.1957

Дорогой и уважаемый Илья Григорьевич!

Когда я прочитала Вашу статью о Стендале в «Иностранной литературе»¹, моей первой мыслью было писать к Вам. Не знаю, о чем именно – о себе, о книгах, об искусстве вообще, о нашей молодежи, о «Красном и черном», о любви, о людях, которых я знаю, – словом, мне захотелось непременно с Вами говорить. Два дня я ходила с этой неотвязной мыслью – и вот, в результате Вы должны будете прочитать еще одно несуразное письмо из числа тех сотен, которые Вы получаете. Но я знаю, что Ваша профессия – «наблюдать человеческие сердца» и поэтому, может быть, Вам будет любопытно, что думает о жизни молодой советский литературовед, женщина, и притом человек не совсем обыкновенной судьбы.

Вот, профессия моя – литературоведение. Я, конечно, плохой литературовед; у меня нет статей, монографий. Но я очень люблю литературу, с детства; процесс оформ-

ления чувства и мысли в слова всегда представлялся мне чудом, а Жан Кристоф и Аннет Ривьер² – мои друзья, без которых я скучаю, когда их долго нет. Мои друзья со школьной скамьи, мои однокурсники по университету, мои сегодняшние товарищи по работе (я работаю в Институте Мировой Литературы им. Горького) – все мы любим литературу со всей страстью сердца. Но вот беда: у каждого из нас да и у других наших коллег, есть десятки интересных мыслей об искусстве, но мы никогда их не произносим вслух в те моменты, когда нам представляется трибуна научной конференции и страницы журнала. Там мы пережевываем жвачку известных всем высушенных догм. И это не от нашего лицемерия, это какая-то болезнь века, в этой двойственности даже никто не видит порока, это стало единственной формой мышления интеллигенции (я говорю о своей среде, которую знаю).

В 1954 году я защитила диссертацию на тему «Развитие передовых традиций русского реализма в советском романе». Когда я сейчас ее перечитываю – мне смешно, но процесс работы, пристальный анализ были для меня колоссальной школой, вернее, первыми ее ступенями, потому что диссертация была окончена, а думать над этой самой темой я продолжаю все время. И вот что мне страшно, вот что со мной произошло. Что такое реализм, реалистическая литература, ее методы, принципы, традиции, что такое наш сегодняшний реализм – всему этому меня учили в школе (я окончила десятилетку в 1943 году), учили в Университете, и в аспирантуре по всем известным традиционным нашим сводам и канонам. Не скажу, что они казались мне несправедливыми; нет. Но они были узки, они были испорчены и обескровлены дешевой популяризацией и, наконец, они были совершенно оторваны от развития современного искусства и литературы, от века, от чувств эпохи, от современного человека. Я была обыкновенной советской студенткой, такой – как и мои сверстницы, и мне – всем нам – для полного выражения наших чувств бы-

ли совершенно необходимы и Маяковский, и Пушкин, и Пастернак, и Ахматова, и Р. Тагор, которым мы увлекались на первом курсе; мы бегали на концерты в Консерваторию и на вечера испанского певца Фернандо Кардона, ходили в Третьяковку и читали стихи Сельвинского, нам очень нравились стихи Симонова, но мы читали по ночам с карандашом в руках и «Войну и мир». Моим любимым из чеховских рассказов был и всегда будет «Архиерей», может быть, самый трагический из всего, что он написал; с юности я люблю точность слов у Ахматовой («настоящую нежность не спутаешь ни с чем, и она тиха...»³ – как можно сказать точнее?!), я рыдала над «Молодой Гвардией» Фадеева, я готова снова перечитывать «Сердце друга» моего самого любимого советского писателя Казакевича – и я никогда, держа в руках хорошую книгу, не находила, не чувствовала разницы «реализмов», той самой разницы, о которой мне пришлось писать целую диссертацию в 300 страниц. Диссертация ведь пишется по известным научным формам. Когда я выбрала эту тему, мне объяснили: «А, это у вас проблема традиций и новаторства, очень, очень интересно. Раскройте традиции, раскройте новаторский характер советской литературы, установите пресмственность и т.д.». Так я села за работу. А когда окончила ее – мне было ясно, что я не нахожу этого всего в литературе, что для меня есть реализм, есть искусство большое и настоящее и что я никак не могу «сделать выводы», которые мне подсказывает мой научный руководитель. Так мою работу и охарактеризовали: «Интересный художественный анализ, много тонких наблюдений, но выводы недостаточно точны». А умный и тонкий человек Г.А. Недошивин⁴, которому я дала прочитать работу перед защитой, чуть не плача заявив ему, что уже сама в ней ничего не понимаю, сказал: «Вы как-то теряетесь пред самым существом Вашей проблемы – в чем же сущность новаторского характера социалистического реализма в самом процессе типизации?». Да, я терялась, ибо я никак не могла эту сущность

найти, исписав 300 страниц... Но назавтра была защита, пришло много народу и все было прекрасно. Все недостающие слова были хором произнесены, и все стало на свои места. Я стала кандидатом филологических наук и обрела право учить молодежь – Чему? Я не берусь сказать это и сегодня. Учить догмам я не стану.

Ваша статья о Стендале привлекательна для меня больше всего позицией: искусство, литература, слово о человеке, о его жизни в обществе вечны тогда, когда они шире и глубже тенденции дня. Любовь, честолюбие, революцию, страсти и чувства эпохи можно охватить только с каких-то очень широких и общегуманистических и общедемократических позиций; тогда Жюльен Сорель⁵ и Анна Каренина становятся вечными характерами. Этой широты мышления и видения нет ни в нашем искусстве, ни в литературе, ни в литературоведении, потому что в этом видят не достоинство, а порок. Молодой талантливый литературовед А.Д.Синявский⁶ написал небольшую монографию о Пастернаке для 3-х томной истории Советской литературы, готовящейся в нашем институте⁷. Эта великолепная работа написана именно с таких широких позиций гуманистического и жизнеутверждающего слова, как только и можно писать о Пастернаке. Ее очень хвалили, но, увы, в 3-х томник она очевидно не войдет, потому что работа отходит от прямых норм и форм узкой классификации, в которые никак не втиснешь Пастернака. И вот таким образом из Истории советской литературы этот поэт – крупнейший художник – «выпадает», ибо с этих узких позиций поставить его рядом с Горьким никак нельзя. А с точки зрения большого настоящего искусства, служащего народу, человечеству, прогрессу – это можно и должно, и необходимо было сделать! И с точки зрения большого, передового гуманного искусства прекрасно стали бы рядом и Горький и Маяковский и Пастернак и Ахматова и Фадеев и Казакевич, потому что они все-все – нужны советскому человеку в разные моменты его жизни, для выражения различ-

ных состояний его сложной духовной жизни. Я не ломлюсь в открытую дверь, не я, к сожалению, декларирую все это перед глухой стеной.

Вот «Красное и черное», вот юный Жюльен Сорель, пылкий, искренний, в чем-то добрейший, в чем-то хитрейший молодой человек. Он – дитя революции, революция сделала его судьбу сюжетом для Истории. Разве этот молодой человек незнаком нам сегодня? Разве у нас честолюбие перестало быть двигателем душ? и разве колесо Истории не раздавило сотни таких горячих голов, выбитых из заклостной жизни и устремившихся по незнакомым орбитам куда-то вдаль и ввысь? А сколько трагических любовных историй разыгрывается в нашей жизни, в каждой из которых запечатлевается история нашего общества!

Когда мне было 17 лет и я училась в 10-м классе школы, я познакомилась с А.Я.Каплером⁸, и мы полюбили друг друга. Это был очень короткий роман, напугавший и возмутивший всех ханжей, это были чистейшие и прекраснейшие чувства тепла, уважения, привязанности, нежности друг к другу двух людей, разделенных возрастом, воспитанием, условиями жизни, всеми тысячами условностей пошлой традиционной жизни. Каплер поплатился за это десятью годами ссылки и лагерей, я – разочарованием в правоте и мудрости одного близкого мне человека⁹, разочарованием во многом, что связано было для меня, до того, с абсолютностью его имени. Но прошло 12 лет, и вот, встретившись, мы посмотрели в глаза друг другу, и оказалось, что не забыто ни одно слово, сказанное друг другу тогда, что мы можем разговаривать, продолжая фразу, начатую 12 лет назад, понимая друг друга так же легко и свободно, как это было тогда. Чудо осталось живо и не исчезло до сегодняшнего дня, хотя новые условности и новые барьеры снова нас разделили и, должно быть, навсегда.

У меня была нянька, старуха, прожившая в нашем трудном доме 30 лет. Деревенской девчонкой 13 лет ее взяли работать в дом к помещику, потом перевезли в Петербург.

Она была хорошенькой и очень смышленной девчонкой, все умела, любила читать книжки и работала в богатых, образованных и либеральных домах то экономкой, то поварихой, то пьянкой. Довольно долго жила она в семье Н.Н.Евреинова¹⁰, видела Лансере, Трубецких¹¹, как-то я показывала ей репродукции портретов Серова, она увидела «портрет фон Дервиз с ребенком» и сказала: «А, фон Дервиз, я помню ее, она бывала у моей буржуйки» (так она называла своих бывших хозяек). Вот эта Александра Андреевна, прекрасно знавшая русскую литературу оттого, что была любознательна, умевшая великолепно рассказывать русские сказки, попала в 1926 году в наш дом. За ней бегали толпами дети, жившие тогда в многолюдном Кремле, и, открыв рот, слушали ее прибаутки и песенки. Когда к нам в дом приехал как-то Горький, она смотрела на него в щелку двери; ее вытащили за руку в переднюю и представили писателю, который спросил, что же она читала из его книг. Она назвала ему: «Мать», «Детство», «В людях», а особенно ей понравился рассказ «Рождение человека». Горький был очень доволен. У нее был муж, фельдшер, бросивший ее с двумя сыновьями во время мировой войны. Один сын умер, другого она вырастила сама, он сейчас преподаватель Тимирязевской академии, работает над докторской диссертацией. Мальчишкой она привезла его в Москву из деревни и спросила у моего отца, куда его определить. Это были первые годы коллективизации, и естественно ей сказали, что «нам сейчас нужны люди в сельском хозяйстве». Так она определила судьбу своего сына. В 1955 году мы справляли ее 70-летний юбилей, и удивительно, сколько добрых слов было сказано ей, делавшей людям только добро всю жизнь. Для меня она была в течение всей моей жизни оплотом спокойствия, трудолюбия, тепла, какого-то эпического спокойствия, каратаевской «круглости» и неиссякаемого оптимизма. Она была толстуха, обожала вкусно готовить и кушать, болела грудной жабой и с ней делались припадки оттого, что она лазила с

детьми под стол на четвереньках или кидалась ловить бабочек. А последний приступ случился с ней оттого, что она со всех ног побежала к телевизору посмотреть на приезд в Москву У Ну¹² и, споткнувшись, упала. Мы похоронили ее на Новодевичьем рядом с могилой нашей матери¹³.

Вот два сюжета из нашей современной жизни, как видите. Два романа можно написать, если вспомнить всех окружающих людей, которых я знаю, если взять детали душевной жизни, если вспомнить, на фоне какой бурной и изменчивой истории развивались эти сюжеты – один любовный, другой просто история жизни одной женщины. Какие это великолепные могли бы быть «Картины общественной жизни», сколько поэзии в такой истории любви, сколько исторической закономерности в судьбе моей няньки! Должно быть, это был бы чистейший реализм. Но почему способы «его типизации» должны были бы быть «новаторскими» по сравнению, скажем, со «способами» Льва Толстого – я не понимаю, хотя за то, что должна понимаю, обязана понимать, мне платят ежемесячно 1800 рублей в моем институте!

Вот о чем можно написать автору статьи о Стендале, вот что такое «Красное и черное», вот почему искусство – настоящее искусство, как его ни называй, – объединяет очень многих людей, и даже, в какой-то степени, нас с Вами, дорогой Илья Григорьевич.

Я написала Вам все это просто потому, что не могла не написать. Извините меня, если это неинтересно. Я не надеюсь получить от Вас ответ, потому что я ведь Вас ни о чем не спрашиваю. Вы мне уже на все ответили в своей прекрасной статье. Я очень признательна Вам за Вашу страстную любовь к искусству и за то, что Вы, один из немногих, умеете находить слова правды, произнося эти слова вслух, и не прибегая к той двуличности, которая для нас всех – современных советских обывателей-интеллигентов – стала второй натурой. Я думаю, что Ваша статья «Уроки Стендаля» вернется к Вам не одним десятком благодарных писем.

Примите мои самые сердечные и искренние чувства.
Ваша *Светлана Сталина*.

Впервые – в «Письмо Светланы Сталиной Илье Эренбургу в контексте литературной кампании 1957 года». Вступительная статья и публикация Б.Фрезинского (ВЛ, 1995, №3. С.293-304). Подлинник – собрание составителя. На письме помета секретаря ИЭ Н.И.Столяровой: «И.Г. ответил сам, август 1957»; поэтому копии ответа в архиве ИЭ нет. Светлана Иосифовна Сталина (Аллилуева; р. 1926) – дочь И.В. Сталина.

¹ *И.Эренбург. Уроки Стендаля // ИЛ, 1957, №6. 20 августа 1956 г.* в ЦК КПСС была принята «Записка Отдела культуры ЦК КПСС о статье И.Г.Эренбурга “Уроки Стендаля”, опубликованной в журнале “Иностранная литература”, и других материалах писателя, помещенных в других изданиях», в которой взгляды писателя аттестовались как «неприемлимые».

² Жан Кристоф – герой одноименного многотомного романа Р.Роллана (1904–1912); Аннет Ривьер – героиня романа Р.Роллана «Очарованная душа» (1922–1933).

³ Две первые строки стихотворения Ахматовой без названия (1913).

⁴ Герман Александрович Недошивин (1910–1983) – искусствовед.

⁵ Жюльен Сорель – главный герой романа Стендаля «Красное и черное».

⁶ Андрей Донатович Синявский (1925–1997) – литературовед, писатель; в 1965 г. был осужден за «антисоветскую деятельность», с 1973 г. – в эмиграции.

⁷ Издание, завершённое в 1961 г., вышло вообще без упоминания имени Б.Л.Пастернака.

⁸ Алексей Яковлевич Каплер (1904–1979) – драматург и киносценарист, лауреат Сталинской премии (1941).

⁹ Имеется в виду И.В.Сталин.

¹⁰ Николай Николаевич Евреинов (1879–1953) – режиссер, драматург, историк и теоретик театра; с 1925 г. в эмиграции.

¹¹ Евгений Евгеньевич Лансере (1875–1946) – график и живописец, член «Мира искусств». Паоло Трубецкой (Павел Петрович; 1866–1938) – скульптор.

¹² У Ну (1907–1995) – премьер-министр Бирмы с 1948 по 1962 гг.; в 1973 г. стал буддийским монахом.

¹³ Надежда Сергеевна Аллилуева (1901–1932, покончила с собой) – жена Сталина.

281. Б.Липшиц

<Париж,> 24 VIII <19>57

Эренбург, дорогой, будьте другом, помогите Андриюше¹, объясните кому что нужно – Вы знаете это все с давних лет. Знаете, что Горький и Роллан были за то, чтобы его мне вернули Сейчас я тоже хлопочу об этом и надеюсь, что ему разрешат вернуться к старой матери, тем более, что он сам, так сказать, сейчас вроде как инвалид – туберкулез, ревматизм и т.д. и т.п. – но Вас сейчас прошу просто помочь ему остаться пока что в Москве. Вы сейчас член Правительства и сможете объяснить все как да что кому следует. Андриюша сможет дать сам Вам все необходимые для этого детали. Лишь бы он нашел Вас сейчас в Москве! Самый что ни на есть сердечный привет Любви Михайловне.

Жму дружески руку

Berthe Lipchitz.

Впервые (в сокращении) – в комментариях к ЛГЖ (т.3, М., 1990. С.387). Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2454. Л. 19-20. Поэтесса, родившаяся в Белоруссии, Берта Китроссер (жена русского литератора-эмигранта С.Шимкевича, во втором браке – жена франц. скульптора Жака Липшица, вместе с которым она изображена на знаменитом портрете 1917 г. работы Модильяни); ИЭ познакомился с ней в 1913 г. в Париже.

¹ Речь идет об Андре Шимкевиче (1913–2002), сыне С.Шимкевича и Берты Липшиц. В 1920-е гг. А.Шимкевич вернулся в СССР, в 1930-е был арестован, в 1956 г. освобожден и вскоре отпущен во Францию. ИЭ принимал живейшее участие в его судьбе и, не называя его фамилии, подробно рассказал о нем в 21-й главе 6-й книги ЛГЖ.

282. Б.Н.Полевой

Москва, 13 сентября 1957

Дорогой Илья Григорьевич!

Извините великодушно за то, что я с таким свинским опозданием отвечаю на Ваше письмо. Дело в том, что я удрал на родину, в Калинин, «...вдали от шума городского» сочинять роман. Сижу у деда на огороде и пишу. Вот поэтому-то письмо Ваше только ко мне сегодня и попало. Но одному из этих крамольников я уже на эту тему отвечал. Посоветовал обжаловать само решение в ЦК Украины, а потом и в ЦК ВЛКСМ. С Шелепиным¹ я говорил лично. Он обещал помочь. Полагаю, что крамольники уже воспользовались этим советом.

Чушь какая! Просто питекантропы какие-то там в Одессе. А не вызвано ли письмо к Вам желанием получить Ваш автограф? Ребята народ хитрый и иногда на такие <1 слово нрзб> пускаются.

Ну, сердечный привет Вам и Вашей супруге. Ради бога, извините за запоздалый ответ.

Ваш *Б.Полевой*.

P.S. Цюрихские сеянцы не взошли. Цветок же Ваш растет не по дням, а по часам. Приехал вот, глядь – он на одну треть вымахал.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2051. Л.5. Речь идет о деле четырех студентов Одесского политехнического института, которых исключили из комсомола за доклады о французской живописи (импрессионисты, Сезанн и т.д.), и они обратились за помощью к И.Э. (президенту Общества СССР–Франция). ИЭ обратился за содействием к Б.Полевому (см. П2, № 387), который добился отмены этого решения; в июле 1957 г. ИЭ обратился к Полевому с вопросом, как студентам добиться отмены выговора, которым им заменили исключение из комсомола. Ответом на новое обращение ИЭ и является это письмо:

¹ Александр Николаевич Шелепин (1918–1994) – тогда первый секретарь ЦК ВЛКСМ.

283. Д.Ривера

Мехико, 25 сентября 1957

Дорогой Илья,

я посылаю это письмо с моим другом Юрием Папоровым¹, который многое расскажет тебе о Мексике. М.б., ты сможешь завернуть к нам? Юрий сделал проекты балета Sol Quana Juis de la Cruz, он проявлял большой интерес к искусству и культурным связям твоей большой и моей маленькой страны в реализации этого балета. Я тебя поздравляю от всего сердца с выставкой Пикассо² и твоими большими статьями. Советская культура спешно нуждается в свободе выражения и поисков в мире социалистического искусства. Эмма³ тебе посылает семена мексиканских растений, чтоб их попробовать вырастить в теплице на твоей даче.

Дружеские пожелания от Эммы и меня Любе и тебе
Saludos carinos!⁴

Диего Ривера.

Впервые. Подлинник – ГМИИ. Ф.41. Оп.1. Ед.хр.47.

¹ Юрий Николаевич Папоров – писатель, автор документальных книг, посвященных американскому континенту.

² Имется в виду выставка Пикассо в Москве, в 1956 г., в организации которой роль ИЭ была решающей.

³ Жена Д.Риверы.

⁴ Нежные приветы (*исп.*).

284. А.Б.Чаковский

Москва, 3 октября 1957

Уважаемый Илья Григорьевич!

В нашей беседе, довольно короткой, имея в виду важность вопроса, а также и то обстоятельство, что редколлегия еще не успела ознакомиться с «Размышлениями в Греции» и продумать все связанные с Вашим очерком вопросы, я не имел возможности в целом и в частностях изло-

жить все соображения редакции. Думаю, что Вы не возражаете против того, что современная Греция занимает в очерке мало места, между тем, имея в виду послевоенные события в этой стране и ее нынешнее положение это больше всего интересует читателей. Размышления о древней Греции, о Византии занимают большую часть очерка, они имеют познавательный интерес, но некоторые Ваши соображения вызывают серьезные сомнения в смысле принципиальном, они могут привести к двусмысленному и просто неверному толкованию, противоречащему марксистскому пониманию исторического процесса. В частности, например, скептицизм автора, его пессимистические рассуждения о том, что «стало ли человечество взрослым». Письмо было бы очень пространным, если бы указали все места в «Размышлении», вызывающие сомнительные аналогии и ассоциации. Разумеется, это впечатление трудно исправить одним сокращением, потребуется еще работа и, главным образом, в отношении освещения политической жизни современной Греции. Время для этого, мне думается, есть.

В связи с октябрьским юбилейным номером журнала, «Размышление в Греции» могут быть опубликованы не ранее январского или февральского номеров журнала. Желательно было бы знать Ваши соображения по всем этим вопросам.

С уважением и приветом

А. Чаковский.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2346. Л.9. В 1955 г. ИЭ был введен в редколлегию журнала «Иностранная литература», однако вышел из нее после отказа Чаковского печатать повесть Хемингуэя «Старик и море» по конъюнктурным соображениям (см. 2-ю главу 7-й книги ЛГЖ). В 1956–1957 гг. ИЭ напечатал в «Иностранной литературе» эссе «Индийские впечатления», «К рисункам Пабло Пикассо», «Поэзия Франсуа Вийона», «Уроки Стендаля», «Японские заметки», вызвавшие резкое недовольство ЦК КПСС. Именно этим объясняется нежелание Чаковского печатать новое эссе ИЭ, который

«критики» Чаковского не принял; 12 октября Чаковский уведомил ИЭ: «К сожалению, констатирую, что мы разошлись во взглядах на Вашу статью о Греции». Эту статью под названием «Размышления на Крите» напечатал в № 9-10 журнал «Культура и жизнь». Сотрудничество с «Иностранной литературой» ИЭ возобновил только в 1963 г. после ухода из нее Чаковского.

285. П.Цветеремич

<Рим,> 30.X.1957

Дорогой и уважаемый Илья Григорьевич!

Прежде всего разрешите Вас поблагодарить за теплую, искреннюю встречу при недавнем пребывании моем в Москве. Я надолго сохраню в памяти гостеприимство Ваше и Вашей жены. Те часы, которые я провел с Вами, составляют для меня ценное и взволнованное воспоминание, одно из лучших в моей поездке в СССР, где я имел случай встретиться с такими прекрасными людьми. Я хотел было Вам раньше писать все это, но как только я вернулся в Италию, разные деловые обстоятельства овладели мною; кроме того, именно в те дни состоялась встреча поэтов¹, которая совсем меня проглотила. Я уже не был хозяином моих дней, потому что, после встречи, мне предстояло провожать по Италии одну группу советских поэтов. Можно сказать, что вообще встреча оказалась успешной, главным образом в том смысле, что она показала и открыла возможность новых дальнейших встреч, настоящего диалога между итальянской и советской литературами. У меня такое впечатление, что и большинство советских поэтов, участвовавших во встрече, было довольно своей поездкой и видит во встрече полезное дело с перспективой. Они сами Вам расскажут обо всем.

«Контемпорашка»² Вам очень благодарен за предоставление Вашего очерка о Бабеле³, который появится в будущем номере, посвященном годовщине Октябрьской революции. Я его перевел целиком. К сожалению не будет рас-

сказа Бабеля; к моей просьбе в ССП ответили, что на днях выйдет книга <Бабеля> и лучше ждать ее выхода.

На днях здесь в Италии появится роман Пастернака (к концу текущего месяца). Противно мне в этой печальной истории, что из-за того, что книга не выйдет в СССР, реакционные круги будут пытаться пользоваться ею на анти-советские цели. Я эту книгу перевел после того, что с советской стороны было заявлено о ее издании и когда не было мотива предположить обратное намерение. Во всяком случае она с полным правом принадлежит советской литературе, поскольку эта последняя является русской литературой. в современных условиях. Я думаю, что сегодня советское общество, советские читатели довольно зрелы, чтобы понять и различить и ценные и несостоятельные стороны таких произведений; если вычеркнуть из советской литературы неопубликованием, они просто приобретут фальшивую славу. Сейчас уже дело разумной и умной критики показать несостоятельные стороны и концепции таких книг; когда они все-таки живы в силу своей поэтической ценности, просто игнорировать и отрицать их не решает вопроса...

Я сейчас работаю, между прочим, над подготовлением того сборника современных советских поэтов, который Вы уже знаете. Очень полезны и ценны были мне по этому поводу Ваши советы, как и советы Мартынова и Слуцкого, с которыми я советовался, когда они были здесь. Кроме того, Общество «Италия – СССР» решило выпустить книгу, содержащую главные выступления на встрече поэтов и несколько стихотворений советских поэтов, в ней участвовавших, редакцией книги занимаюсь я.

Дорогой Илья Григорьевич! Здесь в Италии очень понравилась Ваша недавняя статья об октябрьской революции, которую опубликовала «Унита». Прошу Вас принять мой сердечный привет и искренний привет со стороны моей жены и прошу передать привет Вашей жене.

Пьетро Цетеремич.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2341. Л.11.

¹ Имеется в виду встреча советских поэтов с итальянскими в Италии; среди советских поэтов были Н.Заболоцкий, А.Твардовский, Л.Мартынов, Б.Слуцкий, В.Инбер и др.

² Имеется в виду итал. журнал «Контеморанео».

³ В СССР опубликован в качестве предисловия первого после реабилитации И.Э.Бабеля сборника его прозы (1957).

286. С.Н.Мотовилова

Киев, 14 XII <19>57

Многоуважаемый Илья Григорьевич.

Не знаю, в Москве ли Вы и застанет ли Вас мое письмо. Я пишу приблизительно так, как бросают бутылку в море. Может быть, из этого что-нибудь выйдет.

Вероятно, во время фестиваля¹ Вы познакомились с итальянским переводчиком Виктором Страдой?² Он когда-то мне писал, что Вы дали хороший отзыв о его статьях по русской литературе в «Contemporaneo» и был очень горд этим. В прошлом году он окончил философский факультет Миланского университета и хотел приехать дальше учиться к нам. Его приняли в аспирантуру Московского университета. Хлопотали о нем профессор Банфи, бывший председатель общества СССР–Италия, итальянский сенатор. К сожалению, Банфи умер. Наше московское университетское начальство советовало Страде после фестиваля остаться в Москве. Но он поехал домой проститься с родителями и вот застрял там. 1½ месяца ему не выдавали итальянской визы, а теперь 2 месяца не выдают нашей визы. Все у нас говорит о контактах, об обмене студентами, а как доходит до дела до выдачи визы, так вот начинается такая волокита. Я знаю, что за ужас получение заграничного паспорта в нашем инстотделе. Моя мать 3 раза ездила за границу при советской власти. Я думала, что теперь это лучше. И главное, человек уже зачислен в аспирантуру и из-за какой-то волокиты застрял.

Не мог ли ректор Московского университета запросить наше посольство в Риме, почему задерживают эту визу. Вы

так часто бываете за границей, что что-то понимаете в этих делах с визами.

Вкладываю письмо Страды мне, которое получила на днях.

Страду, вероятно, знают многие наши писатели. Мне говорили, что он здесь подружился со Слуцким во время фестиваля. Затем он их видел там всех (т.е. наших, посланных в Италию поэтов³). Неужели никто не может ему помочь поскорее приехать в Москву?

Извините за беспокойство.

С.Мотовилова.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1942. Л.1-2. Софья Николаевна Мотовилова (1881–1966) – литератор, сестра матери писателя В.П.Некрасова.

¹ Имеется в виду Международный фестиваль молодежи и студентов в Москве в 1957 г.

² Витторио Страда (р.1929) – итал. литератор, специалист по советской литературе.

³ Речь идет о поездке в Италию группы советских поэтов, в которую входили Н.Заболоцкий, А.Твардовский, Л.Мартынов, Б.Слуцкий, В.Инбер и др.

1958

287. Л.Арагон

Париж, 7 января 1958

Дорогой Друг,

Если «Леттр франсез» идут до Вас не слишком долго, то Вы уже видели, какое применение я нашел фотографии одной из страниц Стендаля, обнаруженных госпожой Кочетковой.

Думаю, что факт публикации фотографии в «Леттр

франсез», а также идентификация и комментирование страницы самым крупным французским специалистом по Стендалю господином Мартино¹ способны оказать нашей корреспондентке моральную поддержку, в которой она нуждалась.

Мне же эта публикация принесла письма двух основных стендалеведов: одно – господина В. дель Литто, профессора филологического факультета в Гренобле и библиографа Стендаля, другое – господина Ива Дюпарка, из Лиона, автора «В русле Стендаля» и исследования «Синьор Лизимако, заведующий канцелярией Стендаля»; он также «прочитал» драгоценный экземпляр «Записок туриста», одного из первых изданий этого произведения и т.д. и т.п.; оба – специалисты, наиболее сведущие в чтении рукописей Стендаля. Оба попросили у меня копии этой страницы, чтобы попытаться прочитать ее еще лучше, чем это сделал господин Мартино. (Замечания господина Ива Дюпарка, приславшего мне два письма, показались мне очень любопытными.)

С другой стороны, господин Мартино любезно предложил прочитать для госпожи Кочетковой весь текст, если она согласна прислать ему все фотографии (самые лучшие отпечатки, если возможно) с ее расшифровкой, а также подтвердить ей, что такого рода работа и помощь со стороны такого человека, как Мартино, представляют собой любезность (не лишенную любопытства), и можно не сомневаться, что никакого использования этой расшифровки и в целом открытия госпожи Кочетковой не предполагается. С его стороны это чисто дружеское предложение, и что очень ценно для нее, он пришлет ей свое прочтение текста. Действительно, я не думаю, что госпожа Кочеткова, да и никто другой в мире, смог бы прочитать полноценно автограф Стендаля, не сравнивая свое прочтение с чтением других стендалеведов, особенно из-за иноязычных слов, используемых Стендалем в тексте, из-за фантастической орфографии и аллюзий, требующих не только доско-

нального знания произведений Стендаля и его эпохи, но также всего богатства, большей частью не опубликованных заметок на полях и записей, по изучению которых стендалеведами проделана огромная работа, но даже и они не могут быть полностью уверены в результатах своего чтения.

Скажите госпоже Кочетковой, что работа останется в тайне до момента публикации, в первую очередь ею самой, и что ей нечего опасаться в этом смысле; предложение ей сделано только из желания помочь и с радостной мыслью, что Стендаль в СССР является объектом подобных исследований.

Думаю, дорогой друг, что времена меняются и впечатление, которое произвела на Вас, а также на меня статья «Точки над *i*»², превзойдено в настоящий момент самой жизнью. Признаюсь Вам, я действительно все меньше читаю «Литгазету», она, кажется мне, к тому же плохо делается, если оставаться в рамках вежливости. Мне нечего больше добавить о моей несчастной любви к Советскому Союзу. Может быть, скоро увидимся.

Тысяча и один дружеский привет вам обоим от Эльзы³ и меня.

Луи.

Впервые – ДП. С.676, 678. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1224. Л.2-3. На протяжении десятилетий отношения ИЭ и Арагона имели разные оттенки, наиболее близкими они стали в послесталинское время. Ответ на письмо ИЭ от 15 ноября 1957 г. (см. П2, № 399), связанное с обнаружением Т.В.Кочетковой в Национальной Библиотеке Литвы рукописи Стендаля.

¹ Профессор Анри Мартино (1882–1958) – крупнейший стендалевед Франции.

² Редакционная статья «Литературной газеты» (14 ноября 1957), завершавшая организованную по инициативе ЦК КПСС кампанию против очерка ИЭ «Уроки Стендаля».

³ Писательница Эльза Триоле (1896–1970) – жена Арагона.

288. А. Моравиа

<Рим,> 13 февраля 1958 via della'Oca 27 Roma

Дорогой Эренбург,

я не знал ничего о переводе моего романа в СССР и я очень рад, что он выйдет с Вашим предисловием¹. Это хорошие новости.

Я понимаю Ваше недоумение по поводу интервью в «Контемпоранео»². Вы правы: роман прежде всего описание насилия, которое испытал итальянский народ во время последней войны. Но, когда я сказал, что мой роман посвящен Сопrotивлению, я хотел подчеркнуть, что эта книга является объективным рассказом о страданиях и нищете, породивших Сопrotивление. Другими словами, сопротивление в Италии и других странах родилось как реакция на насилие. В этом романе я не мог описать сопротивление этой части Италии точно, потому что в этой части Италии «маки» не успел образоваться. Он описывает страдания итальянского народа во время фашистского и нацистского давления. Вот почему я считаю, что эта книга отражает сопротивление итальянского народа.

Во всяком случае, не считайтесь с интервью и напишите, что хотите.

Надеюсь увидеть Вас скоро, потому что я хотел бы снова приехать в СССР – в Ленинград, который я плохо видел и в Среднюю Азию.

Во всех случаях спасибо за предисловие. Я хотел бы его прочитать. Пришлите мне перевод – буду Вам очень благодарен.

Дружески Ваш *Альберто Моравиа*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1930. Л.1-2. Альберто Моравиа (1907–1990) – итальянский писатель.

¹ Роман А.Моравиа «Чочара» (1957) вышел отдельным изданием в Москве осенью 1958 г. с предисловием ИЭ.

² Имеется в виду интервью Моравиа о романе «Чочара» – см. письмо ИЭ Моравиа от 5 февраля 1958 (П2, № 403).

289. А.С.Эфрон

<Москва,> 3 июля 1958

Дорогой Илья Григорьевич! Опять прошу Вашего совета: ЦК ответил... по прямому проводу в Тарусу, через ошеломленного секретаря райкома, что: помещать письмо протеста в газете считают нецелесообразным, т.к. это придаст слишком большое значение выходу этой книги там¹; рекомендуют мне протестовать лично, написать в Базель (где часть маминого архива) и в мюнхенское издательство. Причем в разговоре с секретарем выяснилось, что неплохо бы попытаться получить Базельский архив сюда. Вот я и не знаю, как, собственно говоря, протестовать? Нужно найти какой-то правильный тон по отношению к Базелю, где хранятся рукописи: разозлишь их, так они и всю обойму выпустят, к<отор>ая находится у них на хранении! Архив они вряд ли отдадут, но попытаться, по моему, можно и нужно. Главное, чего не знаю: это: распространяются ли мои наследственные права на за границу? Если да, то разговор простой, и всё это можно поручить юристу, а если нет, то, пожалуй, протестовать нужно с осторожностью.

Теперь относительно Мюнхена, т.е. издательства, выпустившего «Лебединый стан»: издательства, как такового, видимо, нет, а писать нужно составителям книги; в Калифорнию. Тут уж можно, по моему, ругаться. Мне думается так: в Базель послать запрос

1) На каких условиях был оставлен Цветаевой на хранение базельской универ<ситетской> библиотеке этот самый архив?

2) Есть ли личные указания Цветаевой о том, что библиотека имеет право издавать находящиеся там ее рукописи, и поручать это посторонним, не имеющим отношения к Цветаевой лицам?

3) На каком основании базельский университет нарушил принципиальную волю Цветаевой, никогда не хотевшей обнародовать «Лебединый стан»?

4) На каком основании университет поручил или решил обнаружение «Лебединого стана» именно г. Иваску², проявившему поразительную наглость и развязность в выборе выдержек из маминых писем, опубликованных им в Гарвардском «Русском Архиве» и поразительное невежество в своих к ним комментариях?

И закончить тем, что я, дочь Цветаевой и единственная наследница, протестую против того, что, вопреки воле моей матери, стихи ее используются как оружие политической борьбы, в то время как хранение своего архива она доверила Швейцарии, как нейтральной державе в уже развязавшейся тогда второй мировой войне, именно во избежание того, чтобы произведения ее, носящие определенную окраску, не были бы использованы кем-н<и>б<удь> во зло.

Также нужно будет спросить, что именно оставлено мамой там на хранение.

Вести же разговор о передаче мне архива можно будет только тогда, когда я выясню, распространяются ли мои наследственные права на за границу? Если, по всему вероятию, нет, то так просто они не отдадут. Если бы еще я имела возможность поехать туда сама, то «укалякала» бы, м.б.! Но такой возможности нет.

Насчет же Мюнхена или Калифорнии, то тут, по моему, можно написать и издателю и составителю письмо протеста, в <отор>ом, в частности, указать и на все погрешности и на все невежество комментариев и статьи Иваска, помимо самой сути дела.

И, собственно говоря, все это вместе взятое ничего не даст, кроме того, что Иваск и К° узнают, что книга попала в СССР, что им, собственно, и требуется.

Так ли я собираюсь действовать, или не так? У Вас будет <Б.А.>Слущкий, Вы ему скажите, что Вы думаете по этому поводу, а он мне передаст через Наташу³, т.к. я сегодня уезжаю опять в Тарусу.

Главное, что Наташа не нашла «Лебед<иный> стан», и у меня нет ни имени, ни адресов!

Милый Илья Григорьевич, если Вы поедете куда-нибудь, где эту книжку можно купить в магазине, купите ее для меня, пожалуйста. У меня нет этих стихов, за исключением 2-3. Вадиму Морковину⁴, к<отор>ый писал Вам, чтобы разыскать меня и что-то сообщить насчет маминого лит. наследия, я написала и надеюсь с ним встретиться. Ведь мама оставляла какой-то свой архив и в Чехословакии, м.б., хоть это удастся выщарапать?

Простите, что время от времени время у Вас отрываю; но – кому повем?

Роман Пастернака вышел у Галлимара⁵. Я придумала штуку, к<отор>ая мне самой кажется смешной – не знаю, рассмешит ли Вас? «Эренбург, Цветаева, Слуцкий и примкнувший к ним Стендаль»⁶.

А впрочем это, пожалуй, не смешно, но зато в духе времени.

Крепко обнимаю Вас и за все благодарю. Целую Любовь Михайловну.

Ваша Аля.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ Имеется в виду книга М.Цветаевой «Лебединый стан», изданная в Мюнхене в 1957 г.

² Юрий Павлович Иваск (1907–1986) – поэт, критик, историк литературы; с 1920 г. жил в Эстонии, откуда в 1944 г. ушел вместе с немцами, с 1949 г. – в США.

³ Секретарь ИЭ Н.И.Столярова (1912–1984), подруга юности А.С.Эфрон..

⁴ Вадим Владимирович Морковин (1906–1973) – поэт и беллетрист; жил в Праге, подготовил к изданию книгу писем М.Цветаевой к А.Тесковой; в ФЭ хранятся 4 его письма к ИЭ.

⁵ Парижское издательство.

⁶ Пародируется стандартная после июля 1957 г. фраза «Маленков, Каганович, Молотов и примкнувший к ним Шепилов» (т.е. состав «антипартийной группы», исключенной из ЦК КПСС).

290. А.Моравиа

<Рим,> 5 июля <1958>

Мой дорогой Эренбург,
я получил Ваше письмо по поводу Бабеля¹. Я бы хотел написать об этом крупном русском писателе, но, к сожалению, у меня нет времени прочитать его книги. Я читал Бабеля 30 лет назад и совершенно все забыл.

Кроме этого, не все книжки перевели на итальянский и французский языки.

И, наконец, по поводу Бабеля надо написать длинное выступление о литературе времен Сталина, но это было бы слишком длинно.

Заранее прошу прощения и надеюсь Вас скоро увидеть.

Дружески Ваш *Альберто Моравиа.*

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1930. Л.3.

¹ ИЭ старался как мог популяризировать и в СССР, и за рубежом книги своего погибшего друга и просил Моравиа написать статью об И.Э.Бабеле.

290а. Дж.Неру

Нью-Дели, 31 августа 1958

Дорогой мистер Эренбург,

Это было очень хорошо с Вашей стороны написать мне и прислать отчет о Вашей речи на Стокгольмском конгрессе¹. Я прочел эту речь, и, если можно так сказать, я согласен с Вашим подходом к этому вопросу. Я особенно рад отметить, что Вы подчеркнули: споры и взаимные обвинения не служат делу мира.

Я сохраняю живое и милое воспоминание о беседе, которую мы имели, когда Вы так любезно нанесли к нам визит².

С самыми добрыми пожеланиями

Искренне Ваш

Джавахарлал Неру.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1964. Л.1. Джавахарлал Неру (1889–1964) – первый премьер-министр Индии; воспоминания ИЭ о Неру написаны для сборника «Наследство Неру (дань памяти)» (см.: “The legacy of Nehru”. N.Y. 1965. P.53-56), по-русски не опубликовались.

¹ 2 августа 1958 г. через индийское посольство в Москве ИЭ отправил Неру письмо (по-французски) и отчет (по-английски) о своей речи на Стокгольмском конгрессе за разоружение и международное сотрудничество (16-22 июля 1958).

² Имеется в виду поездка ИЭ в Индию в январе 1956 г.

291. Н.А.Удальцова

Москва, 3.10.1958

Глубокоуважаемые Любовь Михайловна и Илья Григорьевич,

чрезвычайно жалею, что до сих пор не побывала у Вас. Вот уже вторая неделя как навалилась новая беда – серьезно заболелась больная нога и еле брожу. 5 октября открывается наша групповая выставка¹ и ничего не знаю, сколько работ взято и все ли, какие я просила выставить, повешены. На мое счастье мой сын проявил достойную энергию и по слухам, кажется, неплохо. Обидно, что на открытии я не могу быть. Билеты я не получила, но на московский Ваш адрес они послали.

Я дней десять тому назад посылала к вам домработницу, но она испугалась собаки, надеюсь новый посланный будет храбреей.

Я представляю себе горе Ильи Григорьевича и его волнение в связи с событиями во Франции².

Примите мое глубокое уважение

Н.Удальцова.

Впервые. Подлинник – ГМИИ им.Пушкина. Ф.41. Оп.1. Д.1. Л.68. Надежда Андреевна Удальцова (1886 – 1961) – художница

¹ Речь идет о выставке пяти художников в Доме художника на Кузнецком мосту, 11.

² Имеется в виду прошедший 28 сентября 1958 г. во Франции референдум; в результате чего была изменена конституция и расширены полномочия президента республики (им стал Ш. де Голль).

292. Е.Г.Полонская

Ленинград, 26 XII <19>58

Дорогой Илья,

Очень рада твоей книге¹, рада вдвойне. Потому что она вышла в свет, потому, что получила ее от тебя и теперь буду читать. С удовольствием перечла некоторые твои переводы Дю Белле², которые давно знаю и люблю «Счастлив, кто уподобясь Одиссею».

Странно, что в течение всего декабря я порывалась написать тебе, придравшись хотя бы к дате твоего рождения. Но не могла, не хватило сил, болею, превратилась в долгоиграющую пластинку.

Желаю тебе, дорогой, доброго здоровья, здорового сна и только приятных встреч. Видишь, какое новогоднее пожелание.

Когда прочту книгу, напишу. Между прочим, в связи с «Уроками Стендаля»³ расскажу, если встретимся, любопытный эпизод.

Не собираешься ли ты в Ленинград? Знаю, что его не любишь, но все же это не Лажечников «Ледяной дом»⁴, где тебя возьмут да усыпят на шутихе. Не читала с детских лет, а теперь почему-то вспомнила. Прочла только Эльзу Триоле «Незванные гости». Неправильно передано заглавие, но повесть неожиданно интересна. Она многому у тебя научилась, умная женщина. А про любовь она и сама умела. Прости меня за болтовню. Это я по болезни. Напиши о своем здоровье.

Твоя *Лиза*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2055. Л.11-12.

¹ «Французские тетради» (М., 1958); надпись на книге: «Дорогой

Лизе многострадальную мою книгу. И.Эренбург. Зачем только черт меня дернул /Влюбиться в чужую страну?»

² Жоашен Дю Белле (1522–1560) – один из любимых французских поэтов ИЭ, его стихи он переводил еще в 1910-х гг.

³ Эссе ИЭ (1957), вызвавшее резкие нападки в прессе.

⁴ Исторический роман И.И.Лажечникова «Ледяной дом» (1835) описывал бироновское время.

1959

293. М.Шагал

Париж, 12 января 1959

Любезный Илья Григорьевич – надеюсь Вы здоровы. Вы и Ваша семья. Я позволяю себе Вам написать. Вы мне однажды сказали и даже послали снимок картины «автопортрет» мой находящийся в Вашей коллекции. Директора музеев Гамбурга, Мюнхена и «Musée des arts décoratifs» (в Pavillon Marsak в Лувре), которые устраивают мои выставки, ищут мои старые картины для этих выставок. Эти выставки устраиваются под эгидой «Unesco» вероятно, в связи с моим возрастом и 50-летием работы с 1908. Я Вас хотел бы просить, если можете одолжить Вашу картину для этих выставок или хотя бы для Paris. Если Вы согласитесь – директора Вам пришлют официальное письмо и все гарантии. Я кстати сам тоже буду рад его (портрет) увидеть, чтобы решить его дату (до 1911 или после 1914)... Между прочим, один московский частный коллекционер¹ получил разрешение послать и выставить свою коллекцию моих вещей на этих выставках. Думаю, что и Вы получите. Арагон и посольство в Париже просили в Москве послать к этим упомянутым выставкам мои старые карти-

ны, находящиеся в музеях Москвы и Ленинграда. Пока еще нет ответа.

В ожидании Вашего ответа остаюсь с искренним приветом

Марк Шагал.

P.S. Ваша картина² была б интересно выставить <так! – Б.Ф.> ибо я еще редко писал их. Кстати, если Вы можете попросить кого следует, чтоб одолжили мои картины для выставок, – я был бы очень благодарен. Но мало времени осталось. Сведения нужны для каталогов, где будут воспроизводиться все выставленные картины.

Впервые – Диаспора. Вып. III. Париж–СПб., 2002. С.425-426.
Подлинник – ГМИИ им. Пушкина. Ф.41. Оп.1. Ед.хр.1. Л.73.

¹ Георгий Дионисович Костаки (1913–1990).

² Имеется в виду автопортрет Шагала (1914).

294. С.Е.Головановский

Киев, 20.2.1959

Дорогой Илья Григорьевич, из-за плохой информации со мной постоянно происходят удивительные приключения. Так, например, сидя у Вас за столом не так давно, я даже не подозревал, что Вы именинник, и, видимо, был единственным из присутствовавших, кто не приветствовал Вас по сему поводу.

Но я тогда не знал и кое-что поважнее: я еще не читал Ваших «Французских тетрадей»! Теперь я прочел эту прекрасную книгу и мне захотелось сказать Вам несколько слов горячей благодарности.

Не могу постигнуть – каким образом на такой маленькой планете, как наша, могут одновременно и рядом ужиться столь различные явления, как, например, сочинения Софронова¹ и книги Эренбурга!

Приветствую Вас и еще раз благодарю за книгу, очень похожую на подвиг.

Ваш *Савва Головановский.*

Жена присоединяется, и мы вдвоем приветствуем Любовь Михайловну.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1451. Л.8.

¹ Анатолий Владимирович Софронов (1911–1990) – литератор, с 1953 г. главный редактор журнала «Огонек»; один из главных исполнителей кампании по борьбе с «космополитами» в Союзе писателей (1949).

295. М.Шагал

<Париж,> март 1959

Спасибо, любезный Эренбург, за Ваш ответ быстрый. Я конечно хотел бы чтоб Ваш (мой) автопортрет был бы на выставках, я написал об этом François Mathey (conservateur de Musée des Arts Decoratifs Paris¹). М. б. Вы напишете Direktor der Hamburgener Kunsthalle – Prof. Dr. Alfred Hentzen² и он Вам ответит о формальностях. Вот из Москвы лично привез м<есье> Костаки свою коллекцию моих вещей немного с опозданием <так!> чтоб быть в каталоге Гамбурга но будут в каталоге Мюнхена и в Париже. Заодно попросите каталог у Dr. Hentzen'a, м. б. сумеете лично подъехать туда.

Кстати будто мне сказали здесь что из Москвы думают все же одолжить, послать мои старые вещи находящ<иеся> (в резервах) Третьяков<ской> галереи в Москве, в Ленинграде в том числе кое что из стенной живописи бывш<его> евр<ейского> театра³.

Тогда можно и Ваш портрет приложить... Еще раз спасибо за Ваше внимание.

С сердечным приветом

предан<ный> *Марк Шагал.*

Впервые – Диаспора. Вып. III. Париж–СПб., 2002. С.426-427. Подлинник – ГМИИ им.Пушкина. Ф.41. Оп.1. Ед.хр.1. Л.75.

¹ Хранитель парижского Музея декоративного искусства (франц.).

² Директор гамбургской Кунстхалле искусств (нем.).

³ Речь идет о семи больших панно для стен Московского еврейского камерного театра, руководимого А.М.Грановским; с конца 1930-х, после кампании по борьбе с формализмом в советском искусстве, шагаловские панно были сняты со стен театра и отправлены в запасники Третьяковской галереи; лишь в пору перестройки они были извлечены оттуда, отреставрированы и экспонировались в Москве и за рубежом.

296. А.К.Гладков

<Москва,> 14 марта 1959

Уважаемый Илья Григорьевич!

Вы меня не знаете, но, может быть, если пореетесь в памяти, вспомните Ваши переговоры в конце 1935 и начале 1936 г. с В.Э.Мейерхольдом об инсценировке для Гостима¹ переведенного Вами, популярного тогда французского романа о Китае² и тощего молодого человека, с которым однажды Вас познакомил В.Э. на предмет литературного сотрудничества с Вами в работе над инсценировкой. В начале 1936 г. французский писатель приезжал в Москву и как-то обедал у В.Э. (это было 5 марта) и прямо с обеда этот писатель вместе со своим спутником, тогда еще совсем молодым, а ныне маститым историком кино Жоржем Садулем³, поехал на Курский вокзал – он ехал в Крым к Горькому... Может быть, именно тогда В.Э. меня познакомил с Вами, а может быть, это было раньше на репетициях «33 обмороков»⁴ – точно не помню, но хорошо помню, как захватывающе интересно фантазировал тогда В.Э. о том, как на сцене может быть решен литературный прием «внутреннего монолога». Еще помню, как знакомя тощего молодого человека, бывшего тогда чем-то вроде литературного адьютанта В.Э. – с французским писателем и его спутником, он шепнул ему: «Это брат т о г о Садуля!»⁵. Для юноши двадцатых годов имя т о г о Садуля⁵, которого сейчас почти никто не помнит, звучало достаточно громко и красноречиво... Еще помнится, что при этой встрече был Борис Леонидо-

вич <Пастернак> с женой... С тех пор утекли океаны воды: давно уже нет с нами В.Э., Вы написали много прекрасных книг, французский романист из левого писателя превратился в правого политического деятеля, а тощий молодой человек (это, как Вы догадываетесь, – я) сочинил и поставил несколько пьес (может быть, Вы слышали название одной из них – комедии в стихах «Давным-давно» – она не сходит с репертуара более 15 лет) и побывал главным режиссером одного из самых фантастических театров на свете⁶...

Кроме того (нужно ли это говорить?), я Ваш старый и внимательный читатель, хранящий в своей библиотеке более двух десятков Ваших книг, в том числе почти все сборники стихов и уже редкую ныне «Портреты русских поэтов» (берлинское издание), которая, помимо прочего, дорога мне еще тем, что это подарок М.М.Литвинова⁷, заметившего, с какой жадностью я ухватился за нее, роясь среди его библиотеки, еще когда он жил на Гранатном...

После многих приключений моей жизни, я продолжаю писать пьесы. Предпоследнюю – «Ночное небо» – сейчас репетирует ленинградский Театр Комедии Н.Акимова, а «Давным-давно» еще можно встретить на афише Центр. Театра Сов. Армии.

Но последние годы я стал одержим желанием написать большую книгу о Всеволоде Эмильевиче. Мне посчастливилось сохранить все мои записи 30-х годов о нем, его письма и записки, и я знаю, что в один прекрасный день я брошу все остальное, и сяду за эту работу.

Данная рукопись «Из воспоминаний» – это своего рода эскиз мемуарной части этой книги.

Как это ни странно, два года назад издательство «Искусство» приняло ее, подписав со мной договор, но до сих пор держит ее в резерве, изредка посылая на рецензии. Впрочем, совсем уж недавно мне было снова обещано напечатать ее в альманахе «Театральная Москва» (после хвалебного отзыва И.В.Ильинского⁸). Ну, поживем – увидим...

Вы когда-то написали о В.Э. замечательную страничку

в «Книге для взрослых». Я хорошо знаю, что В.Э. считал Вас своим другом. Мне известно от Маши (внучки В.Э.)⁹ о Вашем участии в реабилитации его имени. Все это, как мне кажется, дает мне право просить Вас прочитать мою работу, а если она, может быть, подтолкнет Вас записать хотя бы несколько страничек Ваших воспоминаний о В.Э. – то уже это одно оправдывает мою навязчивость...

Кроме данной работы я написал еще несколько глав будущей книги о В.Э., являющихся развитием некоторых наблюдений, о которых я говорю и в этом небольшом очерке.

Необходимо, чтобы все знавшие хорошо В.Э. записали все, что они помнят о нем. Вот умер М.Ф.Гнесин¹⁰, любивший и знавший В.Э. и замечательно о нем рассказывавший, и не оставил своих воспоминаний, и я не могу простить, что мало дергал его за рукав и уговаривал их написать...

Ваш Ал.Гладков.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Александр Константинович Гладков (1912–1976) – драматург, мемуарист (автор воспоминаний о Мейерхольде, Пастернаке, ИЭ).

¹ Государственный театр им. Вс.Мейерхольда (1923–1938).

² Имеется в виду роман Андре Мальро «Удел человеческий».

³ Книги Жоржа Садуля (1904 – 1967) по истории кино широко издавались в СССР.

⁴ Последняя постановка Мейерхольда в Гостиме (1935) – спектакль по трем водевилям А.П.Чехова.

⁵ Жак Садуль (1881–1956) – франц. журналист; коммунист, в 1930-е гг. корреспондент «Известий» в Париже.

⁶ Видимо, имеется в виду театр в лагере, где отбывал заключение впоследствии реабилитированный А.К.Гладков.

⁷ Максим Максимович Литвинов (1876–1951) – нарком иностранных дел СССР.

⁸ Игорь Владимирович Ильинский (1901–1987) – артист Гостима.

⁹ Мария Алексеевна Валентей; ее статья «Об И.Г.Эренбурге с признательностью и благодарностью» напечатана посмертно – Театр, 2003, №1-2, с.66-70.

¹⁰ Михаил Фабианович Гнесин (1883–1957) – композитор и педагог.

297. Э.Г.Казакевич

Москва, 6 мая 1959

Дорогой Илья Григорьевич.

Эти дни я – не впервые за последнее время – думаю о Вас с благодарностью. Я прочитал начало Вашей статьи «Перечитывая Чехова» в «Новом мире»¹. Почему с благодарностью? Ведь все приведенные в ней факты мне были известны и ранее. Дело, оказывается, не в фактах и не в искусном или даже мудром подборе их – дело, оказывается, в авторе, в Вас, в Вашей ненависти ко всякого рода подделкам, в Вашей непримиримости к пошлости и глупости вселенской, в Вашей фразе просветителя, во всей Вашей направленности великого бойца за социалистическую культуру без кавычек и советскую мораль без кавычек.

Лично для меня последние работы, включая «Французские тетради», индийские и японские впечатления² и эту, последнюю, имеют особенное значение: они поддерживают во мне уверенность, что то, что я теперь делаю, – правильно.

Крепко жму Вашу руку. Передайте дружеский привет Любови Михайловне.

(Я лежу в больнице. Меня здесь исследуют.)

Ваш *Эм.Казакевич.*

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1639. Л.3.

¹ Очерк печатался в двух номерах (5 и 6-м); Казакевич пишет о №5.

² «Японские заметки» ИЭ напечатаны в «Иностранной литературе» (1957, № 8).

298. Р.Гуттузо

<Рим,>14.6.<19>59

Дорогой друг, я пользуюсь тем, что в СССР поехал мой дорогой друг Бруно Пайлини с женой, которая является большой киноактрисой (ее зовут Мерль Оберон Пайлини), чтобы передать свои дружеские чувства. Г-н Пайлини интересуется Советским Союзом и Мексикой.

У него хорошая коллекция старой и современной живописи. Если Вы захотите встретиться с ним и указать ему молодых художников, я буду Вам очень благодарен за это. Надеюсь, что Вы и Ваша жена здоровы и, надеюсь, как можно скорее повидать Вас.

Ваш верный друг *Ренато Гуттузо*.

Впервые. Подлинник – ГМИИ. Ф.41. Оп.1. Ед.хр.11.

299. М.С.Сарьян

Ереван, 23 сентября 1959

Дорогой Илья Григорьевич!

Спасибо за Ваше письмо, которое получил сейчас же после Вашего прибытия в Москву. Но Вы ничего не пишете как летели до Москвы.

Десять дней Вашего пребывания с Любовью Михайловной у ног Библейского Арарата в Ереване быстро прошли¹. Все же при очень внимательном отношении местного правительства мне удалось Вас познакомить с древними памятниками и с древней землей, носящими на себе и следы времени и жестоких шагов истории.

Илья Григорьевич, я прекрасно представляю вопрос выставки² следующим образом:

Министерство культуры поручает Дирекции выставок и панорам, специальная организация, которая занимается этим делом, собрав в Москве, как мы с Вами договаривались, от тридцати максимум до пятидесяти работ, которые находятся в Ереване у меня и в Государственной картинной галерее. Затем в Москве в Третьяковской галерее, в музее Восточных культур и в Бахрушинском музее и, наконец, в Ленинграде в музее Русской живописи.

Вот из этих мест может собрать в Москве Дирекция выставок и панорам, передать «Мезон де ла пансее»³. Мне кажется транспортировка туда и обратно, страховка, экспо-

зиция, каталог с иллюстрациями, все это дело «Мезон де ла пансе». Хотя в эти дела я не вмешиваюсь, они могут договориться между собой, как им угодно. Я заинтересован в том, чтобы работы вернулись на свои места.

Между нами будь сказано, Париж – чудесный город, где очень хорошо знают цену деньгам.

Я так привык к тем дням, когда я Вас с Любовью Михайловной видел каждый день, что право стал скучать по Вам.

Все наши очень полюбили Вас, шлют Вам сердечнейший привет – привет с Любовью Михайловной.

Фотографы обещали подготовить снимки, которые немедленно вышлю Вам.

Ваш *М. Сарьян*.

Впервые. Подлинник – ГМИИ им. Пушкина. Ф.41. Оп.1. Д.1. Л.60. Ответ на письмо ИЭ от 16 сентября 1959 г. (см. П2, №432).

¹ Поездке ИЭ в Армению посвящена 17-я глава 7-й книги ЛГЖ.

² Речь идет об организации выставки работ Сарьяна в Париже; ИЭ как президент общества «СССР – Франция» принимал активнейшее участие в ее организации.

³ Выставка Сарьяна предполагалась в парижском «Доме французской идеи»; ИЭ вел переговоры об этом с генеральным секретарем Дома.

300. Н.И.Конрад

<Москва,> 19 X <19>59

Многоуважаемый Илья Григорьевич!

Ваше последнее «письмо в редакцию» «Литературной газеты»¹ побудило меня воспользоваться очень давним и, несомненно, забытым Вами случаем, когда я получил возможность познакомиться с Вами, чтобы позволить себе предложить Вашему вниманию только что вышедшую статью «Проблемы современного сравнительного литературоведения». Мне кажется, что кое-что в ней, а точнее говоря, – ее основная мысль может встретить Ваше сочувст-

вие. Статья эта отражает то, что я в последнее время всячески стараюсь отстаивать в литературоведении.

Прошу вас прочесть эту статью в знак самого искреннего к Вам уважения и давнего и прочного.

Н.Конрад.

Р.С. прилагаю более раннюю статью «К вопросу о литературных связях» – того же направления. Может быть, найдете минуту просмотреть и ее.

Н.К.

Впервые. ФЭ. Ед.хр.1705. Л.1. Николай Иосифович Конрад (1891–1970) – академик-востоковед; ответ ИЭ на это письмо – см. П2, №433.

¹ *И.Эренбург.* Обсуждение или осуждение? Письмо в редакцию // ЛГ, 17 окт. 1959. Письмо содержит резкую полемику со статьей Е.Серебровской «Бойцы остаются бойцами» (ЛГ, 6 окт. 1959) по поводу повести «Оттепель».

301. А.Б.Гатов

Москва, 25 ноября 1959

Дорогой Илья Григорьевич,
когда приближаются круглые даты – а мне на днях стукнет 60! – начинаешь думать не столько о достигнутом, сколько об упущенном; мне подумалось о том, что, несмотря на наше сорокалетнее знакомство, Вы, верно, никогда не держали в руках ни одной моей книги стихов, хотя их вышло в моей жизни восемь и на днях будет сдана в набор еще одна, куда войдут стихи 1916–1959 годов. Мне захотелось сделать Вам очень скромный подарок – «Высокий берег»¹, куда вошла часть моих стихов о Париже. В новой книге парижский цикл будет полнее.

Когда мы познакомились? Я думаю, в Киеве в 1919 году – вспоминаю, что Вы зашли к Хазиным² утром; с Вами была рукопись перевода трагедии о каком-то короле (забыл, кто автор и какой король). Нас познакомил О.Э.Мандельш-

там, наш общий друг и посетитель кафе вблизи Думской площади; мне пришлось быть свидетелем и очень страшного эпизода в Доме печати, когда Вы уводили в сторону рассвирепевшего Блюмкина³, собирающегося за что-то мстить бедному Мандельштаму...

Харьков. Узкий переулок около театра; кафе в этом Рымарском переулке – с пестрой публикой (какой-то тип рассказывает, что ему поручено вывезти через линию фронта дядю Троцкого в обмен на белого генерала). Интересные Ваши устные рассказы – многое из того, что после довелось прочитать в «Хулио Хуренито». А там – через несколько лет – Париж, Монпарнас, кафе «Дом», иногда Ротонда. Авеню Мэн⁴... Я пришел к Вам по какому-то делу, у Вас температура 38, но Вы не прекращаете работы над романом.

В Париже, действительно, легче встречаться людям, у которых есть общие интересы, чем в Москве. Видели ли Вы мои монографии 30-х гг., переводы со статьями «Эжен Потье⁵. Песни» и «Поэты парижских баррикад», о которых весьма лестно отзывался «Монд», писавший, что я открываю французам забытые ими ценности их революционной лирики? Так же лестно отзывался о моей работе Жан Фревил⁶ в «Юманите». К сожалению, я раздражал многих докторов наук тем, что «открыл» то, что надлежало открыть им; поэтому много лет не удастся мне выпустить 3-е значительно дополненное издание «Поэтов парижских баррикад». Также отлеживаются дома в папке 5000 строк многократно мной переработанных переводов из Потье.

Я думаю, что Вы не знаете и моей брошюры «Забавляйтесь про себя», составленной из моих парижских писем, воспоминаний и др.? Таким образом, если бы дорогой председатель общества «СССР – Франция» захотел, чтобы я стал ближе к этому обществу, мне бы это могло быть приятным. Но, если бы Вы пожелали этого, осуществиться это могло бы позднее, когда я залечу сломанное мной при падении на улице плечо, что привело меня к Склифосов-

скому (сейчас я уже дома). Можно утешаться, что плечо левое, а не правое, хотя выяснилось с полной очевидностью, что и левая рука – не лишняя роскошь.

Я прошу передать привет Вашей жене, и да простит она, что забыл ее отчество; а художница Любовь Козинцева запомнилась прочно.

Ваш *А.Гатов.*

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1413. Л.1. Александр Борисович Гатов (1899–1972) – поэт и переводчик с французского; эпизоды 1919-го и 1920-х гг., о которых он сообщает в письме, никак не противоречат мемуарам ЛГЖ, тогда еще не написанным.

¹ *Александр Гатов*. Высокий берег. М., 1956; на книге написано: «Дорогим Илье Григорьевичу и Любви Эренбургам от всего сердца. А.Гатов. Москва. 21 ноября 1959 г.».

² Имеется в виду семья Н.Я.Хазинной (Мандельштам).

³ Эпизод с левым эсером и сотрудником ВЧК Я.Г.Блюмкиным (1898–1929) описан в 14-й главе 2-й книги ЛГЖ.

⁴ В отеле на авеню дю Мэн, 64 ИЭ жил с февраля 1925 по октябрь 1926 г.

⁵ Эжен Потье (1816–1887) – франц. поэт-песенник, автор текста «Интернационала» (1871).

⁶ Жан Фревилль (1898–1971) – франц. писатель и публицист; деятель ФКП.

301а Л.Н.Мартынов

<Москва,> 29 XII <19>59

Дорогие Любовь Михайловна и Илья Григорьевич, примите мои поздравления с Новым годом и самые лучшие пожелания.

Большое спасибо, Илья Григорьевич, за вашу прекрасную книгу стихов¹.

Пусть в наступающем году выйдет еще книга, в которую войдут и еще многие Ваши стихи, любимые мной.

Привет.

Леонид Мартынов.

Полностью впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1883. Л.5.

¹ *И.Эренбург*. Стихи. 1938–1958. М., 1959. Л.Мартынов – автор статьи «Поэзия Ильи Эренбурга» (Литературная Россия, 28 января 1966).

302. Ф.Н.Горенштейн

<Киев, конец 1950-х>

Уважаемый Илья Григорьевич!

Я хотел бы видеть в Вас арбитра между мной и некоторыми кинорежиссерами киевской киностудии. Тоска ли это? Неореализм ли это? Пессимизм ли это? Повесть эта маленькая является началом моей будущей работы над пьесой или киносценарием. Конечно, будь у меня время и возможности, сделал бы я ее лучше.

Мог бы я еще прислать Вам что-либо другое, более прочное, более признанное и не такое растрепанное.

Но мне кажется тема эта очень важная и таит в себе большие потенциальные возможности. В старой статье своей писали Вы о ранах сердца, которые пострашнее городов, превращенных в щебень. О человеке большой верности и большой любви, о том, как медленно и трудно оттаивает он возле людей, но и люди оттаивают возле него, возле этой верности, и о том, что жизнь все-таки оказывается сильней всего, даже человеческого горя.

Думаю я писать свой киносценарий и пытался я рассказывать в своей повести. Мертвых помнить и живых любить – вот основная мысль. Я инженер. На сырце рыли мы котлованы под дома. Как-то я заметил, что один рабочий пользуется вместо подпорки каким-то странным предметом. Это была человеческая кость.

– А что же здесь такого, – удивился он, – их тут сколько угодно.

Оказывается, раньше там был лагерь наших военнопленных.

В журнале «Юность» лежит моя повесть «Практика» о

криворожском руднике. Лежит она вроде бы в папке у Катаева, в редакции она понравилась, и если Катаев пропустит, у меня будут возможности пока почти полностью сосредоточиться на сценарии.

Просьба у меня к Вам есть, может, знаете Вы кого-нибудь из московских режиссеров, может, заинтересуются они этой темой. И потом, как Вы думаете, можно ли повесть эту предлагать какому-нибудь журналу в таком виде.

Мой адрес: г.Киев, п/о 37. Горенштейну Фридриху Наумовичу.

С уважением

Ф. Горенштейн.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.3510. Л.1-2. К письму приложена машинопись повести «Клавин город» (56 маш. стр.). Ф.Н.Горенштейн (1930–2002) – прозаик, драматург, киносценарист.

1960

303. Я.Ивашкевич

Стависко, 1.1.1960

Дорогой Илья Григорьевич –

Мне несколько совестно, что я Вам не написал сейчас же по получении Ваших стихов, и после того, как я прочитал Ваши чудесные воспоминания о Юлике¹. Но мы были с моей женой за границей – совершали путешествие, длившееся около двух месяцев. Только после возвращения я нашел Ваше послание – но наступили праздники, приехали внуки, ёлка и всякое такое. Мне приятно начинать Новый год письмом к Вам. (Я никогда никому не посылаю специальных пожеланий и поздравлений – но это письмо будет тоже выражением моих лучших чувств, которые я питаю

к Вам и Вашему творчеству.) Я очень люблю Ваши стихи, и Ваша книга сделала мне большое удовольствие, я ее прочитал вдоль и поперёк. Но Ваши воспоминания о Тувиме так красивы, так трогательны и так прочувствованы, что мне даже трудно об этом писать, чтобы мои слова не показались Вам чем-то пошлым. Конечно, я напечатаю эту статью в «Twórczość»², и это будет большой честью и большой радостью для нашего журнала.

На днях миновало шесть лет от смерти Тувима – время летит. Он у меня стоит перед глазами как живой – последний раз мы встретились с ним на похоронах Галчинского³.

Мне было приятно, что Вы упоминаете в своей статье о моем доме, у меня осталось яркое воспоминание от этого вечера⁴, от летней прекрасной погоды и от Ваших слов, которые были очень важны и значительны и после которых я лучше понял Ваш глубочайший гуманизм. Будучи в Париже, мы были с женой у Сартра, мы много о Вас говорили.

Теперь вечер, тишина и ночь вокруг моего дома, внуки играют в карты, только что зажигали ёлку – так начинается Новый год, мирно и тихо. Дай Бог, чтобы так было дальше. Я очень благодарен Вам, Илья Григорьевич, за Ваши стихи, за Вашу статью, за Вашу память.

Я крепко жму Вашу руку –

Ярослав Ивашкевич.

Я так и не знаю Вашего адреса, я пишу в союз <писателей>.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1610. Л.2. С польским писателем Ярославом Ивашкевичем (1894–1980) ИЭ познакомил в Варшаве в 1927 г. Тувим.

¹ См. письмо ИЭ Ивашкевичу от 10 декабря 1959 (П2, №437); вместе с письмом ИЭ послал книгу «Стихи 1938–1958» (М., 1959) и текст своего неопубликованного предисловия к книге М.Живова о Юлиане Тувиме.

² Журнал, главным редактором которого был Ивашкевич; судя по библиографии публикаций Тувима и о нем, статья ИЭ напечатана в Польше, как и в СССР, не была.

³ Польский поэт Константы Ильдефонс Галчинский умер в Варшаве 6 декабря 1953 г., за три недели до смерти Тувима.

⁴ Ивашкевич в 1967 г. описал этот вечер в воспоминаниях об ИЭ (см. ВЛ, 1984, №1).

304. Е.А.Гнедин

Москва, 1.1.1960

Многоуважаемый, дорогой Илья Григорьевич!

В первый день Нового года решаюсь написать Вам несколько строк, которые не раз хотел написать Вам в течение истекшего года. Не писал, потому что полагал (да и полагаю), что Вы в наименьшей степени нуждаетесь в признании значения Вашей деятельности со стороны людей моего поколения.

Важнее, чтобы Вас поняла молодежь. Тем не менее не могу не сказать Вам то, что охотнее всего сказал бы публично, если бы по роду своих занятий был бы участником литературных дискуссий или, как в прошлом, «номенклатурным журналистом». А хочу я высказать убеждение в том, что Ваши литературно-публицистические выступления последнего периода приобретают огромное значение – вневременное – именно потому, что в них звучит голос прозорливого современника великих перемен в жизни человечества... Музыка времени.

Я понял это особенно чётко после «Французских тетрадей», по-моему, недостаточно оцененных, ибо эта книга – не о Франции – не столько о Франции, сколько о нашей стране, и во всяком случае – о наших проблемах, книга, написанная для нашей страны, для нашей молодежи. Мне уже приходилось цитировать Вас, и Монтескье из Вашей книги¹ перед самой низкой аудиторией, приходилось ссылаться на книгу и в беседе со своими молодыми друзьями.

Фактом является, что Вы сейчас единственный, кто считает возможным сказать главное о том, что стало дей-

ствительно главным: о человеческой личности в советском обществе, о путях ее развития в свете прошлого опыта и больших надежд на будущее. Значение этой проблемы станет еще яснее и, может быть, грознее, именно в результате наших бесспорных материальных успехов.

Используя несколько горькую аналогию из Вашего интервью в «Труде»² скажу: «возможно, что сейчас действительно литературное произведение, это запечатанная бутылка с запиской, брошенной в океан. Но тот, кто найдет брошенную Вами бутылку, отнюдь не получит весть о кораблекрушении, а узнает, где хранится клад.

Жму руку

Глубоко уважающий Вас

Е.Гнедин.

Памятуя, что Вы интересовались моей личной судьбой, сообщаю, что мы с Надеждой Марковной³ благополучны; я пишу работу для Института мировой экономики и занимаюсь переводами. Надежда Марковна и моя дочь полностью присоединяются к сказанному в моем письме и шлют вам вместе со мной самые сердечные пожелания.

Гнедин.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1443. Л.1-2. С публицистом Евгением Александровичем Гнединым (1898–1983) ИЭ познакомился и общался в 1930-е гг., когда Гнедин был зав. иностр. отделом «Известий» (1934–1935) и зав.отделом печати НКВД (1935–1939) и очень ценил его; весной 1939 г. при разгроме НКВД Е.А.Гнедин был арестован и осужден (см. его книгу «Выход из лабиринта», М., 1994). Это письмо Гнедина отсутствовавший в Москве ИЭ прочел с опозданием, 26 марта 1960 г. он писал Е.А.: «Я был рад получить от Вас весточку. Сердечно благодарен Вам за слова о “Французских тетрадах” и моей работе...» (см. также коммент. к 13-й главе 5-й книги ЛГЖ).

¹ Имеются в виду слова «Нужно быть правдивым во всем, даже в том, что касается родины. Каждый гражданин обязан умереть за свою родину, но никого нельзя обязать лгать во имя родины» франц. писателя и философа Шарля Луи Монтескье (1689–1755) из его книги «Pensées», не издававшейся по-русски; ИЭ приводил их в откры-

вавшем «Французские тетради» очерке «О некоторых чертах французской культуры» (6, 13).

² Имеется в виду беседа журналиста с ИЭ (Труд, 5 ноября 1959).

³ Жена Гнедина.

305. М.С.Сарьян

Ереван, 29.1.1960

Дорогой Илья Григорьевич!

Получил Ваше письмо¹ относительно моей выставки в Париже, где Вы сообщаете об условиях и времени.

Одна мысль о выставке в Париже для меня источник больших волнений. Хочется сделать ее по возможности хорошо, отобрав лучшие и оригинальные работы, представляющие какой-нибудь интерес для Парижа. Удивить его, конечно, трудно, но, может быть, люди, любящие искусство, скажут: «Да, хорошо, что показали нам этого художника».

Вопрос об организации выставки имеет первостепенное значение. Инициативы Общества Франция–СССР имеет громадное моральное значение, а потому деловую сторону кто-то с самого начала должен вести и быть ответственным за нее.

Ясно, что в моей жизни это самое большое событие, которое больше никогда не повторится. Какие трудности необходимо преодолеть? Необходимо подобрать работы, которые представляли бы художественный интерес: из Третьяковской галереи, из музея Восточных культур, из театрального музея им. Бахрушина и из музея Революции в Москве. Из Ленинграда – музей Русской живописи. В Ереване из Гос<ударственной> Картинной галереи. Много картин у частных лиц.

Правда, очень малое количество придется взять из перечисленных мест, но это связано с разными процедурами и к тому же должно быть специальное разрешение Министерства культуры СССР.

Большой вопрос о продаже картин. Вопрос, о котором Вы пишете: «Маршан хочет получить право продать некоторое количество холстов, получив свою долю, покрыть этим расходы». Не представляю реально, о каких расходах идет речь? Мне кажется, устройство этой выставки, инициатором которой являетесь Вы, т.е. Общество Франция–СССР, обязательно должно принимать участие, а также и Министерство культуры СССР, которое имеет в своем распоряжении аппарат, называемый «Дирекцией Выставок и панорам». Она устраивает все выставки в Советском Союзе и за рубежом, имеет для этого опытных людей и средства для производства расходов с начала до конца, т.е. возвращения всех экспонатов своим хозяевам.

Дорогой Илья Григорьевич! После чудесных дней, проведенных с Вами и Любовью Михайловной в сентябре в Ереване, я принялся энергично за работу, но мне не повезло; я серьезно заболел и всю прекрасную осень, продолжавшуюся до конца года, почти не работал.

У меня возникла мысль, если это возможно, перенести открытие выставки на вторую половину этого года или на *grande saison* 1961 г., т.е. почти на год. Ей-богу, так будет лучше, и я смогу поработать. К этому времени я намерен написать Ваш новый портрет (прежний² пользуется всеобщим успехом), если, конечно, у Вас найдется время, а также портрет очень полюбившейся Любовью Михайловны.

Намерен сделать портреты Арагона и Эльзы Триоле.

Ваше выступление по радио в Ереване частично напечатано в журнале «Советикан Айастан»³. Вышло изумительно.

Весной и туда дальше к лету я приеду в Москву и мы можем договориться с Министерством Культуры, а может быть, и повыше с кем-нибудь, чтоб это дело хорошо организовать⁴.

«Пуганая ворона куста боится». В 1928 г. меня постигло несчастье, когда мои 35 работ сгорели по пути из Парижа в Ереван в константинопольском порту, не доехав до цели.

Хватит! Я Вам надоел своим длинным письмом.

Сердечный привет Вам и Любовь Михайловне с лучшими пожеланиями от всех наших и меня.

С чувством глубокого уважения и любви

Ваш *М. Сарьян*.

Р.С. Дорогой Илья Григорьевич, получили Вашу телеграмму из Рима. Глубоко благодарен за постоянное ко мне внимание во всех точках земного шара. *М.С.*

Впервые. Подлинник – ГМИИ им.Пушкина. Ф.41. Оп.1. Д.1. Л.61.

¹ Письмо ИЭ от 4 января 1960 (см. П2, № 440).

² Имеется в виду портрет ИЭ, написанный Сарьяном в сентябре 1959 г. в Ереване и находившийся у него дома.

³ Речь идет об армянском переводе выступления ИЭ «Я счастлив, что побывал в Армении» (Советикан Айастан, №10, 1959); по-русски: Илья Эренбург. Об Армении и армянской культуре. Ереван, 1988. С.34-39 (в этой же книжке напечатано 20 писем ИЭ армянским адресатам, в том числе три письма М.С.Сарьяну).

⁴ В итоге выставка Сарьяна в Париже не состоялась, хотя еще в 1961 г. ИЭ обращался по вопросу ее организации к министру культуры СССР Е.Фурцевой.

306. М.И.Будберг

Лондон, 20 февраля 1960

Дорогой Илья Григорьевич,

ну, вот, статья о Чехове¹ переведена. Тоуард Сэмюел кажется написал Вам о том, что ему необходима вторая, ввиду объема книги². Но Вы, оказывается, все свои писания обещали Харвиль Пресс?

Может быть, все же что-нибудь найдется прибавить к чеховской статье, она так увлекательна, так прекрасно сделана, что жаль, если по-английски издатель не сможет ее выпустить, как раз в этом году! Между прочим, оказалось еще два вопроса: «Ночь в Дуге»³ (когда Чехов пишет о Сахалине) и как пишется имя французского депутата Тед по-французски?

Кроме того, Вы обещали мне какие-нибудь Ваши прежние рассказы для иллюстрации? И Вейденфельд просил Вам написать, что он в том же затруднении, как Самуэль насчет «Путевых заметок». Простите, что всем этим надо-едаю Вам.

Так было приятно видеть Вас у себя, жалею, что не было Любовь Михайловны. Спасибо, что взяли капли.

С искренним приветом

Мария Будберг.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1336. Л.1. Мария Игнатьевна Будберг (урожд.Закревская; 1892–1974) – спутница жизни М.Горького и Г.Уэллса. ИЭ встречался с ней и в Москве, и бывая за границей.

¹ Имеется в виду работа ИЭ «Перечитывая Чехова» (1959).

² Речь идет о подготовке издания книги ИЭ «Chekhov. Stendhal and other essays» (London, 1962).

³ Речь идет о написании слова «Дуз» (название бывшей столицы сахалинской каторги), которое встречается в очерках Чехова «Остров Сахалин» и соответственно у ИЭ.

307. А.С.Эфрон

<Таруса,> 6 марта 1960

Дорогой Илья Григорьевич! Сегодня получила письмо от Сосинских¹, в ответ на мое по поводу мичиганской авантюры с изданием там маминой книги². Кажется, мне удалось приостановить эту затею, уподобив Мичиган Гослитиздату. В общем, потрудились во славу мамы, как могла: и тут книга на приколе, и там приостановлена. Правда, над гослитовскими тормозами я не властна. На днях буду в Москве, пойду узнавать, в план какого столетия включена – если включена – книга. Здание издательства у меня на втором месте после Лубянки. Коридоры, лестницы, запах бумаг, расправ, клозетов. Навстречу и с тыла – «сотрудники». Конечно, в подобных ассоциациях повинна больше Лубянка, нежели Гослит, с 39 года меня мутит от одного вида самого мирного учреждения столичного, а не сель-

ского типа. И всегда кажется – даже уверена, – что не туда попала, и душа уже с порога втайне взывает о реабилитации... о, господи!

Не думайте, что я хамка, если пишу Вам только тогда, когда мне нужно о чем-нибудь Вас просить, или – реже – что-нибудь Вам сказать. Это вовсе не хамство, а, честное слово, деликатность! Они где-то граничат. Мне часто хочется написать Вам «просто так» – но что было бы с Вашим временем, если все начали бы писать Вам «просто так»!

Мало на свете людей, чье время так дорого мне, как Ваше.

Живу я как-то не по-настоящему, всё перевожу стихи, которые никто – единственное утешение! и читать не станет. Сейчас из-под моего пера выскакивают, например, вьетнамцы³, похорошевшие, как после визита премьера. Но меня, увы, это хорошеть не заставляет. Несмотря на что, крепко Вас целую, всегда люблю. Правда! Есть за что.

Ваша Аля.

Целую Любовь Михайловну.

Полностью – впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ Имеются в виду писатель-эмигрант Владимир (Бронислав) Брониславович Сосинский (1900–1987), работавший в 1947–1960 гг. в ООН, и его жена Ариадна Викторовна Чернова (1908–1974).

² Речь идет о проекте издания Полного собрания стихов М.Цветаевой в США, который, как опасалась А.С.Эфрон, будет претенциозным, поскольку не полным, и помешает изданию книг ее матери в СССР.

³ Переводы вошли в книгу: *То Хью*. Стихи. М., 1961.

308. Маревна (М.Б.Воробьева-Стебельская)

Англия, 16 апреля 1960

Мой дорогой Илья.

Только что встала – прости, что так опаздываю с ответом на твое письмо. Хворала очень. Весна чертовски холодная в этом году – простудила голову, ухо, зубы – только

посмотрела в окно на сад, а там все распустилось – все цветет, но пчелки снова запрятались – воробьи стучатся в окно за хлебом, кошки не очень хотят идти в сад, – Марика¹ говорит. Досадно. Весна – это такой чудный праздник, а тут – град пошел, дожди и от ветра занавески летают в комнате. Завтра – Пасха. Я сижу с Иваном дома, Марика с Ильей² поехали на два дня к морю, к знакомым. Она замучилась совсем с нами, с домом. Выдержала свой первый экзамен по курсам. Ставили Чехова «Медведь» и в газете написали «Excellent»³. Я лежала в кровати, не пошла, но я сделала два больших портрета для декорации – потому что эта школа и по обстановке почти zero⁴! Через полтора месяца окончательный экзамен – и по пению тоже, и главное, по языку. К ней подходит, скорее, комедия или драма. Но ты знаешь, как артисты все упрямы. На сцене Марика удивительно жива и хороша! Два года работы ей много дали все же. То, что она тратит на школу, это то, что мы должны были бы все есть. У меня нет материала для работы, ни лекарств. Она тоже очень болела горлом – и наш доктор ее скоро вылечил пенициллином, но на хорошую еду денег не хватило. Видишь!

Вообще все могло быть много лучше, но... если бы я зарабатывала, ей было бы легче. Здесь артистам трудно жить.

Спасибо за твое письмо, дорогой Илья. Очень хорошо пишется на машинке – все ясно и разборчиво. Мою рукопись⁵ нельзя послать теперь, она еще в руках у переводчика. И я написала еще три главы, добавные <так. – Б.Ф.>. Одну про Макса Жакоба⁶, очень трудную – вспоминаю, как он однажды говорил про тебя Кислингу⁷! стихи его и проза у меня кое-какая есть!

Ты забыл, милый, когда ты мне сказал – ну вот «попросишь – я и напишу!»⁸. Жаль, что я не могу приехать в Москву – на <2 франц. слова нрзб>. Москва – это не дорого, но я боюсь, что не высижу такое путешествие и предпочла бы ехать поездом, поэтому я тебя и просила устро-

ить мне это. Хочется повидать Москву, Киев и Кавказ. Вот было бы хорошо, если бы ты смог поехать со мной! Чудно, чертовски было бы хорошо! А если нет, то, может, все же я смогла бы поехать с кем-нибудь и наделать там набросков: можно сделать очень интересно! О выставках – подумай, дружище! – и вообще не забывай нас – Марику и меня. Если бы у меня была возможность, я непременно повезла своих двух внуков в USSR посмотреть на все. У них страшно отсталые и чудовищные понятия о русском советском человеке. Они боятся говорить, что их бабушка русская. Вот обида и глупость.

Большой успех имел поэт А.Т.Твардовский у нас в Пушкинском клубе. Хорошо очень читал свои стихи. Недавно слушали Сергея Лифаря⁹ там же о Пушкине. Помнишь его? Или ты его не знал? Очень постарел и похож на индейца или мексиканца. Когда Марике было 17 лет, она безумно влюбилась в «Икара», в «Давида» и вообще в творческий гений Лифаря и проливала реки слез.

Маревна.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1393. Л.4.

¹ Дочь Маревны и Диего Риверы.

² Иван и Илья – внуки Маревны.

³ Превосходный (франц.).

⁴ От франц. zego – ноль; здесь – бедная.

⁵ Имеются в виду воспоминания Маревны «Жизнь в двух мирах», вышедшие по-английски (Лондон, 1962).

⁶ Макс Жакоб (1876–1944) – франц. поэт; как ИЭ и Маревна в 1910-е гг., был завсегдатаем парижского кафе «Ротонда».

⁷ Моис (Моисей) Кислинг (1891–1953) – художник, выходец из Польши, работал в Париже.

⁸ Речь идет о предисловии к мемуарам Маревны; ее книга вышла с предисловием скульптора О.Цадкина.

⁹ Серж Лифарь (1905–1986) – артист балета и хореограф, выходец из России, работал в Париже; собиратель книг и рукописей Пушкина; ИЭ общался с ним в Париже в «оттепельные» годы.

309. Б.Н.Полевой

<Москва, апрель 1960>

Дорогой Илья Григорьевич!

С большой радостью прочел я в дорогой Вашему и моему сердцу «Литературной газете» Ваши воспоминания о встречах с Лениным¹, которые я, признаться, когда-то записал со слов самого Ильи Лохматового², а порадовал меня этот кусочек не только сам по себе, но и как свидетельство того, что Вы таки засели за свою биографию, которой никто, кроме Вас самого, написать не сможет. Буду с нетерпением ждать публикации оной, предвидя весьма интересное чтение.

Как-то был у нашего общего знакомого Карло Леви в его особняке на Вилла Боргезе. Видел Ваш портрет. И знаете – ничего. Получились Вы таким репейником вроде как в шотландском гербе с девизом «Никто не тронет меня безнаказанно». Но ведь это, кажется, так и есть. А в Париже видел марку достоинством 25 сантимов, где Вы изображены с Жаном Ришаром Блоком³. Знаете об этом? Купил ее для вас, но уже в пути напоролся на одного сумасшедшего филателиста, который у меня вымолил за пол-литра горилки с перцем, против чего я, по низменности своей природы, не мог устоять.

Но это все присказки, так сказать, подход к Вам. А дело вот в чем. Один мой друг скульптор Лев Ефимович Кербель⁴, отличный на мой взгляд скульптор, автор очень интересного памятника Марксу, обещающего быть лучшим памятником в Москве, носитя с мечтой Вас слепить. Но зная ваш золотой покладистый характер, не решается Вам об этом сообщить. Так вот, я выступаю сватом. Нет, ей-богу, он очень яркий и способный парень. Может быть, согласитесь, а? Он готов вместе со всей своей глиной приехать к Вам и присижать по вызову⁵.

Если согласны – просигнальте мне. Ладно? Буду очень рад, если сватовство состоится, и готов как сват, в случае неудачи, согласно пословице, принять первую палку.

Словом, подумайте.

Большой привет Любовь Михайловне.

Всего Вам хорошего.

Ваш *Б.Полевой*.

Ваш однофамилец – цветок Эренбург здравствует и шлет Вам привет⁶.

Впервые (фрагменты) – Юность, 1986, №7. С.83-90 (публикация В.Попова и Б.Фрезинского). Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2051. Л.25-26.

¹ *И.Эренбург*. В январе 1909 года // ЛГ, 9 апреля 1960.

² Прозвище ИЭ, данное ему Лениным.

³ Имеется в виду не почтовая, а памятная марка.

⁴ Скульптор Л.Е.Кербель (1917–2003) получил Ленинскую премию и массу других регалий за памятник Марксу в Москве (1961).

⁵ «Как бы мне ни хотелось пойти навстречу Вашему желанию, – ответил Полевому Эренбург, – но позировать в ближайшее время я не могу. Я отказал в этом даже художникам, которые по духу мне ближе Л.Е.Кербеля. Не сердитесь, я знаю Ваши добрые чувства, и верьте, что они взаимны» (Юность, 1986, №7).

⁶ См. № 371.

310. С.Фотинский

Париж, 1 мая <1960>

Дорогой Эренбург и дорогая Люба, как живете и когда приедете в Париж?

Вот уже год, как ты не приезжал к нам. У меня все по-прежнему. Со зрением не хуже, я могу заниматься живописью, в этом году я много работал и думаю продолжить летом. Мы уезжаем в деревню¹ 15 мая до октября, там легче работать, т.к. жизнь в Париже невыносима. Я занимаюсь садоводством (прошлым летом урожай огурчиков был великолепный).

Если приедешь в Париж и меня уже не будет и если у тебя будет свободное время, приезжай к нам хоть на несколько дней. Я тебя приглашаю. Предупреди меня и мы тебя устроим. Понятно, с Любой, если она приезжает с тобой.

Увидим Les grottes de Lascaux² и другие замечательные места в этой области.

Буду рад, если напишешь несколько слов из Москвы.

Ну вот так, дорогой Эренбург.

В Париже сейчас холодно, как зимой.

Крепко обнимаю тебя и Любу.

Фотя.

Лиан³ также шлет вам лучший привет.

Привет всем друзьям.

Впервые – *Б.Фрезинский*. Две судьбы: художник и журналист (парижский круг Ильи Эренбурга) // Русские евреи во Франции. Кн.2. Иерусалим, 2002. С.199. Подлинник – собрание составителя. Серж Фотинский (Абрам Саулович Айзеншер; 1887–1971) – франц. художник, выходец из России, друг ИЭ с 1910-х гг. ИЭ, всегда звавший Фотинского «Фотя», написал о нем в 33-й главе 1-й книги ЛГЖ.

¹ Деревня, где проводили лето Фотинские, Le Peche a Belves в департаменте Дордонь, на юго-западе Франции.

² Гроты Ласко (франц.).

³ Лиан Ренар – жена Фотинского.

311. И.А.Бродский

Ленинград, 7. VI <19>60

Уважаемый Илья Григорьевич,

Здесь девять стихотворений. Два или три из них Вам, вероятно, показывал Борис Абрамович <Слуцкий>.

Прошу Вас, если это не слишком трудно, сообщить мне, в какой мере возможно или невозможно сделать с ними что-либо положительное.

Иосиф Бродский.

Впервые – ВЛ, 1999, № 3. С.323. Машинописная копия – собрание составителя. С поэтом и будущим Нобелевским лауреатом Иосифом Бродским (1940–1996) и его стихами ИЭ познакомил Б.А.Слуцкий; А.Сергеев вспоминал, что, приезжая в Москву, Бродский ни маститыми, ни эстрадными соавторами не интересовался:

«Максимально официальный писатель, к которому заходил Иосиф, был Эренбург», и приводил оценочное суждение Бродского об Эренбурге – «ребе», существенное в его словаре (Общая газета, №4, 1997. С.16).

312. С.Ф.Булгаков

Ясная Поляна, 15 июля 1960

Уважаемый Илья Григорьевич,
обращаюсь к Вам по одному вопросу, маленькому, но тревожащему мою совесть.

Проживая с 1923 г. долго в Праге, я хорошо был знаком с М.И.Цветаевой. Позже я посетил ее в Vanves под Парижем в 1937 г., когда и видел ее в последний раз.

В 1937 г. я посетил в Париже ряд старых русских писателей, с целью привлечь их дары в Русский культурно-исторический музей в Праге-Збраславе, которым я заведовал. Какие дары? Книги, рукописи, даже – перья (точнее: ручки с перьями). Марина Ивановна через некоторое время прислала мне для музея: 1) собрание отдельных отисков с ее статьями (м<жду> пр<очим>, ценными воспоминаниями о Вал. Брюсове), с новыми ее собственноручными исправлениями; 2) любимую, скромненькую ручку для писанья (к сожалению, без пера) и 3) «заветное» серебряное, старинное, принадлежавшее еще ее матери кольцо со следами старой надписи на каком-то восточном языке.

Судьба Русского музея была драматична. Заведующий (т.е. Ваш пок<орный> слуга) был в 1939 г. арестован фашистами и отвезен в Германию в лагерь для интернир<ованных> совет<ских> граждан. Збраславский замок, в кот<ором> помещался музей, занят был немецкими войсками, с боем (!) вытесненными оттуда советскими частями в мае 1945 года. Музей был разгромлен. Часть его коллекций погибла. Остальное (картины, скульптура, портреты, книги и пр.) отправлено было мною в 1948 г. в Сов. Союз и в Москве разделено было между централ<ьными> музеями

(Третьяков<ской> галереей, Бахруш<инским> Театр<альным> музеем и Историч. музеем).

В частности, архивные материалы и некоторые предметы русской старины отправлены были (по указанию особой комиссии Академии наук СССР, во главе с И.И.Минцем¹, приезжавшей в Прагу) отдельно, в 24 ящиках, под названием «Архив Булгакова» и сейчас находятся, если не ошибаюсь, в помещении Музея Октябрьской революции*). Именно с «Архивом Б<улгако>ва» отосланы были в Москву и оттиски статей М.И.Цветаевой (я думаю, их надо было бы найти и спасти: они могли бы составить интереснейший литературный сборник).

Что же касается ручки и кольца М.И.Цветаевой, то я, во избежание их потери среди массового груза, сохранил их у себя лично, чтобы, при возвращении на родину, взять их с собой и затем передать в тот или иной музей.

Перо и кольцо находятся у меня. Я писал о них в москов<ский> Литературный музей (в письме на имя т.Турганевой), но никакого ответа не получил. Музей, кажется, не интересуется вещами нашей талантливой поэтессы.

Зная от Н.П.Пузина² о Вашем внимании и добром отношении к М.И.Цветаевой, обращаюсь к Вам, как к писателю и москвичу, с покорнейшей просьбой сообщить: не взялись ли бы Вы устроить передачу на вечное хранение в тот или иной московский музей сохранившихся памятков о ней – ручки и заветного (как она называла его сама) сербряного кольца?

Вам, с Вашим авторитетом и с постоянным проживанием в Москве, легче это сделать, чем мне отсюда. Таким образом, наш долг по отношению к незабвенной Марине Ивановне был бы выполнен.

Я прошу Вас, Илья Григорьевич, великодушно простить мне, что я позволяю себе вас беспокоить, но – поверьте – мне решительно не к кому больше обратиться, а между тем в свои почти 74 года я не чувствую себя оч<ень> прочным на земле и боюсь, что могу уйти, не устроив судь-

бы дорогих памяток по Марине Ивановне.

Пользуюсь случаем выразить Вам свое величайшее уважение как одному из самых замечательных наших писателей и заранее глубоко благодарю Вас за любезный, хотя бы и самый короткий, ответ³.

Вал.Булгаков,

автор книги «Л.Толстой в последний год его жизни», член Союза писателей СССР.

P.S.

Из воспоминаний В.Ф.Булгакова «Как прожита жизнь». Лето 1917 г.

...Однажды я встретил Бальмонта на улице. Он шел с Арбатской площади на Поварскую, в сопровождении жены, худенькой, элегантно и немного маперной женщины в черном шелковом платье, и дочки: 12–13-летней стройной девочки с распущенными длинными волосами и с бледным, мечтательным, как у лесной феи, личиком. Все они шли вместе, и как-то не сливаясь: точно хотели показать, что каждый из них – сокровище сам по себе.

Бальмонт, в длиннополом черном сюртуке с развевающимися фалдами, шел немного пошатываясь из стороны в сторону, будто под сильным ветром, хотя погода была тихая и солнечная, на самодовольно усмехающемся лице его с рыжей эспаньолкой было написано: я! я! я! весь свет существовал только для него!.. Длинные рыжие космы на его голове горели золотым огнем.

Таким именно погруженным в себя и только в себя, описывал знаменитого поэта маленький фельетон газеты «Утро России» или «Раннее Утро», попавшийся мне через несколько дней после того на глаза⁴. В нем дана была блестящая и исключительно меткая и остроумная характеристика Бальмонта. Кто бы это мог так писать? – подумал я.

Взглянул на подпись: Илья Эренбург.

Да, мне уже попадалась раза два фамилия этого журналиста, но сил его я никогда не переоценивал. А между тем фельетон о Бальмонте написан был исключительно мас-

терски, умно и пронциательно. Илья Эренбург, Илья Эренбург... Что ж, бывает! Иногда и за совершенно неизвестным именем скрывается безусловный талант. Может быть, такой талант скрывается за именем Эренбурга?

Как известно, время потом зачеркнуло и это «может быть», и знак вопроса в конце последней моей фразы.

Дорогой Илья Григорьевич, не посетуйте, что я приложил здесь одну, дословно переписанную страничку из моих старых, старых воспоминаний: о том, как я впервые познакомился с Вами как с писателем.

Воспоминания когда-то еще будут напечатаны либо нет, а между тем мне хотелось бы и ссылкой на прошлое подтвердить чрезвычайное, особое к вам уважение.

Ваш В.Б.

*) Акад. И.И.Минц даст по этому поводу точные сведения.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Мемуарист Валентин Федорович Булгаков (1886–1966) в 1910 г. был секретарем Л.Н.Толстого; в 1949 г. вернулся в СССР, где работал научным сотрудником музея Толстого в Ясной Поляне. 5 декабря 1945 г. Булгаков послал из Праги ИЭ открытку (фото 1910 г. Толстой с Булгаковым): «Сердечный привет Илье Эренбургу от бывшего секретаря Л.Н.Толстого и нынешнего сотрудника (редактора и переводчика) чехосл. министерства информации. Да здравствует великая наша Родина – СССР! Валентин Булгаков».

¹ Исаак Израилевич Минц (1896–1991) – советский партийный историк, академик.

² Николай Павлович Пузин (1911–?) – литературовед, сотрудник музея Толстого в Ясной Поляне.

³ Об этом письме В.Ф.Булгакова ИЭ сообщил А.С.Эфрон. 12 сентября 1960 Булгаков писал ИЭ: «Глубокоуважаемый Илья Григорьевич, благодарю Вас за любезный ответ относительно памяток по М.И.Цветаевой. Между тем я неожиданно получил письмо от дочери Марины Ивановны Ариадны Сергеевны Эфрон, из Тарусы. Узнав, что у меня имеются кольцо и ручка Марины Ивановны, Ариадна Сергеевна просила никуда их не передавать. Я отослал эти вещицы самой Ариадне Сергеевне, и она была рада, счастлива их получить.

Я думаю, что, действительно, лучшего ничего нельзя было сделать. С искренним уважением и приветом Ваш Вал.Булгаков» (собрание со-ставителя).

⁴ Имеется в виду очерк ИЭ «Бальмонт», впервые напечатанный 19 марта 1918 г. в московской эсеровской газете «Понедельник».

313. Э.Триоле

<Париж,> 30 VII <19>60

Дорогой Илья Григорьевич, разбирая перед отъездом в <1 слово нрзб> письма, на которые я не ответила, нашла пересланное Вами письмо орловских школьников – угрызаюсь! Мы переезжаем и у меня не ходят ноги – все равно – угрызаюсь.

Наш новый адрес 56, rue de Varenne Paris VII-e.

На всякий случай. Вы проезжаете через Париж, будто нас там и нету. Может, мы с Вами в ссоре?

Объясните.

Сердечный привет Вам и Любовь Михайловне от Арагона.

Эльза.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2240. Л.1.

314. Е.Г.Полонская

Тарту, 4 сентября 1960 года

Дорогой Илья!

Вчера получила от А.Б.Гатова два номера «Вечерней Москвы» с твоими статьями¹.

То, что ты написал, очень меня взволновало. Ты сумел так рассказать о тех днях и годах, что мне стало радостно и весело. Много не знала я, о многом догадывалась. Но теперь, через много лет, я почувствовала гордость за нашу юность. Только теперь мне стало отчетливо ясно, как мы прорывались и так дороги стали ошибки, и любовь, и коле-

бания. Ты написал прекрасно, искренне, чисто. Признаюсь, узнав, что ты напишешь о прошлом, я тайно тревожилась.

«Наташа»² – ты помнишь ее, написала несколько страниц о начале своей работы в партии, а затем о Париже. Я прочла и разорвала все, что касалось 1909 года³. Она согласилась со мной⁴. Знаешь, я боюсь грубых рук, любопытных взглядов. То, что выдуманно, можно писать откровенно, но то, что пережито – нельзя – или еще написать в сонете. Форма держит.

Я проездом в Тарту; мне захотелось поговорить с тобой здесь, за столом почтового отделения. Солдат пишет рядом со мной длинное письмо. Очень хочу тебя видеть. Если соберусь с силами, приеду в Москву, встретимся.

Целую тебя. Береги себя, не будь слишком щедрым. Надо жить дальше.

Напиши мне.

Лиза.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2055. Л.14.

¹ Имеется в виду первая публикация под заголовком «Как я начал писать стихи» 13-й главы 1-й книги ЛГЖ в номерах «Вечерней Москвы» за 13 и 15 августа 1960 г.

² М.Н.Левина-Киреева.

³ Т.е. времени романа Полонской с ИЭ.

⁴ Эти воспоминания М.Н.Левина-Киреева потом переработала; см. их – ВЛ, 1982, №9. С.144-157.

315. С.Фотинский

<Франция,> 6.10.1960

Дорогой Эренбург, все лето жил в деревне и скоро возвращаюсь в П<ариж>. На днях узнал, что ты в Париже, звонил отсюда в твой отель, но, к сожалению, ты уже уехал. Когда был вечер в Москве в память Аполлинера, я слушал передачу и слышал тебя, d'Aster¹ и др. словно был в Москве. Хотел бы повидать тебя и Любу. Надеюсь, что приедете осенью или зимой сюда. Мы работали все лето – я писал, занимался живописью, а Лиан делала ковры (по моим рисункам).

Обнимаю тебя и Любу, также и Лиан.

Твой *Фотя.*

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2303. Л.2-3.

¹ Имеется в виду вечер, посвященный 80-летию Аполлинера (август 1960), прошедший в московском Доме дружбы, на котором председательствовал ИЭ и выступал Э. д'Астье де ла Вижери.

316. Я.И.Соммер

Ярославль, 12/X <19>60

Дорогой Илья Григорьевич,
простите, что обращаюсь к Вам с просьбой. Мне очень хочется иметь Вашу последнюю книгу стихов. К сожалению, в Ярославле она разошлась так быстро, что я не успела купить. Ваши стихи я всегда любила, так что для меня это большая потеря.

В Москву я сейчас съездить не могу – много работы.

Буду рада, если Вы напишете мне.

Желаю Вам всего лучшего, думаю, что всего важней – здоровья.

Остальное приложится.

Ядвига.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2178. Л.1. С Ядвигой Иосифовной Соммер (1900–1983) ИЭ познакомился в Киеве в 1919 г.; после Отечественной войны Я.И.Соммер жила в Ярославле, работала доцентом кафедры русской литературы Педагогического института. Всю жизнь Я.И.Соммер оставалась верным другом ИЭ. См. Я.Соммер. Записки // Минувшее, №17. М.-СПб., 1994. Ответ ИЭ на это письмо см. П2, №455.

317. А.Л.Каплан

Ленинград, 16 окт<ября> 1960

Дорогой Илья Григорьевич!

Вчера в мастерской Натана Исаевича <Альтмана> состоялась теплая встреча с господином Андре Блюмель¹. Мы с ним беседовали и показывали свои работы. Нам кажется, что он остался доволен и благодарил.

(Может быть, теперь своевременно организовать выставку наших работ в Париже?)

Недавно был в Москве. Привозил с собой работы, сделанные темперой, чтобы показать и услышать Ваше мнение. К сожалению, Вас не было дома – были за городом.

Дорогой Илья Григорьевич!

В декабре с<его> г<ода> предполагается открыть выставку моих работ в малом зале Союза художников в Ленинграде. Хочу просить Вас, если это возможно, написать предисловие к каталогу выставки². Буду счастлив. Выставлю 120-140 работ. Кроме известных Вам листов, покажу пейзажи Ленинграда, Ленинград в дни блокады, иллюстрации к «Слепому музыканту»³ и «Человеку в футляре»⁴ и новые листы на мотивы евр<ейских> нар<одных> песен⁵.

Я Вам давно не писал только потому, чтобы не беспокоить Вас.

Желаю Вам и Любви Михайловне всего наилучшего.
С глубоким уважением

Каплан.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1651. Л.10. С ленинградским художником Анатолием Львовичем Капланом (1902–1980) и его работами ИЭ был знаком с 1957 г. (см. П2, № 401).

¹ Андре Блюмель – президент общества «Франция–СССР», друг ИЭ; ознакомился в Ленинграде с работами Альтмана и Каплана по рекомендации ИЭ.

² ИЭ написал предисловие к папке литографий Каплана «Тевье-молочник» (1961).

³ Эти иллюстрации Каплана к повести В.Г.Короленко не были изданы.

⁴ А.П.Чехов. Человек в футляре. В иллюстрациях художника А.Л.Каплана. Издание Ленинградского отделения Художественного фонда СССР. Л., 1947.

⁵ Цикл цветных литографий был выпущен тиражом 125 экз. издательством «Художник РСФСР» в 1962 г.

318. А. Гоффмейстер
Прага, 23 октября 1960

Дорогой друг!

Сердечно благодарю Вас за письмо, касающееся нашей встречи в Варшаве. Я очень радуюсь, что снова увижу Вас. Соответствующим местам я сообщил содержание Вашего письма и надеюсь, что мне будет предоставлена возможность, дабы Ваш доклад был оформлен отвечающим образом. К сожалению, до некоторой степени я был выбит из колеи, так как врачи опасались, что у меня будет инфаркт, и я, собственно говоря, уже с июня месяца непрерывно лечусь. Но теперь я уже воспротивляюсь диктатуре медицины и снова полностью займусь своей работой.

Не будете ли Вы случайно в Праге в ноябре или же проезжать через Прагу? Я был бы необыкновенно счастлив, если бы Вы смогли увидеть мою выставку.

Она будет открыта 4 ноября и продолжится до 28 ноября, хотя я, приблизительно с 9 ноября, уезжаю в Париж на заседание Юнеско. Я бы хотел в следующие два года, когда мне исполнится шестьдесят лет, показать эту выставку в Париже и в Москве. Меня бы интересовало Ваше мнение: годится ли эта выставка для Москвы или же мой проект следовало бы отменить. На выставке будет около 170 рисунков и коллажей, портретов (шаржей) и иллюстраций.

Очень часто вспоминаю Вас и хочу спросить, не могли бы Вы написать или выбрать из своих, уже написанных статей, заметку, которая годилась бы к восьмидесятилетнему юбилею Пабло Пикассо. У меня имеется по крайней мере 15 карикатур и портретов Пикассо, которые я рисовал с тридцатых годов до прошлого года. Я позаботился бы, чтобы издание вышло у нас и еще на другом языке; естественно, оно могло бы выйти и у Вас, пожелаете ли Вы. Ведь Вы знакомы с моими карикатурами и знаете, что они годились бы для этого, так как они и не злы и не язвительны, но все же более похожи, чем портрет. Это нескромно с моей стороны, как бы казалось, но это цитата.

Я был бы чрезвычайно счастлив получить Ваш ответ как по вопросу Вашего посещения моей выставки, так и вопросу моего предложения издать книгу о Пикассо до конца октября или, самое позднее, до истечения первой недели ноября.

Прошу Вас, дорогой друг, не отказать передать мой сердечный привет госпоже Любе, и от меня и моей жены примите, пожалуйста, пожелания всего наилучшего.

Искренне Ваш

Адольф Гобфмейстер.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1466. Л.10-11.

319. М.В.Талов

Москва, 25 октября 1960

Дорогой Илья Григорьевич,

я весьма был тронут тем, что в своих воспоминаниях Вы и меня упомянули¹. Не знаю, когда именно представится случай нам увидеться. Хотел бы попросить Вас <исправить> две допущенные Вами неточности². Во-первых, ныне покойная Эрнестина Сигизмундовна³ ждала меня не двадцать лет, а десять. Во-вторых, в моем стихотворении, две строки которого Вы цитируете по памяти, нет строки «Велико мое одиночество», а последняя строфа выглядит так:

Здесь я постиг всю горечь одиночества.

Здесь муки начинаются мои.

Нет у меня ни имени, ни отчества,

Ни родины, ни счастья, ни семьи.

Мне доставит большое удовольствие, если Вы примите прилагаемые мною две фотокопии портретных зарисовок, сделанных с меня Модильяни⁴ за несколько месяцев до своей смерти.

Кроме того, есть у меня портреты, исполненные Максом Жакобом (прекрасный рисунок) и Жанной Эбютерн (женой Модильяни, покончившей с собой через несколько часов после смерти мужа). Вернувшись на квартиру ро-

дителей, Жанна всячески скрывала свое намерение, ничем не выражала скорбь и усыпила беспокойство матери, легла в постель, а на рассвете открыла окно и выбросилась во двор с седьмого этажа...

Между прочим, с меня писал портрет и Сутин⁵. Где находится этот портрет, я не знаю. А жаль: он его писал в каком-то экстремальном состоянии, был словно одержим бесами, словно умалишенный, для которого живая модель (то есть я) превратилась в мертвую природу. Мне было страшно ему позировать. Кремень⁶ очень хвалил эту его работу.

Однако, я заболтался. Простите.

Жду обещанной встречи.

Ваш всегда

Марк Талов.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2211. Л.1-2. Марк Владимирович Талов (1892–1969) – поэт и переводчик; ИЭ познакомился с ним в Парже в 1910-х гг. Воспоминания М.Талова об ИЭ вошли в его книгу «Воспоминания. Стихи. Переводы». М., 2005.

¹ В 15-й главе 1-й книги ЛГЖ; Талов имеет в виду публикацию ЛГЖ в «Новом мире».

² Обе неточности ИЭ исправил в отдельном издании 1-й и 2-й книг мемуаров (М., 1961).

³ Первая жена Талова.

⁴ Отвечая 2 ноября 1960 г. М.Талову, ИЭ написал: «Очень благодарен Вам за письмо и за фотографии. Мне было очень приятно взглянуть на них, жаль только, что фотографии плохие, но у нас не умеют снимать художественные произведения. Разумеется, при издании «Люди, годы, жизнь» отдельной книгой, я внесу исправления тех неточностей, на которые Вы указываете мне. Пишу это письмо перед отъездом за границу. Я надеюсь, что, вернувшись, смогу выкроить время, чтобы поговорить с Вами и вспомнить прошлое». Карандашные портреты ИЭ работы Модильяни погибли при возвращении ИЭ в Россию в июле 1917 г.

⁵ Сутин Хаим (1894–1943) – русский художник, работал в Париже.

⁶ Кремень Павел (Пинхус; 1890–1981) – русский художник, работал в Париже.

320. Я.И.Соммер

<Ярославль,> 29/X <1960>

Дорогой Илья Григорьевич,
за книжку спасибо. Она маленькая, но в ней поэтических мыслей больше, чем у иного поэта в собрании сочинений. И много боли, и любви к жизни, к земле. Я рада, что Вы не стали окончательно прозаиком. До сих пор люблю стихи, хотя читаю их потихоньку.

Книжка чуть не затерялась: Вы неправильно прочитали мой адрес, и она прошла через адресный стол. А письмо, если было, пропало¹.

Еще раз благодарю.

Ядвига.

Напишите о себе.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2178. Л.3-4.

¹ Письмо ИЭ пришло позже.

321. Я.И.Соммер

<Ярославль, конец октября – начало ноября 1960>

Милый мой, мы с тобой старики.

Дорогой Илья Григорьевич.

Письмо твое все же дошло¹, я рада. «Люди, годы, жизнь», конечно, читаю и с особенным удовольствием прочла про Киев в «Литературке»². Увы, я в нем не была с 30-го года. Но положила не умирать, пока не увижу родной мой город: и милую Лукьяновку, и старую Софию, и Липки.

Двадцать два года я прожила в Ярославле, но не могу о нем сказать «родной». Он, впрочем, лучше стал с тех пор, как ты приезжал³, украсился, почистился к своему 950-летию. Я уже не живу в той клетушке, где ты был у меня. В новом доме пединститута мне дали большую комнату. Живу одна. Но что такое одиночество или скука я не знаю.

Работу свою люблю и пока еще не собираюсь «уступить

дорогу молодым» – тем более, что никакими болезнями не обременена. Пенсии гнушаюсь.

Была бы я, кажется, совершенно счастлива, если бы не существовало начальства. Никогда я не умела с ним ладить: я его не терплю, и оно меня не любит. Я люблю детей, моих студентов, товарищей по работе, но из-за начальства я не могу «любить человечество».

Почему эти люди становятся такими отвратительными, когда им достается маленькая власть?

Что тебе еще написать? Моя Таня⁴ замужем, живет в Москве, работает в школе, у нее два сына.

Из-за моих дорогих мальчишек, Мишки и Гришки⁵, я каждое лето была привязана к какой-нибудь даче. Теперь они уже большие (10 и 6 лет), и я смогу осуществить свое давнее желание – поехать по стране, может быть, поеду и за границу.

Вот видишь «двух строк»⁶ не получилось: очень трудно писать мало, особенно, когда пишешь о себе.

Спасибо тебе за стихи, за письмо, спасибо за то, что ты живешь.

Всю жизнь

твоя *Ядвига*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2178. Л.5-6.

¹ См. П2, №455.

² 9-я глава из 2-й книги ЛГЖ под названием «Киев» – ЛГ, 27 октября 1960.

³ ИЭ приезжал в Ярославль летом 1945 г. и виделся там с Я.И.Соммер, о чем он написал в 1-й главе 6-й книги.

⁴ Дочь Я.И.Соммер Татьяна Михайловна Андреева (1924–1981).

⁵ Внуки Я.И.Соммер.

⁶ ИЭ писал Я.И.Соммер: «Напиши мне хотя бы две строки о себе».

322. Ю.О.Домбровский

<Москва, 1960>

Дорогой Илья Григорьевич,

я никогда и ни к кому не обращался с такой психопатиче-

ской просьбой: надпишите мне эту великолепную книгу¹. Я страшно люблю Чехова, но ничего подобного Вашему эссе не читал. Это что-то совсем новое; во всем этом необычном море Вы действительно сказали что-то такое, что я ни от кого не слышал. Если можно – подпишите.

С любовью

Ю. Домбровский.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1534. Л.1. Юрий Осипович Домбровский (1909–1978) – прозаик, чьи книги (особенно роман «Хранитель древностей») ИЭ очень ценил.

¹ *И.Эренбург*. Перечитывая Чехова. М., 1960.

323. Ж.Сименон

<Швейцария, конец 1960>

Мой дорогой Эренбург, я был счастлив узнать новости о Вас от Григория Козинцева – он приезжал на Каннский фестиваль и стал моим другом и другом моей жены. Я был тронут также дружескими приветствиями, которые Вы поручили ему передать мне. Жизнь идет в таком ритме, который очень бы удивил в эпоху, когда мы проводили воскресенья у Эжена Мерля¹. А Ваша квартира на бульваре Пастер², куда я заходил по воскресеньям за Вами, мне кажется далеким воспоминанием детства и юности. Знайте, что мне тоже было бы очень приятно встретиться с Вами. Я чуть было не встретился с Вами во время Вашей поездки в Америку³ – я там тогда жил. Мы с женой собираемся в этом году совершить путешествие в СССР, оно будет коротким, т.к. у меня дети и одному ребенку нет еще и двух лет (я 15 лет назад снова женился). Позвольте обратиться к Вам с маленькой просьбой. Пресса сообщила, что мой перевод вышел у вас⁴. Я этим очень польщен, но не знаю, как быть, чтобы получить несколько экземпляров книги; кроме того, я не знаю на каких языках вышли мои книжки в СССР и как к ним отнеслись критика и читатели. Признаюсь, меня это интересует. Вообще, в тех странах, где меня

издают, книги сначала фигурируют в издательских планах. Я, конечно, знаю, что не бывает правил без исключения. Но если Вы сможете прислать мне такой план или попросить, чтобы мне его прислали – буду Вам очень признателен. Я надеюсь, что Вы будете в Москве в тот день, когда наши семейные обязательства позволят нам оказаться в Москве.

В ожидании свидания – с дружескими приветами Вам,
дорогой Эренбург,

Жорж Сименон.

Впервые – Всемирное слово, №13, 2000. СПб. Перевод И.И.Эренбург. Подлинник – РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.2161. Л.1. Жорж Сименон (1903–1989) – франц. писатель, с которым ИЭ познакомился в Париже в 1930-е гг., о чем написал в 21-й главе 3-й книги ЛГЖ. Ответ ИЭ – см. П2, №465.

¹ Издателю и предпринимателю Э.Мерлю (1884–1946) посвящена 21-я глава 3-й книги ЛГЖ.

² ИЭ жил на ул. Котантен, неподалеку от бульвара Пастер

³ В 1946 г.

⁴ Ж.Сименон. Желтый пес... М., 1960.

324. Редакция «Нового мира»

<Москва, 28 декабря 1960>

**ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ПОЗДРАВЛЯЕМ
НОВОГОДНИМ ПРАЗДНИКОМ ОТ ДУШИ ЖЕЛАЕМ
НАСТУПАЮЩЕМ ГОДУ УСПЕШНОГО ПРОДОЛЖЕ-
НИЯ РАБОТЫ НАД СТОЛЬ ТЕПЛО ПРИНЯТОЙ ЧИТА-
ТЕЛЕМ КНИГОЙ ЛЮДИ ГОДЫ ЖИЗНЬ = РЕДАКЦИЯ
НОВОГО МИРА**

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

325. А.И.Цветаева

<Москва>, 31 XII <19>60

Дорогой Илья Григорьевич,

Уезжая из Москвы отдохнуть, пока – к родным в Павло-

дар, хотела Вас и увидеть и рассказать Вам про Елабугу – где я была в X¹, искала могилу Марины. Не нашла – но установлена сторона кладбища, и я занесла Вам – увы, Вас нет – неск<олько> фотографий Елабуги – 1) сени, где погибла Марина, 2) дом, где жила Марина, 3) кладбище – снизу и крест, поставленный мной между неизвестных могил с надписью, что в этой стороне – Марина и – этот крест – между сосен. <1 слово нрзб> с этих могил.

Из Павлодара, поправив, пришлю Вам зак<азной> бандер<олью> 1-2 части моих мемуаров – Марина и еще детство (12-10 лет) на машинке. Для Вас.

Счастливого Нового года! Будьте здоровы!

Ваша АЦ.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Анастасия Ивановна Цветаева (1894–1993) – писательница, мемуаристка, сестра М.И.Цветаевой; встречалась с ИЭ в Париже в сент. 1927 г. (о чем упоминала в мемуарах – см.: НМ, 1966, №2, с.123).

¹ Т.е. в октябре.

1961

Избранные поздравления к 70-летию Эренбурга

326. Я.Сейферт

Прага, 20.1.1961

Милый и уважаемый Илья Григорьевич!

Может быть, Вы мне простите, что я пишу по-чешски (я болен и в данный момент у меня никого нет, кто бы мог мне исправить мои ошибки на Вашем родном прекрасном языке), примите мои искренние от всего сердца поздравления к Вашему семидесятилетию.

Прошло почти сорок лет с того дня, когда я с Вами впер-

вые встретился в Праге. Было это на овощной (Фруктовой) улице в подвальном ресторане. Мы лускали устрицы. При этом также были Роман Якобсон и Карел Тейге¹. Иногда страстно хотелось бы воскликнуть – где эти прекрасные годы? Вы же, однако, за это время выполнили великое дело и достигли славы великих писателей русского народа, а читатели всего мира обращаются к Вашим книгам с любовью.

Я счастлив и считаю для себя честью, что мог стоять близко к тому делу, когда мы издавали у нас в Чехословакии Ваши первые книги. В то время мы, самые молодые писатели, вписали Ваше имя на свои знамена. Это было прекрасное время и воспоминания о нем также прекрасны. Милый Илья Григорьевич, желаю Вам, чтобы Вы еще долго могли работать и чтобы еще долго были здоровы.

Ваш Ярослав Сейферт.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1588. Л.1. Ярослав Сейферт (1901–1986) – чешский поэт, Нобелевский лауреат. ИЭ упомянул это письмо во 2-й главе 6-й книги ЛГЖ, когда рассказывал о встречах в Праге в 1945 г., заметив, что немногие остались в живых и среди них «тяжелобольной Ярослав Сейферт, чудесный поэт, верный друг, от которого я недавно получил письмо».

¹ Роман Осипович Якобсон (1896–1982) – лингвист, литературовед, друг ИЭ; с 1922 по 1939 г. жил и работал в Праге, именно он уговорил ИЭ в 1923 г. впервые приехать в Чехословакию. Карел Тейге (1900–1951) – чешский художник и теоретик искусства.

327. И.Л.Сельвинский

Москва, 23 января 1961

ГОРЯЧО ЖМУ РУКУ ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ТЧК ЧЕЛОВЕК ВЫСОКОЙ ПРИНЦИПИАЛЬНОСТИ И РЕДКОГО МУЖЕСТВА ВЫ ОДИН ИЗ ТЕХ САМОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ КОТОРЫХ ОБЛЕГЧАЕТ ЖИЗНЬ = ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

Собрание составителя.

328. Э.Г.Казакевич

Москва, 25 января 1961

ДОРОГОМУ ДРУГУ СЕДОМУ НО МОГУЧЕМУ БОЙЦУ ПРОТИВ ВСЯЧЕСКОЙ ТЕМНОТЫ И НЕПРАВДЫ СЛАВНОМУ СТРОИТЕЛЮ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ САМЫЙ ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ В ДЕНЬ ЕГО СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЯ СОЖАЛЕЮ ЧТО БОЛЕЗНЬ ЛИШАЕТ МЕНЯ ВОЗМОЖНОСТИ ЛИЧНО ВАС ПОЗДРАВИТЬ И НЕЖНО ОБНЯТЬ = ВАШ КАЗАКЕВИЧ

Собрание составителя.

329. Э.Е.Маркиш

Дубулты, 25 января 1961

ДОРОГОГО ИЛЮ ГРИГОРЬЕВИЧА ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ СЛАВНЫМ ЮБИЛЕЕМ ЖЕЛАЮ МНОГИХ ЛЕТ ЖИЗНИ ЗДОРОВЬЯ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ РАДОСТИ ВСЕМ ДРУЗЬЯМ И ПОЧИТАТЕЛЯМ ВАШЕГО ТАЛАНТА = ЭСТЕР МАРКИШ

Собрание составителя. Эстер Ефимовна Маркиш – вдова расстрелянного в 1952 г. еврейского поэта Переца Маркиша.

330. Ю.А.Завадский

Москва, 25 января 1961

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ СЕРДЕЧНО ВАС ПОЗДРАВЛЯЮ ТЧК ВАШЕ ВДОХНОВЕНИЕ УМ СТОЙКОСТЬ ВКУС С ДАВНИХ ПОР ДЛЯ МЕНЯ ДОРОГИ ЗНАЧИМЫ ПОУЧИТЕЛЬНЫ ЖЕЛАЮ ВАМ БОДРОСТИ ДУХА НЕИССЯКАЕМОЙ ЭНЕРГИИ ЗДОРОВЬЯ СЧАСТЬЯ = Ю ЗАВАДСКИЙ

Собрание составителя. Юрий Александрович Завадский (1894–1977) – главный режиссер Театра им. Моссовета.

331. А.А.Ахматова

26 января 1961

СТРОГОГО МЫСЛИТЕЛЯ ЗОРКОГО БЫТОПИСА-
ТЕЛЯ ВСЕГДА ПОЭТА ПОЗДРАВЛЯЕТ СЕГОДНЯШ-
НИМ ДНЕМ ЕГО СОВРЕМЕННОЦА = АННА АХМАТОВА

ФЭ. Ед.хр.1243. Л.5.

332. К.И.Чуковский

Москва, 26 января 1961

ВСЕГДА ВОСХИЩАЮСЬ ВАШЕЙ РАБОТОЙ ЖИВИ-
ТЕ ДОЛГО ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ = ВАШ
КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

ФЭ. Ед.хр.2362. Л.1. Корней Иванович Чуковский (1882–1969) –
писатель.

333. С.Я.Маршак

<Москва, 26 января 1961>

От С.Я.Маршака

Мы, опытные семидесятилетние, с чувством гордости
принимаем сегодня в свою среду замечательного писателя
и благородного общественного деятеля Илью Григорьевича
Эренбурга. Желаем ему многих лет счастливого вдохно-
венного труда.

С.Маршак.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1884. Л.2.

334. А.Т.Твардовский

<Москва, 26 января 1961>

СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС ДОРОГОЙ ИЛЬЯ
ГРИГОРЬЕВИЧ ВАШИМ СЛАВНЫМ СЕМИДЕСЯТИЛЕ-

ТИЕМ ТЧК БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ ЗПТ НЕУТОМИМЫ
КАК ВСЕГДА = ВАШ ТВАРДОВСКИЙ

ФЭ. Ед.хр.2218. Л.5. Александр Трифонович Твардовский
(1910–1971) – поэт, гл. редактор НМ.

335. Вс.В. и Т.В.Ивановы

Москва, 26 января 1961

ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС
ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ПИСАТЕЛЯ ПОЭТА ОБЩЕСТВЕН-
НОГО ДЕЯТЕЛЯ ЧУДЕСНОГО ДРУГА ИСКУССТВ ПРИ-
ВЕТ И ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНЕ =
ТАМАРА И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ И ВСЕ ИХ СЕМЕЙСТВО

ФЭ. Ед.хр.1605. Л.4.

336. В.П.Некрасов

Киев, 26 января 1961

ОТ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЮ КАК ОДИН ИЗ ЧИТАТЕ-
ЛЕЙ ДЛЯ КОТОРЫХ ВЫ ПИШЕТЕ = НЕКРАСОВ

Собрание составителя. Виктор Платонович Некрасов
(1911–1987) – писатель.

337. Д.Д.Шостакович

<Москва, 26 января 1961>

ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ ВЫСОКОЙ НАГРАДОЙ
ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ СЧАСТЬЯ БОЛЬШИХ ТВОРЧЕС-
КИХ УСПЕХОВ = ШОСТАКОВИЧ

Собрание составителя.

338. К.К.Рокоссовский

Москва, 26 января 1961

Дорогой Илья Григорьевич!

Примите мое сердечное поздравление и самые наилучшие пожелания по случаю дня вашего рождения и награждения высокой правительственной наградой.

Крепко жму Вашу руку

Маршал Советского Союза К.Рокоссовский.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2114. Л.1. С К.К.Рокоссовским ИЭ встречался на фронте в 1942 г.

339. О.Ф.Берггольц

Ленинград, 26 января 1961

ВСЕЙ СИЛОЙ СЕРДЦА ПРАЗДНУЮ ВАШУ МОЛОДОСТЬ ЛЮБИМЕЙШЕГО ПОЭТА И ГРАЖДАНИНА ВСЕГДА ВАША = ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

Собрание составителя. Ольга Федоровна Берггольц (1910–1975) – поэтесса, ИЭ познакомился с ней в 1940-х гг. Сохранилась книга О.Берггольц «Говорит Ленинград» (Л., 1946) с надписью: «Илье Григорьевичу Эренбургу, чьим голосом говорил Ленинград со всем миром. Ольга Берггольц».

340. А.И.Цветаева

Павлодар, 26 января 1961

ПОЗДРАВЛЯЮ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ СЕРДЕЧНО ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ ДОЛГОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ = АНАСТАСИЯ ЦВЕТАЕВА

Собрание составителя.

341. В.А. и Л.Н. Каверины

Москва, 26. 1. 1961

ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС ВОСХИЩАЕМСЯ ВАШИМ ТАЛАНТОМ БЛАГОРОДСТВОМ БОЛЬШОГО СЕРДЦА УДИВИТЕЛЬНОЙ ШИРОТОЙ И ОТЗЫВЧИВОСТЬЮ К ЛЮДЯМ И ЛИТЕРАТУРЕ ЖЕЛАЕМ ВАМ ЗДОРОВЬЯ НЕИЗМЕННОЙ БОДРОСТИ СЧАСТЬЯ И СЧАСТЬЯ КРЕПКО ОБНИМАЕМ ВАС И ДОРОГУЮ ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНУ = ВСЕГДА ВАШИ КАВЕРИНЫ

ФЭ. Ед.хр.1634. Л.3. Вениамин Александрович Каверин (1902–1989) – писатель; ИЭ был знаком с ним с 1920-х гг.; Лидия Николаевна Каверина (1902–1984) – писательница, жена В.А.Каверина и сестра Ю.Н.Тынянова.

342. А.А.Бек

Москва, 26 января 1961

ПОЗДРАВЛЯЮ СТАРШИНУ НАШЕГО ЦЕХА ГЛОТАЮ КАЖДУЮ НАПИСАННУЮ ВАМИ СТРАНИЦУ ЦЕЛЮ ЛЮБЛЮ ВАС МУЖЕСТВЕННЫЙ СЕРДЕЧНЫЙ ВСЕМ НАМ ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ = АЛЕКСАНДР БЕК

Собрание составителя. Александр Альфредович Бек (1902–1972) – писатель.

343. Д.А.Гранин

Ленинград, 26/1 1961

ЗДОРОВЬЯ ВАМ И ХОРОШЕЙ РАБОТЫ ЛЮБЯЩИЙ ВАС ЧИТАТЕЛЬ = ГРАНИН

ФЭ. Ед.хр.2468. Л.40. Даниил Александрович Гранин (р.1919) – писатель.

344. Е.А.Долматовский

Москва, 26 января 1961

СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ БОЛЬШОГО СОВЕТСКОГО ПОЭТА ТОЙ ЖЕ БОДРОСТИ ЖЕЛАЮ НА ДОЛГИЕ ГОДЫ И БОЛЬШОЙ ДОБРОТЫ К ЛЮДЯМ = ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ

ФЭ. Ед.хр.1522. Л.15. После 1953 г. дружеские отношения ИЭ с Долматовским порвались... Текст пожелания несомненно полемичен, т.к. Долматовский был на ИЭ обижен.

345. В.В.Левик

Москва, 26 января 1961

Дорогой и очень дорогой Илья Григорьевич!

В телеграмме многого не скажешь. Но за все Вами сделанное – земной Вам поклон. Глубокая вам благодарность во имя всего, что в искусстве, в культуре, в политике, в человеческой жизни есть самого высокого и прекрасного. Это чувство испытывают сегодня тысячи и миллионы, и я присоединяю к ним свой скромный голос.

От всей души поздравляю и Вас и Любовь Михайловну и желаю, чтобы ваша телесная природа еще долгие и долгие годы не чинила никаких помех и препятствий Вашей природе духовной.

Искренне Ваш *Вильгельм Левик.*

Фототелеграмма – собрание составителя. Вильгельм Вениаминович Левик (1906/1907–1982) – переводчик.

346. В.А.Фаворский

Москва, 26 января 1961

ПОЗДРАВЛЯЮ И ПРИВЕТСТВУЮ БОЛЬШОГО СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ = В ФАВОРСКИЙ

Собрание составителя. Владимир Андреевич Фаворский
(1886–1964) – художник-график.

347. Н.А.Шифрин

Москва, 26 января 1961

ОСОБОЙ РАДОСТЬЮ ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС ДОРО-
ГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ СЕГОДНЯШНИМ ДНЕМ
ЖЕЛАЮ МНОГО ЛЕТ МНОГО КНИГ МНОГО СТИХОВ
МНОГО ЦВЕТОВ ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ СЧАСТЬЯ ВАМ
ЛЮБЕ = НИССОН

Собрание составителя.

348. В.М.Ходасевич

Москва, 26 января 1961

ПОЗДРАВЛЯЮ ЮБИЛЕЕМ НАГРАДОЙ ЗАМЕЧА-
ТЕЛЬНОГО ПИСАТЕЛЯ ЧУДНОГО ЧЕСТНЕЙШЕГО
ЧЕЛОВЕКА ЖЕЛАЮ МНОГИХ ЛЕТ НЕ СКЛАДЫВАТЬ
ОРУЖИЯ ПРАВДЫ И МИРА = ВАЛЕНТИНА ХОДАСЕ-
ВИЧ

Собрание составителя. Валентина Михайловна Ходасевич
(1899–1970) – художница.

349. Ю.Г.Оксман

<Москва,> 26/1 <19>61

Дорогой Илья Григорьевич,
все слова, которые могут быть сказаны в день Вашего юби-
лея Вашими друзьями и почитателями, уже сказаны сего-
дня и будут сказаны еще во многих вариантах вечером, пе-
рейдут в печать, останутся в памяти наших современни-
ков, независимо от их возраста и положения.

Мне остается поэтому сказать только одно – я счастлив,

что живу в одно время с Вами, что судьба послала мне большую радость слышать Ваш голос – голос поэта, публициста, романиста, даже мемуариста – в течение всей моей сознательной жизни, начиная со студенческих лет (в Петербурге, с 1913 года, в Ленинграде с 1921–1922, на Колыме и Чукотке в 1936–1946 гг., в Москве сейчас).

Жизнь у меня сложилась не легкая, но если бы пришлось ее начинать с начала, я бы, вероятно, повторил все те ошибки, действительные и мнимые, которые ее осложняли и искажали.

Много раз в прошлом году я собирался к Вам, чтобы поговорить о Ваших воспоминаниях, которые читал с жадностью, совершенно понятною. Писать об этом трудно – на старости лет ничего не успеваю, какое-то хроническое состояние неловкости из-за срыва всех планов и обязательств по всем многочисленным академическим учреждениям, с которыми связан (институт мировой литературы, редакция академического издания Герцена, академическая Тургенева, «литературное наследство», «литературные памятники» Академии Наук и т.д. и т.п.).

Сердечный привет Любови Михайловне, которую я в первый раз видел еще в Киеве в 1919 г.

Ваш Ю. Оксман.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Ю.Г.Оксман (1895–1970) – литературовед, профессор. ИЭ ответил на это письмо 17 февраля 1961: «Дорогой Юлиан Григорьевич! Мне незачем Вам говорить, как мне было радостно прочитать Ваше письмо. Поверьте, я отделяю его от многих других поздравлений. Очень жаль, что Вы не собрались навестить нас. Может быть, Вы выберетесь теперь? Лучше всего будет, если Вы сможете приехать к нам в Новый Иерусалим. Мы будем этому очень рады. Наша машина сможет привезти Вас к нам и увезти обратно в Москву. Позвоните по телефону моему секретарю Наталии Ивановне <Столяровой> (Б 9-34-06) и, выбрав день, спросите ее о машине. Сердечный привет Вам от меня и от Любви Михайловны» (авторская копия – собрание составителя).

350. О.Б.Эйхенбаум

Ленинград, 26 января 1961

Дорогой Илья Григорьевич!

Я подошла сегодня утром к радио – и по привычке хотела выключить его – услышав голос¹. И не выключила. Я услышала великолепную музыку живого слова, живой интонации и так и осталась стоять – и стояла все время, пока звучал этот голос, Ваш голос!

Спасибо!

и будьте, пожалуйста, будьте подольше здоровы!

О.Эйхенбаум.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2413. Л.1. Ольга Борисовна Эйхенбаум (1912–1999) – филолог, дочь Б.М.Эйхенбаума.

¹ Утром 26 января 1961 г. ИЭ выступал по общесоюзному радио в связи с 70-летием; речь впервые опубликована в 1996 г. (ошибочно датирована 27 января): 6, 306-313.

351. С.И.Юткевич

Суханово, 26.1.1961

Дорогой Илья Григорьевич!

Разрешите и мне горячо и искренне поздравить Вас (не с 70 годами, конечно), а со всем тем, что должно было доставить Вам радость и удовлетворение...

Так вышло, что вы дали мне «путевку» в искусство, и хотя, вероятно, Вам было несимпатично многое из того, что делал (а большинства Вы просто и не видели!), но нет, пожалуйста, у Вас более верного и преданного читателя, чем я...

У меня на полках собран весь Эренбург (и особенно любимый поэт Эренбург, чьи стихи, начиная с киевского периода, сохраняются тщательно и перелистываются часто...), а за все, что Вы сделали для меня (иногда часто и сами не зная это!) и в далекий коктебельский и московский периоды и по Парижу (где Вы и Люб<овь> Мих<айловна> были так гостеприимны!), приношу Вам глубокую благодарность...

Пример Вашей бескомпромиссной, напряженной и такой плодотворяющей творческой жизни всегда придавал мне (да, вероятно, и не мне одному!) силу и уверенность в правоте всего того, с чем выросло наше поколение в советском искусстве. Желаю Вам и дальше здоровья и творческих радостей, а Любовь Михайловне прошу передать мой самый горячий привет.

Искренне уважающий Вас

Сергей Юткевич.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1085. Л.1. Сергей Иосифович Юткевич (1904–1985) – кинорежиссер; ИЭ познакомился с ним в Киеве в 1919 г.

352. А.С.Эфрон

Таруса, 27 января 1961

ВАС ПОЗДРАВЛЯЮ МОЛОДОЙ СЕДОЙ ДРАЧЛИВЫЙ ДОБРЫЙ ХМУРЫЙ В ДЕНЬ ВАШЕЙ СВАДЬБЫ ЗОЛОТОЙ С БЕССМЕРТНОЮ ЛИТЕРАТУРОЙ ТЧК ОБНИМАЮ ВАС ЛЮБУ ИРИНУ = АЛЯ

Впервые – *Ариадна Эфрон*. Письма 1942–1975. Воспоминания. М., 1996. С.171. Местонахождение подлинника неизвестно.

353. А.М.Ларина

<Москва,> 27/1 1961

Дорогой Илья Григорьевич!

Я хорошо представляю себе, что в связи с Вашим семидесятилетием Вы услышите много теплых слов и хороших пожеланий от Ваших друзей и благодарных читателей.

Мое давнишнее желание написать Вам, быть может, даже встретиться (о многом хотелось бы посоветоваться), сегодня особенно обострилось.

Хочется присоединить свой голос ко всем тем, кто Вас по-настоящему понимает, любит и ценит. Когда я прочла опубликованную часть «Люди, годы, жизнь» и нашла там,

хотя и мимолетные, но теплые воспоминания о человеке, написавшем предисловие к Вашему первому роману, о человеке, память о котором для меня свята¹, мне захотелось крепко пожать Вашу руку и расцеловать.

Сегодня, в Вашей замечательной речи, переданной по радио, я услышала слова: «Воз истории сдвинулся с места и ближе стали края справедливости!»² Хочется верить, Илья Григорьевич, что Вы доживете до тех времен, когда справедливость восторжествует окончательно и можно будет написать о Н.И.<Бухарине>, не завинчивая «душевных гаек» не с меньшей любовью, чем Вы написали о Пикассо, Хемингуэе или вдохновенных людях Вашей любимой Италии. И, конечно, «дело не в датах круглых или не круглых»³, но я и мой сын Юрий Николаевич⁴ желаем Вам отметить еще не одну круглую дату, не одну творческую победу.

А.Ларина.

Москва 1-й Черемушкинский проезд, дом 3, корп.2, кв.8. Ларина Анна Михайловна.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. А.М.Ларина (1914–1996) – вдова Н.И.Бухарина, тогда официально числившегося «врагом народа» и реабилитированного через 27 лет; о встрече с ИЭ А.М.Ларина рассказала в книге воспоминаний «Незабываемое».

ИЭ писал А.М.Лариной 16 февр. 1961: «Мне было очень радостно получить Ваше письмо. Я тоже верю в то, что настанет день, когда и мои воспоминания о Николае Ивановиче смогут быть напечатаны полностью...»

¹ Н.И.Бухарин.

² 26 января 1961 г. центральное радио утром передавало выступление ИЭ по случаю его 70-летия. (см. 6, 306-314).

³ Слова из речи ИЭ (6, 314).

⁴ Ю.Н.Ларин (р.1936) – художник.

354. Назым Хикмет

Москва, январь 1961

Илья Григорьевич, дорогой товарищ Эренбург!

Мне говорят, что Вам семьдесят.

Я должен писать, что не верю этому: так полагается.

Но мне кажется, что Вам семьсот: такой Вы мудрый, такой молодой, такой смелый.

Обнимаю Вас

Назым Хикмет.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1951. Л.2. Назым Хикмет (1902–1963) – турецкий поэт; ему посвящена 28-я глава 6-й книги ЛГЖ.

355. Д.Ибаррури

Москва, январь 1961

Позвольте мне, друг Эренбург, преподнести Вам немного солнца моей страны в бутылке Монсанильи, полученной оттуда. С пожеланием скорой встречи в освобожденной Испании Вас сердечно приветствует с семидесятилетием

Долорес Ибаррури.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1601. Л.1.

356. Н.Н.Никитин

Комарово, 29.1.<19>61

Дорогой Илья Григорьевич, всё – что с двадцатых годов и до настоящего времени – связывало меня с Вами, а это касалось, как Вам известно, не личных отношений, а литературных, заставляет меня сейчас сказать несколько слов (не телеграммных), а по существу, так мне по крайней мере кажется... И пользуясь «эренбургскими» днями в литературе, я их выскажу. Я уважаю Ваш превосходный дар новеллиста и романиста, я преклоняюсь перед Вашим замечательным талантом публициста, равного которому, по крайней мере у нас, я не знаю, и простите меня за банальность, но скажу ее не стесняясь, я всегда любил и люб-

лю Вас за то, что большинство из Ваших выступлений в печати не были для меня «очередными», как это нередко случается, Ваша индивидуальность всегда покоряла меня, заставляла сильнее думать, ярче чувствовать и как бы «подхлестывала», заставляя и меня самого работать лучше, или же стремиться к лучшему. А ведь великий дар – возбуждать лучшее в своих соседях – дается не многим. И вот за все это я благодарю Вас и рад тому, что знаю Вас не только издали, но хоть немного и вблизи, и даже до сих пор жалею, что именно вблизи я знал Вас так мало... Уж так сложилось.

Здоровья, прежде всего здоровья, главным образом здоровья мне хочется Вам пожелать в первую очередь и, может быть, еще потому, что мне его теперь подчас не хватает. Именно его мне хочется желать тем, кого я уважаю и ценю. Ценю и уважаю, и даже люблю в человеке именно то, что с годами не вянут, не останавливаются, а совершенствуются его дела и способности (если он только человек), и лишь состояние здоровья, не возраст, только недуги т.о. могут мешать ему. Так вот, пусть они Вам меньше мешают. Я рад за Вас, что, преодолевая несомненно эти помехи, Вы способны, Вы умеете создавать «Французские тетради», читая которые не только наслаждаешься, или духовно обогащаешься... совершенствуешься! Потому что без совершенствования, на одном наслаждении или на одном том, что ты узнал что-то новое, нет истинной литературы. И как Вы правы, написав, что у Стендаля Вы научились многому, скорее, как человек, чем как писатель¹. Вот дух этой мысли пронизывает всю книгу «Тетрадей». «Тетради» это для меня, как стихи. Они далеки от литературоведения. Они вместе с мыслями полны чувств... А логика сердца убедительнее, вернее, глубже логики всех «академических трудов». Спасибо. Обнимаю от души. И простите меня за мои каракули.

Искренний привет Любови Михайловне.

Николай Никитин.

P.S. Я недоволен тем, что написал... я хотел высказать Вам много больше, но переписывать, перемарывать у меня нет сил. И сколько десятилетий я с Вами встречался. И хоть невероятно редко встречался физически, но как часто за эти десятилетия я встречался с Вами душой. И всего не опишешь...

Впервые – ВЛ, 1997, №2, с.256-257. (Публикация Б.Фрезинского.) Подлинник – собрание составителя. Николай Николаевич Никитин (1895–1963) – писатель, участник группы «Серапионовы братья»; ИЭ был знаком с ним с 1920-х гг. – см. его письма Никитину в П1.

¹ Фраза из очерка ИЭ «Уроки Стендаля» (6, 122).

357. Л.А.Кассиль

Переделкино, 30 января 1961

Дорогой Илья Григорьевич.

В дни вашего юбилея меня не было в Москве – я находился в Белоруссии. Поэтому прошу Вас сегодня принять мои запоздалые поздравления и самые искренние пожелания вам здоровья, радости и утешения.

Я принадлежу к тому поколению, которое со школьной скамьи не расставалось с Вашими книгами, а, вступив в литературу, стремилось во всем следовать за Вами. С неизменным вниманием (даже если мне в чем-то не хочется иной раз соглашаться с Вами), с особым ревнивым интересом, с ученической завистью и восхищением прислушиваюсь я всегда к каждому Вашему слову, звучит ли оно со страниц Вашей учащенно-дышащей прозы, в строфах Ваших, полных мудрого раздумья и нестареющего чувства стихах, новаторство которых так заметно отразилось в нашей молодой сегодняшней поэзии, в Ваших мемуарах, где так просторно раскрывается и время, и Ваш необозримый жизненный опыт, в Ваших удивительно широких, хотя и сконденсированных до плотности формул суждениях об искусстве мира, или в Ваших блистательных статьях, сни-

скавших Вам заслуженную славу первого, наикрупнейшего публициста современности.

Спасибо Вам еще раз за все, что Вы своим талантом, неутомимой творческой и общественной деятельностью, высоким человеческим примером своим дали мировой, отечественной нашей культуре и каждому из нас!

Искренно Ваш

Лев Кассиль.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1662. Л.3. Отвечая Кассилю на это поздравление, ИЭ написал: «Я не могу сказать, что я со школьной скамьи читал Ваши книги, но был одним из первых, кто восхищался Вашей “Швамбранией”» (П2, с.508).

358. А.И.Цветаева

Павлодар, 3.II. 1961

Дорогой Илья Григорьевич!

Вчера отослала Вам всё, что пока написано мною – 1,2,3 и начало 4-й части Воспоминаний о детстве и о Марине.

Хочу, чтоб Вы прочли их – и буду посылать Вам продолжение, сколько смогу написать. Хотелось бы (так как начала повествование) продолжить до 1912 г., когда наши замужества разделили нас. Об 1912–27 гг. (моей последней встрече с Мариной в Мёдоне¹) – напишу о Марине во всех городах и условиях, в каких ее помню. Аля² может дополнить и продолжить мой труд – если мне посчастливится его закончить.

Илья Григорьевич! Я очень прошу Вас найти время прочесть то, что я Вам послала. Сердечно хочу этого. Считаю Вас близким человеком, знаю Ваше отношение к Марине и уверена, что Вам хорошо, нужно будет – окунуться в ее детство, узнать ее истоки, ее близких, ее детский и отроческий путь.

О достоинствах книги судить не берусь – но Борис³ ответил мне взволнованными словами (читал первую поло-

вину – т.е. 1-ую часть – Россию. О ней и ответил, Прочел ли Италию – не знаю. Посылала Вам, но не помню, до каких пор). Списываю Вам его слова не из писательского хвастовства (им не грешу, стара, устала, умучена, равнодушна), а только затем, чтоб Вас приохотить к чтению еще одной рукописи еще одних мемуаров! При Вашей занятости!

Шлю Вам еще несколько фотографий Елабуги – к тем, что послала Вам 31.XII в день отъезда из Москвы. (Сейчас у сына и внучек в Павлодаре – до лета.)

Храни Вас Бог! Жму Вашу руку.

Ваша А.Цветаева.

Из Борисового письма о «Воспом<инания>х»: «Только что получил и прочел продолжение, прочел и плакал. Каким языком сердца всё это написано, как это дышит почти восстановленным жаром тех дней! Как бы высоко я Вас ни ставил, как бы ни любил, я совсем не ждал дальше такой сжатости и силы. Ваш слог обладает властью претворения. Я забываю, что этих матерей и комнат и девочек уже нет – они заново повторяют свой обреченный выход, заново живут и заново уходят, и нет слез достаточных, чтоб оплакать их исчезновение и конец! Эта способность Вас, дочери, стать в положение матери – это потрясающе, Ася! Пишите так дальше, это поразительные воспоминания» (из письма ко мне Б.П.<астернака>. 22 сент. 1958).

P.S. не упрекните меня в нескромности. Делюсь с Вами дорогими для меня строками. Сама же о «Воспом<инаниях>» думаю – черновики, лишь кое-как поправленные. Пишу, как пишется, как могу.

АЦ.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ Медон – предместье Парижа, где М.Цветаева жила в 1927 г.

² А.С.Эфрон.

³ Б.Л.Пастернак.

359. Н.И.Альтман

<Ленинград,> 7.II.1961

Дорогой Илья!

О Вашем юбилее я, к сожалению, узнал только из газет. Отвращение к юбилеям и всему показному и равнодушно-му, что в них содержится, помешало мне включиться в общий хор. Мое молчание могло быть истолковано как безразличие, а это было бы неверно.

Годы молодости и годы Парижа я храню как драгоценные даты. В моем сердце уже много лет прочно живет дружба с Вами, и в этот день, и радостный и горький, я хочу пожелать Вам всегда быть здоровым, иметь возможность жить не суетливо, до конца сохранять уважение к себе и продолжать еще долго, долго доставлять людям радость.

Крепко Вас обнимаю и целую

Наташ.

P.S. Очень сожалею, что не слышал Ваше выступление по радио¹. Единодушное мнение многих людей, которые мне о нем говорили, что оно было замечательным. В их словах была благодарность Вам за него.

Н.

Впервые. Подлинник – ГМИИ им. Пушкина. Ф.41. Оп.1. Д.1. Л.1.

¹ Утром 26 января 1961 г.

360. И.Е.Мерас

Вильнюс, 22.II.1961

Уважаемый Илья Эренбург!

Теперь, когда, очевидно, закончилось празднование Вашей годовщины, я решил потревожить Вас своим коротким письмом.

Я Вас очень уважаю и люблю как публициста, писателя и, главным образом, – человека, и к Вашей годовщине посылаю Вам свой маленький подарок, самое дорогое, что у меня есть, – первую книгу рассказов «Желтый лоскут»¹.

Она в прошлом году вышла в свет на литовском языке. Вы, наверное, не знаете этого языка, но некоторые иллюстрации Вам подскажут хоть что-нибудь. Эта тема меня очень волнует, я не мог пройти мимо нее, только сожалею, что для этого мне очень недоставало писательского мастерства.

Я бы очень хотел хоть раз встретиться, поговорить с Вами. Я иногда бываю в Москве по служебным делам (по специальности я – радиоинженер). Если бы Вы разрешили мне это, я был бы счастлив, когда опять буду в Москве, хоть на самое короткое время повидать Вас².

Желаю Вам наилучшего здоровья и долгих лет + <несколько неразборчивых слов на идиш>.

С уважением

Ицхокас Мерас.

Впервые. Подлинник ФЭ. Ед.хр.1903. Л.1. Ицхокас Ехудович Мерас (р.1934).

¹ Надпись на книге «Желтая звезда», изданной в Вильнюсе в 1960 г.: «Илье Эренбургу – да, бывают разные люди, годы и жизни. С искренним уважением И.Мерас» (Л.2).

² 15 марта ИЭ ответил Мерасу: «Сердечно благодарен Вам за присланную книгу. В Москве я бываю редко, но буду очень рад, если Ваш приезд совпадет с моим» (Ед.хр.773).

361. Е.Г.Лундберг

<Москва,> 9/III <1961>

Дорогой Илья Григорьевич, хочется поскорее прочитать Вашу книгу всю, не дробя на куски. Только тогда определятся ее линии, ее голоса. А она «многоголосая». Это одно из ее основных достоинств.

Коснусь пока только нескольких частных.

Думаю, что Вы, как и все мы, проглядели молодую крестьянскую поэзию. Вспоминаю очень рано погибшего юношу Ганина¹ и др., разделивших его судьбу. Правда, другого Есенина среди них не было.

Читая «Люди, годы» я вдруг остро ощутил, что когда-то

проглядел Осипа Мандельштама. Я ценил его поэзию, безотказно, по убеждению, печатал его стихи в «Знамени труда»². Он меня за что-то ненавидел, я это чувствовал, он не скрывал. В памяти остался фантом, а не человек, писавший эти прекрасные, оттоенные, неожиданные строки. Отзыв о них см. «Записки» т. I, стр. 222³.

Исполать Вам за все сказанное о Борисе Леонидовиче <Пастернаке>. Но, думаю, Вы недооцениваете «Живаго». Роман – не роман; многое смутно и недотянуто; но затронуты большие темы. Одна из них, старинная, и по старинке взятая – «народная стихия» (крестьянство), жестокость ее, «вещая слепота»... кое-что пронизательно выразил Асмус⁴ в своем надгробном слове.

Очень подкупает во всей книге лукаво поблескивающий умный юмор. Он помог Вам охватить и оценить по достоинству широчайший круг явлений искусства. Это большая заслуга, это – «глас вопиющего в пустыни», и я не знаю никого в современной критической и эссеистической литературе, кто бы это сделал с таким мастерством, как Вы.

Жду выхода книги, чтобы проделать (для себя) очень занятную работу: подобрать по крупницам мозаичный портрет автора воспоминаний – все не могу угадать, больше ли в этих крупницах непосредственности или они определены тем или другим замыслом? На беглый (поневоле!) взгляд эти фрагменты несобранного портрета полны печали, тревоги и – я не нашел более точного слова – скромности; не обходится дело и без легкой иронии. Это очень приятно в устах писателя, дающего такое сложное и широкое полотно. Обычно даже самые приспособленные авторы мемуаров теряют в этих случаях равновесие и впадают в наивность, правда, доставляющую удовольствие читателю.

Сердечно жму руку.

Евг. Лундберг.

Вы обратили внимание, как в записях Л.Н.Толстого чередуются скромность и вспышки властолюбия, учительства, проповедничества? О таком же чередовании рассказы-

вают и его современники. Еще любопытнее такое же чередование у Ж.Ж.Руссо, у Монтэня и др. Я не агитирую Вас с помощью этих примеров... но... но в этой свободе выявлений есть тоже великий смысл...

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1841. Л.1-2. Ответ ИЭ – см. П2, №467. Евгений Германович Лундберг (1887–1965) – литератор, редактор, мемуарист.

¹ Алексей Алексеевич Ганин (1893–1925) – поэт, друг Есенина.

² «Знамя труда» – ежедневная газета левых эсеров (1917 г. – Петроград, 1918 г. – Москва).

³ «О.Мандельштам пронес через Киев маску нарочитого ничтожества и лживости и вино стихов прекрасно – сухих и неожиданных, для которых слова отбирает скряга, а образы и звуки приподняты над днем, как хоругвь» (Е.Лундберг. Записки писателя. Т.1. 1917–1920. Л. 1930. С.222).

⁴ Валентин Фердинандович Асмус (1894–1975) – историк философии, друг Б.Л.Пастернака.

362. Ю.Г.Оксман

<Москва,> 9.III.<1961>

Дорогие Любовь Михайловна и Илья Григорьевич, ваше приглашение получил в день отправки меня в больницу – опять напомнили о себе колымские каторжные норы. Но около 23 марта я буду дома и в первый же хороший день напрохусь опять к вам в гости.

В больницу принесли мне вторую книжку «Нового мира»¹. Ваши страницы о Мейерхольде поразительны по художественной смелости решений показа его живого и исторического образа во всей его диалектике. Менее Вам удался Пастернак – по причинам, впрочем, может быть, от Вас и не всегда зависевшим*.

Со всех концов страны мне пишут о том, какое значение имеют Ваши воспоминания для подъема интеллектуального уровня нашей молодежи. Ваши университеты в этом отношении, конечно, сейчас более значимы, чем в

свое время горьковские и даже короленковские. Простите за бессвязность этой записочки. Все-таки я в больнице!

Весь Ваш

Ю. Оксман.

*) Чем дальше разворачиваются Ваши мемуары, тем более разворачиваются они в эпос, а автобиография отмирает.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ В НМ №2 за 1961 г. напечатаны 17-27 главы 2-й книги ЛГЖ.

363. Е.Д.Гогоберидзе

<Тбилиси,> 9/III 1961

Дорогой Илья Григорьевич, пишу взволнованная теплыми строками, посвященными Вами Паоло и Тициану¹. Я дружила с ними, они были знакомы с моим братом², погибшим в 1937 году, одновременно почти со всем «юношеским» – в ту пору – ЦК <компартии> Грузии, принявшим на свои плечи все трудности первых лет революции.

Конечно, Тициан и Паоло – настоящие люди. Хорошо, что Вы не видели их еще на свободе, живых, но уже смертельно затравленных.

Не знаю, как выразить Вам свою признательность за то, что они как бы оживают в Вашей книге вместе с многими дорогими мне в прошлом людьми.

Прочитала и 2 номер «Нового мира» за <19>61 год и должна Вам сказать – только в похвалу – у Вас на редкость, и неожиданно для меня – добрый глаз. Что это? Большая любовь, отнюдь не в ущерб современности, к неповторимой творческой жизни недавнего прошлого, или та мудрость, которую извечно, не всегда с основаниями, приписывают опыту, многолетнему опыту людей, живущих напряженной интеллектуальной жизнью?

Андрей Белый писал «На рубеже двух столетий» примерно в возрасте 35 – 40 лет³. «Записки писателя» Лундбер-

га написаны примерно в том же возрасте⁴. Борис Николаевич <А.Белый> дал серию кривых зеркал, искажающих действительность, подобно видениям раненного бесовским стеклышком мальчика.

Лундбергом, когда он писал «Записки» явно владели тени требовательных к себе и к другим суровых скандинавских литераторов.

А у Вас вдруг оказался такой «добрый глаз»!

И это не только наперекор стилю «наших дней»; гораздо важнее, что Ваш «добрый глаз» помогает правильно осветить многие сложные проблемы тех лет, и безболезненно распутать иные противоречия.

Я близко знала многих, о ком Вы рассказываете, встречалась на тех же перепутьях – Москва, <1 слово нрзб.>, Берлин, <1 слово нрзб.>, Тбилиси... Среди них немало было людей чудовищно честолюбивых, снедаемых завистью, тщеславием, алчностью и другими мало привлекательными страстями.

А вот Вы неожиданно нашли у кого душевную чистоту, у кого чуткость и верность, у кого... И очевидно, Вы правы, как все авторы-художники «тридцати трех уродов» – помните эту милую новеллу Зиновьевой-Аннибал⁵? От всей души желаю вам еще много, много радостных дней.

Посылаю две книги – одна о любимом Тицианом и Паоло грузинском поэте; другая – создание иронического мудреца XVII века, не утратившее своей прелести до наших дней⁶.

Елена Гогоберидзе.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1449. Л.1. Елена Давидовна Гогоберидзе – сестра Л.Д.Гогоберидзе.

¹ Имеются в виду грузинские поэты Тициан Табидзе (1895–1937) и Паоло Яшвили (1895–1937); им посвящена 16-я глава 2-й книги ЛГЖ, впервые напечатанная в НМ, № 1, 1961.

² С Леваном Давидовичем Гогоберидзе (1896–1937) ИЭ был знаком; в одном из черновых вариантов к 32-й главе 6-й книги ЛГЖ он вспоминает его рассказ о Сталине (см.: 8, 588).

³ А.Белый завершил работу над первым томом воспоминаний «На рубеже двух столетий» в 1929 г., в возрасте 49 лет.

⁴ «Записки писателя» (1917–1924) Е.Г.Лундберга написаны в Берлине в начале 1920-х гг.

⁵ Имеется в виду нашумевшая в свое время повесть «Тридцать три уroda» (1907) Л.Д.Зиновьевой-Аннибал.

⁶ В РГАЛИ сохранился шмуцтитул первой книги (грузинское издание 1959 г.); при сдаче архива ИЭ в РГАЛИ из некоторых книг изымались лишь листы с дарственными надписями без указания фамилии авторов и названия книг.

364. С.Н.Мотовилова

Киев, 12/III <19>61

Многоуважаемый Илья Григорьевич.

Хочется поблагодарить Вас за Ваши воспоминания во 2-м № «Нового мира». Наконец-то! Кто-то осмелился человеческим языком написать о Пастернаке¹. Эта история с Нобелевской премией Пастернаку, по-моему, позорная страница нашей литературы. Доставили тогда удовольствие этому мерзавцу Даллесу². Люди, никогда не имевшие ни малейшего понятия о Пастернаке, никогда не читавшие его, считали своим долгом посылать негодующие письма в газеты. А как позорно держали себя наши писатели!

Мне хочется рассказать Вам, какой любовью, каким интересом Вы пользуетесь среди Ваших читателей.

Я живу в квартире, где кроме меня живет еще 18 человек. Я одна выписываю «Новый мир». Но что происходит, когда там есть Ваша статья! *On se me l'arrache* <итал?> Каждый хочет поскорее прочитать то, что Вы пишете. В киоске купить №, где Ваша статья, нельзя. Мне говорят, этот № достать нельзя. Там ведь статья Эренбурга. Ясно.

Я принадлежу к тому поколению пенсионеров, которые еще читали Вашего «Хулио Хуренито». Мне на 10 лет больше, чем Вам. Меня поразила там смерть Хулио Хуренито. Двое близких мне людей в первые годы революции были убиты именно так, из-за сапог.

Я не всегда читаю газеты. Я пропустила Ваш фельетон о Киеве в «Литературной газете»³. Много позже, чем он вышел, мои соседи (те, которые меньше всего читают) принесли мне вырезку из «Лит. газеты». Увы, она была залита каким-то жиром. Но я прочла ее с восторгом. Очень хорош этот Киев. Я боюсь сказать фельетон. Меня не понимают. Но в мое время, в XIX веке, это называлось так. И так это определяет Lagusse.

Прочтя его, я стала переписывать для себя. Переписать до конца мне его не удалось. К этим моим соседям приехали гости и газету надо было отдать.

Тогда я начала звонить всем моим знакомым, чтобы они дали мне этот № «Лит. газеты». Но никто с ним расставаться не хотел. Наконец сжалились надо мной 2 старика, муж и жена, 79 и 80 лет, большие Ваши поклонники.

Мне же этот № был нужен, чтобы послать его сестре за границу. Привожу Вам ответ мужа (сестра больна, сама не пишет).

«Отрывок из воспоминаний Эренбурга мы оба прочитали с большим интересом. Последнее слово мало выражает то потрясающее впечатление, которое оставляет рассказанное Эренбургом. Я нахожу, что вообще все, что пишет Эренбург, значительно. А его заметки о Чехове⁴ являются наилучшим образцом настоящей литературной критики».

Знаете, у нас выходит много книг «Такой-то в воспоминаниях современников». А надо, чтоб вышли книги «Такой-то писатель в письмах читателей». Вернусь к Пастернаку. Я абсолютно не понимаю его поэзии, его романа «Д-р Живаго» я не читала. Откуда мне его достать.

Но в 1918 году я работала вместе с ним в библиотечном отделе центрального комитета просвещения⁵. Во главе отдела был В.Я.Брюсов. Секретарем был Пастернак. Я служила эмиссаром – разъезжала по помещичьим имениям, описывая библиотеки. Редко бывала в отделе. Пастернак уже тогда был известным поэтом.

В 1956-м году я послала ему мои воспоминания о Брюсове, чтоб он помог мне где-то их поместить. Он ответил мне очень милым наивным письмом, которое, по-моему, опровергает несколько Ваше мнение о его эгоцентризме. Ему пишет какая-то незнакомая старушонка, имени которой он не знает, которую совсем не помнит, но ему хочется ей сделать что-то приятное, и вот начало его письма: «Глубокоуважаемая госпожа Мотовилова. Вы не раскрыли своих инициалов (С.Н.). Я думал было по догадке назвать Вас Софьей Николаевной (в таком случае Вы сегодня именинница, я Вас поздравляю) и не решился, извините меня». (Это было 30 сент<ября>.) Я, конечно, своим именам никакого значения не придаю, но поздравлением Пастернака была тронута. Что-то было мило-детское в нем. Вы это отметили. И это хорошо, что Вы заметили, что Маяковский говорил с ним особенно мягким голосом. А как очарователен и радостен его ответ в Швецию, когда он узнал о Нобелевской премии! Без всяких жестов.

Эгоцентричным, мне кажется, Пастернака нельзя назвать. Вот Брюсов, тот был действительно эгоцентричным.

Извините это мое письмо. Я так рада была, что Вы написали о Пастернаке, и хотелось Вам сказать, как любят Вас Ваши читатели.

С.Мотовилова.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1942. Л.5-8.

¹ Главу №5 2-й книги ЛГЖ, посвященную Б.Л.Пастернаку, отказались печатать в №1 НМ, где появились первые 16 глав 2-й книги мемуаров ИЭ; чтобы добиться ее публикации ИЭ пришлось обращаться лично к Н.С.Хрущеву (см. П2, №460). Хрущев публикацию главы разрешил, и она появилась под №20 в НМ №2.

² Имеется в виду изображаемый советской пропагандой как злейший враг СССР госсекретарь США в 1953–1959 гг. Джон Фостер Даллес (1888–1959), уже умерший к тому времени.

³ Речь идет о 9-й главе из 2-й книги ЛГЖ, напечатанной в ЛГ под названием «Киев» 27 октября 1960 г.

⁴ И.Эренбург. «Перечитывая Чехова».

⁵ Имеется в виду Народный комиссариат просвещения.

365. Б.В.Бобович

<Москва,> 13 III 1961

Дорогой Илья Григорьевич!

В Ваших поразительных воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» я нашел несколько слов о моем близком и многолетнем друге художнике Павле Георгиевиче Пастухове¹, и меня потянуло рассказать Вам об этом действительно застенчивом, талантливом, бескорыстном, скромном и чудесном человеке. Я познакомился с ним в Евпатории в 1920 г. В это время там проживали С.З.Федорченко, Я.А.Тугендхольд², В.В.Павлов (ныне известный скрипач, профессор), Илья Сельвинский и другие. Мы подружались с Павлом Георгиевичем и почти никогда уже не расставались. Это был отличный график и живописец, окончивший саратовскую художественную школу и историко-филологический факультет в Киеве. Тончайший вкус, глубокие познания в области мировой живописи, бескомпромиссность во всем, что касается искусства, – вот что отличало Пастухова. Но я не могу припомнить радостных дней в жизни этого, в сущности, очень одинокого и «неvezучего» человека. В последние годы он получил крохотную «академическую» пенсию и преподавал историю рисунка на искусствоведческом факультете МГУ. До войны П.Г. иллюстрировал несколько романов из<дательств>ва «Академия» и 2–3 раза выставлялся на различных выставках. В 1951 г. вышла небольшая книжка П.Г.Пастухова, им написанная и иллюстрированная. Она родилась в результате посещения им пушкинских заповедных мест. В ноябре 1960 г. П.Г. умер в страшных мучениях от саркомы, до конца испив горькую чашу одиночества, нужды и всевозможных житейских неустройств.

Пользуясь этой возможностью, я хотел бы выразить

Вам, дорогой Илья Григорьевич, глубочайшую и взволнованную благодарность за те страницы, что Вы посвятили Осипу Эмильевичу Мандельштаму, поэту огромному и светлому. В Москве я был немного знаком с О.Э., в последний раз столкнулся с ним в 1940 г.³ на ул. Воровского, когда он, очевидно, растерзанный, расстроенный, спросил меня, не знаю ли я, где ему найти Фадеева, с которым он хотел поговорить.

Не могу забыть тот восторг, с которым мы, одесские молодые поэты, встретили выход в свет «Камня» Мандельштама. Строчки его стихов сопутствовали нам всю жизнь.

Мне хотелось бы еще прибавить, что работаю сейчас над книгой воспоминаний о далеких одесских временах, главным же образом – о Багрицком и Олеше, которые были моими дорогими и незабвенными друзьями с юных лет.

Простите некоторую невнятность этого письма: много дней я очень тяжело болел.

Горячо жму Вашу руку и желаю Вам сил и здоровья.

Сердечно Ваш

Бор. Бобович,

член СП.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1300. Л.1. Борис Владимирович Бобович (1896–1975) – литератор. 18 апреля 1961 г. ИЭ писал ему: «Спасибо за Ваше интересное письмо, за воспоминания о П.Г.Пастухове. От души желаю Вам успеха в работе над книгой воспоминаний».

¹ С художником П.Г.Пастуховым (1889–1960) ИЭ познакомился в Киеве в 1919 г. (см. 11-ю главу 2-й книги ЛГЖ).

² Софья Захаровна Федорченко (1880–1959) – писательница; ИЭ познакомился с ней в Киеве в 1919 г. и тепло отзывался в ЛГЖ о ее книге «Народ на войне». С художественным критиком Яковом Александровичем Тугендхольдом (1882–1928) ИЭ был знаком еще в Париже в 1910-х гг.

³ Описка, возможно, речь идет о 1938 г.

366. В.П.Некрасов

<Киев,> 14/III <19>61

Дорогой Илья Григорьевич!

Мне очень жаль, что первое мое письмо Вам будет именно таким, каково оно есть, но, что поделаешь, получается оно именно таким.

Сегодня мне окончательно стало известно, что я не еду вместе с Вами в Италию. Это огорчило меня не только потому, что я успел уже полюбить красоту этой страны и ее народ и мне обидно, что не удастся продолжить и расширить свое первое знакомство¹ с ним, но огорчен я еще и тем, что именно в этой поездке мне хотелось как-то продолжить и расширить свое первое знакомство с Вами – и это тоже не получается.

Грешным делом я уже мечтал о том, как мы полетим с Вами через Париж и как у нас выкроится немного свободного времени побродить по городу. Мечтал я и <о> посещении итальянских музеев, и о беседах в трапториях, и о совместных встречах, совместной работе и много еще о чем мечтал... К сожалению, по независящим от меня причинам, мечтам этим не суждено сбыться.

Вот эти-то причины и побудили меня написать Вам письмо. Дело не в моей болезни, как, быть может, Вам будет сказано и во всяком случае сообщено в Италию (я абсолютно здоров), и не в каком-то решении просто сократить количество членов делегации (как официально сообщено было мне ВОКС'ом²), дело тут в другом – в подлом заявлении, поданном на меня в Партбюро Союза писателей Украины. В этом заявлении сообщалось, что я, мол, во время туристской поездки в США в ноябре прошлого года позволил себе «отрываться от коллектива» – самостоятельно посещать американский дом в Вашингтоне, встречаться со своей переводчицей, просто гулять в одиночку по Нью-Йорку!! Должен сказать, что наше Партбюро квалифицировало это заявление как не заслуживающее внимания и просто провокационное, тем не менее именно

оно, это заявление, привело к тому, что наше местное руководство воздержалось поддержать рекомендацию М.П.Бажана³ включить меня в делегацию. Возможно есть и другие причины, не имеющие отношения к моей поездке в США, но о них я могу только догадываться и строить предположения.

Вот так, не очень радостно, обстоят дела. Об этом и хотелось вам написать. И о том, что теперь я совсем уже не понимаю, как поддерживать какие-либо «контакты деятелей культуры», о которых мы столько пишем.

За сим желаю Вам счастливой и интересной поездки, в которой, к сожалению, не удастся быть Вашим попутчиком.

Крепко жму руку.

С искренним уважением

В.Некрасов.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. 22 марта ИЭ ответил Некрасову: «Я уже знал дня три назад, что Вас почему-то не хотят украинские власти отпускать, и огорчился, что мы не едем вместе. А теперь возмущаюсь. Свистунов <освобожденный секретарь общества “СССР–Франция”, президентом которого был ИЭ> мне объяснений не дал, или не знал, но сказал, что “и Бажан не помог”. Безобразие! Противно и скучно – уж очень нехорошо» (П2, №466).

¹ «Первое знакомство» – название книги В.Некрасова о поездке в Италию (М., 1960).

² Всесоюзное общество культурных связей с границей.

³ Микола Платонович Бажан (1904–1983) – украинский поэт, влиятельный общественный деятель.

367. Е.Г.Полонская

<Ленинград,> 17 марта <19>61

Дорогой Илья.

Не беспокойся за меня. Голова у меня еще цела. Я упала у себя дома «с собственной высоты», как говорят наши французские коллеги, и вывихнула правую руку. Это случилось в сочельник.

Теперь мне лучше. Делаю временную гимнастику. Рука поправляется. Пишу, как видишь, ею сама.

Прочла 1921 год¹. Ты делаешь большое дело. Я не плакала на этот раз, а радовалась. Как хороши эти люди, о которых ты пишешь, – Таиров, Дуров, Мейерхольд, Есенин. Какой мартиролог.

Вспомнила

...я список кораблей прочел до...

Сей длинный...

Сей поезд...

Что над....

Но вот Гомер молчит

А море буйствуя подходит к изголовью².

До свиданья, мой дорогой. Береги себя. Счастливого пути.

Лиза.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2055. Л.19-20.

¹ Т.е. 2-ю книгу ЛГЖ в № 1 и 2 НМ за 1961 г.

² Неточно воспроизводятся строки стихотворения О.Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» (1915).

368. Е.С.Гинзбург

<Львов,> 20/III <19>61

Только что дочитала вторую книгу «Люди, годы, жизнь». И захотелось сказать Вам спасибо. Я одна из тех, кто тоже читал «сонеты у костра»¹ больше чем за 10 тыс. километров от своего родного города Москвы. М.б., Вам будет интересно узнать, что и Ваши стихи читались у костров. Повторяли: «из слов остались самые простые: – работа... воздух поздно... никогда»² – и удивлялись: откуда он узнал, что так бывает. И «погибая, он спускает шляпки»³... – тоже. Я лет на 15 моложе Вас. Но все равно уже скоро конец, тем более, если принять во внимание особенности биографии. И вот на последних рубежах, да еще в

чужом городе, куда после Севера занесла судьба, так дорога мне была эта нечаянная радость – открыть книжку «Нов. мира» и вдруг прочесть в ней такое правдивое и настоящее.

Лет в 17–18 я знала наизусть целые страницы из «Хулио Хуренито». Потом вот – стихи у костра. Правда, многие Ваши романы следующих лет оставляли меня холодной. А сейчас я снова по-настоящему взволнована и благодарю Вас за эту работу, за то, что Вы так написали о Мандельштаме, о Мейерхольде, о Табидзе и Яшвили, о многих других. Дай бог, чтобы все у Вас было хорошо и чтобы Вы обязательно дописали эту книгу.

Евгения Гинзбург.

Львов–8, пр.Шевченко, д.8, кв.3.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Евгения Семеновна Гинзбург (1906–1977) – автор книги воспоминаний «Крутой маршрут», напечатанной в СССР лишь в 1989 г.; мать писателя В.П.Аксенова. ИЭ ответил на это письмо 15 августа 1961: «Простите, что поздно отвечаю – редакция «Новый мир» задержала некоторое время Ваше письмо в числе многих других и прислала мне его с опозданием. Меня очень тронул Ваш отклик и рассказ о моих стихах» (авторская копия – собрание составителя). Потом ИЭ прочел «Крутой маршрут»; из зарубежных поездок он привозил автору иностранные издания ее книги.

¹ Имеется в виду рассказ из главы о Мандельштаме 2-й книги ЛГЖ о том, как умирающий в лагере поэт «у костра читал сонеты Петрарки».

² Неточная цитата из стихотворения ИЭ «По тихим плитам крепостного плаца...»

³ Из стихотворения ИЭ «Где играли тихие дельфины...».

369. В.Л.Андреев

<Женева,> 7 апреля 1961

Дорогой Илья Григорьевич,
в Берлине, в 1922 году, когда я с Вами познакомился, я помню, как Георгий Венус¹ (вероятно впоследствии Вы

встречались с ним в Ленинграде, где в тридцатых годах он опубликовал несколько беллетристических книг) говорил мне: «Ужасно трудно поздороваться с Эренбургом: все как-то не выходит, все кажется, что он не ответит». Я понимал его – в Вашем присутствии чувствовал себя смущенным и «не у места». Когда в прошлом году мы встретились в Женеве, я первым делом вспомнил это берлинское ощущение и сразу «помолодел» чуть не на сорок лет. Но вот теперь, когда я прочел Ваши воспоминания, за Эренбургом писателем, я увидел Эренбурга человека – и за это Вам спасибо. Последние страницы того, что было напечатано во втором номере «Нового мира», особенно меня взволновали. Мне кажутся убедительными портреты людей, которых я знал лично (даже в том случае, когда я этих людей представлял себе иначе) именно потому, что за этими портретами я увидел человека, с которым я встречался, но которого я не знал. С огромным нетерпением я жду следующих глав Ваших воспоминаний – они, я в этом твердо уверен, еще увеличат влияние русской литературы за границей и многое утвердят у нас в Союзе.

Если Вам придется побывать в Женеве, постарайтесь выкроить свободный день: у меня теперь есть машина, правда, маленькая, но она, благодаря своим скромным размерам, может проникнуть в те уголки, куда не забирается большой туристический автобус.

Жена и сын просят передать Вам и Вашей жене самый сердечный привет. Крепко жму руку и еще раз благодарю Вас.

Искренне Вас уважающий

Вадим Андреев.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1213. Л.2. Вадим Леонидович Андреев (1902–1976) – писатель, сын писателя Л.Н.Андреева. Сохранились две книги с автографами В.Андреева Эренбургам: «Свинцовый час» (Берлин, 1924) с надписью: «Илье Григорьевичу Эренбургу моя первая книжка, которую я лет через десять б.м. передам ауто д’афе. В.Андреев. 13.III.24» и «Детство» (М., 1963): «Любови Михай-

ловне Эренбург с глубоким уважением и самым дружеским чувством. Вадим Андреев. Москва, 26 сентября 1968».

¹ Георгий Давыдович Венус (1897–1939, репрессирован) – писатель, в середине 1920-х гг. вернулся в СССР из эмиграции.

370. Н.Я.Ганейзер (Белобородова)

Москва, 11. IV. 1961

Дорогой Илья Григорьевич!

Давно хотела написать Вам, поздравить с 70-летним юбилеем, да все не решалась отнимать у вас время, да и думала может совсем забыли далекую гимназистку Надю. А вот на днях прочитала в №8-м «Нов<ого> мира» Ваши воспоминания и Ваши такие теплые строчки о нашей юной дружбе¹ и захотелось мне откликнуться. Сказать Вам, что, несмотря на то что прошло более полувека, как мы расстались, я с нежностью вспоминаю то далекое – такое далекое – время нашей дружбы. Помню наши прогулки и бесконечные «философские» разговоры и споры... Помню, как Вы вводили меня в нелегальные революционные кружки. как объясняли мне разницу между большевиками и меньшевиками... Ведь Вы, несмотря на свои 16–17 лет, были уже матерый революционер, а я, хотя и старше Вас на год, была совсем глупышкой... Вы стали большим писателем с ярким и светлым талантом. Несете людям свет, радость, добро. Активно боретесь за мир и дружбу всех людей на земном шаре – а что может быть выше этого? Я же только «мама» и «бабушка». Вырастила дочь – теперь детскую писательницу (Галина Ганейзер²), автора многих художественно-познавательных книг, и двух внучек – старшая кончает ВГИК, как сценаристка (Юля Дубровкина), младшая, Женя, учится в 7-м классе.

Вот и все. Я совсем старая, седая и толстая... больное сердце и проч. Но по-прежнему жадно люблю жизнь, радуюсь за каждый отпущенный мне судьбою день...

Желаю вам, дорогой старый друг, долгих творческих лет на радость людям.

Спасибо за все!

Ваша *Над.Ганейзер*, а раньше Надя Белобородова.

Впервые (полностью); фрагмент приводился в коммент. к 5-й главе 1-й книги ЛГЖ (М., 1990). Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1407. Л.1-2. Надежда Яковлевна Ганейзер (Белобородова; 1888–1975) – ответное письмо ей от ИЭ – см. П2, №468.

¹ ИЭ писал в 5-й главе 1-й книги ЛГЖ: «Моя первая любовь относится... к осени 1907 года, когда меня прогнали из гимназии. Звали гимназистку Надя. Ее старший брат, Сергей Белобородов, был большевиком... Почти каждый день мы писали друг другу длиннейшие письма, с психологическим анализом наших отношений, с упреками и клятвами, письма ревнивые, страстные и философические. Нам было по шестнадцати лет, и, вероятно, мы оба были поглощены не столько друг другом, сколько смутным предчувствием раскрывающейся жизни».

² Галина Евгеньевна Ганейзер (1912–?) – автор 25 книжек для детей, вышедших с 1950 по 1975 г.

371. Б.Н.Полевой

Москва, 13 апреля 1961

Дорогой Илья Григорьевич!

Обстоятельства чрезвычайной важности заставляют меня побеспокоить Вас этим письмом. Дело в том, что Ваш подарок, растение неизвестного наименования, которое у меня дома в Вашу честь именуется Эренбургом, снова начало хиреть и чахнуть. Повторяется прошлогодняя трагедия. Перевели его из горшка в горшок, поставили на солнышко, поливаем. Не помогает. Чахнет сверху – хиреют на концах веток завязи листков, сами листочки начинают опадать. Это наблюдается уже второй раз и оба раза весной, примерно в одно и то же время. Может быть, оно – однолетнее? если нет, может быть, существует неизвестный нам секрет весеннего обращения с ним?

Вернувшись из Индии, не раз принимался звонить Вам по поводу этой чрезвычайной моей заботы, но Вас нет и нет, и вот прибегаю к испытанной эпистолярной форме.

Мемуары Ваши имеют в интеллигенции успех необычайный. Не уверен, что последуют бурные аплодисменты в официальных кругах, но факт, что за «Новым миром» в библиотеках очереди. Здорово, свежо, увлекательно, честно!

Кстати, оду в Вашу честь мною сооруженную, удалось таки всунуть в последнюю минуту в книжку «Встречи на перекрестках», находящуюся уже в типографии¹. И представьте – издатели даже не очень сопротивлялись².

Посылаю в эфир – СОС, СОС, СОС! Жду вашей квалифицированной консультации.

Привет от Юлськи³ и от меня Любовь Михайловне.

Ваш *Б.Полевой*.

P.S. А Гагарин-то, черт его побери, всем фитиль вставил. Здорово!⁴

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2051. Л.17-18.

¹ Имеется в виду очерк об ИЭ «Пилигрим мира» (Б.Полевой. Встречи на перекрестках. М., 1961. С.401-415)

² Книгу Полевого выпускало издательство «Советский писатель», директор которого Н.Лесючевский обычно препятствовал изданию книг ИЭ (см. П2, например, №415).

³ Дочь Б. Полевого.

⁴ ИЭ находился в то время в Италии и по телефону сообщил в ЛГ о том, как триумфально восприняли в Италии полет 12 апреля 1961 г. первого в мире космонавта Ю.А.Гагарина (см. *И.Эренбург* Самая крупная победа // ЛГ, 15 апреля 1961).

372. А.И.Цветаева

Павлодар, 24 IV <19>61

Дорогой Илья Григорьевич!

Вчера только – так была занята по дому и со внучками – получила в руки № 1 Нов<ого> Мира и прочла, бегло, книгу снова уносили то, что мне так давно хотелось – о Марине

<Цветаевой>. И об Осипе Эмильевиче <Мандельштаме>. Мне сказали о 1960 г., о Максе¹. Вырвусь в библиотеку, и там прочту. Сейчас по свежим следам – о прочитанном.

Мало осталось Марининых друзей. Был ли другом ее Ю. Завадский – не знаю и не знаю его. Вы – и Павлик (Антокольский). О тех, кто казались друзьями в ее последнюю Москву (1939–41), ее встречах, о последней встрече с Вами – знаю от (ныне больной, в санатории) Н. Г. Яковлевой², тогда ежедневно ее видевшей, до отъезда в Елабугу. – Один Вы написали о ней. Тепло, хорошо написано. Жаль что – мало.

Я Вам, тут, списываю стихи Марины 15-ти лет – (старость, м.б., я Вам их уже посылала?). Пишу по памяти, более их нигде нет. А сейчас укажу на некоторые неточности в цитатах ее стихов в Н<овом> мире: надо: «Ох ты, барская, ты, царская моя тоска» и в стихах «Прохожий» (о кладбище) – надо: ... «...любила

Смеяться, когда нельзя»³.

Мне надо и хочется знать, прочли ли Вы машинопись моих «Воспоминаний», где много о Марином детстве и отрочестве, присланную Вам месяца, верно, 2 назад. Всего там 270 стр<аниц> (напечат<анных> через интервалы) – не очень много текста. Если не читали – прочтите – ради памяти Марины и помощи мне в продолжении этой работы. За 3 года я написала 4 части и начало 5-ой. Россия – Италия – Швейцария – Германия (у Вас ее 1-ая глава лишь – «Лангаккерн»). 4-ую часть я кончила (в рукописи). И начала 5-ую – «Крым» (1905–6 гг., Маринины 13–14 л<ет>). Когда будет готово в машинописи – я Вам дошлю. Но мне нужен Ваш отзыв. Это мне облегчит труд. Я очень устаю, 67-ой год, семейные тревоги, мало времени, мало сил. А я написала всего половину, если довести до 1-го года брака Марины и дать последние встречи с ней – Москва 21–22 и Медон 1927. Вот Вы мне помогите советом. Жду Ваш ответ.

В Москве буду, если буду здорова, летом – м.б., проез-

дом отдохнуть где-нибудь на Рижск<ом> взморье. Коктебеля боюсь – для сердца, склероза. Жара противопоказана и внучке Рите (ей столько лет, сколько было Иринке, когда я ее видела у Вас в д<оме> ученых в 1928⁴. Была у Вас тогда – с Майей⁵). С осени уже буду «нажимать» на ж<илищный> отдел – о комнате – пока у меня нет сил на устройство ее. После летнего отдыха примусь за это – вновь. До лета мне надо быть тут, в Павлодаре, писать, а летом – отдохнуть.

Всего доброго Вам! Жму руку. Привет Наташе⁶. Будьте здоровы!

А.Цветаева.

P.S. Из Вашей статьи⁷ я узнала о том, где кончил жизнь Осип Эмильевич <Мандельштам>. Мы могли встретиться у того костра!⁸ как бы я его кормила... Знаете ли Вы адрес Нади⁹, его жены? И знаете ли Вы о его другом брате – Евгении¹⁰? Он был самым «деловым» из них – а м.б., и без «».

P.P.S. Мне кажется, что М<арина> и я знали Вас с 1914–15 гг.¹¹ (были ли Вы в 1914 г. летом в Коктебеле? М., было 22 года в 1914 г. Может ли быть, что Вы в первый раз ее увидели в 1917 г. (тогда ей было 25 лет).

От одной ли физической близорукости Маринины глаза, при ее гордой осанке, – растеривались, глядя вокруг? ¹² М.б., от какого-то соответствия внутреннего – с близорукостью глаз, на котором она настаивала? У нее были стихи, где она говорила: «И губительно глядеть на мир / Неблизорукими глазами!»¹³ (1913–16?, не позже 18 г.).

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ Имеется в виду 19-я глава 1-й книги ЛГЖ о М.А.Волошине, напечатанная в НМ в 1960 г.

² Нина Герасимовна Яковлева (1888–1967) – переводчица, автор воспоминаний о М.Цветаевой.

³ В отдельном издании 1-й и 2-й книг ЛГЖ (1961) ИЭ исправил неточности в цитированных стихах.

⁴ Имеется в виду дочь ИЭ, которую А.Цветаева могла видеть с отцом в Москве лишь в 1924 г.

⁵ М.П.Кудашева.

⁶ Н.И.Столярова.

⁷ Имеется в виду 14-я глава 2-й книги ЛГЖ.

⁸ См. примеч. 1 к № 368.

⁹ Н.Я.Мандельштам.

¹⁰ Е.Э.Мандельштам (1898–1979) – врач, кинодраматург.

¹¹ С А.И.Цветаевой ИЭ увиделся впервые в 1920 г. в Феодосии.

¹² Имеются в виду слова ИЭ из главы ЛГЖ о М.Цветаевой: «...растерянность выдавали глаза: большие, беспомощные, как будто невидящие – Марина страдала близорукостью».

¹³ Строки из несохранившихся стихов М.Цветаевой (сообщено Е.И.Лубяниковой).

373. С.Фотинский

<Париж, апрель 1961>

Дорогие Эренбурги.

Я получил Ваш привет, переданный мне Кавериним¹ и был очень рад. Каверины очень милы и симпатичны. К сожалению, у них не было много времени, чтобы фланировать по Парижу.

Из Италии в декабре месяце я получил твое письмо и ответил тебе моментально, но получил это письмо обратно из Италии. Ты, вероятно, переехал в другой город, и это письмо тебя не догнало. Когда приедете в Париж? Мы с Лианой думаем уехать в деревню 15 мая и быть до 15 октября. Но если ты присдешь в это время в Париж, я возвращусь в Париж, чтоб повидаться. Я читал отрывок из твоих мемуаров “Le Rotonde” в журнале «Horisont»².

Здоровье мое благополучно. С глазами не ухудшается, процесс остановился. Я работаю, т.е. занимаюсь живописью. Думаю устроить свою выставку.

Лиана шлет Вам обоим свой сердечный привет, и мы обнимаем Вас крепко.

Твой *Фотя*.

Привет Ирине и сестрам.

Впервые – Русские евреи во Франции. Кн.2. Иерусалим, 2002. С.200. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2303. Л.4.

¹ Писатель В.А.Каверин (написание его фамилии Фотинским здесь исправлено) навестил Фотинского с подачи Эренбурга, будучи во Франции в 1961 году вместе с женой, писательницей Л. Н. Кавериной.

² Глава «Ротонда» из первой книги мемуаров Эренбурга, еще до их публикации в НМ (тогда они еще назывались «Годы, люди, жизнь») была опубликована в №5 (108) за 1960 г. международного журнала «Horizont» (по-русски журнал выходил под названием «В защиту мира»).

374. А.С.Эфрон

<Москва,> 5 мая 1961

Дорогой Илья Григорьевич! Как кретинка прособира-лась целую вечность, чтобы написать Вам – ожидая «свободного времени», которое давным-давно не существует в природе, и ясной головы, которая вполне очевидно не собирается вернуться на мои плечи и заменить тот дырявый котелок, который служит мне «вместо». Скажу лишь одно: все эти годы Париж был для меня прочтенной и поставленной на полку книгой. А Ваши воспоминания заставили меня грустить о нем, о том, что я никогда больше не встречу с этим городом-другом, стерли подведенный жизнью итог магической силой настоящего искусства, когда перестаешь сознавать что, как, зачем написано, а просто оказываешься сам в книге, и книга уже не книга, а сплошное «воскресение» из мертвых, прошедших, ушедших, без вести пропавших, вечных.

Мне много и хорошо хотелось сказать Вам, и будь я проклята, если этого не сделаю! Я пока только скажу Вам спасибо за воскрешенных людей, годы, города. Мне ли не знать, какой тяжелый труд – воспоминания, воспоминание, когда уже целым поколениям те времена – то время – только спеленутый условными толкованиями последующих дней – Лазарь¹.

Кстати, Вы не из добрых писателей, Вы из злых (и Толстой из злых), так вот, когда злой писатель пишет так добро, как Вы в воспоминаниях, то этому добру, этой доброте цены нет; когда эта доброта, пронизывая все скорлупы, добирается до незащищенной сути людей, действий, событий, пейзажей, до души всего и тем самым и до читателей – это чудо! (как смерть Пети Ростова у Толстого и иногда Бунинские глубочайшие просветления). Крепко обнимаю Вас, мой самый злой, мой самый добрый, мой самый старший друг. – Я как-нибудь разыщу то, что записано мною о Вас в моих детских дневниках, к<отор>ые случайно сохранились² – это тронет Вас и позабавит.

Теперь – относительно той части воспоминаний, что о маме, – я жалею, что тогда, у Вас, не читала, а глотала, торопясь и нацелясь именно на маму³. А теперь, перечитывая, увидела, что об отце сказано не так и недостаточно. Дорогой Илья Григорьевич, если есть еще время и возможность и не слишком поздно «по техническим причинам» для выходящей книги⁴, где-нибудь, в конце какого-нибудь абзаца, чтобы не ломать набор, уравновесить этот образ и эту судьбу – скажите, что Сережа был не только «мягким, скромным, задумчивым». И не только «белогвардейцем, евразийцем» и «возвращенцем». Он был человеком и безукоризненной честности, благородства, стойким и мужественным. Свой белогвардейский юношеский промах он искупил огромной и долгой, молчаливой, безвестной, опасной работой на СССР, на Испанию, за к<отор>ую, вернувшись сюда, должен был получить орден Ленина; вместо этого, благодаря (?) тому, что к власти пришел Берия⁵, добивший все и вся, получил ордер на арест и был расстрелян в самом начале войны (они с мамой погибли почти вместе... «так с тобой и ляжем в гроб – одноколыбельники»⁶). Об этой стороне отца необходимо хотя бы обмолвиться, и вот почему. Мама свое слово скажет и долго будет его говорить. И сроки не так уж важны для таланта (чего не мог понять Пастернак со своим «Живаго»), и

сроки непременно наступают, и они длительней человеческих жизней. Часто именно физическая смерть автора расщепляет атом его таланта для остальных; докучная современникам личность автора больше не мешает его произведениям. И мамины «дела» волнуют меня только относительно к сегодняшнему дню, ибо в ее завтра я уверена. А вот с отцом и с другими многими всё совсем иначе. С ними умирает их обаяние; их дела, влившись в общее, становятся навсегда безвестными. И поэтому каждое печатное слово особенно важно; только это останется от них будущему. Тем более Ваше слово важно. Сделайте его полнее, это слово, т.к. Вы-то знаете, что не папина мягкость, скромность и задумчивость сроднили его с мамой на всю жизнь – и на всю смерть. Поймите меня правильно, не сочтите назойливой и вмешивающейся не в свое дело, простите, если не так сказано; я бы и так сумела сказать, если бы не спешка и не застарелая усталость, забывающая голову. Впрочем, Вы всё понимаете, поймете и это.

Стихотворные цитаты⁷: стр.99, правильно: «Ох ты барская, ты царская моя тоска».

стр. 101 «Я слишком сама любила смеяться, когда нельзя». «Отказываюсь – быть. В Бедламе нелюдей отказываюсь – жить». «Целые царства воркуют вокруг...» (а не «вокруг»).

В Базеле не архив М<арины> Ц<ветаевой>, а 2 вещи, которые она по цензурным соображениям не хотела везти сюда: «Леб<единый> стан» и «Поэма о царской семье»; м.б., если говорить об архиве, то это еще привлечет внимание тамошних «издателей» к Базелю? М.б., сказать, что там незначительная часть архива, или еще как-нибудь иначе?

Мама привезла значительную (а не небольшую, как сказано у Вас) часть архива своего сюда – т.е. ббльшую часть рукописей стихотворных, прозу напечатанную и выправленную от руки и часть прозаических рукописей, зап<исные> книжки подлинные или переписанные от руки.

Большинство этого сохранилось (у меня сейчас) так же, как часть писем к ней – Рильке, Пастернак. Недавно получила ее письма к герою поэм «Горы» и «Конца»⁸. вообще архив пополняется, жаль, что так затруднена связь с заграницей – мне бы многое прислали, но как?

Вот и все пока. Обнимаю Вас, сердечный привет Любови Михайловне. Спасибо за все.

Ваша Аля.

Впервые – А.Эфрон, с.175-177. Подлинник – собрание составителя.

¹ Имеется в виду евангельский сюжет о воскресении Лазаря (Иоанн, 11).

² Фрагменты этих записей февраля–марта 1921 года «Золотое сердце Эренбурга» приводятся в книге: *А.Эфрон*. Марина Цветаева. Калининград, 1999. С.165-167.

³ Имеется в виду чтение рукописи 3-й главы 2-й книги ЛГЖ до ее опубликования в НМ.

⁴ Первые две части ЛГЖ были подписаны в печать 17 июля 1961 г.; ИЭ смог внести в них небольшие добавления (подробнее см. комментарии к ЛГЖ – 7, 748-749).

⁵ Имеется в виду назначение Л.П.Берии наркомом внутренних дел в 1938 г.

⁶ Неточная цитата из стихотворения Цветаевой, посвященного С.Я.Эфрону («Как по тем донским боям...»).

⁷ Страницы ЛГЖ приводятся по НМ (№1, 1961).

⁸ Речь идет о К.Б.Родзевиче.

375. Вс.В.Иванов

<Москва,> 19 мая 1961

Дорогой Илья Григорьевич.

Посылаю Вам том стихов и поэм Б.Л.Пастернака, приготовленный к печати редакторами Гослитиздата, и том, подготовленный самим автором. Из этого второго тома я и семья Б.Л. хотели бы добавить в первый том, список этих добавляемых стихов приложен. Может быть, мы что-

либо пропустили или выбрали не то: Ваши пожелания будут очень полезны.

Привет Вам и Любовь Михайловне от меня и Тамары Владимировны.

В понедельник, стало быть, встретимся.

Вс.Иванов.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1605. Л.3. Вс.Иванов был утвержден председателем Комиссии Союза писателей СССР по наследию Б.Пастернака; ИЭ являлся членом этой комиссии.

376. Е.Г.Лундберг

<Москва,> 29/V <19>61

Дорогой Илья Григорьевич, прочитал книгу третью (видимо, не законченную)¹, затем еще раз, бегло, все от начала до конца, чтобы уловить разницу в тоне, в манере, на которую Вы указывали.

Разница есть, да ее и не может не быть, ибо этап<ы> разные.

В первых двух книгах – нарастающее напряжение нескольких потоков: автобиография, детство, рост сознания, первые скитания, поиски путей, размах исторических событий. И не только автор, все, с кем он встречается, беседует, живет, подхвачены этими событиями. На каждой почти странице «концы и начала» в их противоречивости, их разрывы, одни начала, одни концы, это еще больше усиливает напряжение.

Достаточно событий и в третьей части, но тон ей дают главным образом просторные отступления, одно из них – об «исповеди», показалось мне слишком растянутым, хотя Вам оно и дорого; затем портреты писателей*), тут же щедро регистрируются поездки, без чего не обойтись; приводятся списки – часто без характеристик – новых друзей и знакомых. Есть повторения – их легко убрать – есть остановки, но автор, писатель, в них не повинен.

Портреты хороши и необходимы – Вы сами это знаете. Мне жалко, что Ремизов² показан только с «буковками», «елкой», чудачествами – вне «пруда» и «крестовых сестер». Острый портрет – Эжена Мерля³ опять ярко говорит об эпохе. Но тут же рядом торопливой скороговоркой имена талантливых писателей и режиссеров; имена ничего не дают неискушенному читателю. Однако читателям более или менее знающим жизнь Запада и французскую литературу эти отписки кое-что дают. Они характеризуют международные связи автора, его среду. Следовательно снимать их нельзя. Приходится примириться с тем, что не всё и не всем читателям книги будет интересно. В тонкостях и «сердца горестных заметах» разберутся лишь немногие. Кое-кто будет читать «на выборку». С этим ничего не поделаешь.

Занятно, что игра остроумными сопоставлениями, которые часто радуют в Ваших книгах и статьях, выразительнее под натиском исторических событий, чем в полосе относительного и, пожалуй, сомнительного затишья двадцатых годов. И все же сокращать что-нибудь и вычеркивать, по-моему, не следует, кроме длиннот и повторений, которые сами всплывут на поверхность, когда книга будет лежать перед Вами в законченном виде.

Мне нравится название Вашей книги: «Люди, годы, жизнь» – дальше мерещится многоточие. Самим названием Вы как бы указываете на неизбежную фрагментарность, утверждаете свое право на фрагментарность. В тексте несколько раз мелькает слово «исповедь». Однако так уж повелось (недаром это слово перекочевало в литературу из церковного обихода), что от «исповеди» мы ожидаем большей целеустремленности, интимности, покаянности, чем от «записок», «признаний» или «опытов» монтеньевского стиля^{**}). Да и в первых, по-хорошему простых и скромных строках своей книги Вы еще раз подтверждаете первоочередности «людей и лет», которые оттесняют на второй план «исповедь», сколько бы личных признаний

по ходу рассказа Вы ни делали. Вот почему при чтении так приятны сжатые – любой остроты и горечи – «заметы» и слегка расхолаживают – не досадуйте на меня – более странные исповедные куски. Впрочем их немного. Выпадает из стиля книги и оставляет какое-то смутное неудовлетворение и отрывок старой статьи о Ленине⁴ в том виде, в каком он дан.

С искренним приветом

Евгений Лундберг.

*) Очень хороши Незвал и Бабель!⁵

**) И еще в «исповеди» присутствуют прокурор и судья, а у Вас только зоркий следователь.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1841. Л.3-4.

¹ ИЭ прислал Лундбергу для прочтения машинопись 27 глав 3-й книги ЛГЖ (в НМ они были напечатаны в № 9-11 за 1961 г.), в которых, в частности, речь шла и о годах его жизни в Берлине, где он встречался с Лундбергом.

² Писателю Алексею Михайловичу Ремизову (1877–1957) посвящена 5-я глава 3-й книги ЛГЖ.

³ Французскому издателю Эжену Мерлю посвящена 21-я глава 3-й книги ЛГЖ.

⁴ В 10-й главе (о похоронах Ленина) в 3-й книге ЛГЖ ИЭ пространно цитировал свою статью «Об обыкновенном и необыкновенном», написанную сразу после 24 января 1924 г. в Москве для однодневной газеты «Ленин».

⁵ Имеются в виду главы 8 и 15 из 3-й книги ЛГЖ, посвященные В.Незвалу и И.Э.Бабелю.

377. Е.Г.Лундберг

<Москва,> 31/VII <19>61

Дорогой Илья Григорьевич,
нелегкое дело врыватья со своим опытом, своими вкусами в хозяйство писателя, только создающего книгу. Всегда помню, что творчество – «жемчужная болезнь», со всеми

симптомами болезни. А «врачей» тут нет и не может быть, кроме самого автора... Как быть? Мне претили «списки» выражений, слагавшиеся в результате чтения, первого и второго. Вот почему я решил поменьше говорить о частностях, остановиться на том, что показалось особенно существенным.

Вы даете кусок истории Европы и России, отдельные моменты развития экономики знакомых Вам стран, политического развития, искусства, литературы, «Жизни духа». И все это на фоне автобиографии пытливого, беспокойного художника – таким образом, заранее предсказана разностильность книги, неизбежно слияние нескольких жанров. В своем роде квадратура круга. Единственный путь преодоления этих сложностей – это резкие переходы от жанра к жанру, что Вы и делаете. Такое построение требует гибкости, остроты, быстроты переходов – на мой вкус и лаконизма. Это книга, которую строить будет все труднее, переходя от года к году, так как «все круче, круче всход», круче и ответственнее, как в действительности, так и в ее отражениях.

Многостильность, многожанровость в существенных кусках книги разрешена, несомненно, удачно и остроумно. Но неизбежны «подъемы» и «спуски», бóльшая или меньшая напряженность рассказа. Тут не все благополучно. Полностью это неблагополучие, известная «дурная пестрота» обнаружится только, когда перед Вами на стол ляжет вся эта огромная книга. Но должен признаться, и после первого чтения, и после второго у меня от многого остается впечатление наброска. Виною тому, главным образом, «хроникальные куски», торопливое заполнение материалом разрывов во времени. А чего бояться этих разрывов? Или заполнять их старыми выписками, не так уж много дающими? – по сравнению с текстом книги.

Есть куски*), в манере и темпе которых хотелось бы видеть всю книгу. Они тоже порой пестры и разностильны, но – как мозаичная, крепко схваченная рамой картина. Та-

ковы в конце III части стр.311-323¹. Из этого куска я и буду исходить.

Стр. – особенно начиная с 315, решительно подкупают отсутствием «хроникальности», сжатостью, сосредоточенностью, тактичным (в отличие от «Ж<анны> Ней» и «Рвача») рассказом о собственном творчестве и меткими, убийственными (вот это находка для критиков!) параллелями между тем, что происходило у нас и – одновременно за рубежом. Это очень смелые, заставляющие думать ракурсы².

В Ваших романах часто (это осело в памяти) какие-то главы оставались торопливо недописанными, без повторной «перекалки». В старых это гораздо реже – понятно, почему: жанр «держит». Вы часто – слишком расточительны на слова и чувства, Вы, видимо, слишком мягкий редактор в какие-то минуты. К чему приводит эта расточительность? Вообще Вы зорко следите, чтобы фраза или глава были хорошо «оперены», стремительны, но вдруг факты, имена, мелочи, «подвески», комментарии к комментариям, «прыжки в сторону» (в др<угих> местах вполне законные!) ослабляют стремительность: Ваша стрела или ракета вдруг безотчетно, вопреки Вам <далее, видимо, утерян один лист письма. – Б.Ф.>

стр. 134 «Черная лестница эпохи»³.

стр. 135-137 поучительно, но как-то устарело⁴.

стр. 157-160 хороши рыбаки⁵

162-171 растянуто, длинный «антракт»⁶.

184-191 «Деснос»⁷ – интересно, доходчиво – на «Десносе» проигрывает 2-ая половина предыдущей главы⁸.

203-209 Мерль – хорош⁹.

217-229 Пестро, не на уровне книги¹⁰.

221 – и последующие: вот тут-то и есть «расточительность».

251 Хорошо ли начинать Испанию с себя, с Эль-Греко, с литературного очерка? Уж если с литературы, то разве с «Дон Кихота»! И Гойю все-таки обидели. Он богаче и мно-

гостороннее, чем у Вас и в последних наших изданиях¹¹.

Пора кончать. Как и раньше, далеко не уверен, что мои заметки Вам что-нибудь дадут – со многим Вы, конечно, не согласитесь. Но хотелось в меру сил исполнить товарищеский долг, да мне и нравится Ваше упорство и... часто смелость. Если что кстати – присылайте, прочту и охотно. Только – числа 15-18 августа я уезжаю и, верну, надолго.

Желаю Вам сил и здоровья в трудном деле.

Привет Любви Михайловне. Вас обоих всегда тепло поминают при встречах Шухаевы¹².

Евг. Лундберг.

*) Я злоупотребляю этим словом сегодня, начитавшись Станиславского.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1841. Л.19-21. Продолжение обсуждения машинописи 3-й книги ЛГЖ, начатого в № 375. На письме имеются пометы О.Г.Савича, которому ИЭ его дал прочесть.

¹ Видимо, ссылки даются на страницы машинописи 3-й книги ЛГЖ, которую ИЭ дал Лундбергу.

² Речь идет о гл.34, в которой рассказывается о романе ИЭ «День второй».

³ Фраза относится к роману ИЭ «В Проточном переулке».

⁴ Гл.14 о романе ИЭ «В Проточном переулке».

⁵ Гл.16 о Пенмарке и рыбаках.

⁶ Гл.17 о поездках и путевых очерках 1920-х гг.

⁷ Гл.19 о французском поэте-сюрреалисте Робере Десносе.

⁸ Гл.18 о парижских встречах в 1920-е гг. с различными французскими писателями.

⁹ Гл.21 об издателе Эжене Мерле.

¹⁰ Гл.23 о поездках и путевых очерках начала 1930-х гг.

¹¹ Гл.27 о поездке в Испанию в 1931 г. ИЭ оставил ее без изменения, проигнорировав реплику Лундберга.

¹² Художник Василий Иванович Шухаев (1887–1974) и его жена Вера Федоровна (1895–1979).

378. А.Т.Твардовский

Барвиха, 12 августа 1961

Дорогой Илья Григорьевич!

Простите, что с таким запозданием отзываюсь на продолжение Вашей книги, идущей в «Новом мире», да и отзываюсь только на первую часть продолжения, верстку которой мне прислали сюда.

С неменьшим, а местами – с еще большим интересом, чем предыдущие, прочел эти страницы. Книга очевиднейшим образом вырастает в своем идейном и художественном значении. Могут сказать, что угол зрения повествователя не всегда совпадает с иными, может быть, более точными, углами (они, эти «углы», тем более правильны, чем дольше остаются вне применения), что сектор обзора у автора сужен особым пристрастием к судьбам искусства и людей искусства, – мало ли что могут сказать. Но этой Вашей книге, может быть, суждена куда большая долговечность, чем иным «эпохальным полотнам» «чисто художественного жанра».

Первый признак настоящей большой книги – читательское ощущение необходимости появления ее на свет божий. Эту книгу Вы не могли не написать, а если бы не написали, то поступили бы плохо. Вот что главное и решающее. Это книга долга, книга совести, мужественного осознания своих заблуждений, готовности поступиться литературным престижем (порой, кажется, даже с излишком) ради более дорогих вещей на свете.

Словом, покамест, Вы единственный из Вашего поколения писатель, переступивший некую запретную грань (в сущности, никто этого «запрета» не накладывал, но наша лень и трусость перед самими собой так любят ссылаться на эти «запреты»). При всех возможных, мыслимых и реальных изъянах Вашей повести прожитых лет, Вам удалось сделать то, чего и пробовать не посмели другие.

Я не буду в этом письме говорить о том, что в частности, текстуально, так сказать, мне особо нравится или не

нравится в книге. Но как хорош Тувим, в которого я, кстати сказать, вчитался только после его смерти и увидел, что это поэт никак не менее, скажем, Блока, и, может быть еще теплее и демократичнее Блока. Хорош В. Незвал (жаль только, что Вы заставили его восторгаться плохим, крайне несамостоятельным Л.Мартыновым, но это дело Ваше). Хорош и Бабель, хотя страницы, посвященные памяти этого писателя, не обладают особой новизной содержания – был уже похожий Бабель у Паустовского и, кажется, у Вас же.

Но дело не в отдельных портретах, характеристиках, авторских отступлениях, – в книге есть магия глубокоискреннего высказывания – исповеди. Я, как прежде, считаю свою редакторскую роль в отношении этой Вашей работы весьма ограниченной, т.е. опять же не собираюсь просить Вас вспоминать о том, чего Вы не помните и опускать то, чего Вы забыть не можете. Но мой долг просить Вас о другом: чтобы Вы учли реальные обстоятельства наших дней, просматривая эту верстку и, по возможности, облегчили ее прохождение на известных этапах.

Хочу вам указать на такие места, которые, не будучи особо важными, обязательными для книги, в то же время наверняка могут повлечь на всю эту часть особо пристальное и требовательное внимание.

1) стр.11, абзац третий снизу: «скифы», «евразийцы», «сменовеховцы» и т.д. Уподобление Вам идей славянофилов, сменовеховцев, и тех и других вместе – нашим крайностям в борьбе против низкопоклонства перед Западом – уподобление неверное, поверхностное. По мне – бог с Вами, переучивать Вас я не собираюсь, но перед органами, стоящими над редакцией, попросту – цензурой – я не могу Вас здесь защитить¹.

2) стр.25, абзац третий, последняя фраза насчет «”этикетки”, с которой проходил всю жизнь»². Это просто неловкая фраза. Литератор, облеченный всеми высшими знаками признания, занимающий уже много лет исключи-

тельное общественное положение в стране, обращает к этой стране такой упрек и жалуется на нее кому-то! Я счел бы это опиской, если бы не так часто проступали сходные мотивы насчет «обид», причиненных Вам в разное время забытыми или еще не совсем забытыми критиками, рецензентами и т.п. Вы слишком крупны, Илья Григорьевич, чтобы унижаться до такой памятности относительно причиненных Вам обид и огорчений, слишком много чести для тех, кто это делал, чтобы помнить о них. А указанная фраза – просто не должна, по-моему, остаться в тексте.

3) стр.27, второй абзац сверху: «Я видел в другом лагере»³. Мысль о «ножницах» между успехами технического прогресса и потерями в духовном, нравственном развитии человеческого общества в эпоху империализма бесспорна, но приравнение «другого» лагеря «первому» – недопустимо. Можно, я считаю, предъявлять счет и Советской власти по разным статьям, но на отдельном бланке – это неперемutable условие.

4) стр.28, последний абзац главки – «о верности, которая оплачивается неудачными книгами»⁴. Подумайте, Илья Григорьевич, – это очень невыгодные для Вас слова, они снижают исповедальный пафос этой главы, они тем невыгодны, что, простите меня, немного смешны.

5) стр.38, абзац последний, переходящий на 39 стр. Дело, конечно, не в том, что Вы цитируете слабые стихи Маяковского, а в том, что уподобление Вами «задов» Нэпа «задам» нынешних дней не годится⁵.

6) В двух-трех случаях, где возникает память «еврейской крови» – очень очень просил бы Вас уточнить адрес, куда обращен этот исторический упрек (в смысле опять же «отдельного бланка»). Вот примерно все, что покамест хотелось сказать Вам. С интересом жду следующих листов верстки (рукописи я уже не буду читать – она в движении).

Желаю Вам доброго здоровья и сил для успешного труда и вообще для жизни и счастья.

Ваш А.Твардовский.

P.S. На полях верстки есть и другие, более мелкие и совсем мелкие мои замечания, которые Вы, м.б., захотите учесть, – все это покажет Вам Б.Г.Закс⁶.

А.Т.

Впервые (с купюрами) – Встречи с прошлым. Вып.4. М., 1982. С.313-315. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2218. Л.2-4.

¹ Гл.2 (см. 7, 195).

² Гл.6 (см. 7, 217) – ИЭ заменил выражение «с которой проходил всю жизнь» на «которую часто на меня вешали».

³ Гл.6 (см. 7, 220).

⁴ Гл.6 (см. 7, 222).

⁵ Гл.9 (см. 7, 236).

⁶ Борис Германович Закс (1908–1998) – ответственный секретарь НМ в 1960-е гг.

379. М.С.Шагинян

Карловы Вары, 14 IX 1961

Дорогой Илья Григорьевич,
 посылаю Вам вырезку из Daily Worker'a¹ с очень хорошей статьей о Вас Джэка Линдсея², м.б., Вы еще не читали.

Вы знаете, наверное, о моем большом горе. 1-го ноября умер мой Яков Самсонович³, с которым мы прожили счастливо и дружно 43 года, а 30 июля ушла моя сестра⁴, самое близкое и дорогое, что было на свете. Та самая, для которой вы когда-то привезли зонд из Jalpetriere и московские врачи не хотели его использовать, а потом он пригодился и служил 6 лет поддержанием ее жизни. Она выздоровела тогда и жила с нами, но все время тяжело болея, и я всю жизнь переживала ее потерю и все-таки удар оказался сильнее меня. Сейчас слепну, левый глаз уже почти не видит. О Вас думала все эти дни с горячей благодарностью, т.к. Вы были единственным среди всех писателей, кто тогда отозвался на мою просьбу.

От Лизы⁵ получила письмо, где она пишет, что побывала у Вас. Берегите себя, Вы всем нам (советскому народу)

очень нужны, и не обращайтесь внимания на уколы разных мелких людишек. Книга Ваша великолепна⁶ (я успела прочесть только первую часть), это самое зрелое и самое человеческое, что Вы написали после Хулио Хуренито.

Если захотите сделать доброе дело, пришлите мне Вашу книгу⁷ по московскому адресу, ведь она будет распродана до моего возвращения и я уже не смогу ее достать. Обещаю вам послать любую из моих, если только Вы меня читаете.

Горячий, сердечный привет Вам и пожелание доброго здоровья.

Ваша *Мариэтта Шагинян*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2365. Л.2-3.

¹ Газета английской компартии, единственная свободно распространявшаяся в СССР газета Англии.

² Джек Линдсей (1900–1990) – англ.писатель; к 60-летию ИЭ прислал посвященные ему стихи.

³ Я.С.Хачатрянц (?–1960) – муж М.С.Шагинян.

⁴ Магдалина (Лина) Сергеевна Шагинян (1890–1961) – художница, сестра писательницы.

⁵ Е.Г.Полонская, дружившая с Шагинян с 1920-х гг., 14 окт. 1963 г. писала о ней ИЭ: «Она настоящая энженю склеротик и я ее люблю со всеми ее завиральными идеями. Впрочем, особенно выбирать не приходится. Выбор сделан давно».

⁶ ЛГЖ.

⁷ Имеется в виду отдельное издание книг 1-й и 2-й ЛГЖ (М., 1961).

380. Е.Г.Полонская

<Ленинград,> 21/IX <19>61

Дорогой,

В понедельник принесли девятый «Новый мир», и я прочла твои записки за один вечер, но перечитаю еще. Хорошо. Менее отрывочно, чем первые две части. И мне показалось, что эти страницы более обдуманы и менее драматичны. Берлин 23-го года, как ясно вижу его и людей, кото-

рые мечутся в нем. Очень важно, что ты написал об Андрее Белом¹. Наши недостойно отреклись от него, как от Хлебникова², но они раскаются. В 22–23-м мы изучали Белого «Как сделан Серебряный голубь» – так назывался один реферат, прочитанный в Вольфиле³. Потом ты прислал мне «Хулио Хуренито» и Иванов-Разумник⁴ упробил меня прочесть доклад об Эренбурге и Хуренито. Я сказала: могу только пересказать роман подробно. Он согласился и я пересказала. Было много народу, Сологуб⁵, Замятин⁶, Зоргенфрей⁷, серапионы, какие-то критики. Комната была освещена плохо, кухонной керосиновой лампочкой у меня и коптилкой на столе президиума. Пошли споры. У меня заболели глаза, и я больше не могла читать отрывки из книги (шрифт был неясный, бумага желтая, краска плохая). На другой день я показала глазнику, и он мне велел носить очки для занятий. Так я начала носить очки.

Ты меня извини, но воспоминания заразительны. Кстати, сейчас в Литературной <газете> помещены стихи Евтущенко «Бабий яр»⁸. Я люблю этого автора, но боюсь, что у нас образуется секция «жидовствующих». Что же, пусть.

О Тувиме ты очень очень правильно вспомнил. У него тогда было божественное легкомыслие, как у Гейне, но Гейне не пришлось доказывать, что он немец, и умер он молодым. Прости, что я разболталась. Я так рада, что видела тебя дома. Не слишком ли много ты работаешь? Нетрять себя на чепуху. Надо остаться жить.

Целую тебя.

Лиза.

Давно не показывала тебе моих стихов. Посылаю тебе три стихотворения. *Л.*

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2055. Л.23-24.

¹ Имеется в виду 4-я глава 3-й книги ЛГЖ, посвященная писателю Андрею Белому (1880–1934).

² Поэта Велимира Хлебникова (1885–1922) долгие годы в СССР не издавали.

³ Вольфила – Вольная философская ассоциация, существовавшая в Петрограде до 1922 г.

⁴ Разумник Васильевич Иванов-Разумник (1878–1946) – литератор, социолог, критик.

⁵ Федор Кузьмич Сологуб (1863–1927) – поэт и прозаик,

⁶ Евгений Иванович Замятин (1884–1937) – писатель, в 1932 г. уехал из СССР.

⁷ Вильгельм Александрович Зоргенфрей (1882–1938, репрессирован) – поэт и переводчик.

⁸ Вызвавшее широкий резонанс стихотворение «Бабий яр» напечатано в ЛГ 19 сентября 1961 г.

381. Б.А.Слуцкий

<Москва, 30 сентября 1961>

Дорогой Илья Григорьевич!

Грязная статья Старикова¹ получила широкий резонанс и наносит серьезный ущерб престижу нашей печати. Мне кажется, что было бы очень хорошо, если бы Вы телеграфировали свое отношение к попытке Старикова прикрыться Вашим именем – н е м е д л е н н о и в авторитетный адрес².

Крепко жму руку.

Борис Слуцкий.

Впервые – Не отвзвеноло наше дело (Борис Слуцкий в зеркале его переписки с друзьями). Публикация, комментарий и статья Б.Фрезинского // ВЛ, 1999, №3. С. 293-294. Подлинник – собрание составителя. Письмо отправлено в Рим, где в то время находился ИЭ.

¹ Д.Стариков. Об одном стихотворении // Литература и жизнь, 27 сентября 1961. Нападки автора на стихотворение Евтушенко «Бабий яр» «подкреплялись ссылками на одноименное стихотворение ИЭ 1944 г.

² В письме в редакцию газеты «Литература и жизнь» ИЭ заявлял 3 октября: «Д.Стариков произвольно приводит цитаты из моих статей и стихов, обрывая их так, чтобы они соответствовали его мыслям и противоречили моим»; письмо ИЭ напечатали только после обращения его к Хрущеву – см. ВЛ, 1999, №3. С.293-296.

382. Л.А.Кассиль

<Москва,> 8 X <19>61

Дорогой Илья Григорьевич!

Т.к. на страницах газеты «Литература и жизнь», среди членов редколлегии которой значусь и я, в статье «Об одном стихотворении»¹ автор позволил себе бессовестную спекуляцию на Вашем большом и всем нам дорогом имени, я считаю нужным поставить Вас в известность, что еще 23-го сентября, на другой же день после напечатания отвратительных стихов Маркова «Мой ответ»², я официально, в письменной форме заявил руководству Союза писателей РСФСР и редколлегии «Лит. и жизнь», что не считаю себя больше членом редколлегии газеты и прошу снять мою фамилию из списка ее членов. Аналогичные письма направлены были мною в Секретариат Союза писателей СССР и редакции «Литературной газеты».

Надеюсь, Вы и до получения настоящего письма не думали, что я имел какое-нибудь, хотя бы самое отдаленное касательство к появлению в газете этих постыдных материалов.

Искренне Ваш

Лев Кассиль.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1662. Л.4. Ответ ИЭ см. П2, № 476.

¹ См. примеч.1 к № 381.

² Антисемитское стихотворение поэта А.Я.Маркова, напечатанное в ответ на стихи Евтушенко «Бабий Яр».

383. Р.Л.Кармен

<Москва,> 20/X.19>61

Дорогой Илья Григорьевич, эти сигары подарили мне кубинские сторонники мира. Сигары прелестные. Как видите, я имел возможность в этом убедиться... Хочу, чтобы и Вы получили удовольствие. Отныне всегда, когда буду по-

лучать подобные подарки, буду честно делиться с Вами – пополам.

Читаю «Люди, годы, жизнь». Читаю и перечитываю эту гениальную исповедь сердца. Так написать может только Эренбург! Нельзя без спазмы в горле читать главы о Тувине, Бабеле...

Вас не было в Москве, когда я показывал фильм о Кубе¹. Хотите, я Вам покажу? Вам, по-моему, нужно посмотреть Кубу. Кстати, Вас там очень хотят видеть, слышать.

Всего Вам хорошего! Любе привет сердечный.

Ваш Р.Кармен.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1657. Л.7. Ответ ИЭ см. П2, №478.

¹ «Пылающий остров» (1961).

384. Т.М.Литвинова

<Москва, 30.10.1961>

Дорогой Илья Григорьевич, я с каждым днем все больше и больше Вас люблю, так что могу вдруг лопнуть, если не остановлюсь. Сейчас кончила 10-ую книжку Нового мира. Ощущается каждый Ваш вдох и выдох, и дыхания, и все в каком-то органическом и строгом ритме. Маленькую новеллу о Дж.Истмене прочитала вслух¹, и моя старшая дочь изрекла: «Между прочим, очень хорошо написано». Вся глава о Мерле чудесная – да мне все почти нравится. Только за Джойса² обидно, и я Вас умоляю: когда будете для книги править, измените немного тон. Он в самом деле велик, не дань времени, а подлинная Одиссея. И людей (жизнь) знал – дай бог. Вы разве не читали «Дублинцев»³? Пожалуйста! Он не Андрей Белый минус что-то⁴. Меня чуть смутило выражение: «душевно заболела»⁵ (стр.156) – мы ведь не говорим «телесно» или «сердечно», или «желудочно» заболеть. Но тут у меня, может быть, «заскок». А вот с Джойсом – ну, пожалуйста!

Привет Любви Михайловне. Ваша Т.Л.

Пусть она тоже похлопочет за Джойса.

Еще вот что, дорогой Илья Григорьевич! Мне немного грустно у Вас наткаться на слово «педераст»⁸ – это проявление половой дискриминации, и по-моему «непрогрессивно». Не все ли равно, кто и кого и как любит?

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1820. Л.4. С Т.М.Литвиновой ИЭ был знаком с 1930-х гг.

¹ Речь идет о части гл.20 из 3-й книги ЛГЖ, посвященной владельцу американской фирмы «Кодак» Джорджу Истмену.

² Джеймс Джойс (1882–1941) – англ. писатель, о котором ИЭ писал в 18-й главе 3-й книги ЛГЖ.

⁵ Сборник рассказов Джойса (1914).

⁶ Имеется в виду фраза о Джойсе из гл.18: «Мне он представлялся честным, фанатичным в своей работе, гениальным и вместе с тем ограниченным «перемудрами» ирландским Андреем Белым».

⁷ Фраза о жене писателя Йозефа Рота (гл.24).

⁸ Слово несколько раз встречается в мемуарах ИЭ, имея фактическое, а не осуждающее значение; отношение ИЭ к гомосексуализму было, скорее всего, ироничным.

385. А.С.Эфрон

<Москва,> 8. 11. <19>61

Дорогой Илья Григорьевич, очень рада книге¹, очень благодарна за дополнительные строки о папе, несколько – насколько сейчас можно – уравнивающие всё. Хорошо издана книга, хорошо и веско ложится в ладонь; нравится и размер, и обложка, и шрифт. Прекрасно. Сама книга – событие, Вы об этом знаете. Многие, многие – уже безмолвные, равно как и огромное племя безмолвных, лишь чувствующих – немо – читателей, благодарны Вам – Вы знаете и это. Вы сумели этой книгой сказать «Солнце – остановись!» – и оно остановилось, солнце прошедших дней, ушедших людей. Спасибо Вам, дорогой друг, за всех, за всё – за себя самое тоже.

О Глиноедском²: имени-отчества его я не помню, мы все

звали его товарищ Глиноедский. Не знала и его жены. Человек он был замечательный и очень мне запомнился. Офицер белой армии, а до этого – участник первой империалистической³; попал в немецкий плен, раненый. Бежал из госпиталя, спрятавшись в корзине с грязным, окровавленным бельем, ежедневно вывозившимся в прачечную. Познакомилась с ним в «Союзе Возвращения»⁴; вел он там какой-то кружок – политграмоты ли, политэкономии – не помню. Неприятно выделялся среди прочих преувеличенной подтянутостью, вытуженностью, выбритостью; был холодноват в обращении, distant, distingue⁵. Говорил литературнейшим языком, без малейшей примеси французских, обрусевших словечек и оборотов, хоть фр<анцузский> яз<ык> знал отлично. Так и вижу его – выше среднего роста, худошавый, даже худой, гладко причесанные, светлые, негустые волосы, лицо «с волчинкой», жесткое и, как бывает, прелестная, какая-то стыдливая улыбка. Черный костюм, безукоризненно отглаженный, белоснежный воротничок, начищенные башмаки. А кругом – шоферы, рабочие, в плохонькой, но какой-то живой одежонке, лица чаще всего небритые, руки – немые, табачный дым, гам. Устроили в Союзе дешевую столовую, кормили по себестоимости, за гроши – щи да каша. Длинные столы, скамьи, алюминиевые миски, ложки – серый хлеб большими ломтями – вкусно было и весело, ели да похваливали – шутили, шумели. А Глиноедский не ел, а кушал, и хлеб отламывал кусочками, а не хватал от ломтя. Мы – тогда молодежь – втайне подтрунивали над ним, над разутуженностью его и отчужденностью, но на занятиях сидели смиренно: человек он был эрудированный – и строгий по существу своему. Один раз опоздал он на занятия, я сбегала за ним, жил он в этом же здании на rue de Vuc⁶ (странный громадный престарелый черный грязный дом) – в мансарде. Постучала. Не отвечают. Толкнула дверь – открылась. Никого – и – ничего. Крохотная клетушка, по диагонали срезанная крышей, где-то там мерцает тюремное окошечко размером в печную дверцу. Страшная железная – какая-то смертная кой-

ка с матрасиком-блином, а из-под матраса видны те самые черные «безукоризненные» брюки – так вот и отглаживаются. На спинке кровати – та самая – единственная – белая рубашка. На косой табуретке в изголовье – керосиновая лампа, два тома Ленина. Всё. Нищета крошечная; уж ко всяким эмигрантским интерьерам привыкла, а эта в сердце саданула, по сей день помню. Я всё поняла. Поняла, какой страшной ценой нищий человек сохранял свое человеческое достоинство. Поняла, что для него значит белый воротничок и начищенная обувь, и железная складка на брюках, чистые руки и бритые щеки. Поняла его удобу и сдержанность в еде (кормили один раз в день). У меня даже кровь от сердца отхлынула и ударила в пятки («душа в пятки» ушла!). Я (всё это уже к делу не относится) заплакала так, как в детстве от сильного ушиба – слезы вдруг хлынут без предупреждения, и пошла тихонечко вниз – вдруг прозрев и увидев страшную этого дома, липкие сырые пузатые стены, корытообразные стоптанные ступени, бесцветность света, еле пробивающегося сквозь от века грязные стекла.

Помню, рассказала папе – оказалось, что Глиноедский давно уже был без работы, пробавлялся случайным и редким, голодал. Ему помогли – с той деликатностью, с какой папа умел. Кормежку стали «отпускать в долг», какой-то заработок устроили, всё пошло лучше.

А когда началась Испания⁷, Глиноедский первый попросил его отправить туда. Тот разговор его с папой, при котором я случайно присутствовала, размалевывая в «кабинете» секретаря стенгазету, тоже запомнился, не сам, в общем, разговор, а Глиноедский – совсем другой, оживленный, помолодевший, распахнутый, оживший, а не оживленный! Стесняясь высокопарности слов, он говорил о том, что, согрешив оружием, оружием же и искупит, но не так великопостно это звучало, как у меня сейчас. Искупил-то он жизнью. Говорят, что в Испании он проявил себя великолепным организатором, что было тогда так важно. Что был он отчаянно храбр, и, более того – мужествен.

Да, был он полковником царской армии. Так мы иной раз звали его в шутку, «полковник Глиноедский», он очень обижался.

– Но того, что Вы хотели узнать – имя-отчество Глиноедского, историю его женитьбы – я просто не знаю. Пусть Наташа⁸ напишет Савицкой Вере Михайловне, Сталинград «24» д.117 кв.6. Она тоже была в Союзе Возвращения⁵ (потом, уже после гибели Глиноедского в Испании), Глиноедского должна помнить, и, м.б., знает о нем больше, чем я. Я даже не знала, что он был женат. (Адрес Савицкой я даю верный – пусть не покажется неполным, там что-то литературное, то ли завод, то ли верфь.)

Вот и всё, как всегда, на скорую руку.

Обнимаю Вас.

Ваша Аля.

Любовь Михайловну крепко целую.

Впервые в сокращении – в комментариях к ЛГЖ (т.2, 1990, с.409), полностью – А.Эфрон Письма 1942–1975. С.188-190. Подлинник – собрание составителя.

¹ И.Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книги первая и вторая. М., 1961.

² О Владимире Константиновиче Глиноедском (погиб 27 декабря 1936 г.) ИЭ написал в 19-й главе 4-й книги ЛГЖ; это письмо – ответ на его вопросы.

³ Имеется в виду Первая мировая война.

⁴ Речь идет о «Союзе возвращения на Родину».

⁵ Соблюдающий дистанцию при общении, благовоспитанный (франц.).

⁶ Т.е. в доме, где помещался «Союз возвращения на Родину».

⁷ Речь идет о гражданской войне в Испании, начавшейся 18 июня 1936 г.

⁸ Н.И.Столярова.

386. С.Ю.Прегель

Париж, 28 ноября 1961

Многоуважаемый Илья Григорьевич, решила Вам написать после того, как прочла Ваши воспоминания о Юлиане Тувиме, которого я хорошо знала.

Встречалась с ним в Париже в год «де сет дроль де гер»¹, потом в Лиссабоне (перед его отъездом в Бразилию), а главное, в Нью-Йорке. Лучше и правдивее Вас никто бы о Тувиме сказать не мог! Да, это был настоящий поэт и не только по своему дарованию, но и по умению ценить других. Он упивался стихами, пьянел от стихов. Помню, как я читала ему одно из лучших стихотворений Вл.Ходасевича:

Я, я, я, что за дикое слово!
 Неужели вон тот – это я?
 Разве мама любила такого,
 Желтосерого, полуседого
 И всезнающего, как змея?..²

И как Тувим вбирал в себя каждую строчку, каждое слово. Он был одержим страстью к поэзии, явление не слишком частое у профессиональных поэтов.

В одном из первых номеров журнала «Новоселье», который выходил в Нью-Йорке под моей редакцией, была помещена «Сирень Варшавы» (глава из поэмы «Польские цветы»). Тувим сделал подстрочный перевод, а затем я перевела ее. Делал это в каком-то чаду отчаяния. То был 1942 г., год большой любви и великой ненависти. Когда я читала мой перевод больному тогда Тувиму, мы оба плакали. Он, в частности, над судьбой своей матери³.

В № 14 «Новоселья» помещено «Мы, польские евреи»⁴ (в переводе Софьи Семеновны Дубновой⁵). Перевод этот Тувим очень хвалил, и поэтому я позволяю себе говорить о нем так же, как о моем переводе. Знаю, что четырнадцатый номер журнала был в Москве и даже обсуждался в ВОКСе, но Ваш перевод несколько отличается от перевода, помещенного в «Новоселье»⁶. Разница, впрочем, незначительна.

Если Вас это интересует, могу прислать (целиком) четырнадцатый номер журнала или только «Мы, польские евреи», который я вложу в письмо⁷.

С искренним приветом и благодарностью за то, что Вы воскресили Юлиана Тувима.

Ваша Софья Прегель.

Впервые – *Б.Фрезинский*. Софья Прегель и Илья Эренбург // Русская мысль. Париж, 1995, №4094. Подлинник – ФЭ. Ед.хр. 2071. Л.2.

¹ Странная война (франц.) как называли во Франции в 1939 – начале 1940 г. войну, объявленную Гитлеру.

² Первая строфа стихотворения поэта Владислава Фелициановича Ходасевича (1886–1939) «Перед зеркалом» (Париж, 1924).

³ Мать Ю.Тувима погибла в гитлеровском концлагере.

⁴ Эту полностью до сих пор не опубликованную в России статью Тувима ИЭ необычайно ценил и часто цитировал.

⁵ Поэтесса, дочь еврейского историка С.М.Дубнова.

⁶ ИЭ цитировал статью Тувима в ЛГЖ в собственном переводе.

⁷ Поблагодарив в письме от 7 декабря 1961 г. С.Прегель за предложение, ИЭ попросил ее выслать журнал на адрес стокгольмского отеля, где собирался оказаться в декабре.

387. В.А.Герасимова

<Москва,> 7 декабря 1961

Уважаемый Илья Григорьевич!

Быть может, Вы вспомните меня, хотя прошли годы такой сложности и напряженности, что отдельные лица и встречи легко могли выветриться из памяти.

Впервые мы встретились с Вами много лет назад, когда вышла первая моя книга рассказов «Панцирь и Забрало»¹. В нашей беседе принимал также участие дорогой мне человек – Борис Михайлович Левин. Вы были добры и внимательны к нам обоим.

Затем, уже много лет позже, после войны, я, сильно огорченная тем, что моя повесть «Байдарские ворота»² измазал грязью некий критик, в смятении чувств заходила к Вам (на ул. Горького). Показав на полку своих книг, Вы сказали: «Может быть, вас успокоит то, что каждую из них ругали?».

Это произвело на меня нужное впечатление.

Прошли еще годы.

Не буду сейчас распинаться о том, что давали мне Ваши произведения. Но едва ли не самым близким из них была для меня Ваша работа о Чехове³.

Но не обо всем этом мне хотелось бы сейчас с Вами поговорить и даже попросить совета. Вероятно, я не имею на это достаточного права.

И, поверьте, мне нелегко писать это письмо.

Ведь я представляю себе, какое количество людей обращается к вам с различными просьбами.

Но мне печего у Вас просить и не на что жаловаться.

Я верю, что Вы поймете, что нужна какая-то причина далеко не личного порядка, чтобы к Вам обратился человек, которому тяжело кому-либо докучать – особенно Вам. Вне зависимости от Вашего решения передаю Вам свой привет и глубокое уважение.

Валерия Герасимова.

В-1-13-58.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1417. Л.2-3. Валерия Анатольевна Герасимова (1903–1970) – писательница, первая жена А.Фадеева; сохранилась книга В.Герасимовой «Жалость» (М., 1934) с надписью: «Дорогому товарищу Эренбургу – с творческим уважением. Валерия Герасимова. 1934 4 июля».

¹ В.Герасимова. «Панцирь и забрало». М., 1931.

² Повесть «Байдарские ворота» (1944) посвящена Отечественной войне.

³ «Перечитывая Чехова» (1959).

388. П.И.Батов

<Москва,> 31.12.1961

Наш дорогой Илья Григорьевич!

Прошу принять от меня самые искренние, сердечные поздравления с Новым годом и пожелания доброго, крепкого здоровья и творческих успехов.

На днях я закончил и сдал в Воениздат свою книгу воспоминаний «В походах и боях». Поскольку Вы удостоили меня вспомнить в новом Вашем труде по Испании, то я буду рад помочь. Вместе со мной над книгой «В боях и походах» активнейшее участие принимал профессор Хмелев-

ский Владимир Александрович от Воениздата. Он замечательный человек, стал большим моим другом и большой мастер художественного слова, его телефон В 1-83-05, Волхонка 5/6 кв. 103. Тов. Хмелевский изумительно отзывчивый человек и во многом может помочь материалами. В частности у меня в Москве на квартире есть один экземпляр рукописи и его можно взять – телефон мой Д 1-02-17 Васильевская улица, д.4, кв.9, третий корпус. Если же нужно что-либо из материалов, то я готов через Хмелевского или через Алешу Эйснера¹ Вам с большим удовольствием передать только для Вас. Прошу меня понять правильно как искренне и глубоко уважающий Вас.

Если наша рукопись подойдет к Вам, то мы наверное получим заслуженную и правильную критику наших недостатков по рукописи, и это поможет исправить книгу при издании.

Желаю Вам, дорогой Илья Григорьевич, крепкого здоровья и еще больших успехов.

Искренне уважающий Вас

П.И.Батов (Фриц).

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1262. Л.7-9.

¹ Алексей Владимирович Эйснер (1905–1984) – писатель, участник гражданской войны в Испании; ИЭ был знаком с ним еще в Париже в 1930-е гг., он написал об Эйснере в 25-й главе 4-й книги ЛГЖ.

1962

388а. Ф.А.Искандер

<Москва,> 19.I <19>62

Дорогой Илья Григорьевич!

Если бы я думал, когда писал эти стихи, что когда-нибудь осмелюсь Вам послать их¹, наверное, они были бы лучше и короче.

Ваша последняя книга² дала мне такое огромное художественное и человеческое наслаждение, что мне захотелось хоть как-нибудь Вас поблагодарить за нее. Некоторые главы я перечитывал сам и читал друзьям, как стихи, по многу раз. Книга будит совесть, спасибо Вам за это!

Фазиль.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1629. Л.1. Ответное письмо писателю Ф.Искандеру (р.1929) см. П2, №484.

¹ Речь идет о книге: *Ф.Искандер*. Дети Черноморья. Сухуми, 1961.

² Имеется в виду отдельное издание первой и второй книг ЛГЖ.

389. И.К.Лебедев

<Париж,> 23/ I <1>962

Дорогой Илья Григорьевич,

Случайно из газет узнал, что ты в Париже и очень хотелось бы с тобой встретиться. Становлюсь стар, я ведь на 7 лет старше тебя, старый и больной, со времени последней войны сильно страдаю ногами, по временам не могу ходить. Стариковская болезнь: *les ulcères variqueux*¹, лечусь по мере возможности и это всё. Но духом крепок, это главное, и много работаю, мое счастье, что работа моя у стола в сидячем положении и не утрудняет моих ног. Привожу в порядок мою художественную продукцию за 50 лет моего проживания в Париже, не хочу уйти в вечность, оставив всё в беспорядке. Хотел бы знать от тебя: 1) Точный адрес Пушкинского Музея, чтобы послать моего «Золотого Петушка» в подарок, 2) Не встречал ли в Москве братишку Хентовой – Лельку (Семен Ростовский²) и его сестру Таню, со времени Liberation, последний раз, как он был в Париже, сгинул как булавка в стоге сена. А хотелось бы иметь от него известия. У меня лично, кроме болезней, живу по-прежнему, тяну черта за хвост, женат с 1939 г., имею мальчишку 13 лет, ходит в школу, жена работает секретаршей в бюро, чтобы сводить концы с концами мате-

риально. Старшему сыну пошел шестой десяток, живет и работает в Billancourt, почему вижу его очень редко. Работает в SNEGMA (национализированное предприятие) механиком, зарабатывает хорошо, но мне не помогает, имел свою жену и сынишку. Современная молодежь эгоистична, но бог с ней, я не претендую на ихнюю помощь. Живу воспоминаниями, по примеру других стариков, помню как мы с тобой в феврале 1916 г. по снегу оба в дырявых ботинках ходили на rue Vavin в русскую типографию печатать наше фаблио Jacques de Baisieux³, с мокрыми ногами, для богача Цейтлина⁴, который ушел на тот свет в Америке, не заплатив мне ни копейки, произведя расчет с Вольфом⁵ в Москве. Прости, что пишу тебе много лишнего. Дорвался до пера и не могу остановиться. Обыкновенно очень редко пишу письма. Посылаю тебе несколько Ex-Libris'ов, моей продукции старого русского художника⁶. Целую, обнимаю и жму крепко твою руку.

Твой *Иван Лебедев*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1788. Л.1-2. Иван (Жан) Константинович Лебедев (1884–1972) – художник и гравер, с 1909 г. – в Париже.

¹ Варикозные язвы (франц.).

² Семен Николаевич Ростовский (1904–1990) – публицист, работавший за границей и в СССР под псевдонимом Эрнст Генри.

³ Имеется в виду литографированное издание «О трех рыцарях и рубахе» Жака де Безье в переводе ИЭ и с гравюрами И.Лебедева (Париж, 1916).

⁴ Речь идет о поэте и издателе Михаиле Осиповиче Цетлине, печатавшемся под псевдонимом Амари (1882–1945).

⁵ Московское издательство «Товарищество М.О.Вольф», основанное в 1882 г. и просуществовавшее до 1918; имело сеть книжных магазинов, куда М.Цетлин продавал выпускаемую им литпродукцию (в частности стихи и переводы ИЭ).

⁶ В ФЭ хранится 12 экслибрисов работы Лебедева, на одном надпись: «Илье Григорьевичу Эренбургу с сердечным приветом от старого друга. Париж. Иван Лебедев. 23.1.1962» (Л.12).

390. А.С.Эфрон

<Таруса,> 26 января 1962

Дорогой Илья Григорьевич! Только что получив выписку из протокола относительно «маминой» комиссии¹, собралась написать Вам, чтобы поблагодарить за согласие, – как узнала, что согласия этого никто у Вас и не спросил. Это я, собака, виновата. Я была у Воронкова² 5-го янв<аря> по поводу этой самой комиссии, Воронков был сплошная улыбка и спросил, кого бы я желала? Я, конечно, пожелала Вас. Тот еще пуще разулыбился и спросил – «а согласится ли он?» Я сказала, что если хорошенько попросить, то, думаю, согласится. Тот заулыбался до самых дверей и говорит – «а может, мол, Вы попросите?» Я пообещала попросить в свою очередь, это и была моя ошибка. Они Вас все боятся, поэтому и передоверили мне (молча!) обратиться к Вам и от их имени, видимо. А я, как видите, прособиралась и от своего-то. По правде только потому, что Наташа³ мне передала свой новогодний грипп и я очень долго хворала и лыка не вязала. В общем, простите меня за всю эту кашу, пожалуйста.

А все же «они» – хамы. Но это до того не ново, что не стоило и писать. Я буду в Москве в марте верно недели на 3, специально по маминым делам, и надеюсь, что можно будет к Вам прийти (Вы знаете, что много времени не отниму); расскажу Вам всё про мамин архив и про то, что вокруг да около. Собрано уже немало. Главное, о чем хотела бы посоветоваться – это о том, что уцелело за границей. Я уже многое выяснила.

Орлов⁴ обещает, что будет том в «Большой серии» Библ<иотеки> поэта⁵. Это уже очень хорошо, ежели Бог даст. Около 20 <печатных> л<истов>, которые, кстати, не так-то просто подобрать.

Вообще, дожив до пятидесяти, убеждаюсь, что всё не так-то просто! А уж связанное с мамой...

Обнимаю Вас, желаю Вам преодолеть неописуемость

тех лет, к которым Вы подошли в Ваших воспоминаниях⁶.
И всего доброто, что только есть на свете.

Ваша *Аля*.

Сердечный привет Любви Михайловне.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ Имеется в виду Комиссия Союза писателей СССР по литературному наследию М.И.Цветаевой, созданная в 1962 г.

² Константин Васильевич Воронков (1911–1984) – функционер Союза писателей СССР, в 1959–1970 гг. – секретарь его правления.

³ Н.И.Столярова.

⁴ Литературовед В.Н.Орлов – автор вступительной статьи к первому посмертному избранному М.Цветаевой, вышедшему в 1961 г.

⁵ Том Цветаевой в этой престижной литературной серии вышел в 1965 г. объемом 43 печ. листа (вступительная статья В.Орлова, составление, подготовка текста и примечания А.Эфрон и А.Саакянц).

⁶ Речь идет о 4-й книге ЛГЖ, посвященной событиям 1933–1941 гг.

391. К.Л.Пуни

<Париж,> 28/1 <19>62

Дорогой Илья Григорьевич.

Простите, пожалуйста, что я так пристала к Вам на выставке Пикассо и мешала Вам смотреть картины, мне было потом очень стыдно.

Посылаю Любе маленький пакетик и платье (которое я зажала, как могла) для Иришки Рачек¹. Пакет, м.б., можно развернуть и, м.б., так будет еще менее encombrant². Хотела Вам лично подарить картинку Пуни, но боялась, что будет трудно запаковать, привезу, когда приеду, – вероятно, летом.

Пока всего хорошего, привет всем.

Ксана Пуни.

P.S. Забыла, конечно, главное – поблагодарить за книгу³, я была очень тронута. Теперь она ходит по рукам, и я все опасаюсь, чтоб не зажилили.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Ксения Леонидовна Пуни (Богуславская; 1892–1971) – художница, с 1913 г. жена художника И.А.Пуни; с 1924 г. жила в Париже.

¹ Ирина Петровна Рачек – балерина, вторая жена Н.И.Альтмана, с 1920-х по 1935 г. жившая с ним в Париже.

² Громоздко (франц.).

³ «Люди, годы, жизнь». Книги первая и вторая. М., 1961.

392. С.Л.Фридман

Москва, 12 февраля 1962

Уважаемый Илья Григорьевич!

Я недавно прочел и продолжаю с большим интересом читать Ваши воспоминания о минувших годах. Они воскресили в памяти дни моей юности и некоторые эпизоды, связанные с Вами.

Это было в Киеве в 1919 году.

Если Вы помните, при Артистическо-Художественном клубе (на Николаевской улице) в течение недолгого времени существовала «Мастерская Художественного Слова», кажется, организованная Вами¹. В ней вели занятия по литературе и поэзии Вы, поэт Маккавейский², литературовед Перлин и друг.

Вы читали лекции о русской поэзии, и все мы, тогдашняя киевская литературная молодежь, с большим интересом внимали необычным для нас словам, не похожим на все то, что раньше мы знали, слушали.

Вы вели также практические занятия по стиховедению, на которых каждый из нас, участников, читал свои стихи, подвергавшиеся тщательному разбору, а также поэтические упражнения на заданные Вами темы: сонеты, французская баллада на тему из Данте «Любовь, которая движет солнце и другие светила».

Из участников «Мастерской» Вы верно помните только Ник. Ушакова³. Остальные – забыты. Среди них я и моя жена, с которой познакомился в «Мастерской» и прожил многие радостные годы. Ее уже нет.

Мне пришлось раза два бывать у Вас дома. Не помню точно где (кажется, на Трехсвятительской улице⁴). Осталась в памяти большая комната с двумя окнами; многочисленные рукописи и бумаги, разбросанные на столе и на стульях; густой табачный дым.

Помню, в то время Вы рассказывали нам о том, как часто заходите в букинистические магазины, покупаете книги своих ранних стихов и уничтожаете их. Помню изданные в 1919 году сборник стихов «В смертный час»⁵ и роман «В звездах»⁶ (они хранятся у меня и сейчас).

Вспоминаю, как однажды Вы не пришли на лекцию и на следующий день рассказали, что были задержаны на улице и посмеялись: «Повели голубчика в Губчека, в Губчека!».

О тех днях у меня сохранились не только воспоминания. Сохранился и рукописный журнал, который мы издали в 1919 году: «Сборник Мастерской Художественного Слова». В нем стихи и литературные очерки участников. В нем и Ваша статья «О поэзии»⁷.

Думаю, что у Вас ее нет. Поэтому перепечатал ее и посылаю Вам. Может, она представит для Вас интерес.

С той поры прошло более сорока (и каких!) лет. Но и сейчас с большой теплотой вспоминаю ушедшие навсегда дни, оставившие неизгладимый след в сердце.

С. Фридман.

Впервые. Копия – собрание составителя.

¹ О «Мастерской Художественного Слова», созданной ИЭ, см.: *Б. Фрезинский. Илья Эренбург в Киеве (1918–1919) // Минувшее, №22. СПб., 1997. С.248–335.*

² Владимир Николаевич Маккавейский (1891–1920?) – поэт и художник.

³ О Николае Николаевиче Ушакове (1899–1973) ИЭ написал в 11-й главе 2-й книги ЛГЖ: «Среди учеников студии был вежливый, застенчивый юноша Н.Н.Ушаков. Я рад, что недолгая эпопея моего учительства в киевской студии не помешала ему стать хорошим поэтом».

⁴ ИЭ в ту пору жил в Киеве на Рейтарской ул.

⁵ *И.Эренбург*. В смертный час. Киев, 1919; расширенное издание книги «Молитва о России» (М., 1918).

⁶ *И.Эренбург*. В звездах. Роман в стихах. Киев, 1919.

⁷ Текст статьи, присланный С.Л.Фридманом, опубликован в 1997 г. (Минувшее, №22).

393. П.И.Батов

<Москва,> 13.2.<19>62

Добрый день, наш дорогой Илья Григорьевич!

Исключительно признателен Вам за присланные главы Вашего нового замечательного труда¹. С большим удовольствием прочитал. Спасибо Вам за память о наших боевых друзьях и товарищах по событиям в далекой и все же близкой Испании. Читая, трудно оторваться, настолько хорошо и волнует старого солдата.

Я с благодарностью возвращаю Вам полностью полученное мною. Знаю Вашу загруженность, но тем не менее решил добавить кой-какой материал своих трудов и воспоминаний. Одновременно прошу найти время прочесть опубликованные в газете «Красная звезда» (начиная с 30 января по 5 февраля) – выдержки из главы «Битва за Днепр» и «Битва за Одер». Посылаю несколько снимков друзей по Испании. Книга моя уже в печати и будет скоро². Прошу Вас, дорогой Илья Григорьевич, не отказать и прочесть, замечания приму с благодарностью. Мне очень помог в обработке В.А.Хмелевский.

Ваш *П.И.Батов* (Фруц).

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1262. Л.10.

¹ 17 января 1962 г. ИЭ отправил Батову две главы 4-й книги, где упоминался Батов, спрашивая, нет ли там каких-либо неточностей.

² *П.Батов*. «В походах и боях» (три издания, последнее в 1974 г.).

394. М.В.Раскольников-Канивез

Страсбург, 28 марта 1962

Глубокоуважаемый Илья Григорьевич,

Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо¹. Отвечаю сразу же и с полной искренностью на вопрос, который Вы мне ставите. Нет, Федор Федорович Раскольников не покончил самоубийством. Прежде чем рассказать Вам о его кончине, я хочу подчеркнуть, что если бы он покончил самоубийством, то я не видела бы никакой необходимости скрывать этот факт. Лично я не нашла бы ничего порочащего память Федора Федоровича в том, что он, не выдержав действительно огромных моральных страданий, покончил с собой. В те годы подобный исход не был уж таким исключением. И для меня лично память моего мужа, которую я свято чту и буду чтить всю жизнь, никак не омрачилась бы от этого. Но действительность есть действительность, и Федор Федорович не покончил самоубийством, а умер естественной смертью. Возможно, что если бы его организм не был подорван тяжелыми испытаниями, он справился бы с болезнью и выжил бы, но все это остается в пределах догадок и предположений. Фактически же все произошло так: к тяжелым моральным страданиям Федора Федоровича прибавилось еще большое личное горе. Наш первый ребенок, сын, родившийся в 1937 году в Софии, скоропостижно умер в Париже от молниеносного энцефалита 1 февраля 1939 года. В мае 1939 года Федор Федорович и я, покинув Париж, поселились на некоторое время в Audibus. 25 августа 1939 года Федор Федорович заболел. Болезнь началась сильным нервным припадком, когда врач осмотрел его, он нашел большой жар и констатировал воспаление легких с распространением инфекции в мозгу, и это мозговое заболевание и было причиной смерти Федора Федоровича. Он был болен неполные три недели. Я поместила его в одну из клиник Ниццы, созвала консилиум, сделала все, что могла, чтобы его спасти. Но все усилия оказались напрасными. Болезнь протекала

очень бурно. Все три недели Федор Федорович почти не приходил в себя – сильная мозговая горячка, бред и беспомысленность почти не покидали его. Он буквально сгорел. 12 сентября в полдень он скончался у меня на руках. В последние минуты сознание вернулось к нему, он узнал меня, вспомнил свою мать и говорил о ребенке, что мы ожидали. Ожидание этого ребенка было последней радостью Федора Федоровича, но он его уже не увидел. Наша дочь родилась после его смерти, 17 апреля 1940 года в Париже.

Похоронив Федора Федоровича в Ницце, я вернулась в Париж и там узнала, что во время болезни и смерти в газетах высказывались самые разнообразные предположения и утверждения о причинах смерти. Говорилось и о самоубийстве и об убийстве прямом и косвенном. Сама я этих газет не читала, т.к. во время болезни Федора Федоровича я проводила все время у его изголовья и, разумеется, мне тогда было не до газет. Помнится, однако, что я послала куда-то опровержение. Но куда именно я теперь не помню, а было ли оно напечатано, я совсем не знаю. К тому же Вы, вероятно, знаете, во Франции в случае насильственной смерти (убийства или самоубийства) сразу же производится полицейское расследование (*enquese judiciaire*). Никакого расследования после смерти Федора Федоровича не было. Вы сами знаете, как часто газеты пишут явные выдумки, нисколько не заботясь о точности того или другого факта².

Вот, Илья Григорьевич, подлинные обстоятельства и причины смерти Федора Федоровича Раскольникова, и я буду Вам бесконечно благодарна, если вы рассеете ложные слухи о кончине Федора Федоровича. Я читала в книге Н.А.Равича «Молодость века» намеки на самоубийство Ф.Ф.Раскольникова.

Заканчивая свое письмо, я еще раз от всей души благодарю Вас, Илья Григорьевич, и прошу Вас разрешить мне надеяться на то, что Вы окажете мне помощь и поддерж-

ку в деле реабилитации Ф.Ф.Раскольниково, которую я считаю своим священным долгом.

Уважающая Вас

Муза Канивез-Раскольниково.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2089. Л.5-6. М.В.Раскольниково-Канивез (1912–?) – вдова Ф.Ф.Раскольниково (1892–1939) – активного участника Октябрьской революции и Гражданской войны, дипломата. 25 января 1964 г. М.В.Раскольниково-Канивез писала о покойном муже В.Г.Лидину: «Я никогда не видела его в унынии, хотя он жестоко страдал все годы «культы личности». Поэтому я с недоумением прочитала, что написал о нем в своих мемуарах И.Г.Эренбург. Я хотела говорить об этом с самим Ильей Григорьевичем, но, к сожалению, видела его только короткое время и на следующий день он улетел куда-то» (РГАЛИ. Ф.3102. Оп.1. Ед.хр.568. Л.4).

¹ Письмо от 15 марта 1962 г. (см. П2, № 485).

² Записка Л.Берии 31 июля 1939 г. главному специалисту НКВД по политическим убийствам П.Судоплатову «Продумать мероприятия по обезвреживанию <Раскольниково>» («Реабилитация: как это было. Февраль 1956 – начало 80-х». М., 2003. С.443) оставляет вполне вероятной версию об уничтожении (например, с помощью ядов) Раскольниково агентами НКВД.

395. А.Т.Твардовский

Барвиха, 5.IV <19>62

Дорогой Илья Григорьевич!

Я виноват перед Вами: до сей поры, за множеством дел и случаев, не собрался написать Вам по поводу «пятой части»¹ и оставил на рукописи по прочтении лишь немые, может быть, не всегда понятные пометки. Вероятно, поэтому Вы и не приняли некоторые из них во внимание. А между тем я считаю их весьма существенными и серьезными. Речь ведь идет не о той или иной оценке Вами того или иного явления искусства, как, скажем, было в отношении Пастернака и др., а о целом периоде исторической и политической жизни страны во всей его сложности. Здесь

уж «каждое лыко в строку». Повторяю мое давнее обещание не «редактировать» Вас, не учить Вас уму-разуму – я этого и теперь не собираюсь делать. Я лишь указываю на те точки зрения, которые не только не совпадают с взглядами и пониманием вещей редакцией «Нового мира», но с которыми мы решительно не можем обратиться к читателям.

Перехожу к этим «точкам» не по степени их важности, а в порядке следования страниц.

Стр. 2. Фраза «об игре и карте»². Сентенция не бог весть какой новизны и глубины, но обращенная к советской печати в такой категорической форме не может быть принята. Редакция здесь не может, как в иных случаях, отстаивать Ваши права на своеобразную форму выражения.

Стр. 8. Концовка главы. Смысл: война непосредственное следствие пакта СССР с Германией. Мы не можем встать на такую точку зрения. Пакт был заключен в целях предотвращения войны. «Хоть с чертом», как говорил Ленин, только бы в интересах мира.

Стр. 32. «Дача кому-то приглянулась»³. Фраза как будто невинная, но мелочность этой мотивации так несовместима с серьезностью и трагичностью обстоятельств, что она выступает к Вашей крайней невыгоде. И потом, есть вещи, о которых читателю должны сообщать другие, а не сам «пострадавший». От этой фразы несет урон дальнейшее изложение в своей существенности, значительности. И далее (33): «Есть вещи, о которых приходится повторять для того, чтобы они никогда больше не повторились». Дело опять же в несоизмеримости исторических обстоятельств с конкретным поводом, по которому высказывается это заключение. Да и так ли важно, Илья Григорьевич, Вам доказывать сейчас, что Вы не были «невозвращенцем» – поднимать эту старую сплетню, одну из многих забытых сплетен?

Стр. 39-40. Сотрудники советского посольства, привет-

ствующие гитлеровцев в Париже. «Львов», посылающий икру Абетцу⁴. Мне неприятно, Илья Григорьевич, доказывать очевиднейшую бестактность и недопустимость этой «исторической детали».

Стр. 43. «Немцам нужны были советская нефть и многое другое»... Это излишнее натяжение в объяснение того частного факта, который и без того объяснен Вами: Вашей фамилии в документах не было.

Стр. 45. Весь первый абзац. «Свадебное настроение» в Москве в 40 г.? Это, простите, неправда. Это было уже после маленькой, но кровавой войны в Финляндии, в пору всенародно тревожного предчувствия. Нельзя же тогдашний тон газет и радиопередач принимать за «свадебное настроение» общества.

Стр. 46. Услышанные где-то от кого-то слова насчет «людей некоторой национальности» представляются для той поры явным анахронизмом.

Стр. 47. Опять о «причислении» Вас к невозвращенцам. Можно подумать, что Вам нравится повторять эту сплетню.

Стр. 50. «Мартынов шевелил губами»⁵ и т.п. Это, конечно, Ваше дело, но я не могу не заметить, что это место делает Вас вместе с Мартыновым смешным. Претензий никаких.

Стр. 52. То, что Вы говорите о Фадееве здесь, как и в другом случае – ниже, для меня настолько несовместимо с моим представлением о Фадееве, что я попросту не могу этого допустить на страницах нашего журнала. Повод, конечно, чисто личный, но редактор – тоже человек⁶.

Стр. 54. Фраза насчет собак в момент телефонного звонка от Сталина, согласитесь, весьма нехороша⁷. Заодно замечу, что для огромного количества читателей Ваши собаки, возникающие там-сям в изложении, мешают его серьезности. Собаки (комнатные) в представлении народном – признак барства и это предубеждение так глубоко, что, по-моему, не следовало бы его «эпатировать».

Стр. 57. «Рыбе разрешили на минуту нырнуть в воду». Не нужно так, Илья Григорьевич, слишком это форсисто.

Стр. 58. Слова Ахматовой: «Ничему не нужно удивляться». Вы уверены, что она не против опубликования их?

«Вот пели “если завтра война”...» – непонятно – что про что, кто говорит (тогда еще не критиковали этих строк песни).

Стр. 59. «Понятно, когда наивная девушка жалуется, что ее обманул любовник...» Здесь Вы предлагаете читателю поставить вместо слов «наивная девушка» слово противоположного смысла. Это – ни в какие ворота.

Может быть, я не все перечислил, что-нибудь осталось вне перечня. И среди перечисленных есть вещи большей и меньшей важности. Но в целом – это пожелания, в обязательности которых мы убеждены, исходя не из нашего редакторского произвола или каприза, а из соображений прямой необходимости.

Будьте великодушны, Илья Григорьевич, просмотрите еще раз эту часть рукописи.

Желаю Вам, как всегда, всего доброго.

Ваш А.Твардовский.

Впервые – Минувшее, № 8, Париж, 1990, с. 388–391 (публикация Е.Берар; без указания на то, что все публикуемые материалы предоставлены публикатору И.И.Эренбург). Машинописная копия – собрание составителя. Прокомментированный ответ ИЭ от 10 апреля 1962 г. см. П2, № 489.

¹ Публикатор «Минувшего» не задумываясь поправила Твардовского: «Речь идет о четвертой части», исходя из того, что разбираемые Твардовским главы появились в «Новом мире» в составе 4-й книги ЛГЖ. Между тем история написания и публикации ЛГЖ куда сложнее. 4-я книга ЛГЖ, представленная в НМ, содержала 31 главу (нумерация страниц в машинописи была сплошной). Журнал начал ее печатать с № 4 за 1962 г., когда ИЭ уже работал над 5-й книгой, посвященной событиям Второй мировой войны. Написав к марту 1962 г. первые 6 глав, посвященные событиям 1939 – начала 1941 года, ИЭ предложил их посмотреть Твардовскому. Неизвестно, принял ли он уже к то-

му времени решение присоединить эти 6 глав к 4-й книге. В любом случае, судя по нумерации страниц в машинописи (она началась с 1) и по тому, что Твардовский назвал эту часть «пятой», «Новому миру» окончательное решение автора сообщено еще не было. О мотивах включения этих глав в 4-ю книгу ЛГЖ см. коммент. к 4-й книге ЛГЖ (7, 805-806).

² Фраза из 35-й главы 4-й книги: «Писателю трудно работать в газете: он думает, что он – игрок, а он только карта» (7, 609).

³ Имеется в виду дача ИЭ в Переделкино, переданная В.П.Катаеву по его настоянию, поскольку ИЭ был назван им «невозвращенцем».

⁴ Отто Абетц (1903–1958) – гитлеровский резидент в Париже.

⁵ Речь идет о фразе в 40-й главе о встрече в Москве с Л.Мартыновым, чью поэзию Твардовский не принимал («Мы проговорили полночи о силлабическом стихосложении – Мартынов шевелил губами: искал новую музыку»).

⁶ Аналогично Твардовский отказался печатать главу о Фадееве из 6-й книги ЛГЖ.

⁷ Фраза из 40-й главы о том, что, когда 24 апреля 1941 г. ИЭ сказали по телефону: «Сейчас с вами будет разговаривать товарищ Сталин», «Ирина поспешно увела своих пуделей, которые не ко времени начали играть и лаять». На пассаж Твардовского касательно домашних собак ИЭ ответил в 1-й главе 6-й книги ЛГЖ (8, 111-112), и эту реплику Твардовскому было неудобно снять.

396. Т.М.Литвинова

Москва, 21. 4. 1962

Дорогой Илья Григорьевич,
спасибо за теплую строчку обо мне¹ – я ее ощутила именно как Ваше доброе и милое отношение ко мне. Что касается Н.С.В.² – «естественность» его тогда проявлялась вот в чем: Костя Уманский велел мне с Зиной прогулять W. по саду – он захмелел и грозил раскиснуть. Мы взяли его под руки, он попеременно мокро заглядывал нам в лицо, дышал перегаром, говорил, что Ленин – великий человек, а Сталин – нет (чем весьма нас эпатировал тогда) и пытался – не знаю, как бы это выразить полилитературней – лапать нас, а

мы пытались отцеплять его приапические когти.

Когда я (впоследствии) маме об этом рассказала, она воскликнула: The old dog!³ Он был другом моего английского деда (который, кстати сказать, был евреем, они вместе начинали карьеру, ухаживал за бабушкой и должно быть подъезжал и к маме в свое время).

Но я бы не стала Вам об этих слухостях писать, если бы не испытывала необходимости выразить – даже не знаю что: восторг, умиление, благодарность – за главу о Фальке⁴ – как бы мне хотелось ему её показать! Я еще раз почувствовала – какая я счастливая, что знала немного Фалька. Я написала «немного» из ложной скромности. Его нельзя было знать немного. Кто только попадал в его орбиту, становился его другом, исключительным и единственным, хотя таких друзей у него было много, и каждый имел право так чувствовать.

Кстати, ведь с Фальком познакомили меня как раз Вы с Любовью Михайловной, во всяком случае впервые у него я была в вашем обществе.

Так что получается, что Вы дважды подарили его мне.

Я никак не реагирую на отца – п.ч. ни у Вас, ни у кого он никогда не будет «похожим» на то, чем он жив для меня. Это ужасно, но важнее всяких Лиг наций для меня то, как он хрустел огурцами, как макал зеленый лук (белым концом) сперва в соль, потом в сметану⁵, как шел утром по коридору в халате, помятый и небритый в ванную, и выходил оттуда – тугой, благоухающий, сияющий предвкушением завтрака...

Привет! Ваша *Т.Литвинова*.

Это было ежедневное чудо, как восход солнца.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1820. Л.5-6.

¹ Речь идет о фразе в 12-й главе 4-й книги мемуаров, где ИЭ рассказывал о знакомстве с английским писателем Г.Уэллсом в 1934 г.: «На даче у Литвинова, разговоривая с дочкой Максима Максимовича,

озорной девочкой Таней, он вдруг становился естественным, даже добрым».

² Герберт Джордж Уэллс.

³ Старый пес! (англ.)

⁴ Роберт Рафаилович Фальк (1886–1958) – художник, которому посвящена 13-я глава 4-й книги ЛГЖ.

⁵ В портрете Литвинова в 29-й главе 6-й книги ЛГЖ ИЭ использовал это письмо («...приятно было на него глядеть, когда он ел – так восхищенно он макал молодой лучок в сметану, с таким вкусом жевал»).

397. А.Л.Каплан

Ленинград, 2 мая <19>62

Дорогой Илья Григорьевич!

Давно не писал, не желая беспокоить Вас лишним письмом, но думаю о Вас каждый день.

Дай бог Вам много здоровья и успешно осуществить свои творческие планы. Очень хочется видеть Вас и рассказать о работе, которую выполняю для Англии.

Теперь делаю 12 цветных автолитографий на мотивы еврейских народных песен. По настойчивой просьбе г-на Эсторина я повторяю работу «Песнь песней» Шолом-Алейхема из 6-ти листов (условно – один титульный лист, четыре фронтисписа и один заключительный). Эти листы не посылаю Вам, боясь, что они Вам не очень понравятся.

Если разрешите, то пошлю вместе с 12-ю листами песен. У нас в Союзе <художников> новый председатель – скульптор Аникушин¹. Скоро в Москве съезд художников. Меня никогда никуда не выбирают и не посылают. Бог с ними. Не обижаюсь. Было бы здоровье работать. Материально у меня стало хорошо. Получил письмо, что в Нью-Йорке открылась выставка моих литографий. Просил, чтобы прислали каталоги.

Желаю Вам и Любви Михайловне всего-всего доброго.

Ваш Каплан.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1651. Л.19-20.

¹ Михаил Константинович Аникушин (1917–1997) стал главой ленинградской организации Союза художников СССР.

398. С.де Бовуар

<Париж, май 1962>

Дорогой друг!

Сартр и я приедем 1 июня в Москву по приглашению Союза писателей. Я сожалею, как и Сартр, что не сможем задержаться до конгресса¹. Но мы можем договориться о нашем участии в нем заочно.

Извините нас, учитывая все события, за наш запоздалый ответ и простите Сартра за то, что пишу за него. Мы очень рады свиданию с Вами.

Горячий дружеский привет от нас.

С. де Бовуар.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1302. Л.2. Ответ на письмо ИЭ от 10 апреля 1962 (см. П2 № 488). Симона де Бовуар (1908–1986) – франц. писательница, жена Ж.П.Сартра.

¹ Имеется в виду Всемирный конгресс за разоружение и мир (Москва, июль 1962), в подготовке которого ИЭ принимал участие.

399. П.В.Утевская

<Киев,> 12.VI <19>62

Дорогой Илья Григорьевич!

Для Вас, вероятно, не в диковинку получать письма от незнакомых людей. И все же в первую очередь, вероятно, нужно представиться. Вам пишет племянница Абрама Григорьевича Вишняка¹. Зовут меня Утевская Паола Владимировна. Кстати, Вы видели меня в фильме «Паола и роман», снятого в Ялте Виктором Платоновичем Некрасовым². Не в порядке саморекламы, а для «ясности» добавлю, что я приятельница Виктора Платоновича. На сей раз

пословица «Скажи мне, кто твой друг» для меня весьма кстати. Как-то легче писать Вам.

А писать нелегко. Не один год, не один раз я собираюсь обратиться к Вам, спросить о судьбе Веры Лазаревны³ и Абрама Григорьевича. Но все не решалась.

В своей книге⁴ Вы говорите, что Вам трудно писать о Пикассо, быть может, потому, что он очень знаменит. В какой-то мере по той же причине мне было трудно написать Вам. Кроме того, где-то в глубине души теплилась надежда, что они все же живы.

Абрам Григорьевич – двоюродный брат моей матери. Вместе провели детство, юность, начало молодости. К нам в деревню уехали они из Москвы в девятнадцатом.

До тридцать седьмого мы довольно регулярно переписывались. Из их писем знали о Вашей с ними дружбе. Маме и ее брату (я тогда была еще совсем малой) Абрам Григорьевич присылал изданные им Ваши книги. С Верой Лазаревной мама была, пожалуй, даже дружнее, чем со своим кузеном. Пишу так подробно, чтобы оправдаться, что-ли – объясняя, что заставляет меня Вас потревожить.

В прошлом году в Ялте я познакомилась с Савичем. Мы подружились, и от него я узнала правду, которую, каюсь, до сентября скрывала от стариков.

Дорогой Илья Григорьевич! От всего сердца спасибо Вам за теплые слова, сказанные Вами о наших Верочке и Абраше. В сентябре, прочтя девятую книжку «Нового мира»⁵, хотела написать Вам, да постеснялась.

Сейчас все же пишу. В конце февраля и начале марта я буду в Москве. И вот решила попросить Вас, если сможете, если захотите – разрешить мне к Вам приехать. Вы – единственный человек на свете, который может рассказать моим старикам о последних годах Веры и Абраши. Но старикам к Вам не добраться. Живем мы в Киеве. А они принадлежат к старшим в том поколении, которое хорошо помнит «Хулио Хуренито».

По моей просьбе Валентина Ароновна Мильман узнала у Вас о сыне покойных Жене⁶. Я хотела ему написать, но письмо не получилось. Уж очень мы далекие, чужие. Вы ближе. Так ведь?

Быть может, Вы не захотите или не сможете меня принять. Так позвольте воспользоваться этим письмом, как единственным случаем сделать Вам маленький подарок. Уезжая из Киева в эвакуацию, моя мать захватила с собой несколько «семейных реликвий» и среди них два проспекта издательства «Геликон». Один из них и посылаю Вам.

Если сможете меня принять – буду очень благодарна. Если же нет, то простите за это письмо. И спасибо Вам не только за Верочку и Абрашу, а и за все, что вы сделали и делаете, спасибо и за Вашу книгу «Люди, годы, жизнь».

Всего Вам доброго.

П.Утевская.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2263. Л.1. Писательница П.В.Утевская – дочь (от первого брака) давнего парижского знакомого ИЭ, скульптора В.А.Издебского (сообщено А.Е.Парнисом).

¹ А.Г.Вишняк (1895–1943, погиб в Освенциме) – владелец издательства «Геликон», друг ИЭ.

² Имеется в виду шуточный любительский кинофильм, который В.П.Некрасов снимал в Ялте, при участии О.Г.Савича; именно Савичи показывали этот фильм ИЭ.

³ В.Л.Вишняк (погибла в 1943 г. в Освенциме) – жена А.Г.Вишняка.

⁴ ЛГЖ.

⁵ За 1961 г. с началом 3-й книги ЛГЖ.

⁶ Е.А.Вишняк спасся и после войны жил в Швейцарии; ИЭ с ним встретился.

400. Н.Саррот

Париж, 23 июня 1962

Дорогой Илья Григорьевич,
я позвонила в четверг вечером в Hotel Caugès, как мы усло-

вились. Надеюсь, что там Вам передали мое поручение.

Поговорив с хирургом, который будет 10-го июля оперировать мою дочь, я выяснила, что операция не так проста, как я думала, – и что мне необходимо быть здесь.

Думаю, что Вы легко поверите, насколько я сожалею о том, что не могу ответить на приглашение, которым очень тронута и за которое искренне благодарю.

Надеюсь, что в следующий приезд в Париж Вы и Любовь Михайловна дадите мне об этом знать и что я смогу более гостеприимно принять Вас, чем мне удалось это сделать в тот раз, и, набравшись свежими силами и найдя Вам новых противников, угостить Вас спором, в котором Вам будет гораздо труднее победить!

С сердечным приветом Любовь Михайловне и Вам

Наталья Саррот.

Впервые – ДП, с.703. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2146. Л.1. Натали Саррот (Наталия Ильинична Черняк; 1900–1999) – франц. писательница, жившая во Франции с 1909 г.; с 1959 г. сотрудничала с иностранной комиссией Союза сов. писателей; дружески общалась с ИЭ (27 октября 1959 г., отвечая на присланные ей книги, писала сотруднице иностранной комиссии: «Мне кажется, заметки Эренбурга о Стендале замечательны»).

401. Ж.Кокто

Париж, 30 июня 1962

Мой дорогой Эренбург!

Цитируемые Вами стихи Жоашена Дю Белле¹ изумительно передают тяжкое одиночество поэтов.

Первым движением души и тела было принять Ваше приглашение², но глубоко все продумав, увы, я хочу, чтобы мой пыл «отстоялся», как говорят виноделы красного вина.

Поездка в Москву остается чудесным сном.

Вы знаете о моем культе Вашей родины и как высоко я ценю человеческие контакты, они неповторимы. Однажды

я прикоснулся к Вам пальцами слепца, и Ваш визит составляет часть моих не столь уж многочисленных сокровищ.

Думайте обо мне иногда с любовью и знайте, что я люблю Вас.

Жан Кокто.

Я много говорил о Вас с Арагоном.

Впервые – ДП, с.701. Здесь – в переводе И.И.Эренбург. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1694. Л.1. Жан Кокто (1889–1963) – франц. писатель, художник, режиссер; ИЭ был знаком с ним с 1910-х гг.

¹ Любимый ИЭ поэт французского Возрождения; в 1957 г. он написал о Дю Белле очерк для «Французских тетрадей» и перевел ряд его сонетов.

² Видимо, имеется в виду приглашение принять участие в работе Московского международного конгресса за разоружение и мир (июль 1962).

402. А.С.Эфрон

<Латвия,> 15 июля 1962

Дорогой Илья Григорьевич! Пересылаю Вам Ваши – сорокалетней давности – письма маме¹. Они переписаны ее рукой в маленькую записную книжку, очевидно накануне отъезда в СССР, году в 1938–39; кроме Ваших, там два письма Белого и неполностью переписанное пастернаковское (одно, первое). Записная книжечка озаглавлена «Письма друзей». Подлинники писем не сохранились; думаю, что не только в мамином здешнем архиве не сохранились, а пропали вообще, со всем парижским цветаевским архивом, оставленным на хранение Вл<адимиру> Ив<ановичу> и Марг<арите> Ник<олаевне> Лебедевым² и затопленным водою во время войны в подвале дома 18bis rue Denfert-Rochereau³. Теперь и улица эта переименована – что, впрочем, отношения к делу не имеет.

Переписала для Вас письма моя приятельница, которой Вы неск<олько> лет тому назад помогли выдраться из чрева китова⁴ и получить реабилитацию et tout ce qui s'en-

suit⁵. Сидим с ней обе в Вашем избирательном округе⁶ – т.е. Латвии, где погода переменная, осадки в виде того-сего и т.д. Городок Лиепая (б. Либава), утратив свое прежнее портовое и курортное значение, не стал от этого захолустным и провинциальным, нет – просто ушел в себя; не дай Бог, однако, чтобы вышел из. Каждое утро, отворяя окно в окружающую строгость, стройность и отчужденность, так и тянет задать захаянный современностью вопрос: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе»⁷?

Впрочем, окраины городка новехонькие, в центре имеется также новехонький разухабистый памятник, на котором, вернее, на постаменте которого железобетонные матрос, рабочий и женщина неопределенных занятий размахивают гранатами, напоминающими пивные бутылки. Так и хочется вызвать наряд милиции. Редкие прохожие стыдливо опускают глаза.

В магазинах дополна тканей, изделий из янтаря и гончарных, редиски, творога, а также дамской обуви местного производства – фасончики всё какие-то лоцманские, боцманские, шкиперские; цены – доступные.

В местном музее – великолепная выставка прикладного искусства работы выпускников лиепайского худ<ожественного> техникума.

Море и ветер всё те же, о к<отор>ых Вы писали маме 40 лет назад⁸.

Обнимаю Вас и Любовь Михайловну, А<да> А<лександровна> шлет самый искренний привет. Будьте здоровы!

Ваша Аля.

Впервые – А.Эфрон, с.204-205. Подлинник – собрание составителя.

¹ Письма 1922 года – см. П1.

² В.И.Лебедев (1884–1956) – один из редакторов журнала «Воля России», М.Н.Лебедева (1880–1958) – его жена – друзья М. Цветаевой.

³ Дом в Париже, где жили Лебедевы.

⁴ Т.е. освободиться из ссылки; речь идет об А.А.Шкодиной.

⁵ Все, что из этого следует (франц.).

⁶ До 1966 г. ИЭ был депутатом Верховного Совета СССР от Даугавпилсского избирательного округа (Латвия).

⁷ Строки из 5-й строфы стихотворения Пастернака «Про эти стихи» (1917).

⁸ 10 июня 1922 г. ИЭ писал М.Цветаевой с Балтийского моря: «Сегодня ветер и впервые море напоминает о море» – см. П1, №133.

403. Е.Г.Полонская

Эльва, 18/VII <19>62

Дорогой Илья!

Не знаю, получил ли ты мои письма. От тебя я имела только поздравление с новым годом и, правда, не могла на него ответить, только поздравила тебя с днем рождения.

Твои воспоминания в 5-6 номерах Нового мира¹ прочла поспешно, с замирающим сердцем. Это хроника нашего времени, которую ты пишешь, является жизнеописанием сотен людей, и ты успеваешь сказать о каждом все, что нужно, кратко и выразительно. О каждом из этих людей можно было бы написать большой роман, а может быть, еще и напишут. Но все действующие лица эпопеи нашего времени намечены тобой. То лирическое отступление «о себе», которое ты сделал, необходимо было мне особенно, потому что у меня сохранились твои письма из Парижа, Берлина, Бельгии довоенных лет, сохранились стихи, которые ты писал тогда, страницы стихов, напечатанные на машинке. Какая жизнь. Я смотрела на рисунок, сделанный на Конгрессе, где схвачено выражение твоего лица, такая усталость и решимость². Дорогой мой. Я так желаю тебе много сил для того, чтобы ты мог сделать все, что задумал, и отдохнуть потом.

Целую тебя,

твоя *Лиза*.

Если напишешь, сообщи о Кате³. Как ее здоровье? Когда я была в прошлом сентябре, Катя болела. Ты все ездешь по всему Земному шару. Может быть, попадешь в Эстонию. Приезжай повидаться ко мне в Эльву. В сентябре – октябре, быть может, буду в Москве, но увижу ли тебя? Эльва в 40 минутах езды от Тарту, машиной 30 минут.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2055. Л.29-30.

¹ 4-я книга ЛГЖ.

² Речь идет о Конгрессе за разоружение и мир (Москва, июль 1962); 7 июля 1962 г. ЛГ поместила 5 казенных графических портретов советских участников конгресса, включая ИЭ, работы А.Балагура.

³ Имеется в виду первая жена ИЭ Екатерина Оттовна Сорокина (Шмидт), жившая с Т.И.Сорокиным в Новом Иерусалиме (после войны).

404. А.С.Эфрон

<Москва,> 7 августа 1962

Милый Илья Григорьевич, пишу Вам по поводу всё того же камня (памятника в Тарусе), о к<отор>ом писала Вам Валерия Ив<ановна> Цветаева (мамина сестра от первого брака). История такова: некий Островский, студент-филолог из Киева, прочтя «Хлыстовок» («Кирилловны в «Тар<усских> стран<ицах>»¹ решил установить памятник, о к<отор>ом мама пишет в рассказе; приехал в Тарусу, получил разрешение исполкома, нанял рабочих (всё это «на свои скудные средства», как он писал мне впоследствии) и приступил к осуществлению своего замысла, с одобрения Вал<ерии> Ив<ановны> и Аси² (к<отор>ая там случайно оказалась).

Я ничего об этом не знала, т.к. тетки позабыли мне сообщить, а Островский вообще не подозревал о моем существовании – да и вообще о чем бы то ни было! – Знакомые мамыны и мои, живущие в Тарусе, случайно узнали о том,

что некий памятник должен быть воздвигнут сугубо самостоятельным путем, дали мне телеграмму, я дала ответную (копию которой Вам отправила тогда же). Я пришла в ужас, поняв, что речь идет о некоей скульптуре, неведомо как и кем сотворенной, и только потом узнала, что слово «памятник» подразумевает камень с надписью «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева». Моя телеграмма приостановила работы, памятник не был установлен – так написала мне Ася, и камень остался у ограды участка, где был похоронен Борисов-Мусатов³; потом и его – камень то есть, убрали.

Т.к. сейчас, летом, невозможно собрать цветаевскую комиссию, хочу узнать мнение каждого из членов ее хотя бы в письменном виде. Нужно решить вопрос о памятнике в Тарусе вообще и об «островском варианте» в частности.

Считаете ли Вы приемлемым, возможным, необходимым установление в Тарусе камня с надписью «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева»?

Если да, то не считаете ли Вы нужным поручить выбор и оформление такого камня какому-нибудь настоящему скульптору, чтобы камень был красив и надпись высечена надлежащим образом? Не считаете ли Вы необходимым поместить – хотя бы на другой стороне такого памятника, короткий текст о том, кто была М.Ц., когда родилась, умерла, чем связана с Тарусой? Не нужно ли приурочить установление памятника к юбилейной дате – 70-летию со дня рождения – в нач^але окт^ября 1962?

Не думаете ли Вы, что воздвигать такой памятник сейчас – преждевременно? Не вызовет ли это ненужного ажиотажа, не повредит ли намечающимся изданиям и публикациям? Секретариат Союза Пис^ателей, рассмотрев протокол первого заседания комиссии, обошел молчанием предложение о памятной доске на доме, где мама жила и писала много лет, в Борисоглебском пер., и утвердил лишь вопрос о введении Алигер в состав комиссии (а также предложил Лесючевскому⁴ рассмотреть вопрос об издании книжечки о Пушкине).

Как только узнаю, где сейчас Паустовский (а м.б., его и не трогать с этим делом?) и Макаров⁵ – напишу и им, спрошу их мнения; Орлову написала в Эстонию⁶; Маргарита Иосифовна <Алигер> положительно относится к идее памятника, но считает, что ее (его, памятник!) надо усовершенствовать, равно как и надпись (объяснительную) добавить. А.Саакянц⁷ (редактор первой книжечки и член комиссии) считает установление памятника преждевременным, считает, что сейчас самое главное – добиться наибольшего количества «памятников нерукотворных», т.е. книг и публикаций, вслед за чем наступит настоящее время и для камня, и для бронзы; считает, что не стоит «гусей дразнить».

Если Вам неудобно, некогда ответить мне – письменно – то, м.б., скажете свое мнение Алигер, по телефону, когда будете в Москве?

Получили ли переписанные для Вас Ваши письма (1922 г.) мамы? Послала Вам их из Латвии.

Обнимаю Вас и Любовь Михайловну.

Ваша Аля.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ Имеется в виду публикация очерка М.Цветаевой в альманахе «Тарусские страницы» (Калуга, 1961).

² А.И.Цветаева.

³ Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов (1870–1905) – художник.

⁴ Николай Васильевич Люсечевский (1908–1978) – глава издательства «Советский писатель», последовательно мешавший изданию лучших книг, с 1930-х гг. автор губительных доносов на писателей.

⁵ Александр Николаевич Макаров (1912–1967) – советский литературный критик.

⁶ Письмо В.Н.Орлову от 7 августа 1962 г. – см.: А.Эфрон, с.206–207.

⁷ Анна Александровна Саакянц – секретарь Комиссии по наследию М.Цветаевой.

405. М.И.Алигер

<Москва,> 8 сентября 1962

Дорогой Илья Григорьевич,
 посылаю Вам рукопись цветаевской книги, о которой мы с Вами говорили¹. Если у Вас найдется время, было бы очень важно, чтобы Вы ее поглядели.

Статьи и отрывки (почти все), по-моему, чудо как хороши, но я не уверена в том, следует ли сочетать их со стихами, и уж во всяком случае твердо уверена в том, что не следует ими открывать книгу. Это придает книге несколько домашний характер. Как по-Вашему?

Сердечный привет Любовь Михайловне.

Всего доброго

М.Алигер.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. ИЭ подружился с М.Алигер в годы Отечественной войны, ее имя не раз встречается в 5-7-й книгах ЛГЖ. Алигер – автор воспоминаний об ИЭ «Нас сдружила поэзия».

¹ Речь идет о книге М.И.Цветаевой «Мой Пушкин», включавшей статьи о Пушкине, стихи, посвященные Пушкину, и отрывки из статей; книга была сдана в производство в 1966 г. и в 1967 г. издана.

406. А.Т.Твардовский

Москва, 11.IX.1962

Дорогой Илья Григорьевич!

Я очень винюсь перед Вами, что так задержал, по разным причинам, с прочтением очередной (5-й) части Вашей книги.

Теперь я ее прочел, многое здесь на уровне лучших страниц предыдущих частей, многое мне не просто не нравится, но вызывает серьезные возражения по существу (как, впрочем, и у многих соредакторов).

Однако я не спешу беспокоить Вас подробным высказыванием моих замечаний, главным образом по той причи-

не, что, как выяснилось, в этом году мы уже не сможем, к сожалению, начать печатание этой части¹.

Кроме того, в ближайшие дни я на несколько дней уеду в Смоленские края по совершенно неотложным делам.

Таким образом, надеюсь встретиться с Вами не ранее 20-х чисел.

С неизменным уважением

Ваш А. Твардовский.

Впервые. Подлинник – РГАЛИ. Ф.1702. Оп.9. Ед.хр.79. Л.121.

¹ В ожидании разрешения на публикацию в НМ повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» Твардовский не спешил форсировать публикацию 5-й части ЛГЖ.

407. Ф.А.Вигдорова

Москва, 2 окт<ября 19>62

Дорогой Илья Григорьевич,

в июне прошлого года мы с Вами говорили о том, как помочь О.В.Ивинской¹ и ее дочери. В тот раз удалось перевести их в лагерь с более человеческими условиями, а этой осенью Ира Емельянова (дочка Ивинской) вернулась в Москву. Здесь ее прописали, устроили на работу и даже вернули в институт. С помощью Иностранной комиссии Союза писателей ей удалось даже избежать встречи с иностранными корреспондентами (она очень этой встречи боялась).

Но теперь во всей остроте встает новая проблема, и тут, я боюсь, без Вашей помощи не обойтись.

В очень трудном положении находится сама Ольга Всеволодовна. Она осталась одна, без дочери. Она больна, истощена, а посылки в лагерь отменены.

В августе ее навещал сын и говорит, что она находится в состоянии последнего отчаяния, а, главное, очень больна.

Я прошу Вас, Илья Григорьевич, если можно, повидайте Ирину Емельянову² и выслушайте ее.

Если Вы, узнав обо всем подробнее, посоветуете, как нам следует действовать дальше, чтоб не сделать ложного шага, я буду Вам очень благодарна.

Уважающая Вас

Ф.Вигдорова.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

О постоянстве контактов Ф.Вигдоровой с ИЭ свидетельствует ее недатированная (примерно того же времени) записка О.Г. и А.Я.Савичам: «Дорогие, забегала и не застала. Между тем – соскучилась. Очень. И дело есть. 1) Надо сказать Илье Григорьевичу, что после обсуждения в университете его мемуаров трех студентов исключили. Фамилии узнаю. 2) Вернулась из Новосибирска Елена Сергеевна Вентцель, разговаривала с Ляпуновым. Ляпунов сказал: «Я проверил по правдинской подшивке, в 44-м году в статье Эренбурга «Убей немца» были слова «Убей немchonка». Молодой аспирант, присутствовавший при разговоре, эти слова подтвердил. Дело стоит того, чтобы в какой-то части мемуаров дать им по морде и сказать, что этого не было и быть НЕ МОГЛО. Целую Вас и очень хочу видеть. Ф.». В п.2 этой записки речь идет об инсинуации сибирского математика А.А.Ляпунова, обвинявшего ИЭ, вслед за Геббельсом, в призыве к уничтожению германского населения (в указанной Ляпуновым подшивке такой статьи ИЭ нет; в статье «Убей!» – Красная звезда, 24 июля 1942 г. – речь шла о немцах-оккупантах, вторгшихся в СССР с оружием в руках).

¹ Ольга Всеволодовна Ивинская (1912–1995) – подруга Б.Л.Пастернака, вторично арестованная и заключенная в лагерь уже после его смерти.

² Как сообщила составителю И.И.Емельянова, она дважды бывала у ИЭ вместе с Ф.А.Вигдоровой. Первый раз – когда обсуждался вопрос об отказе ей в московской прописке и письмо на бланке депутата Верховного Совета СССР И.Г.Эренбурга, направленное им в МВД, положительно решило вопрос о ее прописке в Москве. Второй раз – когда отказались принять посылку с необходимыми медикаментами для О.В.Ивинской. Опять-таки вмешательство ИЭ сняло и эту проблему.

408. А.И.Цветаева

Москва, 22.X <19>62

Дорогой Илья Григорьевич!

1) Очень расстроилась, услышав, что уезжаете до вечера о Марине и не будете выступать, – а сейчас так рада, что вечер переместили на 25-ое и что будете читать о М<арине> вступительное слово¹.

Читать стихи будут, верно, плохо – самодеятельность – иду только из-за Вас и зову всех всех друзей только п<отому>, ч<то> Вы будете.

2) Давно хочу Вас спросить, знали ли Вы жену Paul Elouard Grindel, Галю²? Это моя подруга, и я в 27 г. была у них. С 28 г. я о ней ничего не знаю. Жива ли она?. Об Elouard я пишу в м<оих> воспоминаниях о Горьком³ (сдала их в Архив Горького для – через несколько лет тома воспоминаний о нем). Мы говорили – Галя, Elouard и я – с утра до ночи, я им рассказывала о Марине. Прекрасный собеседник, умный, тонкий человек. Если знаете что-нибудь о Гале – была бы рада услышать о ней.

Сердечный привет.

Желаю Вам сил и сил, отдыха, бодрости, радости.

Ваша А. Цветаева.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ Имеется в виду вечер Марины Цветаевой в Московском литературном музее, на котором председательствовал ИЭ.

² Поль Элюар (Грендель; 1895–1952) – франц. поэт; Галя (Гала) – Элен Грендель (Дьяконова Елена Дмитриевна; 1895–1982) – первая жена П.Элюара (прозвище Гала – от франц. Gala – праздник).

³ Рассказ о встрече с Элюаром см. в воспоминаниях А.Цветаевой о Горьком – Новый мир, 1966, №2. С.123-125.

409. А.И.Цветаева

Москва, 19. XI. 1962

Дорогой Илья Григорьевич!

Запоздало благодарю Вас за добрые слова о Марине, ра-

дуюсь, что ее посмертное вступление в русскую литературу началось Вашими словами – в Лит<ературном> Музее. Тронуло меня Ваше сожаление о неудачной последней с ней встрече, упомянутое и 3 года назад, в 1959-м, в Вашем разговоре со мной: значит, годы этого Вашего сожаления не коснулись¹.

Вот на этом я строю мое письмо к Вам. Дорогой Илья Григорьевич! Я совершенно уверена и говорю об этом с цветаевской прямоотой, что единственное, что Вы можете сделать для памяти Марины, для Вашей, еще живой дружбы с ней – это прочесть мои воспоминания о нашем детстве и юности.

Подождите, не негодуйте – дочтите.

Я знаю, что то чтение доставит Вам радость. И знаю, что это – Ваш долг по отношению к Марине. Знаю Вашу непомерную занятость, необходимость бережности к Вашему здоровью, утомленности, возрасту – Вы еще, кажется, на 3 года старше меня (мне 68).

Но ведь и Вы и я любим Марину. И если я преодолеваю мою, тоже очень большую усталость от всего перенесенного в разлуке с Мариной, и пишу (без надежд вскорости отдать труд в печать), пишу из последних сил, то первый читатель, которого я бы хотела и считаю вправе иметь – Вы. Вы должны прочесть эти Воспоминания. «Когда смогу, прочту?» так Вы написали около 2-х лет назад. Но будущее не в нашей власти. Что мне за радость, если Вы прочтете их после меня? (Ведь и я хочу радости от этого Вашего прочтения их! Только радости, ничего делового я от Вас не прошу и не жду, никаких «устройств» этой вещи, протекций и проч., – только чтоб Вы узнали Мариину жизнь. Ведь никто кроме меня Вам (и никому) ее не расскажет.

Я хвораю, ухудшается и сердце и зрение, его всего $2\frac{1}{2}$ - 3%, у одного глаза нарушена сетчатка. Я спешу, как Гриновская «бегущая по волнам», закончить хоть юностью, до 1911 г., Марининым: «Когда над лесом и над полем

/ Все небеса замрут в звездах / Две неразлучных к разным долям / Помчатся в разных поездах»².

Если выживу и буду видеть – продолжу наши встречи с М., с 1912–27, после замужества, и о переписке с 27–37, и о моей поездке в 1960 г. в Елабугу, искать ее могилу, и обо всем, что узнала о ней здесь, о ее 39–41 гг.

В этом году, услышав от читавших мои Воспоминания в машинописи, Литературный Музей предложил мне сдать для их архива один экземпляр, что я сделала – первые 412 стр<аниц>(у Вас, кажется, есть менее 300 стр.). Теперь я сдаю им еще 2 части, 180 стр. (до 1909 г., Маринино 17-ти и моего 15-летия, всего около 590 стр. И вот я не знаю, что же мне делать с Вами: присылать Вам все эти, за 2 года дописанные части (сколько же, сколько я передала Вам в 1 раз) или не присылать?

Столькие хотят их прочесть, я даю их с таким отбором людей, у меня всего 3 читаемых экземпляра, трачу на машинисток, отрываю от рта, – и мне больно, что Вы, говорящий и имеющий право говорить людям о Марине, не знаете до сих пор ни ее детства, ни отрочества, ни юности, которые уже прочтены некоторыми из тех, которые Вас слушают.

Илья Григорьевич, у меня есть еще одно предложение: я могу сделать одну вещь, чтобы облегчить Вам чтение: подчеркнуть по всему объему этой машинописи сбоку, скажем, синим карандашом, все и только те места, что относятся прямо к Марине, хоть это безмерно обеднит вещь, и чтение (но хоть начало, о семье, родителях, родных, доме, желательнее прочесть полней). Я готова на эту добавочную работу, только чтоб Вы – прочли. Я оставляю в стороне себя, свое отрочество, то, что Вам не важно (всё, где обо мне – отдельно). Из моих подруг – только тех, кого любила Марина, среди них – Галю, 1-ую жену Paul Elouard. Grindel. Хотите? Но если и этого прочесть Вы не можете – тогда зачем этим Воспоминаниям лежать у Вас мертвым грузом? Не лучше ли их тогда отдать мне в Центр<альный> Лит<ературный> Архив или в Лен<инскую> Б<иб-

дио>теку? Решайте – Вы. Я ведь была очень терпелива эти почти два года, не так ли?

Илья Григорьевич!

Вы над этой машинописью – это будет как будто Марина снова пришла к Вам после того печального последнего прихода, и снова у Вас зазвучит ее голос (М<арина> Ц<ветасва>. Волшебн<ый> фонарь «Пусть повторяет общий голос / Доныне общие слова»³) – этот голос расскажет Вам о ее детстве, годах до замужества. Разве это не нужно Вам? И разве Вы не имеете права – на погружение в нее, на радость побыть с ней, вновь, с маленькой, растущей, молодой? Борис П<астерн>ак, как я уже Вам писала, этой радости частично успел хлебнуть, взволновался; – я, Илья Григорьевич, неплохой напиток Вам предлагаю, и, мне думается, целительный для Вашей печали о Марине.

Сиюж сейчас возле больной Е.К.Фофановой-Устиновой⁴, она, приняв снотворное, спит после уколов и бессонных ночей с болями сердца, сегодня она получила письмо Ваше, была тронута утешеньем добрых слов, в ее довольно безнадежной болезни – состояние после обширного и тяжелого инфаркта в нелегких условиях жизни. В комнате тихо, начало сумерек, нашего любимого с Мариной, в юности, часа.

Судьба привела мне кончать жизнь на бывшей Тверской улице, о которой Марина писала когда-то: «Вот и мир, где сверкают витрины, / Вот Тверская – мы вечно тоскуем о ней, / Кто для Аси нужнее Марины, / Милой Асенки кто мне нужней?»⁵ В очень грустные часы старости и одиночества я, выходя из дому (Горького 26/1, кв.9), повторяю эти строки про себя, навстречу идущей толпе, в вечерние огни других витрин другого века.

Сердечно жму Вам руку.

Желаю вам долгой жизни и бодрости.

Жду ваш ответ. Ответьте – на М<оск>ва, К50, до востребования. Это верней.

Ваша А.Цветаева.

Р.С. Шлю свой маленький сибирский рассказ (1 страничка)⁶.

АЦ.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ Имеются в виду слова о последней встрече с Цветаевой из 3-й главы 2-й книги ЛГЖ: «Она пришла ко мне в августе 1941 года; мы встретились после многих лет, и встреча не вышла – по моей вине...»

² Последняя строфа стихотворения М.Цветаевой «Неразлучной в дорогу» (1911) из книги «Волшебный фонарь».

³ 2 строки из того же стихотворения М.Цветаевой.

⁴ Е.К.Фофанова-Устинова (1895–1979) – дочь поэта К.Фофанова.

⁵ Из стихотворения М.Цветаевой «Тверская» (книга «Волшебный фонарь»).

⁶ Рассказ «Пёс» (1950).

410. А.И.Цветаева

<Москва,> 22.XI <19>62

Дорогой Илья Григорьевич!

1. Никого не потряс так Ваш доклад о Поль Элуар¹, как меня; я глядела в зал, нет ли тут, в памятную дату, Гали, его вдовы, а через полчаса узнала из Ваших слов, что его первая жена, русская – умерла². Я бы и сейчас этой утратой терзалась, если бы не Наташа³, сообщившая мне, с Ваших слов, что не его первая жена умерла, а вторая. Если Вы сможете когда-нибудь узнать о ее 2 муже Сальвадор Даль⁴, и, если Галя жива, передать ей мой привет – я буду очень Вам благодарна.

2. Галя училась не с Мариной, а – в другой гимназии, со мной. Но я их познакомила, и Марина ее любила.

3. В 1927 г. я в Париже свиделась с Галей и много рассказывала Элуару о Марине. Хотела их подарить друг другу, но Марина, заразясь от детей, Али и Мура⁵, болела¹ скарлатиной, и свиделись ли они после моего отъезда – не знаю.

В прилагаемых страничках – моя встреча с Элуаром в

1927 г., у них дома (из рукописи, сданной в Институт мир<овой> литературы для сборника о Горьком) – моя поездка к нему. В этих страницах есть и о Вас – мой приход к Вам с Сережей Эфрон.

Всего Вам доброго. Жду Ваш ответ на мое письмо о Марине.

А.Цветаева.

P.S. Когда был Элуар в Москве и была ли Галя с ним?

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ На вечере, посвященном 10-летию смерти П.Элюара.

² ИЭ говорил о смерти второй жены Элюара Ньюш (Мария Бенц; 1906–1946).

³ Н.И.Столярова.

⁴ Э.Грендель (Галя) стала женой испанского художника-сюрреалиста С.Дали (1904–1989).

⁵ А.С.Эфрон и Георгий Сергеевич Эфрон (Мур; 1925–1944).

411. С.Е.Голованивский

Киев, 22.XII <19>62

Дорогой Илья Григорьевич,
 посылаю вырезку из газеты «Літературная Україна» за 21.XII.62 г. Здесь напечатано интервью с А.Мальшко¹, которое, как мне кажется, может Вас заинтересовать.

Мальшко утверждает, что «Эренбург призвал к потворству формалистическим поискам и упадочническим настроениям», чего, конечно, быть не могло. Больше того, получается, что Вам была дана суровая отповедь.

Этот прохвост торжествует по поводу нового начала борьбы с «космополитизмом»², что в его устах имеет особый смысл, и утверждает, что об этом на недавнем совещании говорили «особенно строго». Так ли это?

Да и требовал ли кто-нибудь «сосуществования реализма с абстракционизмом»? И настаивал ли Евтушенко на культивировании у нас «хорошего» абстракционизма?

Это интервью меня взволновало, как тревожный симптом и показатель того, как может откликаться в Киеве то, что аугается в Москве.

Сердечный привет Любви Михайловне!

Моя жена кланяется Вам обоим.

Ваш – *С.Голованивский*.

Впервые. Копия – собрание составителя.

¹ Украинский советский поэт Андрей Самойлович Малышко (1912–1970) был (на почве природного антисемитизма) давним антагонистом Голованивского.

² Речь идет о резкой смене советской политики в области культуры в конце 1962 г. в результате мобилизации просталинских сил аппарата ЦК КПСС и творческих союзов СССР. Начало этому положило спровоцированное ими скандальное посещение Хрущевым выставки «XXX лет МОСХа» в московском Манеже и последовавшее за ней совещание в ЦК КПСС, а также развернувшаяся следом кампания в печати.

412. А.С.Эфрон

<Москва,> 27 декабря 1962

Дорогой Илья Григорьевич, судя по первым отзывам, звонкам, телеграммам, – вечер¹ прошел не просто хорошо, но великолепно, без фальшивых нот, строго и вдохновенно. Люди в восторге от Вашего выступления². Многие плакали – и не из плакучих. Говорят, хорошо выступил Антокольский. Вообще обо всём говорят хорошо, нет ничего, что кому-нибудь «не понравилось» бы, выпало бы из общего высокого лада. Очень важно, что этот вечер был и что он был именно таким. Спасибо Вам за это.

Сегодня я получила книгу, к<отор>ая называется «Dein Lächeln noch unbekannt gestern» (Verse russischer Frauen)³ Johannes von Gueuther, Wolfgang Dothe-Verlag, Heidelberg, 1958 – там Каролина Павлова! Мирра Лохвицкая! Гиппиус! Черубина де Габриак! Тэффи⁴! Шагинян и др. Большой раздел маминых стихов. Знаете ли эту книжечку? Очень занят-

ная. А некот<орые> переводы просто очень хороши. И еще прислали вырезку из журнала Konkret (august 62) – перевод Ваших воспоминаний о маме «Ghetto der auserwählten» Пја Эренбург, Begegnung mit Marina Zwetaewa⁵. Вот у меня какие счастливые дни, несмотря на то, что на вечер я не попала.

Мамин вечер немного уравновесил конец этого года в сердце моем. А в Вашем? Впрочем, все годы – преходящи. А искусство – нет. И никуда от этого не денешься и обратного не докажешь. На этой жалкой аксиоме, без которой и Вы, и искусство отлично обойдутся, кончаю свою записку, обнимаю Вас и благодарю за всё. Счастливого Нового года! Доброго здоровья и много, много сил желаю Вам и Любви Михайловне.

Очень Вас любящая и уважающая (что со мной редко случается!) – Аля.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ Состоявшийся 25 октября 1962 г. в Литературном музее в Москве вечер, посвященный 70-летию М.Цветаевой, на котором ИЭ председательствовал.

² В письмах А.С.Эфрон другим адресатам встречаются такие суждения о выступлении ИЭ – В.Н.Орлову 30 октября'1962: «...выступали Эренбург, Слуцкий, Ев.Тагер; первые два, по-моему, хорошо (Эр., правда, перепевал опубликованное, т.ч. ничего нового не сказал – но сам был насквозь мил и добр, что не часто увидишь!); П.Г.Антокольскому 1 января 1963: «Все в восторге от Вашего и Эренбургова выступления. “Восторг” не то слово – люди плакали. А в наши времена это значит, что и камни плакали. Да, милый друг, Вы с Эренбургом – старые и вечно юные друзья, ибо друзья ее юности – за руки ввели в ее жизнь живых людей...»

³ «Ваша улыбка, еще не известная вчера (стихи русских поэтесс).

⁴ Каролина Карловна Павлова (1807–1893), Мирра Александровна Лохвицкая (1869–1905), Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945) Черубина де Габриак (Елизавета Ивановна Дмитриева; 1887–1928) – русские поэтессы; Тэффи (Надежда Александровна Лохвицкая; 1872–1952) – писательница.

⁵ «Гетто избранничества» Илья Эренбург. Встреча с Мариной Цветаевой.

413. Ю.М.Лотман

<Тарту, 1962>

Глубокоуважаемый Илья Григорьевич!

Посылаю Вам тезисы одной моей работы¹. Они, возможно, Вас заинтересуют как теоретическое обоснование воззрений на искусство (в частности живопись), разделяемых, если я верно понимаю, и Вами.

Я пробую отделить наивное понятие «сходства» от понятия «истины». Тот «наивный» наблюдатель, который убежден, что солнце обходит землю, а не наоборот, никогда не был наивен по части доносов и всегда стремился жечь на кострах сторонников «абстрактного» гелиоцентризма.

Думаю, однако, что пока искусствознание не сможет найти точных методов, вопрос не продвинется – ни с гелиоцентризмом, ни со средневековьем бороться одними эмоциями невозможно.

Мне было бы крайне приятно, если бы Вы написали, показались ли мои мысли Вам интересны.

Б.Ф.Егоров² передает Вам поклон.

С сердечным уважением

Ю.Лотман.

Мой адрес: Тарту, ул. Кастани 9 кв.7. Юрию Михайловичу Лотману.

Я решил добавить и другую статью – О «Капитанской дочке». В ней я хотел сказать, что классовая борьба скорее зло, чем добро, или, во всяком случае, и зло и добро. И о том, что история нуждается не в политике, а в человечности.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1835. Л.3. Ю.М.Лотман (1922–1993) – литературовед, основатель тартусской филологической школы.

¹ «Тезисы докладов 1-ой научной региональной конференции». Горький, 1962.

² Борис Федорович Егоров (р. 1926) – литературовед, профессор.

1963

414. Е.Кочар

Ереван, начало января 1963

Дорогой Илья Григорьевич!

Наверное, Вы меня вспомните, напомнив Вам, что в 1920–1930-х годах Вы, будучи в Париже, почти ежедневно посещали кафе «Клозери де Лиля» на Вашем любимом месте в углу и что по четвергам там собиралась наша группа французских художников – Роберт Делоне¹, Кзаки, Вантонгера² и другие, и каждый раз меня встречали «вива Кочар» восклицаниями.

Прошли эти дни. Сплин заедал меня, и наконец я вернулся на родину в Советскую Армению, где я продолжал мою работу художника-скульптора, но увы... пришли суровые дни «культы», я стал жертвой.

Вы были в Армении³, но я не смел показаться Вам, думая, что мои воспоминания могли бы бросить тень на Вас, так как я был дискредитирован... но теперь что прошли эти кошмарные дни и я вполне нашел свое место в нашем обществе, смею напомнить, что я художник Ерванд Кочар, что я в Париже работал в галерее <П.>Розенберга, и почти десять лет выставлялся исключительно с Пикассо, Леже⁴, Вилис и проч.

Зная, что Вас волнует все, что подлинно новое, передовое в искусстве, я осмеливаюсь послать Вам фотоснимки с моей конной статуи «Давид Сасунский», что установлена на привокзальной площади г.Еревана. Эта работа представлена на соискание Ленинской премии. Я буду Вам очень признателен, если эту работу Вы найдете достойной этой великой чести, то поддержать ее и довести до окончательной оценки.

Вам преданный

Ерванд Кочар.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1731. Л.2. ИЭ ответил на это письмо 30 января 1962 (см. П2, №503). Скульптор Ерванд Кочар (1899–1979) получил Ленинскую премию в 1967 г.

¹ Робер Делоне (1885–1941)

² Видимо, Жорж Вантонгерлоо (1886–1965) – бельгийский художник и теоретик, с 1931 г. работал в Париже.

³ В 1959 г.

⁴ Фернан Леже (1881–1955) – франц. художник.

415. Е.Г.Полонская

<Комарово, 20-е числа января 1963>

Дорогой Илья!

Поздравляю тебя с днем рождения. Очень хотела бы передать тебе столько сил и душевной, а также и не душевной бодрости, сколько тебе нужно. Часто думаю о тебе. К сожалению, в прошлом году мне не пришлось приехать в Москву и повидаться с тобой. В последние дни читаю и слышу о тебе мало. Что-то мне не по себе, и я очень хотела бы получить от тебя несколько слов. Закончил ли ты книгу о 41–45 гг.¹? Пишешь ли дальше или погодишь? Как здоровье Любовь Михайловны? Передай ей от меня привет и скажи, что я иногда встречаю ее брата² на прогулках в Комарово, где сейчас живу. От него узнаю о вас. На днях мадам Кетлинская³ приехала специально докладывать нам о том, как она близка к Олимпу. Давно не испытывала такой радости, как от ее сообщения. Дай ей бог здоровой пищи.

До свидания, дорогой.

Жду твоего письма.

Лиза.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2055. Л.26-27.

¹ Т.е. 5-ю книгу ЛГЖ.

² Г.М.Козинцев.

³ Писательница В.К.Кетлинская.

416. О.Б.Эйхенбаум

<Ленинград,> 7.II.1963

Дорогой Илья Григорьевич!

Вы совершенно правы, так ответив этому страшному человеку¹.

Вы защитили этим письмом не только себя, но всех тех, кто пережил 1937 год, кто должен был молчать, когда уводили близких, друзей! И молчали!

Как ему не стыдно и как не стыдно редакции газеты «Известия»!

Тошно читать, стыдно читать – что ж опять молчать?

Целую Вас. Вот и все.

О.Эйхенбаум.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2413. Л.2.

¹ Имеется в виду напечатанное 6 февраля 1963 г. «Письмо в редакцию “Известий”» – ответ ИЭ на статью критика В.В.Ермилова «Необходимость спора» (Известия, 30 января 1963) о книге ЛГЖ, в которой тот демагогически обвинял ИЭ, что он-де не выступил против сталинского террора в 1937 году, хотя понимал, что все творившееся было несправедливостью (о себе и подавляющем большинстве населения Ермилов написал, что они молчали, т.к. свято верили Сталину, ни о чем не знали и не догадывались).

417. Р.Е.Канделаки

Москва, февраль 1963

Уважаемый и любимый Илья Григорьевич!

Научите – как ответить Ермилову публично, чтобы плевок попал в его бесстыжие глаза?

Письмо ему написать? Не отреагирует. Скомкает – и под стол. Ему главное, чтоб он один мог говорить, а другие – только слушать. Ермилов имел наглость утверждать в печати, будто бы «в 1937–38 годах были люди, которые боролись не молчанием» против культа личности Сталина.

Что же, были. Не «многие», по счастью, но были.

Я принадлежу к семье одного из них.

Васо Канделаки¹, ученый агроном и ректор Гос. Университета Грузии, брат моего отца, мой дядюшка, учитель и друг, выступил против Лаврентия Берия в 1937 году, познакомив партийный коллектив с «грехами юности» сего бандита, относящимися к его, бериевской, службе в мусаватистско²-английской разведке (Баку, 1920).

Васо Канделаки не молчал. Он был немедленно схвачен, подвергся нечеловеческим пыткам и расстрелян. Была расстреляна и молодая жена Васо Тамара, комсомолка. Были арестованы и расстреляны два двоюродных брата отца (Давид Канделаки, бывший нарком, и Шалико, бесп<артийный> инженер). Отца выгнали с работы, он заболел нервным расстройством. Меня выгнали из газеты. Я была молодая, у меня было двое маленьких детей. Формулировка увольнения из «Зари Востока»³: «Не заслуживает политического доверия, связана родственными и дружескими связями с опаснейшими врагами народа» (имена их – выше).

О Васо Канделаки Вы могли, Илья Григорьевич, прочесть в дневнике Вл. Маяковского⁴. Его имя фигурирует еще раз: в протоколах знаменательного процесса против бандита Берии в 1953. Он, уже давно погибший, выступает как свидетель №1. «Васо Канделаки, которого больше нет» рассказал судьбу устами чудом уцелевшего человека (остальные были расстреляны в 1937 г.) о гнусном прошлом агента английской разведки и провокатора Берии.

Мы еще знаем исторический пример «не молчания»: нарком здравоохранения Каминский⁵ в свое время в Москве на партсъезде повторил обвинения Васо Канделаки и был расстрелян Ежовым.

Вот два примера, когда честные большевики пытались не молчать. Подвиг? Подвиг! Но – ненужный подвиг.

Ни одно слово, ни один стон, ни один звук не вырвались из ежовско-бериевских застенков наружу! Люди погибали, заведомо зная, что за ними пойдет на расстрел или в ссылку вся семья.

Но это еще не все: на процессе, где покарали бериевских ставленников в Грузии и Азербайджане, уже в 1955 году, была оглашена инструкция Лаврентия Берия (процесс был открытым, все её слышали): «Перед тем как их отправить на Луну, набейте им хорошенько морды». Это, разумеется, было выполнено.

Мне, ниже подписавшейся, было однажды слышно, как выполнялось это предписание палача. Я брела в несусветную жару мимо ГПУ Грузии поздно ночью. Часовой меня не видел. Все окна были открыты. В том числе окна подвалов. Стояли наготове пять-шесть грузовиков с разогретыми моторами. Вдруг нечеловеческий вопль вырвался откуда-то из преисподней наружу. Шофера поспешно включили все моторы. Но они чуть опоздали – вопль пронесся по всему околотку. «Каждую ночь – так», – мне шепнула женщина, поравнявшаяся со мной. Часовой погнался за нами. Я бежала по-спортивному, унеслась оттуда вихрем.

С 1937 года я с двумя детьми жила под Москвой в дачном поселке без прописки и без работы. При виде зеленых околышей я содрогалась. Однажды ночью милиционеры по ошибке постучали в двери старенькой дачки. Я открыла им дверь, взглянула и – потеряла сознание. Вот моя молодость, дорогой Илья Григорьевич! Но я хотела, должна была выжить – ради двух ребят. Поэтому в партийных анкетах на традиционный вопрос «Есть ли у вас репрессированные родственники, перечислите» я всегда твердой рукой писала крупное «НЕТ». Впрочем, вернее было написать «УЖЕ НЕТ».

Теперь Ермилов пытается уверить молодежь, не помнящую 1937–38 гг., будто тогда «можно было говорить» и «бороться не молчанием».

«Напрасно, напрасно он скидывает нас со счета. Нас много, уцелевших и не забывших ничего! Сегодня наше знамя – СОЛЖЕНИЦЫН. Пусть попробуют замахнуться на него! не смеют замахнуться на него. «Чуют правду».

Но где, где, как рядовому человеку сказать им, ермило-

вым, александром герасимовым^б и прочим сталинистам, добивающимся сейчас реабилитации в глазах широких масс, сказать слово презрения, чтоб оплеуха звучала звонко? Этого я еще не придумала. Знайте, Илья Григорьевич, мы журналисты никогда не забудем, что в годы войны и годы Испании всегда Ваш голос звучал на весь мир. Мы готовы выступить. За Вас. Но ВАМ более выступать самому не надо. В числе многих вещей, которым научили нас годы 1937–38, есть одна ценнейшая: техника презрения.

С глубокой любовью к Вам

Римма Канделаки,
журналист, член КПСС.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1648. Л.1-2. До перестройки хранилось в РГАЛИ под грифом «Секретно». Римма Евгеньевна Канделаки (1904–?) – литератор, автор повестей о Н.Пиросмани («Бродил художник по городу»), передвижниках и др.

¹ Васо Канделаки (1883–1938, расстрелян) – партийный и научный деятель Грузии; автор воспоминаний о Маяковском в Грузии.

² Мусаватисты – члены националистической партии «Мусават» (Азербайджан, 1911–1920).

³ Главная газета Советской Грузии.

⁴ См.: *В.Маяковский. Собр. соч.* в 13-ти т. Т.1. М., 1955. С.15, 422.

⁵ Григорий Наумович Каминский (1895–1938, расстрелян) – нарком здравоохранения СССР в 1934–1937 гг.

⁶ А.М.Герасимов (1881–1963) – президент Академии художеств СССР.

418. Б.А.Чичибабин

<Харьков, февраль 1963>

Дорогой, любимый Илья Григорьевич!

У пишущего эти строки нет никакой надежды на то, что Вы помните или вспомните его. Меня зовут Борис Чичибабин, в октябре 1961 г. мне посчастливилось быть у Вас и читать Вам свои стихи. Потом Вы взяли меня с собой на вечер памяти Пикассо, кажется, в клубе «Дружба», где Вы

выступали. Одно стихотворение, посвященное Вам¹, Вы оставили у себя, кажется, оно Вам понравилось. С тех пор я не напоминал Вам о себе.

Теперь я обращаюсь к Вам с совершенно фантастической просьбой, для которой у меня нет решительно никаких оснований, кроме огромной благодарной любви к Вам, поэту и человеку, а я люблю Вас больше, чем кого бы то ни было из живых людей. Последние события, включая паскудную ермиловскую статью², не могли увеличить моих уважения и любви к Вам, потому что полюбил и зауважал Вас с давних пор и на всю жизнь и ничего иного ни от Вас, ни от них я и не ожидал.

Просьба моя заключается вот в чем. В этом году выйдут две книжечки моих стихов: одна – в Харькове, другая – в Москве. Где-то через месяц здесь, в Харькове, где я живу, меня будут принимать в Союз писателей. Очень хочется, чтоб одну из необходимых рекомендаций дали мне Вы.

На всякий случай сообщаю некоторые подробности. Имя – Борис Алексеевич Чичибабин, год рождения – 1923. Кроме фамилии «Чичибабин», которой я подписываю свои стихи, у меня есть еще одна, которая-то и записана в паспорт. Это фамилия отчима, усыновившего меня – «Полушин». В поэзии не новичок и не провинциал. С гордостью могу назвать среди своих друзей и читателей Маршака и Сельвинского, Межирова и Слуцкого. Служил в армии, сидел в лагерях, был реабилитирован. Печатался в «Новом мире», «Знамени», в последнем «Дне поэзии». Для харьковского филиала рекомендация требуется в двух экземплярах. Вот и все.

Посылаю несколько своих вещей³, которые по разным причинам мне нравятся больше остальных. Единственный поэт, чьему вкусу и суду я доверял бы больше, чем Вашему, это – Пастернак, но он умер и я его не знал. Ваш вкус, Ваше понимание поэзии, Ваш суд – единственные, с какими я считаюсь.

Будьте здоровы и счастливы, берегите себя для всех людей, живите долго и радостно.

По всей вероятности, мое письмо останется без ответа. Я почти не жду его, я не имею никаких оснований ждать его – и поэтому не огорчусь. Но Вы должны понять, что не написать этого письма я тоже не смог бы.

Очень люблю Вас. Очень хочу сделать что-нибудь, что Вам бы понравилось. Еще и еще раз – будьте здоровы, будьте счастливы, будьте молоды.

Ваш Борис Чичибабин.

г.Харьков, ул. Рымарского, 2, кв.13.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2358. Л.1. Б.А.Чичибабин (1923–1994) – поэт.

¹ «Эренбург» (1960) – под названием «Воспоминание об Эренбурге» вошло в книгу Чичибабина «Цвечение картошки» (М., 1994).

² Статья В.В.Ермилова «Необходимость спора» с нападками на ЛГЖ (Известия, 30 января 1963).

³ В ФЭ сохранилась машинопись 13 стихотворений Чичибабина 1947–1960 гг., в том числе «Еврейскому народу», «Клубится кладбищенский сумрак», «Эренбург», «Клянусь на знамени веселом»...

419. Е.Г.Полонская

<Ленинград, первые дни марта 1963>

Давно не имею от тебя вестей и почему-то думаю, что ты не получал моих писем.

Чувствую себя не очень хорошо, снится какая-то чепуха, и притом грустная. Хочу сказать тебе, что мне очень понравились твои воспоминания в 1–2 номерах «Нового мира»¹. Особенно тронуло меня эссе о Жан-Ришаре Блоке². Он был в Ленинграде, и я показывала ему город. В придачу к нему прикомандировали гида из интуриста, который повел его в Казанский собор, где был музей Отечественной войны 1812 года. Гид очень подробно объяснял, как французы бежали из Москвы. Жан-Ришар слушал терпеливо, потом улыбнулся своей доброй усмешкой и сказал: я знаю это. У нас тоже писали об этом бегстве.

Тебе удалось сказать о нем и о себе. <Нрзб. фраза>. Я вспомнила Монтеня. <Нрзб. фраза на франц. яз.>

Очень хороша также Коллонтай и Уманский³. Но лучше всего то, что это могут и будут читать люди. Ты даже не представляешь себе, как тебя читают и как принимают к сердцу каждое сказанное о тебе слово.

Принимают, как сказанное о самом близком человеке. Хотелось бы, чтобы ты это знал, был уверен в этом чувстве.

Будь здоров, дорогой. Дай тебе Бог силы закончить то, что ты задумал написать. Силы тратить по отношению <нрзб> жаль, хоть, может быть, это делаешь по приказу сердца. Ну, береги сердце.

Целую тебя.

Лиза.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2056. Л.1.

¹ 5-я книга ЛГЖ печаталась в №1-3 НМ.

² 19-я глава 5-й книги ЛГЖ, посвященная Ж.-Р.Блоку.

³ 11-я и 13-я главы 5-й книги ЛГЖ.

420. Ф.А.Вигдорова

Москва, 8 марта 1963

Дорогой Илья Григорьевич,

Много раз возвращаясь из командировки, я хотела написать Вам или передать на словах то, что мне пришлось услышать. Но руки не доходили или мешала мысль: Илья Григорьевич все это и сам знает.

А теперь¹ я скажу: не было случая, чтоб, побывав где-нибудь далеко от Москвы, я не слышала вопроса: – а Эренбурга Вы видели? Вы его знаете? Вот кому бы я хотел пожать руку.

И совсем недавно в белорусском селе председатель колхоза Николай Терентьевич Степаненко сказал мне то, что я слышала уже не раз:

– На фронте любую газету – на раскурку, но со статьей Эренбурга – никогда!

От себя мне тоже хочется сказать: я очень люблю Вас. И очень благодарна Вам за все, что Вы сказали людям – в статьях и книгах.

Может, все это Вам ни к чему, тогда – простите.

От всей души желаю Вам покоя и здоровья.

С глубоким уважением

Ф.Вигдорова.

По-русски впервые (по-английски – J.Rubenstein Tangled loyalties. 1996. P.356-357). Подлинник ФЭ. Ед.хр.1370. Л.4.

¹ 8 марта 1963 г. на встрече с художественной интеллигенцией в Кремле Хрущев выступил с оголтелыми нападкамии на мемуары ИЭ. Письмо Ф.А.Вигдоровой – первое из тех писем поддержки, которые были адресованы ИЭ в те дни.

421. А.Я.Яшин

<Вологда,> 9 марта 1963

Дорогой Илья Григорьевич!

Я никогда не писал Вам и никогда не пытался искать с Вами встреч, хотя бывали случаи, когда мне этого хотелось.

Сейчас хочу сказать Вам, напомнить Вам еще раз, чтоб Вы знали, что во время войны, на фронте (я был на Ленинградском и Сталинградском) Ваша работа, Ваши статьи имели для всех нас – от рядового до любого генерала – исключительное, чрезвычайное значение. Нам было легче от того, что Вы жили с нами и работали на всех нас. Не примите за наивность, но тогда я как политработник все время ждал, что Вас наградят званием Героя Советского Союза, – ждал этого сам и не раз говорил об этом с моряками, с которыми служил вместе. Вы и дважды и трижды достойны этого звания – так я и сейчас считаю.

Вот сижу над Вашей книгой. Думаю...

Примите мой земной поклон и пожелание здоровья, здоровья, здоровья!

Александр Яшин.

Впервые – А.Яшин. Собр. соч. Т.3. М., 1986. С.355. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2451. Л.1. Писатель Александр Яковлевич Яшин (1913–1968) подвергался разностной критике за публикацию в №2 альманаха «Литературная Москва» (1956) рассказа «Рычаги», показавшего раздвоение сознания советского общества на примере актива рядового вологодского колхоза, а в 1962-м – за «очернение» советской действительности в повести «Вологодская свадьба», напечатанной в «Новом мире».

422. А.Г.Коонен

<Москва, после 8 марта 1963>

Дорогой Илья Григорьевич,
все это время я много о Вас думаю, многое вспоминала и из нашей жизни, и мне очень хотелось Вас увидеть, хоть на минутку, и вас обнять, но я – болею (болит нога). Три недели была прикована к постели и только сегодня вышла первый раз из дому постоять у подъезда и глотнуть немного воздуха. Шлю Вам свои самые добрые, самые нежные чувства, и горячо желаю (как и все Ваши друзья, конечно), чтобы Вы поменьше обращали внимания на злые силы, которые неизбежно топчутся на пути каждого большого художника, и берегли бы свое здоровье и силы! Они Вам очень нужны для больших дел, не стоит их тратить на маленькие.

В «Адриенне Лекуврер»¹ актер Мишле говорит ей: «Помни, любовь пройдет, а хорошая роль останется навсегда и будет вызывать восторг зрителей!»!

Если перефразировать эти простые, мудрые слова, хочется сказать Вам: неприятности пройдут, а хорошая книга останется навсегда и будет волновать и увлекать читателей!

Это – большое утешение.

Душевно обнимаю Вас и целую Любовь Михайловну.

Ваша *Алиса Коонен.*

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1708. Л.12.

¹ Спектакль, поставленный А.Я.Таировым в Камерном театре по пьесе французского драматурга Скриба о судьбе трагической актрисы XVIII в.

423. Н.Я.Мандельштам

<после 8 марта 1963>

Дорогой Илья Григорьевич!

Я много думаю о тебе (когда думают друзья, то у того, о ком думают, ничего не болит) и вот, что я окончательно поняла. С точки зрения мелко-жизнейской плохо быть эпицентром землетрясения¹. Но в каком-то другом смысле это очень важно и нужно. Ты знаешь, что есть тенденция обвинять тебя в том, что ты не повернул реки, не изменил течение светил, не переломил луны и не накормил нас лунными коврижками. Иначе говоря, от тебя хотели, чтобы ты сделал невозможное, и сердились, что ты делал возможное.

Теперь, после последних событий, видно, как ты много делал и делаешь для смягчения нравов, как велика твоя роль в нашей жизни и как мы должны быть тебе благодарны. Это сейчас понимают все. И я рада сказать тебе это и пожать тебе руку.

Целую тебя крепко, хочу, чтобы ты был силен, как всегда.

Твоя *Надя*.

Любе привет.

Впервые – по-русски (в сокращении): ВЛ, 1995, №3, с.293, публикация Б.Фрезинского; по-английски: J.Rubenstein Tangled loyalties. 1996. P.6. Подлинник письма исчез из домашнего архива И.И.Эренбург; его местонахождение неизвестно; печатается по копии, предоставленной Дж.Рубинштейном.

¹ Имеется в виду разгромное выступление Хрущева на собрании художественной интеллигенции в Кремле 8 марта 1963 г.

424. Е.Г.Полонская

<Ленинград, после 8 марта 1963>

Дорогой Илья

Сейчас читаю твои стихи «Был мир и был Париж. Краснели розы под газом в затуманенном окне как рана...»¹ и еще:

Быть может, это все еще хлопочет
 Ограбленная молодость моя?
 Я верен темной и сухой обиде
 Ее не пережить мне никогда
Но я хочу, чтоб юноша увидел
Простые и счастливые года.

Я тоже хочу этого и хочу я, чтоб ты перенес боль и отряхнул ее прочь. Я хочу увидеть тебя, ну хотя бы таким, каким встретила, когда ты приехал в Париж². В конце мая буду в Москве и позвоню по твоему телефону.

Поправляйся, выздоравливай.

Целую тебя,

твоя *Лиза*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр. 2056. Л.5. Ответ ИЭ на это письмо от 10 апреля 1963 – П2, №508.

¹ Здесь и дальше строки из первоначальной редакции стихотворения «Я помню – был Париж...»

² В начале 1909 г.

425. Б.А.Букиник

Киев, 11 марта 1963

Дорогой Илья!

Сегодня больше чем когда-либо хочется послать тебе слова самой теплой дружбы и любви.

Надеюсь на твою мудрость и прозорливость – этим сохранишь себя для нас...

Беспокоит меня твое здоровье.

Всегда твоя *Илон*¹.

P.S. Пожалуйста, передай от меня привет Розе².

Б.Б.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр. 1337. Л.2.

¹ Так ИЭ звал Б.А.Букиник, начиная с Киева 1918 г.

² Роза Михайловна Аринштейн – библиотечкарь, двоюродная сестра ИЭ по матери; после войны жила в Москве; Б.А.Букиник была дружна с ней в Киеве в 1920-е гг.

426. Я.Ивашкевич

Стависко, 12.III <19>63

Дорогой Илья Григорьевич –

Со времени нашей парижской встречи я много думал о Вас. Вы мне показались в Париже несколько уставшим и <нрзб> и я думал: не слишком ли мы много сил и времени тратим на такие вещи, как эта *table ronde*¹. Но потом мне показалось, что все же это хорошее дело и, если результаты этого минимальны, все-таки это стоит наших усилий.

Как Ваше здоровье? Я тоже хвораю вот уже другую зиму – и все себя чувствую не совсем хорошо. Это просто старость. Но я все-таки работаю и много пишу.

Моя жена часто вспоминает Ваш неожиданный визит в Стависко². Она кланяется Вам и просит передать сердечный привет Вашей супруге. Я жму вашу руку –

преданный Вам *Ярослав Ивашкевич*.

Я не знаю Вашего адреса!

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1610. Л.7. Письмо было направлено на адрес Союза писателей.

Родившийся в Киеве польский писатель, председатель Союза польских писателей Ярослав Ивашкевич (1894–1980) был знаком с ИЭ с 1920-х гг.; его воспоминания об ИЭ см. ВЛ, 1984, №1, с.194–201 (пер. и коммент. Б.Фрезинского). В дипломатичной форме письмо выражает поддержку ИЭ в пору резких на него нападок.

¹ Круглый стол (*франц.*). Имеются в виду международные общественные конференции «Круглый стол Восток-Запад», проходившие в

1950–60-е гг.; их сопредседателем и одним из главных инициаторов неизменно был ИЭ. Ивашкевич представлял Польшу на некоторых конференциях.

² Вспоминая встречи с ИЭ у себя дома в Стависко, Ивашкевич писал об этом визите: «В другой раз к нам – ко мне и моей жене – приехали на ужин Эренбурги вдвоем. Был темный вечер поздней осени. Их «европейский самолет опаздывал, и они вынуждены были ждать вылета в Москву до следующего утра. Весь вечер они просидели у нас. Тогда я познакомился с женой Эренбурга Любой (это было еще до моей поездки к ним на дачу). Она оказалась удивительно милой и интеллигентной особой. Она всегда как бы пряталась в тени своего великого мужа. Только теперь, за этим интимным разговором вчетвером, мы узнали, что Эренбурги – киевляне и что у нас масса общих знакомых времен нашей молодости» (ВЛ, 1984, №1, с.200).

427. М.В.Талов

Москва, 15 марта 1963

Дорогой Илья Григорьевич,

в это трудное для Вас время позвольте мне выразить чувство моей искренней симпатии к Вам. В то же время хочется сказать Вам, насколько нас – меня, жену и дочь мою – возмущают все те отвратительные наскоки, которым периодически Вы подвергаетесь, и только потому, что смело и стойко защищаете свои воззрения на то или иное общественное явление нашей жизни.

У Вас хватает мужества, чтобы отстаивать свою оценку того или иного произведения искусства, того или иного направления его, между тем как другие плетутся в хвосте событий. Вы искренне обнажаете свою душу, в то время как всякие временщики – имя же им ермиловы – прячут ее в глубоких складках своей изворотливой и пресмыкающейся совести, готовой продать себя первому попавшемуся потребителю за сорок серебряников, – благо в покупателях недостатка нет. А их ссылки на известные толстовские призывы «не могу молчать» довольно-таки затасканный и совсем не оригинальный прием всех наших «тартю-

фишек»¹. Но, оказывается, они-то, невинные, ничего «не знали» и поэтому имеют право «молчать». Позор им!

Я знаю: у Вас – сильная душа борца, чтобы нуждаться в слове утешения. Гораздо важнее – сознание своей правоты, уверенность в том, что Ваше слово давно уже пробило себе дорогу к сердцам людей и его никак и ничем не вытравить.

Желаю Вам выстоять и теперь, как Вы выстояли в более тяжелые дни.

С глубоким уважением

Ваш *Марк Талов*.

P.S. Прошу передать мой привет Любови Михайловне и Ирине Ильиничне. *М.Т.*

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр. 2211. Л.3-4.

¹ По имени ханжи и лицемера Тартюфа, главного героя одноименной комедии Мольера (1664).

428. Л.Б.Либединская

Москва, 16 марта 1963

Дорогой Илья Григорьевич!

есть на свете единственное чувство, которое помогает людям в самые горькие и трудные минуты. Это чувство – любовь. Мне хочется сказать Вам только одно: Вас любят люди. Они благодарны Вам за то, что Вы живете на земле.

Ваше имя сопровождает многие поколения советских людей всю их сознательную жизнь. Разве я забуду когда-нибудь, как мне, тогда шестилетней девочке, читал отец главы из «Хулио Хуренито»? Разве забуду я его смех, его восхищение? А пасмурный первомайский день 1944 года? Не было демонстраций и иллюминаций, скромные флаги бились на холодном весеннем ветру, – шла война. Не было традиционных примет праздника, и все таки был праздник, потому что в этот день с утра передавали указ о награждении Вас и диктора Левитана¹ орденами Ленина.

Это был подарок всему советскому народу, потому что ваши голоса слышал он ежедневно в прямом и переносном смысле этого слова.

Спасибо Вам! У меня пятеро детей, и мы, хотя и не знаем Вас лично, все любим Вас. Я пишу Вам не только от своего имени, но и от имени детей моих и их молодых друзей. Да, мы любим Вас и просим только об одном: берегите себя. Если бы Вы знали, сколько людей тревожатся сейчас за Вас, за Ваше здоровье. Так тревожатся только за самых близких людей, просыпаясь по ночам и забывая днем о самых важных делах.

Поберегите себя, у Вас впереди еще так много работы!
Пожалуйста, будьте здоровы!

Л.Либединская.

М.Лаврушенский 17 кв.37.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1810. Л.1. Лидия Борисовна Либединская (р.1924) – писательница, вдова писателя Ю.Н.Либединского.

¹ Юрий Борисович Левитан (1914–1983) – диктор Центрального радио, читавший все правительственные сообщения.

429. М.В.Юдина

Москва, 27.III – <19>63

Глубокоуважаемый Илья Григорьевич!

Я – с опозданием (– никак не могла раньше) приехала выразить Вам свою (и, разумеется, не только свою!..) чрезвычайную благодарность за то, что Вы есть и такой, как Вы есть... В «сочувствии» Вы не нуждаетесь, вероятно! Но – назовите сие – единомысленное сопереживание!

Ваша Юдина, Мария Вениаминовна.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. М.В.Юдина (1899–1970) – пианистка, профессор Института им. Гнесиных.

429а. А.Зегерс

<Берлин> Воскресенье, 25 апреля 1963

Дорогой Илья!

Мне бы хотелось еще раз увидеть тебя в Москве.

Я была огорчена, увидев тебя таким грустным и не имея возможности найти слова, чтобы тебя утешить. И, в особенности, мне было горько, что такой человек, как ты, столько сделавший и в годы войны и в мирное время для своей страны и для всего мира, должен страдать от таких нападков. Но как избежать их в нашей жизни – долгой, трудной, жесткой на пределе, страстной, полезной?

К сожалению, эта немецкая книга¹ – лишь половина того, что ты написал. Думаю, ты об этом не знал?

Обнимаю тебя и прошу тебя обнять Любу.

Твоя Анна.

Впервые. Перевод И.В.Щипачевой. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1586. Л.20-21.

¹ Видимо, речь идет о 5-й части ЛГЖ, в сокращении напечатанной тогда в НМ.

430. В.А.Горенко

Нью-Йорк, 30 апреля 1963

Cher monsieur Эренбург.

Извините за беспокойство, что пишу Вам, не имея удовольствия с Вами встретиться. Недавно в журнале «Новый мир» я прочитал, что Вы встречаетесь с дорогой Анной Андреевной <Ахматовой>.

Я видел ее последний раз в 1916 г. в Крыму. Несколько лет тому назад я дал одному ленинградцу мою визитную карточку; не знаю, передал ли он ее или нет; я послал ей мою фотографию в раме и три пары нейлоновых чулок; не знаю, получила ли она?

Не откажите в любезности написать мне и дать Ваш совет как поступить. Анна Андреевна мне родная сестра.

Уважающий Вас

Victor A. Gorenko.

1820 Brooklin avenue

Brooklyn 10 N.Y.

Впервые – ВЛ, 2002, №2. С.282 (там же напечатан ответ ИЭ и остальные 5 писем В.Горенко к ИЭ). Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1464. Л.1. Виктор Андреевич Горенко (1896–1976) – брат А.А.Ахматовой.

431. О.Ф.Берггольц

<Ленинград,> 5/V <19>63

Дорогой, дорогой Илья Григорьевич!

Простите, что так затянула высылку обещанных книг, – это с моей стороны неучтиво вышло, но я не виновата, – так сложились дела и дни.

Посылаю Вам «маленького Корнилова»¹, – хотела достать «большого», – да пока ничего не вышло.

Но и в «большом» нет многих вещей этого прекрасного поэта. Нет, например, драматической поэмы «Соль», написанной по рассказу Бабеля и все-таки являющейся самостоятельной корниловской вещью. На вечере его памяти, который я проводила в феврале этого года (почтили память его и всех людей его судьбы вставанием, а потом я запела и весь зал подхватил и спел его песню «Нас утро встречает прохладой») – на этом вечере студенты ГИТИСа сыграли, верней прочли, – в абсолютно свободной, условной форме «Соль», – впечатление и успех (если можно так плоско это назвать) – были невероятные. И действительно, удивительно освежающе прозвучали эти мощные, прямые, прямо-таки первозданные стихи, соединившие в себе блистание двух высоких, человеколюбивейших, жизнелюбивейших талантов!

Дураки композиторы – ведь это было написано как либретто оперы, и это могла бы быть опера – современной, высокая, ...впрочем, текст корниловской «Соли» –

только у меня, в книжке «Стихотворения» 1933 года. Никакими судьбами не удалось мне «провести» ее ни в большом однотомнике, ни в этом. Хочу предложить как публикацию в очередной «День поэзии», хотите – пришлю Вам машинописный экземпляр?

«Стиснув зубы, с железной решимостью», – как говорили в старину, заканчиваю 2 <ую> книгу «Дневных звезд», где в центре время и место, где я была рядом с К.К.Рокоссовским². Пишу все и пишу как хочу. Только бы «выдюжить» перед совестью, – остальное будет видно.

Низко вам кланяюсь, дорогой Илья Григорьевич, желаю здоровья и сил. Привет Любви Михайлоовне и Н.И.<Столяровой>.

Ваша *Ольга Берггольц*.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. С поэтессой О.Ф.Берггольц ИЭ подружился с конца Отечественной войны.

¹ Томик стихов мужа Берггольц, репрессированного поэта Бориса Петровича Корнилова (1907–1938), вышедший с предисловием О.Берггольц в серии «Библиотека советской поэзии» (М., 1963).

² Имеется в виду тюрьма, где после ареста находилась Берггольц; К.К.Рокоссовский находился в соседней камере.

432. А.Лану

<Париж,> 18 мая 1963

Дорогой Илья Эренбург, давно собираюсь поблагодарить Вас за Ваше любезное письмо по поводу издания Мандельштама. Это выдающийся писатель, которого мы, во Франции, знаем недостаточно (как и Александра Грина¹).

Можете оказать мне дружескую услугу, попросив издателя его сборника «Поэзия», который должен выйти в этом году², выслать мне экземпляр сразу после выхода? Мне представится, очевидно, возможность перевести отдельные страницы для радио.

Я заказал у Галлимара Ваши «Воспоминания». Сам я только что закончил большой роман «Когда море отступает», завершающий цикл, в который входят «Майор Ватрен» и «Свидание в Брюгге». Вскоре мне будет радостно послать его Вам, ведь я помню все, что Вы сделали для публикации моих произведений в СССР. От всего сердца желаю, чтобы работалось Вам радостно и шлю Вам слова моей крепкой и верной дружбы.

Жму Вашу руку.

Лану.

Впервые – ДП, с.710. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1777. Л.3. Арман Лану (1913–1983) – франц. писатель; ИЭ ценил его книги, в частности «Здравствуйте, мсье Золя» (1954). Ответ на письмо ИЭ от 7 февраля 1963 г. (см. П2, №505).

¹ Рассмотрение в «одном пакете» поэта О.Мандельштама и популярного романтического прозаика Александра Грина (1880–1932) и говорит о том, что Лану толком не представлял себе творчество ни одного, ни другого.

² Имеется в виду издание стихов О.Э.Мандельштама в большой серии «Библиотеки поэта», о котором ИЭ сообщил Лану и которое было сорвано из-за идеологических «похолоданий» в СССР.

432а. Н.Н.Хаяютина

<Пенза, май 1963>

Уважаемый Илья Ильич!¹

Извините, что беспокою Вас. Я хочу обратиться к Вам с одной просьбой. Дело в том, что я недавно прочла в Вашем журнале «Новый мир» пятый выпуск², и там нашла очень интересную для меня новость. Там Вы написали о моем отце³. Ведь прошло столько лет, и я не слышала о нем ни единого слова. Все о нем отзываются только плохо, а Вы не особенно казните его. Даже немного обелили, правда не совсем, но на какую-то долю и с меня сняли некоторую часть груза, который я ношу на себе уже 25 лет. Теперь я внесу ясность в свое письмо, чтоб Вы знали, кто

Вас беспокоит. Я, как ни странно, дочь Николая Ивановича Ежова, о котором Вы писали в своей статье⁴. Когда все случилось, меня увезли в пензенский детский/дом, где я прожила 10 лет. Я о нем никогда ничего не знала, но пережила очень многое. Если б я с Вами разговаривала, я бы рассказала Вам очень много и подробно, в письме всего не напишешь.

Из детского дома меня направили в ремесленное училище, после которого я 4 года проработала на часовом заводе. С завода я поступила в музыкальное училище, закончила его в 1958 году и уехала в Магаданскую область работать. Теперь я опять возвратилась в Пензу и работаю в детской муз. школе педагогом, а вечером в клубе веду художественную самодеятельность. Работой своей я довольна. Вот, вкратце, моя автобиография после 1938 года.

Вот сейчас только у меня возникла мысль написать Вам. Зимой я была в Москве и в справочном бюро узнала Ваш адрес, но вот зайти постеснялась, не знала, с чего начать, да и примете ли Вы меня?

Я Вас очень прошу об одном. Если Вы можете мне хоть что-нибудь написать об отце, может быть, Вы знаете, что с ним и снимут ли когда-нибудь с него обвинение, – напишите мне. Ведь у меня растет дочка, я не хочу, чтоб ей когда-нибудь заикнулись о ее дедушке, сказали о нем плохое. Я буду рада каждой Вашей строчке. Для меня это очень важно. Адрес: г. Пенза, Докучаева, 6, кв.7. Хаютиной Наталье Николаевне.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. На письме рукой ИЭ написано секретарю: «Ответьте: я никогда не знал Н.И.Ежова и не знаю, при каких обстоятельствах он погиб. Лично ей сожалею и т.д.». Н.Н.Хаютиной было отправлено следующее письмо: «Москва, 3 июня 1963. Уважаемая Наталья Николаевна, я лично не знал Николая Ивановича и ничего не могу добавить к тому, что я написал. Ничего не знаю и о его дальнейшей судьбе. Сожалею, что не могу ответить на Ваши вопросы. Желаю вам всего доброго. И.Эренбург» (копия – собрание составителя). Судьбе дочери Н.И.Ежова (1895–1940), бывшего в 1936–1938 гг. наркомом внутр. дел и чле-

ном Политбюро, посвящен рассказ Вас. Гроссмана «Мама» (1960), в котором она названа Надей Ежовой. Дочь Н.И.Ежова после его ареста в 1938 г. носила фамилию своей матери, жены Ежова, Евгении Соломоновны Хаютиной (Гладун; 1904–1938).

¹ Так в подлиннике.

² Имеется в виду «Новый мир» №5 за 1962 г., в котором продолжалось печатание 4-й книги ЛГЖ.

³ В напечатанной журналом под № 26 главе (теперь 28-я глава 4-й книги) ИЭ рассказывал о том, как 24 декабря 1937 г. приехал в Москву из Испании и в тот же день узнал от дочери и зятя о массовых арестах в СССР; объяснить происходящее ему никто не мог. «В тот же вечер мы уехали в Тбилиси. Я захватил с собой декабрьские газеты. Мирные статьи о труде, о достигнутых успехах иногда перебивались восхвалениями “сталинского наркома” Ежова. Я увидел его фотографию – обыкновенное лицо, скорее симпатичное...»

⁴ Имеются в виду мемуары «Люди, годы, жизнь».

433. А.К.Гладков

Ленинград, 22 июня 1963

Дорогой Илья Григорьевич!

Несколько дней назад послал Вам сборник, вышедший в Тарту, с интересными воспоминаниями о Блоке и Мейерхольде¹.

С В.П.Веригиной² я познакомился этой зимой. Она пришла в ленинградский Дом ученых на мою лекцию о Мейерхольде и даже сказала после несколько слов.

У нее написан целый том воспоминаний, но все мои попытки устроить его в печать не увенчались пока успехом³.

Упомянутый в ее мемуарах «студент Б» – приятель Блока – ее муж. С ним я тоже познакомился. И Волохова-«незнакомка»⁴ тоже живет в Лен<ингра>де.

Все связанное с Блоком и Мейерхольдом всегда интересно, а эти отрывки еще к тому же хорошо написаны.

Я – пока живу в Ленинграде. Вернусь в Москву в начале июля и буду звонить Наталье Ивановне <Столяровой>!

Будьте здоровы!

Привет Любовь Михайловне!
Жму руку.

Ваш Ал.Гладков.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ Труды по русской и славянской филологии. Т. IV. Воспоминания о Блоке. I. Е.М.Тагер. Блок в 1915 г. II. Театральные воспоминания о Блоке В.П.Веригиной и Н.Н.Волоховой. Тарту, 1961.

² Валентина Петровна Веригина (1882–1974) – актриса; ее творческое сотрудничество с Вс.Мейерхольдом началось в 1905 г.; по его рекомендации Веригина была приглашена в театр В.Ф.Комиссаржевской и играла в «Балаганчике» А.Блока.

³ В.П.Веригина. Воспоминания. Л., 1974.

⁴ Наталья Николаевна Волохова (1878–1966) – актриса, адресат цикла стихов Блока «Снежная маска».

434. А.С.Эфрон

<Таруса,> 3 июля 1963

Дорогой друг Илья Григорьевич! Я – тварь ужасно бессловесная, потому и не решалась писать Вам в эти дни¹. Трудно писать Вам, всё знающему загодя и без слов, знающему и то, сколько людей сейчас с Вами и за Вас. Вот и не пытаюсь что-то «выразить», а просто говорю Вам спасибо за всё, сказанное Вами, сделанное Вами, написанное Вами, за воскрешение и воскрешенных Вами. Спасибо Вам за Людей, за Годы, за Жизнь. За доброту, бесстрашие, целеустремленность, мудрость и талант, с которыми Вы боролись за то, чтобы люди стали Людьми, а жизнь – Жизнью. И дай Бог за это сил и здоровья, а остальное приложится.

Только сейчас вынырнула из полторагодового адова труда над маминой книгой (– черновики, беловики, варианты и то, что за их пределами) – и всё это сомнительного исхода ради. Вынырнула из бесконечных комментариев и примечаний о Прокрустах и Дантесах, а вынырнув, подумала: уж так ли они нуждаются в комментариях?

Мы с приятельницей, которой Вы помогли выбраться

из ссылки и получить реабилитацию², подписались на Ваше собрание сочинений и давно получили первый том³. Очень хотелось бы, чтобы Вы нам обоим его надписали, чтобы он стал еще более Вашим, чем у других подписчиков. Мы обе любим Вас, гордимся Вами и благодарны Вам, и Ваша griffe⁴ на книге доставила бы большую радость. Давно просила Наташу⁵ «подсунуть» Вам этот том, но она резонно отвечала, что Вам не до того и есть работы поважнее. Но надпишите всё же! Наташа нам передаст.

У нас дождь и холод и на огороде всё пропало, но розы перенесли всё и цветут невероятно. Зато огурцов нет и не будет. К обеду – розы на первое и шипы на второе.

Обнимаю Вас и Любовь Михайловну. Ада Александровна⁶ просит передать искренний, сердечный привет.

Ваша Аля (всегда Ваша и с Вами).

Впервые – А.Эфрон, с.228. Подлинник – собрание составителя.

¹ Имеется в виду мартовская атака Хрущева на Эренбурга и последовавший после «запрет» на него в печати, снятый лишь в августе 1963 г.

² А.А.Шкодина.

³ Первый том девятитомного собрания сочинений ИЭ вышел в 1962 г., второй, давно подготовленный издательством, был подписан к печати только в марте 1964 г.

⁴ Гриф (*франц.*).

⁵ Н.И.Столярова.

⁶ А.А.Шкодина; в письме имеется ее приписка: «4 июля Таруса. Дорогой Илья Григорьевич! Не буду повторять то, что уже сказано Алей, но не могу не прибавить и от себя, что все последнее время неотступно была где-то мысль о Вас, и мне хочется Вам сказать о своем бесконечном уважении к Вам, Вашему мужеству, принципиальности, справедливости. Я очень счастлива и горда, что мне привелось в жизни узнать Вас, видеть и даже слушать Вас на Вашем последнем юбилее! Все это навсегда останется в моей памяти! Желаю Вам как можно больше сил и бодрости, и верю, что будут новые радостные и светлые дни. С искренним и глубоким уважением и любовью Ада Александровна Шкодина».

435. Ж.Катто

Тулуза, 13 августа 1963

Дорогой Илья Эренбург,

Я только что завершил для издательства «Галлимар» перевод третьего тома Ваших мемуаров. Я дал этому тому название «Два полюса», оттолкнувшись от одного из Ваших образов (цитата Валери и размышления в посвященной ему главе¹), при противопоставлении капиталистическому разложению и губительному подъему фашизма – строительства коммунизма (первая пятилетка), имея также в виду два полюса, столь притягательных для Вас – Москва и Париж, и, конечно, очертив те полюса, о которых Вы говорите сами... Одним словом, Вы посмотрите, я сделал, что мог.

В процессе перевода у меня возникло несколько собственных соображений. Первое связано с Белым². Не верьте никому и не повторяйте, что Белого здесь не знают³. Мною написана большая работа о Белом, я посылаю Вам отпечаток того фрагмента, который был опубликован в журнале «Кайе дю монд рюс и советик». Я соотношу фантастические описания с социо-политическим фундаментом; для меня фантастическое у Белого, как и у Достоевского, Гоголя, самым тесным образом связано с крушением предреволюционного общества. Что вовсе не означает, как писал Сартр, что данные писатели – декаденты; к тому же, как пишете Вы по поводу Кафки, «каждый писатель имеет право на эксперимент». А кроме того, у меня есть близкий друг, работающий ассистентом на кафедре, который готовит о Белом диссертацию⁴. К тому же мы с ним намерены вместе осуществить перевод «Петербурга» (по изданию 1928 г., чтобы не пугать читателя антропософскими рассуждениями первого издания).

Второе соображение связано с Бабелем. После чтения Вашей главы, посвященной Бабелю, я окончательно решил (я давно раздумывал об этом, но пропавшие рукописи останавливали меня) так вот, я окончательно решил

писать докторскую диссертацию о Бабеле. Я ведь по профессии – преподаватель русского языка, окончил Высшую нормальную школу. Весь 1959 г. я провел в Москве, стажировался в МГУ. У меня среди русских много друзей, в том числе художников. Живопись – моя слабость. От живописи я без ума – еще больше чем от литературы. На выставке французской живописи <в Москве> в 1961 г. я представлял посетителям экспонаты раздела «Живопись и скульптура» – и вот мне, столь доброжелательно настроенному и человеку левых взглядов – я им был и остаюсь, – пришлось выслушать немало оскорблений, меня называли мистиком, путаником... но для меня это было впервые, я растерялся. Но вернемся к Бабелю: мне кажется, что он соединяет глубокую человечность, человеческую теплоту с чистым живописным рисунком; процитированные Вами отрывки из дневника очень экспрессивны: выразительное движение цвета, выражающее мысль человека. Бабель принадлежит к редким художникам, читая которых, забываешь о «кухне творчества» – настолько чиста и полна неистовства его форма (точный мазок, высокая мощная простота); суть столь человечна, столь далека от условностей, от литературности, что теряется ощущение, будто перед вами произведение искусства. А если конкретно, я был бы Вам признателен, если бы Вы сообщили мне, где находится этот дневник и что известно о его публикации. Вы меня поймете, невозможно писать серьезную работу о Бабеле, не прочтя, не изучив в деталях этот дневник. И почему бы Вам, так хорошо знающему Бабеля, не осуществить издание этого дневника!⁵

Если Вы хотите представить лицо пишущего Вам, попытайтесь вспомнить зимний вечер, когда я приходил к Вам в гостиницу (позабыл ее название), что находится возле галереи Маэт – по поводу правки по второму тому Ваших мемуаров, названному «Писатель в революции». Вы, очевидно, уже не помните, что я передал Вам тогда от издательства «Галлимар» книгу, отказавшись поставить на ней

свое имя, потому что я только редактировал (правда, очень существенно) перевод, сделанный первой переводчицей, которую я не знаю; в тексте редаKTура чувствуется. Благодарю Вас за то, что из третьего тома я узнал о книге Розы Бюшоль, посвященной Роберу Десносу⁶. Я очень люблю Десноса, и процитированный Вами сонет открыл мне много нового по сравнению с тем, что я знал на основании книжечки, вышедшей в серии «Поэты сегодняшнего дня» у Сегера⁷. На этот раз за перевод третьего тома я несу полную ответственность.

Итак, я прошу Вас, – чтобы я смог приступить к диссертации – сообщить мне, как можно отсюда, из Франции, получить этот дневник; может быть, надо приехать для этого в Советский Союз, можно получить от соответствующих инстанций фотокопию или микрофильм этого дневника? (В этом случае я обязуюсь не публиковать дневник раньше, чем получу на то разрешение, используя его только в целях научного исследования.) Заранее благодарю Вас и прошу Вас принять заверения в моих самых преданных и искренних чувствах.

Катто.

В СССР меня зовут Яков Павлович.

Впервые – ДП, с.705-707. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1666. Л.1-2. Жак Катто (р. 1935) – французский славист и переводчик, профессор Сорбонны. Ответ ИЭ на это письмо (3 сентября 1963) см. П2, №513.

¹ В ЛГЖ нет главы, посвященной франц. поэту П.Валери; речь идет о 18-й главе 3-й книги, посвященной встречам с писателями (не только французскими) в Париже в 1927 г., в частности и с Валери. Катто здесь имеет в виду цитируемые ИЭ слова Валери: «Порядок неизменно тяготит человека. Беспорядок заставляет его мечтать о полиции или о смерти. Это два полюса, на которых человеку равно неуютно».

² Имеется в виду 4-я глава 2-й книги ЛГЖ, посвященная А. Белому.

³ Назвав книги Белого, которые считал значительными, ИЭ написал: «Но эти книги не переиздаются, их не переводят, не знают ни у нас, ни за границей» – такое положение в СССР скоро стало меняться (в 1966 г. издали стихи А.Белого, в 1978 и 1981-м – обе редакции романа «Петербург»).

⁴ Речь идет о Жорже Нива.

⁵ Фрагменты Дневника Бабеля в СССР были опубликованы в 1965 г., полностью он напечатан в 1990-м.

⁶ Книгу бельгийского литературоведа Р.Бюшоль «Эволюция поэтики Робера Десноса» (1950) ИЭ упоминал в 19-й главе 3-й книги ЛГЖ. и цитировал по ней Десноса.

⁷ Пьер Сегер – франц. поэт и издатель поэзии.

436. Е.Г.Полонская

Эльва, 1 сентября <19>63

Дорогой Илья,

меня обрадовала твоя речь на съезде писателей в Ленинграде¹. Ты сказал то, чего я ждала, и еще больше обрадовало то, что ты чувствуешь себя достаточно хорошо, чтобы приехать в Ленинград и выступать. В последние месяцы я очень беспокоилась за тебя, так как пошел слух, что ты тяжело заболел. Ты очень долго не отвечал мне на мои письма, может быть, глупые, но искренние. Потом ответил так странно и кратко, как отвечает умирающий, которого тормозят близкие люди. Но я и за эти строки была благодарна, хотя, прочтя их, огорчилась. Решила не писать тебе больше, и вот пишу.

Сейчас в Эстонии чудесная осень, еще без признаков старости – только рябинка краснеет между высокими стволами сосен. Цветут флоксы, белые и лиловые, горят в траве настурции. Небо синее, без единого облачка. Даже белые капустницы бабочки порхают, воображая себя в апреле. Тепло, солнечно. Я пробуду в Эльве до 7-го сентября, а потом на машине в Ленинград. В середине сентября буду в Москве, вернее в Люберцах, у Наташи². Может быть, ты не забыл ее. Мы поддерживаем еще парижскую дружбу, встречаемся уже, страшно сказать, – с 1908 года. Она в этом году потеряла мужа, но держится молодцом. Если захочешь повидаться со мною, напиши мне в Ленинград.

Береги себя.

Твоя Лиза.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр. 2056. Л.8-9.

¹ Имеется в виду выступление ИЭ на сессии Руководящего Совета Европейского сообщества писателей в Ленинграде 7 августа 1963 г. ИЭ отказался участвовать в работе сессии, и его приезд в Ленинград стал возможен только после полуторачасового разговора в Кремле с Н.С.Хрущевым 3 августа 1963. Ленинградское выступление ИЭ было напечатано в ЛГ 13 августа 1963 под заголовком «Отстаивать человеческие ценности» (первая его публикация в СССР после марта 1963 г.).

² М.Н.Левина (Киреева).

437. М.Е.Воловик

22/IX <19>63

Уважаемый Илья Григорьевич!

Извините, что я обращаюсь к Вам с несколько необычной просьбой.

Вы много лет прожили во Франции и, наверное, не могли не встречать еврейского художника из России Воловика Лазаря Осиповича. Дело в том, что это мой родной дядя по отцу.

Отец мой очень стар, болен. Какая-нибудь весточка от брата могла бы поддержать его.

Лет 5–7 назад отец был у Вас. Вы были в отъезде, и он говорил с кем-то из Ваших близких. Кажется, они показали ему несколько картин Лазаря из Вашей коллекции.

В каталоге выставки современного французского искусства в 1928 г. на стр.58 упоминается Воловик Лазарь, представленный двумя картинами: «Карлик» и «Рыбы».

Вот и все, что я знаю о дяде.

Если Вам что-либо известно о нем, его местожительство, о людях, которые его знают или знали, убедительно прошу написать мне несколько строк.

С большим уважением

Воловик-младший Марти Ефимович.

P.S. Кстати, а может быть, вас заинтересует письмо Ко-роленко к моему отцу?

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1389. Л.1.

С родившимся в Кременчуге художником Лазарем Воловиком (1902–1977) И.Г. и Л.М.Эренбурги познакомились в Париже в 1920-х г. и неизменно общались. В 1930 г. Л.Воловик женился на Л.З.Гржебиной, дочери русского издателя.

438. И.С.Исаков

<Москва,> 5. 11. <19>63

Илье Григорьевичу!

Дорогой Эренбург!

(фамильярность от любви, не от фамильярности)

Если бы начал писать в 20–25 лет, то послал бы Вам за Хулио, Курбова и пр.

С 35 лет – за «13 трубок».

В 40–50 лет – не смел беспокоить, хотя любил.

В 70 лет – бесцеремонность мужает. Вернее – костенеет. Поэтому простите.

Знаю, как и чем заняты помимо литературы.

Сейчас один вопрос, если сумеете прочесть за ночь, в вагоне, в самолете.

В чем моя ошибка?

Хотел героем сделать толпу, очередь.

10 отзывов – «как вам удалась терзания старпома». А я его хотел попользовать только второстепенной фигурой, «фоном» – чтобы выпятить очередь, толпу. Над ним даже особенно не работал.

В чем просчет?

Верю в Вас как в Аллаха литературы.

Вопрос не праздный, т.к. написал второй рассказ, с героем – толпой (экипаж корабля); в котором «герои» – пешки, даже из их среды. Сила в братстве экипажа.

Но в чем я просчитался в «Пастушке»?

Ваш Исаков.

Москва – Г99.

Смоленская наб. 5/13 кв.120. Иван Степанович Иса-

ков: тот самый гросс-адмирал с одной ногой. Но должен же кто-то написать о героической <1 слово нрзб>.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1626. Л.2. С адмиралом флота СССР И.С.Исаковым ИЭ познакомился в годы войны. Исаков прислал ИЭ журнал «Москва» (№11, 1963 г.) с рассказом «Две тысячи двести и одна», который ИЭ понравился (см. П2, №534, 539).

439. Е.Г.Полонская

<Ленинград,> 28 ноября 1963

Дорогой Илья.

Посылаю тебе оттиск из журнала, где напечатаны мои воспоминания о Зоценке¹. Не читай вступительной статьи. Это – дань академизму. Можешь не смотреть и библиографии, она тоже нужна для порядка. Прочти три очерка, это отрывки из моих воспоминаний, которые пока не вышли, и я не знаю, когда и где выйдут. Но мне хотелось показать их тебе.

Читала в газете, что ты едешь в Варшаву на какое-то мероприятие². Желаю тебе доброго пути! Знаю также, что ты получил верстку пятой книги³. Значит, она скоро должна выйти. Жду с нетерпением, чтобы прочесть еще раз. В отдельной книге все выглядит по-иному, чем в журнале.

Получил ли ты воспоминания Наташи (Марии Киреевой) о Париже?⁴ Она обещала прислать их и мне. Отрывки из них я слышала в Москве.

Смерть Кеннеди⁵ очень меня огорчила. Видишь, дама История легко переходит с фарса на трагедию.

Целую.

Твоя *Лиза*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2056. Л.14.

¹ Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1963, VI, вып. 139. Публикацию воспоминаний Полонской организовал Ю.М.Лотман, с которым она дружила. ИЭ писал Полонской о ее воспоминаниях: «Они мне очень понравились, они близки мне не только по отношению к Зоценке, но и по тону, который ты взяла» (П2, № 543).

² Такая поездка составителю неизвестна.

³ Ошибка. В ту пору ИЭ получил верстку отдельного издания 3-й и 4-й книг ЛГЖ, сданных в набор еще осенью 1962 г., но подписанных в печать лишь в декабре 1963 г.

⁴ Парижскую главу своих воспоминаний М.Н.Левина (Киреева) послала ИЭ в октябре 1963; прочитав воспоминания, он ответил: «Они понравились мне, я прочитал их сразу, не отрываясь. Многое вспомнилось и с удовольствием и с печалью». После смерти ИЭ Киреева переработала парижскую главу, большую ее часть посвятив Эренбургу (см. ВЛ, 1982, №9, с.144-157, публикация и комментарий Б.Фрезинского).

⁵ Президент США Дж.Ф.Кеннеди был убит в Далласе 23 ноября 1963 г.

440. Вяч.Вс.Иванов

<Москва,> 31/XII <19>63

Дорогой Илья Григорьевич,
сердечно поздравляю Вас с Новым Годом и желаю Вам, чтобы будущий год был несравненно приятней предыдущего.

В 25-летнюю годовщину гибели О.Э.Мандельштама – 27 декабря – я был у Надежды Яковлевны <Мандельштам> в Пскове, и она тепло о Вас вспоминала.

Ваш *В.Иванов.*

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1606. Л.3. Вяч.Вс.Иванов (р.1929) – лингвист, литературовед, теперь академик РАН, сын писателя Вс.Иванова.

В ФЭ сохранились форзацы двух книг, которые Вяч.Вс.Иванов послал ИЭ после скандальных мартовских нападок Хрущева с такими дарственными надписями: 1) Илье Григорьевичу Эренбургу с чувством глубокого уважения от автора напечатанного как послесловие к этой книге очерка истории хеттов, где описываются нравы одного из дворов Древнего Востока. В.Иванов. 11/III 1963» и 2) Глубокоуважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу с благодарностью от всего сердца за четверостишие, кончающееся строкой «Большие сумерки Парижа», которое я повторяю уже много лет, и за прекрасную главу об

Андрее Белом в воспоминаниях от автора напечатанной в этом сборнике статьи о стихотворном переводе, где сделаны попытки продолжить стиховедческие опыты Белого и давно начатый «Разговор о Данте». Вяч.Иванов. 11/III 1963.

441. С.Фотинский

<Париж, 1963>

Дорогой Эренбург.

Я был очень рад, получив от тебя письмо. Глупо и досадно, что мы не могли встретиться несмотря на то, что ты все время бываешь на границах и был даже (одно слово нрзб. – БФ) головой. Живу, как всегда, работаю, выставляюсь иногда, но иногда, читая газеты или слушая радио, начинаю беспокоиться, не зная, чем все это кончится. А кто знает?

Как ты воображаешь Париж сей во всей своей красе и даже не хочется его оставлять для вакансов¹.

Если увидишь моих родных, скажи им, что покамест все благополучно, собираюсь устроить в этом году свою выставку.

Передай Любе, что я совершенно отошел от импрессионизма и приблизился к неоexpressionismу. Когда устрою выставку, пришлю Вам каталог.

Лиана тебе очень кланяется, передай сердечный привет и поцелуй от нас Любе. Кланяйся Ирине, милому Лидину. Савичам.

Обнимаю тебя,

твой *Фотя*.

Впервые – Русские евреи во Франции. Кн.2. Иерусалим, 2002. С.201-202. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2303. Л.7.

¹ Т.е. каникул.

1964

441а. Дж.Стейнбек

<США,> 13 января 1964

Дорогой Илья!

С запозданием выражаю свою признательность за отличный завтрак и интересную беседу во время нашего визита¹. Мы, конечно, постоянно слышали о Вас, но только по газетам. Увидеться с Вами снова было очень приятно, и, надеюсь, это не в последний раз. Во время этой поездки по Советскому Союзу мне хотелось провести с Вами больше времени, но Вы, видимо, знаете, какой насыщенной была программа: мы были заняты с раннего утра до позднего вечера. Относились к нам прекрасно – любезно и предупредительно, но буквально загоняли до смерти. Но и это приятно. Еще раз благодарю и желаю Вам и Вашей жене всего наилучшего в наступившем году.

Искренне Ваш

Джон.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2192. Л.1. С американским писателем Дж.Стейнбеком (1902–1968) ИЭ познакомился в США в 1946 г., затем встречался в Москве в 1948-м (о встречах со Стейнбеком ИЭ рассказал в 6-й главе 6-й книги ЛГЖ). Ответное письмо см.: П2, №538.

¹ Стейнбек с женой приезжал в СССР в конце 1963 г.

442. Т.М.Литвинова

Москва, 3 февраля 1964

Дорогой Илья Григорьевич,

Спасибо за то, что дали мне почитать «дипломатическую» главу¹ до печати. Читать ее было и сладко и горько, потому что, конечно, я не могу быть бесстрастным читателем. Вот, впрочем, мои реакции «в порядке поступле-

ния», а уж Вы сами отметьте вздорное и «дочеринское» или претенциозное.

Очень нравится начало и вся композиция главы.

Но: 1) он был молчалив все же по природе, а не по «обстоятельствам и характеру работы». Обычно в быту он никогда не был зачинщиком разговора, а если и начинал, то не «непосредственно», в потому что решил что-то сказать. А так – все больше реплики на сказанное ему, даже, вернее, не на сказанное, а на то, что вы хотели (или, напротив, не хотели!) своим монологом сказать. Нет, он был молчалив органически и эти «гены» передались моему брату, Мишке² – и это не тягостное для окружающих молчание, не безучастность в разговоре, а какое-то удивительное (для меня) отсутствие потребности в словах. Скорее «разговорчивость» его была дипломатической. Мама говорит, что вспоминает его всегда с плотно сжатыми губами (для меня его рот неотделим от усмешки, и саркастической и добродушной вместе; выпяченная нижняя губа). Когда он стал полпредом в Англии³, Манчестер Гардиан его описала, как «коренастого и болтливого нового посла», и мама тогда же сказала: теперь я вижу, что газетам нельзя верить.

2) «в своей области крупным человеком» – думаю, что не так. О масштабах трудно судить современникам, тем более родственникам, но что он был чрезвычайно своеобразной личностью и потому наложил отпечаток на «свою область», я уверена. А так получается, что он «крупный специалист» – что-то вроде бухгалтера по иностранным делам. Он был создателем определенного «стиля», правда, «в своей области», но только личность, по-моему, способна создать стиль в какой бы то ни было области⁴.

3) (стр.326) Уютная смерть в собственной постели от болезни, именуемой в медицине «инфарктом», что в переводе на человеческий язык означает «разбитое сердце», не была такой «естественной», как кажется. Он был создан природой для долголетия, как Черчилль⁵ (на которого физически, по фотографиям несколько походил). Я обтирала

его губкой через день, когда он лежал в последней болезни, и поражалась свежести и гибкости его кожи, непопущенностью ее. Страсти в нем не начали угасать, ум был деятелен по-прежнему. Старческий эгоизм и безучастность к окружающим не завладели им. Сердце же его было испорчено с молодых лет; еще в тридцатых годах (начале?) какое-то берлинское светило отвело Крестинского⁶ в сторону и сказала ему, что с таким сердцем, как у М.М., «жить нельзя» – а он жил, – и как! – и мог бы еще жить с этим сердцем, к которому, видно, приспособился. Он умер от того, что оказался ненужным. Во что он верил до конца? Я думаю, в возможность совершенствовать отношения между народами, в «борьбу за мир», иначе говоря, в «прогресс». Он верил в могучую силу разума, логики, и при всем его скептицизме (почти цинизме, подчас) конечным мерилom его было «благородство». Только к двоим из государственных деятелей он применял эпитет «благородный» – к Ленину и Рузвельту⁷. (Nб: последний, впрочем, «предал», по его мнению, интересы своей страны – в Ялте. Он говорил Слону⁸, я не слышала.)

Мне не очень нравится стилистически предложение во 2-м абзаце стр. 326. Не говоря о том, что «никогда не был арестован» – неточно, ибо он до революции бывал неоднократно и в разных странах «арестовываем». М.б.: так и не был арестован?

Предложение о «дочке Тане» мне кажется не на месте – честное слово, не потому, что это я – напротив, мне лестно жить в Ваших мемуарах, в любом качестве! – но просто здесь, мне кажется, я мешаю логике Вашей мысли. Вы хотите противопоставить миролюбивую внешность, «добродушие» – его полемичности и запалу. При чем же между этими двумя антитезами «дочка Таня». Может быть, ее туда, ближе к «семьянину»?

Nб: его привлекали не приключенческие фильмы (wild west⁹), а скорее мелодрама в кино.

Кстати, о внешности «семьянина» – не даром ему, еще

задолго до того, как он обзавелся семьей, была дана партийная кличка «папаши», к сожалению, оскверненная тем, что впоследствии в народе эту кличку привязали к Сталину.

БОЛЬШОЕ СПАСИБО, Илья Григорьевич за то, что Вы восстанавливаете авторство «неделимости мира» – эта формула у нас после Сталина стала произноситься без малейшего намека на источник, равно как и «определение агрессора».

стр. 327/28

Абзац с Титом¹⁰ очень интересный, но (может быть, это тупо с моей стороны) мне показалось, что он выиграл бы если бы его немного перекомпоновать: начать со встречи возле музея (отец, конечно, судя по топографии, направлялся из «кремлевки») – а записью о Тите – кончить). Впрочем, наверное, здесь я не права. Как переводчик, я всегда озабочена тем, чтобы сделать текст как можно «доходчивее» для читателя сразу. А Вам, вероятно, захотелось немного замаскировать иронию этой реплики «конечно, Сталина». Зато вот где я права:

Трумэн¹¹ } – невольно рифмуется в глазу
 } – не умен

Почему Вы пишете ЦСКК? Мы называли это заведение просто: ЦК. А револьвер был не только «в течение долгих лет», а до предсмертной болезни.

стр.329 маленькая неточность, но важная для характеристики папиного лексикона (в некоторой степени связанного с чтением белоэмигрантских газет; до начала тридцатых годов я их помню: «Руль» и... не помню!): он сказал не «организовывать», а «декретировать» искусство.

Что значит – «заялся делами дома»? по хозяйству? или сидел дома и занимался делами? Он, в самом деле, сидел дома, разбирал архивы, перебирал книги. Однажды, года за два или за год до смерти, он возился с «общими» книгами в столовой, переставляя их, и – молчаливый человек! – разговаривал с собою. Я проходила мимо и услышала: «да,

много им будет возни!» – Кому? какой возни? – я спросила. – Да вот, когда вам придется переезжать отсюда, без меня.

Мысль о смерти преследовала его неустойно. Он был мужественный, физически храбрый человек, но боялся смерти ужасно. Может быть, поэтому он столько ел и так любил смеяться? ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ! ОН У ВАС СЛИШКОМ НЕ УЛЫБЧАТЫЙ – А БЕЗ СМЕХА ОН НЕ МОГ ЖИТЬ – ЭТО БЫЛО НЕ ВЕСЕЛИЕ ДУХА, А ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ПОТРЕБНОСТЬ У НЕГО СМЕЯТЬСЯ (ОН БЫЛ МРАЧНЫЙ ХОХОТУН). ПОЖАЛУЙСТА, ДАЙТЕ ЕМУ УЛЫБКУ!

Переход к Якову Захаровичу <Сурицу>¹² очень хорош и естественен, и не только потому, что «так оно и было», но потому, что обусловлен внутренней логикой тоже (так же, как смерть Коллонтай, через месяц. Ее могила – рядом с папиной). Вообще, мне «Суриц» больше нравится, чем «Литвинов» – теплее. Это – больше с грустью, чем с укором, Вы ЯЗ знали ближе, он был непосредственнее, и формация его была понятная. К тому же это – Ваши мемуары, хотя и мой отец. Так я уговариваю себя. На самом деле мне все же жаль, и мне кажется, что некоторая сухость подачи у Вас не выражает Вашего личного отношения (непосредственного, т.е. художественного) к моему отцу, а всего лишь некоторую скованность в подходе к теме. Я вижу обаяние (не как дочь, а как наблюдатель) фигуры моего отца в его сложности – сочетании силы и слабости, жизнелюбия и пессимизма, скептицизма и идеализма, оригинальности ума и «обывательщины», сухости-замкнутости и еврейской эмоциональности. На похоронах какая-то женщина, уборщица, подошла к гробу, поклонилась и сказала: «спасибо ему, спасибо». Мы спросили – за что? – думали, он оказал ей когда-нибудь благодеяние, выхлопотал комнату или еще что. «А так, – сказала она, – говорят, хороший был человек».

Нужен ли глагол «была» в 4-ой снизу строке на стр.331?

Ради бога простите мою графоманию, или просто не читайте, а я не могу не писать – столько разбужено!

Зрительный портрет Сурица мне кажется неточным – разве у него была «маленькая острая борода»? Вы забыли эти знаменитые усы, которые он подсасывал! Одной из любимых домашних «гнусностей» отца было рассказывать о том, как «Суриц ест простоквашу» и изображать звукоподражательно слизывание остатков с бороды и усов. Вот, я не настаиваю на простокваше, но усы! И брови – разве у Сурица не были могучие брови? А так он получился «под Ленина», с малой острой бородачкой.

Фраза о «гипертонии» – прелестна!¹³

И вообще, все хорошо, дорогой Илья Григорьевич! Только грустно.

Грустно, что Вы не можете увидеть моими глазами, как папа макает белые корешки зеленого лука – сперва в сметану, потом в соль и потом заносит себе в рот, – как он вкусно хрустит и как ни за что не ответит на вашу реплику в этот момент, пока все не дожует до конца. Что бы вы ни сказали!

Нет, я не это хотела сказать. А вот что: когда он лежал больной, умирающий, с закрытыми глазами и мама его спросила, дремлет он или думает, он ответил: «я вижу карту мира». Он был одержим «своей темой», как художник. И еще, по его словам, они (ленинцы) шли на революцию как на благородный риск, готовые к гибели и неудаче. Одно, чего они не могли представить себе до конца, это ее удачи, этой ее роковой удачи. При отце рассказывали анекдот о братьях Васильевых, которые будто бы сказали, что если бы они могли предвидеть такой успех «Чапаева», они постарались бы сделать его лучше. Отец сказал: «вот и мы так».

Все, вернее: хватит! И не сердитесь на Вашу *Т.Литвинову*.

P.S. У него были самые красивые голубые глаза на свете, в минуту эмоции лиловеющие, но из-за очков мало кто это знал.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1820. Л.7-12.

¹ 29-я глава 6-й книги ЛГЖ, посвященная М.М.Литвинову и Я.З.Сурицу; многие из замечаний и поправок Т.М.Литвиновой ИЭ учел в работе над этой главой.

² Михаил Максимович Литвинов (р.1920) – инженер-математик, сын М.М.Литвинова.

³ Находившийся в 1917 г. в Англии Литвинов был сразу же после Октябрьской революции назначен полпредом; в августе 1918 г. после ареста в Москве английского посланника Р.Г.Б.Локкарта Литвинова арестовали и затем в обмен на Локкарта выслали из Англии.

⁴ Этот раздел письма переписан на отдельном листке так: «Что-то есть уклончивое, а главное, «взаимо-исключающее» в формуле: «в своей области крупный человек». Был ли он крупным человеком? Вы не решаетесь это утверждать и поэтому прибавляете: «в своей области». Получился: бухгалтер по иностранным делам. Конечно, о масштабах современника судить трудно, а когда этот современник – близкий человек, еще труднее. Но, может быть, не это следует определять? Все дело в том, мне кажется, что он был личностью, чрезвычайно своеобразной и потому создал свой «стиль» – а этого не было бы, если бы он был просто способным и знающим и даже крупным «международником» (Л.8).

⁵ Уинстон Черчилль (1874–1965) – премьер-министр Великобритании в 1940–1950-е гг.

⁶ Николай Николаевич Крестинский (1883–1938, расстрелян) – посол в Германии в 1921–1930 гг.

⁷ Франклин Делано Рузвельт (1882–1945) – 32-й президент США.

⁸ Имеется в виду И.Л.Слоним – скульптор, муж Т.М.Литвиновой.

⁹ Дикий запад (англ.).

¹⁰ Тит (39–81) – римский император; совет «перекомпановать» изложение этого сюжета ИЭ не принял.

¹¹ Гарри Трумэн (1884–1972) – 33-й президент США.

¹² Я.З.Суриц (1882–1952) – дипломат, сов. посол в Германии, Франции и т.д. На полях письма имеются две зарисовки Сурица с подписями: 1) Не помню, как росли волосы и 2) Кажется, красивые миндалевидные глаза?

¹³ Имеется в виду фраза о Сурице: «В последние годы он страдал гипертонией и порой выходил из себя – говорил то, что думал».

443. С.Р.Добровольский

Варшава, 20 февраля 1964 г.

Дорогой Мой:

Большое спасибо за письмо.

Удалось мне недавно познакомиться в Польском Радио с эпизодом Твоих воспоминаний, где пишется о нашем совместном путешествии в Москву в 1947 году¹. Очень забавно: смеялся до упаду.

Я не знаю до сих пор кулисы этой истории и фантастического путешествия из Бреста в Москву. Только знал то, что Ты мне рассказывал во время нашей встречи в гостинице Алерон в Праге несколько лет тому назад². Поэтому трудно мне сейчас что-нибудь исправлять³.

Одно могу сказать: Кручковский⁴ был в 1947 году Вице-министром Культуры и Искусства, а не Министром просвещения.

Это все. Остальное может остаться так, как есть.

*Si non è vero, è ben trovato*⁵.

Жму Твою руку и шлю сердечный привет Твоей Жене.

St.R.D.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1518. Л.17. Станислав-Рышард Добровольский (1907–1985) – польский поэт.

¹ Поездка в Польшу 1947 г. описана в 14-й главе 6-й книги ЛГЖ.

² Рассказав в ЛГЖ про муки советской делегации, которая везла поездом из Варшавы в Москву польских писателей, не имея ни копейки денег, ИЭ написал: «Два года спустя, подружившись с Добровольским, я рассказал ему, что пережил, когда он заговорил <в вагоне> о превращении пустых бутылок в полные. Он долго смеялся: “Да ведь это чисто польская история...”».

³ ИЭ послал Добровольскому 14-ю главу, прося его исправить неточности.

⁴ Леон Кручковский (1900–1962) – польск. писатель и гос. деятель.

⁵ Если это и не правда, то хорошо придумано (итал.).

444. В.А.Каверин

<Москва, 27 марта 1964>

Дорогой Илья Григорьевич!

Посылаю Вам Вашу речь о Тынянове. О сборнике¹ говорил с Косолаповым². Он очень заинтересован, обещает включить в план 1965 года.

Кроме воспоминаний, в сборнике будут опубликованы автобиографические рассказы Ю.Н.<Тынянова>. Мы нашли их в архиве. Посылаю Вам свой многострадальный второй том. И поздравляю с выходом Вашего второго³. В гослите у всех было по этому поводу приподнятое настроение, а Ваша личная редакторша⁴ торжествует.

Ваш *В.Каверин*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1634. Л.4

¹ Речь идет о подготовке к изданию Кавериным сборника воспоминаний о Ю.Н.Тынянове, для которого ИЭ обещал написать о Ю.Н.; текст речи ИЭ на вечере памяти Тынянова в 1953 г. Каверин прислал ИЭ, чтобы он мог его использовать в этой работе. В итоге в 1965 г. воспоминания о Тынянове ИЭ написал, они вошли в сборник «Юрий Тынянов – писатель и ученый» (М., 1966, серия «ЖЗЛ»), и стали 16-й главой 5-й книги ЛГЖ.

² Валерий Алексеевич Косолапов (1910–1982) – директор Гослитиздата.

³ Имеется в виду выход из печати задержанного с 1962 г. тома 2 Собр. соч. ИЭ (резкое письмо ИЭ Косолапову в связи с этой задержкой – см.: П2, №517).

⁴ И.Ю.Чеховская – редактор Собрания сочинений ИЭ.

445. Е.А.Гнедин

<Москва, март 1964>

Дорогой Илья Григорьевич!

Позволяю себе поднести Вам оттиск статьи о судьбах европейского наследства¹ как в знак глубокого уважения Вам и привязанности, так и по некоторым личным причинам.

Однажды в годы войны я в лагере², прислонясь к мокрой сосне, к которой был прикреплен репродуктор, слушал Ваше выступление и навсегда запомнил, как Вы призывали к безотказной патриотической борьбе в защиту советской Родины и против фашизма словами о значении европейской культуры для прогресса человечества.

Ваш

Е.Гнедин.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1443. Л.3.

¹ *Е.Гнедин.* Судьба европейского наследства // Новый мир, 1964, №1. С.202-222.

² В 1939 г. Е.А.Гнедин был арестован и осужден; реабилитирован в годы оттепели.

446. А.Т.Твардовский

<Москва,> 19 мая 1964

Дорогой Илья Григорьевич!

Я еще раз перечитал главу, посвященную Фадееву¹, и, к сожалению, решительно не считаю возможным ее опубликование в «Новом мире». Мотивы свои я высказал Вам на словах², могу лишь повторить здесь, что Фадеева Вы, конечно, не желая того, рисуете в таком невыгодном и неправильном, на мой взгляд, свете, что, напечатав ее, я поступился бы дорогой для меня памятью друга³ и писателя. Это же относится и к отдельным строкам о Фадееве, разбросанным там-сям в рукописи (стр. 243, 285, 358, 418).

Предложенная Вами «связка», которую Вы заключаете в скобки на стр.187, соглашаясь опустить главу, не может быть принята⁴, – это немислимое дело – указывать, что здесь опущена глава, которая не нравится редактору журнала, – это курам смех.

Подумайте и Вы еще раз, Илья Григорьевич, о том, как выйти из этого затруднительного положения.

С уважением *А.Твардовский.*

Впервые – А.Твардовский. Собр. соч. Т.6. М., 1983. С.220. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2219.

¹ Глава 18-я 6-й книги ЛГЖ, на рукописи которой Твардовский написал: «Ох, нет, это не Фадеев».

² 31 марта 1964 г. при встрече в редакции «Нового мира».

³ Близкая дружба Твардовского с Фадеевым резко оборвалась в 1956 г.; в «Рабочей тетради» Твардовский записал об этом: «Последние годы я уже только сохранял форму вежливости в отношении старой дружбы, а ее уже не было, и была ли она доподлинно, – трудно сказать» (Александр Фадеев. Письма и документы. М., 2001. С.335). Характерно, что за день до самоубийства Фадеев говорил Э.И.Шуб, что самые интересные и близкие ему люди его поколения умерли; интересны ему лишь люди старшего поколения: Маршак, Эренбург, Федин, Сарьян (см.: Александр Фадеев. Письма и документы. М., 2001. С.343-344).

⁴ Глава о Фадееве в «Новом мире» напечатана не была (впервые опубликована в издании ЛГЖ. Книги 5 и 6. М., 1966); в новомировском тексте была дана измененная ИЭ и неубедительная «связка»: «Я... написал об Александре Александровиче. Эту главу, как и некоторые другие страницы, я решил отложить до выхода книги отдельным изданием. Хочу, чтобы читатель, знакомясь с этими страницами, имел перед собой текст всей книги в целом» (НМ, 1965, №2, с.44-45).

447. О.Г.Савич

<Москва, апрель-май 1964>

Дорогой Илья Григорьевич!

Помимо Данина¹ твою рукопись читали его жена, старший редактор «Знамени» Разумовская² и Ф.Вигдорова. Обе (не зная, конечно, друг про друга) в основном заявили одно и то же: бесконечно интересно, никакого спада, но оценка Сталина неприемлема сегодня. После всего происшедшего и ставшего известным непонятно, как Эренбург может писать, «целя уму и волю Ст<алина>» (стр.425), что противоречит даже фразе «наш народ все равно строил». Если Раскольников в 1939 г. (и видимо раньше) все понимал³, как следует из его письма Сталину, которое теперь все читают, то как же не понимал Эрен-

бург? Но если даже непонимание принять, то итог невозможен, тем более что непонимание и сомнения все равно удивляют. Где-то сказано: плохие средства ведут к плохой цели. Как же не отнести это к Сталину? Лучше ничего не писать о Ст<алине>, чем полуоправдывать его сегодня. Мы все равно не знаем, что скажет история, но сегодня это звучит неприемлемо. (Оговорюсь на всякий случай: обе – твои горячие поклонницы. Кроме того, думаю, что сам Данин тоже этого мнения, но не сказал, п.ч. 1) стеснялся, 2) его об этом не спрашивали.)

Из мелочей: 1) вычеркнуть из списка Кирпотина: до того, как его объявили космополитом, он оч<ень> жестоко травил других⁴. 2) не надо укорять Сартра по поводу Венгрии – он был прав⁵. 3) «...я понял, что «9 вал» был ошибкой» – тут и оборвать⁶.

Я сам просмотрел рукопись, но, видно, мне уже трудно судить после I варианта. Кроме того, по возрасту я близок к тебе, а не к ним, а сейчас – самые непримиримые моложе нас (хотя Разумовской около 60, а Вигдоровой – 50). Отвечаю лишь за то, что нет спада, что увлекательно, как раньше; Ст<алин> не объяснен и потому неубедителен, а декларативен, это я говорил уже.

Когда я сказал В<игдоровой>, чего от тебя хотят, она сказала: на это идти нельзя (в основном это – о космополитизме).

Твой всегда *Сава*.

Никто не понимает, почему Твард<овский> не хочет Фадеева⁷.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Писатель и переводчик Овадий Герцевич Савич, с начала 1920-х годов ближайший друг ИЭ, был первым читателем рукописи ЛГЖ.

¹ Данин Даниил Семенович (1914–2000) – писатель, историк науки.

² Софья Дмитриевна Разумовская (1904–1981) – редактор.

³ Антисталинское письмо Раскольниково было написано 17 августа 1939 г., после того, как 20 июля 1939 г. советские газеты сообщили: Раскольников объявлен вне закона; а перед тем, еще 18 ноя-

бря 1938 г., Раскольников писал из Парижа Сталину, что с 1924 года считает его единственным человеком, способным продолжить дело Ленина (в то время – высочайшая характеристика).

⁴ Валерий Яковлевич Кирпотин (1898–1990) – критик, деятель Союза писателей.

⁵ Имеется в виду позиция Ж.П.Сартра в связи с подавлением советскими войсками венгерского восстания. ИЭ опасался, что призывы западных деятелей культуры к разрыву с СССР приведут к полному сворачиванию культурной «оттепели» в СССР; в этом смысле он предпочитал менее резкую позицию Веркора.

⁶ Имеется в виду публичное признание ИЭ несостоятельности его романа «Девятый вал» (1952).

⁷ Речь идет о фадеевской главе в 6-й книге ЛГЖ.

448. Е.Г.Полонская

<Ленинград,> 23 мая 1964

Дорогой Илья

Твою книгу я купила и прочла всю, включая подлое предисловие¹. Фер то ке?²

Думаю, что экземпляры с этим предисловием уже разошлись, а вскоре станут библиографической редкостью. В следующих изданиях предисловия не будет.

Отчаялась получить от тебя письмо. Но все же не хочу терять тебя. В моей жизни ты единственный свидетель юности. Все остальные состарились или сами превратились в грустные воспоминания.

Видела тебя на экране телевизора. Довольно давно, после какого-то приезда из-за границы. Впрочем, это не имеет значения. Говорят, что Новый мир будет печатать продолжение твоих воспоминаний с шестой книги³. В июне я еду в Эльву, как всегда. Может быть, осенью приеду в Москву. От всего сердца желаю тебе здоровья и молодых сил.

Обнимаю тебя.

Твоя Лиза.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2056. Л.20.

¹ Имеется в виду беспрецедентное издательское предисловие к книге (И.Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книги 3 и 4. М., 1964), в котором издательство предупреждает читателей, что они должны критически подходить к тексту мемуаров ИЭ.

² Шутка русских эмигрантов во Франции (Ke фер? Фер то ке?); от франц. Que faire? – что делать?

³ Уже набранные для №7 за 1964 г. мемуары ИЭ были сняты и начался очередной тур их цензурной правки. Мемуары печатались в № 1-3 за 1965 г.

449. Е.Г.Полонская

<Ленинград,> 25 мая 1964

Дорогой Илья

Только что успела отправить письмо тебе, как получила твое¹. Это все «биотоки», как объясняет мой внук Саша². Очень радуюсь этим «биотокам», а главное, твоему письму. До осени я не поеду в Москву, нет денег. А может быть, ты поедешь в Ленинград, или даже в Тарту, а Эльва от Тарту – 40 минут на поезде, на такси. Эстонцы не любопытны, это их преимущество.

Очень ценю, что тебе понравились воспоминания о Зоценко. О себе я написала тоже, о маме, отце, об еврейско-польской среде, где росла до приезда в Петербург. О 1906–08 годах, о Париже, войне (той), о 20-х годах, о серапионах. Пока никто не хочет печатать. Перед смертью продам в Архив. Главное – писать без «сладких слюней». Сейчас все пишут так красиво-противно. «По ком звонит колокол»³ я прочла по-английски. Очень хорошо.

Новый мир я получаю, так что прочту в июле⁴. Напиши. До свидания.

Твоя Лиза.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2056. Л.21.

¹ См. П2, №543.

² Александр Михайлович Полонский (р.1949), впоследствии инженер.

³ Роман Хемингуэя, опубликованный в СССР в 1968 г.

⁴ ИЭ писал, что, возможно, 6-я книга ЛГЖ будет печататься с июля 1964 г.

450. В.А.Дарьевская

<Пос. «Сельмаш» Пензенской обл.,> 1.VI <19>64

Дорогой Илья Григорьевич! Давно собиралась написать Вам письмо, но все не решалась. Я очень часто вспоминаю Вашу дачу на берегу реки, дом в цветах, Вас и Любовь Михайловну. Как там вы живете?

Илья Григорьевич! Какой у Вас сильный и гордый характер! Это, конечно, правильно. Но я почему-то всегда с болью думаю, что в наше время таким людям, как Вы, очень тяжело жить. Вы еще всего не видите, около Москвы как-то все по-иному. А у нас, в глуши, в наших районах что-то ужасное творится. Воровство и подхалимство. Нет только современного Чехова, а то были бы герои еще ярче, чем в прошлом веке.

У нас в Пензе научная конференция по творчеству Лермонтова. Пригласили туда только представителей партийных организаций районов. Нас не пригласили. Зачем нам?

Сейчас сижу на экзаменах на аттестат зрелости, все ученики взяли одну тему: «Коммунизм и труд – неотделимы» (Н.С.Хрущев).

Илья Григорьевич! У меня нет сил, чтобы выразить свое негодование. Пишут не сочинения, а списывают с доклада Хрущева что-то. Учительницы волнуются, а ученики рады, что тема о коммунизме: пиши общие фразы, конкретного ничего нет, поэзия и проза остались в стороне. Знания по литературе используют рядом с цитатами Хрущева. В магазинах у нас ничего нет. Нет молока и масла, а живем мы в деревне. Нет сахара, вообще ничего нет. Жить очень трудно. Самое страшное то, что нет книг, хороших – в библиотеке, в магазинах. Классиков не печатают, а тысячи книг на полках отвратительны по содержа-

нию и форме. Зачем их печатают? Как Вам понравилась «Тронка» Гончара¹? Если не читали, прочитайте, пожалуйста, я много не поняла в ней. Не поняла и того, за что дали премию.

У нас холодно. В саду ничего не растет. А у Вас как? Вы, наверное, на даче. Что пишете? Ведь все с нетерпением ждут продолжения Вашей книги. Книг Ваших совсем не остается в библиотеке у нас, все поворовали. Я перестала тоже давать, боюсь, что и у меня растащат.

До свидания. Шлю привет Любви Михайловне.

Дарьевская В.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1496. Л.31-32. Вера Анатольевна Дарьевская (р.1924) – учительница русской литературы сельской школы в Пензенской обл.; ИЭ познакомился с ней в 1947 г. во время поездки делегации писателей во главе с Фадеевым по тем краям (см.13-ю главу 6-й книги ЛГЖ).

¹ Роман украинского писателя Олеса Гончара (1918–1995), в 1964 г. удостоенный Ленинской премии.

451. Ж.П.Сартр

<Рим,> 28 июля <19>64

Дорогой Эренбург!

В Москву на конгресс антропологов едет мой большой друг Ж.Буллу, и я был бы счастлив, если бы Вы его приняли. Он заместитель главного директора «Тан модерн»¹. Он заранее рад знакомству с Вами.

Дружески

Ж.П.Сартр.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2147. Л.2.

¹ Журнал, организованный Сартром после Второй мировой войны.

452. Ж.П.Сартр

Рим, 28 июля <19>64

Дорогие друзья!¹

Я позволяю себе рекомендовать вам моих хороших друзей Абдельманов. Они не писатели в буквальном смысле, но входят в ту немногочисленную среду, которая позволяет нам выпускать «Тан модерн». Абдельман подписал манифест 121. Я бы хотел, если вам это не доставит хлопот, чтобы вы дали им советы и помогли познакомиться с несколькими советскими писателями и художниками.

Они впервые едут в Москву.

Заранее благодарю вас за все, что вы смогли сделать и верьте в мои верные дружеские чувства.

До скорого.

Ж.П.Сартр.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2147. Л.1.

¹ Письмо адресовано И.Г. и Л.М.Эренбургам.

453. К.А.Федин

Москва, 3 ноября 1964

Дорогой Илья Григорьевич, простите, что не сразу отзываюсь на Ваше письмо.

О решении комиссии по литературному наследию И.Э.Бабеля – обратиться к Д.А.Поликарпову¹ с просьбой разрешить устройство в Москве двух вечеров, посвященных 70-летию И.Э.Бабеля, – я советовался в секретариате СП (поскольку надо было пересматривать уже существующее решение об устройстве одного вечера).

Секретариат находит, что установившийся обычай отмечать большие памятные писательские даты организацией одного литературного вечера следует и в данном случае сохранить.

Мне грустно, Илья Григорьевич, разочаровывать Вас в Вашем убеждении, что я поставлю подпись под готовым

решением комиссии, даже если оно расходится с решением СП.

Я все больше убеждаюсь, что состоять одновременно председателем комиссии и первым секретарем Правления СП лишено логики: в таком положении человек вынужден иной раз обращаться с просьбами сам к себе.

Поэтому:

не будет ли целесообразно, если комиссия изберет вместо меня другого литератора своим председателем?

Я просил бы Вас сообщить мне на этот счет Ваше мнение.

Искренно Ваш

Конст.Федин.

Письмо с подписями членов комиссии прилагаю.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Первый секретарь Правления ССП К.А.Федин был председателем Комиссии по наследию И.Э.Бабеля (его кандидатуру предложили, считая, что авторитет Федина среди партчиновников поможет работе комиссии).

¹ Дмитрий Алексеевич Поликарпов (1905–1965) – зав. отделом культуры ЦК КПСС. 11 ноября 1964 г. на вечере, посвященном 70-летию Бабеля, прошедшем в тесном помещении ЦДЛ, председательствовал Федин; ИЭ и вдова Бабеля А.Н.Пирожкова отказались сесть за стол президиума; в выступлении ИЭ, вызвавшем бурные овации зала, речь шла об искусственных препонах в СССР изданию книг Бабеля. В СССР напечатали только речь Федина на этом вечере (ЛГ, 17 ноября 1964).

454. Е.Г.Полонская

Ленинград, 11 ноября 1964

Дорогой Илья

Очень трудно было писать тебе, но меня заставила да-та и опасение, что ты вдруг как-нибудь истолкуешь иначе мое молчание.

Знаю, что ты на Истре и радуюсь этому. Получила твой очередной том¹ и читала в нем стихи. Есть вещи, которые

я не знала, 45-го и 57-го годов. Они мне очень по сердцу.

Живу я, вырабатывая автоматизм, так легче, тем более что вспоминаю только то, что хочу, – даже удивительно. Пишу о первых и последних годах гимназии, немного, изредка о тех людях, которых встречала в 20–30-х годах. Написала о Всеволоде Иванове, взяли в книгу о нем². Иногда напишутся стихи. Пошлю тебе, если перепишу. Наслаждаюсь фольклором. Как сказала мадам Черчилль³ – такой народ, который ест мороженое в 40° мороза, – бессмертен.

Итак, будем бессмертны, Илья. Все вспоминаю стихотворение Юлиана Тувима

«Люблю тебя в безобразье твоём
Как мать недобрую – дети»⁴.

Дома у меня все в порядке. Приеду ли в Москву – не знаю.

Просила сына⁵ передать тебе привет, но тебя не было в городе. Посылаю тебе летнюю фотографию. Девочка – Наташа Образцова, я ее люблю. Она подруга Саши, моего младшего внука.

Целую и обнимаю тебя, дорогой. Твое письмо доставило мне радость. C'est la vie.

Твоя *Ли́за*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2056. Л.24-25.

¹ Том 3 Собр. соч. ИЭ.

² *Е.Полонская*. Как и тридцать пять лет назад. // Всеволод Иванов – писатель и человек. М., 1970 (переиздан в 1975 г.).

³ Клементина Черчилль (1885–1977) – жена Уинстона Черчилля.

⁴ Тувим «Лодзь» (1919) – перевод Е.Полонской (1957).

⁵ Михаил Львович Полонский (1916–1995) – инженер.

455. Б.Г.Биргер

Москва, 30 декабря <19>64

Дорогие Любовь Михайловна и Илья Григорьевич!

Старинная традиция позволяет мне в канун нового го-

да высказать Вам (и да не обвинят меня в сентиментальности), как я Вам благодарен за дружескую поддержку в трудные дни¹. И если в наши, столь сложные для искусства, времена я постепенно начинаю становиться художником, избавляясь от «правой» и «левой» «модности», то в значительной степени я обязан этим той высокой культуре и тому истинному пониманию искусства, которые Вы донесли до моего поколения.

От всей души желаю Вам всего самого-самого хорошего в новом году.

Ваш *Б.Биргер*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1192. Л.1. Художник Борис Георгиевич Биргер (1923–2001) много общался с Эренбургами в 1960-е годы, написал воспоминания об этом.

¹ Имеются в виду события 1962–1963 гг. притеснения художников – нонконформистов в СССР.

456. И.П.Шухов

<Алма-Ата, конец декабря 1964>

Дорогой Илья Григорьевич!

Редакция, редколлегия журнала «Простор» и от себя лично горячо поздравляем Вас с Новым годом. Большое, большое спасибо Вам за Ваше доброжелательное отношение к нашему журналу, за Вашу отзывчивость, за любезно переданные Вами для нас великолепные страницы Ваших воспоминаний о А.А.Фадееве и Назыме Хикмете¹, за строки Ваши, предваряющие впервые публикуемую нами большую подборку стихотворений О.Э.Мандельштама².

От всего сердца желаем Вам в новом году стойкого здоровья, бодрости духа, новых удач и свершений в подвижном труде Вашем.

С большим душевным расположением к Вам

Иван Шухов.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2401. Л.1. Писатель Иван Петрович Шухов (1906–1977) – главный редактор выходившего в Алма-Ате журнала «Простор».

¹ Речь идет о двух главах 6-й книги ЛГЖ, с публикацией которых в «Новом мире» у ИЭ были большие трудности.

² О судьбе этих материалов ИЭ в журнале «Простор» см. письмо Шухова от 7 мая 1965 г.

457. И.Ю.Зверев

<Москва, после 10 декабря 1964>

Глубокоуважаемый Илья Григорьевич!

Думаю, что мое имя ничего Вам не говорит. Но все же рискую послать Вам свою книжку¹ с просьбой прочитать хотя бы один рассказ – «Защитник Седов» (в нем 15–20 страничек).

Я не решился бы просить Вас об этом, если бы не статья Ю.Барабаша², быть может, известного Вам деятеля. Он расценивает этот рассказ как некий анекдот, далекий от художества и жизни (правда, «трагичный», но только анекдот).

Мне в 37-ом году было десять лет, так что мой голос в такой дискуссии, в лучшем случае, совещательный. Тем не менее у меня есть твердая внутренняя уверенность в психологической и стилистической точности рассказа, который, конечно, не о Седове, а о самом духе 37 года и о Вышинском³, который мне кажется фигурой (не в смысле рассказа, конечно, а в жизни).

«Седов», «Она и он» – две ключевые вещи этой книжки оказались теперь в центре бурных и странных читательских дискуссий. Так что я барахтаюсь попеременно в двух мощных и противоположно несущихся потоках.

Конечно же, я отношу целиком за счет «полемиического запала» преувеличенные комплименты, сделанные мне Юрием Павловичем Германом в «Комсомолке»⁴. Но за тем, что говорит Ю.Барабаш, вроде бы только «по художе-

ственной части», стоит, мне кажется, совсем иное. Мне действительно – прав Барабаш, не очень важна была жанровая чистота, но я очень заботился, чтобы дать не частность, а «общее», чтобы точно (гори, моя несуществующая репутация прозаика) чувствовалось за что я и против чего. Это «за» и «против», как Вы знаете, Барабаш подчеркнул.

Наверное, нет нужды говорить, как важно мне узнать Ваше суждение, если Вы сможете прочитать хотя бы только «Седова» или «Она и он».

С глубоким уважением

Илья Зверев.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1584. Л.1. Илья Юльевич Зверев (Изольд Юдович Замдберг; 1926–1966). К письму приложена записка Н.И.Столяровой, в которой Зверев писал: «Я после долгих и нелегких размышлений решил послать Илье Григорьевичу свою книжку и прилагаемое письмо. Если найдете время, просмотрите, пожалуйста, мой рассказ и статью Барабаша и решите сами, удобно ли все это показывать Илье Григорьевичу. Буду очень признателен, если Вы мне напишете 2-3 слова – что Вы решили на сей счет» (Л.2). ИЭ ответил Звереву 6 января 1965: «Спасибо за книгу, которую я нашел, вернувшись в Москву. Я читаю ее при первой возможности. К критической статье, о которой Вы пишете, и ее автору у меня вполне определенное отношение – я не раз читал его нападки <например, на ЛГЖ – ЛГ, 9 июня 1962 – Б.Ф.>» (ФЭ. Ед.хр.606).

¹ *Илья Зверев*. Все дни, включая воскресенье. Иллюстрации В.Сидура. М., 1964.

² Юрий Яковлевич Барабаш (р. 1931) – критик, неизменно выполнявший поручения властей по разному идеологически негодных произведений, зам. гл. редактора ЛГ. Имеется в виду его статья «Что такое хорошо и что такое плохо» (ЛГ, 10 декабря 1964).

³ Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954) – генеральный прокурор СССР все годы сталинских репрессий, главный обвинитель на московских политических процессах 1930-х гг.

⁴ Юрий Павлович Герман (1910–1967) – писатель; речь идет о его статье «"Новации" и правда жизни» (Комсомольская правда, 28 ноября 1964).

1965

458. Д.Д.Шостакович

Москва, 19 II 1965

Многоуважаемый Илья Григорьевич!

В первом номере «Нового мира» за 1965 год прочитал я начало шестой книги «Люди, годы, жизнь». Читал я с большим волнением и восхищением. Как и предыдущие книги.

Пишу я Вам не для того, чтобы Вы имели еще одного почитателя Вашего творчества, а по другому поводу.

На 123-й странице Вы пишете, что С.С.Прокофьев и я рассказывали о том, что А.А.Жданов, уча советских композиторов сочинять мелодичную изящную музыку, садился за рояль и играл на таковом, объясняя, как это нужно делать (сочинять мелодичную и изящную музыку)¹.

Этого ни Прокофьев, ни я не могли рассказывать, т.к. не было такого. Эту версию распространяли подхалимы легендотворцы.

Мне самому приходилось быть свидетелем «творимой легенды». «Какой потрясающий человек Андрей Александрович! (так звали Жданова). Громя формалистов, выводя их на чистую воду, он садился за рояль и играл мелодичную и изящную музыку, потом, для сравнения, что-нибудь из Прокофьева или Шостаковича. Те буквально не знали, куда деваться от стыда и позора. Ах, какой человек!» И далее, в таком же духе.

На самом деле так не было. Жданов к роялю не подсаживался, а обучал композиторов методами своего красноречия.

Если Ваша «Люди, годы, жизнь» будет переиздаваться, то замените Прокофьева и меня подхалимами-легендотворцами².

Шлю Вам самые лучшие пожелания.

Д.Шостакович.

Впервые: *Б.Фрезинский*. Эренбург и Шостакович // Нева, 1989, №8. С.207. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2391. Л.5-6. Ответ ИЭ см. П2, № 555.

¹ В журнальном варианте 4-й главы 6-й книги ЛГЖ, где речь шла о событиях 1946 г. в советской культуре и о Жданове, говорилось: «В начале 1948 года С.С.Прокофьев и Д.Д.Шостакович рассказывали, как Жданов пригласил композиторов и, желая показать, что такое "мелодичная музыка", не похожая на ошибочные произведения, что-то наигрывал на рояле».

² По поводу приведенной Шостаковичем истории ИЭ заметил в письме к нему: «Я в ней вижу не легенду подхалимов, а смешной рассказ о мало сведущем человеке, вздумавшем поучать больших художников» (П2, №555). Текст в ЛГЖ был заменен таким: «В начале 1948 года С.С.Прокофьев и Д.Д.Шостакович рассказывали, что в связи с очередным постановлением – на этот раз о музыке – Жданов пригласил композиторов и объявил им, что в музыке самое ценное – это мелодия, которую можно напевать» (8, 142).

459. Б.С.Квитко

<Москва,> 29/III <19>65

Дорогой Илья Григорьевич!

Хочу выразить Вам огромную благодарность за то многое, о чем Вы пишете в своей книге «Люди, годы, жизнь».

Посылаю Вам томик стихов Льва Моисеевича Квитко¹. Он относился к Вам с глубоким уважением, но как-то робел перед Вами². Мастер, словотворец родного языка, он неважно говорил по-русски, боялся сказать «не так» и, иногда, встречая Вас в антифашистском комитете³, не решался заговорить с Вами.

Не глядя на то, что всяческие путешествия были его страстью, – он, враждебно настроенный против затеи с Биробиджаном⁴, отклонял все просьбы, приглашения поехать туда посмотреть. Квитко – единственный из известных еврейских писателей не поехал туда.

Ему нравилось вспоминать мимолетный разговор с Вами. Вы сказали: «Если вы еще раз скажете мне про Биробиджан – я возьму ножик и зарежу вас...»

Квитко нравилось то, что и Вы были против этой безумной идеи.

Еще раз спасибо за книгу «Люди, годы, жизнь» – это история Вашей жизни – история нашей страны.

С глубоким уважением

Б.Квитко.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1668. Л.1. Берта Самойловна Квитко – вдова расстрелянного еврейского детского поэта Л.М.Квитко (1890–1952).

¹ Лев Квитко. Стихотворения. Сост. Б.Квитко. М., 1964.

² Сохранилась книга стихов Л.Квитко «К солнцу» (М., «Дер Эмес», 1948) с надписью: «Дорогому Илье Григорьевичу с глубоким уважением. Л.Квитко. 29/III 48» (ФЭ. Ед.хр.2868).

³ Еврейский антифашистский комитет (1941–1948); ИЭ и Квитко были его членами.

⁴ Имеется в виду организованная на Дальнем Востоке по плану Сталина Еврейская автономная область со столицей в г.Биробиджане.

460. Д.Гарай

<Дрезден, март 1965>

Глубокоуважаемый Илья Григорьевич!

Разрешите мне писать Вам по-немецки, т.к. я по-русски пишу с ошибками.

Советский товарищ подарил мне Вашу книгу «Люди, годы, жизнь». Купить ее у нас в ГДР ни на русском, ни на немецком нельзя. Вы знаете, что в ФРГ книга переведена, продается и читается, но почта не пропускает вышедших там книг.

Я пишу Вам, чтобы поблагодарить за книгу. Много, слишком много имен, которые Вы с болью называете, я знаю, встречал, многих знал, многих знал хорошо – в Германии, в СССР, в эмиграции. И в лагере.

Прежде всего я хочу написать Вам о Лоти¹. Я работал с ним на Колыме в одном цехе, также и с другими «испанцами», имена которых я, к сожалению, не запомнил. Также

с советскими летчиками-испанцами. Мы были друзьями, добрыми друзьями, товарищами.

Лоти тогда работал – это было на Колыме, на 23 км, в лагере инвалидов – как полировщик, т.е. полировал ящики и другие предметы до «полного» блеска. Работа для инвалидов – там была дерево-обделочная (по-русски в тексте), где производились игрушки, кое-какая мебель и разные бытовые предметы. В нашем цехе эти вещи раскрашивались и полировались. Эту умную работу и выполнял Лоти.

Он был болен, в Лефортове ему отбили почки. Может быть, Вы давно знаете все о нем, встречали людей, которым удалось оттуда вернуться. В определенный час дня все впадали в непреодолимый сон – цинга. Его бригадиром был грубый уголовник, человек пожилой, который немного разбирался в этой работе и что редко, в отличие от прочих уголовников – немного работал. С Лоти он был особенно груб, тот не шел ни на какие уступки. Мы все любили его и высоко ценили, его знания были необыкновенно обширны. Многие из молодых заключенных обращались к нему по самым разным вопросам, – он давал на все основательные, понятные объяснения.

Это были <19>40 – 41 годы. Вскоре после начала войны этот лагерный пункт был ликвидирован, на корабле мы приехали на материк <по-русски в тексте> якобы как безнадёжные (кандидаты на смерть), но мы остались в Сибири еще долго после конца войны, в большинстве случаев – двойной срок. Ну, это все Вы знаете.

Я вспоминаю, что Львович однажды получил от жены письмо, что она вскоре будет держать экзамен на врача, а затем приедет на Колыму врачом. Лоти сказал: «Тогда я сейчас же сделаю так, чтобы меня послали на прииск (по-русски в тексте)». Это была верная смерть, не только для такого инвалида. Я удивился, возмутился: «Почему?» – «Вы думаете, я покажусь жене в таком виде?» Это меня возмутило еще больше, но он остался при своем. Я думаю, что она не приезжала на Колыму, – скоро началась война. Да

и вообще, было ли это так просто, в особенности имея мужа-заключенного. И потом нас увезли. Нас было немного, хотя эти кандидаты на смерть были привезены со всей Колымы. Многие умерли на пути к гавани, умерли на наших глазах в ночь посадки на берегу, умерли на корабле, в трюме, где были заперты.

Оставшиеся были отвезены в глубь Колымы, куда он попал, я не знаю. Один товарищ, которого «великий отец»² освободил в 1945 г., сказал мне, что Львович погиб. Больше он сам ничего не знал. Это понятно, люди жили сегодня, завтра падали у рабочего места и умирали. Случалось, что во время работы отправлялись в нужник и не возвращались. Или падали в очередь <так по-русски в тексте. – Б.Ф.> за супом. Или их запирали в карцер за неповиновение, что означало смерть. Или давали неизвестно за что лишних десять лет, часто это было связано с т.н. следствием, и тоже вело к смерти. Может быть, вы давно все знаете о Лоти, я написал Вам, потому что увидел в книге, что Вы его ценили. Он был также очень мужественным, может быть, как раз слишком мужественным. Там этого не прощают.

Еще раз благодарю Вас.

Д.Гавай.

Дрезден AI, Блохманштрассе, IV. чл.партии с 1919 г. <последнее в тексте по-русски. – Б.Ф.>

В обеденные перерывы товарищи усаживались рядом, Лоти рисовал щепкой на песке или на снегу, как будут проходить походы Гитлера. У нас, конечно, не было ни газет, ни радио, – даже потом, в Сибири-материке за контрабандно принесенную в лагерь газету большой давности следовало большое наказание. Он точно предсказывал гитлеровские «маршруты», опровергал возражения, доказывал, почему Гитлер пойдет так, а не иначе, например в Грецию, а оттуда уже дальше. Ну, Вы знаете, что был хорошим стратегом. Все происходило так, как он говорил.

Я лично смог в 1955 г. вернуться на родину, однако не

в Берлин. В юности я хорошо знал мужа Анны Зегерс, а потому ее тоже, хотя не так хорошо. С ним я до сих пор в доброй дружбе. Если Вы познакомились с ним через Анну в Париже, то Вы знаете, кто это такой. Может быть, Вы знали также Эрвина Синко³. Он написал книгу «Роман одного романа», московский дневник. Тоже мужественный человек. Он сейчас профессор в Загребе и в Нови Сад. Летом 1964 я видел обоих Синко, они привезли мне свою книгу в окрестности Ульчина, где я был, – ее в ГДР получить тоже нельзя... Впрочем, мы можем в киоске купить роман-газета <по-русски в тексте>, например, «1 день»⁴ <написано по-русски. – Б.Ф.> и другое в этом роде.

Полностью впервые; цитировалось в комментариях к ЛГЖ (7, 824-825). Печатается по машинописной копии перевода с немецкого из архива О.Г.Савича (собрание составителя).

¹ Под именем Лоти в Испании воевал полковник разведки Давид Оскарович Львович (1899–1942); ИЭ написал о нем в 21-й главе 4-й книги ЛГЖ.

² Имеется в виду Сталин.

³ Эрвин Синко (1898–1967) – венгерский писатель, во время войны находился в СССР, потом жил в Югославии.

⁴ Издание повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в популярной советской серии «Роман-газета».

461. Е.Г.Полонская

<Ленинград,> 5 апреля 1965

Дорогой Илья

Не писала тебе давно, прости. Брат¹ с ноября был в больнице и я должна была его вытащить оттуда. Было нелегко, ведь у меня немного сил осталось, да разбалывалась я за последние годы. Не высидела одна, зиму провела в Комарове.

Дома его нельзя было оставить и пришлось поместить в больницу, где он пролежал до середины марта. Так как я самая молодая в семье, пришлось взять на себя все, что полагается, врачей, консультанта, сестер, нянечек, лекарства и сидеть в больнице утром и вечером.

Оказалось, у меня хватило духу на три месяца. Но когда брата привезли домой, я сдала.

В это время принесли «Новый мир» №1², пришлось посылать тебе телеграмму по телефону.

Спасибо тебе за то, что ты вспомнил обо мне³. Твои строки заменили мне разговор с тобой. Но только на время. Я не хочу допускать, чтобы мы не увиделись больше. И думаю, что ты не должен кончить книгу на шестой части. Знаешь, вот я до сих пор ничего не понимаю. Когда-то мы бежали из Лодзи в Берлин, спасаясь от еврейского погрома. Но погрома не было (осень 1906 года), а в Берлине я вступила в кружок по изучению Маркса. Сперва мы читали «Капитал», но руководительница кружка сменилась, и мы занялись «Восемнадцатым брюмера». С тех пор я помню всю жизнь, что дама История любит «во второй раз» показывать вместо трагедии – фарсы⁴. Ну, а дальше? Или новые молодые поколения получают свою трагедию вовремя?

Береги себя, милый друг. Держись.

Обнимаю, целую.

Твоя *Лиза*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2056. Л.27.

¹ Театровед и переводчик Александр Григорьевич Мовшенсон (1895–1965).

² В №1-4 НМ за 1965 г. печаталась 6-я книга ЛГЖ.

³ В 1-й главе 6-й книги ЛГЖ ИЭ рассказывал о встрече с Полонской в Ленинграде летом 1945 г. (8, 114).

⁴ Работа К.Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852) начинается так: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса». Луи Бонапарт (Наполеон III; 1808–1873), будучи президентом Франции, совершил в 1851 г. переворот и в 1852 г. был провозглашен королем. В письме – явная аллюзия на переворот в Кремле 14 октября 1964 г., в результате которого был лишен власти Н.С.Хрущев.

461а. К.К.Рокоссовский

Москва, 5 мая 1965

Сердечно поздравляю вас, Илья Григорьевич, с 20-летием победы Советского Союза над фашистской Германией, желаю Вам крепкого здоровья, успехов в Вашей творческой деятельности и большого счастья в личной жизни.

Маршал Советского Союза К.Рокоссовский.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2114. Л.2.

462. И.П.Шухов

Алма-Ата, 7.5.1965

Дорогой Илья Григорьевич!

Посылаем Вам апрельскую книжку нашего «Простора» с подборкой стихотворений О.Э.Мандельштама.

Большое, большое спасибо Вам за проникновенные строки Ваши об Осипе Эмильевиче.

Я бесконечно виноват перед Вами. Виноват в том, что не написал Вам тотчас же после звонка из Москвы по поводу чудесных глав Ваших об А.А.Фадееве и Назыме Хикмете¹.

После первого такого звонка мне не позволили печатать главу о Фадееве. После второго – о Хикмете. А прознали об этих главах в Москве из нашей республиканской газеты «Казахстанская правда», бравшей интервью со мной о нашем редакционном портфеле.

После всей этой истории я очень опасался и за судьбу стихотворений О.Э. Правда, и о стихах Мандельштама и о Вашей вводной статье к ним мы тут до поры до времени помалкивали, и в Москве, видимо, об этом не ведали. Ну, а с местными надзирателями мы тут полюбовно поладили.

Словом, стихи О.Э. в номере, и мы, и наши читатели тому бесконечно рады².

На последнем пленуме Союза писателей СССР я виделся с Натальей Ивановной <Столяровой> и сказал ей о

звонках из Москвы. Она советовала мне встретиться с Вами и рассказать Вам об этом. Но я не сделал этого только потому, что втайне надеялся чего-то добиться после предстоявшего в те дни моего визита в ЦК.

Не сердитесь на меня, любезный Илья Григорьевич, за все эти столь запоздалые мои признания.

Еще и еще раз спасибо Вам и за Осипа Эмильевича и за предварившие бесценную публикацию строки Ваши.

Что и говорить, буду бесконечно обязан Вам, коли и впредь не обойдете любезным вашим вниманием наш журнал и позвольте нам надеяться получить от Вас в будущем, может быть, иные новые главы из Вашей книги.

Навестив Вас с Ю.О.Домбровским, я постеснялся попросить у Вас один из томов «Люди, годы, жизнь» – на память о встрече с Вами. Но мне было бы очень дорого получить эту книгу – как память о доброжелательном отношении Вашем к нам, к нашему журналу.

Дай Вам бог здоровья.

Крепко жму руку Вашу.

Ваш *Ив.Шухов*.

P.S. журнал и гонорар мы высылаем Надежде Яковлевне <Мандельштам> по адресу В.Б.Шкловского³. *И.Ш.*

Впервые. Подлинник (на бланке журнала «Простор») – ФЭ. Ед.хр.2401. Л.3-4.

¹ См. № 455.

² По выходе номера «Простора» со стихами Мандельштама его осудила ЛГ (9 сентября 1965) из-за «трагических стихов», создающих «одностороннее представление о поэте», особо подчеркнув, что «не исправляет, а усугубляет такое представление предисловие к подборке, написанное И.Эренбургом».

³ Н.Я.Мандельштам жила тогда в Москве у В.Г.Шкловской.

463. А.И. Цветаева

<Москва,> 17 мая <19>65

Дорогой Илья Григорьевич!

Вернулась из Тарусы, где видела Алю Эфрон – она мне сказала, что начинают приступать к разрушению той дачи, где Марина провела все детство и юность, где кроме нее и меня жил и умер и Борисов-Мусатов и где еще очень недавно шел разговор об устройстве там мемориального уголка. Аля метнулась к Паустовскому; он очень стар и болен. И сама она себя плохо чувствует. Сестра Валерия¹ лежит, ей 82 года. Все мы очень расстроены этим. Это самоуправство директора дома отдыха, хотящего построить нов<ый> корпус на месте дачи, которую обещал сохранить Паустовскому. М.б., Вы поможете, снесясь с Алей?

Привет!

Ваша А.Цветаева.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ В.И.Цветаева.

464. А.Верт

<Париж,> 23. 5. <19>65

Дорогой Илья Григорьевич,

Для меня было действительно радостным событием снова, после стольких лет, повидать Вас и Любовь Михайловну. Особенно рад был увидеть Вас обоих в добром здорье и en pleine forme¹.

Спасибо за Ваш теплый, хороший прием. Я все эти годы всегда тепло вспоминал о наших дружеских встречах во время войны; и если в 1943–50 гг. и были какие-то «недоразумения», то я теперь вполне понимаю, что время было очень тяжелое и что Вы тут были ни при чем. Еще не получил №4 Нового мира, но прочел три номера², и тут мне многое стало яснее, чем раньше. Со Стокгольмским воззванием³ Вы, несмотря на самые трудные условия, сделали

очень большое дело (об этом я пишу в своей большой книге о Франции). Но я хотел бы обратить Ваше внимание еще на другое, о чем Вы, может быть, не знаете. Знаю, как Вам было тяжело в те годы, но здесь тоже было плохо.

Здесь, правда, не доходило до таких крайностей, как там, но все же было нелегко. Меня, например, стали травить за то, что я подписал Стокгольмское воззвание. В течение 4-х лет я был фактически безработным. Из <газеты> «Манчестер гардиан» меня с треском выгнала в <19>49 г., т.к. я не соглашался с его политикой «холодной войны» и ограничивался лишь критикой «ждановщины». Напрасно думают, что маккартизм – явление американское; его было хоть отбавляй и во Франции и, еще больше, в Англии. И даже больше всего, я бы сказал, среди лейбористов. Вы, наверное, не знаете, что в 1953 г. меня с таким же треском выставили из «левого» журнала New Statesmen, т.к. я осмелился написать, что вся история с Дюкло с его Pigeons Voyageurs⁴ мерзкая и идиотская полицейская провокация, и больше ничего (что, впрочем, не помешало и «другой» стороне, в те же самые годы, писать про меня невообразимую чертовщину!).

Ну, слава богу, все это – дело прошлое. После 1953 года, когда я перешел на университетскую и книжную работу, все стало как-то легче. Моя последняя поездка в Москву меня особенно порадовала. Все было как-то лучше, чем в прошлом (1964) году. Желаю Вам и Любовь Михайловне много лет здоровья и дальнейших творческих успехов, как говорится. Главное – не перестаньте писать. Вы – не только удивительный писатель, но и настоящий учитель целого нового поколения. Благодаря Вам молодежь многое понимает, особенно в искусстве, чего раньше не понимала.

Еще раз спасибо Вам за все.

Ваш *А.Верт*.

Я написал о Вас (еще до поездки в Москву) большую статью в Saturday Review; пришло, когда выйдет.

А американцы совсем взбесились. Я начинаю ненави-

деть этого Джонсона⁵ (за чью победу на выборах мы, как дураки, молились) почти так же, как, в свое время, покойного Гитлера. Разве Вьетнам – не та же Испания, и не будет ли Куба второй Чехословакией?⁶ На Западе Де Голль еще умнее всех, только силенки маловато.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1368. Л.1-2. С английским корреспондентом Александром Вертом (1901–1969) ИЭ познакомился в СССР во время войны (см. 15-ю главу 5-й книги ЛГЖ); А.Верт о значении военной публицистики ИЭ и его роли в те годы написал в книге «Россия в войне. 1941–1945» (М., 1967).

¹ В хорошей форме (франц.).

² В №1-4 НМ за 1965 печаталась 6-я книга ЛГЖ.

³ Имеется в виду воззвание Всемирного Совета Мира с требованием запрещения ядерного оружия (принято в Стокгольме 19 марта 1950 г.), под ним подписалось более 500 млн. человек.

⁴ Почтовые голуби (франц.). Имеется в виду арест в мае 1952 г. члена политбюро ФКП Жака Дюкло (1896–1975) из-за организованных ФКП массовых выступлений трудящихся против приезда во Францию американского генерала Риджуэя. В машине Дюкло были обнаружены почтовые голуби, что полиция аттестовала как средство доставки шпионской информации (сообщено Ж.Абенсуром).

⁵ Линдон Джонсон (1908–1973) – 36-й президент США, начавший войну во Вьетнаме.

⁶ Имеется в виду «сдача» Францией и Англией в 1938 г. Чехословакии Гитлеру (в результате подписания мюнхенских соглашений).

465. С.А.Ляндрес

<Москва, конец июня 1965>

Дорогой Илья Григорьевич,

не скрою, я был очень обрадован тому, что Вы вспомнили обо мне в заключительной части своих мемуаров¹. В связи с этим упоминанием у меня в памяти воскресли довольно драматические эпизоды, о которых теперь уже можно рассказать спокойней.

Однажды один из моих следователей потребовал признания не только в том, что я то ли запасный правый, то ли

запасный левый², но и член какого-то подпольного еврейского правительства, связанного с зарубежной разведкой. Как вещественное доказательство он мне предъявил подшитые в разных делах «документы». В их числе была глава из одного из романов графомана Н.Шпанова³, письмо, адресованное мне бывшим директором издательства «Дер Эмес» Стронгиным⁴ и еврейский алфавит, напечатанный большими буквами на большом зеленоватом листке бумаги. Теперь я Вам должен разъяснить сущность этих «документов».

Первое. Как-то раз пришел ко мне⁵ человек, отрекомендовался Н.Шпановым и попросил, чтобы я ему выплатил гонорар за какой-то роман, рукопись которого он сдал в «Новый мир». Я ему разъяснил, что если бы это касалось материала, сданного в газету, то я мог бы выполнить его просьбу. Но в отношении «Нового мира», который только издавался нами, выплата могла быть произведена по распоряжению редактора журнала. Он не хотел внять моим разъяснениям и стал хамить. Разумеется, я попросил его оставить комнату. И вот в главе романа, приобщенной к делу, был примерно абзац следующего содержания: ввели в кабинет генерала женщину со следами былой красоты на лице. Она села в предложенное ей кресло, развязно закинула ногу за ногу и спросила: «Где ваш кофе и сигареты, генерал?» Это и была шпионка мирового класса Элиза Ляндрес. Фамилии этой оказалось достаточно для следователя, и он стал добиваться чистосердечного признания, так как вся моя родня – сплошные шпионы, и шпановский роман свидетельство этому.

Вторые два документа имеют косвенное отношение к Вам: товарищ Стронгин обратился ко мне с предложением написать предисловие к Вашей книге, переведенной на еврейский язык. Я ответил ему, что, к сожалению, еврейского языка не знаю, а писать предисловие по русскому тексту к еврейскому изданию не считаю целесообразным, так как не могу судить о качестве перевода. В ответ на это

товарищ Стронгин прислал мне милое и остроумное письмо, пожурил за незнание языка и вложил в письмо разрезной еврейский алфавит. Как видите, очень убедительные вещественные доказательства.

Ну что ж, все это было и, как принято, списано мной за счет культа <Сталина>. Но вот совсем недавно я стал героем другого произведения.

Примерно два года тому назад я обследовал по поручению Союза писателей издательство «Радяньский письменник» в Киеве. Я обнаружил существенные просчеты в редакционно-издательской и финансовой деятельности издательства и умолчать об этом, разумеется, не мог. Директору и главному редактору крепко влетело. Оказавшись на творческой работе, главный редактор А.Димаров⁶ написал, прямо скажу, национал-социалистический роман «Шляхи життя» и опубликовал его в журнале «Днипро» № 10 за 1963 г.⁷ Главному герою этого романа, выходцу из богатой еврейской семьи, примазавшемуся затем к Дзержинскому и к революции, как выгодному «гешефту», он дал имя Соломон Ляндер. Ляндер этот, как и все его предки, изощренно издевался над бедным украинским народом и т.д. и т.п.

Так бы я и прошел по нашей литературе как отрицательный персонаж, если б не Ваше доброе упоминание.

Доброго, доброго Вам здоровья!

Ваш Сем.Ляндрес.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Семен Александрович Ляндрес (1907–1968) – журналист, секретарь Бухарина в редакции «Известий», отец писателя Ю.Семенова. Отвечая Ляндресу на это письмо, ИЭ написал 6 июля 1965 г.: «Ваше письмо заставило меня вспомнить много смешного и трагического из того, что было пережито нами. В фантастическое время мы с Вами жили».

¹ Имя С.Ляндреса упоминается в 32-й главе (посвященной смерти Сталина) 6-й книги ЛГЖ, где говорится, что Сталин не мог знать о каждом из арестованных в пору развязанного им террора; Ляндрес упоминается также в главе, посвященной Н.И.Бухарину (29-я глава 4-й книги), но она была опубликована только в 1990 г.

² Имеется в виду «правая» (бухаринская) и «левая» (зиновьевская) оппозиции Сталину.

³ Николай Николаевич Шпанов (1896–1961) – автор пухлых псевдодокументальных политических романов «Поджигатели» и «Заговорщики».

⁴ Лев Израилевич Стронгин (1896–1968) – в 1939–1948 гг. директор еврейского издательства «Дер Эмес», член ЕАК; в 1949 г. арестован и сослан.

⁵ С.Ляндрес работал тогда в издательстве «Известия», выпускавшем и газету «Известия», и журнал «Новый мир».

⁶ Анатолий Андреевич Димаров – украинский писатель.

⁷ ИЭ написал о романе «Шляхи життя» («Дорогами жизни») в 12-й главе 7-й книги ЛГЖ, аттестовав его как расистский.

466. Ю.О.Домбровский

Алма-Ата, 27 июля 1965

Многоуважаемый Илья Григорьевич!

У редакции «Простора» возникла мысль: в ближайших номерах журнала опубликовать «По ком звонит колокол».

Редакция исходит из того бесспорного факта, что никаких запретов – ни цензурных, ни политических на это – может быть, лучшее произведение Хемингуэя – не наложено, и о нем упоминается во всех статьях и работах, посвященных покойному. Следовательно, речь может идти (и идет!) только о чьей-то личной неблагоприятности.

В Москве и Ленинграде дело, конечно, осложнено присутствием, звонками и хлопотами известной Вам особы¹. Здесь этой трудности – нет.

Редакции представляется далее, что публикация романа именно в «Просторе» может быть принята Москвой – даже с известным удовлетворением.

Если эти рассуждения в основе Вами разделяются, то отсюда просьба: не согласитесь ли Вы предварить эту публикацию хотя бы кратким вступлением? Это была бы неоценимая услуга! (Конечно, говоря совершенно откровенно, хотелось бы получить от Вас нечто иное – очерк в духе

Вашей великолепной эпопеи², но это уж самый предел желаний.)

Очень просим Вас поделиться с редакцией Вашими соображениями по этому поводу.

Вот на всякий случай телефон редактора (служебный) – 9-63-19.

Привет Н.И.С<толяровой> – она, наверно, уже в Москве. Итальянцы меня тоже зовут, но толку от этого мало³.

За «Europa letteraria» – огромная благодарность⁴ – очень забавно! Жму Вашу руку и благодарю за все.

Ю. Домбровский.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ Имеется в виду председатель Компартии Испании Д.Ибаррури, обиженная тем, как о ней написано в романе Хемингуэя.

² «Люди, годы, жизнь».

³ Домбровский был «невыездным».

⁴ Всякий раз, когда ИЭ в зарубежных изданиях попадались материалы о его знакомых авторах, он эти материалы передавал им.

467. С.С.Наровчатов

Москва, 28 августа 1965

Дорогой Илья Григорьевич!

Летом 1944 г. молодой офицер, приехавший на побывку с фронта, попросил Вас послушать стихи¹. Вы назначили ему встречу в «Красной звезде». Юноша подготовил сжатое, но весомое вступление: кто он и что он. Оно так и осталось при нем. «Садитесь. Читайте», – услышал он, едва переступил порог. Потом он понял, что это была единственно верная форма знакомства с человеком, пишущим стихи. Выслушав, Вы сдержанно одобрили строки и безудержно ободрили старшего лейтенанта, сочинявшего их. Близился комендантский час, и офицер распрощался с Вами. Внизу его ждала девушка. Взглянув на него, она поняла, что принесла ему эта встреча, и поцеловала его в губы.

Они пошли пешком через военную Москву, прячась в подъездах от ночных патрулей, мешая стихи с поцелуями. И слышали бы Вы, как они говорили о Вас...

Так 21 год назад Вы сделали меня счастливым. Срок этот считался прежде сроком совершеннолетия. Книжечка, которую я Вам посылаю², может, на мой взгляд, подтвердить его стихами. Вместе с Семеном Гудзенко и Борисом Слуцким я являюсь одним из Ваших поэтических крестников. Я буду рад, если некоторые стихи в книжечке придутся Вам по сердцу. В те редкие, но значительные для меня встречи с Вами Вы могли почувствовать, насколько я ценю каждое сказанное Вами слово.

Мне бы хотелось, чтобы Вы прочли стихи «Пес, девочка и поэт», «Волчонок», «Утверждение», «Улица Камилля Демулена».

От всей души желаю Вам здоровья.

Ваш *Сергей Наровчатов.*

Впервые – ВЛ, 1993, №1. С.281-282. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1957. Л.3.

¹ См. воспоминания С.Наровчатова «Первая встреча» («Воспоминания об Илье Эренбурге». М., 1975. С.118-123).

² *С.Наровчатов. Стихи.* М., 1965.

468. Н.Л.Эренбург-Манатти

<Париж,> 1-го октября 1965-го г.

Обращаюсь к Вам, Илья Григорьевич, с просьбой сделать то, что только возможно, чтобы узнать о судьбе моего брата¹. Люди, знающие, как я стараюсь узнать, что с ним стало, указывают на Вас. И это потому, что Вы пишете в мемуарах: «пошел в Красную армию и был убит белыми»². Я бы этого не сказала. Быть может, Вы знаете больше, нежели я. Вот что я знаю:

6-го июля 1919-го г. он действительно писал из Харькова, где он тогда жил, что мобилизован и идет на фронт.

Письмом от 11-го августа 1920-го года (неизвестно откуда) он сообщает, что этот год (в течение которого мы никаких сведений не имели) был на фронте, вернулся, болел тифом, жил 5 месяцев в Александровске³. Мы больше никогда не получали от него писем.

<Далее вклеена машинописная копия – два абзаца письма И.Л.Эрсенбурга:>

«11-го августа 1920-го г.

Вы все должны были считать меня погибшим. Было недалеко до того, но все-таки эти известия оказались, как говорил Марк Твен⁴, сильно преувеличенными. Правда, я был на фронте, и на самом фронте, а не в тылу, получил награду за боевые отличия (серебряные часы), был близок к смерти, но... она меня миновала. Был болен сыпным тифом.

Выздоровел и даже поправился пуще прежнего. Нужно сказать, что поход мне, как туристу, ничего, кроме пользы, не принес. Там, где остальные падали от изнеможения, для меня было моционом. Пришлось на фронте также режиссировать и играть; так что можете меня видеть в новой роли – актера. Теперь продолжаю от времени до времени эту профессию. Сейчас пять месяцев жил в Александровске».

Как жил в Александровске и про нападение на поезд мы знаем из письма Варламова (копию прилагаю⁵). Говорю «мы знаем», потому что мы с Вами *вместе* читали его в Берлине. Кроме нас обоих об этом письме никогда никто не знал, ибо я хотела скрыть от родителей, что Илья погиб. Правда, что последнего листка Варламовского письма мы не читали: он затерялся по прибытии письма и я нашла его только *на днях!* Теперь все меняется. Из конца письма Варламова – страницы 5 и 6 – выясняется, что он сам не был уверен в смерти Ильи.

За неимением окончания письма я не знала ни фамилии, ни адреса отправителя и даже не могла ему ответить. Досадно, ибо он предлагал дополнительные сведения.

Письмо его пришло через три года после последнего письма Ильи, и я не сообразила тогда (а теперь грызу себя за это), что Илья писал на месяц позже своего исчезновения, т.е. когда его решительно все считали убитым. Установив, что он тогда остался жив, надо допустить версию Лещинской⁶: возможно, что он и сейчас жив.

В свое время я ни перед чем не остановилась, чтобы напасть на след брата. Я тщетно искала все возможности поездки в Москву, а сейчас я слишком стара, не в состоянии даже передвигаться одна. Если я порывалась ехать разыскивать его следы тогда, когда считала его погибшим, то можете себе представить, как мне горько, что не могу заняться этим сейчас, когда есть надежда узнать, что с ним стало, какова его судьба и даже, быть может, разыскать его самого.

Очень прошу Вас сделать это вместо меня. Только Вы один можете (никто другой на свете не смог бы) добиться необходимых справок по списку Лещинской. За давностью лет это, конечно, не легко. Надеюсь, что не откажете помочь. Извиняюсь, что утруждаю, но как мне быть?

Привет Любе и сестрам. Не отсылайте мне этого повествования, а передайте лучше им, которым это будет интересным⁷.

Тося.

Впервые (в сокращении) – *Б.Фрезинский*. Скрещения судеб, или Два Эренбурга (Илья Григорьевич и Илья Лазаревич) // Диаспора. Вып.1. Париж–СПб., 2001. С.176-177. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1868. Л.1-5. Наталия Лазаревна Эренбург-Манатти – искусствовед, собиратель и исследователь русской народной игрушки; двоюродная сестра ИЭ, с дореволюционного времени жила в Париже. Ответ ИЭ от 7 окт. 1965 г. – см. П2, № 564.

¹ Илья Лазаревич Эренбург (1887–1920) – художник, меньшевик, двоюродный брат ИЭ.

² Слова из 3-й главы 2-й книги ЛГЖ.

³ Александровск – до 1921 г. название нынешнего г.Запорожье (Украина).

⁴ Имеется в виду острога американского писателя Марка Твена (1835–1910): «Слухи о моей смерти несколько преувеличены».

⁵ В папке Ед.хр. 1868 копия письма журналиста из Запорожья (1923) Н.Варламова отсутствует; Н.Варламов занимался поисками И.Л.Эренбурга после 1920 г.; фрагменты его письма см.: Диаспора. Вып. I. С.173-174.

⁶ Речь идет, видимо, о Лидии Николаевне Лещинской (в 1910-е гг. в Париже она носила фамилию Мямлина), вдове поэта О.М.Лещинского, погибшего на гражданской войне.

⁷ К письму приложена записка (Л.6) по-французски, адресованная сестрам ИЭ – Из.Г. Эренбург и Е.Г.Каган, умершим летом 1965 г.

469. Е.Г.Полонская

Ленинград, 20/12 <19>65

Дорогой Илья, не помню, ответил ли ты на мои письма, но это не имеет значения. У меня был очень трудный год, и я стараюсь держаться как могу.

Вчера девятнадцатого декабря мы отмечали день рождения Шуры, ему должно было исполниться семьдесят лет¹. Как мало он сделал из того, что мог, что было задумано, сколько ему пришлось воевать со всякой дрянью, чепухой. Даже некролог в журнале «Театр» мне пришлось пробивать сильно действующими средствами!²

Как известно, когда похороны по четвертому разряду, то покойник сам правит.

В этом году мне не пришлось попасть в Москву, жаль, что не удалось повидаться с тобой.

Наташа³ приезжала ко мне и на похороны Шуры и еще раз прошлой осенью. Она тоже одна, и мы решили поехать вместе в Комарово на январь-февраль.

О Париже я написала, но пока никто не хочет печатать. У меня выйдет маленькая книжка стихов в Гослите и редактор порядочный человек, но немного запуган⁴.

Вот собственно и все. Да, какое твое произведение вещает «Новый мир» на 1966 год?⁵

За привет через Веру Сергеевну Гарину-Кузнецову – спасибо.

Будь здоров, желаю тебе непокоя и приятных встреч.
Обнимаю тебя.

Лиза.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2056. Л.31.

¹ Брат Полонской А.Г.Мовшенсон; о его смерти 30 апреля Полонская сообщила телеграммой ИЭ, но его не было в Москве, и ей ответила Л.М.Козинцева-Эренбург.

² «Памяти А.Г.Мовшенсона» (фамилия напечатана неверно, через «з») – «Театр», 1965, № 10. С.116.

³ М.Н.Левина (Киреева) – подруга Полонской с 1908 г.

⁴ *Елизавета Полонская. Избранное. М.-Л., 1966.* Редактор А.Бихтер. Книга открывалась словами: «Посвящается памяти моего брата».

⁵ В конце рекламы на обложке №10 «Нового мира» за 1965 г. ИЭ был назван в списке тех авторов журнала, чьи новые неназванные произведения будет печатать журнал; в 1966 г. ИЭ в «Новом мире» не печатался.

470. А.Г.Коонен

<Москва, декабрь 1965>

Дорогой Горошек,

будьте здоровы и благополучны в новом году, обнимаю Вас от всего любящего Вас нежно сердца, и еще раз Вам большое спасибо за Ваше выступление¹, которое было бесконечно дорого мне и вызвало большой отклик среди молодежи и даже в самых заскорузлый сердцах.

Обнимаю Вас с любовью.

Алиса Коонен.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1708. Л.15.

¹ На вечере, посвященном 80-летию А.Я.Таирова.

1966

471. Д.Ибаррури

Москва, 24 января 1966

Илье Эренбургу. Москва.

Позвольте мне поздравить Вас в день Вашего рождения и пожелать Вам прожить столько лет, сколько я сама себе желаю.

С сердечным приветом

*Долорес Ибаррури.*Vale¹.

В память об Испании прошу принять прилагаемую бутылку хереса и толику тепла.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1601. Л.4. Свое 75-летие ИЭ отмечал во Франции (он был там в январе-феврале 1966), не желая участвовать в официальных московских мероприятиях по случаю круглой даты.

¹ Будь здоров (*лат.*).

472. М.С. и Л.Л.Сарьян

Ереван, 26.1.1966

В ДЕНЬ ВАШЕГО СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЯ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ЖЕЛАЕМ ВАМ ДОЛГОЙ ЖИЗНИ НА РАДОСТЬ НАМ ВСЕМ ОБНИМАЕМ ВАС И ДОРОГУЮ ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНУ = ВАШИ ЛУСИК И МАРТИРОС САРЬЯНЫ

Впервые. Подлинник – ГМИИ им.Пушкина. Ф.41. Оп.1 Д.1. Л.55. Лусик Лазаревна Сарьян (урожд. Агаян) – жена М.С.Сарьяна.

473. Д.Д.Шостакович

Москва, 27 I 1966

Дорогой Илья Григорьевич!

Горячо поздравляю Вас с 75-летием. Желаю Вам доброго здоровья, дальнейших больших творческих успехов.

Крепко жму руку.

Ваш *Д.Шостакович.*

ФЭ. Ед.хр.2391. Л.7.

474. В.Г.Лидин

Москва, 27 января 1966

СТАРОМУ ДРУГУ ВМЕСТЕ С ПОЗДРАВЛЕНИЕМ
ВЕТКУ ЛЮБВИ И ДУШЕВНОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ =
ЛИДИН

РГАЛИ. Ф.3102. Оп.1. Ед.хр.255. Л.9.

475. И.С.Исаков

<Москва,> 27.1.<19>66

Поздравляю Вас, дорогой Илья Григорьевич, не с 75-ю годами, а с тем, как много хорошего Вы успели сделать для людей.

Торопливость в «Воспоминаниях» («Годы и люди») – встревожена. Но теперь – Вы можете спокойно продолжать насаждение того замечательного сада, который столько раз пытались вырубать и выжигать.

Не выйдет! Пишите много и... много лет.

Будьте благополучны!

Ваш *Исаков.*

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1626. Л.4.

476. В.Ф.Панова, Д.Я.Дар

Ленинград, 27 января 1966

ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ЗПТ К ХОРУ НЕЖНО ЛЮБЯЩИХ ВАС ХОТИМ И МЫ ПРИСОЕДИНИТЬ СВОЙ ГОЛОС И ЛУЧШИЕ ПОЖЕЛАНИЯ = ПАНОВА ДАР

ФЭ. Ед.хр.2017. Л.2.

477. А.И.Дейч

Москва, 27 января 1966

Дорогой Илья Григорьевич!

Знаю, что Вы не очень любите торжественные даты и юбилеи. Но это только повод, чтобы лишний раз выразить Вам чувство глубокой симпатии и восхищения Вашим мужественным и благородным талантом.

Много, много лет, когда я думаю о Вас, радуюсь, что Вы – мой большой и смелый современник.

Будьте здоровы!

Всегда Ваш

Ал.Дейч.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

478. И.М.Майский

<Москва,> 28. I <19>66

Если не ошибаюсь, дорогой Илья Григорьевич, где-то на днях Вам исполнилось 75 лет. Находясь в больнице, точной даты проверить не мог, помню лишь, что день рождения приходится примерно на неделю позже моего.

Шлю Вам искреннее поздравление – не с тем, конечно, что Вам стукнуло 75 лет (с чем тут поздравлять?), а с тем, что Вы дошли до этой знаменательной даты таким живым, активным и боевым человеком, несмотря на все труднос-

ти и испытания, которые выпали на Вашу долю.

Я рад, что 40 лет назад судьба впервые свела нас с Вами в редакционном помещении «Звезды»¹, и что с тех пор наши пути часто перекрещивались, а наши отношения приняли дружеский характер.

Скажу прямо: Вы являетесь постоянным обитателем моего духовного мира, и я с величайшей симпатией слежу за всеми событиями Вашей жизни.

Позвольте однако именно сегодня со всей откровенностью сказать, что в последнее время тонус наших с Вами отношений меня не вполне удовлетворяет. Может быть, я ошибаюсь – и я хотел бы, чтоб это было так, – но мне кажется, что в последнее время Вы как-то стали терять интерес к сохранению тех отношений, которые установились между нами в течение десятилетий, и как-то отодвигаетесь от меня. Мне это очень жаль, ибо мы оба относимся к той чрезвычайно ограниченной категории людей, которых, несмотря на известные разногласия по отдельным вопросам, связывают тесные узы – не только узы принадлежности к одному поколению, но и общность многих взглядов на мир, на людей, на понятия и принципы, о чести и благочестии.

Не будем бояться слов, – мы оба с Вами старики: Вам 75, мне 82. И мне очень хотелось бы, чтобы наши отношения в те немногие годы, которые еще подарит нам судьба, были ясными, теплыми, дружественными, какими по сути дела они и должны быть.

Крепко жму Вашу руку, желаю Вам здоровья и надеюсь, что действительность быстро рассеет мои, возможно, несколько преувеличенные больничной обстановкой опасения.

Ваш *И.Майский*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1627. Л.33. На бланке Больницы Академии наук СССР. ИЭ был в январе-феврале во Франции; его дружественный ответ Майскому см. П2, №572. Страницы из «Дневников» И.М.Майского, посвященные ИЭ, см.: ВЛ, 1990, №11-12. С. 271-282.

¹ В 1924 г. И.М.Майский был редактором журнала «Звезда».

479. З.Н. и В.П.Некрасовы

Киев, 29 января 1966

**ЖЕЛАЕМ ВАМ ДОРОГОЙ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ
ЕЩЕ СТОЛЬКО И ТАКОЙ ЖЕ БОДРОСТИ = НЕКРА-
СОВЫ**

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Зинаида Николаевна Некрасова (урожд. Мотовилова; 1879–1970) – врач, мать В.П.Некрасова.

480. Ф.М.Левин

Москва, 31.I.1966

Дорогой Илья Григорьевич!

От всей души поздравляю Вас с семидесятипятилетием, хочу сказать, что уважаю, люблю Вас, радуюсь тому, что Вы существуете. Мысль о том, что Вы есть на свете, внушает гордость за человечество, способное рождать таких людей. Вы украшаете собою нашу страну. Это не юбилейные слова, это то, что я думаю о Вас.

Будьте всегда здоровы и бодры, деятельны и энергичны. Желаю вам долгих, долгих лет.

Ваш Федор Левин.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Федор Маркович Левин (1901–1981) – критик.

481. Ф.Г.Раневская

<Москва, январь 1966>

Дорогой Илья Григорьевич,

Вам, самому любимому писателю со времен моей молодости, я всем сердцем хочу пожелать многого и только хорошего.

С восхищением и глубочайшим уважением

Ф.Раневская.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2037. Л.2. Фаина Григорьевна Раневская (1896–1984) – актриса театра и кино.

482. П.Пикассо

Мужен, 7 февраля 1966

Мой дорогой Илья,

я в отчаянии, что меня не было в Мужене, чтобы принять тебя и г.Зорина¹, которого мне горячо рекомендовали, потому что я выздоравливал. Я пробуду еще некоторое время в горах на отдыхе. Я думаю вернуться во вторник в Мужен и мне очень хотелось бы увидеть тебя до твоего отъезда и объяснить тебе не письменно, а устно, насколько неверны причины, придуманные журналистами, упрекавшими меня в недружественном отношении к советскому строю².

Преданный тебе твой старый друг

Пикассо.

Впервые – *Б.Я.Фрезинский*. Илья Эренбург и Пабло Пикассо // Памятники культуры. Новые открытия. 1996. М., 1998. С. 84. Подлинник – ГМИИ им. Пушкина. Ф.41. Оп.1. Д.1. Л.41.

¹ Валериан Александрович Зорин (1902–1986) – посол СССР во Франции.

² Речь идет о ситуации в связи с вручением Пикассо международной Ленинской премии мира. От стандартной церемонии получения премии в Кремле художник отказался; сорвалась также договоренность, что премию ему вручат дома ИЭ и Зорин; в итоге 26 апреля 1966 г., приехав к Пикассо с Л.Мэр, ИЭ вручил ему премию.

483. П.Г.Григоренко

Москва, 26 февраля 1966

Дорогой Илья Григорьевич!

1. Очень прошу простить меня за то, что я всё же воспользовался Вашим согласием принять мое письмо и посылаю его Вам. Поверьте, что только крайние обстоятель-

ства (два года безрезультатной борьбы с произволом) вынудили меня на то, чтобы отнимать у Вас дорогое время и силы на мои личные дела.

2. Во время нашей встречи мне не удалось дать содержательный ответ на Ваш вопрос. Но это не потому, что нет или что я не вижу фактов, свидетельствующих об усилении угрозы возрождения сталинизма. Просто я не был подготовлен к ответу на такой вопрос в обстановке для меня необычной (первый в моей жизни разговор с великим писателем).

Я, конечно, и не помышляю о том, чтобы еще раз оторвать у Вас драгоценные минуты, но если бы вторая встреча состоялась, я сумел бы ответить на этот вопрос.

Желаю Вам, дорогой Илья Григорьевич, здоровья и многих лет творческой жизни.

С глубочайшим уважением

П.Григоренко.

Писателю Эренбургу И.Г.

Илья Григорьевич!

К Вам обращается бывший военнослужащий генерал-майор Григоренко Петр Григорьевич.

В начале февраля 1964 года я был арестован органами КГБ, предъявившими мне обвинение по ст.70 УК РСФСР (антисоветская пропаганда). В ходе следствия меня направили на психиатрическую экспертизу, хотя я и протестовал против этого, считая обвинения необоснованными.

Экспертиза пришла к заключению, что действия, послужившие поводом для ареста, совершены мною в состоянии психической неменяемости. Военная Коллегия Верх<овного> суда СССР, рассматривавшая это заключение в закрытом заседании 17 июля 1964 года признала меня (по психическому состоянию) неответственным за содеянное и, прекратив уголовное дело, направила на принудительное лечение. Ни я, ни мой представитель на засе-

дание допущены не были, хотя по закону обязательно то или другое.

Если придерживаться закона, то после того, как названное определение Военной Коллегии вошло в силу, уже никто не мог применить ко мне никаких репрессий за совершенное. Из армии меня имели право уволить, после этого, только «по болезни», с выплатой положенного выходного пособия и производством расчетов по день увольнения. С этого же дня надлежало выплачивать мне заранее предусмотренную пенсию.

Так положено по закону. И так фактически обстоит со всеми военнослужащими, совершившими преступления (до убийства включительно) в состоянии психической невменяемости. Это мне сказал Главный Психиатр Вооруженных сил генерал-майор медицинской службы Тимофеев Н.Н. Это же подтверждает пример двух бывших военнослужащих, находившихся вместе со мной на принудительном лечении: инженер-подполковник Шевченко Н.И. и подполковник Бурковский Н.С. Оба они совершили тяжчайшие преступления (убийство), но были уволены в соответствии с законом – «по болезни» – и получили пенсии по закону о пенсионном обеспечении военнослужащих.

Со мной все произошло иначе. Еще в больнице до меня дошли слухи, что Совет Министров разжаловал меня в рядовые за те действия, кои я совершил, по определению суда, в состоянии психической невменяемости. Эти слухи в официальном порядке не подтверждены и до сих пор. Но я реально ощущаю на себе следующее:

1. На службе меня не восстановили и жалование, следовательно, не выплачивают;

2. Увольнение из армии не оформлено – не выдано никаких документов о моей службе в армии, не выплачено выходное пособие и не произведены расчеты по день увольнения;

3. Законом предусмотренная пенсия не назначена;

4. Незаконно конфискована часть моих личных вещей.

Будучи выписан из больницы (22.4.65 г.) с инвалидностью II-й группы (со специальной отметкой – «работать не может»), но без пенсии, на попечение жены, которая получает по инвалидности пенсию шестнадцать рублей, я оказался в тяжелейшем положении. Чтобы получить возможность заработать на кусок хлеба, я стал добиваться отмены инвалидности. Но когда этого достиг, оказалось, что без документов об увольнении из армии я не могу поступить на работу. И вот я, ученый – специалист в области военного искусства и общей теории кибернетики, – инженер-строитель, паровозный слесарь и машинист, оказался пригодным только для тяжелого неквалифицированного труда, да и то временного характера. До сегодняшнего дня я работаю грузчиком в овощном магазине. И никакого просвета не видно. Все жалобы жены остаются без ответа. Когда же попытался писать я, мне пригрозили высылкой из Москвы или заключением в психиатричку, если я не прекращу жаловаться.

Это все и заставило меня обратиться к Вам, выдающемуся писателю-гуманисту нашего времени, человеку большой души с просьбой поднять свой голос протеста против творимого со мной произвола.

П. Григоренко.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Петр Григорьевич Григоренко (1907–1987) – правозащитник, диссидент.

2 марта 1966 г. генерал Григоренко писал секретарю Эренбурга Н.И.Столяровой: «Уважаемая Наталия Ивановна! признаться, меня встревожило Ваше сообщение по телефону о том, что И.Г. думает, как мне помочь. Поверьте, я не хотел сильно затруднять его. Дело в том, что у меня есть надежда, что творимые в отношении меня беззакония лишь прикрываются именем правительства, а исходят из околоправительственных сфер, которые в интересах самосохранения не пропускают к членам правительства ни одного моего письма. Но коль скоро дело обстоит так, любое письмо, хотя бы с самым коротким сообщением об этих беззакониях, если оно попадет в правительство, сыграет решающую роль в моем деле. Я полагаю, что письмо

Ильи Григорьевича, адресованное тов. Косыгину или любому другому члену Президиума ЦК, задержать не осмелятся и оно дойдет до адресата... Ну, а насчет результата – пусть это ни Вас, ни Илью Григорьевича не беспокоит. Если беззакония исходят не от правительства, они будут немедленно отменены. А если от него? Вот тогда и будем думать, что же делать дальше...». К этому письму был приложен проект письма ИЭ с запросом о судьбе генерала Григоренко.

484. Г. Берлеви

Париж, 22 марта 1966

Дорогой господин,

Я был приятно удивлен и взволнован, прочитав в еврейской газете, выходящей на идиш, «Arbeiter Wort» перевод Вашего «Ответа Маргарите Алигер»¹. Если это не подделка (пожалуй, наше время побило все рекорды по количеству фальшивок), если в самом деле Вы автор «Ответа», то я очень рад за Вас, примите мои поздравления!

В нашу последнюю встречу в Париже я уже говорил Вам о тех ностальгических чувствах, которые я испытываю к «героической» берлинской эпохе двадцатых годов и в особенности к некоторым друзьям – товарищам по оружию, вместе с которыми я имел честь сражаться за обновление искусства. Одним из моих друзей был Лисицкий², и так как вы оба участвовали во многих акциях нашего движения (сегодня они стали легендой: «Вещь», «А все-таки она вертится»³ и др), то частично моя ностальгия относится и к Вам. Лисицкий и Эренбург – символы революции в искусстве и литературе, по крайней мере, для меня. Представляю, с какой иронической усмешкой Вы читаете эти строки... Но я не могу удержаться и промолчать о своих ностальгических чувствах и надеюсь, что в глубине души Вы их разделяете.

Недавно я специально ездил на поезде в Голландию, в Эйндховен, чтобы попасть на вернисаж Лисицкого⁴. После выставки я задумался о разных вещах, и в памяти опять всплыло Ваше имя.

Посылаю Вам превосходный каталог этой выставки, среди прочего там есть и моя заметка⁵, надеюсь, она Вас заинтересует. В ней я делаю упор на внутреннем драматизме еврейской души у всех евреев, без исключения. Я был бы рад узнать Ваше мнение на сей счет.

Пользуюсь случаем, чтобы послать Вам также статейку о себе, напечатанную в «Комба».

Сейчас я дописываю книгу о механистичности фактуры, она выйдет на четырех языках, включая русский, в берлинском «Gerhardt-Verlag». Это авангардистское издательство выпускало Макса Эрнста, Генри Миллера⁶, а совсем недавно у них вышел великолепный Бёрдсли⁷. Потом я примусь за эссе о конструктивизме, которое мне заказал дармштадтский Bauhaus-Archiv.

В связи с этим заказом я хотел бы с исследовательскими целями приехать в СССР (на два-три месяца), чтобы собрать обширный исторический материал о русском конструктивизме и супрематизме. Меня особенно интересует творчество Татлина, Родченко и Малевича⁸. Чтобы эти планы осуществились наилучшим образом, как в интересах искусства вообще, так и русского искусства в частности, Ваша поддержка оказалась бы очень ценной для меня, и я был бы Вам за нее весьма признателен.

Я буду благодарен Вам за любые предложения по этому поводу.

Жду Вашего ответа, дорогой господин, и прошу принять заверение в моей преданности, а также передать госпоже Эренбург мое глубочайшее почтение.

Генрик Берлеви.

P.S. Я буду счастлив, если Вы согласитесь прислать мне одно или несколько Ваших произведений с автографом. Я бережно сохраню их в моем архиве.

Впервые. Перевод М.Сальман. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1279. Л.1. Г.Берлеви (1894–1967) – художник, родом из Варшавы, работал в Германии и Франции.

¹ «Ответ Маргарите Алигер» – стихи анонимного автора-графомана, написанные в виде ответа ИЭ на «Твою поэму» М.Алигер; имели широкое хождение в самиздате (особенно в еврейской среде СССР).

² Эль Лисицкий (Лазарь Маркович; 1890–1941) – художник, фотограф, дизайнер.

³ «Вещь» – журнал литературно-художественного авангарда, который в 1922 г. в Берлине выпускали Иэ и Лисицкий. «А все-таки она вертится» – книга ИЭ, посвященная искусству конструктивизма (Берлин, 1922).

⁴ Выставка Лисицкого проходила с 3 декабря 1965 по 16 января 1966 в Эйндховене; с 27 января по 6 марта 1966 в Базеле и с 22 марта по 17 апреля 1966 в Ганновере.

⁵ Г.Берлеви. Лисицкий в Варшаве // «Эль Лисицкий». Эйндховен – Ганновер, 1965. С.61-63.

⁶ Макс Эрнст (1891–1976) – немецкий художник; Генри Миллер (1891–1980) – амер. писатель; в 1920-е гг. жил в Париже.

⁷ Обри Бёрдсли (1872–1898) – англ. рисовальщик, классик стиля «модерн».

⁸ Владимир Евграфович Татлин (1885–1953) – художник; Александр Михайлович Родченко (1891–1956) – художник, фотограф, дизайнер; Казимир Северинович Малевич (1878–1935) – художник-супрематист.

485. К.Г.Паустовский

Н.Ореанда, 14/IV <19>66

Дорогой Илья Григорьевич, – спасибо за вырезку из «Monde». Не мог вовремя поблагодарить Вас, настолько ослаб от болезни, что почерк мой превратился в некие дурацкие иероглифы и я сам не мог себя прочесть. Сейчас стало лучше, но все же я болен. Крым (весенний) для астмы и сердца – место коварное. Как Любовь Михайловна и как Вы? Сейчас, когда в Вашем доме появился Виктор Абрамович¹, стало спокойнее на душе. Это – обаятельный человек и талантливый врач. Через месяц, если выкарабкаюсь из своего «задуха», – вернусь в Москву.

Живем в Нижней Ореанде, – здесь очень пустынно, и

мы окружены только сотнями воробьев – чудный народ! Цветут анемоны. С моря наносит туманы. С севера наносит муру, как обычно². Здесь Мариэтта Шагинян, чегой-то она пишет – не то о забытых композиторах, не то по теории гальванопластики. Кипит!

Не болейте: помните гимназический лозунг: «Плюнь на все и заботься о своем здоровье».

Когда же мы увидимся?? Обнимаю. Вам и Любове Михайловне привет.

Ваш всей душой

К.Паустовский.

Впервые. Подлинник – собрание составителя.

¹ В.А.Коневский – кардиолог, опекавший семью Эренбургов (в августе 1967 г. он лечил ИЭ от инфаркта); в 1965 и 1966 гг. лечил от инфаркта Л.М.Козинцеву-Эренбург. 23 апреля 1966 г. Паустовский ей писал: «Дорогая Любовь Михайловна, – спасибо за лекарство от имени (в моем лице) всех киевских гимназистов. Мы редко видимся и это очень плохо. Время с нами не считается. А между тем, как я прочел на татуировке у какого-то матроса: «Года идут, а счастья нет». Примите мой самый сердечный привет. Илью Григорьевича обнимаю. Ваш К.Паустовский».

² Имеются в виду московские новости.

486. В.Т.Шаламов

Москва, 28 апреля 1966

Илья Григорьевич!

От всей души благодарю Вас за выступление в библиотеке 9 апреля¹. Только сегодня мне удалось просмотреть запись Ваших ответов на вопросы (а о самом вечере я и не знал).

Я совершенно согласен с главной мыслью – о необходимости реабилитации совести, о нравственных требованиях, которые предъявляет к человеку подлинное искусство. Ответ – в искусстве, а не в спутниках, не в лунах. Полеты в космос не сделают человека ни хуже, ни лучше, ибо по

Вольтеру: «Геометрия оставляет разум таким же, каким она его находит».

Верно и то, что не в Сталине дело. Сталин даже не символ. Дело гораздо, гораздо серьезней, как ни кровавы те тридцать седьмого года. Вы отвели «неограниченное количество часов» для человека, который может ответить на этот вопрос. Ответ существует, только он ищется десятилетиями, а выговаривается годами.

О письме, адресованном Вам². Эрнст Генри – не из тех людей, которые имели бы право делать Вам замечания, наскоро сколачивая себе «прогрессивный» капитал. Я отказался читать эту рукопись именно по этой причине.

Очень, очень рад, что Вы без обиняков заговорили об отношении к Вашей книге в «Новом мире»³. Это – журнал конъюнктурный, фальшивый, враждебно относящийся к интеллигенции⁴. Хрущева они чернят с 18 октября 1964 г., начиная с очерка Троепольского о репах и кончая последними стихами Твардовского о деревне⁵.

Рад, что восстановлена глава о Фадееве, зачеркнутая Твардовским. Рад, что воскресло имя Бухарина. Рад, что Вы расширите Тынянова, что Вам обещают 8 и 9 том собрания сочинений⁶.

О молодежи. Это очень важно, это страшная вещь: о сорока библейских годах, о погибших поколениях, отравленных этим ядом. Мне скоро шестьдесят лет, и я хотел жить лучше других. Я отвечаю на вопрос о молодежи иначе, чем Вы, но хотел бы жить Вашей верой!

М.б., Вы и правы.

Желаю Вам здоровья, сил духовных и физических, необходимых в Вашей огромной работе, за которой я много лет слежу с самым теплым чувством.

Ваш *В.Шаламов*.

Впервые – Нам надо реабилитировать совесть. Диалог 1966: Илья Эренбург – Варлам Шаламов. Публикация, статья и комментарий Б.Фрезинского // Советская культура, 26 января 1991. Подлин-

ник – ФЭ. Ед.хр.2366. Л.2. Прозаик и поэт Варлам Тихонович Шаламов (1907–1982) познакомился с ИЭ лично, видимо, 13 мая 1965 г. на вечере Мандельштама в МГУ, где он выступал, а ИЭ председательствовал.

¹ Имеется в виду выступление ИЭ на обсуждении книги ЛГЖ в Молодежном клубе интересных встреч (Москва, библиотека им. Фурманова на Беговой ул.) 9 апреля 1966; это было одно из последних публичных выступлений ИЭ; запись его распространялась в самиздате – опубликована в «Советской культуре» 26 января 1991.

² Речь идет об открытом письме Эренбургу публициста Эрнста Генри (см. Дружба народов, 1988, №3), которое распространялось в самиздате, но ИЭ послано не было. Генри обвинял ИЭ в неправильном освещении в ЛГЖ роли Сталина; ответить на это письмо печатно ИЭ не имел возможности в силу условий тогдашней цензуры.

³ ИЭ не комментировал отношения к ЛГЖ в «Новом мире», но сказал, что главу о Фадееве «не дали напечатать».

⁴ В этом запальчивом суждении сказались, надо думать, не столько объективные свойства журнала, где превозносили Солженицына, сколько резко отрицательное отношение редакции НМ к прозе самого Шаламова.

⁵ Хрущев был свергнут 14 октября 1964 г. В очерке Г.Тропольского «О реках, почвах и прочем» (Новый мир, 1965, №1) и в стихах Твардовского «А ты самих послушай хлеборобов» (Новый мир, 1965, №9) содержались высказывания, воспринимавшиеся читателями как критика ошибок Хрущева и выражение надежды (наивной, конечно) на государственный ум и гуманность нового руководства.

⁶ Говоря об обещании издательства включить в т.8 и т.9 его Собрания сочинений ЛГЖ, ИЭ сказал, что надеется там напечатать главу о Фадееве и новые страницы о Тынянове.

487. Г.О.Казакевич

<Москва,> 12 мая <19>66

Дорогой Илья Григорьевич!

Я обращаюсь к Вам за советом, как к единственной и высшей инстанции. Ваш совет, если Вы захотите мне его дать, будет для меня окончательным, и я поступлю так, как Вы скажете.

Сомнение же у меня такое: следует ли в книгу «Дневниковые записи» Эммануила Генриховича включить такую запись:

20.8.61

Был у меня сегодня виленский еврейский поэт Ошерович¹. Читал мне свои поэмы, одна – о Спартаке, другая – об исходе из Египта, третья – о Хиросиме. Написано с умением, местами талантливо и умно. Единственная беда: никому не нужно. Писать на живом, полном жизни языке, на котором говорят и производят материальные ценности люди – рабочие и крестьяне – писать на таком языке можно лучше или хуже; писать же на умирающем или уже умершем языке после той трагедии, которую народ и язык пережили, можно только гениально, иначе это никому не нужно. Но! Диалектика! Писать гениально можно только на полном жизни, живом, развивающемся языке. Когда литература становится личным делом 50-ти или 500 человек, она теряет основную свою функцию – перестает быть средством общения и средством совершенствования общества. Потеряв это качество, она перестает быть литературой. В большом огромном хозяйстве – Спартак тоже вещь. В крошечном мирке, где все дела, кроме стихописания, делаются на других языках – Спартак nonsense. И все-таки, хотя тебе смешно и грустно, но при этом ты немножко гордишься человеком. «Что тебе Спартак?» – думал я с таким же удивлением, как некогда Гамлет думал: «Что ему Гекуба? Что она – ему?»

То мне кажется, что из-за сиюминутных соображений не нужно включать эту запись, иногда же кажется, что застрочный смысл важнее. Или, может быть, опустить какие-то слова из записи, как, напр., «смешно», «немножко», «уже умершем».

Сделайте милость, простите меня за это обращение.

Дай Вам бог сил и здоровья.

Галина Осиповна Казакевич.

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Г.О.Казакевич – вдова писателя Э.Г.Казакевича. Книга, куда вошли его «Дневниковые записи», вышла лишь в 1990 г. (Э.Казакевич. Слушая время. Составление Г.О.Казакевич. М., 1990); приводимая здесь запись от 20 августа 1961 г. в нее не вошла. 26 мая 1966 г. ИЭ ответил вдове Казакевича: «Я понимаю Ваше колебание. Действительно, это сжатая дневниковая заметка Эммануила Генриховича может в настоящее время прозвучать болезненно для писателей, пишущих на идиш. А этого он, конечно, не мог пожелать».

¹ Гирш Шоломович Ошеревич (1908–1994) – еврейский поэт, родился и жил в Литве; его поэма о Спартаке напечатана в 1964 г.

488. Е.Г.Полонская

Комарово, шестое августа 1966

Дорогой Илья!

Прости, что не сразу ответила на твое письмо¹. Уже месяц живу в Комарове. С каждым годом пути мои короче, и я даже не знаю, когда могу повидаться с тобой. Но в конце концов мы еще встретимся, убеждена в этом. Спасибо за то, что ты дал объявление в газету и даже поручил кому-то позаботиться². Я все же верю, что найду следы Таламини в Италии или Швейцарии, или Париже.

Мне казалось, что я уничтожила его письмо в один из страшных дней Сталинской эпохи... но неожиданно нашла его на днях в одном из старых ящичков в моей комнате, да еще вместе с другим трагическим извещением. Память о старых днях нахлынула, и стало невероятным, что его нет в живых. Вот я и написала тебе, а вдруг прошлое вернется, хоть и научена опытом. Прости, если затруднила тебя своим поручением!

Хотела бы, чтобы ты прочел мою избранную книжку стихотворений³. В последние дни старые стихи возвращаются ко мне.

Слова, которые когда-то я писала,
Внезапно возвращаются ко мне.

Они теперь крылатей, чем бывало,
 Звучат в невыносимой тишине.
 Устами ссыльных и десятилетий
 Они сегодня говорят со мной.
 Я счастлива, что я жила на свете,
 Нет, не напрасно прожит день земной!
 Моих наставников благодарю я низко,
 Но их уж нет, до них мне не достать...
 Хочу я в прошлое послать записку,
 Но лучше в будущее послать!⁴

С большим интересом читала твою статью в «Известиях» о Четырнадцатом июле⁵. Меня твои строки взволновали, и мне кажется, что они должны действовать так же и на людей. Спасибо тебе.

Перед смертью Шуры⁶ я диктовала ему мои воспоминания о Париже, и он заставил меня написать и о театрах и о многом другом. Я читала эти страницы ленинградским друзьям. Им очень нравится и советуют напечатать в книге воспоминаний. Конечно, «муза цензуры» стоит на страже, и я не забываю о ней.

Очень хочу тебя видеть! Береги себя, дорогой. Привет Любви Михайловне.

Обнимаю.

Твоя *Лиза*.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2056. Л.36-37.

¹ Письмо от 13 июля 1966 (П2, №575).

² По просьбе Полонской ИЭ разыскивал ее друга 1910-х гг. итальянского журналиста А.Таламини; он дал объявление об этом поиске в газете и попросил дочку М.Шагала проследить за ходом поиска.

³ 27 мая 1966 ИЭ сообщил Полонской: «Получил твою книжку» (П2, №574).

⁴ Стихи 1966 г.; первая и третья отредактированные строфы напечатаны в альманахе «День поэзии». Л., 1969. С.118.

⁵ *И.Эренбург*. Четырнадцатое июля <статья о национальном празднике Франции> // Известия, 14 июля 1966.

⁶ А.Г.Мовшенсон.

489. А.Л.Каплан

Ленинград, 29 августа <19>66.

Дорогой Илья Григорьевич!

У меня большой праздник, когда получил Ваше письмо. Спасибо. Я очень рад, что Вам понравились мои последние литографии – это обязывает меня еще усерднее трудиться. Я работаю и все время помню, что Ваше предисловие к каталогу выставки сыграло решающую роль в деле издания моих альбомов литографий. Недаром мои товарищи говорили мне, «что путевку в жизнь тебе дал Илья Эренбург». Огромное спасибо Вам.

Дорогой Илья Григорьевич!

Я хочу предложить Вам – «Обществу СССР–Франция» сто или двести моих литографий разных сюжетов для выставки в некоторых городах Франции (пейзажи Л<енингра>да, листы к произв<едениям> Ш<олом>Ал<ейхема> и на мотивы песен и народных сказок (цветные литографии)).

Если Вы найдете мое предложение реальным, то я листы привезу в Москву.

Крепко обнимаю Вас и желаю Вам много здоровья и всего-всего доброго.

Искренний привет Любви Михайловне.

Ваш Каплан.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1651. Л.35-36.

490. А.С.Эфрон

<Таруса,> 1 октября 1966

Дорогой Илья Григорьевич! Посылаю Вам копию своего письма Елинсону¹ по поводу того «монумента», с проектом которого приходил к Вам Арий Давыдович².

Дело в том, что: на предполагаемом месте погребения мамы в 1960 г. Ася (Цветаева) поставила крест, к<отор>ый там и находится, и содержится в порядке мамиными (по-

смертными) друзьями из С<оюза> П<исателей> Татарии. И никто не давал права Литфонду, не спросив нас, членов семьи, снимать этот крест, нами установленный, и заменять его иным памятником. Ведь это же безобразие: семидесятилетняя сестра мамы на первую свою пенсию ставит крест на елабужском кладбище, а потом кому-то не нравится, кто-то «принимает решение» и самовольничает. Мы с Асей не дружим, но тут я всецело на ее стороне.

Второе: разработать проект памятника и осуществить его Литфонд поручает... Елабужскому горсовету. Ну при чем тут елабужский горсовет? Ведь это же – от самой простой плиты до чего-то более сложного, специалисты должны обдумать и сделать. Точно нет у нас скульпторов или камнерезов, и точно Цветаева такая уж у нас у всех сирота, что кроме елабужских чиновников некому и позаботиться о ее надгробии!

Что же делает елабужский горсовет? Предлагает взять с заброшенной купеческой могилы подержанный купеческий монумент с колонками, почистить, изменить надпись и – готово, почтили; Литфонд соблазненный дешевизной, соглашается, утверждает; когда, узнав случайно об этом предприятии, «встречаю» я, Арий Давыдович (кстати, хороший он человек вообще-то!) спешит к Вам, чтобы заручиться Вашей поддержкой и – заручается; ведь Вы-то ничего, никакой подоплёки не знали³.

Честное слово, Илья Григорьевич, подобный «монумент» годится разве для какого-нибудь из (сомнительных!) героев Ваших «Тринадцати трубок», а с мамой так поступать нельзя – пусть все на свете кресты и памятники – пустая проформа, когда человека нет в живых; но и в проформе надо соблюдать приличие (хотя бы).

Одним словом, мы (семья) решили отказаться от литфондовско-елабужского варианта, о чем и ставлю Вас в известность – как друга и как члена цветаевской комиссии. Кстати, мы-то в Литфонде ничего для Елабуги и не просили; просили ссуду на реставрацию цветаевского домика в

Тарусе; но об этом – ни слуху, ни духу, а домик растаскивают на дрова.

Я думаю, мы в дальнейшем сумеем устроить приличный и приличествующий памятник в Елабуге. Если сама не сдюжу (в смысле денег), то пройду с шапкой по кругу; не впервой. А пока и так хорошо.

Крепко обнимаю Вас и Любу. Я всегда вас помню, но никогда не дотягиваюсь; заедают меня обязательные востепенности, а главное – недостает меня; нынешняя моя жизнь – Тришкин кафтан.

Ваша Аля.

P.S. Нашла свои детские, московские, тетради с протокольными, дотошными, детскими же записями – про Вас, Любу, Княжий двор...⁴

Впервые. Подлинник – собрание составителя. Последнее письмо А.С.Эфрон к ИЭ; 3 сентября 1967 г. она писала близким: «Какая жалость, что ушел от нас Эренбург! С ним ушла из писательской среды соль – хорошей злости соль, высокой культуры соль, собственного мнения соль, быстрого действия соль – да разве перечислишь все крупинки этой соли?! А еще ушел человек нашего поколения. Вообще неммыслимо себе представить жизнь... да почти что нашей планеты жизни! – без этого едкого старика, оппонента, спорщика и борца, зачастую и защитника, всерьез, не на словах защитника многих близких нам правд против многих и многих кривд...» (А.Эфрон. А душа не тонет. Письма 1942–1975. М., 1996. С.314).

¹ Николай Львович Елинсон – зам. директора Литфонда.

² А.Д.Ратницкий – сотрудник Литфонда, занимавшийся похоронами писателей.

³ 12 октября 1966 г. ИЭ писал А.С.Эфрон: «Я очень сожалею о своем невольном участии в истории с памятником в Елабуге. Я был взят врасплох Арием Давыдовичем.... надеюсь, что Ваше вмешательство поспело вовремя...», об этом же ИЭ написал Ратницкому (см. П1, №578).

⁴ Текст этих записок «Золотое сердце Эренбурга» А.С.Эфрон переписала для ИЭ и прислала ему; включены в ее воспоминания о М.Цветаевой (см.: А.Эфрон. Марина Цветаева. Калининград, 1999. С.165-167).

491. А.Мальро

Париж, 23 ноября 1966

Дорогой друг,

Вот официальные ответы, связанные с ружьем¹:

Вы могли бы его отдать в посольство Франции (которое доставило бы его запакованным) в адрес дирекции Музеев Франции, дворец Лувра.

Указанная дирекция передала бы его в Отель Инвалидов или, что было бы лучше, в Музей Охоты, который открывается в конце февраля в особняке Мансар в Марэ², там уже есть одно ружье императора.

Мы, наверное, устроим на телевидении небольшую церемонию передачи орудия, когда Вы будете в Париже.

Если это Вас устроит...

Очень дружеский привет Любе и Вам.

Андре Мальро.

Впервые – *Б.Фрезинский*. Ружье Бонапарта // Всемирное слово, 2000, №13. С.81 Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1863. Л.3. На бланке министра культуры Франции. Андре Мальро (1901–1976) – французский писатель, министр культуры во время президентства де Голля, близкий друг ИЭ в 1930-х гг.

¹ Речь идет об охотничьем ружье Бонапарта, обнаруженном в марте 1945 г. советской частью в усадьбе Ренгоф Восточной Пруссии и присланном ИЭ в подарок в сопровождении соответствующего акта. В 1966 г. после визита генерала де Голля в Москву (ИЭ с ним тогда встречался) ИЭ принял решение отреставрировать ружье и вернуть его Франции, о чем он написал Мальро (П2, №583, см. также №584, 588, 590).

² Аристократический квартал в центре Парижа.

492. Н.Леже

<Париж,> 27 XII 1966

Дорогой товарищ Эренбург!

Выставка Пикассо в Москве на меня произвела очень большое впечатление. Выставка организована прекрасно.

Вы много способствовали ее устройству, и я благодарна Вам за это. Вы знаете, как глубоко я люблю искусство, и я рада, что мои дорогие соотечественники, особенно молодежь, могут познакомиться с литографиями Пикассо.

Во время войны Вы были для меня примером того, как должен мыслить и действовать большой писатель и художник. Вы понимали партию и народ и боролись вместе с ними за великое дело. Теперь же некоторые Ваши высказывания меня удивляют и огорчают.

Однажды, еще при жизни Леже¹, Вы мне сказали, что мои картины Вам не нравятся. Это мне совсем не причинило боли, так как я не была бы художницей, если бы я была удовлетворена своими картинами. Но мне больно, когда вспоминаю Ваши слова, сказанные в Париже, после того, как я подарила Советскому государству керамику Пикассо: «Вы дарите бриллианты свиньям». У меня в Советском Союзе большая родня, все скромные труженики, и эти слова меня оскорбили вдвойне. О выставке Ф.Леже в Москве² Вы высказались, что она была сделана плохо, и представляла из себя пустое дело. Я знаю, что Вы любите искусство и в частности творчество Пикассо и Леже. И я не представляю, как можно, любя Леже, очернять его выставку в Москве, выставку, на которую было положено столько сил и столько труда и которая имела такой успех. Мне очень неприятно иметь разногласия с такими людьми, как Вы. Сейчас, как никогда, мы, люди искусства, должны быть сплоченными.

Я приехала в Москву на несколько дней, остановилась в гостинице «Минск». Надеюсь, что Люба чувствует себя лучше³. Посылаю Вам платок – репродукцию Ф.Леже, которую издал музей⁴. Надеюсь, что Любе доставит удовольствие.

Ваша *Надя Леже*.

P.S. Может быть, что письмо Вам будет неприятно, но я же повторяю только Ваши слова, которые, по-моему,

противоречат Вашим делам. Быть может, Вы сказали их будучи в плохом настроении и не желая меня огорчать.

Желаю Вам счастливого нового года, здоровья.

Н.Л.

Впервые. Подлинник – ГМИИ им. Пушкина. Ф.41. Оп.1. Д.1. Л.31. Художница Надежда Петровна Леже (урожд. Ходосевич; 1904–1982), родилась в белорусской крестьянской семье, в 1922 г. уехала в Польшу, откуда перебралась в Париж, где училась у Ф.Леже и сблизилась с ним, а в 1952 г. вышла за него замуж. Сразу после смерти Ф.Леже в 1955 г. организовала его музей и вышла замуж за его ученика Ж.Бокье. Убежденная сторонница коммунистических взглядов. В мемуарах ЛГЖ (27-я глава 1-й книги посвящена Ф.Леже) имя Н.Леже не упоминается, но с симпатией говорится о его первой жене Жанне.

¹ С Фернаном Леже ИЭ познакомился и подружился в 1910-е гг. в Париже.

² Имеется в виду открытая в Москве в 1963 г. совместная выставка работ Ф.Леже, Н.Леже и Ж.Бокье.

³ В 1965 г. Л.М.Козинцева-Эренбург перенесла инфаркт.

⁴ Речь идет о музее Ф.Леже, созданном Н.Леже в Бьоте.

493. В.Т.Шаламов

Москва, 28 XII <19>66

Дорогой Илья Григорьевич,

От всей души поздравляю Вас с новым годом, желаю здоровья, силы, долгих лет.

«ЛГЖ» вышли крайне своевременно. Измените Ваше решение – введите в «ЛГЖ» еще лет тридцать¹ – скажем с 1953 по 1983 год. Это и есть мое новогоднее пожелание.

С любовью и уважением

В.Шаламов.

Впервые – Советская культура, 26 января 1991. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2366. Л.4.

¹ В 1967 г. ИЭ приступил к написанию 7-й книги ЛГЖ, действие которой начинается в 1953 г., и успел довести повествование до 1959 г.

1967

494. М.П.Кудашева (Роллан)

Везеле, 16 января – 24 марта 1967

Дорогой Илья Григорьевич,

Я часто и с большой нежностью вспоминаю о нашей последней встрече¹ и время от времени собиралась Вам написать. Но с годами (и, вероятно, Вы тоже так чувствуете) все труднее себя «extérioriser»²; все острее ощущаешь тщету – и тщетность – всего. (Но это обманчивое ощущение, «дьявольское» наваждение – и я борюсь против... Следовательно «беру свое мужество обеими руками»: «je prends mon courage a deux mains».)

И, в конце концов, пока живешь, надо жить и следовать импульсам сердца; и из-под сорока прожитых мною жизней (из которых по крайней мере 35 стали мне, в лучшем случае, чуждыми) так повеяло на меня, когда мы снова встретились, запахом моря, ветром и свежестью молодости³, что, несмотря на все прожитое (пережитое) и накопившееся между нами, что могло бы (должно было бы) отчуждать нас друг от друга, я чувствовала – и чувствую – Вас милым мне братом, и хочу сказать Вам это. – И «tant pis»⁴ если Вы примете это за сентиментальность (мне кажется, что Вы раза два упрекнули меня в этом в Vezelay, когда я собиралась объяснить Вам свою жалость к немецким студентам: во всяком юноше я жалею своего сына и, кроме того, на старости лет, я все глубже и острее осознаю, насколько дети и молодость поддаются всем самым безумным, самым «безответственным» влияниям (вспоминаю свои собственные «Irrungen und Wirrungen»⁵ и роман Достоевского «Подросток») – я тоже мало верю – но все же верю! – в возможность «перевоспитать преступных детей» – и вообще «перевоспитать» человечество. И все же не могу не делать все возможное, по мере сил, в этом направлении – (слово «воспитание» мне не нравится; лучше сказать

«помощь») – я даже верю, что бывают случаи – могут быть случаи! – когда можно спасти и взрослого! (И кто истинно «преступен»? Кто совсем ответственен за свои поступки – даже за свои мысли и желания? Я думаю, что один Бог знает каждому вес и цену.)

(Добавлю: сколько раз я была на краю бездны; и часто спасение пришло не благодаря моим собственным усилиям, а от чьей-нибудь братской руки) –

Несколько дней позже: перечла это письмо, и хочется его разорвать. Но не разорву.

Во всяком случае: спасибо за Ваше присутствие в Везеле, за участие в colloque⁶, за разговоры со мной – и с другими: Lent Medoc рассказал мне о них. Вы произвели на него сильное впечатление. И хотя это Вам, м.б., кажется совсем ненужным и малоинтересным, на обоих немецких студентов (Hans и Freek). Я уверена, что они не забудут Вас и что все Ваши слова и вообще Ваш «comportement»⁷ заставили их многое обдумать⁸, – (каждый из них, хотя и «немец», все же человек и такой же «fils de Dieu»⁹, как и все другие) – и несмотря на Ваш показательный «цинизм» (в который я не верю – я всегда считала его просто выражением отчаяния!), я уверена, что Вы хотели бы (хотите), чтобы Ваша жизнь служила «на благо миру» (в обоих смыслах – le monde et la paix¹⁰) – не смею сказать «на благо человечества», – боюсь, что Вы не очень верите в «прогресс», – да и я часто не верю! – И кроме того, что значит «прогресс»? – Лично я (да и P<омен> P<оллан>!) не считаю, что это внешние удобства – холодильники, автомашины и т.д. – а «очеловечение» человека! – P<оллан> сказал бы (Вы, м.б., удивитесь) «мы служим Богу», «мы живем для Бога». Ибо он верил в «бога» – конечно, вне всяких «церквей»; в смысле существования, в целесообразность мира, несмотря на все, что делает его как будто бессмысленным, в необходимость борьбы –

24 марта. Здесь обрывается это письмо. Все же посылаю его Вам.

Майя.

Впервые ДП. С.663-664. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2115. Л.13.

¹ Имеется в виду участие ИЭ в симпозиуме, посвященном 100-летию Р.Роллана, в Везеле в 1966 г. ИЭ приезжал туда вместе с Л.Мэр.

² Поддерживать связи с внешним миром (*франц.*).

³ Напоминание о коктейбельских месяцах 1918–1919 гг., поре сильной влюбленности М.П. Кудашевой в ИЭ.

⁴ Тем хуже (*франц.*).

⁵ Заблуждения и ошибки (*нем.*).

⁶ Коллоквиум, посвященный 100-летию Р.Роллана.

⁷ Поведение (*франц.*).

⁸ Об этом разговоре ИЭ написал в 3-й главе 7-й книги ЛГЖ.

⁹ Сын бога (*франц.*).

¹⁰ Мир, в смысле Вселенная, и мир, в смысле спокойствие (*франц.*).

495. А.Я.Яшин

<Вологда,> 25 февраля 1967

Дорогой Илья Григорьевич!

Я совсем недавно получил Ваше новогоднее поздравление.

Новый год я встретил в больнице в г.Вологда, где пролежал почти два месяца. Жалею, что ничего не написал Вам оттуда.

Меня удивило, что для новогодней открытки Вы избрали свиную с поросятами. Хотя она и не просто свинья, а Пиросмани¹, и очень похожа на вологодских медведей, но все-таки свинья, а не медведица.

Правда, я не вижу причин, чтобы Вы подкладывали мне свинью умышленно.

Я неизменно чту Вас и очень хочу, чтобы Вы не огорчались по пустякам.

Берегите себя. Здоровье свое. Приятно знать, что Вы продолжаете работать.

Александр Яшин.

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2451. Л.3

¹ Все новогодние поздравления друзьям с 1967 годом ИЭ писал на маленьких фоторепродукциях с картин грузинского художника Нико Пиросмани (1862–1918).

496. А.Мальро

<Париж,> 2 марта 1967

Дорогой друг,

Вам, должно быть, уже сказали в последний момент, что ничего не получилось, увы!¹

Среди военных Вы услышите много пылких разговоров о ружье.

Посылаю еще фигурки животных Любе².

Очень дружески

Андре Мальро.

Впервые – *Б.Фрезинский*. Ружье Бонапарта // Всемирное слово. №13. С.82. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.1863. Л.4. На бланке министра культуры Франции.

¹ Речь идет о некоем событии, которое чуть было не сорвало церемонию передачи Франции Эренбургом охотничьего ружья Бонапарта; церемония состоялась в Лувре 16 февраля 1967 г. в присутствии Мальро.

² Л.М.Козинцева-Эренбург неизменно посылала Мальро среднеазиатскую керамику, которой он интересовался; речь идет об ответном даре.

497. И.Ю.Чеховская

<Москва,> 3/III <19>67

Дорогой Илья Григорьевич!

Посылаю Вам последний том¹. Мне и радостно и грустно. Было – всякое, и тяжелое, и горькое². Но я счастлива, что мне выпало на долю хорошо Вас узнать и убедиться, что Вы не такой, каким Вас даже я раньше представляла себе. Я не только привыкла к Вам, но очень Вас любила.

Желаю Вам и Любовь Михайловне, которая тоже мне очень дорога, всего самого-самого доброго.

И – спасибо!!!

Ваша *И.Ю.*

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2355. Л.4. Ирина Юльевна Чеховская – редактор последнего прижизненного Собрания сочинений ИЭ в 9-ти томах (1962–1967).

¹ Имеется в виду т.9 Собр.соч. ИЭ, включавший окончание ЛГЖ и цикл новых стихов.

² В марте 1963 г. после резких нападок Хрущева на ИЭ, выпуск готового т.2 Собр. соч. ИЭ был издательством на год приостановлен. Поздравляя Чеховскую с новым, 1964-м, годом, ИЭ написал ей: «Желаю, чтобы новый год нам обоим был бы легче».

498. К.И. Чуковский

Москва, 8 апреля 1967

ПОЛЬЗУЮСЬ СЛУЧАЕМ ЧТОБЫ ПРИЗНАТЬСЯ В СВОЕЙ ДАВНЕЙ ЛЮБВИ И ГЛУБОЧАЙШЕМ УВАЖЕНИИ К ВАМ ГОРЖУСЬ ВАШИМ ДОБРЫМ ПРИВЕТОМ¹
= К ЧУКОВСКИЙ

Впервые. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2362. Л.3.

¹ Поздравление с 85-летием К.И.Чуковского.

499. В.Т.Шаламов

Москва, 25 июня 1967

Дорогой Илья Григорьевич,
пошляю Вам свою новую книгу «Дорога и судьба» на Ваш суд.

Это стихи десяти – двадцатилетней давности, обломки Колымских тетрадей.

Прошу принять «Дорогу и судьбу» – с добрым сердцем.

Ваш *В.Шаламов.*

Впервые – Советская культура, 26 января 1991. Подлинник – ФЭ. Ед.хр.2366. Л.5.

500. Р.О.Якобсон

<Калифорния,> 21 VII <19>67

Дорогой Илья Григорьевич:

Летим с женой в Токио читать лекции, а оттуда прилетим в Москву 17-ого авг<уста> в 16 час. 25 мин. самолетом Японских аэролиний № 441 и пробудем в Москве (отель Метрополь) до 24 августа.

Наш адрес: Tokyo Institute for Advanced Studies of Language, Koshin Building, 81 Owada-cho, Shibuya – ku, Tokyo.

Радуемся предстоящей встрече¹.

Мечтаю посидеть, поговорить с Вами обоими!

Твой Роман.

Впервые: *Б.Я.Фрезинский*. Илья Эренбург и Роман Якобсон // НЛО, №12, 1995. С.107. Первая и последняя строка, а также подпись – от руки. Подлинник – собрание составителя.

¹ Р.Якобсону, как иностранцу, не разрешили проезд из Москвы на дачу к тяжело больному ИЭ (см. № 588).

501. Л.Мэр

<Стокгольм;> 14 августа 1967

Дорогой Илья!

Ирина мне позвонила по телефону...¹ Главное: лечитесь! Вам известны Ваши задачи, Ваши обязательства. Если лучше лечь в больницу и если это возможно для Вас, для Вашего душевного состояния, ложитесь. Сделайте все, что может Вас вылечить как можно быстрее. Будьте откровенны с Вашим врачом Копевским, чтобы у него были все данные, и таким образом он сможет лучше дать Вам совет по поводу Вашего лечения. В то же время Вы сами говорили, что психологические вещи играют роль. Я знаю это по

опыту. Поговорите с Ириной, у нее больше сил. Как поживает Люба? Надеюсь, что она немножко благоразумна. Как бы я хотела приехать, чтобы Вам всем помочь... Ирина сказала мне, что она немного рассердилась, когда я заплакала. Но было тяжело услышать обо всем этом и быть в то же время вдалеке... Я уверена, что история с Савичем причинила вред...² Пишите, если возможно...

Впервые – *Б.Фрезинский*. Эренбург и Стокгольм. Последние письма // Всемирное слово. 2002, № 15. С.32. Подлинник – собрание составителя. Лизлотта Мэр (1919–1983) – шведская общественная деятельница, последняя любовь ИЭ. О знакомстве с Л.Мэр рассказано в 21-й главе 6-й книги ЛГЖ; к Л.Мэр обращены несколько поздних стихотворений ИЭ (см. № 638, 647, 656 в: Илья Эренбург. Стихотворения и поэмы. Новая Библиотека поэта. СПб., 2000). Последние письма ИЭ к Л.Мэр – см. П2, № 596, 597.

¹ И.И.Эренбург сообщила Л.Мэр, что 9 августа 1967 г. на даче ИЭ тяжело заболел (инфаркт).

² Имеется в виду тяжелые переживания ИЭ в связи со смертью 19 июля 1967 г. его ближайшего друга О.Г.Савича.

502. Л.Мэр

<Стокгольм, > 23 августа 1967

Спасибо за Ваши слова¹, которые я получила с письмом моей Сорине². Я вижу, какие Вы делаете усилия. Единственное, чего я не понимаю, это, как они могут врать³. Вы можете говорить с Коневским, как Вы это делали в Париже с В⁴. в феврале, когда Вы болели. Говорите с ним нормально, не осмеивайте медицину. Я связываю все свои надежды с Вашей ответственностью перед сиамством⁵ и с Коневским, который, как Вы мне говорили, очень хороший врач. Сорине мне написала, как все шло день за днем. Я понимаю, что Вы с самого начала все скрывали. Вероятно, это не было очень благоразумно. Больше так не делайте, я Вас умоляю. Я переживаю невероятно тяжелое время, худшее в моей жизни... Я думаю о Вас все время. Вы считае-

те, что то, через что Вам приходится проходить, унижительно. После каждой процедуры мне приходится, как и Вам, лежать неподвижно... Бог мой, игра сделана, следовательно, надо жить и поправляться. Что касается больницы. Если у Вас будет отдельная палата, телефон, посетители, когда у Вас будут силы, такой уход, чтобы Вы чувствовали себя как дома, газеты и книги, и Вы будете отвечать на письма, когда будут силы, то, я думаю, Вам будет покойнее и Вы скоро поправитесь. Я Вас умоляю от всего сердца – лечитесь, держите меня в курсе всего, ничего не забывайте. И я заканчиваю мое письмо, как Вы – будьте сильным, и я добавлю: мужественным для всего зверинца⁶.

Впервые – Всемирное слово. 2002, №15. С.33. Подлинник – собрание составителя.

¹ Имеется в виду письмо ИЭ от 13 августа 1967 г. (см. П2, № 596).

² Подружка (франц.) – так Л.Мэр называла И.И.Эренбург.

³ ИЭ писал 13 авг. 1967 г. Л.Мэр про своих близких, скрывавших от него, как он считал, медицинские подробности его заболевания: «Может быть, Сорине Вам говорит что-то, а мне они врут».

⁴ Парижский врач (фамилия, кроме первой буквы, неразборчива), к которому обращался ИЭ.

⁵ ИЭ и Л.Мэр называли друг друга Сиамами (от «сиамские близнецы»).

⁶ Так ИЭ и Л.Мэр между собой звали московскую семью ИЭ.

503. Л.Мэр

<Стокгольм, конец 20-х чисел августа 1967>

Получила Ваше второе письмо¹, спасибо. Сегодня утром я была у нашего друга, врача, специалиста по болезням сердца. Я задала ему кучу вопросов... Он сказал, что нет оснований не вести нормальную жизнь – работать, путешествовать и т.д. Все как раньше.. Сорине мне сказала, стучу по дереву, Вам становится все лучше с каждым днем...² Очень важно Ваше моральное состояние... Пишите мне, когда у Вас будут силы. Это для меня облегчение

моего несчастья и может для Вас отвлечение. Будьте благоразумны и мужественны...Может быть, из Москвы Вы сможете говорить по телефону³.

Я жду от Вас известий. Смелости!

Сиам.

Впервые – Всемирное слово. 2002, №15. С.33. Подлинник – собрание составителя.

¹ Письмо ИЭ от 19 августа удалось быстро отправить в Стокгольм с оказией (см. П2, № 597) и ответное письмо Л.Мэр, также оперативно доставленное в Москву, еще застало ИЭ в живых.

² Предполагалось, что 30 августа ИЭ привезут с дачи в Москву; эта поездка резко ухудшила его состояние.

³ Телефонный разговор ИЭ со Стокгольмом был заказан на утро 1 сентября, но 31 августа в половине девятого вечера ИЭ скончался.

СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА (сентябрь 1967)

И.Г.Эренбург скончался в своей квартире в Москве 31 августа 1967 г. в 20 ч. 25 мин.; советское радио сообщило о его смерти 1 сентября, советские газеты – 2-го сентября.

Абсолютное большинство публикуемых здесь соболезнований направлено в адрес Л.М.Козинцевой-Эренбург, поэтому указываются лишь иные адресаты соболезнований. Для соболезнований, подлинники которых хранятся в ФЭ, приводятся лишь номера единицы хранения и листов.

Телеграммы и письма печатаются по хронологии отправления; абсолютное большинство их публикуется впер-
вые.

1 сентября 1967

504. А.Т.Твардовский (Москва)

ПРИМИТЕ ГЛУБОКОУВАЖАЕМАЯ ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА НАШЕ СЕРДЕЧНОЕ СОЧУВСТВИЕ ТЧК СКОРБИМ О ТЯЖКОЙ УТРАТЕ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ТЧК ВМЕСТЕ С МИЛЛИОНАМИ ЧИТАТЕЛЕЙ ИЛЬИ ГРИГОРЬЕВИЧА НАВСЕГДА СОХРАНИМ ПАМЯТЬ О НЕМ КРУПНЕЙШЕМ РУССКОМ ПИСАТЕЛЕ ЗПТ ГРАЖДАНИНЕ ЗПТ БОРЦЕ ЗА ДЕЛО МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЗПТ = ОТ ИМЕНИ КОЛЛЕКТИВА НОВОГО МИРА ТВАРДОВСКИЙ

Впервые – *А.Твардовский. Письма о литературе.* М., 1985. С.324.
Подлинник – собрание составителя.

504а. Дж. Пайетта (Рим)

ГЛУБОКИЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ГЛУБОКО СРАЖЕН ПОТЕРЕЙ ДРУГА ВЕЛИКОГО БОРЦА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ЗА МИР И БРАТСТВО = ДЖАНКАРЛО ПАЙЕТТА

ФЭ. 3835, 49. Джанкарло Пайетта (1911–1990) – член Политбюро ИКП.

505. Е.М.Фрадкина, Н.Я.Мандельштам, Е.Я.Хазин (Верея)

БЕСКОНЕЧНО ПОТРАСЕНЫ ДОРОГАЯ ЛЮБОЧКА ВЫЕЗЖАЕМ ВОСКРЕСЕНЬЕ УТРОМ = ЛЕНА НАДЯ ЖЕНЯ

ФЭ. 3825, 45. Елена Михайловна Фрадкина (1902–1981) – художница, жена Е.Я.Хазина.

506. Е.А.Гнедин (Москва)

ВМЕСТЕ С ОГРОМНЫМ МНОЖЕСТВОМ ПОЧИТАТЕЛЕЙ ИЛЬИ ГРИГОРЬЕВИЧА СКОРБИМ ОБ ЕГО УХОДЕ ЕГО ГОЛОС ЕГО ПРИСУТСТВИЕ НА ПЛАНЕТЕ ЕГО УЧАСТИЕ ВСЕГДА БЫЛО ДУХОВНОЙ ПОДДЕРЖКОЙ БЕЗ ЭРЕНБУРГА СТАЛО ПУСТО = ГНЕДИНЫ

Собрание составителя.

507. Л.Ю.Брик, В.А.Катанян (Москва)

ДОРОГИЕ ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА ИРИНА ИЛЬИНИЧНА ГЛУБОКО СОЧУВСТВУЕМ ВАШЕМУ ГОРЮ ГОРЮЕМ ВМЕСТЕ С ВАМИ ОБНИМАЕМ ЦЕЛУЕМ = ЛИЛЯ БРИК ВАСИЛИЙ КАТАНЯН

ФЭ. 3824, 9. Лиля Юрьевна Брик (1891–1978) – художница, литератор, близкий друг В.Маяковского. Василий Абгарович Катанян (1908–1980) – литературовед, последний муж Л.Ю.Брик.

508. С.П.Щипачев (Москва)

Дорогие мои Любовь Михайловна и Ирина Ильинична! Глубоко скорблю вместе с Вами. Тяжело думать, что не стало Ильи Григорьевича Эренбурга, мудрого, доброго и смелого человека.

Обнимаю Вас в этом неутешном горе.

Ваш Степан Щипачев.

ФЭ. 3825, 36. Степан Петрович Щипачев (1898/1899–1980) – поэт.

509. М.В.Талов (Москва)

Дорогая Ирина Ильинична, только что я был поражен вестью о кончине Вашего отца, незаменимого моего товарища, последнего живого свидетеля моих голодных парижских скитаний, спутника на всем протяжении моей

жизни, большого поэта России, – и сердце мое внезапно упало, погрузилось в глубокий мрак. Позвольте же мне разделить с Вами глубокое горе, скорбь о невознаградимой утрате как для Вас, так и для всего мира.

В этот тяжелый для Вас час соберите всю вашу энергию, чтобы перенести поразившее вас горе. Ваш сердцем

Марк Талов.

Собрание составителя.

510. С.А.Ляндрес (Москва)

У МЕНЯ НЕТ СЛОВ УТЕШЕНИЯ ВАС И СЕБЯ ТЧК
ЕСЛИ МОГУ БЫТЬ ХОТЬ ЧЕМ-НИБУДЬ ПОЛЕЗНЫМ
СЕЙЧАС И ВПРЕДЬ РАСПОЛАГАЙТЕ МНОЮ ПОЛНО-
СТЬЮ = ВАШ СЕМЕН ЛЯНДРЕС

ФЭ. 3824, 40.

511. Ф.Г.Раневская (Москва)

ДОРОГИЕ ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА И ИРИНА ИЛЬ-
ИНИЧНА ВСЕМ СЕРДЦЕМ РАЗДЕЛЯЮ ВАШЕ ТЯЖЕ-
ЛОЕ ГОРЕ ТОЧКА ЭТО НАШЕ ОБЩЕЕ СИРОТСТВО
ОБНИМАЮ = РАНЕВСКАЯ

ФЭ. 2825, 1.

512. С.Лифарь (Канны)

МОИ ГЛУБОЧАЙШИЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ = СЕРЖ
ЛИФАРЬ

513. Е.А.Найдич (Нью-Йорк)

Милая Люба!

Десять дней тому назад я узнала о смерти Вади <О.Г.Савича>...

Сейчас, открыв радиоприемник услышала, что вчера скончался Илья Григорьевич...

Как-то не верится, что такая огромная разнообразная жизнь, полная столько тяжелого и радостного разом остановилась.

Я знаю, из писаний Ильи Григорьевича, что он к смерти был подготовлен и ее не боялся. Хочу все же надеяться, что смерть пришла к нему внезапно, и он был избавлен от мучений, которые так часто ей предшествуют.

От всей души выражаю Вам мое самое искреннее соболезнование. Прошу также передать его Ирине и Але <Савич>, для которой Эренбург был всегда таким преданным и верным другом.

Целую Вас

Женя Найдич.

ФЭ. 3828, 23. Евгения Абрамовна Найдич, жена парижского художника В.Найдича, парижская знакомая ИЭ и Л.М.Эренбургов с середины 1920-х гг.

514. Ю.И.Палецкис (Москва)

Уважаемая Любовь Михайловна,

скорбя по поводу кончины незабвенного и дорогого Ильи Григорьевича, от себя и от имени всей нашей семьи выражаю сердечное сочувствие и соболезнование Вам, а также Ирине Ильиничне и всем Вашим близким.

Вместе с Вами глубоко переживаю потерю прекрасного человека, выдающегося и славного писателя, стойкого борца за мир и благо человечества.

Желаю Вам благополучия и сил, чтобы стойко пережить это большое горе.

С искренним уважением *Ю.Палецкис.*

ФЭ. 3824, 55. Юстас Иозович Палецкис (1899–1980) – литовский писатель и гос. деятель; председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР; ИЭ был знаком с ним со времени Отечественной войны, когда Палецкис был «президентом» Литвы в изгнании и жил в Москве.

515. Ю.А.Жуков

Дорогая Любовь Михайловна!

Нет слов, чтобы выразить то горе, которое испытываем все мы – друзья и ученики дорогого Ильи Григорьевича. Роза Наумовна¹ и я искренне и сердечно выражаем Вам наше соболезнование. Конечно, эта потеря огромна и ничем невозместима. Сегодняшнее траурное известие поразит не только советский народ, но и всех честных людей в мире.

В этот трудный момент нас может подкрепить в нашем общем горе лишь сознание того, какой огромный вклад внес Илья Григорьевич в развитие советской литературы, советской культуры и борьбу за мир во всем мире.

Пожалуй, никто из советских писателей не сделал так много для своего народа, для своей Родины, сколько сделал он.

Желаем Вам в этот трудный день как можно больше душевных сил, чтобы вынести то огромное горе, которое на Вас обрушилось.

Искренне и глубоко уважающий Вас

Юрий Жуков.

ФЭ. 3784, 1.

¹ Жена Ю.А.Жукова.

516. Э. д'Астье де ла Вижери (Париж)

Л.М.Эренбург

ОЧЕНЬ ОПЕЧАЛЕНА ЛЮБА¹ И Я ЦЕЛУЕМ НЕЖНО =
Д'АСТЬЕ

ФЭ. 3826, 19.

¹ Люба – жена д'Астье.

517. Я.Ивашкевич (Варшава)

**ВЫРАЖАЕМ ГЛУБОКОЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ =
АННА ЯРОСЛАВ ИВАШКЕВИЧ**

ФЭ. 3827, 34. Анна Ивашкевич – жена писателя.

2 сентября 1967

518. П. и Ж. Пикассо (Канны)

**ОПЛАКИВАЕМ ВМЕСТЕ С ВАМИ НАШЕГО ЗАМЕЧА-
ТЕЛЬНОГО И МУЖЕСТВЕННОГО ДРУГА = ПАБЛО И
ЖАКЛИН ПИКАССО**

ФЭ. 3828, 35. Жаклин Пикассо (урожд. Рок; 1926–1986) – послед-
няя жена П.Пикассо.

519. Э.Пиньон и Э.Пармелен (Франция)

**ДОРОГАЯ ЛЮБА СО ВСЕЙ СИЛОЙ ЧУВСТВ МЫ ДУ-
МАЕМ О ВАС И НЕЖНО ВАС ЦЕЛУЕМ = ПИНЬОН И
ПАРМЕЛЕН**

ФЭ. 3828, 37. Эдуар Пиньон (1905–1993) – художник, друг Пикас-
со. Элен Пармелен (1915–1998) – писательница, жена Э.Пиньона.

520. А.Мальро (Париж)

**ВАШИ ДРУЗЬЯ СЕРДЕЧНО ВАМ СОЧУВСТВУЮТ =
АНДРЕ МАЛЬРО**

ФЭ. 3828, 1.

521. Веркор (Париж)

ВСЕМ СЕРДЦЕМ РАЗДЕЛЯЕМ ВАШЕ ГОРЕ НЕЖНО
ЦЕЛУЕМ = ВЕРКОР И РИТА

ФЭ. 3826, 36.

522. М.Шагал (Ванс)

ТОЛЬКО ЧТО ПОЛУЧИЛ УЖАСНО ПЕЧАЛЬНУЮ
ВЕСТЬ ХОТЕЛ БЫ ВАМ ПЕРЕДАТЬ ВСЮ МОЮ ГЛУБО-
КУЮ СИМПАТИЮ = МАРК ШАГАЛ

Впервые – Диаспора. Вып. III. 2002. С.431. Подлинник – ГМИИ
им.Пушкина. Ф.41. Оп.1. Ед.хр.1. Л.80.

523. Р.Гуттузо (Рим)

ГЛУБОКО УДРУЧЕН ПОТЕРЕЙ МОЕГО ДОРОГОГО
БРАТА ДРУГА НАШЕГО ДОРОГОГО ИЛЬИ СОЧУВСТ-
ВУЮ ВАШЕМУ БОЛЬШОМУ ГОРЮ ПЛАЧУ ВМЕСТЕ С
ВАМИ = РЕНАТО ГУТТУЗО

ФЭ. 3827, 13.

524. С.Синьоре и И.Монтан (Париж)

МЫ ОЧЕНЬ ГРУСТИМ И ЦЕЛУЕМ ВАС КРЕПКО
КРЕПКО = СИМОНА И ИВ МОНТАН

ФЭ. 3828, 15.

525. Н.Саррот (Париж)

Дорогая Любовь Михайловна,
я боялась Вас удручить неуклюжими, ненужными словами,
но я все думаю и думаю об Илье Григорьевиче и о Вас, все
подробно вспоминаю о наших встречах, и мне так хочет-

ся сказать Вам, как мне это было ценно и дорого и обнять Вас от всей души.

Мой муж просит меня сказать Вам о его глубокой симпатии и преданности.

Любящая Вас Ваш друг

Наталья Сафрот.

ФЭ. 3828, 55.

526. С.Тери (Париж)

Любе, Ирине Эренбург

БОЛЬНО НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ УВИДЕТЬ ЧЕЛОВЕКА КОТОРЫЙ СОРОК ЛЕТ БЫЛ МОИМ ДРУГОМ НЕ ИМЕЮЩИМ СЕБЕ РАВНЫХ ДРУГОМ НАРОДА И КУЛЬТУРЫ ФРАНЦИИ ОБНИМАЮ ВАС = СИМОНА ТЕРИ

ФЭ. 3829, 7. Симона Тери (1897–1967) – франц. писательница и журналистка.

527. Дж.Вигорелли (Венеция)

Вице-президенту Европейского сообщества писателей Александру Твардовскому

ДОРОГОЙ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ Я ГЛУБОКО СКОРБЛЮ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА ЧЛЕНА ЕСП СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ И БЕССТРАШНОГО ПОБОРНИКА КУЛЬТУРНОЙ ОТПЕЛИ ЕВРОПЕЙСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ДИАЛОГА НА СЛЕДУЮЩЕМ ЗАСЕДАНИИ РУКОВОДЯЩЕГО СОВЕТА ЕСП МЫ ПОЧТИМ ПАМЯТЬ БОЛЬШОГО ДРУГА И БЛАГОРОДНЕЙШЕГО СТОРОННИКА НАШЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРОШУ ВАС ПЕРЕДАТЬ СЕМЬЕ СОЮЗУ ПИСАТЕЛЕЙ И РЕДАКЦИИ НОВОГО МИРА НАШИ ИСКРЕННИЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ = ВАШ ДЖАНКАРЛО ВИГОРЕЛЛИ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЕСП

ФЭ. 3837, 38-39.

528. Госпожа Ив Фарж (Франция)

ГЛУБОКО ОПЕЧАЛЕНА ШЛЮ ВАМ СВОИ ДРУЖЕСКИЕ ЧУВСТВА = ФАРЖЕТ

ФЭ. 3829, 16.

529. Э. и Л.Фор (Париж)

Советскому посольству в Париже

ПРОСИМ ПЕРЕДАТЬ МАДАМ ЭРЕНБУРГ ГЛУБОКОЕ СОЧУВСТВИЕ ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ ВЫДАЮЩЕГОСЯ МЫСЛИТЕЛЯ И ПИСАТЕЛЯ ДЛЯ НАС БЫЛО БОЛЬШОЙ ЧЕСТЬЮ БЫТЬ ЕГО ДРУЗЬЯМИ = ЭДГАР И ЛЮСИ ФОР

ФЭ. 3829, 19. Эдгар Фор (1908–1988) – премьер-министр Франции в 1950-е гг.; Люси Фор – его жена.

530. Дж.Бернал (Лондон)

ГЛУБОЧАЙШИЕ СОЖАЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ИЛЬИ Я ГОРЖУСЬ ТЕМ ЧТО МОГ НАЗЫВАТЬ ЕГО СВОИМ ДРУГОМ И ЧТО ОН БЫЛ ВСЕГДА ДОБР КО МНЕ ТЧК ОН БЫЛ ВЕЛИКИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ БОРЬБЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА ЗА МИР ОН ПРЕДСТАВЛЯЛ СОБОЮ ВСЕ ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ ТЧК ЕГО СМЕРТЬ БУДЕТ ОПЛАКАНА МИЛЛИОНАМИ НО ЕГО ЖИЗНЬ И ТРУДЫ БЫЛИ ПОЛНЫМИ И ОПРАВДАНЫМИ = ДЖОН БЕРНАЛ

ФЭ. 3826, 25. Джон Бернал (1901–1971) – англ.физик; после смерти Ф.Жолио-Кюри председатель Всемирного Совета Мира.

531. Н.Гильен (Гавана)

Союзу писателей

ГЛУБОКО СКОРБЛЮ О СМЕРТИ ЭРЕНБУРГА КОТОРОГО Я ГОРЯЧО ЛЮБИЛ КАК ДРУГА И КОТОРЫМ ВОСХИЩАЛСЯ КАК ПИСАТЕЛЕМ ПОЖАЛУЙСТА ПЕРЕДАЙТЕ МОИ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ СУПРУТЕ ЭРЕНБУРГА = НИКОЛАС ГИЛЬЕН

ФЭ. 3827, 5.

532. А.Гоффмейстер (Прага)

БЕЗ НЕГО ЧУВСТВУЕШЬ СВОЕ ОДИНОЧЕСТВО = ЛИЛЛИ И АДОЛЬФ ГОФФМЕЙСТЕР

ФЭ. 3827, 7.

533. И.Тауфер (Москва)

Уважаемая Любовь Михайловна!

Разрешите мне проявить Вам в эти несказанно грустные и тяжелые минуты сочувствие с Вашим горем.

Вы знаете, какие долгие годы я был знаком с дорогим и незабываемым Ильей Григорьевичем, как я любил его и как считал каждую встречу с ним великой радостью в своей жизни.

Поэтому я не должен уверять Вас, что моему искреннему участию с Вашим горем сопутствует и мое глубокое горе личное.

Ваш *Иржи Тауфер*.

ФЭ. 3829, 4. Иржи Тауфер (1911–1986) – чешский поэт, во время 2-й Мировой войны жил в СССР, культур-атташе посольства Чехословакии в Москве; автор воспоминаний об ИЭ; после 1968 г. активный функционер Союза писателей в Праге.

534. С.Р.Добровольский (Варшава)

ВЫРАЖАЮ ВАМ ИСКРЕННЕЕ СОЧУВСТВИЕ И МОЮ ГЛУБОКУЮ ГОРЕСТЬ ПО СЛУЧАЮ СМЕРТИ МОЕГО НЕЗАБВЕННОГО ДОРОГОГО ПРИЯТЕЛЯ ИЛЬИ ГРИГОРЬЕВИЧА = СТАНИСЛАВ РИШАРД ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ФЭ. 3827, 22.

535. Э.Пети (Париж)

ОЧЕНЬ ПОДАВЛЕННЫ КОНЧИНОЙ ПРЕЗИДЕНТА <общества «СССР–Франция»> ЭРЕНБУРГА НАШЕГО ДОРОГОГО ДРУГА ШЛЕМ ВАМ СВОЕ ИСКРЕННЕЕ СОЧУВСТВИЕ И ВЫРАЖЕНИЕ НАШЕЙ ГЛУБОКОЙ СИМПАТИИ = ГЕНЕРАЛ И МАДАМ ПЕТИ

ФЭ. 3828, 34. Эрнест Пети (1888–1971) – глава французской военной миссии в Москве во время Отечественной войны, деятель Общества «Франция–СССР».

536. А.Верт (Париж)

Милая дорогая Любовь Михайловна!

Сидя на даче я, как каждое утро, пошел сегодня за своим «Monde» и был глубоко потрясен известием о кончине дорогого Ильи Григорьевича. Мне сразу вспомнилась наша последняя встреча в вашем чудесном и гостеприимном доме всего 2 месяца тому назад, и то воодушевление, с которым ИГ говорил о своей новой книге воспоминаний.

Вспомнил, конечно, также нашу дружбу военных лет, когда ИГ сыграл такую огромную роль в деле победы над гитлеровцами.

Я провел 2 месяца в Союзе – месяц в Москве и месяц в моем любимом Ленинграде, и вернулся в Париж лишь 2 недели назад. Вспомнил свое обещание послать ИГ французское издание (2 тома) своей книги о войне в России; отправил ее ему *recommandé*¹ всего 4-5 дней тому назад. Сооб-

щите дошла ли она. Собирался также ему написать, что отправил ему книги, и заодно передать ему привет (забыл это сделать в Москве) от Alvares del Vayo.

Знаю, каким страшным ударом должна быть для Вас смерть Ильи Григорьевича, и не стану поэтому Вам выражать обычных *condoleances*². Вы знаете, как я любил Илью Григорьевича, несмотря на некоторые трения в самые трудные годы – 1948–50.

Большая к Вам просьба, дорогая Любовь Михайловна, когда будете в Париже, обязательно сообщите и придите к нам.

Сердечно Ваш Александр Верт.

ФЭ. 3826, 37-39.

¹ Заказная почта (франц.).

² Соболезнования (франц.).

537. Р.Альберти и М.Т.Леон (Рим)

Москва. Союз писателей

ИСПАНСКИЕ ПИСАТЕЛИ ЖИВУЩИЕ В ИЗГНАНИИ ВМЕСТЕ С СОВЕТСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ ГЛУБОКО СКОРБЯТ О СМЕРТИ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА = РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ И МАРИЯ ТЕРЕСА ЛЕОН

ФЭ. 3827, 57. Рафаэль Альберти (1902–1999) – испанский поэт. Мария Тереса Леон (1905–1988) – испанская писательница, жена Р.Альберти.

538. Х.Альварес дель Вайо (Париж)

ВСЯ НАША СКОРБЬ И ДРУЖБА = ХУЛИО АЛЬВАРЕС ДЕЛЬ ВАЙО

ФЭ. 3827, 21. Хулио Альварес дель Вайо (1891–1975) – испанский писатель, министр иностранных дел Республиканской Испании.

539. П.Цветеремич (Рим)

ПОРАЖЕН СТРАШНОЙ ПОТЕРЕЙ ОПЛАКИВАЮ
ИНТЕЛЛИГЕНТА И ДОРОГОГО ДРУГА = ЦВЕТЕРЕ-
МИЧ

ФЭ. 3829, 33.

540. М.И.Будберг (Москва)

Л.М.Эренбург

Дорогая моя Любовь Михайловна,
понимаю, что Вам сейчас не до того, чтоб кого-нибудь ви-
деть, но хотела Вам просто сказать, как глубоко и искрен-
не я сочувствую Вам в потере человека, такого, как был
Илья Григорьевич. Скорблю и я, потому что для страны
это потеря незаменимая.

Подумайте, что 29-го я звонила, хотела зайти до поезд-
ки в Ленинград! А там узнала страшную весть.

Очень, очень хочу обнять Вас.

Ваша *Мария Будберг.*

ФЭ. 3826, 33.

541. Ю.П.Анненков (Париж)

Дорогая Любовь Михайловна,

шлю Вам мое глубокое соболезнование и самые дружеские
чувства.

Ваш *Юрий Анненков.*

ФЭ. 3826, 9. Юрий Павлович Анненков (1889–1974) – художник.

542. Д.Гамсараган (Париж)

ГЛУБОКО УДРУЧЕНА ПОТЕРЕЙ ДОРОГОГО ИЛЬИ
ВСЕМ СЕРДЦЕМ С ТОБОЙ = ДАРЬЯ

ФЭ. 3827, 3.

543. А.Г.Тышлер и Ф.Я.Сыркина (Малеевка)
ПОТряСЕНы ТяЖЕЛО ПЕРЕЖИВАЕМ ГОРЕ =
ТЫШЛЕРы

ФЭ. 3825, 21. Александр Григорьевич Тышлер (1898–1980) – художник. Флора Яковлевна Сыркина (1920–2000) – искусствовед, жена Тышлера.,

544. Д.Д.Шостакович (Москва)
ПРИМИТЕ МОЕ ГОРЯЧЕЕ СОЧУВСТВИЕ ПОСТИГ-
ШЕМ ВАС ТЯЖЕЛОМ ГОРЕ = ДМИТРИЙ ШОСТАКО-
ВИЧ

Впервые – Нева, 1989, №8. С.208. Подлинник – ФЭ.3825, 34.

545. В.Б.Шкловский (Ялта)
ДОРОГИЕ ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА И ИРИНА ИЛЬ-
НИЧНА СМЕРТЬ КОНЧАЯ СУЩЕСТВОВАНИЕ ПИСА-
ТЕЛЯ ОПРЕДЕЛЯЕТ ЧТО СДЕЛАНО ИМ НЕ УМИРАЮ-
ЩЕЕ <ТЧК> МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОТЕРЯЛА ЧЕ-
ЛОВЕКА ЕЖЕДНЕВНО БОРОВШЕГОСЯ ЗА СЧАСТЬЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОТЕРЯ-
ЛА КРУПНЕЙШЕГО И РАЗНООБРАЗНОГО ЕЖЕДНЕВ-
НО НУЖНОГО ПИСАТЕЛЯ МЫ САМИ ПОТЕРЯЛИ ЧЕ-
ЛОВЕКА ШЕДШЕГО ВПЕРЕДИ НАС ВЕЛИКОГО СПРА-
ВЕДЛИВОГО НЕУТОМИМОГО БОРЦА ДЛЯ ТОГО
ЧТОБЫ ЗВУЧАНИЕ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НЕ
ИЗМЕНИЛОСЬ В МИРЕ СДЕЛАННОЕ ИЛЬЕЙ ЭРЕН-
БУРГОМ ДОЛЖНО БЫТЬ ОБЪЯСНЕНО И РАСКРЫТО
<ТЧК> ГОРЕ ВАШЕ ВЕЛИКО НО С ВАМИ ГОРЮЮТ
МНОГИЕ И МЫ СЕЙЧАС ГОРДИМСЯ ТЕМ КОГО ПО-
ТЕРЯЛИ = ШКЛОВСКИЕ

ФЭ. 3825, 32-33. Телеграмма послана также от имени второй жены Шкловского Серафимы Густавовны Суок (ум. 1982).

546. В.П. и З.Н. Некрасовы (Киев)

РАЗДЕЛЯЕМ ВАШЕ ГОРЕ ГЛУБОКО СКОРБИМ = НЕ-
КРАСОВЫ

ФЭ. 3824, 45.

547. Л.Н.Мартынов (Москва)

ДОРОГАЯ ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА ПРИМИТЕ МОЕ
ГЛУБОЧАЙШЕЕ СОЧУВСТВИЕ СМЕРТЬЮ ИЛЬИ ГРИ-
ГОРЬЕВИЧА ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА ДЛЯ ВСЕГО ЧЕЛОВЕ-
ЧЕСТВА ВСЕЙ ДУШОЙ СКОРБЛЮ ВМЕСТЕ С ВАМИ =
ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

ФЭ. 3824, 42.

548. К.А.Федин (Москва)

ДОРОГАЯ ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА ГЛУБОКО ПО-
РАЖЕН СТОЛЬ НЕОЖИДАННЫМ УХОДОМ ИЛЬИ
ГРИГОРЬЕВИЧА ТЧК ПРИМИТЕ ПОЖАЛУЙСТА МОЕ
ДУШЕВНОЕ УЧАСТИЕ В ПОСТИГШЕМ ВАС ГОРЕ ТЧК
ЖЕЛАЮ ВАМ СИЛ И ЗДОРОВЬЯ = УВАЖАЮЩИЙ ВАС
КОНСТАНТИН ФЕДИН

ФЭ. 3825, 24.

549. И.С.Козловский (Москва)

Дорогая Любовь Михайловна!

Примите горячую скорбь об утрате незабвенного Ильи
Григорьевича. Желаю обрести душевное равновесие.

И.Козловский.

ФЭ. 3824, 30. Иван Семенович Козловский (1900–1993) – певец.

550. П.Г.Богатырев (Душанбе)

ГЛУБОКО ПОТряСЕННЫЙ ОПЛАКИВАЮ КОНЧИ-
НУ ИЛЬИ ГРИГОРЬЕВИЧА ПИСАТЕЛЯ БОРЦА ДРУГА
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА = БОГАТЫРЕВ

ФЭ. 3824, 8. Петр Григорьевич Богатырев (1893–1971) – фольклорист; друг Р.Якобсона; ИЭ познакомился с ним в Праге в 1920-е гг.

551. Л.Н.Волынский (Киев)

ПОТряСЕНЫ ТЯЖКОЙ УТРАТОЙ = ВОЛЫНСКИЕ

ФЭ. 3824, 13. Леонид Наумович Волынский (1913–1969) – писатель.

552. С.А.Герасимов и Т.Ф.Макарова (Москва)

Союз писателей

ВСЕМ СЕРДЦЕМ РАЗДЕЛЯЕМ ГОРЕ НАШЕЙ ЛИТЕРА-
ТУРЫ КОНЧИНУ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ПИСАТЕЛЯ ПРЕ-
КРАСНОГО ЧЕЛОВЕКА ИЛЬИ ГРИГОРЬЕВИЧА ЭРЕН-
БУРГА = СЕРГЕЙ ГЕРАСИМОВ ТАМАРА МАКАРОВА

ФЭ. 3824, 14. Сергей Аполлинариевич Герасимов (1906–1985) – кинорежиссер. Тамара Федоровна Макарова (1907–1997) – актриса, жена С.А.Герасимова.

553. А.Л.Каплан (Ленинград)

ДОРОГАЯ ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА СКОРБЛЮ
ВМЕСТЕ С ВАМИ И РАЗДЕЛЯЮ ВАШЕ ГОРЕ ПО СЛУ-
ЧАЮ СМЕРТИ ДОРОГОГО ВСЕМ НАМ ИЛЬИ ГРИГОРЬ-
ЕВИЧА ВСЕГДА ВАШ = АНАТОЛИЙ КАПЛАН

ФЭ. 3824, 27.

554. Ю.А.Молок (Москва)

Дорогая Любовь Михайловна.

В эти тяжелые дни мне, как и многим, хочется сказать Вам, что с мальчишеских военных лет глаза мои везде искали имя – Илья Эренбург. Я еще не знал тогда, что мне удастся видеть его, вместе слевой Збарским¹ издавать одну из его книг (Индия Япония Греция), быть его «редактором».

Все наши «деловые» беседы, как Вы помните, мало подходили на работу. Они были для меня уроками жизни, уроками искусства. Их не забыть, как и книги дорогого Ильи Григорьевича, которые останутся для очень и очень многих (и для меня) настольными.

Дорогая Любовь Михайловна, примите самые сердечные соболезнования. Кончина Ильи Григорьевича страшное горе для нас всех.

Ю.Молок.

ФЭ. 3824, 44. Юрий Александрович Молок (1929–2000) – искусствовед, сотрудник издательства «Искусство».

¹ Феликс Борисович Збарский – художник-график, оформлявший в 1960-х гг. Собрание сочинений ИЭ в 9-ти томах.

555. Н.Г.Осмеркина (Москва)

Светлой памяти Ильи Григорьевича моя вечная благодарность. Наравне с защитой судеб народов мира чуткая душа его откликнулась в защиту судьбы художника, подавленного тяжкими испытаниями жизни¹.

Многоуважаемая Любовь Михайловна!

Нет слов утешения... Может быть, поддержит Вас сознание, что горе Ваше понимают и разделяют всей душой люди, ранее испытавшие ужас смерти.

С уважением, болью за Вас и надеждой на Ваше мужество

Н.Осмеркина.

ФЭ. 3824, 53-54. Надежда Георгиевна Осмеркина – с 1945 г. жена художника А.А.Осмеркина.

¹ Имеется в виду А.А.Осмеркин.

3 сентября 1967

556. Л. и Я. Мэр (Стокгольм)

РАЗДЕЛЯЕМ ГОРЕ ВСЕХ = ЯЛМАР И ЛИЗЛОТТА
МЭР

ФЭ. 3828, 12. Яльмар Мэр (1910–968) – шведский обществ. деятель, муж Л.Мэр.

557. П. и М.Неруда (Сант-Яго)

ВАША БОЛЬ – НАША БОЛЬ = ПАБЛО МАТИЛЬДА

ФЭ. 3828, 26. Пабло Неруда (1904–1973) – чилийский поэт. Матильда – его последняя жена.

558. Ж.Амаду и З.Гатте (Бразилия)

ГЛУБОКО РАНЕНЫ ОПЛАКИВАЕМ С ТОБОЙ НАШЕГО НЕЗАБВЕННОГО ИЛЬЮ = ЗЕЛИЯ И ЖОРЖИ
АМАДУ

ФЭ. 3826, 6. Зелия Гатте (1916–?) – бразильская писательница, жена Ж.Амаду.

559. Ж.Сориа (Париж)

ОТ МАДРИДА ДО МОСКВЫ БОЛЬШЕ ЧЕТВЕРТИ
ВЕКА ДЛЯ НАС УХОДЯТ С ПОТЕРЕЙ ИЛЬИ ГРИГОРЬ-
ЕВИЧА УДРУЧЕНЫ ПОТЕРЕЙ КОТОРУЮ ВЫ ПОНЕС-
ЛИ И ПРОСИМ ВАС ДОРОГАЯ ЛЮБА ПОВЕРИТЬ В НА-

ШУ ГЛУБОКУЮ ДРУЖБУ И ГОРЯЧУЮ СИМПАТИЮ =
ЖЮЛИЯ И ЖОРЖ СОРИА

ФЭ. 3828, 58. Жорж Сориа (1914–?) – франц. писатель, корреспондент «Юманите» в Испании (1936–1939), во время 2-й Мировой войны находился в СССР.

560. М.В.Юдина (Москва)

ГЛУБОКОУВАЖАЕМАЯ ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА
ПРОШУ ПРИНЯТЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ПОТЯСЕНИЯ И
СОСТРАДАНИЕ В ПОТЕРЕ ВАМИ И ВСЕМ МИРОМ ЗА-
МЕЧАТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА ДЕЯТЕЛЯ ХУДОЖНИКА
ПОБОРНИКА ПРАВДЫ И ЛУЧШЕГО ДРУГА ВСЕГО НА-
СТОЯЩЕГО ИСКУССТВА ВЕЧНАЯ ЕМУ ПАМЯТЬ =
ЮДИНА МАРИЯ ВЕНИАМИНОВНА

ФЭ. 3825, 38.

561. М.С. и Л.Л.Сарьян (Ереван)

ДОРОГАЯ ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА ВЕСТЬ О КОН-
ЧИНЕ НАШЕГО ДОРОГОГО ГОРЯЧО ЛЮБИМОГО
ДРУГА ИЛЬИ ГРИГОРЬЕВИЧА ГЛУБИНЫ СЕРДЦА ПО-
ТЯСЛА НАС БЕСКОНЕЧНО СОЧУВСТВУЕМ ВАШЕМУ
ГОРЮ И СКОРБИМ ВМЕСТЕ С ВАМИ ОБНИМАЕМ ВАС =
ЛЮСИК И МАРТИРОС САРЬЯНЫ

ФЭ. 3825, 8.

562. С.В.Образцов (Кишинев)

ДЕЛИМ С ВАМИ ВАШЕ ГОРЕ = ВАШИ ДРУЗЬЯ ОБ-
РАЗЦОВЫ

ФЭ. 3823, 48. Телеграмма послана также от имени жены С.В.Образцова.

563. Н.Н.Ушаков (Киев)

ГЛУБОКО РАЗДЕЛЯЮ ВАШЕ ГОРЕ = УШАКОВ

ФЭ. 3825, 23. Николай Николаевич Ушаков (1899–1973) – поэт, в 1919 г. учился у ИЭ в мастерской художественного слова (Киев).

564. С.Е.Голованивский (Киев)

**ДОРОГИЕ ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА И ИРИНА МЫ
ГЛУБОКО ПОТряСЕНы ПОСТИГШИМ НАС ВСЕХ
СТРАШНЫМ ГОРЕМ ЖЕЛАЕМ ВАМ МУЖЕСТВА И ДУ-
ШЕВНЫХ СИЛ = ВАШИ ГОЛОВАНИВСКИЕ**

ФЭ. 3824, 17.

565. Л.А.Озеров (Голицыно)

ВАШЕ ГОРЕ СТАЛО МОИМ ГОРЕМ = ЛЕВ ОЗЕРОВ

ФЭ. 3824, 49. Лев Адольфович Озеров (1914–1997)) – поэт.

566. М.Г.Рольникайте (Ленинград)

**ГЛУБОКО ПОТряСЕННАЯ РАЗДЕЛЯЮ ВАШЕ ГОРЕ =
МАША РОЛЬНИКАЙТЕ**

ФЭ. 3825, 3. Мария Григорьевна Рольникайте (р.1927) – писательница.

567. Т.М.Литвинова (Свердловск)

**ГЛУБОКО ПЕРЕЖИВАЕМ ТЯЖЕЛУЮ УТРАТУ ЛЮ-
БИМОГО ПИСАТЕЛЯ ЧЕЛОВЕКА ДРУГА ИЛЬИ ГРИГО-
РЬЕВИЧА РАЗДЕЛЯЯ ВАШУ СКОРЬБЬ ТЯЖЕСТЬ УТРА-
ТЫ ПРОСИМ ПРИСОЕДИНИТЬ НАШИ ЧУВСТВА БЕС-**

ЧИСЛЕННЫМ ВЕНКАМ НА ЕГО МОГИЛЕ = СЕМЬЯ
ЛИТВИНОВЫХ

ФЭ. 3824, 38.

568. Л.И.Толстая (Москва)

ДОРОГАЯ ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА ГЛУБОКО СО-
ЧУВСТВУЮ ВАШЕМУ БЕЗМЕРНОМУ ГОРЮ ВСЕМ
СЕРДЦЕМ ПРИСОЕДИНЯЮСЬ ИСКРЕННЕЙ СКОРБИ
ВСЕХ ЗНАВШИХ ИЛЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧА = ЛЮДМИЛА
ТОЛСТАЯ

ФЭ. 3825, 20. Людмила Ильинична Толстая (1906–1982) – вдова
А.Н.Толстого.

4 сентября 1967

569. В.П.Аксенов (Варна)

С ГЛУБОКОЙ БОЛЬЮ УЗНАЛ О КОНЧИНЕ ИЛЬИ
ГРИГОРЬЕВИЧА ЭТО ОГРОМНОЕ ОБЩЕЕ ГОРЕ =
ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ

ФЭ. 3824, 2. Василий Павлович Аксенов (р.1932) – писатель.

570. Ю.Г.Оксман (Москва)

Дорогая Любовь Михайловна, хорошо понимаю, что
не существует таких слов, которые могли бы поддержать
Вас по-настоящему в эти страшные дни.

«Все гуще мрак, все пуще горе, все неминуемей беда»¹ –
вот как по-тютчевски я ощущаю уход из жизни Ильи Гри-
горьевича – последнего из деятелей мировой демократи-
ческой культуры, слово и дело которого так много значи-
ло для людей моего поколения и для двух следующих, на
долю которых выпало большое счастье быть его совре-
менником.

Вы обязаны очень беречь себя, дорогая Любовь Михайловна, чтобы помочь читателям и почитателям Ильи Григорьевича (а их ведь миллионы!) возможно более правильно и многообразно понять его жизненный путь, неповторимое своеобразие его личности, его литературные и общественно-политические связи и отношения. Вы должны досказать многое из того, что сам он не мог или не успел внести в свои замечательные воспоминания – единственную книгу, масштабы и пафос которой оказались адекватными «Былому и думам» Герцена. Простите, бога ради, что осмеливаюсь выступить в такие дни с чем-то, похожим на «рекомендации» и «советы». Надеюсь, что Ваша чуткость позволит Вам не ошибиться в оценке моих самых дружеских «благих намерений», которыми вызваны эти строки.

Берегите себя, дорогая и глубокоуважаемая Любовь Михайловна!

Всегда Ваш

Ю. Оксман.

ФЭ. 3824, 50-51.

¹ Из стихотворения Ф.И.Тютчева «Ты долго ль будешь за туманом...» (1866).

571. Е.Я.Суриц (Москва)

Дорогая Любовь Михайловна!

вся наша семья восприняла известие о смерти Ильи Григорьевича, как большое несчастье.

Его уход – горе не только для вас и его близких, но для многих и многих людей. Человек, который все видел, все знал и не боялся об этом говорить правду, так нужен был сейчас!

Эти слова я слышала от многих; от тех, кто пришел на кладбище, но остался стоять за кордоном дружинников...¹ Примите наше скорбное сочувствие в связи с Вашей личной и нашей общей тяжелой утратой.

Лиля Суриц.

ФЭ. 3825, 17. Елена Яковлевна Суриц (р.1923) – искусствовед, дочь дипломата Я.З.Сурица, с которым ИЭ был дружен с 1930-х гг.

¹ В день похорон ИЭ Новодевичье кладбище было специально закрыто и охранялось усиленными нарядами милиции.

572. В.В.Лебедев и А.С.Лазо (Ленинград)

ПРИСОЕДИНЯЕМСЯ К ГОЛОСУ ВСЕХ ЧЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ И СКОРБИМ ВМЕСТЕ С ВАМИ = ЛАЗО ВЛАДИМИР ЛЕБЕДЕВ

Собрание составителя. Владимир Васильевич Лебедев (1891–1967) – художник; ИЭ был знаком с ним с 1930-х гг; А.С.Лазо – его жена, дочь героя Гражданской войны С.Г.Лазо.

573. Г.Пьовене (Венеция)

ГЛУБОКО ПОДАВЛЕНЫ ГОРЯЧО ВАМ СОЧУВСТВУЕМ = ГВИДО МИМИ ПЬОВЕНЕ

ФЭ. 3828, 36. Гвидо Пьовене (1907–1974) – итальянский писатель.

574. Й.Ивенс (Париж)

ПОТЯСЕН КОНЧИНОЙ ИЛЬИ ПОСЫЛАЮ ВАМ И ВАШЕЙ ДОЧЕРИ МОЕ САМОЕ ГЛУБОКОЕ СОЧУВСТВИЕ МЫ ВСЕ ПОТЕРЯЛИ БОЛЬШОГО ДРУГА И БОЛЬШОГО ПИСАТЕЛЯ = ЙОРИС ИВЕНС

ФЭ. 3827, 35. Йорис Ивенс (1898–1989) – нидерландский кинорежиссер-документалист.

575. Л.Карденас (Мехико)

Послу СССР в Мексике.

Уважаемый г-н посол и хороший друг. Примите мои соболезнования по случаю чувствительной утраты выдающегося советского писателя Ильи Эренбурга.

С сердечным приветом Ласаро Карденас.

ФЭ. 3827, 43. Ласаро Карденас (1895–1970) – президент Мексики в 1934–40 гг.

576. Н. и П.Кот (Париж)

ПРИЕХАЛИ ИЗ ПЕРУ СЕГОДНЯ ГЛУБОКО УДРУЧЕНЫ ПОТЕРЕЙ НАШЕГО ЛУЧШЕГО ДРУТА И ТЕМ ЧТО МЫ НЕ С ВАМИ МНОГО ДУМАЕМ О ВАС И ЦЕЛУЕМ КРЕПКО = НИНА ПЬЕР

ФЭ. 3827, 52. Пьер Кот (1895–1977) – франц. полит. деятель, с которым ИЭ был дружен с 1930-х гг; Нина – его жена.

577. С.Тувим (Варшава)

ВЫРАЖЕНИЯ ГЛУБОКОЙ БОЛИ И СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ШЛЕТ СТЕФАНИЯ ТУВИМ

ФЭ. 3829, 8.

578. В.М.Инбер (Москва)

ДОРОГАЯ ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА МЫСЛЕННО С ВАМИ ПОМНЮ ВСЕ = ВЕРА ИНБЕР

ФЭ. 3824, 24.

5 сентября 1967

579. Маревна (М.Б.Воробьева-Стебельская) (Англия)

Дорогая Люба – очень печальную новость узнала я в <нрзб название издания> об Илье, а сегодня получила письмо от Жана, старшего внука, – и несколько статей из

французских журналов – очень хорошо – писанные с душой и искренне.

Мы всё собирались поехать в Москву – и так и не собрались. А в 1962 году, когда я впервые в жизни увидела Ленинград и мою сестру, с которой рассталась, когда ей было 4 года, а мне 2¹/₂ года – я хотела поехать в Москву и повидать вас обоих – мой срок поездки кончился (всего 12 дней) и деньги тоже. Это было грустно и противоречило моей надежде увидеть и прижать к сердцу старых друзей.

Надеюсь, что это маленькое письмо дойдет до Вас – и что дойдет до Вас и наша горечь и печаль о потере любимого нам обоим Ильи Эренбурга.

У меня есть два его портрета, написанные мною, – молодого с длинными волосами и другой – после нашей встречи в Лондоне уже послевоенный.

Есть у меня и портреты Пикассо – они висят вместе в комнате около портрета Ривера.

Дорогая Люба, прошу Вас – передайте, пожалуйста, от меня Ирине – я не знаю ее адреса – я хорошо о ней вспоминаю, как и о Кате¹ и о Вас. – Скажите ей, что и я, и моя дочь Марика любим очень стихи Эренбурга – особенно «Бабий Яр». Марика знает их наизусть! Я уверена, что и после меня Марика будет помнить Илью и хранить о нем теплую память.

Ваша Маревна.

ФЭ. 3826, 40.

¹ Е.О.Сорокина (Шмидт) – первая жена ИЭ.

6 сентября 1967

580. Н.Л.Манатти-Эренбург (Париж)

Дорогие Люба и Ирина,

я все время мысленно с вами...

Известие о смерти Ильи меня тем более поразило, что

не подозревала, что он хворал. Не могу себе представить – не хватает воображения – как переносил Илья мысль о болезни, о лечении, как допускал до себя врачей. Для него болеть было в 100 раз хуже, чем для других людей.

Он говорил мне по телефону¹, что Люба была в лечебнице, о себе... ни слова.

С тех пор я беспокоилась о состоянии Любы. Запросила тебя, Ирина, когда писала тебе, но ответа не получила на свое письмо. Между тем мне решительно не у кого узнать, что у вас происходит. Теперь из газет узнала (потому, что жене покойного выражают сочувствие), что о Любином здоровье не следует беспокоиться. Хотя понимаю, что тяжелый удар ей нелегко пережить.

Одно могу сказать: такой всемирной симпатии, как Илья, никто никогда не пользовался.

По странной случайности Юра², который был проездом в Париже, сидел у меня, и мы говорили о всех вас, не подозревая, что ночью скончался Илья. Газеты были этим полны, но мы не знали. Вместо ненависти к нему, у меня теперь появилась жалость. Конченный человек. Он очень болел сердцем (мы это скрывали от Жени³). Уже 3-й год преподает политическую экономию в лицее в St. Etienne. Дети учатся и голодают.

Ваша *Тося*.

ФЭ, 3928, 2.

¹ В январе 1966 г. в Париже

² Сын Евгении Григорьевны Каган (1883–1965), родной сестры ИЭ, жившей после возвращения в 1953 г. в СССР у него на даче.

³ Е.Г.Каган.

581. Г.Эмин (Ереван)

СКОРБЛЮ СМЕРТИ НЕЗАБВЕННОГО ЭРЕНБУРГА)
ОДНОГО ИЗ ВЕЛИКИХ НАШЕГО ВЕКА = ГЕВОРК
ЭМИН

ФЭ. 3824, 22. Геворк Эмин (1919–1998) – армянский поэт.

7 сентября 1967

582. Шанталь Кенневиль (Монбар)

Милая Люба,

Ты не можешь себе представить, как страшно я была поражена, когда в пятницу, около полудня, услышала сообщение о смерти Ильи. Мне это показалось невозможным. Ты, конечно, знаешь, что мы виделись в Риме в конце мая; Илья выглядел очень похудевшим, уставшим от разъездов и общественной деятельности, говорил чуть слышным голосом, но мне и в голову не могло прийти, что я его больше никогда не увижу. Разговор шел о тебе, Илья сказал, что его тревожит твое здоровье. И в «Юманите» сообщали о твоей болезни. В здешних газетах много говорилось о кончине большого писателя. В пятницу по радио Эльза Триоле и Арагон говорили о случившемся с глубоким волнением и скорбью. Я не знала, как связаться с тобой. Вот я и написала Эльзе, чтобы она передала тебе, что я разделяю твою боль и боль Ирины. Весь понедельник я была с вами, в ужасе от того, что это правда, что хоронят человека, который был воплощением жизни и ума, ума неподкупного и смелого.

А вчера я купила субботнюю «Юманите», там на двух с половиной страницах помещены почтительные и хвалебные статьи, и в них я нашла ваш адрес: улица Горького, 8. Я отправила коротенькую телеграмму, чтобы ты знала, что я с тобой. И вот теперь пишу письмо.

Я не выдержала и написала Эльзе Триоле, что эти почести вызывают у меня усмешку, когда я вспоминаю обо всех неприятностях, причиненных Илье (и тебе) французской полицией, начиная с высылки в Бельгию и Ла Пани (1921 г.) и до последнего времени, когда между нашими странами наконец-то установились почти нежные отношения. Давно пора!

Столько всего вспоминается, не одни лишь 1916–17 годы, но и 1924 год, когда мы так часто все вместе сидели в

«Куполь», и перигорский ресторанчик в Лаванду (помнишь тот кагор?), и как Илья поранил глаз на острове Левант, и самый последний стакан – остатки бутылки чинзано в январе 1940 года. Затем наступило ужасное время. Мы встретились в 1946 году. Потом я лишь два-три раза видела Илью.

Как бы мне хотелось быть ближе к тебе, я подумала, может быть, ты захочешь вернуться во Францию. Ты сможешь жить у меня, поразмысли об этом хорошенько. Я надеюсь, что ты справишься с этим большим горем и быстро начнешь поправляться.

Когда у тебя достанет времени и душевных сил, напиши мне несколько слов.

У меня всё по-старому. Зиму и лето мне нравится проводить в моем домике в Монбаре. Весной и осенью я часто езжу в Италию, много раз была в Греции (теперь больше не поеду). Я живу деятельно, чувствую себя хорошо, занимаюсь живописью и очень увлечена ею. У меня всё еще много друзей в разных краях, мы встречаемся то там, то здесь.

Адольф с женой поселился в Йоханнесбурге, в Южно-Африканской Республике (мерзкая страна). Я вижу с ними во время их приездов в Европу.

Я прощаюсь с тобой, Любочка, целую тебя от всего сердца. Ты была идеальной спутницей для Ильи. Не падай духом и будь здорова. Привет Ирине.

Шанталь.

ФЭ. 3829, 55. Перевод М.Сальман. Ш.Кенневиль (1897–1969) – франц. художница, парижская подруга ИЭ в 1914–1917 гг.

583. К.И.Чуковский (Переделкино)

Дорогая Любовь Михайловна,

я был болен, не видел газет и лишь сегодня узнал о Вашей – и нашей – великой утрате. И только теперь почувствовал,

какое это было счастье сознавать, что среди нас Эренбург. Никаким разбойникам пера, никаким мошенникам печати не удастся очернить клеветой его гордое имя борца за человечность и правду... Рассеется как дым клевета профессиональных лгунов – и народ с великой благодарностью вспомнит о своем защитнике и друге.

Простите, что я пишу так бессвязно – так поразило меня это внезапное горе.

С глубоким уважением

Корней Чуковский.

ФЭ. 3825, 29.

584. С.Х.Лисицкая (Новосибирск)

Дорогая Любовь Михайловна,

с большим прискорбием узнала из газет о смерти незабвенного Ильи Григорьевича.

Хочу выразить свое искреннее соболезнование в это тяжелое для вас время.

С дружбой и сочувствием

Ваша С.Х.Лисицкая.

ФЭ. 3824, 37. Софья Христиановна Лисицкая-Кюпперс – художница, искусствовед, вдова художника Эль Лисицкого, с которым ИЭ был дружен с начала 1920-х гг.

585. А.Т.Твардовский

М<осква,> 7.IX.<19>67

Глубокоуважаемая Любовь Михайловна!

Понимаю всю неловкость обращения к Вам в эти дни по делам, которые могут лишней раз напомнить Вам о том, что еще и без того не могло улечься, но, думаю, Илья Григорьевич не осудил бы меня.

Незадолго до его болезни я получил (в ответ на мое

письмо) уведомление от него о том, что 16 глав седьмой части «Люди, годы, жизнь» написаны и что он мог бы дать их мне прочесть, но, – писал он, – может быть, лучше подождать, пока книга будет закончена.

Это позволяет мне просить Вас, Любовь Михайловна, дать, если возможно, не откладывая, мне на прочтение все то, что было написано до рокового дня. Я быстро прочту и уведомяу Вас о видах редакции на конец этого или начало будущего года¹.

Если же Вам решительно не под силу еще заниматься этим, то простите меня.

Для девятой книжки «Н<ового> М<ира>» я написал об Илье Григорьевиче. Конечно, с расчетом, чтобы прошло, но все же, надеюсь, по-иному, чем другие².

Позвольте пожелать Вам сил и твердости душевной для выполнения тех задач, которые теперь встают перед Вами.

С глубоким уважением

Ваш А.Твардовский.

Впервые – в коммент. к ЛГЖ (т.3. М., 1990. С.401-402). Подлинник – ФЭ. Ед.хр.3815. Л.1.

¹ Рукопись незаконченной 7-й книги ЛГЖ была передана Твардовскому; ее начали готовить для 4 и 5-го номеров журнала 1968 г. Из 10 первых глав, стоявших в №4, цензура сняла две. Однако и этот вариант вскоре запретили; текст мемуаров кромсали, вычеркивая слова, фразы и целые абзацы. В итоге близкие ИЭ пришли к выводу, что в таком виде 7-ю книгу печатать нельзя; впервые (и тоже с купюрами) она была опубликована в «Огоньке» в 1987 г., а полностью – в 1990-м.

² Заметка А.Твардовского (наряду с заметкой Б.Полевого) была напечатана под общим заголовком «Памяти Ильи Григорьевича Эренбурга» в №9 «Нового мира» за 1967 г., с. 285-286. В ней обычно сдержанный Твардовский высказался о мемуарах ИЭ абсолютно определенно: «Этой его книге, уже обошедшей весь мир в переводах на многие языки, безусловно обеспечена прочная долговечность».

8 сентября 1967

586. И.Эйхенбаум (Париж)

Дорогая Любовь Михайловна!

Все летчики ветераны полка «Нормандия-Неман» глубоко переживают потерю Ильи Григорьевича, спутника Вашей жизни, большого советского человека и всемирного писателя, друга французского народа и большого друга «Нормандии-Неман». Всей душой и сердцем присоединяюсь к Вашему горю и печали советских людей. Вот что нам написал Илья Григорьевич, статьи которого все так ждали и жадно читали на фронте в дни В<еликой> О<течественной> В<ойны>: «28 декабря 1966. Дорогие друзья. Хочу поздравить вас с новым годом. Вы были нашими друзьями в тяжелые годы и вы остаетесь нашими старыми друзьями теперь, когда дружба между обоими народами торжествует. Илья Эренбург». Он прав, после таких испытаний мы навсегда друзья. С большим сердечным приветом от всех нас. Присоединяюсь к горю, обнимаю и целую Вас.

Уважающий Вас, Ваш друг Игорь Эйхенбаум,
ветеран «Нормандии-Неман».

ФЭ. 3829, 43.

9 сентября 1967

587. С.Н.Андроникова (Гальперн) (Лондон)

Дорогая Любовь Михайловна,

стечение многих экстраординарных и трудных обстоятельств помешало мне – к великому моему огорчению – написать Вам раньше мое глубокое сочувствие в Вашем горе. Неожиданная смерть Ильи Григорьевича меня потрясла. Я знаю сама, что значит потерять самого близкого друга и попутчика всей жизни. И к концу нашей собственной – жи-

вешь как на кладбище – среди множества дорогих могил. Ушли все. Почти все. Сколько осталось в живых моей жизни, нашей? Горько и тяжело.

Милая, горю помочь нельзя, но хочется, чтоб Вы знали, что всей душой я с Вами.

Обнимаю дружески и сердечно

Саломея.

ФЭ. 3829, 26. Саломея Николаевна Андроникова (по мужу Гальперн; 1888–1982) – в эмиграции с 1919 г., близкая знакомая многих известных русских поэтов и художников.

12 сентября 1967

588. Н.Зарьян и А.Степанян (Ереван)

ДОРОГОЙ ДРУГ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕШАЛИ СВОЕВРЕМЕННО ВЫРАЖАТЬ ГЛУБОКУЮ СКОРБЬ ПОВОДУ КОНЧИНЫ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ ЗПТ СОВЕСТИ НАШЕЙ ЭПОХИ ИЛЬИ ГРИГОРЬЕВИЧА ЭРЕНБУРГА ЗПТ КОТОРЫЙ УШЕЛ ОТ НАС СЛИШКОМ РАНО ЗПТ ОСТАВИВ ЗА СОБОЙ ВЕЛИКУЮ ПУСТОТУ ЛИТЕРАТУРЕ И СЕРДЦАХ МНОГОМИЛЛИОННЫХ ДРУЗЕЙ ВСЕГО МИРА ТЧК ПРЕКЛОНЯЕМ ГОЛОВЫ ПРЕД ЕГО СВЯЩЕННОЙ МОГИЛОЙ И ВЫРАЖАЕМ ВАМ ГЛУБОКИЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ТЧК ПУСТЬ ВЕЧНАЯ СЛАВА ЭРЕНБУРГА БУДЕТ ВАМ УТЕШЕНИЕМ = АНЖЕЛА СТЕПАНЯН ЗПТ НАИРИ ЗАРЬЯН

ФЭ. 3825, 15-16. Наири Зарьян (1900/01–1969) – армянский писатель; ИЭ познакомился с ним в 1959 г. в Армении. А.Степанян – армянская писательница.

14 сентября 1967

589. Р.О.Якобсон (США)

Дорогая, дорогая Люба,
 мне страшно трудно писать Вам сейчас. С Вами обоими я был десятки лет несказанно тесно связан, и сейчас чувство жуткой неизбежной бреши оттесняет все остальное. Когда в конце августа я был в Москве и Илья звал меня приехать, я знал – это значит проститься, и когда мне вдруг закрыли путь к нему¹, на меня легла тяжесть бессильной грусти. Сейчас так хотелось бы просто посидеть с Вами, Люба, рука в руку и глаза в глаза, помолчать вместе и вместе повспоминать. Так трудно о таких вещах говорить вдаль. И все думается, почему все встречи с Ильей последних лет были так отрывочны и обрывисты. Только задним числом я знал: столько надо было сказать друг другу. Столько мы умели когда-то друг другу сказать. Давайте пообещаем друг другу, Люба, когда будущим летом встретимся, это будет истинная, неподдельная встреча.

Горячо обнимаю.

Рома.

ФЭ. 3829, 47.

¹ ИЭ смертельно заболел на даче под Москвой, за пределами дозволенных тогда иностранцам для поездки 50 км от Москвы, и Якобсону поездку к старому другу запретили.

19 сентября 1967

590. В.Ф.Шухаева (Москва)

Дорогая Любовь Михайловна,
 мне хочется сказать Вам, что я непрерывно думаю о Вас не только потому, что разделяю и понимаю Ваше горе, может быть, как никто, но и потому что к Вам и Илье Григорьевичу я всегда чувствовала особенную симпатию, несмотря на то, что мы редко встречались и даже не были по-на-

стоящему дружны. Каждый раз, когда я бывала в Москве, мне хотелось приехать к Вам, но я боялась быть назойливой, было как-то неловко отнимать у Вас время, но я всегда чувствовала вас обоих близкими для себя людьми, тяжело переживала обиды и оскорбления, которым иногда подвергался Илья Григорьевич, и радовалась и гордилась его неуступчивой позицией в том, что он любил и ценил. Утрата Ильи Григорьевича, так же как утрата Сарры¹, которая для меня очень тяжела, побудила меня написать Вам это письмо. Горячо обнимаю Вас.

Любящая Вас

Вера Шухаева.

Собрание составителя. Вера Федоровна Шухаева (1895–1979) – художник по ткани, вторая жена художника В.И.Шухаева; об ее аресте в 1937 г. ИЭ упоминает в 28-й главе 4-й книги ЛГЖ.

¹ Скульптор Сарра Дмитриевна Лебедева (1892–1967) была также другом И.Г. и Л.М.Эренбургов.

20 сентября 1967

591. Э.Е.Маркиш (Ташкент)

Любовь Михайловна, дорогая!

Мысли и чувства мои с Вами.

Желаю Вам умиротворения

Ваша Фира Маркиш.

ФЭ. 3824, 41. Эстер Ефимовна Маркиш – вдова поэта Переца Маркиша.

* * *

Письма Р.Гуттузо, А.Моравиа и П.Цветеремича, помещенные в томе, впервые опубликованы в: Б.Фрезинский. Милая сердцу Италия (Страницы архива Ильи Эренбурга) // Всемирное слово, 2005, № 17/18.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Поправки к томам 1 и 2 Писем Ильи Эренбурга
(М., Аграф, 2004)*

Том 1

1) Письмо Г.Издебской 6 января 1922 г. (П1, №102).

Вместо фразы «Вышла ли антология Gitl'a?» следует читать «Вышла ли антология Goll'a?». На то, что, возможно, речь идет именно об антологии Голля, обратила мое внимание Е.И.Лубяникова. Проверка подлинника письма, в котором фамилия составителя антологии написана неразборчиво, показала, что такое прочтение допустимо. Поскольку в Париже в 1922 г. иной антологии, включавшей русскую поэзию при участии Издебской и Эренбурга, не выходило, такое прочтение представляется точным.

Антология, составленная французским писателем Иваном Голлем (Исаак Ланг; 1891–1950): Ivan Goll «Les cinq continents. Antologie mondiale de poésie contemporaine». Paris, La renaissance du livre. 1922. В разделе славянской поэзии этой антологии были напечатаны стихи Эренбурга «Наши дети будут удивляться...» в переводе Г.Издебской; стихи Брюсова, Ахматовой и Шершеневича приводились в совместном переводе ИЭ и Франса Элленса.

2) О комментарии к письму Блезу Сандрару 3 февраля 1925 г. (П1, № 355а).

Начинающий филолог, работающий в Париже, О.Ю.Хлопина, предоставившая текст перевода опубликованного в книге письма Эренбурга Блезу Сандрару, сооб-

шила составителю также и об экземпляре романа Эренбурга «Хулио Хуренито» с дарственной надписью Блезу Сандрару, хранящемся в фонде Б.Сандрара Швейцарской национальной библиотеки (г.Берн). При этом О.Ю.Хлопина доверчиво приняла информацию дочери Сандрара, считавшей, что французская помета на титульном листе книги сделана рукой ее отца (зачеркнуто слово «перевод» и написано «отвратительная адаптация»). Эту информацию составитель привел со слов О.Ю.Хлопиной в комментарии к публикации письма Эренбурга. Такая «справка» комментатора несомненно свидетельствовала об отрицательном отношении Сандрара к французскому тексту романа «Хулио Хуренито», а м.б., и к самому роману. Следует отметить, что затребованная составителем ксерокопия титульного листа книги, к сожалению, была прислана О.Ю.Хлопиной только после выхода тома писем Эренбурга. Ознакомление с ксерокопией сразу привело к однозначному выводу: французская помета на титуле сделана рукой Эренбурга, чей очень специфический и трудный почерк составителю давно и хорошо знаком. Таким образом, сделанная автором романа помета на титуле французского издания его книги подтверждает известное отрицательное отношение его к качеству французского перевода «Хулио Хуренито» (см., например, письмо Эренбурга к Полонской от 3 февраля 1925 г. (П1, № 353) с такой оценкой перевода: «гнуснейшая переделка, причем именуется это даже не *adaptation*, а *traduction*»), и, что самое существенное, эта помета не дает никаких оснований для суждения об отрицательном отношении Сандрара к роману «Хулио Хуренито», которое могло возникнуть при чтении комментария к письму Эренбурга Блезу Сандрару.

Том 2

1) Комментарий к письму к В.А.Мильман от 31 января 1935 г. (П2, №120).

В примеч.1 речь шла о сотруднице «Известий», секре-

тарше Н.И.Бухарина, которую ИЭ называл только по имени (Варя, Варвара). Никакой информации насчет ее фамилии составителю никогда не попадалось. Кроме писем к Мильман имя Варвары нигде в бумагах Эренбурга не встречалось. Обращение в архив «Известий» также ничего не дало (после ареста Бухарина от архива мало что осталось). Поиск каких-либо сотрудников «Известий» 1934–1936 гг. был в начале XXI века бессмысленным. Неожиданно вспомнилось, что имя Варвара есть на дарственной надписи Эренбурга на его книжке «Гражданская война в Австрии» (книжка была приобретена составителем еще в 1970-е годы; текст ее печатался в «Известиях» в 1934 г.). Однако установить однозначно фамилию Варвары на этой, как всегда у Эренбурга, написанной нечитаемым образом надписи оказалось немыслимо (отчетливо читалось только имя и еще можно было разобрать отчество). Поэтому в примечании к письмам к Мильман пришлось указать под вопросом относительно вероятную (по написанию) фамилию: Поплатова (разные буквы Эренбург писал похоже). Уже после выхода двухтомника писем Эренбурга составитель, листая в связи с совсем иной задачей журнальную публикацию книги Л.Лиходеева о Бухарине («Поле брани, на котором не было раненых» – Дружба народов, 1989, №11, с.55), наткнулся на фамилию Варвары (не доверять достаточно точному автору, собиравшему материал для книги долгое время, нет никаких оснований). Фамилия ее – Кошкарева (надпись на «Гражданской войне в Австрии» такое прочтение также допускает).

2) Комментарий к письму Л.М.Козинцевой-Эренбург от 14 января 1942 (П2, № 254).

Ева Кюри (1904–?) – не дочь Ирен Жолио-Кюри, а ее младшая сестра; она автор биографии своей матери «Мария Кюри» (франц. изд. 1938, русский перевод 1944); годы войны прожила в СССР.

Именной указатель*

- Аббас Х.А. 262
 Абдельман 452
 Абенсур Ж. 464
 Абетц О. 395
 Айвазовский И.К. 4
 Акимов Н.П. 180, 296
 Аксенов В.П. 368, 569
 Алабян К.С. 18
 Александров Г.Ф. 145-147
 Алигер М.И. 278, 404, 405, 484
 Аллилуева Н.С. 280а
 Альберт 264
 Альберти Р. 537
 Альварес дель Вайо Х. 536, 538
 Альтман А.Е. 115
 Альтман В.И. 115
 Альтман И.Л. 25, 115, 121, 139
 Альтман Н.И. 34, 70, 103, 189, 232, 317, 359
 Алянский С.М. 253
 Амаду Ж. 235а, 558
 Амп П. 11
 Андреев В.Л. 369,
 Андреев Л.Н. 369
 Андреева Т.М. 320
 Андроникова (Гальперн) С.Н. 587
 Аникушин М.К. 397
 Анненков Ю.П. 541
 Антокольский В.П. 115
 Антокольский П.Г. 115, 122, 175, 372, 412
 Аплетин М.Я. 23, 278
 Аполлинер Г. 315
 Апт С.К. 123
 Арагон Л. 16, 149, 192, 198, 231, 258, 279, 287, 293, 305, 313, 401, 582
 Ардов В.Е. 114
 Аринштейн Р.М. 425
 Аристофан 123
 Асеев Н.Н. 40, 66, 207, 278
 Асмус В.Ф. 361
 Астье де ла Вижери Л. д' 276, 516
 Астье де ла Вижери Э. д' 276, 279, 315, 516
 Афиногенов А.Н. 122
 Ахматова А.А. 69, 81, 114, 134, 190, 208, 227, 278, 280а, 331, 395, 430
 Бабель И.Э. 18, 198, 285, 290, 376, 378, 383, 431, 435, 453
 Баграмян И.Х. 114
 Багрицкий Э.Г. 218, 365
 Бажан М.П. 366
 Балагур А. 403
 Балтрушайтис Ю.К. 7, 8
 Бальзак О. 58, 65
 Бальмонт К.Д. 1, 312
 Банфи 286
 Барабаш Ю.Я. 457
 Барбюс А. 14
 Бассольс Н. 126
 Батов П.И. 73, 141, 388, 393
 Батулин А. 44
 Бауман Н.Э. 17
 Башкиров К.А. 7
 Безыменский А.И. 27, 38, 132
 Безыменский Л.А. 128

* Указываются номера писем (причем номера писем авторов выделены жирным шрифтом).

- Безье де 1, 389
 Бек А.А. 342
 Белинский В.Г. 196, 235
 Белкина М.И. 261
 Белобородов С.Я. 370
 Белый А. 363, 380, 384, 402, 435, 440
 Бенсан Г. 172
 Берар Е. 395
 Берггольц О.Ф. 278, 339, 431
 Бергельсон Д.Р. 243
 Бёрдсли О. 484
 Березин 114
 Берестов В.Д. 81
 Берия Л.П. 374, 394, 417
 Берлеви Г. 484
 Бернал Дж. 530
 Берсенев И.Н. 176
 Бертенсон 76
 Бессарабов Б.А. 7
 Биргер Б.Г. 455
 Бихтер А. 469
 Блок А.А. 218, 253, 378, 433
 Блок Ж.-Р. 15, 23, 28, 68, 149, 172, 176, 192, 309, 419
 Блок М. 23
 Блюм Л. 55
 Блюмель А. 317
 Блюмкин Я.Г. 301
 Бобович Б.В. 365
 Бобров С.П. 40
 Бовуар С. де 398
 Богатырев П.Г. 550
 Бокье Ж. 492
 Бонапарт Л. 461
 Бонапарт Н. 491
 Борисов-Мусатов В.Э. 404, 463
 Брагинская Э.В. 235а
 Брегман С.Л. 172
 Бредель В. 23
 Бретон А. 198
 Брехт Б. 123
 Брик Л.Ю. 507
 Бродский И.А. 311
 Броз-Тито И. 272
 Брюсов В.Я. 1, 312, 364
 Будаев 260
 Будберг М.И. 306, 540
 Букиник Б.А. 100а, 425
 Булгаков С.Ф. 312
 Буллу Ж. 451
 Бурковский Н.С. 483
 Бухарин Н.И. 14, 14а, 18, 353, 465
 Бюшоль Р. 435

 Вайденфельд 306
 Вайнберг З. 122
 Вайнерт Э. 23
 Вайншенкер П.Л. 254а
 Вайян Р. 245, 263, 268, 272
 Вайян Э. 245, 263, 268
 Валентей М.А. 296
 Валери П. 435
 Валлес Ж. 119
 Ван-Гог В. 207
 Вантонгерлоо Ж. 414
 Ваншенкин К.Я. 278
 Васильев С.А. 45
 Варламов Н. 468
 Вашенцев С.И. 17
 Венус Г.Д. 369
 Вентцель Е.С. 407
 Венцлова А. 186а
 Вербицкий Н. 267, 273
 Веригина В.П. 433
 Веркор 269, 272, 274, 276, 277, 521
 Веркор Р. 269, 270, 521
 Верлен П. 1, 65
 Верт А. 464, 536

- Вигдорова Ф.А. **407, 420, 447**
 Вигорелли Дж. **527**
 Вийон Ф. 1, 278
 Вильдрак Ш. 16
 Вишневецкая С.К. 63, 115, **216**
 Вишневский Вс.В. **20, 28, 63, 66, 115, 176, 185b, 191, 216**
 Вишняк А.Г. 399
 Вишняк В.Л. 399
 Вишняк Е.А. 399
 Воловик Л.437
 Воловик М.Е. 437
 Волохова Н.Н. 433
 Волошин М.А. 1-6, 240, 372
 Волюнский Л.Н. **551**
 Вольтер 486
 Воронков К.В. 390
 Вышинский А.Я. 457
- Габриак Ч. де 412
 Гагарин Ю.А. 371
 Гайдар А.П. 112
 Галактионов М.Р. 156, 159
 Галчинский К.-И. 303
 Галюз В.А. 151
 Гамсараган Д. **171, 542**
 Ганейзер Г.Е. 370
 Ганейзер (Белобородова) Н.Я. **370**
 Ганин А.А. 361
 Гарай Д. **460**
 Гарина-Кузнецова В.С. 469
 Гарриман А. 50
 Гатов А.Б. **301, 314**
 Гатте З. **558**
 Гейне Г. 380
 Герасимов А.М. 417
 Герасимов С.А. **552**
 Герасимова В.А. 234, **387**
 Герман Ю.П. 131, 457
- Герцен А.И. 217, 235, 570
 Гете И.В. 1, 40
 Гильен Н. 260, **531**
 Гинзбург Е.С. **368**
 Гира Л. 129
 Гитлер А. 50, 57, 74, 176, 460
 Гитович А.И. **59, 254**
 Гладков А.К. **296, 453**
 Глиноедский В.К. 385
 Глотов Я.А. 5
 Гнедин Е.А. **304, 445, 506**
 Гнесин М.Ф. 296
 Говоров Л.А. **37**
 Гоген П. 207
 Гогоберидзе Е.Д. **363**
 Гогоберидзе Л.Д. **363**
 Гоголь Н.В. 212, 435
 Гойя Ф. 377
 Голдовская Р.М. 5
 Голембо Б. 47
 Голль Ш. де **109, 136, 277, 291, 464**
 Голованивский С.Е. **175, 294, 411, 564**
 Голуб Ф. **22**
 Гольфанд Ю.А. 200
 Голяков 144
 Гончар О. 450
 Гончаров И.А. 235
 Горбатов Б.Л. 112, **186b**
 Горенко В.А. **430**
 Горенштейн Ф.Н. **302**
 Горький А.М. 218, 280а, 281, 296, 306, 408
 Гоффмейстер А. **198, 318, 532**
 Грабарь И.Э. 278
 Гранин Д.А. **343**
 Грановский А.М. 295
 Гребнер Г.Э. 143
 Грендель Э (Гала) 408-410
 Гржебина Л.З. 437

- Грибачев Н.М. 83
 Григоренко П.Г. 483
 Григорян В.Г. 235
 Грин А.С. 432
 Гринберг 71
 Громаденко 142
 Гроссман В.С. 24, 51, 112, 122, 135, 137, 280, 432а
 Груздев И.А. 92
 Груздева Т.К. 92
 Губер О.М. 51
 Гудзенко С.П. 72, 99, 135, 143, 145, 236, 467
 Гумилев Н.С. 61
 Гуро А. 43
 Гуртьев Л.Н. 82
 Гуттузо Р. 194, 199, 298, 523
- Даладье Э. 55
 Дали С. 410
 Даллес Дж. 364
 Данилевич А.М. 14
 Данилов Ю. 197
 Данин Д.С. 447
 Данте 1, 392
 Дар Д.Я. 154, 476
 Дарьевская В.А. 196
 Дейч А.И. 93, 477
 Делекторская Л.Н. 181
 Делоне Р. 414
 Дель Литто В. 287
 Деснос Р. 119, 377, 435
 Джакометти А. 271
 Джерманетто Дж. 23
 Джойс Дж. 198, 384
 Джонсон Л. 464
 Дивильковский И.А. 15
 Димаров А.А. 465
 Добровольский С.-Р. 443, 534
 Добычин Л.И. 18
- Долматовский Е.А. 24, 73, 124, 127, 128, 236, 344
 Домбровский Ю.О. 322, 466
 Достоевский Ф.М. 435, 494
 Дребендев 114
 Дубнов С.М. 386
 Дубнова С.С. 164, 386
 Дубровкина Ю. 370
 Дудинцев В.Д. 278
 Дуров В.Л. 367
 Дымов О.И. 159
 Дюамель Ж. 129
 Дю Белле Ж. 293, 401
 Дюкло Ж. 464
 Дюпарк И. 287
 Дюртен Л. 16
- Евреинов Н.Н. 280а
 Евтушенко Е.А. 278, 379-382, 411
 Ежов Н.И. 432а
 Елизавета 264
 Елинсон Н.Л. 490
 Емельянова И.И. 407
 Ермилов В.В. 416-418, 427
 Есенин С.А. 367
 Ефимов Б.Е. 198
- Жакоб М. 308, 319
 Жданов А.А. 74, 458
 Живов М.С. 303
 Жид А. 16, 18, 19, 198
 Жуков Ю.А. 204а, 515
 Жукова Р.Н. 515
 Жуковский Д.Е. 5
- Заболоцкий Н.А. 278, 285, 286
 Завадский Ю.А. 330, 372
 Закс Б.Г. 378

- Замятин Е.И. 380
 Зарьян Н. 588
 Заславский Д.И. 68
 Збарский Ф.Б. 554
 Зверев И.Ю. 457
 Зегерс А. 54, 106, 126, 429а, 460
 Зелинский К.Л. 218
 Зиновьева-Аннибал Л.Д. 363
 Зоргенфрей В.А. 380
 Зорин В.А. 482
 Зощенко М.М. 439
 Зыряев 48
- Ибаррури Д. 36, 355, 466, 471,**
Иванов Вс. В. 35, 88, 210, 335,
375, 440, 454
 Иванов Вяч. В. 440
 Иванов Вяч. И. 1
 Иванов-Разумник Р.В. 380
 Иванова Т.В. 35, 88, 210, 335,
 375
 Иваск Ю.П. 289
 Ивашкевич А. 517
 Ивашкевич Я. 303, 426, 517
 Ивенс Й. 574
 Ивинская О.В. 407
 Игнатъев А.А. 39, 43, 113, 234
 Издебский В.А. 399
 Иллеш Б. 274
 Ильенков В.П. 137
 Ильинский И.В. 296
 Ильф И.А. 46
 Инбер В.М. 94, 122, 137, 211,
 285, 286, 578
 Исаков И.С. 97, 438, 475
 Исаковский М.В. 95
 Искандер Ф.А. 388а
 Исбах А.А. 46, 133, 140
 Истмен Дж. 384
 Иш Л. 112
- Каверин В.А. 122, 234, 341, 373,
 444
 Каверина Л.Н. 341, 373
 Каган Ю. 7, 580
 Каган Е.Г. 7, 468, 580
 Казакевич Г.О. 487
 Казакевич Э.Г. 192, 280а, 297,
 328, 487
 Калдер А. 161
 Калинин М.И. 130
 Камачо А. 54
 Каменев Л.Б. 18
 Каминский Г.Н. 417
 Канделаки В. 417
 Канделаки Д. 417
 Канделаки Р.Е. 417
 Каницев Н.Г. 147
 Каплан А.Л. 317, 397, 489, 553
 Каплер А.Я. 280а
 Карахан Л.М. 18
 Карденас Л. 575
 Кардона Ф. 280а
 Кармен Р.Л. 20, 31, 127, 128,
 257, 262, 383
 Карриль Д. 235, 235а
 Картошенко 47
 Кассиль А.Г. 212
 Кассиль Л.А. 212, 357, 382
 Кассу Ж. 173
 Катаев В.П. 28, 38, 86, 395
 Катанян В.А. 507
 Катков М.Н. 129
 Катто Ж. 435
 Катулл 123
 Кафка Ф. 435
 Квитко Б.С. 459
 Квитко Л.М. 91, 459
 Кей А. 204а
 Келлерман Б. 11
 Кеменов В.С. 18
 Кенневиль Ш. 582

- Кеннеди Дж.Ф. 439
 Кербель Л.Е. 309
 Керженцев П.М., 18
 Кетлинская В.К. 101, 415
 Кзаки 414
 Кириенко-Волошина Е.О. 4-6
 Кирпотин В.Я. 18, 229
 Кирсанов С.И. 278
 Киселев Е.Д. 173
 Киш Э.-Э. 54, 126
 Кислинг М. 308
 Клеман Р. 222
 Кобыльник Г.Я. 52, 146
 Коган 24
 Козаков М.Э. 71
 Козинцев Г.М. 29, 178, 242, 323, 415
 Козинцева В.Г. 242
 Козинцева-Эренбург Л.М. 6, 24, 25, 32, 38-40, 42, 43, 58, 63, 65, 66, 69, 70, 72, 81, 88, 110, 111, 115, 119, 121, 127, 128, 132, 135, 139, 145, 174, 175, 178, 182, 191, 200, 202, 221, 222а, 223, 230, 235, 242, 245, 247, 250, 251, 257, 259, 261-263, 267-269, 271, 274, 276, 280, 281, 283, 294, 297, 299, 301, 301а, 305, 307, 309, 310, 313, 315, 317, 318, 351, 352, 356, 369, 371, 375, 377, 384, 385, 396, 397, 400, 402, 405, 411, 412, 415, 422, 426, 427, 427а, 431, 433, 434, 441, 450, 452, 464, 469, 472, 485, 488, 489, 490, 492, 496, 497, 504-526, 528-591
 Козловский И.С. 549
 Кокто Ж. 401
 Коллонтай А.М. 41, 53, 84, 125, 419
 Кольцов М.Е. 16, 55, 198, 278
 Комиссарова М.И. 134
 Коневский В.А. 485, 501, 502
 Конрад Н.И. 300
 Кончаловская О.В. 193
 Кончаловский П.П. 193, 203
 Коонен А.Г. 45, 58, 422, 470
 Копецкий В. 198
 Корнейчук А.Е. 124, 130
 Корнилов Б.П. 431
 Короленко В.Г. 317
 Косолапов В.В. 444
 Костаки Г.Д. 293, 295
 Косыгин А.Н. 483
 Кот П. 272, 576
 Кочар Е. 414
 Кочеткова Т.В. 287
 Кратт И.Ф. 134
 Кремень П. 319
 Крестинский Н.Н. 442
 Кригер Е.Г. 112
 Кривицкий А.Ю. 70
 Крикун 124
 Кричевский А.М. 219
 Кричевский Л.Г. 100а
 Кричевский Э.Л. 100а
 Кручковский Л. 444
 Крымов Ю.С. 112
 Крючков Н.А. 55
 Кудашева-Роллан М.П. 13, 240, 494
 Купала Я. 129
 Купченко В.П. 2-5
 Лажечников И.И. 292
 Лазо А.С. 572
 Ланн Е.Л. 75
 Лансере Е.Е. 280а
 Лану А. 432
 Лапин Б.М. 23-25, 40, 115
 Ларин Ю.Н. 353
 Ларина А.М. 353

- Лашговичка Б. 198
 Лебедев В.В. 18, **572**
 Лебедев В.И. 402
 Лебедев И.К. **389**
 Лебедев П.И. 191
 Лебедева С.Д. 590
 Лебедев-Кумач В.И. 74
 Лебедева М.Н. 402
 Леви К. 278, 309
 Левик В.В. 155, **345**
 Левин Б.М. 387
 Левин Ф.М. **480**
 Левина (Киреева) М.Н. **80**, 314, 436, 439, 469
 Левитан Ю.Б. 428
 Леже Н. **492**
 Леже Ф. 414, 492
 Лекаш Б. 119
 Ле Корбюзье **163, 166, 169**
 Ленин В.И. 14а, 168, 273, 309, 376, 385, 395, 396, 442
 Леон М.-Т. **537**
 Леонов Л.М. **185b**
 Лермонтов М.Ю. 450
 Лесючевский Н.В. 371, 404
 Лехеров А. 47
 Лещинская М. 120
 Лещинская М.Н. 468
 Лещинский О.М. 468
 Либединская Л.Б. 234, **428**
 Либединский Ю.Н. 428
 Ливанов Б.Н. 242
 Лидин В.Г. **70**, 137, 197, **233, 237**, 441, **474**
 Линдсей Дж. 379
 Липшиц Б. **281**
 Липшиц Ж. 281
 Лисицкий Л.М. 484
 Лисицкая-Кюпперс С.Х. **584**
 Литвинов Максим М. 296, 396, 442
 Литвинов Мих.М. 442
 Литвинова А.В. 222а
 Литвинова Т.М. **32, 222а, 384, 396, 442, 567**
 Лифарь С. 308, **512**
 Лозовский С.А. 54, **64, 137**
 Локкарт Р.Г.Б. 442
 Ломоносов М.В. 40
 Лотман Ю.М. **413, 439**
 Лохвицкая М.А. 412
 Лубянникова Е.И. 7
 Луговской В.А. 38, 278
 Лукницкий П.Н. 61
 Луконин М.К. 143
 Лундберг Е.Г. **361, 363, 376, 377**
 Львович Д.О. 460
 Ляндрес С.А. **465, 510**
 Ляпунов А.А. 407
 Магарилл С.З. 29
 Майльстоун Л. **76**
 Майская А.А. 225
 Майский И.М. **60, 10, 225, 478**
 Макаров А.Н. 404
 Макарова Т.Ф. **552**
 Макасеев Б.К. 20
 Маккавейский В.Н. 392
 Малевич К.С. 484
 Малышко А.С. 411
 Мальро А. 16, 17, 19, 198, 277, 296, **491, 496, 520**
 Мамуд М. 118
 Мандель (Коржавин) Н.М. 236
 Мандельштам А.Э. **42**
 Мандельштам Е.Э. 372
 Мандельштам Н.Я. 42, 69, **81, 239, 247, 301, 423, 440, 462, 505**
 Мандельштам О.Э. 239, 301, 361, 365, 367, 368, 372, 432, 440, 456
 Манн Г. 123

- Манн Т. 123
 Маревна 2, 202, 308, 579
 Маркиш П.Д. 28, 87, 187, 243
 Маркиш Э.Е. 329, 591
 Марков А.Я. 382
 Маркс К. 461
 Марино А. 287
 Мартынов А.Е. 242
 Мартынов Л.Н. 82, 211, 278, 285, 286, 301а, 378, 395, 547
 Маршак С.М. 209
 Маршак С.Я. 201, 209, 278, 333, 418, 446
 Матисс А. 181, 231
 Матусовский М.Л. 140
 Маяковский В.В. 17, 66, 253а, 280а, 364, 378, 417
 Мдивани Г.Д. 45
 Межиров А.П. 213, 418
 Мейерхольд Вс.Э. 11, 12, 17, 18, 253а, 296, 362, 367, 368, 433
 Мелетинская Р.И. 142, 144
 Мелетинский Е.М. 142
 Мерас И.Е. 360
 Мерль Э. 323, 376, 377, 384
 Меркер П. 54
 Меркулов В.Л. 239
 Месхетели В.Е. 104
 Метгер И.М. 131
 Миллер Г. 178, 484
 Мильман В.А. 13, 24, 26, 63, 66, 180, 399
 Минц И.И. 312
 Митурич П.М. 62, 67
 Михалков С.В. 278
 Михоэлс С.М. 77, 173, 234
 Мицкевич А. 129
 Мовшенсон А.Г. 461, 469, 488
 Мовшенсон Ш.И. 155
 Модильяни А. 281, 319
 Молок Ю.А. 554
 Молчанов И.Н. 135
 Мольер 427
 Монтан И. 275, 524
 Монтень М. 361, 419
 Монтескье Ш.-Л. 304
 Мопассан Г. 65
 Моравиа А. 260, 288, 290
 Моравская М.М. 165
 Моран Р.Д. 135
 Морган К. 272
 Морковин В.В. 289
 Морозов А.Ф. 40, 55, 74, 79
 Москвин И.М. 104
 Мотовилова С.Н. 286, 364
 Муш А. 54
 Мэр Л. 482, 494, 501-503, 556
 Мэр Я. 556
 Назаров 148
 Найдич Е.А. 513
 Наровчатов С.С. 129, 143, 467
 Нежный И.В. 104
 Назым Хикмет 354, 456, 462
 Недошивин Г.А. 280а
 Незвал В. 183, 198, 376, 378
 Некрасов В.П. 286, 336, 366, 399, 479, 546
 Некрасов Н.А. 223
 Некрасова З.Н. 479, 546
 Некрасова К.А. 69
 Неру Дж. 290а
 Неруда М. 557
 Неруда П. 198, 224, 235а, 243, 557
 Нива Ж. 435
 Никитин Н.Н. 356
 Новомеский Л. 182
 Нусинов И.М. 87, 185а

- Оболенская Ю.Л. 5
 Образцов С.В. 185с, 201, 562
 Овечкин В.В. 278
 Озеров Л.А. 565
 Оксман Ю.Г. 349, 362, 570
 Олендер П.М. 112
 Олеша Ю.К. 365
 Ольховой Б.С. 12
 Орлов В.Н. 134, 390, 404
 Ортенберг Д.И. 47, 48, 51, 85, 214
 Осмеркин А.А. 226
 Осмеркина Н.Г. 555
 Островский, студент 404
 Островский А.Н. 242
 Ошерович Г.Ш. 487
- Павлов В.В. 365
 Павлова К.К. 412
 Пайетта Дж. 504а
 Пайлини Б. 298
 Пайлини М.О. 298
 Палецкис Ю.И. 186, 514
 Панова В.Ф. 244, 476
 Панферов Ф.И. 70
 Папоров Ю.Н. 283
 Пармелен Э. 276, 519
 Парнис А.Е. 399
 Паскевич И.Ф. 129
 Пастернак Б.Л. 17, 19, 40, 206, 278, 280а, 285, 289, 358, 361, 362, 364, 374, 375, 395, 402, 409, 418
 Пастухов П.Г. 365
 Паустовский К.Г. 58, 273, 378, 404, 463, 485
 Перлин 392
 Пети Э. 535
 Петрарка Ф. 368
 Петров Е.П. 45, 112, 135
 Петров И.Е. 114
- Петрова А.М. 4
 Петрова Н.Г. 200
 Пикассо Ж. 518
 Пикассо П. 119, 204, 207, 276, 280, 283, 318, 353, 391, 399, 414, 482, 492, 518, 579
 Пиньон Э. 276, 519
 Пирожкова А.Н. 453
 Пиросмани Н. 417, 495
 Писахов С.Г. 197
 Письменная С.С. 130
 Плеханов Г.В. 14а
 Плутарх 263
 Плучек В.Н. 253а
 Поврозник Х. 122
 Подгаецкий М.Г. 11
 Полевая Ю.Б. 371
 Полевой Б.Н. 260, 282, 309, 371, 585
 Поликарпов Д.А. 453
 Полонская Е.Г. 71, 79, 102, 155, 266, 292, 314, 367, 379, 380, 403, 415, 419, 424, 436, 439, 448, 449, 454, 461, 469, 488
 Полонский А.М. 449, 454
 Полонский М.Л. 454
 Полотовский 152
 Поляк Г.В. 120
 Помернац Г.С. 130
 Попов В.В. 13, 165
 Потапов Н.С. 73
 Потье Э. 301
 Поспелов П.Н. 28
 Прегель С.Ю. 157, 386
 Прокофьев А.А. 134, 278
 Прокофьев С.С. 98, 167, 188, 215, 229, 458
 Проппер М.С. 2
 Проппер С.М. 2
 Прудкин М.И. 104
 Пудовкин В.И. 143

- Пузин Н.Н. 312
 Пуни И.А. 391
 Пуни К.Л. 391
 Пухов Н.П. 73
 Пушкин А.С. 1, 237, 280а, 308, 405
 Пьювенс Г. 573
- Равич Н.А. 394
 Радек К.Б. 198
 Разумовская С.Д. 447
 Райнис Я. 129
 Райх З.Н. 12
 Ракитский (Ракитцкий) И.Н. 2
 Раневская Ф.Г. 481, 511
 Раскольников Ф.Ф. 394, 447
 Раскольников-Кашивез М.В. 394
 Ратницкий А.Д. 490
 Рахманинов С.В. 76
 Рачек И.П. 391
 Рашковская М.А. 69
 Редько К.Н. 221
 Рейзин С.Б. 18
 Ремизов А.М. 376
 Ренар Л. 310, 315, 373
 Ренн Л. 54, 126
 Ренуар О. 207, 277
 Ривера Д. 202, 283
 Ровинский Л.Я. 127
 Родзевич К.Б. 374
 Родченко А.М. 484
 Рождественский Р.И. 278
 Розенберг П. 414
 Рокоссовский К.К. 338, 431, 461а
 Роллан Р. 13, 240, 280а, 281, 494
 Рольникайте М.Г. 566
 Ронсар П. 65
 Ростовский С.Н. (Э.Генри) 389, 486
- Рот Й. 384
 Рошаль Г.Л. 222
 Руа К. 224, 272, 275, 279
 Рубашкин А.И. 254а
 Рубинштейн Дж. 423
 Рузвельт Ф.Д. 442
 Руссо Ж.-Ж. 361
 Рябов 47
- Саакянц А.А. 390, 404
 Савицкая В.М. 385
 Савич А.Я. 24, 118, 407, 441, 513
 Савич О.Г. 24, 253а, 377, 399, 407, 441, 446, 501, 513
 Садовский П.М. 242
 Садуль Жак 296
 Садуль Жорж 296
 Сальман М.Г. 15, 149, 156, 171, 172, 582
 Самойлов Д.С. 129
 Саррот Н. 400, 525
 Сартр Ж.-П. 253а, 279, 398, 435, 447, 451, 452
 Сарьян Л.Л. 472, 561
 Сарьян М.С. 220, 228, 299, 305, 446, 472, 561
 Саянов В.М. 134
 Свердлин Л.Н. 100
 Светлов М.А. 50
 Светоний Г.Т. 263
 Свидерский А.И. 12
 Северин 119
 Сегер П. 435
 Сезанн П. 207, 282
 Сейферт Я. 326
 Сейфулина Л.Н. 122, 135, 205
 Сельвинский И.Л. 89, 152, 195, 273, 280а, 327, 365, 418
 Семенов Ю. 465
 Сергеев А.Я. 311

- Сергиевская М.Я. 259
 Сервантес М. 40
 Серебровская Е.П. 259, 300
 Серени Э. 199
 Сефербеков А. 25
 Сидур В.А. 457
 Сименон Ж. 323
 Симонов К.М. 112, 156, 159, **174**,
 176, **177**, **179**, **185b**, 195, 235a,
 242, 253, 278, 280a
 Синклер Э. 11
 Синко Э. 460
 Синьоре С. 275, **524**
 Синявский А.Д. 280a
 Скриб Э. 422
 Скрябин А.Н. 9
 Слоним И.Л. **32**, 442
 Слуцкий Б.А. 266, 267, 273, 278,
 285, 286, 289, 311, **381**, 418, 467
 Слюсарев С.В. **148**
 Смеляков Я.В. 278
 Соболев А.М. 26
 Соболев М.А. **26**
 Соболев (Бахмутская) Р.С. 26
 Солженицын А.И. 406, 417, 460,
 486
 Сологуб Ф.К. 379
 Sommer Я.И. 6, **316**, **320**
 Сориа Ж. **559**
 Сорокина (Шмидт) Е.О. 403,
 579
 Сосинский В.Б. 307
 Софронов А.В. 294
 Спиридонова Е.И. 100a
 Ставский В.П. 18, 28, 204a
 Сталин И.В. 14, 52, 55, 115, 130,
 145, 185a, 204, 204a, 235a, 273,
 280a, 290, 363, 395, 396, 442, 447,
 459, 460, 465, 486
 Сталина (Аллилуева) С.И. **280a**
 Стариков Д.В. 381
 Стейнбек Дж. **441a**
 Стендаль 65, 280a, 287, 289, 400
 Степанян А. **588**
 Степанова А.О. 230
 Столярова Н.И. 280a, 289, 372,
 385, 390, 410, 431, 433, 434, 457,
 462, 466, 483
 Стоу Л. **117**, **156**
 Страда В. 286
 Страшун И.Д. **94**
 Стронгин Л.И. 465
 Суворов А.В. 143
 Сувчинский П.П. **167**
 Судоплатов П.А. 394
 Суок С.Г. 545
 Суриц Е.Я. **571**
 Суриц Я.З. 135, 442
 Сурков А.А. 28, 223
 Сутин Х. 319
 Сыркина Ф.Я. 543
 Табидзе Т. 363, 368
 Тагор Р. 280a
 Таиров А.Я. 45, 58, **68**, 179, 191,
 201, 367, 422, 470
 Таламини А. 155, 488
 Талов М.В. **319**, **427**, **509**
 Тарасенков А.К. **17**, **65**, 250, 261
 Татлин В.Е. 484
 Тауфер И. **583**
 Твардовский А.Т. 273, 285, 286,
 308, **334**, **378**, **395**, **406**, **446**, 486,
504, 527, **585**
 Твен М. 468
 Тед 306
 Тейге К. 326
 Терешкин В.П. 235
 Тери С. **526**
 Тескова А. 289
 Тецфи 412

- Тимофеев Н.Н. 483
Тихонов Н.С. 28, 185b, 198
Тит 442
Толкачев З.Ш. 175
Толстая Л.И. 49, 568
Толстой А.Н. 49, 79, 135
Толстой Л.Н. 20, 280а, 312, 360, 374
Тоуардс 306
То Хью 307
Трауберг Л.З. 29
Триоле Э. 231, 287, 292, 305, 313, 582
Тришкин Т.И. 57
Трнка И. 246
Тропольский Г.Н. 486
Трубецкой П.П. 280а
Трумэн Г. 442
Труханова Н.В. 39
Трухачев А.Б. 267
Тувим Е. 201
Тувим С. 201, 223, 577
Тувим Ю. 21, 116, 158, 201, 223, 303, 378, 383, 386, 454
Тугендхольд Я.А. 365
Тургенева 312
Тычина П.Г. 107, 120
Тынянов Ю.Н. 444, 486
Тышлер А.Г. 18, 543
- Удальцова Н.А. 291
Уманская В.А. 138
Уманская Н.К. 138
Уманская Р.М. 126
Уманский Д.А. 138
Уманский К.А. 54, 126, 135, 138, 396, 419
У Ну 280а
Утевская П.В. 399
Уткин И.П. 122
- Ушаков Н.Н. 392, 563
Уэллс Г. 60, 306, 396
- Фаворский В.А. 346
Фадеев А.А. 28, 38, 185а, 185b, 230, 235, 239, 280а, 387, 395, 446, 450, 456, 462, 486
Файнберг Б.М. 122
Фальк Р.Р. 253а, 396
Фарж И. 224
Фаржетт 270, 528
Фаст Г. 238
Федин К.А. 122, 235, 446, 453, 548
Федорченко С.З. 365
Федулов А. 48
Фейхтвангер Л. 123, 241
Фельтринелли Дж. 278
Фефер И.С. 33, 77, 173, 243
Филлипс М. (Марика) 202, 308, 579
Филлипс Р. 202
Флаксер М. 243
Фор Л. 529
Фор П. 1
Фор Э. 529
Форш О.Д. 134, 280
Фотинский С. 310, 315, 373, 441
Фофанов К.М. 409
Фофанова-Устинова Е.К. 409
Фрадкина Е.М. 505
Фраерман Р.И. 112
Франс А. 43, 65, 129
Фревиль Ж. 301
Фрезинский Б.Я. 1, 13, 14а, 18, 27, 44, 58, 69, 72, 82, 84, 114, 131, 153, 157, 170, 204, 280а, 310, 356, 381, 386, 392, 426, 439, 458, 468, 491, 496, 500
Фридман С.Л. 392

- Фурцева Е.А. 305
- Хазин Е.Я. 42, 63, 505
 Хазины 301
 Халифман Э.А. 120
 Хацревин З.Л. 24
 Хачатрянц Я.С. 379
 Хаютина (Гладун) Е.С. 432а
 Хаютина Н.Н. 432а
 Хелман Л. 76, 198
 Хемингуэй Э. 162, 284, 353, 449, 466
 Хентова 389
 Херасси Ф. 161
 Хлебников В.В. 17, 18, 380
 Хмелев Н.П. 104
 Хмелевский В.А. 388, 393
 Ходасевич В.М. 348
 Ходасевич В.Ф. 3, 386
 Храпченко М.Б. 74, 173, 191
 Хренков Д.Т. 59
 Хрущев Н.С. 268, 364, 420, 436, 450, 486, 497
- Цадкин О. 308
 Цветаев И.В. 265, 267, 404, 463
 Цветаева А.И. (Ася) 267, 325, 340, 358, 372, 404, 408-410, 463, 490
 Цветаева В.И. 265, 267, 404, 463
 Цветаева М.И. 2, 7-10, 249, 250, 259, 261, 265, 267, 278, 289, 312, 325, 358, 372, 374, 390, 402, 404, 408, 409, 412, 490
 Цветеремиш П. 278, 285, 539
 Цетлин М.О. 389
- Чабров А.А. 9, 250
- Чагин П.И. 71
 Чаковский А.Б. 268, 284
 Черняховский И.Д. 73, 90, 124
 Черчилль К. 454
 Черчилль У. 50, 442
 Чехов А.П. 280а, 296, 306, 308, 317, 322, 364, 387
 Чеховская И.Ю. 444, 497
 Чичибабин Б.А. 418
 Чуковская Л.К. 174
 Чуковский К.И. 332, 498, 583
- Шагал И.М. 160
 Шагал М.З. 153, 160, 170, 173, 251, 252, 293, 295, 522
 Шагинян Мар.С. 379
 Шагинян Мар.С. 108, 379, 485
 Шаламов В.Т. 486, 493, 499
 Шаналь (Монробер) Д. 119
 Шахурин А.И. 138
 Шацкина Е.О. 42
 Шварц Е.Л. 131, 271
 Шевлогин С.И. 265
 Шевченко Н.Н. 483
 Шекспир У. 1
 Шелепин А.Н. 282
 Шестопал В.М. 49
 Шефнер В.С. 59
 Шимкевич А. 281
 Шимкевич С. 281
 Шифрин Н.А. 111, 184, 347
 Шишков А.А. 1
 Шишков В.Я. 96
 Шкапская М.М. 137
 Шкловская В.Г. 462
 Шкловский В.Б. 217, 545
 Шкодина А.А. 258, 402, 434
 Шнеерсон Г.М. 167
 Шпанов Н.Н. 465
 Шолом-Алейхем 397, 489

- Шолохов М.А. 24, 254а
 Шостакович Д.Д. 18, 78, 214а, 256, 337, 458, 473, 544
 Шоу Б. 198
 Штеренберг Д.П. 18
 Штут С.М. 278
 Шуб Э.И. 30, 446
 Шуман Р. 204а
 Шухаев В.И. 377
 Шухаева В.Ф. 377, 590
 Шухов И.П. 456, 462
- Щеголева И.В. 34
 Щепкин М.С. 242
 Щербаков А.С. 16, 19
 Щипачев С.П. 508
 Щипачева И.В. 106, 429а
- Эбютерн Ж. 319
 Эйзенштейн С.М. 105, 178, 278
 Эйснер А.В. 388
 Эйхенбаум Б.М. 136, 222, 350
 Эйхенбаум И. 136, 586
 Эйхенбаум О.Б. 350, 416
 Экстер А.А. 111
 Эллена В. 168
 Элюар П. 408-410
 Эль-Греко 377
 Эмин Г. 581
 Эрберг О.Е. 56, 185
 Эренбург Из.Г. 2, 7, 468
 Эренбург И.И. (Ирина) 13, 24, 25, 32, 65, 115, 119, 121, 128, 137, 160, 174, 194, 202, 263, 352, 372, 373, 395, 423, 427, 441, 501, 502, 507, 508, 509, 511, 513, 514, 526, 580, 582
 Эренбург И.Л. 468
 Эренбург-Манатти Н.Л. 468, 580
 Эренбург М.Г. 7
 Эрмлер Ф.М. 29
 Эрнст М. 484
 Эррио Э. 150, 248
 Эсторик 397
 Этар М. 13
 Эфрон А.С. (Аля) 7, 8, 249, 250, 255, 258, 259, 261, 265, 267, 289, 307, 312, 352, 358, 374, 385, 390, 402, 404, 412, 434, 463, 490
 Эфрон Г.С. (Мур) 410
 Эфрон С.Я. (Сережа) 7, 9, 167, 259, 374, 410
- Юдина М.В. 429, 560
 Юткевич С.И. 351
- Якобсон Р.О. 326, 500, 589
 Яковлева Н.Г. 372
 Яшвили П. 363, 368
 Яшин А.Я. 421, 495
- Hentzen A. 295
 Juanita 117
 Rubenstein J. 420, 423
 White L. 117

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б. Фрезинский. Эхо признаний</i>	5
1916	32
1917	34
1920	40
1921	41
1922	45
1924	50
1930	51
1933	53
1934	54
1935	56
1936	61
1939	69
1941	72
1942	77
1943	120
1944	145
1945	191
1946	217
1947	231
1948	238
1949	247
1950	254
1951	260
1952	277
1953	282

1954	293
1955	299
1956	309
1957	339
1958	362
1959	372
1960	385
1961	414
1962	480
1963	519
1964	553
1965	575
1966	596
1967	620
<i>Приложение</i>	663
<i>Именной указатель</i>	666

«Я СЛЫШУ ВСЁ...»

**Почта Ильи Эренбурга
1916–1967**

Редактор *О. Булаева*
Компьютерная верстка *Г. Егорова*

ИД № 03974 от 12.02.01 г.

Подписано в печать 05.04.06. Формат 84x108/32
Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman Суг»
Усл.-печ. л. 36,12. Тираж 1000 экз. Заказ № 4483.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

Я слышу всё... : почта Ильи Эренбурга, 1916-1967 /

Я11 изд. подгот. Б.Я. Фрезинский. – М. : Аграф, 2006. – 688 с., [16] с. ил. – ISBN 5-7784-0331-3

И. Фрезинский, Борис Яковлевич, сост.

Агентство СІР РГБ

Эта книга – собрание избранных писем, полученных Ильей Эренбургом в 1916–1967 годах. Среди них очень мало довоенных – их Эренбург сжег в Париже в 1940 г. (сохранились лишь черновые варианты нескольких писем Брюсова, Волошина и Цветаевой). Но зато архив Эренбурга начиная с 1940 г. был богатейшим. Среди адресатов писателя – выдающиеся деятели мировой культуры XX века, крупные общественные и политические деятели: Брюсов, Ахматова, Н.Я. Мандельштам, Б. Пастернак, Твардовский, К. Симонов, Бродский, В. Гроссман, Паустовский, Шварц, Каверин, Казакевич, В. Некрасов, Ю. Домбровский, В. Шаламов, А. Эфрон, Шкловский, Яacobсон, Эйхенбаум, Лихачев, Эткинд, Вяч. Вс. Иванов, Ю. Лотман, Ф. Вигдорова, Мейерхольд, Таиров, Коонен, Ф. Раневская, Эйзенштейн, Прокофьев, Шостакович, Бухарин, Коллонтай, Рокоссовский, Пикассо, Шагал, Сарьян, Ле Корбюзье, Хемингуэй, Стейнбек, Сартр, Ж.-П. Блок, Арагон, Кокто, Мальро, Веркор, Сименон, Моравиа, Фейхтвангер, Амаду, Неруда и многие другие.

В книгу включены также избранные письма родных, любимых женщин, фрагменты военной и депутатской почты. Последний раздел книги составляют письма сочувствия, адресованные жене и дочери Эренбурга после его кончины.

Эренбург, Илья Григорьевич.

Письма. Т. 1. 1908–1930. «Дай оглянуться...». В 2 т. / Изд. подгот. Б.Я. Фрезинским. – М.: Аграф, 2004. 624 с., [16] с. ил.

Эпистолярное наследие Ильи Эренбурга издается впервые и включает как письма, разбросанные по труднодоступной периодике, так и публикуемые здесь в первый раз.

Судьба писателя сложилась так, что он оказывался в эпицентре самых значимых событий своего времени, поэтому письма, расположенные по хронологии, дают впечатляющую панораму войн и революций, расцвета искусства мирового авангарда. В то же время они содержат уникальный материал по истории литературы, охватывая различные политические эпохи.

Первый том включает 600 писем 1908–1930 гг., когда писатель большей частью жил за границей (в Париже, в Берлине, снова в Париже); это практически полный свод выявленных ныне писем Эренбурга тех лет. Письма адресованы русским и иностранным поэтам, писателям, художникам, деятелям театра и кино, известным политикам.

Издание содержит обширный научный аппарат.

Эренбург, Илья Григорьевич.

Письма. Т. 2. 1931–1967.

«На цоколе историй...». В 2 т. /

Изд. подгот. Б.Я. Фрезинским. – М.: Аграф, 2004.

640 с., [16] с. ил.

Второй том включает более 600 писем И. Эренбурга периода 1931–1967 гг. Расположенные хронологически, они содержат уникальный материал о Европе 1930-х гг., о войне в Испании и об Отечественной войне 1941–1945 гг., об эпохах сталинской диктатуры и хрущевской оттепели. Почта Эренбурга была огромна, поэтому в круг его адресатов входят не только видные деятели мировой культуры и политики, но и фронтовики, читатели, избиратели. Книга рассказывает о жизни и деятельности писателя, о его планах, надеждах, драмах, ошибках и удачах, о его сопротивлении тоталитаризму. Большая часть писем публикуется впервые.

Издание содержит обширный научный аппарат.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АГРАФ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
КНИГИ

Для тех, кто знает...

**Философия, литературоведение,
история, психология, культурология,
искусство, энциклопедии, словари,
справочники.**

Художественная литература

Книги издательства «АГРАФ» оптом и в розницу
можно приобрести в издательстве, а также
заказать наложенным платежом по адресу:

**129343, г. Москва,
пр-д Серебрякова, д. 14, стр. 15**

**E-mail: agraf.ltd@ru.net
<http://www.ru.net/~agraf.ltd>**

**т./ф. 518-97-98
т. 518-97-99**

